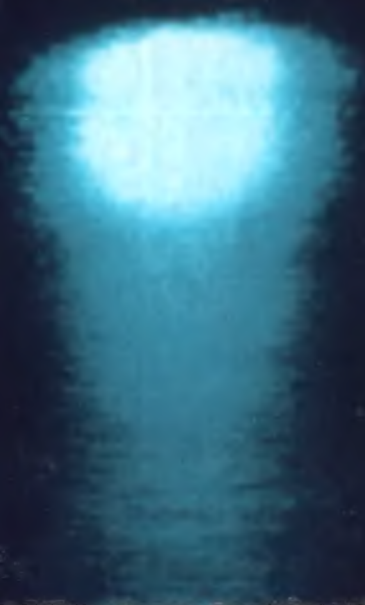

И. С. Кон

лики и маски
однополой любви

лунный свет
на заре

И. С. Кон

ЛИКИ И МАСКИ ОДНОПОЛОЙ ЛЮБВИ

лунный свет
на заре

ИЗДАТЕЛЬСТВО Олимп
Москва
2003

УДК 616.89
ББК 88.37
К64

Институт этнологии и антропологии РАН

Подписано в печать 13.09.2002 г. Формат 84х108^{1/32}. Гарнитура «Таймс»
Усл. печ. л. 30,24. Тираж 5 000 экз. Заказ № 71
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 – литература научная и производственная
Гигиеническое заключение № 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.01

Кон И. С.
К64 Лики и маски однополрой любви. Лунный свет на заре / И. С. Кон. — 2-с изд., перераб. и доп. — М.: ООО «Издательство «Олимп»: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 574[2] с.

ISBN 5-17-015194-2 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-8195-0836-X (ООО «Издательство «Олимп»)

Эта книга известного психолога и социолога И. С. Кона уникальна. В ней обобщаются современные данные об однополрой любви не только с позиций биологии и медицины, но и с точки зрения общественных и гуманитарных наук и психологии. Автор подробно рассматривает различные теории гомосексуальности, историю и этнографию однополрых отношений у народов мира, психологические особенности однополрой любви и эротики, проблемы однополрых браков и т. д. Подробно освещается история и положение инаколюбящих в современной России.

УДК 616.89
ББК 88.37

ISBN 5-17-015194-2 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-8195-0836-X (ООО «Издательство «Олимп»)

© ООО «Издательство «Олимп», 2002

© ООО «Издательство АСТ», 2002

Предисловие ко второму изданию

Вы вновь со мной, из-
менчивые тени...

Гете. Фауст

В свое время книга «Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви»¹ стала первым отечественным немедицинским исследованием однополой любви. Ее хорошо приняли читатели и до сих пор широко используют, со ссылками и еще чаще — без оных, другие пишущие на эти темы авторы.

Однако научные труды быстро устаревают. За последние годы в мировой науке появилось много новых данных о природе и истории гомосексуальности. Существенно расширился и объем информации, доступной российскому читателю, особенно в том, что касается историко-культурных сюжетов (Клейн, 2000; Ротиков, 1998). Настоящий прорыв совершен в гендерных исследованиях.

Быстро меняется социальное положение геев и лесбиянок во всем мире. Некоторые тенденции, вроде легализации однополых браков, которые в первой половине 90-х гг. были еще локальными и многим казались экзотическими, теперь приобрели общий характер. Большие позитивные сдвиги происходят в мировом общественном мнении. Наряду с этим в России в последние годы заметно активизировались реакционные антигомосексуальные силы, публичные выступления которых не встречают не только отпора, но даже политической и моральной оценки.

¹ Впервые — М.: «Олимп»; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998.

При подготовке второго издания я существенно переработал книгу. Прежде всего, обновлен фактический материал и круг источников; новые научные данные есть практически во всех разделах. Исправлены ошибки и уточнены многие формулировки. Обновлена и более рационально организована библиография; к сожалению, объем книги не позволяет указать все использованные источники, иногда приходится ограничиваться ссылками на обзорные статьи. Для облегчения труда читателя многие главы и разделы разбиты на более мелкие фрагменты, выделенные заголовками в тексте. Но больше всего мне хотелось добиться ясности в изложении главных идей книги.

Проблемы однополой любви изучаются учеными с разных сторон, причем научные вопросы неизбежно переплетаются с мировоззренческими.

Вообразите себе страну по имени Зомния, жители которой очень озабочены тем, как люди спят: на спине (их называют «спинниками») или на животе (их называют «животниками»). Большинство жителей Зомнии считаются «животниками». Тех, кто спит или подозревается в том, что спит на спине, до недавнего времени преследовали и дискриминировали. Большинство зомнийцев думают, что «спинников» можно узнать по внешнему виду и поведению: у них жесткая выправка и темная кожа, они вспыльчивы и агрессивны. Зомнийские ученые и психиатры изучают, что именно делает людей «спинниками». Одни утверждают, что спинность предопределена генетически, другие — что она зависит от отношений с родителями, третьи — что она связана с питанием в период полового созревания. Некоторые открытые «спинники» начали борьбу с дискриминацией и диффамацией и добились в этом определенных успехов, повлияв, в частности, на науку. Историки обнаружили, что некоторые выдающиеся зомнийцы были «спинниками». Это помогло «спинникам» добиться политического статуса «этнического меньшинства», хотя большинство зомнийцев по-прежнему относится к ним недоброжелательно.

Предположим, вы приехали в Зомнию и должны высказаться по поводу этих споров. Ваша первая реакция — сказать, что такая классификация смехотворна, дискриминация людей в зависимости от способа их сна безнравственна, а любые теории происхождения «спинности» ненужны. Но, может быть, привычка спать на спине или на животе действительно имеет генную природу? Тогда зомнийские теории могут иметь значение и для нас. То, что у нас нет понятий

«спинников» и «животников», само по себе не опровергает зомнийских теорий.

Не так же ли обстоит дело с сексуальной ориентацией?

Сочинителю этой притчи американскому философу Эдуарду Стайну (Stein, 1992) можно возразить: как люди спят, неважно, а вот с кем они спят, очень даже важно. Но ведь это тоже — смотря для кого и когда. Вопрос, креститься двумя или тремя перстами, в свое время вызвал в России церковный раскол. Когда в турпоездке меня поселяют в номере с мужчиной, его сексуальная ориентация мне безразлична, приставать к постороннему человеку он не станет. Зато если он спит на спине, это сильно повышает вероятность храпа, и, при всем моем уважении к храпунам, я предпочел бы другого соседа.

Поскольку сексуальная ориентация многомерна, а сексуальные предпочтения порой изменчивы и текучи, далеко не все люди могут однозначно определить свою сексуальную идентичность. Чтобы убедиться в этом, попробуйте заполнить Решетку сексуальной ориентации Клайна (PCOK).

Решетка сексуальной ориентации Клайна

Качество	Прошлое	Настоящее	Идеал
Сексуальное влечение			
Сексуальное поведение			
Сексуальные фантазии			
Эмоциональные предпочтения			
Социальные предпочтения			
Самоидентификация			
Стиль жизни			

Она включает 7 автономных шкал или параметров:

1. Сексуальное **влечение** (шкала гетеро/гомоэротизма): лица какого пола вас эротически возбуждают, привлекают в качестве потенциальных сексуальных партнеров?

2. Сексуальное **поведение** (шкала гетеро/гомосексуальности): каков пол ваших реальных сексуальных партнеров, с кем вы целовались, обнимались и совершали другие сексуальные действия?

3. Сексуальные **фантазии**: людей какого пола вы преимущественно воображаете в своих эротических мечтах и при мастурбации?

4. **Эмоциональные предпочтения** (шкала гетеро/гомофилии): с кем вы предпочитаете дружить, поддерживать тесные личные отношения, изливаться душой?

5. **Социальные предпочтения** (шкала гетеро/гомосоциальности): с лицами какого пола вы предпочитаете общаться, совместно работать, проводить свободное время?

6. **Самоидентификация**: как вы определяете свою сексуальную ориентацию, считаете ли вы себя гомо-, гетеро- или бисексуалом?

7. **Гетеро/гомо стиль жизни**: проводите ли вы свое свободное время преимущественно с людьми, которые считают себя гетеро-, гомо- или бисексуалами?

Каждое из этих качеств фиксируется в трех временных состояниях — в прошлом (5 лет назад), настоящем (за последний год) и в идеальном, желательном будущем.

Чтобы измерить свою сексуальную ориентацию, скопируйте Решетку Клайна и заполните каждую из 21 ячейки цифрами от 0 до 6. 0 означает, что ваше сексуальное влечение, поведение, фантазии и т. д. были, есть или должны быть в идеале ориентированы исключительно на людей противоположного пола; 1 — что они направлены главным образом на лиц противоположного пола, но иногда и своего пола; 2 — что в вашем эротическом воображении и т. п. преобладают лица другого пола, но представители своего пола также играют заметную роль; 3 — что ваши влечения, сексуальные контакты и т. п. разделены примерно поровну между лицами другого и своего пола; 4 — что в них преобладают лица своего пола, но люди другого пола также играют важную роль; 5 — прямая противоположность 1; 6 — что ваши влечения, поведение и т. п. направлены исключительно на лиц собственного пола. Эта шкала не предусматривает полной асексуальности; поэтому, если у вас нет никаких сексуальных влечений, поведения или фантазий, сделайте в соответствующей графе пробел (-).

Ваши показатели по разнымшкалам наверняка окажутся неодинаковыми. Вы можете подсчитать их отдельно, сложив свои баллы по 3 колонкам и затем разделив итог на 3. Чтобы вычислить общий балл своей гетеро/гомосексуальности, сложите все показатели по всем графам и разделите итог на общее число заполненных граф (21 или меньше). Не смущайтесь, если результаты окажутся противоречивыми: научные категории условны и не поддаются строгому разграничению, да и сами наши чувства сплошь и рядом неоднозначны.

Сделали? Отлично. Даже если вы не узнали ничего нового о своей сексуальной ориентации, вы выяснили, что определить, как говорили когда-то советские социологи, «кто есть who», даже применительно к самому себе, не так-то просто. А ведь есть еще вопросы «почему», «зачем», «где», «как», «кто виноват» и «что делать».

Будучи междисциплинарной, моя книга состоит из трех частей.

Первая часть «В лабиринтах познания» подразумевает вопрос — что и откуда мы знаем об однополой любви? Это самая трудная часть книги, читать ее нужно очень внимательно. Читатель, которого интересуют только выводы, может ее опустить. Но если вы не хотите вдуматься в логику научного поиска и понять критерии научной достоверности, вы обречены верить автору на слово. Не мне, так кому-то другому. Это ваше право, но лично я предпочитаю скептиков.

Вторая часть книги «Сквозь пространство и время» посвящена социально-историческим, культурным аспектам однополой любви. Как общество, культура структурируют, категоризируют, символизируют и передают из поколения в поколение гомосексуальное желание? Почему в одних обществах гомосексуалов презируют и преследуют, а в других к ним относятся нейтрально и даже восхищаются ими? От чего зависит изменение соответствующих социальных установок, стереотипов и предубеждений?

Третья часть «Я и другие» по преимуществу психологическая. Как человек становится геем или лесбиянкой и с какими проблемами он при этом сталкивается? Какими групповыми особенностями обладают эти люди, их стиль жизни, эротика и т. д.? И каково будущее сексуальных меньшинств в нашем быстро меняющемся мире?

Как и первое издание, книга рассчитана и на профессионального, и на массового читателя. Она раскрывает далеко не все вопросы темы.

Первое предметное ограничение касается женщин. Лесбийской любви посвящен огромный и быстро растущий поток философской и научной литературы, который отчасти представлен и в российских гендерных исследованиях (см., например, Введение в гендерные исследования, 2001). В этой книге я смог осветить лишь наиболее важные, преимущественно сексологические аспекты темы. Но поскольку российские женщины, независимо от их сексуальной ориентации, сегодня заметно опережают мужчин по темпам соци-

ального развития и уровню теоретической рефлексии, уверен, что они разберутся в этих тонких вопросах глубже, чем это мог бы сделать я.

Второе ограничение касается философских проблем сексуальности, особенно постмодернизма. По складу мышления и характеру образования мне ближе традиционный социологический подход. Феминистские и квир-теории изложены в книге суммарно, заинтересованному читателю придется восполнить этот пробел самостоятельно.

Первое издание этой книги стало возможным благодаря индивидуальному гранту Фонда Джона и Кэтрин Макаргуrow, а также помощи Немецкой службы научных обменов (DAAD) и ряда немецких университетов; особенно помогли мне профессор Гунтер Шмидт (Гамбург) и Рюдигер Лаутман (Бремен). Университет Южной Калифорнии и Институт ONE / Международный геевский и лесбиянский архив предоставили мне возможность в течение нескольких месяцев изучать материалы, которых я не мог бы достать в другом месте. Многолетнее членство в Международной академии сексологических исследований и в редколлегиях ведущих международных сексологических журналов («Archives of Sexual Behavior», «Zeitschrift für Sexualforschung», «Journal of Homosexuality», «Journal of the History of Sexuality», «Sexualities», «Men and Masculinities») и участие в ряде международных научных конгрессов также помогает быть на уровне мировой науки. В подготовке второго издания книги мне помогли советами и критическими замечаниями Н. С. Горелов и Н. А. Иванов.

Всем этим лицам и учреждениям, а также директору издательства «Олимп» М. С. Каминскому я выражаю искреннюю благодарность.

*Игорь Кон
Москва, февраль 2002*

Часть 1

В ЛАБИРИНТАХ ПОЗНАНИЯ

У

1-1. ОТ ОТВЕТОВ К ВОПРОСАМ

О чем невозможно говорить, о том
следует молчать.

Людвиг Витгенштейн

Мы выучили все возможные ответы,
Но мы не ведаем, в чем состоит вопрос.

Арчибальд Маклиш

Люди, которых сексуально влечет к представителям собственного пола, существовали всегда и везде, и это нередко вызывало у других смущение и недоумение. В христианской Европе однополую любовь именовали «неназываемым пороком», «педерастией» или «содомией». Все эти слова имеют долгую историю (Dynes, 1985).

СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА...

Педерастией (от греческого *paides* — ребенок) древние греки называли мужскую любовь к мальчикам-подросткам. В современной сексологии педераст — «старший мужчина, имеющий анальное сношение с допубертатным мальчиком или с мальчиком в начальной стадии полового созревания» (Франсоеур, 1995, р. 470). Партнера, выполняющего пассивную, рецептивную (от латинского «рецепция» — принятие, восприятие) роль, педерастом назвать нельзя.

Однако обыденная речь с нормами научного языка не считается. Начиная с XVI в. педерастами в Европе называли всех занимающихся анальным сексом мужчин, а в русском уголовном жаргоне значение слова вообще перевернуто: педерастами (педерами, педерасами, педиками, педрилами, пидарами, пидарасами) называют именно тех, кто выполняет рецептивную, «женско-детскую» роль. «Опедерастить» — значит изнасиловать через задний проход.

«Содомией» (от упоминаемого в Библии города Содома) в Средние века называли любой «неестественный» половой акт: сношение с людьми собственного пола или с животными, анальные или оральные контакты, позицию «женщина сверху» и т. п. Чаще всего «содомитами» называли мужчин-мужеложцев. Мальчиков или юношей, находившихся на содержании или занимавшихся проституцией с мужчинами, начиная с эпохи Возрождения, называли катамитами (искаженное имя Ганимеда, мифологического греческого мальчика, возлюбленного Зевса)¹. В древнерусском церковном праве, наряду с понятием «содомии», подразумевавшим любые анальные сношения, а также секс с животными, существовали «мужеблудие» — сексуальный контакт между мужчинами (чаще всего взаимная мастурбация) и «мужеложство», подразумевавшее исключительно анальные сношения. В этом значении термин «мужеложство» в дальнейшем вошел в русское и советское уголовное право. Занимавшихся этим мужчин, независимо от их сексуальных позиций, называли содомитами, мужеложцами или мужеложниками.

¹ В старофранцузском, а затем и в английском языке синонимами содомии были слова *bougerie* и *bugger*, а синонимом содомита — французское *bougre* (от него происходит и жаргонное русское «бугор»), от искаженного латинского *bulgarus* (болгарин). При чем тут болгары? Вообще говоря, все народы приписывают странные или осуждаемые явления другим. В России часто называют однополый секс армянским, армяне приписывают его мусульманам-азербайджанцам, во Франции его называли сначала итальянским или флорентийским, а затем английским пороком и т. п. Но дело не только в этом. В средневековой Болгарии зародилась еретическая секта богумилов, перекочевавшая под именем альбигойцев или катаров в Южную Францию. Католическая церковь приписывала им, как и многим другим сектам, совершение ритуальных анальных контактов, отождествляя «неправильную»

Более новое и нейтральное русское название — «голубые». Этимология и история его не изучены. Одни связывают его с ласковым обращением «голубь», «голубчик», другие — с претензией на аристократизм («голубая кровь»), третьи утверждают, что он пришел в обыденную речь из уголовного сленга (а как он там возник?) в 1950-х гг. Среди цветов, символически обозначавших в разных культурах однополую любовь, голубой цвет вроде бы не значится (Dynes, 1990), однако гомосексуальные районы Парижа когда-то назывались «голубыми», а альбом-монография об отражении однополый мужской любви в литературе и изобразительном искусстве называется *L'Amour bleu* (Beurdeley, 1977).

Может быть, налицо ассоциация с голубоватым, сумеречным цветом луны, которую иногда считали покровительницей мужской любви? Известный русский писатель В. В. Розанов даже назвал свою знаменитую книгу «Люди лунного света» (Розанов, 1913). Но эти ассоциации слишком тонкие и интеллигентские, чтобы послужить основой жаргонного наименования.

Слов, обозначающих женскую однополую любовь, меньше. В Древнем Риме женщин, имевших сексуальные связи с женщинами, называли **трибадами** (от греческого глагола «трибейн» — тереть), подразумевая, что они получают сексуальное удовольствие от трения о тело другой женщины (отсюда позднейший термин — трибадизм). В новое время появляются термины «сапфическая» (сафическая) или «лесбийская любовь», производные от име-

сексуальность с религиозной ересью. Французское слово *bougre*, как и возникшие на его основе испанское *bujaaron*, итальянское *buggerone* и немецкое *puseran(t)*, оставались чисто житейскими, бытовыми словами. В старофранцузском языке слово *bougre* обозначало также ростовщика. Это отождествление — еретик-содомит-ростовщик — связано с древним представлением, что, хотя ссужаемые деньги приносят прибыль, сами они, в отличие от земли, бесплодны, а связанная с денежным обменом деятельность так же противоестественна, как однополая любовь. В Англии слово *buggerу* в 1553 г. стало юридическим термином для обозначения «противоестественного» секса: совокупления с человеком собственного пола или с животным. В дальнейшем оно стало трактоваться главным образом как анальная интромассия, пол сексуального объекта значения не имел.

ни древнегреческой поэтессы Сафо и острова Лесбос, на котором она жила.

С появлением научной сексологии ученые стали искать более строгие и неосвоенные наименования однополой любви. Немецкий юрист и публицист Карл Генрих Ульрихс предложил называть однополую любовь «уранизмом», по имени древнегреческой богини Афродиты Урании («небесной»), дочери мужского божества Урана, которую Платон, в противоположность Афродите Пандемос («всемирной»), покровительнице любви к женщинам, считал покровительницей однополой любви. Мужчин, носителей этого чувства, Ульрихс называл урнингами, а женщин — урниндами. Однако эти слова в науке не прижились.

Больше повезло термину «гомосексуальность». Греческая приставка *homo* обозначает сходство, единство, принадлежность к одному и тому же, в отличие от приставки *hetero-* («другое», «иное»). В сочетании с латинским словом *sexualis* (половой) эти две приставки позволили разграничить направленность эротического влечения на людей собственного пола (гомосексуальность) или другого пола (гетеросексуальность). Характерно, что слово «гомосексуальность» появилось раньше, чем «гетеросексуальность». Затем, с помощью приставки *bi-* («два», «оба»), возник континуум: гетеросексуальность–бисексуальность–гомосексуальность. Впрочем, термин «бисексуальность» для обозначения двуполости, обладания как мужскими, так и женскими половыми органами, появился в ботанике, применительно к растениям, еще в начале XIX в.

В начале XX в. слова «гомосексуальный», «гомосексуал» и их производные прочно вошли в научную и в быденную речь. Гомосексуальностью называется влечение к представителям собственного пола, гетеросексуальностью — к представителям противоположного пола и бисексуальностью — смешанное влечение, объектами которого могут быть как мужчины, так и женщины.

Между прочим, в русском языке смысловое, семантическое неравенство «гомо» и «гетеро» выражено сильнее, чем в английском, французском и немецком. Употребляемый в тех языках термин «гомосексуальность» имеет точный аналог в «гетеросексуальности». Слово «гомосексуализм» звучит сильнее, потому что «гетеросексуа-

лизм» не бывает, а всякий «изм» — что-то странное и подозрительное. То же самое — с окончанием «ист». По-английски и по-французски можно сказать о человеке, что он гомосексуал или гетеросексуал, прилагательное и существительное выражаются одним и тем же словом. В русском языке есть только слово «гомосексуалист», «гетеросексуалистов» нет. Лишнее безобидное окончание — и уже дискриминация!

С появлением «гомосексуальности» терминологическая эпопея не закончилась. Чтобы преодолеть оскорбительную для них «медикализацию», западноевропейские и американские гомосексуалы в 1950-х гг. нашли себе другое самоназвание — «гей» (gay). В провансальском наречии XIII—XIV вв., на языке трубадуров, это слово обозначало куртуазную рыцарскую любовь, которая нередко была однополый, а также искусство поэзии и любви. В Англии XVII в. слово gay обозначало легкомысленного повесу — плейбоя, а применительно к женщинам (несколько позже) — проституцию (женщина легкого поведения — «веселая женщина»). В начале XX в. слово «гей» стало кодовым словом английской гомосексуальной субкультуры, а затем перекочевало в США, где из жаргонного обозначения мужской гомосексуальности превратилось в ее политический и идеологический символ. «Гей» (это прилагательное употребляется и как существительное) — не просто мужчина, которого сексуально влечет к мужчинам, но носитель особого самосознания, член соответствующей субкультуры, общины или организации, борец за свои гражданские права и т. д. В начале 1990-х гг. это слово получило распространение и в России.

Эмоциональная нагрузка слова зависит не столько от его происхождения, сколько от контекста. Одно из самых оскорбительных английских жаргонных названий гомосексуала — *queer* (буквально — кривой, странный, извращенный, фальшивый), в противоположность *straight* (прямой, нормальный); российские геи называют гетеросексуалов «натуралами»). В 1990-х гг. некоторые американские геи-активисты стали демонстративно называть себя квичами, подчеркивая, что не только не стыдятся своей сексуальной ориентации, но гордятся ею. В отличие от слова «гей», относящегося только к мужчинам,

«квир» включает также и лесбиянок. Впрочем, для многих геев слово «квир» неприемлемо. Еще одна терминологическая новация «лесбигей» — сокращенное обозначение совместных геевских и лесбиянских организации, идеологии или исследований.

ОТ ТЕОЛОГИИ К СЕКСОЛОГИИ

Но какова вообще природа однополый любви? В течение многих столетий пол и сексуальность рассматривались исключительно в контексте репродуктивного поведения, обеспечивающего продолжение рода. Разумеется, люди всегда знали, что сексуальное желание и наслаждение не зависят от деторождения и являются самоценными. Однако теории, рожденные в лоне антисексуальной европейской культуры, с этим не считались. Сексуальное влечение они могли понять и оправдать только как стимул к продолжению рода: оргазм, удовольствие от полового акта — награда за примерное поведение. Влечение к людям собственного пола выглядело при этом противоестественным извращением, как, впрочем, и любые другие формы эротики, не способствующие деторождению, например мастурбация или оральный секс.

В отличие от средневекового богословия, классифицировавшего и оценивавшего не столько самих индивидов, сколько их поступки и помыслы, которые могли быть правильными (добродетельными) или неправильными (греховными), наука XIX в. превратила гомосексуалов в особую разновидность людей, у которых «инверсия сексуального чувства» сочетается с множеством других болезненных и морально неприемлемых черт. Хотя ученые спорили, является ли это состояние врожденным или благоприобретенным, конечная разница между гетеро- и гомосексуалами казалась абсолютной (Lautmann, 1993).

Поскольку содомия была грехом и преступлением, первые специалисты в области судебной медицины больше всего интересовались телесными признаками, по которым можно распознать и уличить содомита. Итальянский медик, придворный врач римского папы Паоло Захиа (1584—1659), трактат которого оставался самым авторитетным трудом в этой области вплоть до середины XIX в.,

считал главным признаком и доказательством пассивной педерастии изменения в состоянии заднего прохода, прежде всего сглаженные в результате анальных сношений кожные складки. Французский судебный эксперт Амбруаз Тардьё (1818—1879) пошел дальше. По мнению Тардьё, анус пассивного педераста является гладким, лишенным складок еще до того, как он начинает заниматься содомией, активный же педераст имеет тонкий, недоразвитый член, с маленькой головкой, искривленный, как у собаки, а безошибочными признаками повышенной чувственности лесбиянок он считал волосатость (хирсутизм) и увеличенный клитор.

С выделением в самостоятельную отрасль медицины психиатрии (термин появился в 1808 г.) содомия стала постепенно психологизироваться. Французские психиатры Филипп Пинель (1745—1826) и Жан Этьен Доминик Эскироль (1772—1840) считали, что «безумие» может быть не только общим, но и частичным, поражающим только одну психическую функцию; одна из таких «мономаний» — «извращение полового чувства». Английский психиатр Джеймс Каулз Причард (1786—1848) придумал для этого термин «моральное безумие». С появлением понятия психопатии стали говорить о «сексуальных психопатиях» и т. д.

Автор авторитетного руководства по судебной медицине Иоганн Людвиг Каспер (1796—1864), не найдя у обследованных педерастов описанных в литературе телесных признаков, обратился к изучению их психологии и дневников и пришел к выводу, что однополое влечение — своего рода «духовный гермафродитизм». Это влечение может оставаться платоническим, ничем не отличаясь от обычной любви. Немецкий психиатр Карл Фридрих Отто Вестфаль (1833—1890) назвал этот феномен «противоположным» или «извращенным» сексуальным влечением, в основе которого лежит врожденная патология развития вегетативной нервной системы, искажающая «весь внутренний мир собственного пола». Позже это состояние стали называть **инверсией** (обращение, перевертывание, выворачивание наизнанку) полового чувства. Слово «инверсия» звучит мягче, чем «перверсия» (извращение), но остается в рамках патологии.

Смена религиозной парадигмы («содомский грех») психиатрической («сексуальная психопатия») была определенным шагом вперед. Хотя «сексуальный психопат» выглядел таким же отвратительным, как «содомит», он был не столько преступником, сколько больным, страдающим человеком. Однако в этом была и опасность. По прежним представлениям, человек, совершивший акт содомии, за который его наказывали, мог раскаяться и исправиться. Религия оставляла грешнику надежду. А что спросишь с психически неполноценного «сексуального психопата»? Одна и та же теория могла быть как апологетической («человек не виноват, что родился уродом»), так и обвинительной («надо защищать общество от дегенератов»). Политические соображения при этом часто заслоняли существо вопроса.

Против такой «медикизации» однополой любви протестовали уже некоторые мыслители XIX в. Немецкий журналист и юрист Карл Генрих Ульрихс (1825—1895), который сам был гомосексуалом, в своих «Исследованиях загадки любви мужчин к мужчинам», публиковавшихся отдельными книжками с 1864 г., доказывал, что «урнинги» — не больные, а особый «третий пол» (женская душа в мужском теле). Полагая, что каждый пятисотый мужчина — урнинг, Ульрихс выступал против их уголовного преследования.

Немецко-венгерский писатель, переводчик и журналист Кароль Мария Кертбени (1824—1882) (до 1847 г. он писал под именем «Доктор Бенкерт», поэтому многие ошибочно считают его медиком), который первым (1869) предложил термин «гомосексуальность», не только доказывал, что гомосексуальность является естественной и врожденной, но и апеллировал к общим принципам правового государства, которое обязано распространить на гомосексуалов правило невмешательства в личную жизнь граждан. Человеческая сексуальность, подчеркивал Кертбени, многообразна. Наряду с гетеро- и гомосексуалами существуют «моносексуалы», главной формой сексуального удовлетворения которых является онанизм, и «амбисексуалы», сочетающие гетеросексуальный брак с гомосексуальными связями. Сами гомосексуальные мужчины тоже очень различны. Кертбени возражал против всякой симп-

томатологической категоризации, которая часто напоминает процессы над ведьмами.

Судебным медикам и психиатрам XIX в. такая широта взглядов была несвойственна. Отчужденно-недоброжелательное отношение многих психиатров и судебных медиков XIX — начала XX в. к однополый любви и ее носителям объяснялось не только их личными предубеждениями и профессиональными установками (врач ищет именно патологию), но и свойствами того человеческого материала, с которым им приходилось иметь дело. В поле зрения судебных медиков чаще всего попадали люди, психика которых действительно была отягощена, помимо гомосексуальности, психическими проблемами и отклонениями. Некоторые из этих людей совершили серьезные преступления.

Не имея представления о том, как ведут себя обыкновенные, «нормальные» гомосексуалы, эксперты-медики невольно ассоциировали весь этот букет болезненных и социально-неприемлемых черт с необычной сексуальной ориентацией и заранее ожидали, что найдут их и у следующих пациентов. А кто ищет, тот всегда находит. Психопатологизация гомосексуальности действовала как самореализующийся прогноз, формировавший не только сознание врача, но и самосознание пациента. В то же время она — и только она! — могла поставить под вопрос правомерность уголовной ответственности за гомосексуальность.

Характерна в этом смысле эволюция взглядов самого авторитетного психиатра этого периода барона Рихарда фон Крафт-Эбинга (1840—1902), чье руководство для врачей «Сексуальная психопатия» выдержало с 1886 по 1920 г. девятнадцать изданий и считалось классическим. Крафт-Эбинг начинал с изучения сексуальных расстройств своих психиатрических пациентов. В противоположность Ульрихсу, он считал гомосексуальность проявлением патологии и вырождения, но настаивал на строгом разграничении ее врожденных и приобретенных форм. Однако по мере того как он переходил от обитателей тюрем и психбольниц к изучению более образованных слоев населения, его взгляды менялись. Собрав около 20 тысяч историй болезни, 300 из которых опубликованы в 14-м, последнем прижизненном, издании его книги (е

русский перевод, переизданный в 1996 г. сделан с первого издания), Крафт-Эбинг научился лучше понимать своих пациентов, признал, что гомосексуальность встречается также у вполне нормальных людей, и поддерживал отмену ее уголовного преследования. Опубликованные им, без излишнего морализирования, рассказы от первого лица (нарративы), среди которых была и автобиография Ульрихса, стали неоценимым источником информации для гомосексуалов конца XIX — начала XX в. и способствовали формированию гомосексуальной идентичности (Oosterhuis, 2000).

Весьма влиятельными в начале XX в. были труды берлинского невропатолога Альберта Молля (1862—1939), который одним из первых стал изучать детскую и подростковую сексуальность. Гомосексуальность, по Моллю, всегда болезнь, но не обязательно врожденная. Вслед за психологом Максом Дессуаром Молль считал, что формирование сексуальной ориентации у человека проходит две фазы. На первой фазе, от начала полового созревания до 20 лет, сексуальное влечение еще не дифференцировано по объекту и может направляться на людей как противоположного, так и собственного пола. Это делает возможным, с одной стороны, гомосексуальное совращение детей и подростков, а с другой — психотерапевтическую коррекцию потенциальных и реальных гомосексуальных наклонностей ребенка. Молль считал, что гомосексуальные отношения между взрослыми не должны преследоваться, но гомосексуалов, совращающих молодежь на стадии «недифференцированного влечения», необходимо изолировать. По отношению к движению за декриминализацию гомосексуальности, в котором активно участвовал его идейный противник Хиршфельд, Молль, человек весьма реакционных взглядов, занял резко враждебную позицию.

Самый влиятельный исследователь и теоретик гомосексуальности начала XX в. — Магнус Хиршфельд (1865—1935). Выходец из состоятельной еврейской семьи, он сначала занимался лингвистикой и философией, а затем окончил медицинский факультет в Берлине. Сам будучи гомосексуалом, Хиршфельд посвятил всю свою жизнь делу реабилитации и декриминализации однополых любви. Уже в своей первой, выпущенной под псевдонимом,

книге «Сафо и Сократ, или Чем объясняется любовь мужчин и женщин к лицам собственного пола?» (1896) Хиршфельд утверждал, что однополая любовь — неотъемлемая форма человеческой сексуальности, а отмена уголовного преследования гомосексуалов отвечает высшим интересам общества. Речь идет не о милости, а о справедливости, ибо гомосексуальное влечение не является предметом свободного выбора, но имеет глубокие конституциональные корни.

В 1897 г. Хиршфельд, уже с открытым забралом, организовал «Научно-гуманитарный комитет», первую в мире организацию в защиту прав гомосексуалов. Под петицией с требованием отмены антигомосексуального 175-го параграфа германского уголовного кодекса подписались около 6 тысяч людей, включая многих ведущих представителей немецкой интеллигенции. В 1899 г. он начал издавать первый в мире междисциплинарный журнал, целиком посвященный проблемам гомосексуальности *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, просуществовавший 23 года и объединивший вокруг себя всех ведущих специалистов.

Помимо клинических данных, Хиршфельд первым использовал для изучения гомосексуальности анкетный метод. В декабре 1903 г. он распространил среди 3 тысяч берлинских студентов, а в феврале 1904 г. — среди 5721 рабочих-металлистов опросник, прося их анонимно ответить о своих разнополых и однополых контактах и влечениях. На вопросы ответили 1696 студентов и 1912 рабочих. Эти данные, наряду с другими, Хиршфельд использовал в своем фундаментальном труде «Гомосексуальность мужчин и женщин» (1914). После Первой мировой войны Хиршфельд активно участвовал в работе Всемирной лиги сексуальных реформ и в 1919 г. основал в Берлине первый в мире Институт сексологии (*Institut für Sexualwissenschaft*), который просуществовал до 6 мая 1933 г., когда его разграбили и сожгли гитлеровцы. Хиршфельд собирался перенести Институт в Париж, но умер, не успев развернуть его работу.

Хиршфельд считал гомосексуальность врожденной, но не патологией, а «промежуточным звеном» процесса дифференциации полов в филогенезе и онтогенезе. Различия между мужчинами и женщинами по-разному проявляются в

таких сферах, как репродуктивные половые органы, другие телесные свойства, сексуальное влечение и душевные (психические) свойства. Поскольку природа не делает скачков, каждый из этих параметров имеет свои переходные, промежуточные варианты. Смешанное, одновременно мужское и женское, строение половых органов дает гермафродитизм; неопределенность, двойственность телосложения — психическую андрогинию; инверсия сексуального влечения порождает гомо- и бисексуальность, а инверсия прочих душевных черт — трансвестизм. Подобно «нормальным» людям, гомосексуалы и лесбиянки индивидуальны, каждый из них «промежуточен» на свой собственный манер и несет в себе «собственную природу и собственный закон».

Немецкий ученый Иван Блох (1872—1922), хотя и был практикующим врачом, больше интересовался культурологическими и историческими сюжетами. Сначала Блох считал гомосексуальность редкой, встречающейся лишь у 0,01 % мужчин, но в принципе излечимой патологией. Главным фактором ее распространения он считал неблагоприятные условия в детстве: соращение взрослыми, сексуальные игры со сверстниками, стимулирование эрогенных зон поркой, неудачи в общении с женщинами и общий страх перед ними, мотивируемый, в частности, страхом заражения венерическими заболеваниями. Под влиянием Хиршфельда и этнографической литературы Блох в 1908 г. резко изменил точку зрения и признал, что гомосексуальность отличается от прочих перверсий, а ее адепты не должны подвергаться преследованиям.

Если в Германии копыа скрещивались главным образом вокруг вопроса о правовой ответственности — судить или не судить? — то для Франции этот вопрос был неактуален: кодекс Наполеона отменил уголовную ответственность за гомосексуальные действия еще в 1810 г. Зато легальность проституции делала для французских ученых чрезвычайно важным вопрос о соотношении публичного и частного, а падение рождаемости — проблему укрепления семейных устоев. В обоих этих контекстах гомосексуальность добрых чувств не вызывала.

Как и их немецкие коллеги, французские психиатры

считали гомосексуальность болезнью. Психоневролог Ж. М. Шарко и психиатр В. Маньян считали «инверсию генитального чувства» врожденной и безуспешно пробовали излечить ее с помощью гипноза. Напротив, психолог Альфред Бинэ утверждал, что все половые извращения — результат специфической ассоциации идей; например, половое возбуждение у подростка ассоциируется с каким-то внешним условием или раздражителем, после чего соответствующий стимул автоматически вызывает у него эротический эффект.

В Италии влиятельный психиатр и криминолог Чезаре Ломброзо (1836—1909) твердо стоял на позиции «вырождения». С точки зрения Ломброзо, любое криминальное поведение — об историчности и условности самого понятия преступности ученый не задумывался — имеет свой неврологический базис и коренится в нарушениях центральной нервной системы. Гомосексуальность, по Ломброзо, — форма психического гермафродитизма, возвращение к одной из пройденных ступеней биологической эволюции. Факторами, «расковывающими» это скрытое биологическое наследие, Ломброзо считал эпилепсию и кретинизм. Любые формы вырождения Ломброзо брался определять по форме черепа и другим антропометрическим показателям. Судить врожденных преступников и безумцев нельзя, но их следует содержать в психиатрических больницах и не позволять им размножаться. Что же касается гениальных гомосексуалов, вроде Микеланджело и Верлена, то гениальность, по Ломброзо, связана с гипертрофией определенных отделов головного мозга за счет других. Отсюда — тяготение гениев к преступности, сумасшествию и гомосексуальности.

Однополая любовь занимает центральное место в работах крупнейшего английского сексолога Хэвлока Эллиса (1859—1939). Первая его книга «Сексуальная инверсия», вышедшая в 1906 г. в Германии и год спустя в Англии, где она сразу же подверглась судебному преследованию как «похотливая, вредная, порочная, грязная, скандальная и непристойная», содержала обстоятельный обзор всех известных в то время фактов относительно гомосексуальных контактов в животном мире, у «примитивных» народов,

в античности, тюрьмах и т. д. По мнению Эллиса, склонность к однополрой любви, будучи врожденной, не является ни болезнью, ни преступлением. Много ценных данных о гомосексуальности содержится и в других сочинениях Эллиса, особенно в его семитомных «Исследованиях по психологии пола» (1896—1928).

Интересовались гомосексуальностью и русские ученые (Энгельштейн, 1996, гл. 4). Самым влиятельным русским специалистом был профессор петербургской Военно-медицинской академии Вениамин Михайлович Тарновский. Его книга «Извращение полового чувства: Судебно-психиатрический очерк для врачей и юристов» (1885) была почти одновременно с русским изданием выпущена на немецком, а позже на английском и французском языках. Подобно своим немецким и итальянским предшественникам, из которых он особенно ценил Ломброзо, Тарновский полагал, что извращение полового чувства у мужчин может быть как врожденным, так и благоприобретенным. Обе формы казались ему глубоко отвратительными и аморальными, но в случаях врожденного извращения он считал уголовное преследование несправедливым. Склонность женщин к проституции Тарновский также считал врожденной, выступая против гоманного отношения к проституткам. Неприязнь к гомосексуальности дополнялась у Тарновского антисемитизмом, который шокировал даже симпатизировавшего ему Ломброзо.

В. М. Бехтерев (1857—1927) в статье «Лечение внушением превратных половых влечений и онанизма» (1898) выводил «превратные половые влечения» из «патологических сочетательных рефлексов», предлагая лечить их внушением и гипнозом. Позже, в статье «Об извращении и уклонении полового влечения» (1926), Бехтерев доказывал, что гомосексуальное влечение — несчастный результат внешних влияний в критический момент сексуального развития личности. Почти во всех приводимых им историях болезни «извращение» возникало в период полового созревания под влиянием сверстников. Чтобы избавиться от него, пациент должен добровольно подвергнуться гипнозу и внушению и целенаправленно поддерживать гетеросексуальные отношения. Но особенно важна профилактика, правильное половое воспитание подростков.

1-2. ВЛЕЧЕНИЯ И КОМПЛЕКСЫ

Гомосексуальность, несомненно, не преимущество, но в ней нет и ничего постыдного, это не порок и не унижение; нельзя считать ее и болезнью; мы считаем ее разновидностью сексуальной функции, вызванной известной приостановкой сексуального развития. Многие лица древних и новых времен, достойные высокого уважения, были гомосексуалами, среди них — ряд величайших людей... Преследование гомосексуальности как преступления — большая несправедливость и к тому же жестокость.

Зигмунд Фрейд

Самой влиятельной теорией гомо-, как и вообще сексуальности, первой половины XX в. был, несомненно, фрейдизм.

ТЕОРИЯ ФРЕЙДА

В отличие от своих предшественников и современников, для которых проблематичной была только гомосексуальность, Фрейд подчеркивал, что с точки зрения психоанализа исключительный сексуальный интерес к лицам противоположного пола — не самоочевидный факт, а такая же требующая изучения проблема, как и однополая любовь.

Однополая любовь покоится на тех же самых психофизиологических основаниях, что и разнополая. Все люди по природе изначально бисексуальны, итоговое соотношение гомо- и гетеросексуального влечения определяется только в ходе индивидуального развития, под влиянием среды и воспитания, и хотя различия в результатах могут иметь качественный характер, анализ показывает, что различие между их детерминантами только количественное (Фрейд, 1989, с. 130)

Фрейд в принципе не исключал, что когда-нибудь в будущем наука сведет все зигзаги и сложности человечес-

кой сексуальности к простым химическим формулам, но пока это не сделано, нужно пользоваться тем, что может предложить психоанализ. Теория Фрейда — не биология и даже не психология, а скорее мифология (он сам охотно пользовался этим термином) и поэтика сексуальности. Недаром он говорил не о половом «инстинкте», подразумевающим прежде всего спаривание и размножение, а о «влечении», которое проявляется также в разных несексуальных формах, например альтруизме или романтической дружбе.

Для понимания гомосексуальности (позже Фрейд стал пользоваться предложенным Шандором Ференци термином «гомоэротизм») неосознаваемые психические процессы особенно важны. В силу врожденной бисексуальности все люди «способны на выбор объекта одинакового с собой пола и проделывают этот выбор в своем бессознательном. Больше того, привязанности либидинозных чувств к лицам своего пола играют как факторы нормальной душевной жизни не меньшую, а как движущие силы заболевания большую роль, чем относящиеся к противоположному полу» (Фрейд, 1989, с. 129—130). Однако эта скрытая, латентная гомосексуальность большей частью остается нереализованной и даже неосознанной. (Фрейд знал это и по собственному опыту: его дружба с Вильгельмом Флиссом имела определенные гомоэротические тона, и признание этого факта было для благонамеренного викторианца Фрейда трудным и мучительным.)

Первоначальный выбор сексуального объекта, предмета любви и привязанности вообще не зависит от пола. «По мнению психоанализа, исключительный сексуальный интерес мужчины к женщине является проблемой, нуждающейся в объяснении, а не чем-то само собой понятным, что имеет своим основанием химическое притяжение. Решающий момент в отношении окончательного полового выбора наступает только после наступления половой зрелости и является результатом целого ряда не поддающихся еще учету факторов, частью конституциональных, частью приходящих по своей природе» (Фрейд, 1989, с. 130).

Это не значит, что гомо- и гетерозотизм равноправны и одинаково «нормальны». Гомоэротизм, по Фрейду, — извращение, перверсия сексуального влечения, возникающая в ходе нормального психосексуального разви-

тия в результате психической травмы. Фрейд различает два типа таких психических травм.

Первая травма связана с детским нарциссизмом. Ребенок изначально имеет два сексуальных объекта: самого себя и свою мать. Чтобы разорвать нити, связывающие его с матерью, маленький, моложе трех лет, мальчик остро нуждается в какой-то другой значимой фигуре, какой обычно бывает отец. Если мужской фигуры, с которой мальчик мог бы идентифицироваться, нет, он бессознательно компенсирует это обращением к собственному Я, гипертрофирует любовь к себе, нарциссизм. Одно из проявлений детского нарциссизма — нескончаемый поиск собственного подобия. У мальчика это принимает форму любовного влечения к другому мужчине, а у девочки — к женщине. Созданные в ходе этого поиска идеализированные образы человека собственного пола наделяются всеми возможными и невозможными достоинствами, тогда как реальное Я ребенка, напротив, понижается, окрашивается чувствами ненависти к себе, стыда, вины и унижения. В дальнейшем детский нарциссизм превращается в постоянную погоню за недостижимым фантомом идеального существа собственного пола. Как и все наши эмоциональные образования, этот идеальный образ в дальнейшем эротизируется, что и дает однополую любовь.

Вторая возможность гомосексуальной аберрации возникает несколько позже. Адекватная половая идентификация предполагает, что мальчик должен преодолеть свое бессознательное влечение к матери (Эдипов комплекс) и идентифицироваться с отцом, а девочка — преодолеть влечение к отцу (комплекс Электры) и чувство зависти к мальчикам из-за отсутствия у нее полового члена, пениса, и идентифицироваться с матерью. Если этого вовремя не происходит, сексуальное влечение фиксируется на неподходящем объекте и становится патогенным.

У одних фиксация является отрицательной, негативной. Влечение такого мужчины к другому мужчине на самом деле — бегство от женщин: ни одна из них не может сравниться с идеализированным образом собственной матери, а сексуальная связь с женщиной воспринимается как запретный инцест. В этом случае главный психический процесс — не гомоэротическое влечение, а бессозна-

тельное отталкивание и подавление гетеросексуальных чувств и образов.

У других людей однополая фиксация является позитивной, положительной. Это бегство не «от», а «к». Такой мужчина не боится женщин и вполне может поддерживать сексуальные отношения с ними, но мужские образы возбуждают и привлекают его сильнее женских.

«Во всех исследованных случаях мы установили, что инвертированные в более позднем возрасте проделали в детстве фазу очень интенсивной, но кратковременной фиксации на женщине (большей частью на матери), по преодолении которой они отождествляют себя с матерью и избирают себя самих в сексуальные объекты, т. е., исходя из нарциссизма, ищут мужчин в юношеском возрасте, похожих на них самих, которых хотят любить так, как любила их мать. Далее мы постоянно находили, что кажущиеся инвертированными никоим образом не были нечувствительными к прелестям женщины, а постоянно переносили на мужские объекты вызванное женщинами возбуждение. Таким образом, они всю жизнь воспроизводят механизм, благодаря которому появилась их инверсия. Их навязчивое стремление к мужчине оказалось обусловленным их тревожным бегством от женщины» (Фрейд, 1989, с. 129).

Поскольку гомосексуальность возникает из множества разных причин, существуют и разные типы гомосексуалов.

Тонкая, диалектичная мысль Фрейда открыла богатейшие возможности для описания и понимания многообразных форм гомосексуальности, но в своей клинической практике Фрейд не мог реализовать всех возможностей собственного подхода. По условиям того времени, пациенты Фрейда были вынуждены подавлять или скрывать свое гомосексуальное желание, их переживания окрашивались в мрачные, болезненные тона. Поэтому, а также в силу своей медицинской ориентации, Фрейд больше интересовался подавленной, неосознанной, не принятой и в силу этого неизбежно болезненной гомосексуальностью, нежели открытой и осознанной. На таком материале невозможно понять, были ли открывающиеся в психоанализе психические проблемы и свойства — пониженное самоуважение, невротизм, острое недовольство собой, влечение к смерти и т. п. — имма-

нентными, всеобщими свойствами самой гомосексуальности или гомосексуальной личности, или же это — последствия насильственного блокирования сексуального влечения и связанного с этим обеднения эмоциональной жизни.

Фрейд чувствовал ограниченность своей теории, подчеркивая, что описываемые им формы сексуальной инверсии не являются универсальными и единственно возможными. «То, что по соображениям практического порядка называется гомосексуальностью, может возникать из множества разных психосексуальных тормозных процессов; выделенный нами частный процесс может быть только один из многих, и, возможно, он связан только с одним типом гомосексуальности» (Freud, 1957a, p. 101).

При внимательном чтении Фрейда у него можно найти не одну, а несколько разных теорий гомосексуальности, которые зачастую противоречат друг другу. С одной стороны, он трактует гомоэротизм как универсальную стадию психосексуального развития, однажды пройдя которую индивид к ней больше не возвращается. С другой стороны, он говорит о скрытой, латентной гомосексуальности, которая не ограничена определенными возрастными рамками и может проявиться когда угодно. Что же такое латентная гомосексуальность — просто абстрактная **возможность** аберрации, возвращения к пройденной фазе развития или дожидаящаяся своего часа скрытая, **дремлющая сила**?

Достаточно противоречивы и указания Фрейда на семейные факторы, способствующие развитию гомосексуальности. В одном случае, неблагоприятным фактором развития является властная, авторитарная мать и слабый отец, то есть дефицит мужского начала, мальчику не с кем идентифицироваться. В другом случае, наоборот, слишком сильный и жесткий отец, подавляющий и сексуально запугивающий ребенка, вызывает у мальчика эффект отталкивания и психологическую феминизацию. Практически встречаются оба варианта. Но может быть, названные Фрейдом обстоятельства — не причины, а только сопутствующие факторы гомосексуальности?

Психоанализ ретроспективно хорошо объясняет уже сложившиеся синдромы, но имеет очень низкую предсказательную ценность.

Противоречива фрейдистская теория женской гомосексуальности. Хотя клинические истории лесбиянок у Фрейда разнообразны и диалектичны, психоаналитическая теория женской сексуальности, придающая особое значение подавленной «зависти к пенису», абсолютизировала и оправдывала зависимое положение и сексуальное угнетение женщин. По мнению Фрейда, **«либидо всегда — и закономерно по природе своей — мужское, независимо от того, встречается ли оно у мужчины или женщины, и независимо от своего объекта, будь то мужчина или женщина»** (Фрейд, 1989, с. 183). Современные сексуально раскованные и активные женщины показались бы Фрейду, как и любому викторианцу, чем-то ужасным и болезненным. В свете этих фаллоцентрических установок лесбийская любовь не может быть нормальной и счастливой. Женщина, которая любит женщину, должна либо быть мужчиной, либо походить на мужчину, либо желать быть мужчиной, а отношения между двумя женщинами всегда будут неполноценными; по сравнению с гетеросексуальными отношениями лесбийская любовь является незрелой и неудовлетворительной.

Психоаналитики называют разные причины возникновения у женщины гомосексуальных чувств: вызванное завистью к пенису на эдиповой стадии развития расстройство объектного влечения, порождающее отвращение к гетеросексуальным отношениям; идентификацию дочери с отцом вместо установления с ним объектных отношений; неудачу идентификации с матерью из-за того, что мать завидует дочери или страдает нарциссизмом; расстройство детских объектных отношений с матерью, связанное с мазохизмом или трудностями отделения и индивидуализации; преждевременное пробуждение сексуальности и т. д. Но все эти процессы и их последствия классический психоанализ считает патогенными.

Что конкретно предлагает гомосексуалам психоанализ? Фрейд никогда не называл гомосексуальность болезнью и даже считал сублимированный гомозеротизм важным источником и компонентом дружеских отношений, альтруизма и любви к человечеству: «Именно явные гомосексуалы и среди них в первую очередь те, кто не позволяет себе выхода в чувственных актах, отличаются особенно активным участием в общих интересах человечества, интересах,

которые сами возникли из сублимации эротических инстинктов» (Freud, 1957b, p. 61).

Но, признавая правомерность и даже социальную благодетельность сублимированного гомозотизма, Фрейд не видел счастливого исхода для реализованной гомозотики. Отвечая на письмо одной американской матери по поводу предполагаемой гомосексуальности ее сына, Фрейд писал:

«Спрашивая меня, могу ли я помочь, думаю, что Вы имеете в виду, в состоянии ли я устранить гомосексуальность и заменить ее нормальной гетеросексуальностью. Отвечу, что в общем мы не можем этого обещать. В ряде случаев нам удастся развить захиревшие было зародыши гетеросексуальных устремлений, имеющихся у каждого гомосексуала. В большинстве же случаев это уже более невозможно. Это — вопрос свойств и возраста пациента. Результат лечения предсказать нельзя.

Что же касается пользы, которую психоанализ может принести Вашему сыну, то это другое дело. Если он несчастен, нервозен, раздираем конфликтами, затруднен в отношениях с другими людьми, психоанализ может дать ему гармонию, душевное спокойствие, полную эффективность, независимо от того, останется ли он гомосексуалом или изменится» (Фрейд, 1969, с. 346—347).

То есть Фрейд не берется изменить сексуальную ориентацию пациента, но считает возможным преодолеть его невротические симптомы, помочь ему принять себя и свою гомосексуальность. Такая позиция вполне соответствует установкам современной гуманистической психотерапии, в том числе и психоаналитической. Однако большинство учеников и последователей Фрейда пошли по пути отождествления однополой любви с неврозами и прочими личностными расстройствами, зачастую рассматривая гомосексуальность как их причину.

ЭВОЛЮЦИЯ ПСИХОАНАЛИЗА

Некоторые ближайшие ученики Фрейда относились к гомосексуальности откровенно враждебно. Основатель «глубинной психологии» Карл Густав Юнг (1875—1961), который мальчиком сам подвергся гомосексуальному покушению, относился к гомосексуальности с

отвращением и специально ее не изучал, считая врожденной. Сейчас взгляды Юнга стали популярными у некоторых американских геев-психоаналитиков, но они берут у него не эти высказывания, а теорию архетипов (Норске, 1989).

Острую ненависть к гомосексуалам питал «фрейдомарксист» Вильгельм Райх (1897—1957), у которого личные чувства осложнялись политическими установками: «Мы, марксисты, вообще не склонны к морализации, но мы против гомосексуальности, потому что 1) гомосексуальное сношение никогда не бывает таким удовлетворительным и счастливым, как гетеросексуальное, 2) гомосексуал, когда он вне своего «мужского союза», в современном обществе находится в особенно неблагоприятных условиях, и 3) гомосексуальность создает чрезвычайно сильную психическую предрасположенность к фашистской идеологии» (Bahnen, 1993, S.192). Первое утверждение бездоказательно: как можно сравнивать переживания, которых ты не испытывал? Второе утверждение справедливо, но разве гомосексуалы виноваты в том, что их дискриминируют? С тем же основанием можно посоветовать людям не быть евреями или цветными. К третьему вопросу я вернусь позже.

Альфред Адлер (1870—1937) считал гомосексуальность извращением и неврозом, однако, в отличие от Юнга, выводил ее прежде всего из неудачного опыта детского общения со сверстниками. Особенно вредной он считал половую сегрегацию в школах и детских учреждениях. Осуждая уголовное преследование гомосексуалов, Адлер вместе с тем считал возможным подвергать их принудительной психотерапии.

Другие последователи Фрейда были значительно терпимее, но они медиализировали его концепцию, подчеркивая главным образом болезненные свойства гомосексуальности и разрабатывая признаки, по которым можно ее диагностировать.

Шандор Ференци (1873—1933) и Отто Фенихель (1897—1946), изучая происхождение мужской гомосексуальности (Ференци называл ее гомозротикой), особо акцентировали различие ее «активной» и «пассивной» форм. «Активный» гомосексуал, по Ференци, энергичен и аг-

рессивен, чувствует себя во всех отношениях мужчиной, в его психике и телесном облике нет ничего женственно-го, а привлекают его, как правило, мальчики и юные мужчины с женственными чертами, к которым он относится нежно и покровительственно. Напротив, пассивный, «инвертированный» гомосексуал отличается феминизированной внешностью и поведением; в своих сексуальных отношениях с мужчинами он также чувствует себя женщиной, поэтому его привлекают более зрелые и сильные мужчины. В первом случае происходит инверсия объекта, а во втором — субъекта сексуального влечения. «Субъектные» (пассивные, феминизированные) гомосексуалы принимают свое состояние, с которым они сталкиваются уже в детстве, спокойно, как нечто само собой разумеющееся, и не обращаются к врачу, тогда как «объектные» испытывают чувство вины, страдают и ищут медицинской помощи.

Некоторые психоаналитики отвергли идею Фрейда о всеобщей бисексуальности и связанное с ней понятие латентной гомосексуальности. По мнению Шандора Радо, гомосексуальность возникает в процессе индивидуального развития только под влиянием определенных патогенных факторов — страха перед противоположным полом, временного отсутствия гетеросексуальных партнеров или «желания избыточного разнообразия». «Человек — единственное животное, которое не учится на опыте, а подводит под свои ошибки рациональное обоснование... Гомосексуальность — это несовершенная адаптация, развиваемая организмом в ответ на собственную повышенную реактивность и отсутствие контроля в чрезвычайных обстоятельствах» (Rado, 1969, p. 213). Поэтому она принципиально излечима.

Лайонел Овзи разграничил «действительную гомосексуальность» — стремление к сексуальной близости с человеком своего пола и «псевдогомосексуальность», в основе которой лежат житейские обстоятельства, ошибочно истолковываемые субъектом как сексуальные (Ovesey & Woods, 1980).

Американский психоаналитик Ирвинг Бибер (Bieber et al., 1962) пытался подтвердить психоаналитическую теорию статистически, сравнив жизненный путь и личные

свойства 106 находившихся на психоаналитическом лечении мужчин-гомосексуалов с контрольной группой из 100 гетеросексуалов. 63 % гомосексуалов и только 39 % гетеросексуалов сказали, что были любимцами своих матерей. 65 % первой и лишь 36 % второй группы признались, что их матери, в свою очередь, хотели быть в центре всей жизни сыновей. Маскулинные установки и занятия поощряли только 18 % матерей гомосексуалов против 47 % в контрольной группе. 66 % гомосексуалов и только 48 % контрольной группы отметили пуританский характер своих матерей, которые вмешивались в их сексуальную жизнь и строго контролировали ее. Сексуальную информацию они также получали от матерей. Три четверти обследованных гомосексуалов в детстве боялись телесных травм, четыре пятых избегали соревновательных игр и ситуаций, девять десятых избегали драк, две трети чувствовали себя одинокими и т. д. По мнению Бибера, это подтверждает теорию Радо, что гомосексуальная адаптация — результат тайных, но могущественных страхов перед противоположным полом и перед гетеросексуальностью. Оказалось также, что, вопреки Фрейду, гомосексуальность поддается психоаналитическому лечению. 27 % пациентов Бибера в результате длительного анализа стали исключительно гетеросексуалами. Из 72 исключительных гомосексуалов полностью вылечились 14 (19 %), а из 30 бисексуалов — половина.

Но радость оказалась преждевременной. Выборка Бибера была чисто клинической, а оценка успешности терапии основывалась не на объективно проверенных фактах или хотя бы самоотчетах, а на впечатлениях врача. Неизвестно, насколько прочным и длительным был результат психотерапии, не вернулись ли некоторые из «излеченных» пациентов к своей гомосексуальной практике и не испытывают ли они по-прежнему гомозротических желаний? Столь же ненадежными оказались оптимистические сообщения других психоаналитиков. Хотя им удавалось временно снять или уменьшить внутреннее напряжение пациента, рано или поздно он снова сталкивался с теми же проблемами.

Когда в 1960-х гг. развернулось освободительное движение геев и лесбиянок и стало ясно, что многие, если

не все, их психологические трудности коренятся не в самой их сексуальной ориентации, а в той общественной стигме и дискриминации, которой они подвергаются, охранительный характер психоанализа, «помогающего» индивиду приспособиться к заведомо враждебным ему социальным условиям, стал очевиден. Утверждения Эдмунда Берглера и Чарлза Сокаридеса, что все гомосексуалы отличаются пониженным самоуважением, несут в себе «бессознательное желание страдать (психический мазохизм)» и «живут на грани самоуничтожительной личной катастрофы», в этих условиях стали звучать пародийно и оскорбительно.

Теоретическая переориентация психологии и психиатрии затронула и психоаналитическую теорию. Хотя некоторые психоаналитики во главе с Сокаридесом (Socarides, 1978) по-прежнему считают гомосексуальность психической болезнью и скорбят по поводу выросшей общественной терпимости к ней, большинство предпочитает идти в ногу со временем (Friedman and Lilling, 1996). Современный психоанализ чувствительнее классического к индивидуальным и типологическим различиям в этиологии и проявлениях гомосексуальности; он признает, что гомосексуальное желание имеет «множественные корни» и не является само по себе болезненным. Кроме того, он уделяет гораздо больше внимания социальным факторам, выводя традиционно приписываемые гомосексуалам и подчас реально существующие болезненные свойства (пониженное самоуважение, ненависть к себе, склонность к самоубийству) не из самой гомосексуальности, а из той стигмы, которой подвергаются геи и лесбиянки.

Согласно теории известного швейцарского психоаналитика Фрица Моргенталера (1919—1984), любое сексуальное влечение может быть искажено, извращено и сделано болезненным неблагоприятными условиями развития, которые в конечном счете производны от свойств культуры. Для изучения этих процессов Моргенталер создал собственную школу этнопсихоанализа и посвятил ряд исследований культуре и ментальности народов Западной Африки (Morgenthaler, 1994). Ученик и соавтор Моргенталера Поль Парен (р. 1916), обсуждая психические ме-

ханизмы взаимодействия сексуальности и власти, показал, что некоторые антигомосексуальные установки традиционного психоанализа сами были защитными механизмами личности и т. д.

Немецкие сексологи Мартин Даннекер и Раймут Райхе подвергли философской критике фрейдовское понятие «влечения» и пришли к выводу, что трудности гомосексуального желания коренятся не в индивидуальной, а в коллективной психопатологии (Dannecker und Reiche, 1974). Чтобы понять психологические проблемы сексуального меньшинства, надо начинать не с него, а с господствующего большинства. Отождествление сексуальности с гетеросексуальностью, которое ребенок усваивает с раннего детства, автоматически предполагает подавление и вытеснение гомозротических чувств. Это не только обедняет эмоциональные отношения ребенка со сверстниками, но и порождает у него страх и тревогу по поводу своей реальной или мнимой гомосексуальности, внешне проявляющуюся в виде ненависти к гомосексуалам: «Настоящий мужчина должен ненавидеть гомиков!» Именно в этой ненависти, а не в их собственном сексуальном поведении коренятся негативные стереотипы и образы гомосексуалов в массовом сознании. Нездоровая, извращенная, агрессивная гетеросексуальность патологизирует также и сознание и самосознание гомосексуалов, рождая у них оборонительные защитные механизмы, пониженное самоуважение и другие болезненные симптомы и синдромы, которые затем психиатрическая клиника интерпретирует как имманентные, врожденные свойства гомосексуальности. Этот порочный круг может быть разорван только на уровне общественного, а не индивидуального сознания, и для этого нужно не приспособление к господствующему обществу и его нравам, а борьба за их преобразование. Во взглядах Даннекера и Райхе ощущается сильное влияние марксистской теории классовой борьбы и звучат отголоски студенческой революции 1968 г., активными участниками которой они были.

Американский психоаналитик Ричард Фридман (Friedman, 1988) дополняет психоанализ феминистскими теориями. Отказываясь от понимания гомосексуальности как болезни; он связывает развитие эротического воображе-

ния личности прежде всего с процессами половой дифференциации и различиями в социальном статусе мужчин и женщин. Работа бессознательного, по Фридману, первоначально обусловлена половой дифференциацией и только потом — дифференциацией сексуальной фантазии. Гомосексуальные и гетеросексуальные мальчики проходят один и тот же процесс дифференциации, после завершения которого большинство гетеросексуальных мужчин уже не подвержены бессознательной гомосексуальности, а большинство исключительно гомосексуальных мужчин подвержены бессознательной гетеросексуальности. Однако нарушение привычной половой стратификации, будь то проигрыш в соревновательной борьбе более сильному мужчине или сексуальная неудача с женщиной, вызывающие чувство стыда и потери мужского самоуважения, могут провоцировать подобные фантазии. Один из пациентов сказал Фридману, что после того, как его оскорбил начальник, он «почувствовал себя так, будто тот его выпорол, и ушел с этой встречи с поджатым хвостом». А ночью ему приснилось, что его изнасиловала группа хулиганов, и от этого ему стало еще стыднее, потому что наяву он никогда не испытывал возбуждения от гомоэротических образов.

В отличие от классического психоанализа, который, при всех вариациях, считал целью анализа изменение сексуальной ориентации пациентов на гетеросексуальную или их приспособление к жизни во враждебном им обществе, «утверждающая динамическая психотерапия» (Isay, 1989; Cornett, 1993) считает, что осознание своей сексуальной ориентации нужно гею не для того, чтобы от нее избавиться, а чтобы преодолеть связанные с нею переживания депрессии, гнева, стыда, вины и тревожности. Это совершенно другой подход, и, если вспомнить письмо Фрейда американской матери, он гораздо ближе к его взглядам, чем идеи Сокаридеса.

Многие идеи Фрейда так прочно вошли в общенаучный и общекультурный оборот, что уже не ассоциируются с именем автора. Если не превращать их в догму, их эвристическая ценность и по сей день очень велика. Но чтобы понять действительные масштабы и социальные факторы однополой любви, наука должна была выйти за пределы клиники и индивидуальных биографий.

1-3. ОТ АНАМНЕЗА К АНКЕТЕ

Мир не делится на овец и козлий, на черное и белое. Фундаментальное правило таксономии — природа редко имеет дело с дискретными категориями. Только человеческий разум изобретает категории и старается втиснуть факты в отдельные клеточки. Живой мир в целом и в каждом из своих аспектов непрерывен. Чем раньше мы узнаем это о человеческой сексуальности, тем скорее мы достигнем разумного понимания ее реальностей.

Альфред Кинзи

Медицинская сексология имела дело с людьми, обращавшимися в клинику со своими психосексуальными проблемами. Но насколько типичны их проблемы для остальных гомосексуалов и много ли их вообще на свете? Чтобы ответить на эти вопросы, нужны были массовые, неклинические опросы. Такие опросы начались уже в самом начале XX в., за 100 лет их было проведено почти 750 (Ericksen, 1999, p. VIII).

Среди опрошенных Хиршфельдом берлинских студентов наличие сексуальных контактов с мужчинами признали 1,5 %, а среди рабочих — 1,1 %; сексуальное влечение к обоим полам признали соответственно 4,5 % и 3,2 %. Невропатолог Люсьен фон Ремер (1873—1965), опросивший примерно в те же годы, что и Хиршфельд, 600 голландских студентов, нашел среди них около 3 % гомо- и бисексуалов. Но проводить такие опросы было трудно, их выборки казались непредставительными, а результаты сомнительными.

АЛЬФРЕД КИНЗИ

Родоначалником статистических исследований сексуального поведения по праву считается американский ученый, энтомолог по специальности, Альфред Кинзи (1894—1956).

Чтобы выяснить количественное соотношение гомо- и гетеросексуального поведения и соответствующих чувств, Кинзи с группой сотрудников опросил в 1940-х гг. около 20 тысяч американцев по двум шестибалльным шкалам. Первая шкала фиксировала сексуальное поведение (гомо/гетеросексуальность); на одном ее полюсе стояли исключительно гетеросексуальные индивиды, не имевшие в течение жизни ни одного гомосексуального контакта, на другом — исключительно гомосексуальные, не имевшие никакого гетеросексуального опыта, а посередине — те, кто имел, в разных пропорциях, как гетеро-, так и гомосексуальные контакты. Вторая шкала точно таким же образом измеряла эротические чувства (гомо/гетерозеротизм) испытуемых.

Как же выглядело сексуальное поведение американцев по данным Кинзи? 48 % опрошенных мужчин имели в своем жизненном опыте хотя бы один гомосексуальный контакт, причем 37 % из них испытали при этом оргазм (семяизвержение). 25 % мужчин имели между 16 и 55 годами несколько гомосексуальных контактов, 18 % имели в течение по крайней мере трех лет одинаковое число гомо- и гетеросексуальных контактов, 10 % вели исключительно гомосексуальную жизнь не менее трех лет, а 4 % — всю жизнь (Kinsey et al., 1948, pp. 650—651). Из опрошенных женщин 25 % признали, что хотя бы однажды испытывали эротические чувства к другим женщинам, 19 % имели до 40 лет хотя бы один гомосексуальный контакт, в том числе 13 % — с оргазмом; исключительно гомосексуальную жизнь вели 1 % женщин (Kinsey et al., 1953, pp. 474—475).

Статистика Кинзи ошеломила Америку. Во-первых, оказалось, что гомосексуальные отношения и гомозеротические чувства распространены значительно чаще, чем было принято думать. Во-вторых, сексуальное поведение людей и их эротические чувства очень часто не совпадают, человек хочет одного, а делает другое, причем его желания и поведение могут быть разными на разных стадиях жизненного пути. В-третьих, между гомо- и гетеросексуальностью нет китайской стены, это не разные сущности, а полюсы одного и того же континуума, так что разных индивидов можно сравнивать по степени их гетеро/гомосексуальности, а чувства и поведение одного и того же человека сплошь и рядом противоречивы, неоднозначны.

Это остро поставило вопрос о том, что считать «нормой» сексуального поведения. Нормы социальной или моральной приемлемости имеют мало общего с биологическими нормами, а статистически массовое не всегда бывает функционально оптимальным. Где же граница между количественными *вариациями* (в пределах подразумеваемой нормы), качественными отклонениями, *девиациями*, с которыми связаны какие-то социальные или психические проблемы, и опасными *нарушениями* нормы, которые в медицине принято называть *патологией*?

Отчеты Кинзи популяризировали гомосексуальность и способствовали ее «нормализации» в обыденном сознании: если так поступают многие, значит, это не так уж страшно! Но выборка Кинзи не была статистически случайной и репрезентативной. Среди его добровольных информаторов оказалось непропорционально много людей с разными сексуальными проблемами, включая гомосексуалов, что могло отразиться на его итоговых результатах. Некоторые его статистические приемы были несовершенны. Но главные споры шли вокруг интерпретации данных.

Статистическая распространенность явления вовсе не доказывает его «правильности». В каждом обществе есть преступность, уничтожить ее невозможно. Значит ли это, что общество должно отказаться от борьбы с ней, которая только и вводит преступность в определенные рамки? Как писал, критикуя работу Кинзи, Ирвинг Бибер (Bieber et al., 1962, p. 304), большинство ньюйоркцев в определенное время года простужаются и статистика позволяет прогнозировать частоту респираторных заболеваний. Тем не менее они остаются болезнями! Не так же ли обстоит дело с гомосексуальностью?

В массовом сознании проблемы и цифры упрощались и искажались. Самым большим недоразумением было приписанное Кинзи заключение, будто каждый десятый американец — гомосексуал. В работах Кинзи такой цифры нет. Исключительно гомосексуальные контакты на протяжении всей их жизни в его выборке имели 4 % мужчин. Знаменитая «одна десятая» — это число мужчин, имевших исключительно гомосексуальные контакты в течение трех лет. При пересчете данных Кинзи, относящихся к мужчинам с образованием в объеме колледжа

(самая репрезентативная часть выборки), доля мужчин, которые после 18 лет (чтобы исключить подростковое сексуальное экспериментирование) вели исключительно гомосексуальный образ жизни, составила 3 % и еще 3 % имели значительный гомосексуальный опыт (Gagnon and Simon, 1973, p. 173).

Научная ценность отчетов Кинзи заключалась не только в их содержательных результатах, но и в том, что была доказана возможность и необходимость количественного исследования сексуального поведения и установок. С тех пор, особенно после начала эпидемии СПИДа, такие исследования проводятся в большинстве цивилизованных стран. Методологически это очень сложное дело (Catania et al., 1995; Ericksen, 1999).

Оценивая любой сексологический опрос, нужно всегда помнить, *кого* опрашивали. Студенты будут отвечать иначе, чем неквалифицированные рабочие, горожане — иначе, чем сельские жители, молодые — иначе, чем пожилые, женщины — иначе, чем мужчины. Усреднение выборки часто делает ответы бессмысленными. Поэтому интерпретация даже социологически представительных анкет требует осторожности.

Не менее важен характер *вопросов*. Люди могут по-разному понимать значение одних и тех же слов. Под гетеросексуальной «половой жизнью» обычно понимают половой акт, введение члена во влагалище. А как с другими формами сексуальности? Билла Клинтона обвинили во лжи за то, что он не считал свой «овальный секс» (от овального кабинета в Белом доме) с Моникой Левински «настоящим». Но 59 % опрошенных в 1991 г. американских студентов также не считали «сексом» орально-генитальный, а 19 % — и анально-генитальный контакт. Несколькими годами спустя сходная картина получилась у британских студентов: введение члена во влагалище считают сексом 98 %, оральное стимулирование гениталий — 33 %, а мануальное (мастурбация) — лишь 18 % опрошенных (Pitts and Rahman, 2001).

Понятие «гомосексуального контакта» еще более неопределенно. Если во время силовой возни мальчишки-подростки хватили друг друга за половые органы или терлись друг о друга так, что у одного из них или сразу у обоих происходило семяизвержение, считать ли это «гомосексу-

альным контактом до оргазма» или нет? Подробные, детальные вопросы кажутся непристойными, а недостаточно определенные дают столь же неясные ответы. Мальчики-подростки стесняются признаваться в мастурбации, но тот же самый человек, который в 15 лет скажет, что никогда не мастурбировал, в 25 лет признается, что занимался этим с 12 лет.

Наконец, *кто и как* проводит опрос. При разговоре лицом к лицу люди откровеннее всего с женщинами среднего возраста. Но отвечать женщине на вопросы, связанные с их сексуальной ориентацией, многие мужчины стесняются. Подростки же вообще предпочитают письменный вопросник личной беседе. Анонимные анкеты и телефонные опросы также имеют свои минусы. Люди не любят признаваться в совершении социально не одобряемых поступков, особенно если эти поступки совершены в прошлом и человек считает, что они для него не характерны. Поэтому массовые опросы, как правило, дают более низкие показатели гомосексуальности, чем индивидуализированные клинические интервью, вроде тех, что проводил Кинзи.

Еще сложнее узнать об эротических чувствах и предпочтениях, которых люди сплошь и рядом не осознают или не смеют себе в них признаться. А только поведенческих показателей недостаточно. Можно ли считать гетеросексуальным человека, который просто не смеет реализовать свое гомоэротическое воображение? Или гомосексуалом — того, у кого однополые сексуальные контакты были временными и в какой-то мере вынужденными?

СОВРЕМЕННЫЕ МАССОВЫЕ ОПРОСЫ

Для определения степени распространенности и социально-демографических параметров гомосексуальности лучше всего подходят репрезентативные национальные опросы.

Американский национальный опрос, проведенный в 1992 г. под руководством известных социологов, с участием 220 профессиональных интервьюеров, охватил 3432 научно отобранных респондента (Laumann et al., 1994). Исследование было задумано шире, но Конгресс запре-

тил министерству здравоохранения расходовать на него государственные деньги: ультраправые сенаторы боялись, что опрос покажет рост гомосексуальности. В конце концов деньги дали частные спонсоры, но выборку пришлось уменьшить.

Авторы этого опроса рассматривают однополую сексуальность в трех аспектах:

1). *Сексуальная идентичность* — 2,8 % мужчин и 1,4 % женщин, сказали, что в большей или меньшей степени считают себя гомо- или бисексуалами.

2). *Сексуальное поведение* — 4,9 % мужчин и 4,1 % женщин сказали, что имели какой-то гомосексуальный опыт после достижения 18 лет. Со времени же сексуального созревания гомосексуальный опыт имели 9,1 % мужчин и 4,3 % женщин.

3). *Сексуальное желание или влечение* — 7,7 % мужчин и 7,5 % женщин сказали, что испытывали подобные чувства.

Опрос высветил социальные параметры гомосексуальности, которые сексологи сплошь и рядом недооценивали. Среди мужчин, живущих в 12 самых больших городах США, геями или бисексуалами считают себя свыше 9 %; в следующих 88 по численности населения городах эта цифра снижается до 4,2 %, в небольших городах — до 2 %, а в сельских местностях она меньше 1 %. Сходная тенденция, хотя и не столь резко выраженная, существует и у женщин. В большом городе человеку легче найти подходящую среду и потенциальных сексуальных партнеров, проверить и осознать собственные эротические предпочтения. Причем среда, в которой человек рос и воспитывался до 14 лет, влияет на его сексуальную ориентацию сильнее, чем та, в которой он живет.

Такую же дифференцирующую роль играет образование. Среди людей с университетским образованием вдвое больше мужчин и в 8 раз больше женщин считают себя гомосексуалами, чем среди тех, чье образование ограничилось средней школой. Почему? Образованные люди больше сексуально экспериментируют? Или смелее говорят о себе? Или сказывается более терпимая семейная среда их детства (высшее образование — явление классовое)? Или сама жизнь в университетском кампусе, без родительского контроля, благоприятствует сексуальному экспери-

ментированию? Каждая из этих гипотез (и многие другие, например, что геи и лесбиянки предрасположены к интеллектуальной деятельности) имеет право на существование и может быть научно проверена, доказана или опровергнута. Но самый факт социальной дифференциации сомнению не подлежит.

Британский национальный опрос, проведенный в 1990—1991 гг., охватил почти 19 тысяч респондентов от 16 до 59 лет (Wellings et al., 1994); правительство Тэтчер отказалось его финансировать, опасаясь услышать о росте гомосексуализма, как испугались этого и американские консерваторы. Наличие гомосексуального опыта признали 6,1 % мужчин и 3,4 % женщин, но только 1,1 % и 0,4 % сказали, что имели такие контакты в прошлом году. Исключительно гомосексуальными признали себя лишь 1 % мужчин и 0,3 % женщин. Как и в США, более образованные мужчины чаще имеют гомосексуальный опыт: 9,5 % профессионалов и менеджеров против 3,2 % квалифицированных рабочих и 4,7 % мало- и неквалифицированных рабочих. По регионам безусловно лидирует Лондон, вдвое превосходя прочие части страны, а самым консервативным является север.

Французский национальный опрос, охвативший свыше 20 тысяч респондентов (Spira et al., 1993), был проведен в 1991 г. по телефону (в США и в Англии интервьюеры ходили по домам лично). Хотя уровень терпимости к однополый любви во Франции значительно выше, чем в США, гомосексуальная практика здесь встречается реже (Michaels and Lhomond, 2000). Наличие гомосексуального опыта в течение жизни признали 4,1 % мужчин и 2,6 % женщин, в последние 5 лет — 1,4 % и 0,45, в последние 12 месяцев — 1,1 % мужчин и 0,3 % женщин. Любопытно, что наличие у себя гомоэротического желания женщины признают чаще, чем мужчины, — 6,6 % против 4,6 %, в поведении же все наоборот. У мужчин пик гомосексуальной активности наблюдается между 20 и 24 годами, а у женщин — в 25—29 лет. Число однополых сексуальных партнеров у женщин в течение жизни более или менее стабильно, у мужчин же оно сначала резко возрастает, достигая высшей точки между 35 и 44 годами, а затем почти так же резко снижается.

По данным *финляндского национального опроса* 1992 г. (Kontula and Naavio-Mannila, 1995), эротические чувства,

сексуальное поведение и сексуальная идентичность у финнов зачастую не совпадают. Хотя терпимость к однополым отношениям с 1972 г. (дата предыдущего национального опроса) заметно выросла, число людей, считающих себя гомосексуалами, осталось прежним, среди мужчин таковых вдвое больше, чем среди женщин. Сексуальное влечение исключительно или преимущественно к своему полу признали 0,9 % мужчин и 0,5 % женщин, смешанное, бисексуальное влечение (в разных пропорциях) — 5,8 % опрошенных. Практический гомосексуальный опыт, включая взаимную мастурбацию, оральный и анальный секс, имели около 5 % финнов.

В *шведском национальном опросе* 1996 г. (Lewin, 2000) наличие однополых сексуальных отношений признали 2,3 % респондентов. Влюблялись в людей своего пола 2,2 % и испытывали влечение к ним 4,5 %. Гомосексуальные фантазии посещали свыше 10 % опрошенных. Хотя у мужчин гомосексуальные фантазии появляются реже, чем у женщин, мужчины значительно чаще реализуют их в поступках.

Данные по другим европейским странам более или менее того же порядка (Sandfort, 1998). В Бельгии (1993) наличие гомосексуального опыта признали 4,8 % мужчин и 1,9 % женщин, в Западной Германии (1990) — 4,0 % и 4,2 %, в Норвегии (1992) — 4,8 % и 3,6 %. В либеральной Голландии в 1989 г. наличие гомосексуального опыта признали 11,7 % опрошенных мужчин и 4,4 % женщин, но в последний год перед опросом однополые контакты имели лишь 5,5 % мужчин и 0,9 % женщин (Sexual Behaviour and HIV/AIDS Risk in Europe, 1995, table 1.9).

Расхождения в цифрах, по мнению ученых, зависят как от особенностей выборки, так и от формулировки вопросов. Но эмоциональные, поведенческие и идентификационные самохарактеристики часто не совпадают.

По данным австралийского национального опроса близнецов (4901 человек от 19 до 52 лет) среди мужчин наличие гомосексуального опыта в течение жизни признали 15,2 %, сексуальное влечение к лицам своего пола испытывали 11,5 %, не считают себя гетеросексуальными 6,4 %. У женщин соответствующие цифры составляют 7,9, 10,6 и 3,5 % (Bailey et al., 2000).

Рассогласованность стабильной сексуальной ориента-

ции («к людям какого пола меня преимущественно влечет»), более текучих и изменчивых эротических предпочтений («вообще-то я люблю женщин, но вот этот парень страшно меня привлекает») и сексуальной идентичности («кем я себя считаю») ярко продемонстрировало большое сравнительное исследование, респондентами которого были 1962 американских, 1833 английских и 2294 французских мужчин и женщин. Гомоэротическое влечение без гомосексуальных контактов пережили в США 8,7 % мужчин и 11,1 % женщин, в Англии — 7,9 % и 8,6 %, во Франции — 8,5 % и 11,7 %. Гомосексуальные контакты имели 6,2 % американцев, 4,5 % англичан и 10,7 % французов и, соответственно, 3,6 %, 2,1 % и 3,3 % женщин этих трех стран. Если соединить оба показателя, получится, что гомосексуальное поведение и/или влечение за последние 5 лет в этих трех странах пережили 20,8 %, 16,3 % и 18,5 % взрослых (старше 15 лет) мужчин и 17,8 %, 18,6 % и 18,5 % женщин. Эти цифры выше, чем в остальных исследованиях подобного типа. Но можно ли назвать всех этих людей гомосексуалами? Ни в коем случае. Во-первых, они сами так не считают. Во-вторых, гомосексуальная идентичность обычно понимается как нечто исключительное, между тем доля людей, имевших за последнее пятилетие только гомосексуальные контакты, во всех трех странах очень невелика, только в Англии он превышает 1 % (Sell, Wells, Wypij, 1995).

Поскольку в больших национальных выборках гомосексуалов обычно оказывается мало, для более детального их изучения проводятся специальные выборочные исследования. В 1969—1970 гг. сотрудники Института Кинзи опросили 979 гомосексуальных мужчин и женщин в большом Сан-Франциско, сравнив их с контрольной группой из 477 гетеросексуалов из того же региона (Bell and Weinberg, 1987; Bell, Weinberg and Hammersmith, 1981). В 1983—1985-х гг. исследование было дополнено аналогичным опросом сан-францисских бисексуалов (Weinberg, Williams and Prior, 1994). Немало крупных анкетных исследований посвящено однополым парам, гомосексуальным подросткам и ВИЧ-инфицированным. В Германии традицию, начатую Хиршфельдом, возродили в начале 1970-х гг. Мартин Даннекер и Раймут Райхе, которые опросили и

статистически описали сексуальное поведение, установки и стиль жизни 789 мужчин-гомосексуалов (Dannecker, Reiche, 1974). Двадцать лет спустя Даннекер повторил эту анкету, проследив, как изменились сексуальное поведение и ценности немецких геев под влиянием эпидемии СПИДа (Dannecker, 1990). Обстоятельное анкетное исследование поведения и установок 546 молодых (средний возраст — 31,1 года) мужчин-гомосексуалов бывшей ГДР провел в начале 1990-х гг. Курт Штарке; для сравнения использовались данные массового опроса 3103 мужчин и женщин от 16 до 48 лет (Starke, 1994). В Англии сексуальное поведение 1000 геев и бисексуалов в контексте эпидемии СПИДа на протяжении 4 лет (1987—1991) изучалось в рамках проекта СИГМА (Davies et al., 1994). Солидные опросы гомосексуального населения проводились в Канаде (Myers et al., 1993), Чехии (Stehlikova, Prochazka, Hromada, 1996) и других странах.

В России общенациональных сексологических опросов никогда не проводилось. Есть только выборочные обследования. В таблице приведены данные репрезентативного опроса населения Санкт-Петербурга весной 1996 г. (2078 человек от 18 до 74 лет) (Gronow et al., 2001).

Вопрос. Люди иногда чувствуют, что кроме представителей противоположного пола их сексуально привлекают и представители своего пола. Привлекает ли Вас сейчас:

	М 18—34	М 35—54	М 55—74	Всего
Только мужской пол	2,7	0,6	1,3	1,6
Прежде всего мужской пол	0,0	0,3	0,7	0,3
Мужской и женский пол одинаково	1,3	0,6	0,0	0,8
Больше всего женский пол	6,4	3,8	2,0	4,5
Только женщины	89,6	94,6	96,0	92,9
%	100	100	100	100
N	297	312	150	759

	Ж 18—34	Ж 35—54	Ж 55—74	Всего
Только мужской пол	81,4	92,6	93,9	89,0
Прежде всего мужской пол	16,4	3,8	2,9	8,0
Мужской и женский пол одинаково	1,6	1,3	0,8	1,3
Больше всего женский пол	0,0	0,2	0,4	0,2
Только женщины	0,5	2,0	2,0	1,5
%	100	100	100	100
N	371	448	245	1064

Из таблицы видно, что в период проведения опроса исключительно и преимущественно гомоэротические чувства (влечения) испытывали 1,9 % мужчин и 1,7 % женщин, исключительно и преимущественно гетеросексуальные чувства характерны для 97,7 % мужчин и 97 % женщин, бисексуальными считают свои влечения 0,8 % мужчин и 1,3 % женщин. Эти распределения связаны с возрастом. Более молодые мужчины (18—34) признают у себя наличие исключительно гомосексуального влечения вдвое чаще, чем пожилые (55—74 года): 2,7 % против 1,3 %. Для молодых женщин более характерна бисексуальность — 1,6 %. Напротив, доля исключительно гомосексуальных влечений возрастает с 0,5 % в молодости до 2,0 % после 35 лет. Как реализуются эти влечения и насколько они устойчивы, мы не знаем.

При анкетном опросе 2800 16—19-летних российских девушек и юношей (в Москве, Новгороде, Борисоглебске и Ельце) весной 1995 г. на вопрос «Чувствовали ли вы сами сексуальное влечение к лицам своего пола?» положительно ответили 2,0 % юношей и 4,8 % девушек. «Сексуальное внимание к себе со стороны людей своего пола» замечали 8,3 % мальчиков и 10,1 % девочек. На вопрос «Были у вас с каким-то человеком своего пола отношения, которые вы могли бы назвать сексуальной близостью?» положительно ответили 3,3 % мальчиков и 5,1 % девочек (Червяков, Шапиро, Кон, 1995).

Сексуальная идентичность, гомосексуальное поведение, гомоэротизм, гомосоциальность и гомофилия (вспомните Решетку Клайна) по-разному сочетаются у разных людей и в разных культурах. В начале XX в. решающее значение придавали сексуальным действиям, в середине его на первый план вышли эротические предположения, а в конце века — самосознание и идентичность.

К тому же сюда примешивается политика. Некоторые идеологи геевского движения держатся за пресловутые «10 процентов», чтобы подчеркнуть свою потенциальную силу и влияние. Их противники, наоборот, стараются преуменьшить значение проблемы: раз «их» не 10 %, а только 5 % или 2 %, о чем вообще говорить? (Ткаченко, 1999, с. 355)

Это очень опасная логика. Можно не соглашаться с Достоевским, что счастье человечества не стоит слезы одного ребенка (хотя если это ваш собственный ребенок, вы, возможно, посмотрите на дело иначе), но 2 % населения России — это почти 3 миллиона, а 5 % — почти 7,5 миллиона людей! Это огромные цифры! А поскольку сексуальная ориентация многомерна, то проблема эта вообще не поддается локализации, затрагивая жизненные интересы множества людей, которые формально не относятся к сексуальным меньшинствам.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ. ПРОБЛЕМА БИСЕКСУАЛЬНОСТИ

Новые опросы не только обогатили старую шкалу Кинзи, но и поставили под вопрос некоторые ее теоретические предпосылки (McWhirter, Sanders, Reinisch, 1990; Haslam, 1997; Kinsey: a 50th anniversary, 1998). Самая спорная часть теории Кинзи — представление, что разница между гомо- и гетеросексуалами — только количественная, что это просто полюсы одного континуума. Эта идея чрезвычайно плодотворна в том смысле, что снимает разговор о гомосексуалах как об особой породе людей. Но в таком случае подавляющее большинство людей должно быть бисексуальным, а исключительная гетеросексуальность быть почти такой же редкой, как исключительная гомосексуальность.

Однако этого не происходит. Большинство людей не только не считают себя бисексуалами, но и не экспериментируют в этом направлении, а люди, имеющие бисексуальный опыт, в большинстве случаев останавливаются на чем-то одном, так что с возрастом жизненные пути гетеро- и гомосексуалов не сближаются, а расходятся. Некоторые генетики утверждают даже, что у мужчин, в отличие от женщин, бисексуальность вообще не существует.

В современной сексологии понятие бисексуальности крайне неопределенно (Weinberg, Williams, Priog, 1994; Fox, 1995; Garber, 1995). Одни авторы, вслед за Фрейдом, считают ее универсальным явлением, коренящимся в законах половой дифференциации, допускающей, в известных пределах, развитие организма как по мужскому, так и по женскому типу (иногда, вслед за Джоном Мани, это называют бипотенциальностью). Выбор пола предпочитаемого сексуального объекта в этом случае также выглядит подвижным, текучим и в большой степени зависящим от воспитания. Однако клиника транссексуализма показывает, что смена пола имеет достаточно жесткие биологические пределы и «сделать» из биологически нормального мальчика девочку не удается.

Если же ограничить понятие бисексуальности сферой сексуально-эротических переживаний, то индивидуальные свойства бисексуалов настолько различны, что их носители не образуют единой группы. Весьма различны и психологические функции бисексуальности.

Иногда это просто социальная мимикрия (например, гетеросексуальный брак служит прикрытием гомосексуальных отношений). Или продиктованное любопытством юношеское сексуальное экспериментирование. Или групповой секс, когда тела сплетаются друг с другом в любых сочетаниях, так что половые различия практически утрачивают значение. Нередко налицо своеобразная «специализация» эмоциональных привязанностей и/или сексуальных позиций: молодой человек одинаково охотно спит и с мужчинами и с женщинами, но с женщиной он обязательно должен быть «сверху», а с мужчиной — «снизу».

Есть и такие люди, которые просто не уверены, что или кто им больше нравится.

Когда вы обнимаетесь
у меня на глазах,
я никак не могу решить,
на чьем месте хотела бы оказаться.

(Абеляр, 1993)

Ситуативная бисексуальность особенно часто встречается в богемной среде. Вуди Аллен как-то сказал своему бисексуальному продюсеру: «Что бы ни говорили о бисексуальности, у тебя на 50 % больше шансов найти партнера на субботнюю ночь». Художник Ларри Райверс, знаменитый бабник, в молодости имел и несколько связей с мужчинами, включая поэта Джона О'Хару, и нисколько не смущался этим: «В двадцать семь лет гомосексуальный акт был для меня приключением, вроде того, как попробовать новую позицию с женщиной; я был настолько уверен в своей гетеросексуальности, что мог позволить себе быть гомосексуалом». Киноактер Джеймс Дин, которого один из его любовников назвал «мультисексуалом», на прямой вопрос о своей сексуальности ответил: «Конечно, я не собираюсь прожить всю жизнь с одной рукой, привязанной к спине». А писатель Гор Видал сказал, что он «трисексуал»: «Когда я был молод, даже неохраняемая дыня не была в моем обществе в безопасности» (Garber, pp. 149, 156). Вряд ли за этим стоит единый сексуальный сценарий.

Что же касается людей, для которых бисексуальность — более или менее постоянный стиль жизни в течение нескольких лет, то по большинству социодемографических и психосексуальных свойств они стоят посередине между гетеро- и гомосексуалами, но тяготеют к тому или другому полюсу. При этом многие из них (около 30 %) в дальнейшем «мигрируют» в сторону гомосексуальности, а некоторые, наоборот, становятся гетеросексуалами (McKirnan et al., 1995; Stokes, Damon and McKirnan, 1997).

Короче говоря, массовые анкетные исследования — необходимый и важный, но далеко не единственный метод современной сексологии, его результаты необходимо сравнивать с данными клиники и другими источниками.

1-4. ГЕНЫ, ГОРМОНЫ И МОЗГ

Точно знают, только когда мало знают; вместе со знанием растет сомнение.

Иоганн Вольфганг Гете

Какой ужас. Они своим глупым медицинским умом описали наше поведение. А если мы напишем о них, об их чудовищной обездоленной норме, надо закрыть глаза и заплакать, в них не вложено какого-то последнего винтика. Но мы никогда не посмеем их обидеть.

Евгений Харитонов

Биомедицинские исследования гомосексуальности группируются по нескольким взаимосвязанным разделам биологии: 1) сравнительная и эволюционная биология, 2) генетика и молекулярная биология, 3) эндокринология и нейрофизиология.

Традиционная биомедицинская модель сексуальной ориентации исходила из следующих общих предпосылок.

1. При всем многообразии ее форм и проявлений человеческая сексуальность неразрывно связана с половым отбором и репродуктивным поведением, поэтому сексология должна опираться на репродуктивную биологию. Сексуальность — репродукция.

2. Сексуальное поведение, не способствующее продолжению рода, биологически бесполезно, дисфункционально и в конечном счете болезненно, патологично, связано с какими-то нарушениями в механизмах половой дифференциации организма. Сексуальность — гетеросексуальность.

3. Репродуктивное поведение предполагает половой диморфизм, имманентное различие и взаимодополнительность функций и свойств самцов и самок. Нарушая это правило, гомосексуальность является одним из проявлений инверсии половой идентичности, половой роли и/или самосознания. Гомосексуальность — инверсия полоролевых характеристик.

4. Причины этой инверсии могут быть установлены объективно, на уровне организма и его подсистем. Гомосексуальность — биологический феномен.

5. Это делает в принципе возможным если не сейчас, то в будущем исправление, коррекцию или предотвращение гомосексуальности. Гомосексуальность — медицинская проблема.

Современная наука опровергла первые два и поставила под сомнение следующие три постулата.

ГОМОСЕКСУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ У ЖИВОТНЫХ

Сравнительная и эволюционная биология и возникшие на их основе этология и социобиология ставят два главных вопроса: 1) является ли гомосексуальное поведение (сексуальные контакты между особями одного и того же пола) чем-то исключительным, характерным только для человека или оно имеет аналоги в поведении животных? 2) Если такие аналоги есть, какова их функция в продолжении рода, сохранении популяции и т. п.?

Сравнивать сексуальное поведение человека с поведением животных очень сложно. Дело не только в межвидовых различиях. Применительно к животным можно говорить лишь о более или менее определенных действиях, поведенческих актах, мотивах которых мы можем только предполагать, а полового и сексуального самосознания, кристаллизующегося в сексуальной идентичности, у животных по определению нет. Да и сама интерпретация поведенческих актов проблематична. Если мы не можем строго отличить сексуальные действия от несексуальных у человека, как это сделать применительно к животным?

До тех пор, пока гомосексуальность считалась половым извращением, зоологи, как и антропологи, старались не замечать сексуальных контактов и отношений между особями одного и того же пола или истолковывали их в «несексуальном» смысле. Дескать, животные таким образом демонстрируют друг другу свою силу, или проявляют агрессию, или пытаются помириться после ссоры, или не понимают, что принадлежат к одному полу, или они просто так играют или здороваются. Один зоолог, прославившийся многолетними исследованиями североамерикан-

ских горных овец, признался, что был поражен, увидев, как старый горный баран то и дело покрывал молодого барашка: «Какое мне было осознать, что эти восхитительные зверюги — «педики»!»

Однако факты гомосексуального поведения в животном мире массовы. Канадский ученый Брюс Бэйджмил, обобщивший эмпирические данные на сей счет (Bagemihl, 1999), нашел, что гомосексуальное поведение присутствует по крайней мере у 450 видов животных, а об остальных мы, возможно, просто не знаем (рецензенты этой книги отмечали добротность ее эмпирического материала и одновременно — теоретическую наивность автора). При этом зачастую это не случайные одноразовые контакты, а устойчивые предпочтения и отношения.

Особенно часты однополые союзы среди птиц. Например, у пингвинов, по подсчетам Бэйджмила, каждая двадцатая семья — однополая. В Эдинбургском зоопарке в 1915—1930 гг. пингвина «Эрика», который ухаживал за самкой Дорой, считали самцом, пока «Эрик» сам не снес яйцо. Другая пара пингвинов, которых первоначально называли «Берта» и «Каролина», на проверку оказалась парой самцов. У некоторых групп пингвинов наблюдались однополые союзы, существовавшие в течение шести лет. Самцы серых гусей способны жить друг с другом по 15 лет — в сравнении с общей продолжительностью жизни этих птиц срок невероятный. У высших животных сексуальное поведение зачастую вообще не совпадает с репродуктивным. Многообразные формы гомосексуального поведения животных классифицируются по нескольким признакам.

1. Ситуативно-обусловленные действия. Однополые животные иногда пытаются спариваться друг с другом просто потому, что не могут распознать пол потенциального сексуального объекта. Например, лягушки и жабы не могут определить пол другой особи на расстоянии, активный самец насккивает на любую движущуюся особь своего вида. Самка реагирует на такое поведение рецептивно, тогда как самец стряхнет с себя «насильника». Быки и жеребцы в состоянии полового возбуждения нередко насккивают даже на неодушевленные предметы, но наскок одного самца на другого чаще всего происходит в отсутствие самки, при появлении которой его внимание обычно переключается на нее.

2. Генетически обусловленное поведение. Нарушение генетического кода у рыб и лягушек приводит к тому, что генетические самцы ведут себя как самки, и наоборот. Особенно интересны в этом плане исследования на дрозофилах. Самцы дрозофил, как и многих других, а возможно — всех биологических видов, распознают самок по выделяемым ими пахучим веществам, феромонам. Уловив желанный запах, самец автоматически выполняет последовательную серию операций: устанавливает местоположение самки, следует за ней, поет, лижет и пытается спариться. Самец, в свою очередь, выделяет другое пахучее вещество, отталкивающее от него других самцов. Пересадив дрозофилам особый ген-трансформатор, ученые вывели популяцию самцов с феминизированной системой обоняния. Не улавливая специфических «мужских» запахов, такие самцы «ухаживали» за всеми особями подряд, независимо от пола. Однако безразличие к полу потенциального партнера — не синоним гомосексуальности, тут нет особого «предпочтения». Нарушение генетического кода у животных обычно изменяет не только их сексуальность (с кем и как они спариваются), но все их полодиморфическое поведение. Оно является аналогом не столько гомо-, сколько транссексуальности. Нельзя забывать и о межвидовых различиях.

3. Поведение, имеющее социально-знаковый характер. Имитирование спаривания однополыми особями, наблюдавшееся у многих животных, включая овец, коров, горных коз, ящериц, обезьян, дельфинов, часто выражает иерархические отношения господства/подчинения: доминантный самец или самка выполняют маскулидную, а более слабый партнер — фемининную, женскую роль.

У некоторых обезьян демонстрация эрегированного члена другому самцу — знак агрессии или вызова. Если самец, которому адресован такой жест, не примет позы подчинения, он подвергнется нападению. В стаде существует жесткая иерархия, кто кому может показывать член, которая служит более надежным показателем статуса и ранга отдельных животных, чем даже последовательность приема пищи. Сходные знаки и жесты существуют у павианов, горилл и шимпанзе. В одной из экспериментальных групп вожак показывал свой член всем прочим

животным, остальные самцы делали это строго по рангу, а самый последний, всеми обижаемый самец по кличке Эдгар мог себе позволить такое поведение только по отношению к людям — от сородичей за это попадало.

Механизм передачи такой знаковой системы очень прост: пока детеныш мал, на его эрекции никто не обращает внимания, но как только он вступает в пору полового созревания, взрослые самцы воспринимают его эрегированный член как жест вызова и жестоко бьют подростка, который таким образом усваивает значение этой физиологической реакции и учится контролировать ее. «Отпугивающая» сила эрегированного члена используется и для защиты от внешних врагов. Ничего специфически сексуального в этом поведении нет.

4. Похожее на мастурбацию трение однополых животных друг о друга или имитация спаривания в контексте игрового, социального и эмоционального общения. Чаще всего это делают животные, которые вместе выросли. У обезьян «подставление» нередко служит своеобразным жестом примирения после ссоры: мол, не сердись, я на все согласен. Выросшие вместе и связанные взаимной привязанностью молодые самцы и самки нередко «подставляют» или насакивают друг на друга. То же самое происходит в состоянии аффекта.

5. Сексуально-эротическое поведение, когда животные явно предпочитают сексуальные игры и действия с особями своего пола даже в присутствии особей противоположного пола.

Самцы дельфинов частенько находят себе однополого друга, и такое сожительство продолжается на протяжении всей их жизни. Некоторые дельфины интересуются исключительно самцами, а другие с удовольствием забавляются эротическими играми (и не только играми) как с самцами, так и с самками.

Особенно распространено такое поведение у приматов (Nadler, 1990; Vasey, 1995). В зависимости от вида и условий среды обитания однополые сексуальные контакты практикуют либо только самки (например, диких горных горилл), либо особи обоих полов (например, в однополых группах живущих в неволе макак резусов). Исключительно «мужская гомосексуальность» приматологам неизвестна. Чаще всего гомосексуальное поведение наблюдается у

незрелых животных. На ранних стадиях полового созревания пол партнера еще не имеет существенного значения, в своих сексуальных играх молодые животные отрабатывают технику спаривания, которая понадобится им в дальнейшем. Это поведение может быть связано или не связано с отношениями господства/подчинения. Если иерархические отношения налицо, доминантное животное может занимать при спаривании «верхнюю» позицию, но это не обязательно. Гомосексуальное поведение чаще всего встречается у тех обезьян, которых с раннего детства выращивают в однополой среде, в условиях половой сегрегации.

Таким образом, гомосексуальное поведение в животном мире, как и у людей, полифункционально, оно способно обслуживать разные потребности, это может быть и разрядка сексуального напряжения, особенно в условиях половой сегрегации и сексуальной депривации, и выражение привязанности и ласки, и обозначение иерархических отношений господства и подчинения, и детская ролевая игра, причем эти мотивы не обязательно исключают друг друга. Гомосексуальное поведение может быть и самоценным. Важный момент, на который обратил внимание Бэйджмил, — связь гомосексуального поведения с особенностями **культуры** той или иной **популяции**. Хотя слово «культура» обычно применяется только к людям, разные популяции животных также имеют определенный объем умений и привычек, передающихся от старших к младшим, включая и специфические сексуальные практики. Например, разные группы японских макак практикуют разные гомосексуальные практики и с разной степенью интенсивности.

ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТЬ В СВЕТЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ БИОЛОГИИ

Коль скоро, несмотря на свою явную репродуктивную дисфункциональность, гомосексуальность существует везде и всюду, видимо, она природе зачем-то нужна. Зачем? Однозначного ответа на этот вопрос нет, но наблюдается некоторое сближение подходов.

С точки зрения социобиологии (Wilson, 1976) адаптивная функция гомосексуального поведения состоит в том,

что оно уменьшает внутригрупповую социальную напряженность и сексуальное соперничество. У многих животных молодые самцы, достигнув половой зрелости, еще долго не могут получить доступ к рецептивным самкам. Квазисексуальные контакты с особями собственного пола уменьшают их сексуальную фрустрацию, а тем самым и общую внутригрупповую напряженность. Кроме того, неучастие в процессе размножения какой-то, заведомо небольшой, части популяции, численность которой, возможно, генетически запрограммирована, уменьшает угрозу перенаселения и внутригруппового соперничества из-за средств к существованию. Нерепродуктивное поведение таких особей оказывается социально-альтруистическим, способствуя выживанию семьи или популяции как целого. Самцы не производя потомства, они участвуют в добычании средств существования для своей стаи, защите ее территории, вынуживании чужих детенышей (многие животные воспитывают потомство соотца) и т. п. Гипотеза «гомосексуального альтруизма» применима и к людям, у которых выживание конкретной популяции зависит не столько от темпов рождаемости, сколько от производства материальных и духовных ценностей, чем и занимаются гомосексуалы.

Близкие идеи, независимо друг от друга и без связи с эволюционной биологией, высказывали Фрейд и Розанов. По мнению Розанова, содомиты, будучи неспособными к совокуплению и отказываясь от продолжения рода, имеют возможность целиком посвятить себя духовному производству, воплощая в себе индивидуально-личностное начало бытия: «Кто слагал дивные обращения к Богу? — Они! Кто выработал с *дивным вкусом* все ритуалы? — Они! Кто выткал всю необозримую ткань нашей религиозности? — Они, они!» (Розанов, 1990, с. 73).

Слабость этой теории в том, что хотя для популяции действительно может быть полезно, чтобы некоторые особи не участвовали в репродуктивном процессе, природа могла бы достичь этого не переключением сексуального влечения на особей своего пола, а ослаблением сексуального влечения (сексуальный и энергетический потенциал разных индивидов весьма различен). Между тем сексуальная жизнь многих гомосексуалов весьма интенсивна, а представление об обратном соотношении сексуальной ак-

тивности (все равно какой) и творческих достижений коренится не в биологии, а в христианском аскетизме. Кроме того, однополые пары встречаются даже у тех видов животных, чья общая численность в дикой природе не превышает нескольких десятков особей и никакой угрозы перенаселения у них не существует.

Более сложные биоэволюционные теории связывают происхождение гомосексуальности с генетическими факторами. Предполагается, что на каком-то этапе биологической эволюции самцам стало «выгоднее» быть менее агрессивными и более чувствительными, что достигается путем сохранения некоторых подростковых или усвоения женственных черт (Mellen, 1981). При этом одни и те же гены, но в разных сочетаниях и в разной среде, делают одних самцов более привлекательными для самок, увеличивая их репродуктивный успех, а у других вызывают гомосексуальность. Эта гипотеза имеет две версии. По первой версии, гомосексуалы, подобно «суперсамцам», отличаются повышенной вирильностью, сексуальным влечением и большими гениталиями, но реализуют эти способности иначе, чем «натуральные» мужчины (McKnight, 1997). По другой версии, более раннее сексуальное созревание и высокая сексуальная активность гомосексуальных мужчин свидетельствуют скорее об их женственности, связанной с феминизацией головного мозга. Впрочем, это могут быть просто разные типы гомосексуальных мужчин.

Эдуард Миллер (Miller, 2000) полагает, что сохранение у человека предрасположенности к гомосексуальности — полигенетическая черта, обусловленная несколькими генами. Природа объективно заинтересована в разнообразии и вариативности. Некоторые типичные мужские качества, такие, как сила и агрессивность, способствуя репродуктивному успеху мужчины в борьбе за выживание, дисфункциональны в других отношениях. Женщины предпочитают более спокойных и заботливых партнеров, что дает обладающим соответствующими генами мужчинам определенные репродуктивные преимущества. Кроме того, некоторые виды деятельности требуют сочетания мужских и женских качеств (например, балетный танцовщик должен сочетать мужскую силу с женским изяществом). Поэтому эволюция закрепляет сдвиги в структуре

головного мозга в фемининном направлении, но многое зависит от количества унаследованных аллелей. Один аллель обеспечивает мужчине повышенную чувствительность, мягкость, эмпатию и ласковость. Эти черты делают гетеросексуальных обладателей таких генов лучшими отцами и более привлекательными партнерами для женщин. Однако нарушение баланса (два аллеля вместо одного) способствует появлению гомосексуальности. Аналогичный эффект, возможно, имеет место у женщин: определенный уровень маскулинности облегчает женщине нахождение сексуального партнера, но при избытке этого качества ее самоутверждение приобретает другую направленность.

Биологический смысл этой системы в том, что она способствует повышению степени variability личностных черт потомков, уменьшая тем самым конкуренцию между ними за одни и те же ниши. В этом ключе интерпретируется и тот факт, что гомосексуалы чаще бывают младшими сыновьями. Эти идеи идут в русле общих представлений современной эволюционной биологии, которая связывает половой диморфизм не только с половым отбором, но и с процессами функциональной асимметрии и латерализации мозга (Геодакян, 1998).

ЭНДОКРИНОЛОГИЯ И НЕЙРОФИЗИОЛОГИЯ

Поскольку половые различия и сексуальное влечение так или иначе связаны с половыми гормонами, которые условно подразделяются на мужские (андрогены) и женские (эстрогены), логично предположить, что сексуальная ориентация в первую очередь зависит от них. Эндокринология гомосексуальности сводится практически к трем вопросам: 1) существуют ли у гомосексуалов какие-либо характерные гормональные аномалии; 2) обнаруживают ли люди с определенными эндокринными нарушениями повышенную склонность к гомосексуальности; 3) может ли гормонотерапия изменить сексуальную ориентацию?

На все эти вопросы ответ дается отрицательный. Предположение, что мужчины-гомосексуалы имеют больше эстрогенов, а женщины-лесбиянки андрогенов, относительно мужчин вовсе не подтвердилось, а относительно

лесбиянок повышенный уровень тестостерона имеют лишь около одной трети, у остальных он в пределах нормы. К тому же организм производит стероидные гормоны не регулярно, а как бы толчками, их уровень у одного и того же человека может сильно колебаться, например, в зависимости от времени суток. Гормональный баланс также сильно зависит от возраста; у мужчин уровень тестостерона с возрастом понижается, а уровень эстрогенов, наоборот, растет (Meuer-Bahlburg, 1993).

Однако, если рассматривать гормональные характеристики не изолированно, а в связи с процессами развития организма, картина меняется. В 1970—1980 гг. популярность приобрела нейроэндокринная теория Гюнтера Дёрнера, считающая гомосексуальность следствием нарушения гормонального баланса на ранних стадиях индивидуального развития, в результате чего задерживается или нарушается половая дифференциация головного мозга, а следовательно, и полодиморфического поведения (Dignert et al., 1991). Сравнение экспериментов на животных, у которых искусственное нарушение гормонального баланса (недостаток или избыток андрогенов или эстрогенов) в зародышевой фазе развития повлекло в дальнейшем общее нарушение полоролевой дифференциации, маскулинизацию самок и феминизацию самцов, включая выбор сексуального партнера, с клиникой интерсексуальных состояний человека, когда он не уверен в своей половой принадлежности или недоволен ею, выявило между ними немало общего.

Генетические самцы и самки, подвергшиеся в утробе матери усиленному воздействию андрогенов, в дальнейшем обнаруживают склонность к развитию сексуально-эротического влечения к самкам, что для самки означает гомосексуальность. Напротив, полная нечувствительность зародыша к андрогенам статистически связана с развитием сексуального влечения к самцам; для самца это означает гомосексуальность. Женщины, подвергшиеся в пренатальном развитии усиленному воздействию андрогенов, в дальнейшем часто обнаруживают типично мальчишеское поведение, от 25 до 45% из них имеют лесбийские фантазии, а некоторые становятся лесбиянками (Money, 1988). Однако зависимость эта, как и связь сексуальной ориентации с эстрогенами, неоднозначна. Спорной остается и

гипотеза Дёрнера, что одним из главных факторов возникновения гомосексуальности у мужчин является стрессовое состояние матери в период беременности, способствующее нарушению гормонального баланса и дифференциации мозга зародыша (Bailey, Willerman, and Parks, 1991).

По мнению наиболее авторитетных специалистов, говорить о решающей или существенной роли пре- или постнатальной гормональной регуляции в развитии гомосексуальности, за исключением лиц с явными физическими признаками интерсексуальности (феминизированные мужчины и маскулинизированные женщины), преждевременно (Meyer-Bahlburg, 1995).

Нейроэндокринологические исследования сексуальной ориентации тесно связаны с нейроанатомическими. Поскольку человеческий мозг дифференцирован по полу, ученые начали сравнивать не только мужской и женский мозг, но также мозг гетеро-, гомо- и транссексуалов. В середине 1980 — начале 1990-х гг. несколько работавших независимо друг от друга нейрофизиологов (Дик Своб, Лора Аллен и Роджер Горски, Саймон Левэ) открыли в гипоталамусе особые полодиморфические структуры (полодиморфический нуклеус), которые по своим размерам и числу клеток различны у мужчин и женщин, а по некоторым данным — и у людей с разной сексуальной ориентацией. Однако эти исследования сильно различаются как по своей технике, так и по свойствам людей, мозг которых подвергался изучению. Их выводы не всегда совпадают (Swaab and Hofman, 1990; LeVay, 1991; Allen and Gorski, 1992; Swaab, Gooren, and Hofman, 1995; Reite et al., 1995). Короче говоря, взаимосвязь между полодиморфическими центрами головного мозга с одной стороны и сексуальной ориентацией и половой идентичностью с другой, по-видимому, существует, но что конкретно из этого вытекает, сказать трудно (Вупе, 1995).

В ПОИСКАХ ГЕНА ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ

Наибольших успехов в изучении биологии гомосексуальности добилась в последние годы генетика. Чтобы решить, является ли гомосексуальность генотипическим, врожденным и передаваемым по наследству свойством, ученые идут тремя путями. Во-первых, изучают

«семейное древо» гомосексуалов: были ли гомосексуалы среди их ближайших родственников и предков. Во-вторых, сравнивают свойства монозиготных (однойяйцевых), развившихся из одной и той же яйцеклетки, и дизиготных (двухяйцевых), развившихся из разных яйцеклеток, близнецов. Монозиготные близнецы разделяют весь исходный генетический материал, а дизиготные — только половину его. В-третьих, молекулярная генетика старается найти и локализовать самый ген, который предположительно порождает гомосексуальность.

Первые два пути оказались успешными, ученые установили ряд важных закономерностей.

1. Доказано, что гомосексуальность — явление семейное (Bailey et al., 2000; Dawood et al., 2000). Там, где есть один гомосексуал, существует большая вероятность найти других, особенно среди родственников по материнской линии. Мужская и женская гомосексуальность, по-видимому, зависят от разных семейно-генетических факторов, но каковы эти факторы и демографические особенности предрасположенных к гомосексуальности семей, неясно. Систематическое сравнение структуры семей мужчин-гомосексуалов с аналогичными контрольными группами показало, что чаще всего гомосексуалами оказываются младшие сыновья, причем критическим фактором является наличие старших братьев: каждый дополнительный старший брат увеличивает вероятность гомосексуальности на 33 % (Blanchard, 1997). Однако повышенное число братьев и сестер характерно только для семей крайне феминизированных гомосексуалов. Ученые связывают эти тенденции с действием генетических факторов и специфическими иммунными реакциями материнского организма на мужской и женский плод (Blanchard and Klassen, 1997). Сравнение 37 пар, в которых оба брата были гомосексуалами, показало, что подавляющее большинство младших братьев открыли свои гомосексуальные чувства раньше, чем узнали о гомосексуальности старшего брата (Dawood et al., 2000). Следовательно, действует не влияние старшего брата, а генетическая предрасположенность.

Порядок рождения имеет важные психологические последствия не только для сексуальной ориентации. Первенцы, как правило, отличаются более высоким уровнем активности, жесткости и агрессивности, чем младшие сы-

новья (это может объясняться как особенностями социализации, так и разным уровнем тестостерона). Младшие сыновья часто кажутся более мягкими, женственными и психологически гибкими. В дальнейшем это способствует развитию у них творческих способностей и склонности к принятию нестандартных решений (Sulloway, 1996).

2. Среди родственников гомосексуалов по материнской линии процент людей, которые не вступали в брак, или чьи браки остались бесплодными, или у которых были самопроизвольные аборты, выкидыши и мертворождения, или которые совершали самоубийства, значительно выше, чем среди родни по отцовской линии. Хотя эти факты допускают и негенетическое объяснение (психологический климат в семье может передаваться из поколения в поколение), ученые придают им важное значение.

3. Конкордантность (совпадение) по гомосексуальности монозиготных близнецов значительно выше, чем дизиготных. У 56 монозиготных мужских пар совпадение по гомосексуальности составило 52 %, а у 54 дизиготных пар — только 22 %. Среди аналогичных женских пар соответствующие цифры составили 48 и 16 % (Bailey and Pillard, 1995). Как заявил руководитель американского национального исследования близнецов К. С. Кендлер, хотя сексуальная ориентация отнюдь не детерминирована генетически, гены явно играют какую-то роль, взаимодействуя с разными факторами среды. Из 794 пар обследованных близнецов негетеросексуальная ориентация была обнаружена у 2,8 % (3,1 % мужчин и 2,5 % женщин), конкордантность у монозиготных близнецов составила 31,6 %, а у дизиготных — 8,3 %; (Kendler et al., 2000). Неполное совпадение (меньше 100 %) может объясняться тем, что в отличие от испытуемого, у которого соответствующий ген проявляется активно, его сиблинг (брат или сестра) или другой родственник может нести этот ген в неактивной форме и быть гетеросексуалом.

4. В материнском поколении гомосексуальных мужчин и женщин нарушено статистически нормальное соотношение потомков мужского и женского пола; оно очень близко к тому, какое наблюдается у отцов, страдающих одним из известных генетических нарушений мужской X-хромосомы (так называемый маркер Xq28).

Именно этим маркером и занялся американский биохимик Дин Хеймер (Hamer and Copeland, 1994; Левэй и Хэмер, 2000). С помощью медицинских и геевских организаций Хеймер отобрал 114 добровольцев-геев. 76 из них были случайными, их семейные истории не были заранее известны, а 38 заведомо имели гомосексуальных братьев. Испытуемых подробно опросили об их сексуальных влечениях, эмоциональных привязанностях и сексуальном поведении в детстве, в юношеском возрасте и в прошлом году. Была собрана подробная информация о 76 геях и о более чем 1000 их родственниках. Затем ученые стали искать, какая из 3 миллиардов клеток ДНК, составляющих геном человека, является общей для гомосексуалов и отличается их от остальных мужчин. Им удалось обнаружить искомый маркер в точке Xq28, расположенной на самом верху длинной руки X-хромосомы, там же, где расположены гены дальтонизма и гемофилии; близорукость и диабет также имеют здесь свои гены. Из 40 обследованных гомосексуальных братьев 33 имеют в Xq28 один и тот же ряд из пяти маркеров.

Значит ли это, что наука наконец-то выяснила «причину» гомосексуальности? Вначале Хеймер отвечал на этот вопрос осторожно, подчеркивая, что он открыл не «ген гомосексуальности», а только переходное звено между гомосексуальностью и частью одной хромосомы. Между двумя маркерами, GABRA3 и DXYS154, где, по данным Хеймера, расположены гены гомосексуальности, находится около 5 миллионов базовых пар ДНК. Локализовать среди них отдельный ген так же трудно, как найти в большом городе человека, обойдя двести квартир. С течением времени оптимизм сотрудников Хеймера и работающих с ними журналистов стал расти. Начали писать, что сексуальная ориентация генетически чрезвычайно проста, локализована в одном-единственном гене и, как только его удастся найти, будет возможным и его «медицинское изменение».

Однако канадские генетики, повторившие исследование Хеймера, не получили ожидаемых результатов. И хотя они уверены, что гомосексуальность детерминирована генами, все же думают, что эти гены не локализованы в X-хромосоме (Rice et al., 1995). Были высказаны также методологические сомнения — нет ли подобных генетических маркеров у гетеросексуальных братьев испытуемых, на-

сколько изученные семьи представляют гомосексуальное население в целом, какие специфические гены имеют бисексуалы и лесбиянки и т. д. Даже у дрозофил «гомосексуальное» поведение регулируется как минимум двумя разными генами. Вполне возможно, что человека делает гомо- или гетеросексуалом не один, а сто различных генов плюс тысяча разных форм индивидуального опыта. По предположению Хеймера, только одна десятая мужчин, считающих себя гомосексуалами, является носителем соответствующего гена. А чем объясняется сексуальная ориентация остальных?

Короче говоря, научная сенсация не состоялась. Когда в 2001 г. было опубликовано американское исследование генома человека, коллеги-сексологи спросили Хеймера, как в этом свете выглядит его работа. Хеймер ответил, что на роль «генов гомосексуальности» есть много возможных кандидатов, как в *Hq28*, так и в любом другом месте генома. Чтобы проверить это, нужно сравнить ДНК многих индивидов, сексуальная ориентация которых известна. Сегодня это не сделано.

Данные о биологических коррелятах гомосексуальности продолжают накапливаться. Тут и левшество (Lalumiere, Blanchard and Zucker, 2000), и длина пальцев (см. обзор Яковлев, 2000), и размеры пениса (Bogaert and Hershberger, 1999), и строение слухового аппарата (McFadden and Pasanen, 1998), и соотношение циклов сна и бодрствования (Rahman and Silber, 2000), и особенности иммунных процессов (Binstock, 2002). Но хотя все эти данные связаны с теми или иными биологическими теориями, они не могут служить ни диагностическими критериями, позволяющими отличить гомо- от гетеросексуала, ни объяснением самого феномена гомосексуальности.

И в этом нет ничего удивительного. Разница между гомо- и гетеросексуальными индивидами, как бы мы ее ни объясняли, заведомо меньше, чем разница между мужчинами и женщинами. Половые различия существуют на всех уровнях биологического развития и строения организма. Но ни одно из этих различий не только не объясняет особенностей социального поведения мужчин и женщин, но даже статистически не коррелирует с ними. Индивидуальные и социально-групповые различия везде и всюду перебивают межполовые.

ПОЛ, ГЕНДЕР И СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Биомедицинские теории гомосексуальности всегда были тесно связаны с изучением общих проблем половой дифференциации («женская душа в мужском теле» и т. п.). До середины XX в. половая принадлежность индивида считалась более или менее определенной биологической данностью, из которой автоматически выводились все телесные, социальные и психологические различия между мужчинами и женщинами. Но что такое пол и в чем именно коренятся различия мужского и женского? Мы говорим о мужском и женском теле, мужских и женских социальных ролях, мужской и женской психологии. Но насколько взаимосвязаны, жестки, велики и универсальны эти различия?

В репродуктивном процессе (продолжение рода) мужчина и женщина выступают как противоположные, альтернативные, взаимоисключающие и взаимодополнительные начала. Многие другие половые различия выглядят менее определенными, изменчивыми, даже факультативными. Конкретные мужчины и женщины бывают очень разными и по своему физическому облику, и по своим психическим свойствам, и по своим интересам и занятиям, а наши нормативные представления о «мужественности» (маскулинности) и «женственности» (фемининности) хотя и отражают некие реалии, в целом являются не чем иным, как стереотипами общественного сознания. С появлением в 1930-х гг. специальных психологических тестов для измерения маскулинности и фемининности эта проблема стала особенно острой, причем выяснились три важных обстоятельства.

Во-первых, мужчины и женщины обладают разными **степенями** маскулинности и фемининности, они могут быть более или менее маскулинными, фемининными или же андрогинными, сочетающими в себе мужские и женские свойства (слово «андрогиния» происходит от соединения двух греческих корней: *андрос* — мужчина и *гине* — женщина).

Во-вторых, маскулинность и фемининность **многогранны и многомерны**, «мужское» телосложение может сочетаться с «женскими» интересами и чувствами, и наоборот, причем это зависит от ситуации и сферы деятельнос-

ти (деловая женщина может быть нежной в постели и агрессивной в бизнесе).

В-третьих, наши понятия о маскулинности и фемининности и соответствующие психологические тесты покоятся не на строгих аналитических теориях, а на житейском здравом смысле и повседневном опыте: мы называем какие-то черты или свойства женскими (фемининными), потому что в доступном нам эмпирическом материале их чаще или сильнее проявляли женщины, но это может зависеть не от биологии, а от среды и воспитания.

Происходящие на наших глазах изменения в социальном положении женщин и мужчин подорвали многие привычные стереотипы, побуждая рассматривать эти различия и вариации не как патологические извращения (перверсии) или нежелательные отклонения (девиации) от подразумеваемой нормы, а как нормальные, естественные, в чем-то даже необходимые.

Это заставило ученых пересмотреть и самое понятие пола. Современная наука различает биологический и социальный пол. **Пол подразумевает биологические свойства, на основании которых человеческие существа определяются как мужчины или женщины.** Социальный пол, **гендер** (английское gender, от лат. gens — род) подразумевает социально детерминированные роли, идентичности и ответственности мужчин и женщин, зависящие не от биологических половых различий, а от социальной организации общества (см. об этом МЦГИ, 2000; Введение в гендерные исследования, 2001).

Хотя научная терминология еще не вполне устоялась и слова «гендер» и «пол» и их производные иногда употребляются как синонимы, их различие имеет принципиальное значение. По образному выражению американского антрополога Кэтрин Марч, пол относится к гендеру как свет к цвету (Vem, 1995). Пол и свет — естественные физические явления, допускающие объективное измерение. Гендер и цвет — исторические, культурно обусловленные категории, с помощью которых люди группируют определенные свойства, придавая им символическое значение. Хотя физиология восприятия света у людей более или менее одинакова, одни культуры терминологически различают только два или три, а другие несколько десятков и даже сотен цветов. То же с полом и гендером. Однако вариаций тут еще больше.

Репродуктивная биология знает только два противоположных пола — мужской и женский. Но далеко не весь спектр половых различий связан с репродукцией. Приведенное выше определение пола, разрабатываемое Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), не содержит указания на репродуктивные процессы и допускает наличие смешанных, переходных форм от женского начала к мужскому. Эти переходные формы конструируются по-разному. Известная американская феминистка, профессор биологии Анна Фаусто-Стерлинг (Fausto-Sterling, 1993) говорит о *пяти полах*, связанных с определенными анатомическими свойствами: 1) обладатели женских гениталий — женщины, 2) обладатели мужских гениталий — мужчины, 3) обладатели смешанных гениталий — гермафродиты (гермы), 4) обладатели преимущественно женских, но с мужскими элементами, гениталий — фемининные псевдогермафродиты (фермы) и 5) обладатели преимущественно мужских, но с женскими элементами, гениталий — маскулинные псевдогермафродиты (мермы). Если исходить не из строения гениталий, а из направленности сексуального желания, получаются 5 типов гендерной идентичности: мужской, женский, мужской-гомосексуальный, женский-гомосексуальный и транссексуальный.

С точки зрения репродуктивной биологии эта классификация, «уравнивающая» сексуальные/гендерные меньшинства с «нормальными» мужчинами и женщинами, кажется нелепой (Белкин, 2000). Но за ней стоят реальные проблемы. Любое поведение человека, в том числе репродуктивное и сексуальное, так или иначе связано с его самосознанием и гендерной идентификацией. **«Гендерная идентичность определяет степень, в которой каждый индивид идентифицирует себя в качестве мужчины, женщины или некоего сочетания того и другого. Это внутренняя структура, создаваемая в процессе развития, которая позволяет индивиду организовать образ Я и социально функционировать в соответствии с ее/его воспринимаемым полом и гендером. Гендерная идентичность определяет то, как индивид переживает свой гендер, и способствует чувству индивидуальной тождественности, уникальности и принадлежности»** (РАНО/WHO, 2000).

Коль скоро гендерная идентичность не дается человеку автоматически, при рождении, а вырабатывается в резуль-

тате длительного и сложного взаимодействия его природных задатков и гендерной социализации, «типизации» или «кодирования», активным участником которого является сам субъект, принимающий или отвергающий предлагаемые ему/ей социальные роли и модели поведения, возможны даже случаи перекодирования или «перестановки» гендерной идентичности с мужской на женскую или наоборот. В просторечии это называется переменной или сменой пола.

Состояние, когда индивид не может принять данный ему на основании его анатомического пола гендерный статус мужчины или женщины и испытывает острую неудовлетворенность им, называется расстройством гендерной идентичности или гендерной дисфорией (греческое слово *dysphoria* означает «непереносимость»)¹. Это мучительное состояние может иметь разные причины, проявления, длительность и глубину.

Самая глубокая, всеобъемлющая форма кроссгендерности — **транссексуализм**, когда индивид полностью отвергает свой гендерный статус и добивается его смены, включая соответствующую хирургическую операцию, смену паспортного пола и т. д. В более мягком варианте индивид не меняет своего анатомического и гражданского пола, но чувствует себя отчасти мужчиной, а отчасти женщиной и потому в определенных ситуациях нарушает привычные гендерные границы, например, путем переодевания (трансвестизм). Наконец, существует множество случаев, когда человек не сомневается в своей половой идентичности, но не может «определиться» относительно каких-то ее конкретных аспектов, например сексуальных, что порождает конфликты в его образе Я и поведении.

В отличие от гомосексуальности, транссексуализм — сравнительно редкое явление, но, по мере того как люди узнают о возможности изменения пола, количество гендерных дисфориков растет. Еще недавно считалось, что один транссексуал приходится на 30 000 мужчин и на 100 000 женщин, но по новейшим голландским данным в этой стране один транссексуал приходится на 11 900 муж-

¹ В российскую психиатрию слова «гендер» и «идентичность» пока не вошли, соответствующие явления называют расстройствами половой идентификации. Это делает русские переводы некоторых международных терминов не совсем адекватными.

чин и на 30 400 женщин (Kesteren et al., 1996). Причем, вопреки прежним представлениям, большинство этих людей психически нормальны, не страдают психозами и другими серьезными психическими расстройствами (Collier et al., 1997). При правильной диагностике и лечении смена пола приносит им облегчение. Из 1275 голландских транс-сексуалов, сменивших пол с 1975 по 1992 г., сожалеют об этом только пятеро мужчин.

О «съемности» гендерной идентичности говорят и этнографические данные: многие культуры не только признают наличие людей «третьего пола», но и создают для них специальные социальные ниши и гендерные идентичности (я буду говорить об этом во второй части книги).

Разумеется, «просто так» изменить гендер нельзя, само это желание имеет природные, биологические предпосылки. Особенно осторожно нужно обращаться с детьми. Это убедительно показала драматическая история Дэвида Раймера (Diamond and Sigmundson, 1997, подробный, но не всегда корректный журналистский рассказ этой истории — Colapinto, 2000).

Тридцать с лишним лет назад в одной американской семье родились мальчики-близнецы. С одним все было в порядке, а у другого обнаружился фимоз (слишком тесная крайняя плоть, не позволяющая обнажить головку члена). Чтобы избавить его от будущих неприятностей, 8-месячному Дэвиду сделали обрезание, но операция оказалась неудачной, мальчик лишился большей части члена. После этого стать полноценным мужчиной Дэвид не мог, и родители, по совету врачей, среди которых был крупнейший сексолог и педиатр Джон Мани, решили превратить его в девочку, подобно тому, как это делают с гермафродитами. У него удалили остатки изуродованного члена и яички, сделали искусственное влагалище и стали воспитывать как девочку. Вначале опыт казался удачным, рассказ о нем вошел в учебники сексологии. Но обернулось это катастрофой.

Хотя маленькую девочку одевали в женское платье, дарили девчачьи игрушки и обучали исключительно девичьим манерам, она срывала украшения, отказывалась от кукол, предпочитала играть с мальчиками, а вместо косметики, к которой ее приучала мать, подражала тому, как бредется отец. За ее манеры и внешность одноклассницы

разнили ее «гориллой» и «мужичкой». В 12 лет девочке стали делать инъекции эстрогенов, в результате чего у нее начали расти груди, но девочка отказалась продолжать их и начала думать о самоубийстве. В 14 лет она заявила, что жить так больше не может и хочет стать мальчиком. Пораженный отец расплакался и рассказал ей правду. К его удивлению, ребенок был счастлив, в его сознании все стало на свои места. Девочка снова стала Дэвидом, ему стали делать инъекции мужских гормонов и с помощью сложной хирургической операции соорудили новый половой член. В облике мальчика сверстники приняли его. В 25 лет Дэвид женился и усыновил детей от первого брака своей жены. Хотя фаллопластика удалась только частично — Дэвид может иметь половые сношения и испытывать оргазм, но его сексуальная чувствительность и активность ограничены, — он счастлив быть мужчиной.

Журналисты стали трубить о том, что «биология» посрамила «воспитание»: что бы вы ни делали с ребенком, мальчик всегда останется мальчиком, программа, запечатленная в его мозге, пересилит все социальные воздействия! Но отдельный случай, сколь угодно экзотический, сам по себе не может ни доказать, ни опровергнуть научную теорию. Данный случай и подавно не был «клинически чистым». Восьмимесячный ребенок — не чистая доска, он уже довольно многое воспринимает и помнит. Настойчивость, с которой ему навязывали женскую роль, также могла вызвать отторжение и тревогу — ведь с его/ее братом ничего подобного не делали. Хотя ребенок пытался угодить родителям, у него ничего не получалось. Не говоря о том, что в мозгу восьмимесячного ребенка уже функционировали «мужские» центры, подсказывавшие, что навязываемый ему стиль поведения «неправильный», Дэвид чувствовал себя более похожим на мальчиков, и сверстники, отвергавшие навязанный взрослыми маскарад, укрепляли это убеждение.

Трагическая история Дэвида Раймера заставила американских педиатров изменить правила обращения с лицами, имеющими неопределенные гениталии, вызвала теоретические споры и способствовала активизации борьбы людей «третьего пола» за свои гражданские права.

Еще больше вариаций имеет человеческая сексуальность. **Сексуальность — стержневой аспект человеческого**

бытия на всем протяжении жизни. Она включает в себя пол, гендерные идентичности и роли, сексуальную ориентацию, эротизм, удовольствие, интимность и репродукцию. Сексуальность переживается и выражается в мыслях, фантазиях, желаниях, верованиях, установках, ценностях, поведении, ролях и отношениях. Хотя сексуальность может включать в себя все эти параметры, не все они переживаются и выражаются всегда. Сексуальность зависит от взаимодействия биологических, психологических, социальных, экономических, политических, культурных, этических, правовых, исторических, религиозных и духовных факторов (на основе РАНО/WHO, 2000).

Необходимый элемент гендерной идентичности человека — осознание своей психосексуальной индивидуальности, т. е. своей **сексуальной идентичности**, одним из аспектов которой является сексуальная ориентация. **Сексуальная ориентация** — это организация эротических и/или эмоциональных привязанностей личности, касающихся пола и гендера ее сексуальных партнеров. Сексуальная ориентация может проявляться в любом из элементов сексуальности или в их совокупности. Это определение, принятое ВОЗ, принципиально выводит гомосексуальность за пределы психо- и сексопатологии.

В отличие от транссексуалов, гомосексуалы не подвергают сомнению свою гендерную идентичность, они точно знают, к какому полу принадлежат. Однако в детстве многие из них отличались от детей собственного пола (Green, 1987; Bailey and Zucker, 1995).

Это значит, что гомосексуальность **может** быть частным случаем, проявлением или слабовыраженной формой «гендерного неконформизма» или гендерной дисфории, но это вовсе не обязательно.

Биомедицинские исследования вызывают как теоретические, так и идеологические споры. Многие лидеры и теоретики гей-движения изначально относятся к ним враждебно, ассоциируя их с пониманием однополой любви как подлежащей лечению болезни. Другие, напротив, думают, что открытие биологических причин гомосексуальности уменьшит социальную враждебность, заставит понять, что геи и лесбиянки не виноваты в своей сексуальной ориентации, поэтому их нужно принимать такими, как они есть. Действительно, люди, которые верят

во врожденность гомосексуальности, зачастую относятся к ней терпимее тех, кто считает ее делом свободного выбора. Но научные теории ценны вовсе не тем, что позволяют кого-то «оправдать» или «обвинить», а тем, что они помогают объяснить сложные процессы и явления жизни. К правам человека это никакого отношения не имеет.

Некая черта может быть врожденной и тем не менее социально-неприемлемой. Предположим, генетики открыли, что сексуальный маньяк Чикатило — жертва каких-то плохих генов (кстати, это вполне вероятно). Что от этого изменится? Никакое общество не может позволить сексуальному маньяку беспрепятственно удовлетворять свои желания, поскольку они опасны для окружающих. Когда научные знания это позволяют, таких людей будут лечить, исправляя (если надо — принудительно) их «неправильные» гены. Пока такой возможности нет, потенциального Чикатило нужно надежно изолировать. А дальтоников и левшей никто не опасается.

Пример с левшами особенно интересен. На вопрос «Какой рукой вы пишете?» 90 % людей обычно отвечают «правой», 10 % — «левой», но около 30 % правшей иногда пишут и левой. В прошлом леворукость часто считали болезненной и опасной (латинское sinister — левый — означает также «неловкий», «неумелый»), а левшей — морально развращенными и даже приписывали им связь с дьяволом. В новое время убивать или изгонять левшей стало не принято. Тем не менее обследования в тюрьмах и психиатрических больницах в конце XIX в. «подтвердили», что левши чаще других людей бывают лунатиками, невротиками, имеют преступные наклонности, что среди них больше умственно отсталых, заик, эпилептиков и т. д. Ломброзо и Флисс ассоциировали леворукость также с гомосексуальностью и другими половыми извращениями. Врачи, учителя и родители делали все возможное, чтобы подавить в детях это «болезненное» начало и научить их пользоваться преимущественно правой рукой. Иногда это получалось, чаще — нет, но всегда причиняло много хлопот и мучений. Сегодня эти тревоги кажутся смешными.

Хотя леворукость связана с особенностями латерализации полушарий головного мозга и, подобно гомосексуальности, встречается у мужчин вдвое чаще, чем у женщин, она не сопряжена ни с какими психическими и нравствен-

ными отклонениями. Переучивать левшей не надо, они и так могут быть кем угодно, даже чемпионами мира по боксу и теннису. Связь леворукости с гомосексуальностью подтверждается. Мета-анализ 20 исследований, сравнивавших распространенность «неправоручия» среди 6 987 гомосексуалов и 16 423 гетеросексуалов, показал, что у гомосексуалов эта вероятность на 39 % выше (Lalumiere, Blanchard and Zucker, 2000). Это подтверждает мысль, что сексуальная ориентация у некоторых мужчин и женщин коренится в особенностях раннего развития их нервной системы. Авторы обсуждают три возможности: особенности латерализации мозга под влиянием пренатальных половых гормонов, материнские иммунологические реакции на зародыш и возникающую в процессе развития нестабильность (developmental instability). Но мысль о том, что левши «ненормальны» и их нужно лечить, им даже в голову не приходит.

В. А. Геодакян даже приписывает левшам особый положительный вклад в эволюционный процесс: «Повышенная фенотипическая дисперсия левшей, их более тесная связь со средой (отбором), низкая приспособленность к существующим условиям и нацеленность на будущее, высокий процент левшей среди новорожденных мальчиков, его падение с возрастом и некоторые другие их особенности позволяют высказать **гипотезу** о том, что оперативной подсистемой латеральной дифференциации, аналогом мужского пола являются левши, а консервативной подсистемой, аналогом женского пола — правши (исходное, базовое, штатное состояние). Это значит, что **эволюционные новшества на популяционном уровне должны появляться сначала у левшей, потом передаваться правшам**» (Геодакян, 1998, с. 135—136). Эти положения в каком-то смысле относятся и к гомосексуалам, в среде которых часто возникают новые явления, которые позже усваивает гетеросексуальное большинство.

Подведем итоги.

Благодаря биомедицинским исследованиям, мы знаем сегодня о причинах и сопутствующих факторах гомосексуальности неизмеримо больше, чем десять или двадцать лет назад. Именно поэтому спор — наследственность *или* вос-

питание — ученых больше не волнует, а сформулированные в начале этой главы принципы перестали казаться верными. Коль скоро сексуальность автономна от продолжения рода, многообразие ее форм — не исключение, а правило, и однополая любовь так же «нормальна», как разнополая. Гомосексуальность, по-видимому, имеет какие-то природные предпосылки, взаимосвязь которых остается пока что гипотетической. Но хотя биология задает предрасположенность, склонность к той или иной сексуальной ориентации, только социальный опыт индивида определит, как именно эта склонность проявится и что из нее разовьется. Степень жесткости и сами механизмы формирования природной предрасположенности бывают разными. Один человек может быть исключительно гомо- или гетеросексуалом, у другого существуют лишь более или менее гибкие сексуальные предпочтения. Нет единого, одинакового для всех гомосексуализма, есть многообразные гомосексуальности. Как сказал известный голландский эндокринолог Луи Гурен, «если бы меня спросили, существует ли биология гомосексуальности, я ответил бы — да. Но это такая биология, которая допускает многообразные выражения сексуальности» (Gooren, 1995, p. 245).

Отсюда вытекают важные практические выводы как для медицины, так и для всех наук о человеке.

1-5. ДИАГНОЗ СУДЬБЫ И СУДЬБА ДИАГНОЗА

ЛЕЧИТЬ ИЛИ НЕ ЛЕЧИТЬ?

Пока гомосексуальность считалась болезнью, врачи, естественно, пытались ее лечить. Однако все попытки были одинаково безуспешными.

Первыми отпали хирургические методы. После того как выяснились опасные последствия лоботомии (удаление так называемых центров полового поведения в мозгу), с помощью которой немецкие нейрохирурги, вопреки возражениям сексологов, пытались лечить садистов и педофилов, все формы хирургического вмешательства повсеместно запрещены; они могут лишить человека возможно-

сти вести сексуальную жизнь и психически изувечить его, но не меняют характер его влечений.

Неэффективной оказалась и гормонотерапия, на которую возлагали большие надежды в 1950-х гг. Доказано, что с помощью гормональных препаратов можно регулировать силу сексуального влечения, подавлять или усиливать его, но изменить сексуальную ориентацию гормоны не могут.

Нечем похвастаться и психотерапии. О психоанализе я уже говорил. Не лучше оказались дела и у так называемой «поведенческой психотерапии». Хотя в 1960—1970-х гг. некоторые психотерапевты утверждали, что добились «прочных сдвигов в сторону гетеросексуальности» у 38 % и даже половины гомосексуальных пациентов, речь шла не столько об изменении сексуального влечения, сколько о коррекции, большей частью временной, ее поведенческих, внешних проявлений. Аверсивная терапия (от слова *aversion* — отвращение), когда пациенту показывают привлекательные для него гомоэротические образы и одновременно бьют его электрическим током или подвергают другим столь же неприятным процедурам, может на какое-то время искоренить гомосексуальные реакции, выработать соответствующие условные рефлексy, но не дает ничего взамен. Не оправдали ожиданий и опыты знаменитых американских сексологов Уильяма Мастерса и Вирджинии Джонсон (Masters and Johnson, 1979).

Практические неудачи усиливали сомнения теоретического порядка.

Сильнейший удар по психиатрической теории гомосексуальности нанесли работы профессора клинической психологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Эвелины Хукер (1906—1996). По своей основной профессии Хукер была далека от изучения сексуальности, не было у нее и личных причин заниматься этой темой. Но в годы войны среди ее студентов оказался талантливый парень Сэмми Фром, который признался ей, что он гомосексуал. По окончании курса Сэмми пригласил профессора в гости и познакомил со своим любовником и друзьями. Для Хукер и ее мужа это были незнакомые люди, но вопреки всему тому, что ей было известно из медицинской литературы, они не выглядели ни странными, ни больными. Постепенно у Хукеров сложились до-

верительные дружеские отношения с этой компанией молодых геев, и однажды Сэмми сказал ей: «Эвелина, мы показали вам себя и свою жизнь. Мы ничего не скрывали от вас. Вероятно, вы знаете о людях вроде нас, которые успешно живут в обществе и не нуждаются в психиатрической помощи, больше, чем любой другой психиатр или психолог в стране. Теперь ваш научный долг — изучить нас» (Legg, 1994, pp. 159—161).

Эвелина, занимавшаяся в это время экспериментами с невротическими крысами, сочла просьбу нелепой, но молодой человек настаивал, а когда Хукер рассказала о предложении своему коллеге, выдающемуся специалисту по тесту Роршаха, тот пришел в восторг: «Эвелина, вы должны это сделать! Он абсолютно прав! Мы же ничего о них не знаем, мы знаем только больных». Лишь очень немногие клиницисты имели возможность изучать таких гомосексуалов, которые никогда не прибегали к психологической помощи и не находились ни в психбольницах, ни в тюрьмах, ни на армейских гауптвахтах.

Началась долгая работа. В 1954 г. с помощью геевских организаций Хукер отобрала из большой группы никогда не обращавшихся за психиатрической помощью гомосексуалов 30 исключительно гомосексуальных мужчин и сравнила их тестовые показатели с данными аналогичной группы исключительно гетеросексуальных мужчин. Доклад Хукер на годичном собрании Американской психиатрической ассоциации (АПА) в августе 1956 г. стал мировой сенсацией. Сравнение с использованием целой батареи психологических тестов, социальной адаптированности «нормальных» гомосексуалов с контрольной группой гетеросексуальных мужчин не выявило между ними никакой существенной разницы и никакой психопатологии!

Общий вывод Хукер: «Гомосексуальность как клиническое явление не существует. Ее формы столь же разнообразны, как формы гетеросексуальности. Гомосексуальность может быть девиацией сексуального поведения, находящейся психологически в границах нормы... Роль специфических форм сексуального желания и его проявлений в структуре и развитии личности, по-видимому, не столь велика, как было принято считать» (Hooker, 1957, pp. 29—30).

Хукер сделала вклад также и в социологию гомосексуальности, пророчески заметив в 1956 г., что «многие го-

мосексуалы начинают считать себя социальным меньшинством, которое разделяет многие проблемы других социальных меньшинств и должно бороться за свои «права» против предубеждений господствующего гетеросексуального большинства» (Hooker, 1965, p.105). Окончательная версия «Отчета Хукер», опубликованная в 1969 г. под грифом Национального института психического здоровья, стала, вслед за отчетами Кинзи, важным аргументом в пользу «демедикализации» и «нормализации» гомосексуальности и преодолению взгляда на нее как на болезнь. Хотя небольшая группа нью-йоркских психоаналитиков отвергла выводы Хукер, большинство американских психологов и психиатров признали их убедительными.

К тем же выводам, что и Хукер, пришел британский «Отчет Волфендена» (Wolfenden et al., 1957), названный по имени председателя специального правительственного комитета сэра Джона Волфендена. После многолетних обсуждений Комитет Волфендена не только большинством 12 голосов против одного — рекомендовал отменить существовавшее в Англии с 1533 г. уголовное наказание за добровольные и совершаемые в частной обстановке гомосексуальные акты между взрослыми мужчинами, но и, вопреки мнению почти всех опрошенных психиатров и психоаналитиков, пришел к заключению, что гомосексуальность не может по закону считаться болезнью, потому что она часто является единственным симптомом и совместима с полным психическим здоровьем в остальных отношениях.

После отчетов Хукер, Волфендена и Кинзи считать геев психически больными стало невозможно.

ОТМЕНА ДИАГНОЗА

В 1973 г., после долгой внутренней борьбы, Американская психиатрическая ассоциация небольшим большинством голосов исключила гомосексуальность из своего перечня психических болезней. В официальном списке диагнозов 1980 г. (DSM-III) осталось лишь упоминание «эго-дистонной гомосексуальности». **Эго-дистония — психиатрический термин, обозначающий состояние, когда индивид чувствует острое недовольство каким-то своим нетипичным индивидуальным свойством и хотел бы от него избавиться, в противоположность эго-систонии, когда**

личность принимает свои нестандартные качества и живет в гармонии с ними. Это значит, что потенциальный пациент психиатра — только такой гомосексуал, который встревожен своими сексуальными наклонностями, которому они мешают жить.

Но поскольку «эго-дистонная гетеросексуальность» (человек не считает себя гомосексуалом, но с гетеросексуальными отношениями у него тоже ничего не получается) в перечне диагнозов не упоминалась, это было сочтено дискриминационным, и в 1987 г. (DSM-III-R) понятие «эго-дистонной гомосексуальности» вообще убрали. В разделе «неспецифических сексуальных расстройств» осталось лишь «постоянное и выраженное беспокойство по поводу своей сексуальной ориентации».

В 1993 г. в том же направлении пересмотрела свою классификацию болезней Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Международная классификация болезней (10-й пересмотр) (МКБ-10, 1994) в примечании к разделу F66 «Психологические и поведенческие расстройства, связанные с половым развитием и ориентацией», подчеркивает, что «сама по себе сексуальная ориентация не рассматривается как расстройство». В 1995 г. эту позицию приняла Япония. В 2001 г. Китайская психиатрическая ассоциация также исключила гомосексуальность из перечня психических заболеваний; этому предшествовало тщательное изучение 51 гомосексуального мужчины и женщины, из которых только у 6 были обнаружены эмоциональные расстройства.

«Депатологизация» гомосексуальности отнюдь не является изолированным актом, продиктованным политическими мотивами или давлением гомосексуального лобби. За ней стоят глубокие изменения в понимании природы сексуальности, сексуального здоровья и самой философии науки.

Подобно другим наукам, современная медицина отказалась от жесткого нормативизма. Понятие нормы в биологии и медицине многозначно (Кон, 1989, с. 23).

Во-первых, слово «норма» означает норматив, эталон, на который нужно равняться. Но любые нормативы условны, имеют значение только в определенной системе отсчета и сами требуют обоснования — почему утверждается именно этот, а не другой эталон.

Во-вторых, норма — это статистически среднее, наиболее часто встречающееся, массовое в явлениях; в современной науке нормальное в статистическом смысле включает не только среднестатистическую величину, но и серию отклонений от нее в известном диапазоне.

В-третьих, норма — это некий функциональный оптимум, подразумевающий протекание всех процессов в системе с наиболее возможной слаженностью, надежностью, экономичностью и эффективностью. Функциональная норма всегда индивидуальна, и нарушение ее определяется не величиной отклонения от статистического среднего, а функциональными последствиями.

Кроме этих формально-методологических измерений понятие нормы всегда подразумевает вопрос: «Норма чего?» Нормы морали, физиологии и психологии могут совпадать или не совпадать друг с другом, но это разные нормы, имеющие разные критерии и системы отсчета, причем их содержание и границы меняются в ходе истории.

В конце XX в. существенно изменились и дифференцировались критерии физического и психического здоровья. Появилось и особое понятие сексуального здоровья. В 1975 г. эксперты ВОЗ дали первое определение этого понятия: **«Сексуальное здоровье — это интеграция соматических, эмоциональных, интеллектуальных и социальных аспектов сексуального благополучия способами, которые положительно обогащают и возвышают личность, коммуникацию и любовь. Фундаментальные элементы этого понятия — право на сексуальную информацию и право на удовольствие»** (WHO, 1975). Это определение имело важное значение, но было слишком общим. В последующие четверть века ученые — медики, сексологи, демографы, социологи и др. — существенно обогатили его. Важную роль в этом сыграли Международная конференция по проблемам народонаселения в Каире (1994), Всемирный женский конгресс в Пекине (1995) и XIII Конгресс Всемирной сексологической ассоциации в Валенсии (1997).

Главное принципиальное новшество здесь — разграничение понятий и критериев сексуального и репродуктивного здоровья. Хотя эти явления взаимосвязаны, сексуальное поведение не обязательно бывает репродуктивным, а репродуктивное поведение не всегда приносит сексуальное удовлетворение. Многие формы сексуального удов-

летворения не связаны с продолжением рода, но очень важны для психического здоровья и благополучия личности. Отсюда вытекает концепция охраны репродуктивных и сексуальных прав личности, зафиксированная в целом ряде международно-правовых документов и в резолюциях научных сообществ. Эта работа еще не завершена, но наиболее приемлемое и емкое определение сексуального здоровья выглядит так:

Сексуальное здоровье — это состояние физического, эмоционального, душевного и социального благополучия, связанное с сексуальностью, а не просто отсутствие расстройств, дисфункций или болезней. Сексуальное здоровье требует доступа к информации, образованию и медицинскому обслуживанию. Оно также предполагает положительный и уважительный подход к сексуальности, свободный от принуждения, дискриминации и насилия. Сексуальное здоровье делает возможной безопасную и приятную сексуальную жизнь. Для достижения и поддержания сексуального здоровья нужны специальные программы, политические действия и законы, способствующие сексуальному благополучию, а сексуальные права всех людей должны уважаться, охраняться и осуществляться.

Всемирная сексологическая ассоциация на своем конгрессе в Валенсии (1997) приняла специальную «Декларацию сексуальных прав», где говорится, что «сексуальность — органическая часть личности любого человеческого существа. Ее полное развитие зависит от удовлетворения базовых человеческих потребностей, таких, как желание контакта, интимности, выражения эмоций, удовольствия, нежности и любви... Сексуальная свобода включает возможность для индивидов полностью выразить их сексуальный потенциал. Однако это исключает все формы сексуального принуждения, эксплуатации и злоупотребления в любое время и в любых жизненных ситуациях» (Lottes and Kontula, 2000, pp. 14—15).

Современная наука, включая медицину, ясно понимает, что сексуальные права и сексуальное здоровье — две стороны одной и той же медали. Задача общества состоит не в том, чтобы сделать людей одинаковыми, изменив сексуальную ориентацию геев и лесбиянок (даже если бы это было возможно), а в том, чтобы помочь им, как и всем прочим людям, добиться максимально воз-

можного психического, социального и сексуального благополучия.

В настоящее время «лечить» гомосексуальность берутся преимущественно фундаменталистские религиозные организации, такие, как «Анонимные гомосексуалы», «Любовь в действии» и «Международный экзодус», которые регулярно сообщают о массовом «обращении» гомосексуалов под влиянием религиозной проповеди и общения с пастырем.

Более академично по форме, но в том же духе действует американская Национальная ассоциация для исследования и лечения гомосексуальности (NARTH), основанная в 1992 г. группой психоаналитиков во главе с Чарлзом Сокаридесом и психологом Джозефом Николоси, отколовшихся от Американской психиатрической ассоциации в 1973 г. Ядро ассоциации составляют старые, догматически настроенные психоаналитики, выводящие мужскую гомосексуальность прежде всего из дефицита у мальчика отцовского начала, а также представители религиозных и иных консервативных организаций. Возможность биологического объяснения гомосексуальности они отрицают в принципе. Данные поведенческих наук их также мало интересуют. Хотя члены NARTH отрицают свою враждебность к геям и признают, что психотерапия может быть только добровольной, они систематически выступают против равноправия сексуальных меньшинств, признания однополых браков и т. п., демагогически обвиняя своих идейных противников в пропаганде педофилии, подрыве религиозных и семейных ценностей и т. п. Сокаридес даже назвал одну из своих книг на эту тему «Слишком много свободы» (Socarides, 1995).

На сайте <http://www.narth.com/.html> члены NARTH сообщают о своих больших достижениях по лечению гомосексуальности, например, что из 1215 гомосексуалов, проходивших лечение у 285 психоаналитиков, 23 % вернулись на стезю гетеросексуальности и 84 % всей группы получили значительный психотерапевтический эффект. Их основные труды переведены и на русский язык (Человек и пол, 1998).

Специалисты этих цифр всерьез не принимают. О сенсационных случаях излечения гомосексуальности с помощью самой разной терапии сообщалось и раньше, но они

никогда не выдерживали критической проверки. Сообщения практикующих психоаналитиков большей частью ничем не подкреплены, а на каждого «излеченного» пациента, подтверждающего успешность терапии, приходится несколько таких, которым она не помогла. Периодически возникают смешные скандалы. Например, лидера широко разрекламированной ассоциации экс-геев «застукали» в гомосексуальном баре, и он был вынужден признаться, что «обращение» ему не помогло, в результате возникла новая ассоциация «экс-экс-геев» (Rosin, 2000).

В отличие от большинства американских психиатров, лично я не считаю все сообщения NARTH обманом. Рассогласованность эмоционально-романтических (гомосоциальность) и сексуально-эротических (гомосексуальность) чувств и привязанностей встречается у мужчин очень часто, и насильственная подгонка одного под другое нередко порождает недоразумения и трагедии. Есть люди, которые упорно не замечают гомоэротической подоплеки своих дружеских отношений с мужчинами, но есть и такие, которые ошибочно приписывают своей неудовлетворенной потребности в мужской близости сексуальный характер, иногда эта ошибка обнаруживается только в постели.

Николоси признает, что восстановительная (репаративная) терапия «исправляет» не все формы гомосексуальности, а только тот синдром, который преобладал в его клинической практике — дефицит отцовского начала, — причем помогает она лишь тем, кто активно борется со своими произвольными желаниями и хочет превратить гомосексуальные отношения «в здоровую, неэротическую мужскую дружбу» (Nicolosi, 1991, 1993).

В отличие от подчеркнуто нейтрального психоанализа, Николоси действует напористо и директивно, выступая в роли благожелательного отца и наставника, которого его клиентам не доставало в детстве. Центральное звено «восстановительной терапии» — заставить клиента понять, что переживаемый им дефицит маскулинности, побуждающий его искать идеальных мужчин («Другой мужчина имеет нечто такое, чего я лишен, поэтому мне нужно сблизиться с ним»), на самом деле не требует сексуальной близости и что с помощью групповой психотерапии он может наладить теплые дружеские отношения с обычными, реальными мужчинами (хотя у многих паци-

ентов Николоси сохраняются «пережитки» гомоэротических чувств и влечений).

Вне зависимости от ее эффективности, эта методика похожа не столько на научно обоснованную психотерапию, сколько на религиозное обращение, которое может быть в некоторых случаях очень эффективным, но с наукой ничего общего не имеет. Поэтому против этой практики последовательно выступают психиатры, психологи и семейные консультанты США.

Вот что говорит принятое в 2000 г. «Программное заявление о методах терапии, имеющих целью изменение сексуальной ориентации (восстановительная или конверсионная терапия)» Американской психиатрической ассоциации (АПА):

«1. АПА подтверждает выраженную в 1973 г. позицию и не считает гомосексуальность саму по себе диагностируемым психическим расстройством. Попытки последнего времени патологизировать гомосексуальность путем утверждения ее излечимости основаны не на строго научном или психиатрическом исследовании, а зачастую на влиянии религиозных и политических сил, противящихся предоставлению полных гражданских прав геям и лесбиянкам. В качестве научной организации АПА считает необходимым незамедлительно и надлежащим образом отвечать на заявления политических и религиозных групп о гомосексуальности как излечимом заболевании.

2. В качестве общего принципа терапевт не должен определять цель лечения ни насильственным путем, ни при помощи косвенного воздействия. Психотерапевтические модальности конверсии либо «исправления» гомосексуальности основаны на теориях развития, научная ценность которых весьма спорна. Далее, отдельные случаи «излечения» уравниваются отдельными случаями нанесения моральной травмы. За последние сорок лет «восстановительные» терапевты не провели ни одного научного исследования, подтверждающего возможность излечения. Пока такого исследования не будет проведено, АПА рекомендует этичным терапевтам воздерживаться от попыток изменения сексуальной ориентации индивидуума и не забывать о первой заповеди врача — «не навреди».

3. Используемые в литературе по «восстановительной» терапии теории делают невозможным формулирова-

ние научных критериев выбора модальности лечения. В этой литературе не только игнорируется влияние социальной стигматизации на мотивацию усилий по излечению гомосексуальности, но сама эта литература активно стигматизирует гомосексуальность. Литература по «восстановительной» терапии также имеет тенденцию преувеличивать успехи лечения, забывая о возможных рисках для пациентов. АПА поощряет и поддерживает исследования Национальной медицинской академии и академического сообщества по оценке соотношения рисков и успехов «восстановительной» терапии» (American Psychiatric Association, 2000).

ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТЬ И ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ

Таким образом, вопрос о том, что гомосексуальность сама по себе не является психическим расстройством и не подлежит лечению, мировая наука решает однозначно. Но отсутствие причинной связи между гомосексуальностью и психическими расстройствами не исключает того, что живущие в сложных условиях и подверженные стрессам гомосексуалы **могут иметь** целый ряд специфических проблем, сказывающихся на их психическом здоровье.

В рамках большого национального исследования случайная выборка из 7076 голландских мужчин и женщин от 18 до 64 лет была обследована на предмет распространенности (в течение жизни и в последние 12 месяцев) эмоциональных расстройств, тревожности и наркотической зависимости. Ответы 1043 человек, не имевших сексуальных связей в последние 12 месяцев, и 35 человек, которые ответили не на все вопросы, были из анализа исключены. Из оставшихся 2 878 мужчин однополые сексуальные контакты имели 2,8 %, а из 3 120 женщин — 1,4 %. Различия между гетеро- и гомосексуальными людьми анализировались отдельно. Оказалось, что и на протяжении жизни, и в последние 12 месяцев мужчины-гомосексуалы имели значительно больше расстройств, чем гетеросексуалы. Это особенно характерно для эмоциональных расстройств, включая депрессию, и для расстройств, связанных с тревожностью. Гомосексуальные мужчины также

обнаружили более сильную алкогольную зависимость. У женщин, независимо от их сексуальной ориентации, эмоциональные расстройства и тревожность встречаются чаще, чем у мужчин. По сравнению с гетеросексуальными женщинами, лесбиянки больше подвержены депрессии и имеют также более высокую алкогольную и наркотическую зависимость. Разницы в уровне других эмоциональных расстройств и тревожности между ними не выявлено (Sandfort et al., 2001).

В том же направлении указывают и некоторые другие исследования, в частности посвященные проблеме суицидальности (мысли о самоубийстве, попытки совершения суицида и осуществленные самоубийства). Эта тема уже много лет обсуждается в контексте подростковой и юношеской психологии (я еще вернусь к ней в третьей части книги), но данные выборочных исследований, особенно среди подростков, посещающих центры психологической помощи, не могут считаться вполне надежными.

Однако свободное от этих методологических ограничений лонгитюдное обследование 1007 новозеландских детей, развитие которых наблюдали до достижения ими 21 года, нашло, что 28 из них, которых исследователи определили как геев, лесбиянок или бисексуалов, являются группой повышенного риска для суицидального воображения и поведения, депрессии, тревожности, поведенческих расстройств и никотиновой зависимости (Fergusson et al., 1999).

Систематическое сравнение психических свойств 48 пар монозиготных и 55 пар дизиготных близнецов (Herrell et al., 1999) показало, что те из них, которые имели однополых сексуальных партнеров, предпринимали суицидальные попытки в 6,5 раза чаще своих гетеросексуальных сиблингов, причем этот повышенный риск не объясняется общим состоянием их психического здоровья или наркотической зависимостью.

Исследования Херреля и Фергюссона тоже имеют методологические слабости (Bailey, 1999). Они считают гомосексуалом любого человека, который во взрослом состоянии имел какой-то гомосексуальный опыт, но обычно сексуальная ориентация определяется не по поведению, а по структуре эротических фантазий и предпочте-

ний. Люди, имевшие гомосексуальный опыт, могли и не испытывать гомозеротических влечений и не считать себя геями. Неоднородность выборки затрудняет интерпретацию результатов. Гомосексуальное экспериментирование гетеросексуально ориентированных людей может быть связано просто с их повышенной импульсивностью, и возможно, что именно она, а не гомосексуальность коррелирует с определенными чертами психопатологии. Большие сомнения вызывает и объединение в одну группу гомосексуальных мужчин и женщин, психические свойства которых во многом различны.

Тем не менее эти данные требуют к себе серьезного отношения. По мнению Майкла Бейли, есть несколько возможностей их интерпретации.

1. Повышенная склонность гомосексуалов к депрессии и суицидам — следствие их стигматизации и дискриминации. Во враждебном гомофобском мире молодым людям трудно принять свою сексуальную ориентацию, что вызывает у некоторых из них невротические реакции. Это более чем правдоподобная гипотеза. Но почему такая проблема сохраняется даже в самой терпимой к гомосексуальности Голландии? Для проверки этой гипотезы нужны кросс-культурные сравнения того, как варьирует уровень невротизма и суицидальности гомосексуалов в разных странах и социальных средах в зависимости от существующего там уровня гомофобии, и как эти показатели меняются с изменением социальных условий. Такие исследования должны быть сравнительно-историческими и долгосрочными, потому что изменение социальных отношений сказывается на индивидуальной психологии лишь по прошествии долгого времени.

2. Может быть (это уже мое предположение), дело не только в «социальном гнете», но и в том, что даже в условиях относительной терпимости человеку трудно принять свои отличия от большинства в таком существенном вопросе. Геи гораздо более одиноки, чем гетеросексуалы, они чаще оказываются в стрессовых ситуациях, им труднее найти себе пару и т. д., и это может способствовать эмоциональным расстройствам даже при дружественном отношении окружающих людей. Как и первая гипотеза, это предположение выводит не-

вротические симптомы гомосексуального населения не из внутренних свойств индивидов, а из трудностей их взаимодействия с окружающим миром, но считает, что эти трудности могут быть не только конкретно-историческими (гомофобия, дискриминация), но и глобальными. Если это предположение верно, то даже в самых благоприятных социальных условиях миноритарный статус геев и лесбиянок создает для них психологические трудности и некоторые из них нуждаются в специальной психотерапевтической помощи.

3. Возможно, что гомосексуальность как отклонение от нормального пути развития (естественный отбор благоприятствует наиболее жизнеспособному, репродуктивно успешному потомству) связана с некоторыми другими поведенческими и психическими отклонениями. Эта гипотеза подкрепляется тем, что некоторые гомосексуалы, как и люди, предрасположенные к суицидам и депрессии, независимо от их сексуальной ориентации, отличаются повышенной эмоциональной неустойчивостью, левшеством и другими аномалиями.

На первый взгляд это предположение патологизирует гомосексуальность и отдает биологическим детерминизмом. Однако канадский ученый Рей Блэнчард, один из ведущих исследователей биологии гомосексуальности, подчеркивает, что вопрос о том, считать ли гомосексуальность психопатологией, нужно рассматривать отдельно от вопроса, что именно порождает гомосексуальность. Предположим, что гомосексуальность вызывается каким-то вирусом, или материнским стрессом в период беременности, или материнскими антителами, несовместимыми с Н-У антигеном, или любым другим биологическим процессом, который можно считать патологическим. Значит ли это, что гомосексуальная ориентация взрослого человека должна считаться (психо)патологической, даже если большинство геев и лесбиянок функционируют так же успешно, благополучны и счастливы, как гетеросексуальные мужчины и женщины? Разумеется, нет. Если встать на этот путь, то патологическими могут оказаться все индивидуальные различия. От того, что прекрасная жемчужина появляется в результате болезни раковины, ее ценность не уменьшается.

4. Гомосексуальность связана с половыми/гендерными особенностями. Известно, что многие гомосексуалы по ряду поведенческих и психических черт отличаются «гендерной неконформностью» (феминизированные мужчины и мужеподобные женщины), которая особенно сильно проявляется в детском возрасте. Самая влиятельная этиологическая теория гомосексуальности связывает это с нарушением половой нормы пренатальных андрогенов. Как бы то ни было, психические проблемы и трудности мужчин-геев аналогичны тем, которые нормально испытывают женщины, чьи показатели по шкалам невротизма обычно выше, чем у мужчин, тогда как расстройства, типичные для лесбиянок, больше похожи на мужские. Исследования суицидального поведения двух больших репрезентативных выборок американских студентов (Garofalo et al., 1999; Rimafedi et al., 1998) показали, что частота суицидных попыток коррелирует с гомосексуальностью у мальчиков, но не у девочек. Чтобы всесторонне проверить эту гипотезу, нужны систематические сопоставления мужской и женской гомосексуальности.

5. Нельзя не учитывать влияние особенностей стиля жизни некоторых гомосексуалов (богемная жизнь, злоупотребление наркотиками и т. д.). Но стили жизни также бывают разными. Следовательно, нужны разные контрольные группы.

Короче говоря, мы имеем проблему, но не имеем готового ее решения. В любом случае психотерапевтическая помощь, в которой нуждаются *некоторые* гомосексуалы, возможна только при условии дружественного отношения и понимания. О специфике психотерапии среди геев и лесбиянок существует большая специальная литература, кое-что даже переведено на русский язык (Розовая психотерапия, 2001).

ОСОБОЕ МНЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ПСИХИАТРИИ

К сожалению, до российской медицины новые идеи о гомосексуальности доходят очень медленно. В 1983 г. отечественные сексопатологи не только не сомневались в том, что гомосексуальность — болезнь, но и брались, ни много ни мало, осуществить «перестройку

личности» с помощью... аутогенной тренировки. Первый этап лечения «ставит целью сначала ослабление, а затем и устранение патологического сексуального влечения и связанных с ним переживаний». Затем «пациенту прививают навыки простого, естественного и непринужденного общения с лицами противоположного пола, а также адаптации в их среде». И, наконец, на третьем этапе «у пациента формируется и закрепляется адекватное эротическое отношение к противоположному полу (к достигнутому ранее добавляются чисто сексуальные элементы)» (Частная сексопатология, 1983, т. 2, с. 109—115). Ни методов, ни результатов этой работы, которую с самыми благими намерениями проводил в Горьком кандидат медицинских наук Я. Г. Голанд (столичные медики от лечения гомосексуалов дружно уклонялись), никто всерьез не обсуждал.

Жестко критиковать отечественных психиатров и сексопатологов за то, что они делали и писали при Советской власти, было бы несправедливо. У них не было ни свободы, ни необходимой информации, ни условий для нормальной работы. Они делали что могли и как умели, и за это им всем (и прежде всего — профессору Г. С. Васильченко) нужно сказать спасибо. Но в конце 1980-х гг. социальные условия изменились, а отношение психиатров и сексопатологов к гомосексуальности осталось тем же.

В справочнике 1990 гг. гомосексуализм по-прежнему определяется как «патологическое влечение», возникающее в результате нейроэндокринных нарушений, а также внушения «родителями и воспитателями неприязненного отношения к противоположному полу». Педагогам и родителям рекомендуется «правильное полоролевое воспитание, которое должно быть направлено на ознакомление детей с половыми различиями, а не на проповедь «асексуальности» и т. д.» (Сексопатология, 1990, с. 435—436).

В диссертации Г. Е. Введенского, основанной на обследовании 117 мужчин-гомосексуалов, обращавшихся в 1989—1992 гг. в центр «Медицина и репродукция», содержится немало интересных данных, но гомосексуальность однозначно признается аномальной, а ее носители — больными. Мало того, что 49 % изученного контингента составили «лица с истероидными расстройствами», для большинства испытуемых характерны: «1) психический,

психофизический или дисгармонический инфантилизм, проявляющийся в виде личностной незрелости прежде всего эмоционально-волевой сферы; 2) признаки органического поражения ЦНС (центральной нервной системы. — *И. К.*)...; 3) сверхценность сексуальной сферы, проявляющаяся в фиксации на половой жизни» (Введенский, 1994, с.4). Последнее особенно трогательно. Эти люди приходили к врачу именно потому, что были озабочены своей сексуальностью. Если бы врачи-гастроэнтерологи вздумали определять тип личности своих пациентов, у последних, несомненно, обнаружилась бы «сверхценность желудочно-кишечной сферы». У кого что болит, тот о том и говорит.

С 1 января 1999 г., через 6 лет после декриминализации гомосексуальности, российская психиатрия наконец отказалась от одиозного диагноза и перешла на классификацию болезней, принятую Всемирной организацией здравоохранения, — МКБ-10. Но «перестройка» оказалась непоследовательной. 6 августа 1999 г. министр здравоохранения Ю. Л. Шевченко приказом № 311 утвердил составленное в Московском НИИ психиатрии Минздрава России новое клиническое руководство «Модели диагностики и лечения психических и поведенческих расстройств», некоторые положения которого решительно противоречат духу и букве МКБ-10.

Хотя новое руководство не содержит диагноза «Гомосексуализм», раздел F65 «Расстройства сексуального предпочтения» открывается словами: «Критериями сексуальной нормы являются: парность, гетеросексуальность, половозрелость партнеров, добровольность связи, стремление к обоюдному согласию, отсутствие физического и морального ущерба здоровью партнеров и других лиц. Расстройство сексуального предпочтения означает всякое отклонение от нормы в сексуальном поведении, независимо от его проявлений и характера, степени выраженности и этиологических факторов. Это понятие включает как расстройства в смысле отклонения от социальных норм, так и от норм медицинских» (Модели, 1999).

Это определение патологизирует не только любые проявления гомосексуальности, но и мастурбацию. Еще опаснее отождествление «социальных» (каких именно?) норм с «медицинскими» (что это вообще значит?). В

Древней Руси позиция «женщина сверху» приравнивалась к содомии. Должны ли мы считать практикующих ее людей не только грешными, но и больными? Православная церковь до сих пор осуждает оральный секс. Будут ли сексопатологи лечить практикующих его людей? Вообще кто и как будет определять все эти многообразные нормы — врачи, государство, церковь или сами люди?

В разделе F65.8 «Другие расстройства сексуального предпочтения» перечисляются «такие виды активности, как совершение непристойных телефонных звонков, фроттеризм, сексуальные действия с животными, использование удушения для усиления возбуждения, предпочтение партнеров с какой-либо физической аномалией или определенным цветом кожи и т. д.». Хотя к однополый любви все эти действия никакого отношения не имеют, этапы их «комплексной терапии» дословно переписаны из старой методики «лечения гомосексуализма». Спрашивается, чем поможет любителям непристойных телефонных звонков или сексуальных действий с животными «формирование и закрепление адекватного эротического отношения к лицам противоположного пола»? Или парафилия состоит в том, что они звонят абонентам и сексуально экспериментируют с животными «не того» пола?

Так же непонятно, почему к числу сексуальных расстройств относится предпочтение партнеров с «определенным цветом кожи». Какой именно цвет кожи доктора считают «неправильным»? Если расовые предпочтения — патология, то как насчет блондинок и брюнеток, толстых и тонких? Обязаны ли мы любить всех людей противоположного пола одинаково или все-таки можно выбирать? Мне трудно представить себе человека, который согласился бы жить по таким жестким медицинским (или социальным?) нормам.

Против «нормализации» гомосексуальности выступает руководитель лаборатории судебной сексологии Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского профессор А. А. Ткаченко. По его словам, решение АПА от 1973 г. «было инспирировано давлением воинствующего гомофильного движения» и «выработанное в этих, экстремальных по сути, условиях определение (кстати, в значительной степени воспроизве-

денное в МКБ-10) отчасти противоречит принципам медицинской диагностики в целом...» (Ткаченко, 1999, с. 355). А. А. Ткаченко не заметил, что эти «экстремальные условия» продолжают уже 28 лет и что, несмотря на давление со стороны фундаменталистов, которые гораздо сильнее геевского лобби, АПА трижды публично подтверждала занятую в 1973 г. позицию. Разделяют ее и многие другие американские и международные научные сообщества — психологов, сексологов, консультантов и др. Вот уж действительно вся рота шагает не в ногу, один подпоручик шагает в ногу...

Без каких бы то ни было оговорок относят гомосексуализм к разряду психосексуальных нарушений авторы нового учебника эндокринологии (Дедов и др., 2000, с. 419). А. В. Шувалов (Шувалов, 2001, с. 236), под видом популяризации МКБ-10, дословно переписал, не сославшись на первоисточник, процитированный выше абзац о критериях сексуальной нормы. Откровенно гомофобской является книга Е. В. Черносвитова «Социальная медицина» (Черносвитов, 2000), ратующая за установление контроля врачей не только за сексуальной, но и за всей общественной и личной жизнью россиян.

Напротив, учебник военной психиатрии (Литвинцев, 2001, с. 311) и справочник под ред. И. Н. Денисова (Денисов, 2001, с. 274) в полном соответствии с международными нормами рассматривают гомосексуальность как вариант нормального сексуального поведения и предупреждают об опасности ее патологизации.

Разумеется, каждый ученый вправе иметь собственное мнение, но нельзя выдавать сугубо местные, нигде и никем научно не апробированные, взгляды и методы за реализацию принципов мирового медицинского сообщества. Противоречащая международным стандартам позиция некоторых российских психиатров лишает геев и лесбиянок законной медицинской помощи (не станет же врач помогать своему клиенту принимать заведомо «нездоровую» сексуальную ориентацию?!), отрицательно сказывается на их душевном состоянии и самоуважении и используется для оправдания их социальной дискриминации, публичной диффамации и т. д.

Это не только научная, но и морально-политическая проблема.

1-6. ОТ ТЕКСТА К КОНТЕКСТУ

Ни разросшаяся до звезд психофармакология, ни биология секса, ни какая-нибудь другая отрасль науки, «приписанная» к определенным телесным феноменам, ничего не подскажут касательно великих решений, подобных перестройке нормативных систем культуры... Знание, которое здесь необходимо, — это знание о системе оптимизации внутрикультурных ценностей. Его только предстоит «выковать» в антропологических исследованиях.

Станислав Лем

ОТ БИОЛОГИИ К НАУКАМ О ЧЕЛОВЕКЕ

В отличие от биологии, озабоченной главным образом причинами гомосексуальности, гуманитарные и общественные науки спрашивают, как разные человеческие общества и культуры воспринимают, символизируют, структурируют и регулируют однополую любовь и как эти социокультурные установки проявляются и преломляются в сознании и поведении конкретных людей. Они идут не от индивида к социуму, а от социума к индивиду.

Чем больше люди ездили по свету, тем больше они убеждались в том, что однополый секс существует везде. Крестоносцы увидели его в мусульманском мире, Колумб — у американских индейцев, католические миссионеры — в токугавской Японии, Степан Крашенинников — у камчадалов. Потом его узрели в буддийских монастырях, африканских обрядах инициации и т. д. и т. п. Восток, в самом широком понимании слова, был для европейцев не только местом, где они обогащались, но и местом, где они могли реализовать свои необычные сексуальные потребности.

Подробные описания гомосексуальных отношений, одновременно шокировавшие и завораживавшие читателей, способствовали экзотизации, ориентализации и тропикализации однополый любви, но вместе с тем заставля-

ли думать. Означает ли распространенность «природной содомии», как назвал ее французский путешественник Бугенвиль, у «естественных» людей, что однополый любви не надо бояться, или же это подлежащий уничтожению знак низкого уровня развития дикарей?

Ранняя этнография гомосексуальности была описательной и анекдотической, а «неприличные» факты скрашивались морализированием (Bleys, 1995). В однополых отношениях чаще всего видели проявления первобытного промискуитета, неразвитости морального сознания и отсутствия индивидуальной любви.

В конце XIX — начале XX в. этнографические данные широко используются сексологами (Э. Карпентер, Х. Эллис, М. Хиршфельд, И. Блох и др.), а сексологические категории, в свою очередь, становятся теоретической основой этнографических описаний. Большую роль в сближении сексологии и этнографии сыграли хиршфельдовский журнал *Intersexuelle Zwischenstufen* и основанный известным венским антропологом Фридрихом Саломо Крауссом журнал *«Anthropophyteia»* (1904—1913). Постепенно однополая любовь и связанные с ней социальные отношения стали предметом специальных полевых этнографических исследований. Гунтер Тессман показал их наличие у народов Экваториальной Африки, Курт Фальк — у народов Анголы и Южной Африки. Фердинанд Карш-Хаак опубликовал многотомную обобщающую работу об однополый любви у первобытных («натуральных») и у цивилизованных («культурных») народов Восточной Азии (китайцев, корейцев и японцев).

Гомосексуальные отношения описывались в разных теоретических контекстах: как форма сексуально-религиозного избрания, когда индивид меняет пол ради общения с богами (Владимир Тан-Богораз, Лев Штернберг); как один из элементов половой жизни (Бронислав Малиновский, Маргарет Мид); в контексте эволюции брака и морального сознания (Эдвард Вестермарк); в связи с обрядами мужских инициаций, мужских домов, союзов и тайных обществ.

До конца 1960-х гг. антропология гомосексуальности была рискованным и малопочтенным занятием, особенно если речь шла о современности. Английский историк Литтон Стречи говорил, что хотел бы написать книгу «Сексу-

альная жизнь англичан», наподобие знаменитой книги Бронислава Малиновского «Сексуальная жизнь дикарей» (1928), но ее пришлось бы издавать на Новой Гвинее. Американская антропологическая ассоциация при письменном опросе своих членов в 1970 г. с трудом собрала необходимое число голосов под резолюцией о необходимости сравнительного изучения гомосексуальности. Сейчас эта тематика представлена всюду.

Статистические кросс-культурные исследования сексуального поведения и сексуальных ценностей позволяют значительно объективнее, чем раньше, судить о степени распространенности однополый любви у народов мира и о том, с какими социальными и культурными факторами связано ее принятие или неприятие.

Сравнительное изучение гендерного и сексуального символизма показывает, как разные народы представляют себе нормативные свойства мужчин и женщин, как формируется их гендерная идентичность и какие при этом допускаются отклонения и вариации. Особый интерес представляет так называемая институционализированная гомосексуальность, когда однополые сексуальные контакты и отношения не только допускаются, но и предписываются культурой. В каких ситуациях это чаще всего происходит, между какими категориями мужчин и женщин, какое значение имеют эти отношения для их участников и каковы их социальные и психологические последствия?

Интенсивно идет изучение так называемого «третьего пола». С появлением (в значительной степени благодаря той же антропологии) понятия гендера стало ясно, что социальные свойства мужчин и женщин невыводимы из полового диморфизма. Кроме биологической реальности существует так называемая «культурная онтология», коренящаяся в системе народных верований. Соотношение разнополых и однополых привязанностей зависит не только от существующих в обществе запретов и предписаний, но и от того, как данная культура определяет понятие пола/гендера.

Следует подчеркнуть важную роль, которую сыграли в этой трансформации научного сознания антропологи-феминистки (Маргарет Мид, Кэрол Вэнс, Шерри Ортнер, Харриет Уайтхед, Мишель Росальдо и др.). Они не только привлекли внимание ученых к специфически женским

проблемам, включая лесбийскую любовь, но и помогли по-новому взглянуть на многие общие тенденции.

В том же направлении развиваются исторические науки. До XX в. история однополый любви в основном ограничивалась Древней Грецией и Римом, причем античная педерастия изображалась приглаженной и выхолощенной, ей приписывали исключительно духовный и созерцательный характер. В XX в. положение постепенно изменилось. Стали широко использоваться труды немецкого филолога-классика Пауля Бранда (1875—1930), печатавшегося под псевдонимом Ганс Лихт; русский перевод его старой книги (Лихт, 1995) сделан почему-то не с немецкого оригинала, а с американского перевода, а издатели, видимо, не имеют ни малейшего представления о личности автора. В 1976 г. американский ученый Верн Баллог (Bullough, 1976) опубликовал первую обобщающую работу по истории необычных форм сексуальности, включая гомосексуальность, написанную не в традиционно-сексологическом ключе, а в духе обычной социальной истории. Английский историк искусства сэр Кеннет Довер построил свою классическую работу «Греческая гомосексуальность» (Dover, 1978) главным образом на исследовании росписей на вазах. Развернулась дискуссия о социальных функциях древнегреческой педерастии и ее связи с обрядами инициации и традициями мужского воинского братства, началось сравнительное исследование отличий древнеримской гомосексуальности от древнегреческой и т. д.

Скруплезное текстологическое исследование Библии и раннехристианских текстов, касающихся однополый любви, показало, что многие из них трактуются упрощенно и неверно. Появились фундаментальные работы о социальном положении содомитов в Средние века, в эпоху Возрождения и в елизаветинской Англии. Много внимания уделяется французскому Просвещению, немецкому романтизму и викторианской Англии. Тщательно изучены «антигомосексуальные» скандалы конца XIX — начала XX в. и история преследования гомосексуалов в гитлеровской Германии. Первопроходцем истории гомосексуальности в России стал в 1970-х гг. американский литературовед Семен Карлинский, за которым последовали Лора Энгельштейн, Ева Левина, Александр Познанский, Диана Бургин и дру-

гие. Историки-феминистки сделали эволюцию романтической дружбы и любви между женщинами важным элементом социальной истории и истории культуры.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ

Развитие истории, социологии и этнографии сексуальности способствовало рождению новой теоретической парадигмы — социального конструктивизма. В отличие от биологов, которым сексуальная ориентация казалась чем-то данным, социологи видят в ней, как и во всех прочих категориях, созданный культурой и обществом конструкт.

Первой формулировкой конструктивизма в сексологии была предложенная американскими социологами Джоном Гэньоном и Уильямом Саймоном теория *сексуального сценария* (англ. script) (Gagnon and Simon, 1973; Gagnon 1990). Согласно сценарной парадигме, сексуальность в целом, хотя и опирается на определенные биологические предпосылки, детерминирована исторически и культурно.

В отличие от Кинзи, Гэньон и Саймон считают, что эротические предпочтения вытекают не из нашего животного наследия, а из специфических стимулов и значений, предлагаемых культурой. Сексуальное влечение к лицам собственного пола/гендера встречается у разных типов людей и может возникать не только в детстве, но и на более поздних стадиях жизненного пути. Хотя формально-количественно гомо/гетеросексуальное поведение можно представить в виде континуума, большинство людей в нашем культурном мире считают сексуальный контакт с лицом своего пола качественно отличным от контакта с лицом другого пола, категоризируют такое поведение и его носителей как что-то необычное, приписывают им особые свойства и ищут их особые причины, чего они не делают относительно вариантов гетеросексуального поведения.

Сексуальные сценарии, как и сами гендерные отношения, историчны и меняются у нас на глазах. Более широкий и мобильный круг общения и более диффузная структура Я облегчают современным людям принятие собственных гомоэротических желаний и делают их сексуальные предпочтения более гибкими, подвижными и многовариантными. Многие желания, отношения и свойства,

которые в условиях преследований и секретности казались взаимоисключающими, стали выглядеть взаимодополнительными. Границы однополой любви становятся благодаря этому более размытыми, а вопрос: «Кто я — гомо или гетеро?» — менее насущным, с этой неопределенностью можно жить. Нужно говорить не о сексуальности и гомосексуальности, а о сексуальностях и гомосексуальностях.

Однако процесс формирования гомосексуального сценария отличается от своего гетеросексуального аналога. Гетеросексуальность обычно противопоставлялась гомосексуальности как моральный и биологический монолит, не требующий объяснения. Кинзи сохранил оба полюса, но превратил дихотомию в континуум, признав его нормальным по всей длине. Со сценарной точки зрения разнородные и однородные эротические отношения — две разные загадки, и вопрос, почему мужчины и женщины желают друг друга, не должен затемняться вопросом, почему некоторые мужчины желают мужчин, а некоторые женщины — женщин.

Близка к сценарной социально-психологическая *теория маркирования*. Поскольку во многих современных обществах гомосексуалы — угнетенное и осуждаемое меньшинство, принадлежность к нему ассоциируется с множеством отрицательных качеств, образующих как бы клеймо, ярлык (label) или стигму. Буквально стигмой называется несмываемый отличительный знак, выжженный или вырезанный на теле, но чаще это слово употребляется в переносном смысле. Стигматизация (наложение стигмы) может иметь разные формы и проявления — физические (уголовное преследование), экономические (запрет на профессии), нормативные (запрещение вступать в брак) или символические (оскорбительные шутки), но всегда означает угнетение и дискриминацию соответствующего меньшинства.

Стигматизация осложняет межгрупповые отношения и накладывает отпечаток на психику и самосознание соответствующего меньшинства, порождая пониженное самоуважение, неврозы и многие другие черты, которые американский социолог Эрвинг Гофман называет «испорченной идентичностью». Такие черты, которые часто наблюдались у гомосексуалов и которые психоанализ считает имманентным свойством и порождением «сексуальной

перверсии», на самом деле являются продуктом дискриминации и предубеждения. Стигма и страх перед ней действуют как самореализующееся предсказание: мальчик, которого сверстники считают неженкой и дразнят «педиком», начинает сомневаться в своей маскулинности, завидовать более сильным мальчикам и в конце концов принимает навязанную ему роль, которую сам же считает унижительной. Интернализованная гомофобия, усвоенное отрицательное отношение к собственной сексуальности — самая массовая и мучительная психологическая проблема гомосексуалов. Однако существуют и другие стратегии обращения со стигмой. От их выбора во многом зависит судьба человека и его поведение в критических ситуациях.

Философским знаменем социального конструктивизма явилась трехтомная «История сексуальности» (1976—1984) Мишеля Фуко (Фуко, 1996). Сексуальное желание, подвижно и текуче, оно не существует вне своего осознания и символизации конкретными человеческими обществами и воплощается в определенных формах разговора, дискурса. Важно не то, что люди делают, а что они говорят. Хотя Викторианская эпоха считается периодом резкого усиления антисексуальных репрессий, люди никогда столько не говорили и, следовательно, не думали о сексуальности, как в то время! Речь, слова — не просто выражение наших чувств и мыслей, но формы социального контроля.

Подобно Фрейду, Фуко интересуется прежде всего скрытыми, подавленными формами сексуальности. Но эта репрессия — не индивидуально-психологическая (неприемлемая информация вытесняется из сознания в бессознательное), а социокультурная (общество блокирует осознание нежелательных желаний, препятствуя появлению языковых средств, необходимых для их обозначения и выражения). Фуко интересуется не столько археология речи, сколько археология молчания.

Отправная точка теоретической рефлексии Фуко — история гомосексуальности как самого главного (хотя всем известного) общественного секрета (и личного секрета самого Фуко). По Фрейду, чтобы избавиться от невроза, человек должен вытащить его из мрака на свет, перевести содержание своего бессознательного в сознание. Фуко берет на себя как бы роль социального психоаналитика.

Античность знала понятие однополой любви, но не знала понятия гомосексуальности и не классифицировала людей по этому признаку, так что древние греки могли спокойно сравнивать плюсы и минусы однополой любви и любви к женщинам, эти отношения не внушали им страха. Средневековое христианство делило все человеческие действия, включая сексуальные, на правильные и неправильные, но разница между праведниками и грешниками оставалась все же относительной. Субстантивировав гомосексуальное желание и превратив его носителей в особую породу людей — «гомосексуалов», буржуазное общество создало новые формы социального (медицинского, правового, педагогического) контроля, а тем самым и репрессии.

Если биологические теории считали гомосексуальность объективным свойством личности, то Фуко видит в ней только ярлык, с помощью которого одни люди стигматизируют и контролируют других. В этом, конечно, есть упрощение. Попытка Фуко во втором и третьем томах «Истории сексуальности» реализовать свою концепцию на примере эллинизма и Древнего Рима вызвала критику специалистов не только за некорректное обращение с источниками, но и по ряду общих позиций. «Желание», которое анализировал Фуко, было исключительно желанием активного сексуального субъекта-мужчины; женщины и «пассивные» гомосексуалы выступают у него только в роли объектов. Фуко недооценивает диалогичность эротических дискурсов, которые, как и половой акт, суть взаимодействие партнеров, так что вопрос, кто кого «трахнул», может быть предметом спора. Это особенно ясно, если философско-нормативные тексты, которые преимущественно анализировал Фуко, сопоставить с юмористическими (сексуальная культура, как показал еще Бахтин, всегда тесно связана со смеховой).

Однако в целом влияние Фуко на теорию и историю сексуальности было весьма плодотворным. Его дальнейшим развитием стала «эпистемология чулана» и квир-теория.

КВИР-ТЕОРИЯ

Общий пафос современной теории пола, гендера и сексуальности — акцентирование текучести и многозначности всех этих категорий.

Развивая тезис Ницше, что «деятель» не существует вне своего деяния, американский философ-феминистка Джудит Батлер утверждает, что гендер не есть некая особая сущность, это то, что человек из себя делает. Иными словами, гендер становится перформативным, создается в процессе действия: «...Не существует гендерной идентичности до и помимо проявлений гендера; эта идентичность перформативно конституируется теми ее «проявлениями», которые считаются результатами ее существования» (Батлер, 2000, с. 329).

Если даже половая и гендерная идентичность может быть в некоторых случаях «съемной», что создает индивиду множество проблем и трудностей, но не мешает ему оставаться психически здоровым и социально полноценным, то подавно не следует считать патологией нестандартную сексуальную ориентацию. Если признать бесспорный факт, что сексуальное влечение направлено не на продолжение рода, а на получение удовольствия, достижение психической интимности и т. д., то его объект вовсе не обязательно должен быть существом другого пола. Да и сами эти предпочтения могут меняться в зависимости от времени, ситуации и многих других обстоятельств. Индивидуальных вариаций в сексуальной жизни гораздо больше, чем в репродуктивном поведении. Между гомо- и гетеросексуальностью нет китайской стены, мы сами создаем ее, овеществляя соответствующие категории.

Изменение теоретической перспективы тесно связано с изменением субъекта исследования. Если раньше геи и лесбиянки были преимущественно **объектами** науки, то теперь они стали автономными **субъектами** научного дискурса. «Гей-лесби исследования» (gay and lesbian studies) превратились в автономную и быстро растущую область знания.

В 1970—1980-х гг. главной заботой лесбигеевских теоретиков было определение своей идентичности: кто мы такие, в чем наша сущность, чем мы хотим и должны стать? В 1990-х гг. этот подход отчасти сменила новая теоретическая ориентация, так называемая квир-теория.

По мнению главных теоретиков этого направления Терезы де Лауретис, Элизабет Гросс и Ив Кософски Сэдживик, все прежние социальные теории имели три главных недостатка: 1) недооценивали значение гендера и сексу-

альности; 2) были андроцентричными, их отправной точкой неизменно были мужские отношения и переживания; 3) были гетеросексистскими и гетеронормативными, принимающая гетеросексуальность за единственно возможную, «правильную», базовую модель сексуальности, в свете которой гомосексуальность казалась просто вариацией или aberrацией, а геи и лесбиянки — сексуальными меньшинствами.

Квир-теория считает все гендеры и все сексуальные ориентации равноправными, равноценными и, так сказать, одинаково близкими к Богу. «Квир, как и гендер, скорее сближает, чем разделяет анализ мужчин и женщин; как и гендер, квир позволяет усомниться в кажущихся фиксированных идентичностях; подобно гендеру, квир сохраняет область гей-лесбийских исследований, одновременно создавая новый способ размышления о сексуальных формациях и, в частности, о процессах дифференциации. Однако критически важным различием между отношением женских исследований к гендерным исследованиям и гей-лесбийским и квир-исследованиям является то, что если «гендер» — это ярлык, далекий от политического активизма, то «квир» напрямую связан с мобилизацией в целях социальных изменений» (Аусландер, 2000, с. 54).

Подобно гендеру, «квир» — не объективная природная данность, раз и навсегда характеризующая данного человека, а перформанс, театрализованное представление, смысл которого неотделим от контекста. «Квирнесс» (это слово можно перевести как «инаковость») было принято в качестве понятия, позволяющего избегать категоризации людей по их сексуальной практике. Каким бы ни был источник сексуального желания и удовольствия, можно стать «квир» по выбору. Это понятие подчеркивает момент незафиксированности сексуальной идентичности. «Быть «квир» значит отрицать как нормативную гетеросексуальность, так и гомосексуальность» (Аусландер, 2000, с. 53).

«Странная», «экс-центричная», «инаковая» квир-идентичность не поддается однозначному определению, она всегда является изменчивой, текучей и «подрывной» (субверсивной) по отношению к любой нормативной системе. Понять ее можно только изнутри, с точки зрения действующего лица, «представляющего» собственную самость себе и другим.

Квир не подразумевает никаких конкретных, специфических черт. Это идентичность, лишенная сущности, которая по определению расходится со всем нормальным, легитимным, господствующим. Это распространяется не только на гендер или сексуальность. Любая идентичность потенциально может изобретаться или переформулироваться ее собственником. «Квирность» выводит наружу и драматизирует непоследовательности и рассогласованности в считающихся стабильными отношениях между хромосомным полом, гендером и сексуальным желанием. При этом в центре внимания, естественно, оказываются те люди, у которых эта рассогласованность особенно сильна. Это не только геи и лесбиянки, но и гермафродиты, транссексуалы и транссвеститы.

Подрывая принцип универсальной гетеросексуальности, квир тем самым ставит под вопрос даже такие на первый взгляд бесспорные термины, как «мужчина» и «женщина». Квир-теория считает сексуальные идентичности функциями социальных представлений, репрезентаций. Репрезентации предшествуют сексуальным идентичностям, определяют, усложняют и разрушают их.

Вышколенному позитивистскому разуму эти теории кажутся странными, тем более что зачастую (особенно у Джудит Батлер) они излагаются в высшей степени трудным, заумным языком. Но это — естественный продукт постмодернизма, исходным пунктом которого является не порядок, а хаос, а объективную реальность заменяют разные формы дискурса.

Практически за этим стоит другой тип познающего субъекта. Объективный взгляд «со стороны» предполагает отчуждение. Человек, которого окружающие не принимают и травят, невольно смотрит на себя их глазами и спрашивает себя, почему он не такой, как все, и что ему со своей «инаковостью», которая то ли болезнь, то ли порок, делать. Для того, кто принимает себя и свою субъективность, эти вопросы уже не имеют значения: я такой, каков я есмь, для меня важны только способы самореализации, а если вы меня не принимаете, это не моя, а ваша проблема. Все люди по-своему «инаковые» (особенные), и именно этим они друг другу интересны.

Поясню эту мысль аналогией. В тоталитарном Советском Союзе инакомыслящие (диссиденты) на фоне всеоб-

шего идеологического единообразия выглядели белыми воронами, особой, странной породой людей. Но, если вдуматься, инакомыслие — не исключение, а норма, синоним мышления как такового. Слова «такомыслие» в языке нет, потому что жесткий конформизм исключает самостоятельность, без которой никакое мышление невозможно, а есть лишь более или менее автоматическое принятие готовых шаблонов речи и поведения.

Точно так же обстоит дело с инаколюбящими. Жесткая полова мораль, состоящая из сплошных запретов и предписаний, кого и как можно, а кого и как нельзя любить, была прокрустовым ложем, не оставлявшим места индивидуальности. Но любовь по определению индивидуальна, она всегда стремится выйти за рамки обыденности. Говоря словами Михаила Пришвина, «любовь — это неведомая страна, и мы все плывем туда каждый на своем корабле, и каждый из нас на своем корабле капитан и ведет корабль своим собственным путем» (Пришвин, 1969, с. 174). Социальные нормы — только плот или обманчивая соломинка, за которую мы хватаемся, чтобы не утонуть. В этом смысле все, кто любит, — инаколюбящие. «Таколюбящих» не бывает по определению.

Квир-теория имеет выходы и в эмпирическую науку. Классическая психиатрия строилась на историях болезни, где частный случай иллюстрировал общий диагноз. Но уже у Крафт-Эбинга истории болезни незаметно превращались в истории жизни. Сегодня истории жизни и сексуальные истории стали важнейшим источником сексологического знания, дополняющим и конкретизирующим массовые опросы. Появились и новые методы расшифровки сокровенных переживаний. «Эпистемология чулана» (Сэджвик, 2000) не ограничивается анализом явной гомосексуальности, но раскрывает глубинный гомозротизм, спрятанный и зашифрованный в недрах автобиографий и художественных текстов, позволяя увидеть — или сконструировать — много такого, что и не снилось прежним исследователям. Иногда это кажется произвольным и необоснованным, а иногда ты просто удивляешься — почему этого раньше никто не заметил?

Часть 2

СКВОЗЬ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

2-1. ОДНОПОЛАЯ ЛЮБОВЬ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Где бы мы ни встретили человеческие существа, они всегда удивляются другим людям.

Маргарет Мид

ЭТНОГРАФИЯ ОДНОПОЛЫХ ОТНОШЕНИЙ

Насколько распространена однополая любовь у народов мира? Сведений об этом значительно меньше, чем о большинстве других аспектов сексуальной культуры. Из 186 обществ, информация о которых закодирована в стандартной выборке Региональной картотеки человеческих отношений (HRAF), которую антропологи используют для статистического анализа социальных отношений, данные о гомосексуальном поведении имеются только по 70, а об отношении к нему — по 42 обществам (Broude, 1981). Однако отсутствие данных не значит, что однополых отношений в этих обществах не было, просто данные культуры не придавали им значения или их не замечали исследователи. Противоречива и информация об отношении к однополый любви. По одним данным, ее в той или иной степени принимают и признают 21,4 % всех человеческих обществ (Broude and Greene, 1976), а по другим — 51,9 % (Minturn, Grosse and Harder, 1969). По подсчетам

известного американского социолога Айры Рисса, вероятность мужского гомосексуального поведения новышается там, где власть принадлежит мужчинам и где мужские гендерные роли являются более жесткими, ригидными. Второй существенный фактор — различия в стиле социализации младенцев и степени участия в ней мужчин и женщин (Reiss, 1986).

При количественном сравнении того, насколько разные общества допускают сексуальные отношения между лицами одного пола, получаются шкалы, похожие на шкалу Кинзи: 1) запрещают и наказывают; 2) осуждают; 3) относятся нейтрально; 4) допускают при определенных обстоятельствах; 5) допускают всегда; 6) предписывают при определенных обстоятельствах; 7) одобряют и освящают.

Но гомосексуального поведения «вообще» не бывает, оно всегда воспринимается и оценивается в определенном социальном контексте. Это могут быть:

а) отношения, структурированные по возрасту, между взрослыми мужчинами и мальчиками — подростками;

б) отношения, связанные с изменением гендерной идентичности, когда мужчина социально как бы становится женщиной, и наоборот;

в) специализированные (профессиональные) отношения, когда сексуальная связь с лицами собственного пола является элементом исполнения определенной социальной роли, например, священная храмовая проституция, которая существовала в древнем Шумере, Вавилоне, Ассирии, Южной Индии и, по всей вероятности, в Израиле;

г) равноправные добровольные отношения, основанные на взаимном желании;

д) социально-неравные отношения, когда человек более высокого социального статуса, обладающий властью или деньгами, сексуально эксплуатирует бедного и зависимого. Решающее значение имеет при этом не пол сексуального партнера, а сексуальная позиция (Greenberg, 1988).

ГОМОСОЦИАЛЬНОСТЬ И ГОМОЭРОТИЗМ

Все это зависит от макроисторического контекста, одним из важнейших моментов которого является гендерный порядок. Чем глубже мы уходим в прошлое, тем более жесткими и непроницаемыми выглядят грани-

цы мужского и женского миров, причем у мужчин тенденция к обособлению и созданию закрытых однополых сообществ, в рамках которых формируются специфические системы ценностей, самосознание и стиль жизни, выражена гораздо сильнее, чем у женщин. Это явление ученые называют гомосоциальностью (общение с себе подобными) или мужской тенденцией к группированию (male bonding).

Особые мужские дома, союзы и тайные общества существовали едва ли не во всех архаических обществах. Бременский этнограф Генрих Шурц (1863—1903) в книге «Возрастные классы и мужские союзы» (1902), опираясь на обширный эмпирический материал из жизни нескольких африканских, одного индийского и четырех североамериканских народов, пришел к выводу, что возрастные классы — древнейший тип социальной организации, основанный, с одной стороны, на общности возрастных переживаний и антагонизме поколений, а с другой — на противоположности полов. В отличие от женщин, жизнь которых целиком подчинена потребности рожать и воспитывать детей, что и удовлетворяется в семье, движимые сексуальным и социальным импульсом мужчины создают все общественные и политические институты. Главная предпосылка общественной жизни, по Шурцу, «инстинктивная симпатия» между мужчинами, из которой вырастают все социальные связи, патриотизм и воинские доблести. Но эта инстинктивная симпатия, как вскоре уточнили Бенедикт Фридлендер и Адольф Бранд, является сексуально-эротической.

Идеи Шурца встретили восторженный прием ученых всех специальностей и получили дальнейшее развитие в книгах Ганса Блюера «Немецкое молодежное движение как эротический феномен» (Bluher, 1912) и «Роль эротизма в мужском обществе» (Bluher, 1917). Агрессивные арийские мужчины постоянно воевали, покоряли другие народы и основывали империи. Проводя большую часть жизни в походах, наряду с женами, рожавшими им детей, они часто имели любовников-мужчин, эти связи только укрепляли их воинское братство. В основе современных молодежных союзов и движений также лежит, по Блюеру, гомоэротическая дружба в сочетании со строгой половой сегрегацией и беспрекословным повиновением

вождю. Принцип элитарных и иерархически организованных мужских союзов Блюер открыто противопоставлял идее женского равноправия и политической демократии.

После того как эти идеи взяли на вооружение немецкие фашисты, они надолго утратили популярность в научном мире. Однако универсальность мужских союзов не вызывает у этнографов сомнений (Vulger und Welck, 1990), статистический анализ этнографических данных показал, что конкретные социальные функции этих сообществ изменчивы и многообразны. Сходные по типу группировки самцов существуют и у некоторых животных, включая приматов (Wrangham and Peterson, 1996).

Древнейшие мужские союзы возникли в противовес женскому, материнскому началу и способствовали дифференциации социальной деятельности и общественных институтов, а также переносу внимания с женского на мужской жизненный цикл. Групповая солидарность и эмоциональная привязанность мужчин друг к другу и к группе как целому были необходимы мужчинам не только для борьбы с внешними врагами, но и для того, чтобы поддерживать свой привилегированный статус и власть над женщинами.

Американский антрополог Томас Грегор (Gregor, 1985, 1990) различает два основных способа охраны мужского господства. Первый, древнейший способ, который Грегор называет «комплексом мужского дома», типичен для маленьких оседлых общин Южной Америки и Новой Гвинеи, в которых существуют закрытые для женщин мужские дома, где хранятся священные предметы культа и осуществляются тайные обряды. Мужские дома и тайные союзы предполагают также наличие особых мужских культов, выражающих мужские сексуальные страхи перед женщинами, от которых необходимо защищаться. В них сильно выражены мотивы сексуального насилия, индивидуального и группового, а также представления, что мальчик становится мужчиной лишь благодаря другим мужчинам. Отсюда — необходимость отделения мальчиков от женщин.

Грегор подробно описывает комплекс мужского дома живущего в джунглях бразильской Амазонии индейского племени мехинаку. Мифология мехинаку отличается выраженным андроцентризмом. Мужчины этого племени верят, что бог Кваумути создал женщин специально для

того, чтобы мужчины могли заниматься с ними сексом (Gregor, 1985, p. 39). В то же время они явно побаиваются женщин. Центр социальной и эмоциональной жизни мужчин-мехинаку — не семья, а мужской дом. Это единственное место, где они могут расслабиться и чувствуют полную свободу. Мехинаку говорят, что «в мужском доме нет стыда». Мужчины свободно обнимаются, трогают, часами раскрашивают друг друга, шутливо хватают друг друга за гениталии. Однако эти действия не считаются сексуальными. Чем больше времени мужчина проводит в мужском доме, с себе подобными, а не в семье или занимаясь сексом с женщинами в лесу, тем более он «настоящий мужчина».

В мужском доме хранятся культовые предметы, прежде всего — священная флейта, «каука», воплощающая одноименного духа. Женщины не имеют права видеть эту флейту и то, как мужчины на ней играют. Если женщина подсмотрит этот ритуал, она наказывается коллективным изнасилованием, в котором участвуют все мужчины деревни, кроме ближайших родственников этой женщины. Сексуальную мотивацию этого акта мехинаку признают лишь отчасти, главный его смысл — не удовольствие, а утверждение коллективной власти мужчин над женщинами. В акте группового изнасилования присутствует и определенный гомозротизм, мужчины буквально купаются в семени друг друга, и это укрепляет их групповую солидарность. Вместе с тем понятие гомосексуальности в языке мехинаку отсутствует, секс между мужчинами считается одной из странностей белого человека.

Гендерная групповая солидарность мальчиков-мехинаку создается обрядом инициации, главный элемент которого — прокалывание уха, интерпретируемое как символический аналог женских менструаций. Социальная и эмоциональная связь между мальчиками, одновременно проходившими инициацию, сохраняется на протяжении всей их жизни. Эмоциональная значимость общих переживаний усугубляется тем, что у мальчиков поощряется агрессия по отношению к женщинам, которые рассматриваются исключительно как сексуальный объект и награда за мужество. Этот тип социализации практически исключает возможность социального равенства и взаимопонимания мужчин и женщин.

Второй способ поддержания гендерной сегрегации, широко распространенный у народов Средиземноморья и Ближнего Востока, — неучастие женщин в публичной жизни, заключение их в своего рода домашние гетто. Налагаемые на женщин ограничения обычно мотивируются соображениями скромности и защиты женского целомудрия, но главное здесь — резкое разграничение публичной и домашней жизни. В Южной Италии, в испанской Андалузии, в Тунисе и Алжире мужской и женский мир пространственно строго разделены. Большую часть своей жизни женщина проводит дома, сначала с родителями, потом с детьми. «Домашний мужчина», напротив, считается ненастоящим. Его место на улице, среди других мужчин, с которыми он одновременно соперничает и дружит.

Для алжирских кабиллов мужчина, который проводит днем слишком много времени дома, подозрителен или смешон: это «домашний мужчина», он «сидит дома, как курица на насесте». Уважающий себя мужчина должен быть видимым, постоянно выставлять себя на обозрение других, состязаться с ними, смотреть им в глаза. Он мужчина среди мужчин.

По мере исчезновения или ослабления одних специфически мужских институтов они немедленно заменяются другими. В Средние века место первобытных мужских домов и тайных обществ занимают рыцарские ордена, позже их сменяют студенческие братства, масонские ложи, затем пивные, кофейни, клубы. В современном обществе удельный вес исключительно мужских сообществ и учреждений резко уменьшился. Даже армия, включая военные училища, перестала быть чисто мужским институтом. Но потребность в закрытом для женщин общении с себе подобными у мужчин по-прежнему велика. Мужское товарищество и дружба остаются предметами культа и ностальгии. Чем заметнее присутствие женщин в публичной жизни, тем больше мужчины ценят такие занятия и развлечения, где они могут остаться сами с собой, почувствовать себя свободными от женщин, нарушить стесняющие их правила этикета. Подчас трудно понять, являются ли исключительно мужские формы развлечений и массовой культуры, как футбол, бокс или рок-музыка, проявлением специфических мужских пристрастий и инте-

ресов, или же их главный смысл заключается именно в консолидации мужской обособленности.

Закрытое мужское сообщество везде и всюду порождает гомозеротические чувства. Однако социальные функции и личностный смысл этих отношений столь же многообразны, как и вызывающие их обстоятельства. Здесь можно выделить по крайней мере 4 автономных типа.

1. Компенсация сексуальной депривации, обусловленной половой сегрегацией. Высокая концентрация молодых самцов в замкнутом пространстве усиливает их сексуальные желания, которые при отсутствии других возможностей разрядки неизбежно обращаются друг на друга. Тем более что мужчинам свойственно описывать и символизировать любые свои отношения в сексуальных терминах.

2. Эротизация эмоциональных привязанностей. Пространственная близость и совместная деятельность неизбежно порождают между людьми, независимо от их пола и сексуальной ориентации, эмоциональные привязанности. При определенных условиях эти привязанности могут эротизироваться, превращая обычную дружбу в «романтическую» или «особенную» (это понятие уже в Средние века служило эвфемизмом для обозначения однополой любви).

3. Сексуализация отношений господства и подчинения. Отношения внутри любого мужского сообщества, как правило, бывают иерархическими. В некоторых из них (уличные банды, армия, тюрьма) иерархия является особенно жесткой. Символическая сексуализация оформляет и закрепляет сложившиеся в группе отношения господства и подчинения. Подобно тому, как кобель «метит» мочой свою территорию, доминантный самец, «опуская» потенциального соперника и конкурента, тем самым утверждает свою неограниченную власть над ним, превращает его в свою собственность. Эта сексуальная собственность может быть как индивидуальной, так и групповой (армейская дедовщина, лагерная иерархия и т. п.).

4. Реализация собственных сексуальных предпочтений. В любом мужском сообществе есть люди, предрасположенные к гомозеротизму. Гендерная сегрегация облегчает им реализацию своих желаний. Но если в первых трех случаях гомосексуальность производна от гомосоциальности, выступая как ее надстройка, дополнение или проявление, то в данном случае зависимость переворачивается: преиму-

пещественное общение с мужчинами служит фоном, средством или прикрытием для реализации гомосексуального желания.

Эти качественно разные функции и мотивы могут сочетаться и даже перерастать друг в друга.

Будучи имманентным свойством маскулинности, гомосоциальность порождает одновременно гомозеротизм и гомофобию. Гомофобия — страх не столько перед гомосексуалами, сколько перед другими мужчинами вообще, «страх, что другие мужчины могут разоблачить нас, лишить мужского достоинства, показать нам самим и всему миру, что мы «не тянем», что мы не настоящие мужчины» (Kimmel, 1996, р. 8). Именно неуверенность в себе порождает у мужчины напряженную потребность в гипертрофированных признаках маскулинности — высоком росте, физической силе, большом члене и т. п. Даже успех у женщин многим мужчинам важен не сексуально, а социально, как доказательство собственного превосходства над другими мужчинами. Хвастовство и преувеличение своих достижений в этой области — неотъемлемый элемент мужской культуры. Но свою гегемонию можно утвердить и без посредства женщин, путем сексуального подчинения и овладения другим мужчиной.

ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТЬ В МУЖСКИХ ИНИЦИАЦИЯХ

При всех различиях социализации детей в разных человеческих обществах воспитание мальчиков везде и всюду отличается от воспитания девочек. Дело не только в том, что их готовят к разным видам деятельности. Многие народы, подобно мехиану, убеждены в том, что мальчика делают мужчиной не женщины, а другие мужчины, — собственный отец, с которым он идентифицируется, или взрослые мужчины, совершающие над ним обряд инициации, или сообщество однополых сверстников. Говоря словами Шекспира, «сын женщины есть тень мужчины, а не его подобие» (Шекспир. Генрих IV, часть 2, акт 3, сцена 2).

Социализация мальчиков идет одновременно по вертикали (взрослые мужчины передают опыт мальчикам) и по горизонтали (через принадлежность к группе сверстни-

ков), причем в обоих процессах могут быть — символические или реальные — сексуальные элементы. Самый распространенный тип институционализированных мужских гомосексуальных отношений (однополые отношения между женщинами нигде не институционализировались и существовали только на бытовом уровне) — ритуализованные сексуальные контакты между мальчиками-подростками и взрослыми мужчинами. Многие народы считали их необходимой формой обучения и передачи мальчику силы или мудрости взрослого мужчины и оформляли специальными ритуалами.

Ритуалы «осеменения» мальчиков широко распространены у народов Новой Гвинеи и Меланезии (Herdt, 1984). Мальчик из племени маринд-аним живет в материнской хижине до 12—13 лет, затем его переселяют в мужской дом и он становится наложником своего дяди по материнской линии; эти отношения продолжаются около семи лет, до вступления юноши в брак. Мальчик племени эторо должен иметь старшего сексуального партнера, чаще всего — это муж или жених его старшей сестры (считается желательным, чтобы брат и сестра получали одно и то же семя); эта связь продолжается до полного возмужания, после чего молодой мужчина сам становится сексуальным партнером допубертатного мальчика.

Эти обычаи и связанная с ними символика подробно описаны Гилбертом Хердтом (Herdt, 1981) у папуасского племени самбия (название условное, чтобы защитить племя от западных визитеров). Когда мальчикам этого маленького воинственного горного народа исполняется семь-восемь лет, их отбирают у матерей и помещают в замкнутый мужской мир. Самбия верят, что, для того чтобы созреть и вырасти, мальчик должен регулярно пить мужское семя, как младенец — материнское молоко, недаром обе жидкости — белые. Сосание члена для мальчика — то же, что сосание груди для младенца. До начала полового созревания мальчики «высасывают» старших подростков и юношей, а затем их самих обслуживают новички. Юноши и молодые мужчины некоторое время ведут бисексуальную жизнь, а после вступления в брак целиком переключаются на женщин. Взрослая гомосексуальность в племени неизвестна. Символическая основа этой практики — стремление «возвысить» мужское начало, «очистив»

мальчиков от женских элементов. Обряды, закрепляющие чувство мужской солидарности, хранятся в тайне от женщин и возводятся к мифическому прародителю племени Намбулю. Первоначальная сексуальная социализация принудительна, партнеры не выбирают друг друга, а назначаются старшими. В дальнейшем у них могут появиться индивидуальные предпочтения, но отношения и сексуальные роли остаются строго иерархическими: старший не может сосать младшего, а между близкими друзьями это вообще не принято.

Способы «осеменения» мальчиков у разных племен различны (Keesing, 1982). У самбия, эторо, баруйя, чечай и куксов это оральный контакт, фелляция. У калули (восточный берег Новой Гвинеи) вместо орального осеменения практикуется анальное. Поскольку калули — традиционные враги эторо, оба племени с одинаковым отвращением рассказывают о соседских методах: вы только подумайте, какой противоестественной мерзостью занимаются эти люди! У кераки анальные сношения были общеприняты среди молодых холостяков и совершенно обязательны в процессе инициации. На вопрос этнографа, подвергались ли они сами такому обращению, мужчины-кераки отвечали: «Ну, конечно! Иначе как бы я мог вырасти?»

Мужчины племени онабасулу мастурбируют, а затем размазывают собранное семя по телу иницируемого мальчика. Маринд-аним практикуют анальные контакты, но для ритуальных целей используют также семя, полученное в половом акте с женщиной. У племени кимам новичков сначала коллективно анально «оплодотворяют» старшие подростки или молодые мужчины под руководством старшего наставника. Затем семя заслуженных взрослых воинов, собранное при ритуализованном коллективном прерванном половом акте с женщинами, втирается в сделанные на коже новичка надрезы. После этой процедуры мальчика подбрасывают вверх. Если он, как кошка, приземляется на ноги — все в порядке, он достаточно силен. Если же падает на колени или на спину, втирание повторяют. Кроме того, мальчику дают семя с едой и питьем.

Хотя обряды разные, отношения старших и младших остаются асимметричными, а способы инсеминации строго фиксированы. В течение жизни каждый мужчина пос-

ледовательно выполняет функции донора и реципиента, не утрачивая своей маскулинности. И делается это не ради удовольствия, а для продления жизни и выращивания полноценного потомства.

Интерпретация этих обрядов и обычаев вызывает споры.

Одни ученые видят в них способ контроля за рождаемостью путем разрядки юношеской сексуальной энергии, пока мужчина социально не созрел для брака и продолжения рода (некоторые общества поощряют подростков, вместо того чтобы «портить» девушек или соблазнять чужих жен, иметь сексуальные отношения с животными).

Другие считают их средством поддержания мужской групповой солидарности (мужчины, которые спят друг с другом, не нуждаются в женщинах и имеют собственные таинства) и обеспечения социального контроля старших над младшими.

Третьи связывают их с необходимостью высвободить мальчиков из-под материнского влияния, под которым они находились в детстве: осеменение — не простой физический акт, а одухотворение, которое может осуществить только мужчина, это приобщает мальчика к мужскому обществу.

Четвертые отмечают связь этих обычаев с символической культурой, космогоническими и религиозными представлениями (мифический родоначальник самбиа Намбулю — двуполоый андрогин). Иногда обмен семенем рассматривается как аналог дарения, где даритель всегда имеет более высокий статус; это также создает между разными поколениями мужчин нерасторжимую родственную связь. Очень важно учитывать воинственность папуасских обществ, где социализация мальчиков целиком подчинена воинскому обучению. Жесткая половая сегрегация, взаимное недоверие и зависть (женщины завидуют мужской власти, а мужчины — женской магии и детородной силе) порождают потребность в самодостаточности, так что общая цель всех подобных ритуалов — маскулинизация мальчиков. Если на Западе считается, что инсеминация феминизирует реципиента, то в Меланезии она, наоборот, помогает мальчику мужать и взрослеть.

Однако все эти ритуалы и обычаи не создают какой-то особой «гомосексуальной идентичности» и самосознания. Если у кого-то и возникают специфические эротические

предпочтения, которые мы назвали бы гомосексуальными, общество не обращает на них никакого внимания, а индивид послушно и последовательно выполняет все свои «нормальные» обязанности: сначала отсасывает дядю или старшего мальчика или подставляет для осеменения собственный зад, потом женится, зачинает детей и осеменяет следующих мальчиков или жертвует для этого свою сперму. Что из этого ему больше нравится — никого не волнует. Он такой же мужчина, как все остальные.

ЛЮДИ «ТРЕТЬЕГО ПОЛА»

Принципиально иначе обстоит дело там, где сексуальные отношения с лицами собственного пола выступают как аспект тотальной символической гендерной инверсии, когда мужчина феминизируется, а женщина маскулинизируется. Путешественники и этнографы часто сталкивались с этим непонятым явлением.

В своем «Описании земли Камчатки» (1755) Степан Крашенинников отмечал наличие среди камчадалов особой категории мужчин-коекчучей, «которые в женском платье ходят, всю женскую работу отправляют и с мужчинами не имеют никакого обхождения, будто бы гнушались делами их, или зазирались вступать не в свое дело» (цит. по: Максимов, 1910). Коекчучи находятся в чести, а некоторых из них «держат вместо наложниц». Другой путешественник по Камчатке Георг Штеллер (1774) также видел «этих бесстыдных и противоестественных лиц». Отвечая на вопросы Сената о положении чукчей и каряков, иркутский губернатор Бриль в 1770 г. писал: «...а прочие мужеска пола чрез волшебство обращаются в образ женский и меж собой мужеложествуют и выходят друг за друга замуж». О широком распространении «педерастии» у чукчей, которой они нисколько не стесняются, писали и другие русские географы XVIII — начала XIX в.

Впервые столкнувшись с этим явлением после завоевания Америки, европейцы восприняли его как содомию и ссылались как на довод в оправдание колонизации и физического истребления индейцев (Williams, 1992). После того как один испанский епископ написал в 1525 г., что карибские индейцы — «большие содомиты, чем любая другая раса», король со спокойной совестью обратил упомянутое

племя в рабство. С легкой руки конквистадоров таких людей стали называть бердашами или бердачами (слово это предположительно происходит от испанского *bardajo* или *bardoja*, обозначающего мальчика на содержании, протитутку мужского пола; отсюда же и русское — «бардак»). Испанские и португальские колонизаторы беспощадно расправлялись с ними. В 1513 г. Франсиско Бальбоа бросил сорок бердашей на растерзание собакам, — «прекрасный поступок благородного католика-испанца», по оценке тогдашнего историка. В Перу их массами сжигали, заставив уйти в глубокое подполье. Даже столетия спустя, живя рядом с индейцами, католические миссионеры совершенно не понимали их культуры. Францисканские монахи думали, что бердаши переодевались в женскую одежду, чтобы тайно проникнуть в общество женщин и «грешить» с ними. А некоторые, наоборот, считали переодевание формой наказания уличенных содомитов.

Институт бердашей широко распространен среди американских индейцев (в Северной Америке он зафиксирован у 113 племен (Callender and Kochems, 1983), народов русского Севера, Сибири и Дальнего Востока (чукчи, алеуты и др.), Индонезии (Williams, 1991) и Африки.

Ранние антропологи и психоаналитики считали бердашизм формой институционализированной гомосексуальности (Devereux, 1937). Но хотя сексуальными партнерами бердашей обычно бывают люди их собственного пола, это правило не является всеобщим, а в описаниях их ролей и функций подчеркиваются не сексуальные, а гендерные характеристики — род занятий, одежда, специфические ритуальные функции.

Другие ученые думают, что бердаши — интер- или транссексуалы, которым культура просто дает соответствующую нишу. Например, индейцы Доминиканской Республики выделяют особую категорию людей «третьего, смешанного пола», у которых вторичные половые признаки появляются с большим опозданием (эндокринологи обнаружили у них редкую форму псевдогермафродитизма) и поведение которых не является ни типично мужским, ни типично женским. Не заставляя таких людей обязательно делать трудный для них выбор, местная культура позволяет им менять не только одежду, вид деятельности, имена и украшения, но и пол своих сексуальных партне-

ров. Папуасы-самбия не причисляют детей, родившихся с анатомически неопределенными половыми органами, ни к мужчинам, ни к женщинам. Одних воспитывают как мальчиков, других — как девочек, а третьи не проходят ни мужских, ни женских инициаций. Хотя самбия считают это состояние грустной ошибкой природы, они принимают его как факт и отводят таким людям соответствующую экологическую нишу. Аналогичные явления известны на Таити, в Индонезии и в некоторых других местах (Herdt, 1994). Однако не у всех бердашей есть телесные признаки гермафродитизма.

Третьи считают бердашизм формой социального убежища, своего рода экологической нишей для мальчиков, которые по тем или иным причинам чувствуют себя неспособными выполнять трудные и соревновательные мужские роли и поэтому причисляют себя к женскому полу. Но бывают и бердашки-женщины (Whitehead, 1981). Кроме того, бердаши считаются не неполноценными, а двуполыми или представителями «третьего», смешанного пола, их так и называют: «муже-женщина», «полумужчина-полуженщина» или «два духа». В своем обществе они занимают такое же особое, автономное место, как мужчины и женщины. Нередко им приписывают особую магическую силу, благодаря которой они часто (но не обязательно) бывают шаманами и поддерживают сексуальную связь с богами. Двуполыми были и многие языческие божества.

Пяти-шестилетний мальчик зуньи, обнаруживший склонность к домашней работе и общению с женщинами, понятия не имеет об абстрактных нормах гендерного поведения, он просто проявляет свои естественные склонности. Однако его семья и община обращают на это внимание, и когда в 10—12 лет этот мальчик выбирает себе одежду, он уже осознает символическое значение этого акта. Детские интересы и наличие формализованных гендерных ролей для бердашей одинаково важны. Если бы не его природные склонности, зуньи не признали бы ребенка «двухдуховным», но если бы ему не позволили развивать эти свойства под прикрытием официально санкционированной социальной роли, они, вероятно, остались бы незамеченными или проявились в искаженных формах (в «цивилизованном» обществе сверстники травили бы такого мальчика, а родители таскали его по психиатрам) (Roscoe, 1991).

Эта система социализации, как и самый институт бердашей, не создана сознательно и встречается главным образом в тех обществах, где противоположность мужских и женских ролей выражена менее резко и в религиозных верованиях которых представлено андрогинное начало как воплощение изначальной целостности и духовной силы человека (Munroe, Whiting and Hally, 1969).

В современном обществе рост терпимости к вариациям сексуального поведения также тесно связан с ослаблением гендерной поляризации и пониманием того, что различия между мужчинами и женщинами зависят не только от пола и допускают множество индивидуальных вариаций, не являющихся ни социально опасными, ни патологическими.

До сих пор я говорил об институционализированных, социально-оформленных отношениях. Равноправные и добровольные гомосексуальные отношения, основанные на личной склонности, чаще всего наблюдаются среди детей и подростков. Многие культуры вообще не придают значения детским сексуальным играм, включающим имитацию полового акта, взаимную мастурбацию и т. п. Гендерная сегрегация детей и подростков мотивируется не столько желанием избежать сексуальных контактов между ними, сколько принципиально разными задачами воспитания мальчиков и девочек. Однако жесткая гендерная сегрегация неизбежно влечет за собой однополые сексуальные контакты, с которыми мудрая народная культура не считает нужным бороться.

Большинство мальчиков-подростков индейцев яноамо (Бразилия) и араукана (Чили и Аргентина) имеют гомосексуальные связи со сверстниками, обычно прекращающиеся после женитьбы. Юноши бороро (Центральная Бразилия), прошедшие инициацию и живущие отдельно от женщин в мужских домах, часто развлекаются друг с другом, взрослые не видят в этом ничего страшного. Так же обстоит дело у островитян Торресова пролива. В ряде районов Амазонии взаимная мастурбация и генитальные ласки — нормальные элементы дружеского общения молодых холостяков и женатых мужчин. Явный гомозротический оттенок имеет тесная дружба молодых мужчин майя и индейцев Южной Мексики и Гватемалы. В числе семи главных функций (обязанностей) «нерасторжимой друж-

бы», существующей у некоторых народов (банту кавирондо, малекула, дагомейцы, мануа и нама), фигурируют и сексуальные контакты между друзьями (Cohen, 1961, p. 373). Кое-где такие отношения допускаются и среди молодых незамужних женщин; у нанди (Кения) и акан (Гана) они иногда продолжают даже после замужества.

По мере усложнения социальной структуры общества, с возникновением классов и государства, социальная регуляция сексуального поведения усложняется. Поскольку общество заинтересовано в продолжении рода и поддержании института брака, наибольшее внимание и покровительство везде и всюду оказывается репродуктивному сексу, однополые привязанности считаются маргинальными или подрывными. Большинство мировых религий обосновывают это тем, что однополые связи бесплодны и не способствуют продолжению рода. Чтобы гомосексуальные отношения не вступали в конфликт с репродуктивными задачами и не подрывали институт брака, общество пытается локализовать, ограничить их распространение строго определенными ролями, местами и ситуациями: здесь можно, а в другом месте — ни-ни. Эти роли и ситуации достаточно многообразны, и разные культуры регулируют их по-разному. Поэтому их лучше рассматривать по странам.

2-2. ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

Как ни странно, посторонний живет в нас самих: он — скрытое лицо нашей идентичности, пространство, которое разрушает наше жилище, время, когда гибнут понимание и симпатия... Чужак начинается, как только я осознаю свою особенность.

Юлия Кристева

ПЕРЕДНИЙ ВОСТОК

Ни один из древнейших правовых кодексов древней Месопотамии (Greenberg, 1988, pp. 124—127), от законов Урукагины (2375 до н. э.) до законов Хаммурапи (1726 до н. э.), не запрещает гомосексуальных действий.

Хеттский свод законов 2-го тысячелетия до н. э. упоминает однополый секс только в связи с инцестом: мужчина не должен иметь сексуальных отношений со своей матерью, дочерью или сыном. В древней Ассирии мужчина, принудивший кого-либо к анальному сношению, сам подвергался изнасилованию, а затем кастрировался; жертва изнасилования не наказывалась. Напротив, при добровольных однополых связях «активная» роль не стигматизировалась, а «пассивная» считалась позорной. Ложное обвинение или распространение слухов, будто кто-то неоднократно спал с мужчинами, было равносильно обвинению в проституции и наказывалось поркой, принудительными работами, кастрацией и штрафом. Эти законы охраняли честь и достоинство мужчины, который не должен был оказываться в женской позиции, но сам по себе однополый секс не осуждался.

Марийский царь Зимри-лин и вавилонский царь Хаммурапи имели наложников-мужчин. По древнеавилонской книге гаданий мужчина, имевший анальный контакт с равным мужчиной, опередит своих братьев и товарищей, зато того, кто в тюрьме уступит сексуальным домогательствам других мужчин, ожидает беда. Гомоэротические тона имеет шумеро-аккадский эпос о героической дружбе урукского царя Гильгамеша и дикого человека Энкиду. Хотя в тексте эпоса прямых указаний на сексуальную окрашенность этих отношений нет, она явно проявляется в снах Гильгамеша и в их истолковании его матерью.

В древнеегипетской мифологии (Manniche, 1977; Greenberg, 1988 pp. 127—135) сексуальный контакт с богом считался добрым предзнаменованием для смертного мужчины. В надписи на одной из гробниц покойник обещает «проглотить фаллос» бога Ра. Другой усопший говорит, что фаллос бога Геба «находится между ягодиц» его сына и наследника. Однако в отношениях между равными рецептивная позиция была для мужчины крайне унижительной.

Один из мифов о тяжбе между двумя братьями-богами, Гором и Сетом, за право наследовать их отцу Осирису рассказывает, что в перерыве между заседаниями суда хитрый Сет всунул свой эрегированный член Гору между ягодиц. Гор собрал семя Сета в ладонь и пошел жаловаться

ся своей матери Исиде: «Посмотри, что сделал со мной Сет!» Разгневанная Исида отсекла оскверненную руку Гора и заменила ее новой, но, когда суд возобновился, Сет потребовал отдать ему царское место, ссылаясь на то, что он овладел Гором «как мужчина», и девять судей-богов плюнули Гору в лицо и решили дело в пользу насильника Сета: однажды потерянное мужское достоинство невосстановимо.

Хотя богам активная позиция в анальном сексе позволялась, у простых египтян она осуждалась. В 125-й главе «Книги мертвых» (период XVIII династии) покойник клянется, что невиновен в длинном перечне грехов, в том числе «не имел сексуальных отношений с мальчиком». О бытовой жизни древних египтян в этом плане практически ничего не известно.

ИНДИЯ

Отношение к однополый любви в Индии (Bulough, 1976, ch.10; Greenberg 1988, pp. 168—171) трудно охарактеризовать однозначно — слишком много там было разных народов и религий, сменяющих друг друга. В древнейшей Индии существовали когда-то мужские воинские союзы и обряды инициаций (намек на это есть в Рамаяне и Махабхарате), но они исчезли очень давно. В древнейших священных текстах ариев — Ведах, оформленных на рубеже 2—1-го тысячелетий до н. э., однополый секс не упоминается. В санскрите нет слова, более или менее эквивалентного «гомосексуальности». Наиболее влиятельные индийские религии, буддизм и индуизм, будучи очень терпимыми к разнообразным сексуальным техникам, тем не менее проповедовали аскетизм и половое воздержание. Гомосексуальные действия, как и мастурбация, считались оскверняющими человека, но наказывались очень мягко, это было не столько наказание, сколько очищение.

Древнейший индийский правовой кодекс Артхашастра (IV в. до н. э.) предусматривает за сексуальную близость между мужчинами штраф от 48 до 94, а между женщинами — от 12 до 24 денежных единиц, меньше, чем за многие гетеросексуальные нарушения. По законам Ману (I—III вв. до н. э.), «дважды рожденный (представитель выс-

шей касты, брахман. — *И. К.*) мужчина, который совершит противоестественный акт с мужчиной... должен выкупаться в одежде». Такое же ритуальное омовение полагалось за сношение с женщиной днем, или в воде, или в запряженной волами телеге. Пол сексуального партнера был менее важен, чем обстоятельства сношения.

Древняя индийская эротология, обобщенная в Камасутре, допускала использование в гетеросексуальных отношениях всех телесных отверстий, однако гомосексуальной эротике она практически не касается, упоминая только акт фелляции, производимый евнухом, но ведь евнух — не мужчина. Бытовая, поведенческая гомосексуальность, особенно распространенная в буддистских монастырях, официально как бы не существовала.

Напротив, тема двуполости, андрогинии, занимает важное место в религиозных культах Индии. Двуполой является божественная корова-бык Адити, мать и отец всех богов. Шива обладает как мужскими, так и женскими свойствами. Вишну и его воплощение Кришна часто изображаются в виде андрогинов. В индийской мифологии широко представлены сюжеты, связанные с переменной пола, причем это делают не только боги, но и смертные.

«Третий пол» в Индии представляют так называемые хиджры (Nanda, 1990), религиозное сообщество мужчин с хирургически удаленными яичками и пенисом (их потом зарывают под живым деревом), которые носят женское платье и прически, подражают женской походке, голосу, манерам, называют друг друга женскими именами, занимают женские места в общественном транспорте и предпочитают мужчин в качестве сексуальных партнеров. Интерпретация этого института неоднозначна. Хотя хиджры ведут себя во всем «как женщины», они считаются не женщинами, а особым, «третьим полом», сочетающим мужские и женские характеристики. Некоторые хиджры курят и ведут себя агрессивно, что противоречит индийскому канону женственности. Многие занимаются ритуальной проституцией. Отношение к хиджрам двойственное. Им приписывается особая магическая сила, угроза хиджры поднять юбку и показать свои изуродованные гениталии вызывает панический ужас, этот жест равносителен проклятию. Хотя хиджры охотно принимают в свою сре-

ду гомосексуальных и феминизированных мальчиков и помогают им найти приемлемую нишу.

Преследования и кары за гомосексуальность принесло только английское владычество, но и тогда в Индии было гораздо свободнее, чем в метрополии, что делало ее весьма привлекательной для английских гомосексуалов (это отразилось в английской художественной литературе). Бытовая педерастия была особенно распространена среди мусульман и сикхов. В то же время привычная фигура умолчания легко превращается в жесткое табу слов, мешающее осознанию проблемы. В современной Индии мужская гомосексуальность остается, со времен английского владычества, уголовным преступлением, а в индийской литературе и кино эта тема почти не освещается (одно из исключений — фильм Раджа Капура «Сангам»). Однако в быту она встречается довольно часто. В одном сексологическом опросе 1992 г. 12 % неженатых и 8 % женатых мужчин признались, что начали свою сексуальную жизнь с мужчиной (Francœur, 1997, 2:592).

ДРЕВНИЙ ИЗРАИЛЬ

Израильскую цивилизацию (Egon, 1993) часто считают одной из немногих древних цивилизаций, где сексуальные контакты между мужчинами были запрещены категорически, независимо от какого бы то ни было контекста. В Библии сказано: «Не ложишься с мужчиною, как с женщиною, это мерзость» (Левит, 18:22) и «Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они да будут преданы смерти; мерзость сделали они; кровь их на них» (Левит, 20:13).

Еврейское слово *toevah*, которое в русском тексте Библии переведено как «мерзость» (иногда его переводят как «извращение»), означает прежде всего ритуальную «нечистоту», нарушение неких установленных границ, «смешение» несовместимого (Douglas, 1978, p. 53; Olyan, 1994; Boyarin, 1995). Этот библейский запрет стоит в одном ряду с другими аналогичными нормами, запрещающими кровосмешение, скотоложство, использование одежды противоположного пола, прием неподобающей пищи и т. п. В предыдущем стихе Левита (20:12) сказано: «Если кто ляжет с невесткою своею, то оба они да будут преданы смерти;

мерзость сделали они; кровь их на них». То есть речь идет не о выделении особого вида «неправильной» сексуальности, а о частном случае нарушения общих правил гендерной стратификации и родственных отношений.

Проблематична и интерпретация знаменитой истории Содомы и Гоморры. По известному библейскому сюжету, Бог, узнав о безбожном поведении жителей этих двух городов, послал для выяснения обстоятельств двух ангелов. В Содоме их встретил праведник Лот и пригласил к себе переночевать, но

«Еще не легли они спать, как городские жители, Содомляне, от молодого до старого, весь народ со всех концов города, окружили дом.

И вызвали Лота, и говорили ему: где люди? пришедшие к тебе на ночь? выведи их к нам; мы познаем их.

Лот вышел к ним ко входу, и запер за собою дверь,

И сказал: братья мои, не делайте зла.

Вот, у меня две дочери, которые не познали мужа; лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно; только людям сим не делайте ничего, так как они пришли под кров дома моего» (Бытие, 19:4—7).

Содомляне не послушались Лота, и тогда ангелы вывели его с семьей из города, а Содом разрушили и сровняли с землей. Вторая, сходная история содержится в Книге судей. В городе Гиве Вениаминовой один старик приютил на ночь мужчину с наложницей. Но только они «развеселили сердца свои», как «жители города, люди развратные, окружили дом, стучались в двери, и говорили старику, хозяину дома: выведи человека, вошедшего в дом твой, мы познаем его». Хозяин просил их «не делать этого безумия». Вместо мужчины к ним вышла его наложница, «они познали ее, и ругались над нею всю ночь до утра», после чего она умерла (Книга судей, 19:22—25). И тогда израильтяне «пошли к сынам Вениаминовым и поразили их мечом, и людей в городе, и скот, и все, что ни встречалось, и все находившиеся на пути города сожгли огнем» (Книга судей, 20:48).

Главное преступление в обеих притчах — вовсе не однополый секс, а изнасилование и нарушение законов гостеприимства. Лот готов был пожертвовать собственными дочерьми ради странников не потому, что не любил своих дочерей, а потому что над дочерьми он, как отец, об-

ладал абсолютной властью; тогда как странники, которых он приютил, находились под его защитой, выдать их без ущерба для собственной чести он никак не мог. Содомляне же отвергли предложение не потому, что были «содомитами» и сексуально предпочитали мужчин женщинам, а потому, что хотели унижить чужеземцев, а заодно и Лота, который, сам будучи пришлым, осмелился указывать, как им следует себя вести. Тем самым содомляне нарушили сразу несколько фундаментальных законов, не имеющих никакого отношения к сексуальности. Оскорбить посланцев Бога, нарушить закон гостеприимства, да еще пожелать изнасиловать ангелов, какого бы они ни были пола, — больше, чем достаточно, чтобы разрушить город. Ветхозаветный Бог кротостью не отличался. В Гиве горожане усугубили нарушение правил гостеприимства изнасилованием женщины. Вопрос о сексуальной позиции, «содомии», здесь вовсе не обсуждается.

Это не значит, что древний Израиль терпимо относился к однополрой любви. Поскольку евреи были обязаны плодиться и множиться, любое излияние семени вне репродуктивного контекста было греховным. Онан, ослушавшийся повеления Бога жениться на вдове своего брата и изливший семя свое на землю, был покаран смертью. Правда, в данном случае Божий гнев вызван не столько растратой семени, сколько нарушением закона, по которому Онан был обязан взять в жены свою овдовевшую невестку (так называемый левират). Однако изливать семя куда попало вообще не полагалось. В отличие от обычаев многих других народов, по еврейскому закону, «верхний», «активный» партнер в гомосексуальном акте виновен больше «пассивного», не потому, что он инициировал греховное действие (это надо было еще доказать), а потому что именно он изливает семя в неподобающий «сосуд».

Иудаизм осуждает однополый секс также и потому, что он ассоциировался с проституцией. У многих народов, с которыми враждовал древний Израиль, существовала ритуальная, храмовая проституция, от которой евреи хотели отмежеваться. Это опять-таки сугубо религиозный запрет, отделяющий «чистых» от «нечистых». Наказания за мужеложство были, в общем, такими же, как за злословие отца или матери, прелюбодеяние, кровосмеше-

ние, обнажение наготы кровных родственников, сношение с менструирующей женщиной, нарушение пищевых запретов, волхвование и многое другое. И мотивировались все эти запреты одной и той же заботой о сохранении чистоты веры: «Не оскверняйте себя ничем этим; ибо всем этим осквернили себя народы, которых Я прогоняю от вас» (Левит, 18:24).

Собственно сексуальное желание и на кого оно направлено, еврейскую религию вообще не интересует. В других контекстах Ветхий Завет допускает и довольно нежные отношения между мужчинами. Некоторые исследователи даже усматривают гомоэротические чувства в дружбе между сыном царя Саула юношей Ионафаном и мужественным воином, победителем филистимлян, будущим царем Давидом: «...Душа Ионафана прилепилась к душе его, и полюбил его Ионафан, как свою душу» (1-я Книга царств, 18:1). Когда Ионафан пал в бою, Давид сказал: «Скорблю о тебе, брат мой Ионафан: ты был очень дорог для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской» (2-я Книга царств, 1:26). Но точно так же описывалась героическая воинская дружба у многих народов.

Короче говоря, Ветхий Завет осуждает однополый секс не строже и в тех же выражениях, что и многие другие пороки. Однако другие запреты со временем ослабели, тогда как этот оставался в силе и даже усиливался. Все упоминания гомосексуальности в Талмуде и еврейской литературе позднейших периодов резко отрицательны. Так как страх и отвращение к пороку внушались с раннего детства, нарушения этого запрета обнаруживались крайне редко.

Самые бдительные раввины, на всякий случай, запрещали мужчинам спать в одной постели, но другие считали эту предосторожность излишней. В XII в. философ Маймонид писал, что еврейские мужчины настолько не склонны к мужеложству, что им можно даже разрешить спать в одной постели. В XVI в. составитель кодекса еврейского права палестинский раввин Иосиф Каро с этим не согласился: «В наше время, когда разврат стал всеобщим, следует воздерживаться от того, чтобы оставаться наедине с другим мужчиной». Но его собственный учитель Соломон Лурия признал это требование чрезмерным, и сто лет спустя его поддержал авторитетный польский

раввин, ссылаясь на то, что «в Польше о таком разврате никогда не слышали» (Greenberg, 1988, p. 202).

Возможно, это отчасти зависело от региона. Евреи, которые жили среди мусульман, чаще поддавались соблазну, о чем свидетельствуют, в частности, посвященные мальчикам стихи в средневековой еврейской любовной лирике, созданной под сильным арабским влиянием (Roth, 1982).

Лесбиянству еврейский закон уделяет мало внимания. В принципе оно было запрещено, уличенные в нем женщины (*mesolelot*, буквально — «женщины, которые трут») не имели права выходить замуж за раввинов и иногда подвергались порке (не за сексуальный акт, а за непослушание). Однако говорили об этом мало (два упоминания в Талмуде и одно у Маймонида), не столько потому, что таких фактов не было и что люди стеснялись выносить сор из избы, сколько потому, что мужчины о них не догадывались.

В современном Израиле гомосексуальные отношения между мужчинами легализованы в марте 1988 г. (лесбиянство в законе не упоминалось и раньше). Хотя религиозные партии и группы по-прежнему осуждают их, общественное мнение настроено скорее либерально. В 1992 г. кнессет одобрил закон, запрещающий дискриминировать людей при приеме на работу по принципу их сексуальных предпочтений. В июне 1997 г. Верховный суд отменил наложенный министром просвещения запрет на передачу по национальному телевидению дискуссии о положении «голубых» подростков как противоречащий принципу свободы слова.

ИСЛАМСКИЙ МИР

В отличие от аскетического и антисексуального христианства, ислам (Bullough, 1976, ch. 9; Greenberg, 1988, pp. 172—182; Schmitt and. Sofer, 1992; Murray and Roscoe, 1997) не запрещает мужчинам чувственных удовольствий, предусматривая их даже в раю. Но заниматься любовью правоверные должны только с женщинами. Коран и священные предания — хадисы сурово осуждают сексуальные контакты между мужчинами, назначая одинаковое наказание (смертная казнь путем убивания камня-

ми для женатых и сто палочных ударов для холостых) для обоих партнеров. Однако это касается только взрослых мужчин, а самый факт преступления должен быть клятвенно засвидетельствован по крайней мере четырьмя очевидцами с безупречной репутацией. Если же виновные раскаются и исправятся, их можно простить, Бог милостив (Коран, 4:16).

Чтобы не пробуждать похоти, ислам строго табуирует наготу. Мужчина не должен смотреть не только на посторонних женщин, но и на мужское обнаженное тело, от колен до пупка, и не дотрагиваться до него. Люди одного пола не должны спать в одной постели. Их половые органы должны быть закрыты. Короткие куртки и облегчающие штаны, не говоря уже о шортах, кажутся правоверному мусульманину неприличными. Строго запрещены анальные сношения, все равно — с женщиной, мужчиной или мальчиком.

Однако интерпретация этих запретов и предписаний зависела от условий места и времени. Первые арабские халифы строго придерживались первоначальных запретов, тесть Мухаммеда Абу-Бакр даже сжег одного уличенного в пассивном анальном контакте мужчину. В арабской поэзии VI—VII вв. однополая любовь практически не упоминается. С переносом столицы халифата в Багдад и общим ростом гедонизма ситуация резко изменилась. Хотя законы оставались прежними, некоторые халифы, как Аль Амин (809—813) и Аль Мутаваккид (847—861), открыто предпочитали женщинам мальчиков. В начале VIII в. появилась знаменитая на весь мир арабская гомоэротическая поэзия, посвященная мальчикам-подросткам, столь же чувственная, сколь и лиричная (Roth, 1997). Знаменитый поэт Абу Новас (757—814) открыто воспекает прелесть мальчишеского тела, ставя любовь к безбородым мальчикам и даже к тем, кто уже начинал бриться, выше любви к женщинам: «Мое перо спотыкается на передней стороне листа бумаги, но великолепно скользит с задней стороны».

Как некогда древние греки, средневековые арабские поэты спорят, какая любовь лучше. Аль Джахиз определенно предпочитает женщин, но Мухаммад ибн Давуд Аль Захири берет сторону мальчиков, считая эту любовь более возвышенной (по преданию, он умер от чистой любви к

юноше). Любовь к мальчикам, в откровенно чувственной форме, представлена и в сказках «Тысячи и одной ночи» (в русских переводах эти места вырезаны или «смягчены»). С Аравийского полуострова арабская гомоэротика перекочевала в Андалузию, где самым знаменитым ее воплощением стал сборник Ибн Хазма (ум. 1064) «Ожерелье голубки», посвященный обоим видам любви; чтобы избежать конфликта с духовенством, поэт сопровождал книгу апофеозом воздержанности. Так же поступал и знаменитый мистик Аль Газали (XI в.): он посвящал поэмы любимым мальчикам и тут же теоретически осуждал однополую любовь.

Еще более сложной была ситуация в Персии. Зороастризм, древняя религия этого региона, относился к однополый любви непримиримо враждебно. Согласно священной книге Авесте, содомией занимаются только демоны; уличенные в ней люди подвергались смертной казни, на это не требовалось даже согласие царей и первосвященников. Тюркские правители мусульманского Ирана XI—XII вв. смотрели на предмет иначе. Автор знаменитого поучения «Зеркало для принцев» (XI в.) эмир ибн Искандер рекомендует своему старшему сыну не пренебрегать ни женщинами, ни юношами, предпочитая первых зимой, а вторых — летом. Некоторые мальчики были не просто наложниками. Отношения султана Махмуда Газневида и его юного раба Аяза стали хрестоматийным примером любви в персидской литературе. Тема духовно-созерцательной или откровенно-чувственной любви к красивым мальчикам занимает одно из центральных мест в творчестве величайших персидских поэтов Саади и Хафиза.

Аристократическая гомоэротика перекочевала и в другие слои исламских обществ. В Персии, Афганистане и Северной Африке (Тунис, Алжир, Марокко) всегда была широко распространена мужская проституция, которой европейская колонизация придала еще больший размах.

Для европейских гомосексуалов второй половины XIX в. Северная Африка стала прямо-таки землей обетованной. Арабские мальчики и их родители находили такие отношения почетными и выгодными. Эта свобода нравов создала у многих европейских интеллектуалов ложные представления о «сексуальной терпимости» ислама. На самом деле мальчишеская проституция расцветала в бед-

ных слоях общества, богатые и знатные люди не прости-туировали своих сыновей. Кроме того, в мусульманском мире строго различаются возрастные и гендерные роли. Мужчина может спать с мальчиками, но не должен выполнять рецептивную роль. Принуждение к этому или изнасилование издавна считались в исламском мире одним из самых унижительных наказаний; в 1916 г. ему подвергся захваченный турками легендарный английский разведчик полковник Лоуренс (Лоуренс Аравийский).

В сознании современного исламского фундаментализма гомосексуальность ассоциируется не только с нарушением канонических запретов, но и с влиянием колониализма и «растленного Запада». Современное законодательство на этот счет в мусульманских странах различно. В Турции, Египте и Ираке гомосексуальность не преследуется по закону, в Иране, Пакистане, Афганистане, Саудовской Аравии и в большинстве арабских стран она строго запрещена и может даже караться смертью. Независимо от характера уголовного законодательства отношение к гомосексуальности в исламских странах очень враждебное.

КИТАЙ

Первые сведения о мужской однополой любви в Китае (Hinsch, 1990; Gulik, 1971; Ng, 1989) восходят к эпохе династии Чжоу (1122—256 до н. э.). Китайская литературная традиция донесла до нас многочисленные стихи об эмоциональных привязанностях, взаимном восхищении и интимной воинской дружбе сильных мужчин. Все эти отношения, с эротикой или без нее, были, разумеется, строго иерархическими.

Существует легенда, что один маленький чиновник осмелился пристально посмотреть на прославленного своей красотой могущественного феодала и разгневанный князь тут же велел его убить, но даосский мудрец сказал ему: «Соппротивление желанию не соответствует принципам Пути, нельзя ненавидеть любовь. За то, что он, помимо собственной воли, возжаждал тебя, по закону его нельзя казнить» (Hinsch, 1990, p. 22). Князь помиловал чиновника и доверил ему ответственную должность управляющего своей баней. Другая трогательная история рас-

сказывает о двух молодых ученых, которые полюбили друг друга с первого взгляда, прожили вместе, как муж с женой, всю жизнь, умерли одновременно и были похоронены в одной могиле.

Однополые связи при императорском дворе были особенно распространены в эпоху династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.). 10 императоров этой династии открыто имели любовников, которые занимали важные должности, официальные китайские хроники даже сообщают их биографии. Император Айди (I в. до н. э.), согласно легенде, так сильно любил своего фаворита Дун Сяня, что, когда однажды днем тот уснул, лежа на рукаве императорского платья, а Айди надо было встать с постели, император, чтобы не будить любовника, вынул кинжал и отрезал злополучный рукав. Выражение «отрезанный рукав» стало в китайском языке эвфемизмом для обозначения однополый любви. (Другой эвфемизм «поделиться грушей» восходит к анекдоту эпохи Чжоу, когда фаворит тогдашнего императора отдал ему надкушенную грушу.) Впрочем, императорская любовь не пошла Дун Сяню на пользу. Бездетный Айди попытался сделать своего фаворита наследником престола и передал ему императорскую печать, но придворные не подчинились и принудили Дуня Сяня к самоубийству. В дальнейшем политическая роль фаворитов уменьшается, зато расцветает, особенно в эпоху Цзин (256—420) и в период Пяти Династий (907—960), тонкая гомоэротическая лирика. Предметами восхищения часто были юные актеры, которые не только играли женские роли в театре, но и сексуально обслуживали клиентов.

Настоящим рассадником гомоэротики были буддийские монастыри. Хотя китайский буддизм не питал к ней особенной враждебности, он осуждал всякую сексуальность, отвлекающую от праведной жизни. Первый «антигомосексуальный» китайский текст относится уже к VI в. Однако сами монахи воздержанием не отличались, и их поведение породило множество анекдотов (Hinsch, 1990, pp. 103—105).

Старый монах присел в роще по большой нужде, и бамбуковый отросток вонзился ему в зад. Послушник почтительно всплеснул руками: «Амида Будда, это награда Неба!» (намек, с одной стороны, на удовольствие от

анальной пенетрации, а с другой — на восстановление справедливости: Небо сделало с монахом то, что он сам делал с послушником).

Монах соблазнил послушника, пристроился к нему сзади, и у того вдруг струей брызнуло семя. «О, Амида Будда, — воскликнул монах, — я прошил его насквозь!»

Монах говорит послушнику: «Сегодня мы будем это делать по-вегетариански. — Что это значит? — Я не буду слюнить. — Учитель, мне очень больно, пожалуйста, вернемся к мясной диете!»

Императору показали двоих удивительно молодых 100-летних братьев. «Как вы этого добились?» Смутились, молчат. «Я прощу вам все, только скажите правду». — «Каждую ночь перед сном мы отсасывали друг у друга» (намек на принцип инь-ян, согласно которому мужчина должен всячески беречь собственное мужское начало — ян).

Расцвет китайской гомозротики ученые относят к Минской династии (1366—1644), особенно к XVII в. Среди китайских аристократов XVII в. было знаком дурного вкуса не иметь в доме элегантных слуг, а на званых обедах — поощрять мальчиков. В знаменитом эротическом романе XVI в. «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе» сексуальные отношения между мужчинами описываются с той же простотой и непосредственностью, что и гетеросексуальные связи (Дикарев, 1994). В живописи этой эпохи откровенно изображались гомоэротические сцены, «активный» партнер выделялся более темным цветом.

Автор знаменитого эротического романа «Жом Путуань» (Подстилка из плоти) Ли Юй (1611—1679), наряду с бесчисленными гетеросексуальными похождениями, описывает верную любовь между мужчинами. Один из его героев, прекрасный и добродетельный юноша, долго противится ухаживаниям старшего мужчины, но затем отдается ему и даже, чтобы сохранить свои нежные черты от возмужания и одновременно убедить мужа в своей непоколебимой верности, оскотливает себя. В другом рассказе старый ученый долго соблазнял красивого и добродетельного школьника. Убедив мальчика отдаться, мудрец сказал: «По логике Разума, то, что мы с тобой делали сегодня, — неправильно, но по логике Любви мы правы. Ибо мужчина может стать

женщиной, а женщина — мужчиной, море может иссякнуть, а горы — рассыпаться. Одна только любовь никогда не подчиняется разуму» (Ng, 1989, p. 84).

Китайский буддизм относился к однополую любви нейтрально, но она была вызовом конфуцианству, которое превыше всего ставило интересы семьи, продолжение рода, самодисциплину и моральный аскетизм. Чтобы смягчить этот конфликт, литераторы XVII в. стараются изображать однополую любовь как не противоречащую семейным обязанностям и преимущественно в сентиментально-романтических тонах.

Своеобразный гомоэротический аналог «Ромео и Джульетты» — китайская повесть XVII в. «И даже камни сложились» о том, как двое студентов, полюбив друг друга, убежали в горы и стали жить отшельниками, отказавшись от своего семейного долга сыновей и женихов. Узнав о местонахождении беглецов, их семьи отправились за ними в сопровождении их невест. Но когда они прибыли на место, молодые люди уже вознеслись на небо, а на месте их гибели выросли два дерева с переплетающимися ветвями. Увидев в этом волю богов, обе невесты покончили с собой, а родственникам осталось лишь оплакивать потерю и собственное неразумие.

В реальной жизни, наряду с нежной любовью, процветали мужская проституция и порнография. Некоторые императоры пытались ограничить их распространение. Первый закон против мужской проституции, принятый уже в XII в., не увенчался успехом. Император Канси в 1679 г. ввел суровые кары за изнасилование мужчин и мальчиков; добровольная содомия тоже каралась месячным тюремным заключением и 100 тяжелыми ударами. В 1740 г. Циньское правительство запретило всякие гомосексуальные отношения, сделав их уголовно наказуемыми и загнав тем самым в подполье.

В современном Китае гомосексуальные отношения между взрослыми не считаются преступлением, но их часто преследовали по другим статьям. В последнее время отношение к однополую любви, которую здесь иногда называют «болезнью иностранцев», стало более либеральным, в 1993 г. в Пекине открылся первый легальный гей-бар, а в 2001 г. китайская психиатрия перестала считать гомосексуальность болезнью.

ЯПОНИЯ

Самой терпимой к однополой любви азиатской страной вплоть до XIX в. была Япония (Watanabe and Iwata, 1989; Leurr, 1995), в которой мужская гомосексуальность была связана, с одной стороны, с общей эстетизацией мужского тела, а с другой — с самурайским культом мужества и верности. Как и другие народы, японцы считали, что однополую любовь — «нансёку», — завезли к ним извне (по легенде, ее завез из Китая в начале IX в. буддийский монах Кукай). Но, в отличие от многих других народов, японцы никогда не называли это заимствование постыдным или грязным, а считали важным элементом своего культурного наследия и признаком развитой цивилизации. Слово «нансёку» составлено из двух иероглифов (первый означает «мужское», второй — «цвет» или «путь») и имеет много эвфемизмов: «мужской путь», «юношеский путь», «красивый путь», «тайный путь».

Первые намеки на распространенность любви к мальчикам при императорском дворе появились в японских хрониках в 720 г. С XI в. эта тема часто фигурирует в дневниках императоров и придворных, рождается гомоэротическая любовная поэзия и т. д. Терпимость к ней связана прежде всего с особенностями японской религии, которая смягчает буддийское требование отречения от всего чувственного и рассматривает однополую любовь как одну из радостей жизни.

В средневековой Японии любовь к женщинам и мужчинам считалась одинаково нормальной, одна не исключала другую. «Зима и лето, день и ночь сменяют друг друга. Никто не может отменить весеннее цветение или осенний листопад. Так как же можно критиковать Путь Мужчин или Путь Женщин?» (Leurr, 1995, p. 145). Исключительное предпочтение одного пола считалось редким и странным. Мужчин, любивших только мальчиков, называли не по объекту их влечения, а по объекту избегания — *оннагираи* (женоненавистники). Хотя 11–19-летние мальчики считались «законными» объектами мужского желания, сексуальная техника «мужского пути» регламентировалась строже, чем гетеросексуальная. Японская эротика часто изображает оральный секс между мужчиной и жен-

щиной, но никогда — между мужчинами. Напротив, целующиеся мужчины изображались часто.

Отношения между мужчинами были строго иерархическими, причем историки различают три разные субкультуры: буддийские монастыри, феодально-самурайскую среду и театральный мир.

С нравами буддистских монастырей мы уже знакомы. В отличие от континентального буддизма, японцы говорили о «красивом пути» без осуждения, считая его своего рода переходом от прокреативного секса с женщинами к идеальному полному воздержанию. «В буддистской Японии, как и в христианской Европе, начиная с позднего Средневековья, духовные лица теоретически не имели права ни на какую сексуальность. Но в то время как на Западе гомосексуальность считалась хуже гетеросексуальной активности — как преступление не только против природы, но и против монашеских законов, — в Японии на нее смотрели только как на досадное нарушение дисциплины» (Leupp, 1995, pp. 37—38).

Сексуальные связи монахов с послушниками были практически узаконены. В одном монастыре сохранился забавный текст составленного в 1237 г. обета 36-летнего монаха: «Я пробуду в Храме Касаки до достижения сорока одного года... Переспав уже с 95 мужчинами, я обещаю, что их общее число не превысит за это время 100 человек. Я не буду любить и содержать никаких мальчиков, кроме Рию-Мару»; видимо, ревнивый мальчик потребовал верности от любвеобильного монаха (Leupp, 1995, p. 39).

В самурайской, рыцарской среде, где все было подчинено воинскому кодексу чести, выше всего ценилась верность. Паж или оруженосец должен был учиться у своего господина доблести и быть достойным его. Почти все сёгуны и полководцы XII—XVIII вв. имели признанных любовников. Измена мальчика господину влекла за собой жестокую казнь. Единственно допустимой сексуальной техникой была анальная пенетрация. Верность в любви до некоторой степени покоилась на соглашении. Феодал мог взять мальчика силой, но в этом случае любовь ему не принадлежала. Иногда старший самурай тоже давал обет верности. 22-летний Такеда Синген в 1542 г. дал письменное обязательство 16-летнему Касуге Генсуге, заверяя ревнивого Касугу, что никогда не спал с третьим мальчи-

ком, Ёсихиро, хотя и хотел добиться этого. Теперь же, пишет Такеда, я этого и в мыслях не имею. «Поскольку я хочу сблизиться с тобой, отныне, если у тебя будут какие-нибудь сомнения на этот счет, я хочу, чтобы ты понял, что я не собираюсь повредить тебе. Если я когда-нибудь нарушу эти обещания, пусть меня постигнет божественная кара...» (Leupp, 1995, p. 54). Желанный союз был заключен и продолжался многие годы. Любовная связь была частью феодальных отношений.

В популярном сборнике Ихара Сайкаку (1642—1693) «Великое зеркало мужской любви» (1687) (Saikaku, 1990) имеется несколько рассказов на эту тему. В рассказе «Соловей в снегу» самурай Симамура Тонаи, поклявшись в верности двум юношам, дал каждому из них в залог любви по отрубленной фаланге своих мизинцев. Став взрослыми, благородные юноши обязательно вступали в брак. Однако известны и любовные союзы между сверстниками, продолжавшиеся всю жизнь. Юные самураи Тамасима Мондо и Тоёда Ханэмон, полюбив друг друга, когда первому было 16, а второму 19 лет, прожили в любви и согласии до старости, ни разу не изменив друг другу ни с женщиной, ни с мужчиной.

Самурайская гомоэротическая дружба — типичный феодальный институт. Удовлетворение сексуальных потребностей в условиях длительного отсутствия женщин и влечение к юношам здесь подчинены отношениям вассальной зависимости. Сексуальная связь не только скрепляла эти отношения, но и персонализировала их, превращая, по японской терминологии, «холодный долг» в «теплый долг». С окончанием эпохи феодализма в Японии этим отношениям пришел конец, но они оставили по себе прочную идеализированную память (достаточно вспомнить жизнь и творчество Юкио Мисимы).

Третья специфическая гомосексуальная субкультура — театральный мир. В японском традиционном театре Но и Кабуки всегда было много гомоэротики, а молодые актеры часто были любовниками знати, включая правителей-сёгунов. Сёгун Ёсимитцу (1358—1408) 16-летним юношей на представлении театра Но влюбился в 12-летнего актера Дзэами, и благодаря его покровительству театр Но занял то почетное место в японской культуре, которое сохраняет и по сей день. Пятый сёгун из династии

Токугава (1646—1709) содержал целый гарем из 150 наложников.

С течением времени актерская проституция стала особым, вполне законным и даже престижным занятием. Услугами актеров пользовались преимущественно состоятельные горожане, самураям это было неприлично. Хотя мальчики из театра Кабуки не обязаны были хранить верность своим любовникам и должны были отдаваться за деньги всем желающим, их уважали и ценили. Возрастные границы в этой среде были сильно размыты, иногда «мальчиками» считались мужчины за тридцать, но они старались выглядеть вечно юными, спрашивать их о возрасте считалось неприличным. В XVII—XVIII вв. в Японии появились и другие легальные формы мужской проституции — бани, бордели и т. п.

Под влиянием христианства (католические миссионеры вели эту кампанию с XVII в.) в XIX в. гомосексуальные отношения стали преследоваться юридически. В современном японском законодательстве однополая любовь легальна и отражена в творчестве многих японских писателей (Юкио Мисима, Муцуо Такахаси и др.).

АМЕРИКАНСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Древнейшие цивилизации Америки — инки, ацтеки и майя — в общем и целом были просексуальными. Доинковская керамика и другие изделия изображают самые разнообразные формы сексуальной активности, включая однополый секс. Испанские завоеватели и миссионеры XVI в. говорят о широком распространении «содомии» среди инков и майя, однако социально-культурный смысл этих отношений зачастую неясен. Кроме того, у сменявших друг друга народов часто были разные установки. Например, древние ацтеки жестоко преследовали любой непрокреативный секс.

В современной Латинской Америке положение также неоднозначно (Murray, 1995; Parker, 1991; Carrier, 1996). Хотя в молодежной мужской среде гомосексуальные связи, как и мужская проституция, весьма распространены, люди редко признаются в этом и склонны изображать такие отношения случайными, эпизодическими, не меняющими их мужской идентичности. Отча-

сти это объясняется особой ролью института семьи. Молодые латиноамериканцы, подобно россиянам, по материальным соображениям, очень долго, вплоть до женитьбы, живут вместе с родителями и сильно зависят от них. Поскольку вступление в брак для них почти обязательно, они не смеют признаться в своей гомосексуальности.

Второе важное обстоятельство — идеология мачизмо, культ маскулинности и агрессивного секса. Латиноамериканец гордится своей маскулинностью и обязан быть сексуальным. Хвастливая надпись в мужской раздевалке в Коста-Рике: «Я купаюсь голым, потому что мне есть что показать и нечего скрывать». Но «порядочные девушки» строго блюдут себя для брака, поэтому юный мачо может реализовать свои сексуальные запросы только с проститутками либо с приятелями (мастурбация считается постыдной). Чтобы сохранить лицо, он должен строго разграничивать приемлемые и неприемлемые сексуальные позиции. Бедные латиноамериканские юноши охотно подрабатывают, обслуживая приезжих североамериканских геев, но рецептивная («женская») позиция для них абсолютно неприемлема. Парень боится, с одной стороны, огласки, а с другой — что у него может появиться потребность («Если я дам себя трахнуть, мне это, вероятно, понравится, я сделаю это снова и тогда стану гомиком»). Этот страх присутствует и в отношениях между сверстниками. В этнографической литературе описано несколько случаев, когда двое друзей договаривались совместно позабавиться, но после того, как один дал себя использовать, второй отказался это сделать, благодаря чему обрел над приятелем абсолютную власть (огласка — непоправимая потеря лица).

Таким образом, однополая любовь существует везде и всюду, в этом смысле она так же «естественна», как и разнополая, многие общества признают и даже институционализируют ее. Однако связанные с нею сексуальные идентичности, чувства и отношения чрезвычайно разнообразны, разные культуры конструируют их по-разному, и именно от этого зависит социальное положение и самосознание людей.

Как же выглядит в этом контексте европейская культурная традиция?

2-3. «ГРЕЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ»

О дитя с взглядом девичьим,
Жду тебя, ты же глух ко мне:
Ты не чуешь, что правишь мной, —
Правишь, словно возница!

Анакреонт

Педерастия — одна из важнейших особенностей древнегреческой культуры и образа жизни. Недаром однополую любовь часто называют греческой любовью. Ей посвящена огромная научная литература (Buffiire, 1980; Bethe, 1907; Brelich, 1969; Bremner, 1980; Cantarella, 1992; Cartledge, 1981; Cohen, 1995; Dover, 1978; Flaceliire, 1962; Foucault, 1976, 1984; Garland, 1990; Goldhill, 1995; Halperin, 1990; Johns, 1982; Kennell, 1995; Keuls, 1985; Koch-Harnak, 1983; Patzer, 1982; Percy, 1996; Richlin, 1992; Sargent, 1986; Winkler, 1990).

БОГИ И ГЕРОИ

Все боги греческого Олимпа, за исключением бога войны Ареса и бога загробного мира Аида (Гадеса), любили мальчиков. Зевс, послав орла (по другой версии — превратившись в орла), похитил, обессмертил и сделал своим виночерпием сына троянского царя прекрасного мальчика Ганимеда. В «Илиаде» Ганимед изображается просто слугой Зевса, но уже около 600 г. до н. э. его называют также наложником Громовержца. Бог моря Посейдон похитил и сделал своим наложником сына царя Тантала юношу Пелопса. Очень печальными были романы Аполлона. Один его возлюбленный, Кипарис, нечаянно смертельно ранил своего любимого золоторого оленя, и по просьбе безутешного юноши боги превратили его в одноименное дерево, символ вечной печали. Другой, сын спартанского царя Амикла Гиацинт (Гиакинф), погиб от брошенного Аполлоном диска, направление которого из ревности изменил западный ветер Зефир; из капель крови Гиацинта на его могиле в городе Амиклы выросли одноименные багровые цветы. Там был построен жертвенник и отмечался специальный праздник — гиакинфий.

Историями и драмами однополой любви пестрят и мифы о героях.

Самая знаменитая древнегреческая мужская пара, гомеровские Ахилл и Патрокл, — прежде всего друзья и братья по оружию (гетайры), связанные взаимными воинскими обязательствами. Они сражаются бок о бок, живут в одном шатре, делят стол и постель. Такие отношения ставились выше всех прочих социальных и родственных связей. Обиженный соотечественниками Ахилл отказался сражаться против троянцев, но не задумываясь кинулся в бой, чтобы отомстить за смерть Патрокла.

Были ли эти отношения только дружескими или также любовно-эротическими? Прямых упоминаний о возможной сексуальной близости Ахилла и Патрокла в «Илиаде» нет. Слова «эраст» (любящий, старший) и «эромен» (любимый, младший) к ним не применяются. Но в дальнейшем, начиная с трагедий Эсхила, а то и раньше, отношения Ахилла и Патрокла эротизируются. В «Мирмидонянах» Ахилл в отчаянии вспоминает великолепие бедер и поцелуи Патрокла. Позднейшие греческие авторы спорят, были ли Ахилл и Патрокл только боевыми друзьями или также любовниками, и кто из них был старшим. По всем описаниям, старшим был Патрокл, но так как Ахилл был более высоким героем и более высокого происхождения, роль мальчика-эромена была для него неуместной и ему стали приписывать статус «любящего» — эраста.

Так же многозначны образы афинского царя Тезея и его друга Перифоя. На амфоре конца V века до н. э. Перифой изображен бородатым воином, а Тезей безбородым юношей-эроменом. Но поскольку Тезей стал более великим героем, ему стали приписывать роль эраста.

Любвеобильный Геракл увлекался и женщинами, и юношами. Один из его эроменов, сын убитого Гераклом царя дриопов Гилас, был его верным спутником и оруженосцем в походе аргонавтов и утонул, купаясь в реке. Скорбь Геракла по поводу гибели возлюбленного многократно описывалась в греко-римской поэзии. Второй знаменитый эромен Геракла, его племянник Иолай, оставался его боевым соратником и возникшим до самой смерти героя. В позднейшей мифологии Геракл и Иолай считались покровителями влюбленных; в Фивах был воздвигнут

храм Иолая, где влюбленные юноши приносили друг другу клятвы в верности и просили богов освятить их союз.

В Северной Греции покровителем и даже изобретателем педерастии считался божественный певец Орфей; потеряв свою любимую жену Эвридику, он перестал смотреть на женщин, но продолжал увлекаться юными мальчиками и сделал этот обычай популярным среди фракийцев.

Некоторые легенды и мифы об однополой любви трагичны. Большой частью это связано с насилием. Будущий фиванский царь Лай, гостя у другого царя, Пелопса, страстно влюбился в его сына и насильно похитил мальчика, который то ли погиб, то ли покончил самоубийством; за это двойное преступление — нарушение законов гостеприимства и сексуальное насилие — весь род Лая был проклят богами, следствием чего явилась, в частности, трагедия его сына Эдипа, который, не желая того, убил своего отца и женился на собственной матери Иокасте.

Самовлюбленный красавец Нарцисс (Наркисс), который умер, не в силах оторваться от созерцания своего образа в воде, был наказан богами за то, что отверг любовь прекрасной нимфы Эхо или, по другой версии, юноши Аминия. Имя его стало нарицательным, от него происходят такие слова, как «нарциссизм», «наркоз», «наркотики» и т. д.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ПЕДЕРАСТИИ

Греческие авторы по-разному объясняли происхождение однополой любви. По легенде, рассказанной Платоном (Пир, 193а, Платон, 1970, с. 120), первоначально на земле кроме мужчин и женщин жили двуполые существа-андрогины, но затем боги разрезали всех людей пополам, так что каждый теперь обречен искать свою прежнюю половинку, ибо «любовью называется жажда целостности и стремление к ней». При этом мужчины, представляющие собой половинку прежнего андрогина, охочы до женщин, а женщины андрогинного происхождения падки до мужчин. Женщины, представляющие собой половинку прежней женщины, к мужчинам не очень расположены, их привлекают другие женщины. «Зато мужчин,

представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому: уже в детстве, будучи дольками существа мужского пола, они любят мужчин, и им нравится лежать и обниматься с мужчинами. Это самые лучшие из мальчиков и из юношей, ибо они от природы самые мужественные... В зрелые годы только такие мужчины обращаются к государственной деятельности. Возмужав, они любят мальчиков, и у них нет природной склонности к деторождению и браку; к тому и другому их принуждает обычай, а сами они вполне довольствовались бы сожительством друг с другом без жен» (Пир, 191е–192в., Платон, 1970, с. 119).

Платоновское объяснение можно назвать эссенциалистским: эротические влечения индивида определяются его природными свойствами. Но у греков были и свои «конструктивисты», которые считали педерастию историческим институтом и даже называли имена конкретных людей, которые легализовали, изобрели или «ввели» ее (Ликург в Спарте, Солон в Афинах).

О том, кто, когда и почему (или для чего) институционализировал древнегреческую педерастию, спорят и современные историки (Bremner, 1980; Sergeant, 1986; Dover, 1988). Одни считают ее частным случаем обрядов мужской инициации. Другие полагают, что ее принесли в Грецию первые индоевропейцы, кельты. Третьи — что ее создали пришедшие с севера дорийские племена. Четвертые утверждают, что педерастия возникла на острове Крит, затем распространилась на Спарту, а потом по всей Греции. Возникновение института педерастии соответственно датируется то доисторическими временами, то периодом между 2000 и 1500 гг. до н. э., то VIII в. до н. э., то серединой VI в. до н. э.

Так же разнообразны взгляды на причины возникновения и социальные функции древнегреческой педерастии. Одни историки выводят ее из общих свойств мужских союзов, нуждавшихся в поддержании мужской групповой солидарности и соответствующем воспитании мальчиков. Другие апеллируют к особенностям полового и сексуального символизма (одухотворение путем осеменения). Третьи (Sallares, 1991; Percy, 1996) видят в педерастии средство снижения рождаемости и борьбы с перенаселением; еще Аристотель (Политика, 1272а 20) писал, что критский зако-

нодатель «в целях отделения женщин от мужчин, чтобы не рожали много детей, ввел сожителство мужчин с мужчинами» (Политика, 1272а 20. Аристотель, 1984, с. 435). Четвертые (Маггоу, 1955; Dover, 1988) считают педерастию особым институтом социализации юношества и средством эмоциональной разрядки конкуренции мужчин-сверстников.

Споры эти весьма серьезны. Ученые, которые считают древнегреческую систему инициаций заимствованной у других народов, полагают, что гомосексуальный акт был ее изначальным элементом, который сохранился даже после того, как сами мужские инициации исчезли, так что отсутствие упоминаний о нем в гомеровском эпосе — следствие культурных условностей. По мнению Довера (Dover, 1988), наоборот, гомосексуальность возникла в самом греческом мире, охватив его целиком в конце VII в. до н. э., после чего поэты перетолковали старые мифы в гомоэротическом духе и сочинили новые легенды, приспособленные к вкусам, интересам и верованиям современного им общества.

Вряд ли кто-нибудь ответит на эти вопросы однозначно. Безусловно, тут есть определенная эволюция. В архаической Греции педерастия была, по-видимому, институционализирована как некое звено, элемент социальной структуры. В классический период (490—338 до н. э.) она утрачивает свои инициальные, сакральные компоненты, становится из обязательной — факультативной, но остается в сфере публичной жизни, как «педагогический эрос». К концу классического периода и в эпоху эллинизма однополые любовные отношения, не связанные с институтом брака, становятся делом личного усмотрения и рассматриваются главным образом как эротические.

Но был ли этот процесс развития единообразным? Если даже соседние папуасские племена имеют, как мы видели выше, не совсем одинаковую сексуальную культуру, можно ли отказать в индивидуальности греческим городам-государствам (полисам)?

Первые дошедшие до нас документальные свидетельства о греческой педерастии относятся к середине VIII в. до н. э. На острове Санторин, перед храмом Аполлона, сохранились многочисленные надписи такого типа: «Федипид совокупился, Тимагор и я, Эмфер, совокупились», «С помощью Аполлона Дельфийского Кримон совокупился

здесь с мальчиком, братом Батикла», «Кримон совокупил-ся здесь с Амотионом» и т. п. Для чего были сделаны эти надписи, мы не знаем. Одни ученые (Bethe, 1907; Sergeant, 1986) приписывают им сакральное, религиозное значение: молодые люди стремились увековечить важное для них событие сексуальной инициации. Другие (Magrou, 1955; Dover, 1988) считают их шутливо-порнографическими: Кримон просто хочет оскорбить Батикла, сообщая всему миру о том, что он «трахнул» его младшего брата.

Древнейшие описания институционализированных гомосексуальных отношений относятся к Криту и Коринфу VII в. до н. э. Там существовал обычай похищения мальчика-подростка взрослым мужчиной, который вводил его в свой мужской союз, обучал воинскому мастерству, после чего мальчик, вместе с подаренным ему оружием, возвращался домой.

В описании Страбона (Страбон. География, X, 4, 21, 1994, с. 459—460) это происходило так. Минимум за три дня до намеченного срока влюбленный оповещал своих друзей о намерении похитить некоего мальчика. Если друзья находили этого мальчика недостойным любви, они могли его спрятать или как-то иначе воспрепятствовать похищению, но это делалось только в крайнем случае и было весьма оскорбительно для мальчика. В большинстве случаев друзья влюбленного собирались группой и помогали ему осуществить свой замысел. Если семья мальчика считала эраста достойным, похищение было условным, символическим, если нет — приходилось применять силу.

В принципе этот обычай мало отличался от широко распространенного у народов мира брака посредством умыкания. Только место девушки-невесты занимает мальчик-подросток, которого увозили на два месяца в горы, где эраст не только спал с ним, но и обучал воинскому мастерству. С мальчиком-эроменом обращались весьма уважительно, а когда срок обучения заканчивался, эраст вручал ему три ритуальных подарка: воинское снаряжение, кубок и быка, которого мальчик тут же приносил в жертву Зевсу, приглашая всех участников приключения принять участие в трапезе, во время которой мальчик должен был публично сказать, доволен ли он своими отношениями с любовником, не применял ли тот силу, не был ли груб и т. д. Отношения между эрастом и эроменом

считались священными и почетными, а инициированный мальчик отныне начинал носить мужскую одежду и полностью освобождался из-под опеки женщин.

Хотя эти обряды похожи на меланезийские ритуалы «осеменения мальчиков», в отличие от сравнительно безличных меланезийских ритуалов, где сексуальных партнеров назначали старейшины или жрецы, древнегреческая педерастия индивидуально-избирательна и подразумевает не столько инсеминацию мальчика, которая нигде прямо не упоминается, сколько его одухотворение и воспитание.

В Элиде кроме обычных воинских и спортивных состязаний между мальчиками проводились специальные конкурсы красоты. В Мегаре особо почиталась память Диокла, который в битве спас своего эромена ценой собственной жизни; ежегодно в начале весны мегарские юноши собирались у могилы Диокла и соревновались за право поцеловать его статую; победитель возвращался к матери увенчанный венком.

В древних Фивах существовал особый «священный отряд» из 300 любовников, который считался непобедимым, потому что, как писал Ксенофонт (Киропедия, VII, 1, 30), «нет сильнее фаланги, чем та, которая состоит из любящих друг друга воинов» (Ксенофонт, 1976, с. 160). Обнаружить страх перед лицом возлюбленного, не говоря уже о том, чтобы бросить его в бой, было неизмеримо страшнее смерти. По словам Плутарха (Лелопид, XVIII), «родичи и одноплеменники мало тревожатся друг о друге в беде, тогда как строй, сплоченный взаимной любовью, нерасторжим и несокрушим, поскольку любящие, стыдясь обнаружить свою трусость, в случае опасности неизменно остаются друг подле друга» (Плутарх, 1987, с. 309). В битве против македонцев при Херонее (338 до н. э.) все эти воины погибли, но ни один не сбежал и не отступил.

В воинственной Спарте (Cartledge, 1981; Kennell, 1995) каждый мужчина принадлежал к определенному возрастному классу, членство в котором определяло его права и обязанности. Право на женитьбу занятые войной мужчины получали довольно поздно, да и после этого много времени проводили вне семьи. Сексуальные связи с незамужними женщинами были строго запрещены. Единственным средством сексуальной разрядки были отношения с маль-

чиками. Спартанские мальчики от 7 до 17 лет воспитывались не в семьях, а в собственных возрастных группах. Огромное значение придавалось гимнастическим занятиям, причем юноши и девушки тренировались голыми, натирая тело оливковым маслом. Каждый «достойный» мальчик от 12 до 16 лет должен был иметь своего эраста, воинская слава которого распространялась и на его эромена. Эрастами были, как правило, неженатые мужчины от 20 до 30 лет. По словам Плутарха (Ликург, XVIII), «и добрую славу и бесчестье мальчиков разделяли с ними их возлюбленные» (Плутарх, 1987, с. 111). Если эромен проявлял трусость на поле боя, наказывали эраста. Между прочим, в отличие от большинства греков, спартанцы верили, что вместе со спермой мальчику передается мужество его возлюбленного. Мужчина, уклонявшийся от почетной обязанности воспитания эромена, наказывался. Этот союз почитался как брачный и продолжался до тех пор, пока у юноши не выросла борода и волосы на теле.

Индивидуальной любви, ревности и соревнования между мужчинами за какого-то особенно привлекательного мальчика, если верить Плутарху, в Спарте не было, несколько мужчин могли сообща воспитывать любимого мальчика. На первом плане стояли интересы не отдельной личности, а общества. Поскольку спартанское общество отличалось воинственностью и соревновательностью, отношения между эрастами и эроменами в какой-то мере смягчали нравы, помогая установлению более теплых и персонализированных связей между мужчинами, а также формированию замкнутой политической элиты.

История Спарты знает немало трогательных историй о любви и взаимной преданности эрастов и эроменов, многие из них оставались близкими друзьями на всю жизнь. Последний спартанский царь Клеомен III, потерпев в 219 г. до н. э. военное поражение и оказавшись с группой приверженцев в безвыходном положении, решил покончить дело коллективным самоубийством, но велел своему эромену Пантею дожидаться, пока не умрут все остальные. Подойдя к бездыханному телу царя, Пантей уколол его в ногу и увидел, что лицо Клеомена дернулось. Юноша обнял своего возлюбленного, сел рядом с ним и стал ждать. Когда все было кончено, Пантей поцеловал Клеомена и закололся на его труп.

МУЖСКАЯ ЛЮБОВЬ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Если спартанская педерастия связана главным образом с воинскими делами, то в Афинах сильнее звучат гражданские мотивы. В отличие от Спарты, в Афинах педерастия была не обязанностью, а привилегией. Она была узаконена в начале VI в. до н. э. Солоном, который, по преданию, был влюблен в Писистрата и «издал закон, запрещающий рабу натираться маслом для гимнастических упражнений и любить мальчиков. Он ставил это в число благородных, почтенных занятий» (Плутарх. Солон, 1—Плутарх, 1987, с. 150). Раб не имел права любить свободного мальчика и преследовать его своими домогательствами, за это полагалось 50 ударов палкой публично, а в некоторых случаях — смертная казнь.

Первоначально мужская любовь ассоциировалась в Афинах главным образом с воинской доблестью и гражданскими добродетелями. Ее культовым воплощением стал образ героев-любовников Гармодия и Аристогитона. Прельстившись красотой юного Гармодия, младший брат правившего в это время тирана Гиппия Гиппарх попытался ухаживать за юношей, а получив отказ, грубо оскорбил его сестру. Чтобы смыть оскорбление, молодые люди составили заговор для свержения тиранов (514 г. до н. э.). Им удалось убить Гиппарха, но Гиппий ускользнул. Гармодий был убит на месте, а Аристогитон умер под пытками, не выдав ни одного из своих сообщников. Когда несколько лет спустя Гиппий был свергнут, Гармодий и Аристогитон стали символом борьбы за свободу и демократию и были первыми людьми, которым благодарные сограждане в 506 г. до н. э. поставили статую на центральной площади города.

Однополая любовь имела и важные психологические функции. Характерный для афинского общества дух соревновательности, одинаково сильной и в спорте, и в политике, порождал напряженную потребность в эмоциональном тепле и самораскрытии. В общении с кем мог афинянин удовлетворить эту потребность?

С женой? Приниженное социальное положение афинской женщины делало это невозможным. Принцип мужского верховенства последовательно проводился во всех

сферах общественной и личной жизни. В древнегреческой культуре очень сильны мотивы мизогинии, неприязни к женщинам и страха перед ними. Поэт Семонид (VII в. до н. э.) на девять отрицательных женских типов называет только один положительный. По словам другого поэта, Гиппонакта (около 540 г. до н. э.),

Два дня всего бывают милы нам жены:
В день свадьбы, а потом в день выноса тела.

Пер. Г. Церетели
(*Античная лирика, 1968, с. 136*)

Афинский брак не был любовным союзом. Ни страстной любви, ни дружбы супружество не предполагало. Жена, которая по возрасту часто годилась супругу в дочери, была хозяйкой домашнего очага и матерью его детей, но практически не покидала женской половины дома и не участвовала ни в каких мужских занятиях. Кроме законной жены афинянин мог посещать проституток и, в редких случаях, поддерживать постоянные близкие отношения с высокопоставленными и образованными гетерами. Но психологической близости и тут большей частью не возникало из-за коммерческого характера отношений и различия мужского и женского миров. Идея равенства полов глубоко чужда древнегреческой культуре.

Невозможна была и интимная близость между отцами и детьми. Мужчина-афинянин проводил дома очень мало времени. До шести лет дети воспитывались в женской половине дома, под опекой матерей. Затем мальчиков отдавали в школу, где их обучали специально подготовленные рабы-педагоги. Отцовская власть в семье была абсолютной, но отцы мало общались с сыновьями, а жесткая семейная дисциплина порождала психологическую отчужденность и напряженность. Проблема отцов и детей в классических Афинах была весьма острой.

Школа? Древнегреческая теория воспитания, «пайдея», не знает понятия формального обучения, более или менее безличной передачи знаний и навыков. По словам Ксенофонта, никто не может ничему научиться у человека, которого не любит. Воспитание — это исключительно глубокое личное общение, где старший является одновременно наставником, другом и идеалом младшего и, в свою очередь, испытывает к нему чувства дружбы и

любви. Наемный педагог, даже независимо от своего рабского статуса, не мог удовлетворить этой потребности. Конечно, мальчикам разрешалось завязывать теплые дружеские отношения со сверстниками, но это не особенно поощрялось.

В этих условиях гомоэротическая дружба-любовь между мужчиной и мальчиком/юношей становится уникальным и незаменимым институтом социализации. Дополняя то, чего не могли обеспечить другие социальные институты, она фокусировала в себе весь эмоциональный мир личности и была исключительно значима для обеих сторон. Хотя почти все мужчины рано или поздно женились и отнюдь не испытывали сексуального отвращения к женщинам (в подавляющем большинстве дошедшие до нас предметы античной эротики — гетеросексуальные), отношения с мальчиками занимали особое место в их жизни.

Почти все знаменитые афиняне классического периода имели эроменов, чьи имена сохранила история. Не пренебрегали они и случайными мальчиками. Афинский закон и моральный кодекс пытались ввести эти отношения в определенные, достаточно жесткие, рамки. Школы и палестры, где мальчики занимались спортом, тщательно охранялись, на ночь их должны были запираť. Сексуальное посягательство на свободнорожденного мальчика каралось смертью. Даже войти в класс без разрешения учителя, когда ученики занимались одни, было преступлением. «Педагогам», которым поручалась забота о мальчиках, вменялось в обязанность препятствовать домогательствам влюбленных. Но за взятку педагог мог закрыть глаза, а учителей физкультуры — педотрибов, у которых нагие мальчики постоянно были не только перед глазами, но и, в буквальном смысле слова, под рукой, нередко подзревали в совращении подопечных.

Поведение самих мальчиков подчинялось строгому этикету. Ухаживания льстили самолюбию мальчика, подтверждали его привлекательность и повышали социальный статус. Самые красивые мальчики пользовались в Афинах почти таким же почетом, как герои спорта. Но они должны были проявлять сдержанность и строгость, чтобы не оказаться «дешевкой». Мальчик, слишком легко или из корысти согласившийся, чтобы его ласкали, терял репу-

тацию, и это могло помешать его будущей политической карьере. Некоторые афиняне вообще считали роль эромена сомнительной (Cohen, 1995).

Древнегреческая педерастия — классический пример возрастно-структурированных отношений. В принципе эраст должен был быть старше эромена, но возрастная разница между ними могла быть незначительной, а само старшинство — социально-символическим.

Словом *paides* чаще всего называли мальчиков до 15 лет, но иногда возраст повышался до 18 лет (Brelich, 1969; Garland, 1990). Переходный возраст от детства к взрослости в Афинах продолжался в среднем от 16 до 20 лет, но границы его были нечеткими. Юноши старше 18 лет назывались эфебами (отсюда — позднейший термин эфебофилия, сексуальное влечение к юношам). По свидетельству Платона и Аристотеля, половая зрелость у мальчиков наступала в 13—14 лет. До этого времени никакая сексуальная активность не поощрялась, Аристотель (Политика, 1325а 25) считал, что «физическое развитие молодых людей задерживается, если они совершают половой акт в период созревания семени» (Аристотель, 1984, с. 623), и предупреждал родителей о нежелательности подростковой мастурбации.

Хотя закона, формально запрещающего связи с маленькими мальчиками, в Афинах не было, обычай считал их недопустимыми. Верхнюю границу «эроменского» возраста греческие авторы связывают с появлением бороды и волос на теле, относя это к 21 году. Некоторые юноши стыдились появления усов и волос на ногах, опасаясь, что это уменьшит их привлекательность, и пытались сбривать их или выщипывать. Уговаривая несговорчивых мальчиков, поклонники нередко напоминали им о краткосрочности их обаяния. Практически же это было делом вкуса. Еврипид, по свидетельству Плутарха, продолжал любить своего возлюбленного Агатона и после того, как у того выросла борода, говоря, что у красивых мальчиков осень так же прекрасна, как и весна. Аристотель с восхищением описывает продолжавшийся всю жизнь союз фиванского законодателя Филолая и олимпийского атлета Диокла, которые вели общее хозяйство и были даже похоронены вместе. В таких же тонах Платон описывает в «Пире» взаимоотношения Павсания и Агафона.

Хотя большинство греческих поэтов одинаково усердно воспевали женщин и мальчиков, пол любимого существа, вопреки наивному суждению Энгельса, был им далеко не безразличен. Рассказывают, что, когда Анакреонта спросили, почему он слагает гимны не богам, а мальчикам, он ответил: «Потому что они — мои боги» (Регсу, р. 158).

Уже поэты архаического периода Архилох, Солон, Алкей, Анакреонт, Пиндар, Ивик, Феогнид в стихах, обращенных к конкретным мальчикам, выражают самые разнообразные оттенки любовных чувств — страсть и жажду обладания, чувство зависимости от любимого, ревность, жалобы, поучения, ласковые наставления.

Клеобула, Клеобула я люблю,
К Клеобулу я как бешеный лечу,
Клеобула я глазами проглочу.

*Анакреонт, пер. Я. Голосовкера
(Античная лирика, 1968, с. 72)*

В поэзии классического периода любовь одухотворяется, речь идет о слиянии не только тел, но и душ:

Душу свою на губах я почувствовал, друга целую:
Бедная, верно, пришла, чтоб перелиться в него.

*Платон. пер. О. Румера
(Античная лирика, 1968, с. 193)*

В трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида однополая любовь практически отсутствует, но не потому, что она была чужда этим авторам (достоверно известно, что все они любили мальчиков), а потому что посвященные этой теме пьесы («Мирмидоняне» Эсхила и «Хрисипп» Еврипида) до нас не дошли. Зато эту тему всесторонне обсуждают философы.

Любовь к юношам, в описании Сократа и Платона, эмоционально столь же насыщенная и благородна, как любовь к женщинам, но значительно превосходит последнюю в степени духовности. Это не просто телесная страсть и жажда обладания, но и обмен высшими духовными ценностями. Хотя многие мужчины, по словам Сократа, любят мальчиков так же, как волки ягнят, такое чувство нельзя считать любовью. В истинной люб-

ви, уступая своему страстному поклоннику, юноша не просто отдается ему, но приобщается к его силе и мудрости. Такая любовь считается постыдной только там, где правят варвары. «Ведь варварам, из-за их тиранического строя, и в философии и в занятиях гимнастикой мнится что-то предосудительное» (Платон. Пир, 182в. Платон, 1970, с. 108).

Взаимоотношения эраста и эромена, по афинскому канону, не столько неравны, сколько асимметричны. Хотя зрелый мужчина социально стоит выше мальчика, любви которого он домогается, он не имеет над ним власти. В отношениях с эроменом он — зависимая сторона, почти раб. Он может, как тень, ходить за полюбившимся мальчиком, но не смеет даже объясниться ему в любви, пока тот не достигнет надлежащего возраста. Да и после этого решение принадлежит эромену.

Персонажи платоновских диалогов свободно обсуждают между собой плюсы и минусы однополой и разнополой любви, но стыдливо краснеют и немеют при встрече с любимыми. Вот как описывает Платон устами Сократа появление в палестре прекрасного юноши Хармида:

«Я-то, мой друг, здесь совсем не судья: в вопросах красоты я совершенный неуч, почти все юноши в поре возмужалости кажутся мне красивыми. И все же он мне представился тогда на диво прекрасным и статным, и показалось, что все остальные в него влюблены — так они были поражены и взволнованы в момент его появления; многие же другие поклонники следовали за ним. Со стороны нас, мужчин, это было менее удивительно, но я наблюдал и за мальчиками, и никто из них, даже из самых младших, не смотрел более никуда, но все созерцали его, словно некое изваяние». Когда же Хармид сел рядом, продолжает Сократ, «мною овладело смущение и разом исчезла та отвага, с которой я намеревался провести с ним беседу... Я узрел то, что скрывалось у него под верхней одеждой, и меня охватил пламень...» (Платон. Хармид, 154в-с, 155с-d. Платон, 1986, с. 297—299).

А что при этом чувствует мальчик?

Греческие авторы по-разному отвечают на этот вопрос. По словам Ксенофонта, мальчик, в отличие от женщины, не разделяет сексуального удовольствия мужчины, он холодно и трезво смотрит на своего опьяненного желанием

поклонника (Ксенофонт. Пир, VIII.21) (Ксенофонт, 1993). В этой асимметричности видел главный недостаток педерастии и Овидий («Искусство любви», 2.683—4):

Я ненавижу, когда лишь один доволен в постели
(Вот почему для меня мальчик-любовник не мил).

Пер. М. Гаспарова

Напротив, по мнению Платона (Федр, 255д—256а), оба партнера получают награду за свое любовное неистовство. Просто их чувства неодинаковы. Мальчик «любит, но не знает, что именно. Он не понимает своего состояния и не умеет его выразить; наподобие заразившегося от другого глазной болезнью, он не может найти ее причину — от него утаилось, что во влюбленном, словно в зеркале, он видит самого себя; когда тот здесь, у возлюбленного, как и у него самого, утишается боль, когда его нет, возлюбленный тоскует по влюбленному так же, как тот по нему: у юноши это всего лишь подобие отображения любви, называет же он это, да и считает, не любовью, а дружбой. Как и у влюбленного, у него тоже возникает желание — только более слабое — видеть, прикасаться, целовать, лежать вместе, и в скором времени он, естественно, так и поступает. Когда они лежат вместе, безудержный конь влюбленного находит, что сказать вознечему, и просит хоть малого наслаждения в награду за множество мук. Зато конь любимца не находит, что сказать; в волнении и смущении обнимает тот влюбленного, целует, ласкает его, как самого преданного друга, а когда они лягут вместе, он не способен отказать влюбленному в его доле наслаждения, если тот об этом попросит. Но товарищ по упряжке вместе с возничим снова противятся этому, стыдись и убеждай» (Платон, 1970, с. 192).

Феогнид сравнивал мальчика с лошадкой, с нетерпением ожидающей хорошего наездника.

Однако старший и младший не должны меняться ролями. Именно поэтому связь взрослых мужчин считалась ненормальной. Афинянин, уличенный в сексуальной связи с другим мужчиной за деньги или другие материальные блага, лишался гражданских прав, не мог занимать выборную должность, выполнять жреческие функции, ни даже выступать в народном собрании или перед советом старейшин. Любые обвинения и намеки такого рода были край-

не оскорбительны, особенно если дело усугублялось «пассивной» сексуальной позицией.

Вопрос был не в сексуальности, а в критериях маскулинности. Аристотель в «Проблемах физики» (4, 26; 879a 36f) (Obermaier, с. 153) отмечает, что некоторые мужчины предпочитают рецептивную роль или же чередуют сексуальные позиции, получая от этого удовольствие. Но рецептивная позиция считалась оскорбительной для мужского достоинства.

ГОМОЭРОТИЗМ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Это наложило свой отпечаток и на древнегреческое изобразительное искусство. В древнегреческой скульптуре обнаженное мужское тело появляется раньше, уже в Микенский период (1500—1200 до н. э.) (Stewart, 1999, р. 42) и изображается значительно чаще, чем женское. «Нагой мужчина, одетый только в свою силу, красоту или божественность» (Hollander, 1978, р. 12) — постоянный объект изображения и любования древнегреческого искусства на протяжении всей его истории.

Архаические мужские статуи — курсы были подчеркнута маскулинны (широкие плечи, узкие бедра и т. д.), подчеркивая прежде всего мускульную силу и выносливость. В начале V в. до н. э. эталон мужской красоты стал тоньше, подчеркивая не только силу, но и легкость, гармонию, мягкое изящество (например, знаменитый «Дорифор» — Копьеносец — Поликлета). Воплощением юной мужественной красоты и изящества является статуя Аполлона Бельведерского. Не только у мальчиков и юношей, но и у взрослых мужчин появляются черты мягкости, женственности, особенно характерные для работ Праксителя (340 до н. э.). Его отдыхающий Сатир, мечтательный Гермес, меланхоличный Аполлон Савроктон расслаблены, изящны, длинноноги, томны, крутой изгиб бедер подчеркивает тонкую талию, их тела как бы ищут опоры и грациозно опираются на стволы дерева. Эти тела созданы не столько для войны, сколько для любви.

При всем многообразии античных мужских статуй их общий прообраз — гармонично сложенный атлет, соединяющий в себе юность, силу и красоту. Греки часто

отождествляли физическую, телесную красоту («калос») и нравственное благородство («агатос») и гордились тем, что только у них мужчины соревновались нагими, хотя, по преданию, этот обычай возник случайно (на Олимпиаде 720 г. до н. э. один бегун уронил свою набедренную повязку, но продолжил бег нагишом и победил).

Однако эта нагота эстетизирована и эротизирована. Греческая культура — культура самообладания, распушенность и эксгибиционизм ей глубоко чужды. Расхаживая по спортивному залу, юноши старались замаскировать непроизвольные эрекции, сидеть с расставленными ногами считалось неприличным и т. д. Нагие греки демонстрировали высокое самообладание и способность, в отличие от примитивных варваров, контролировать свою сексуальность так же, как проявления физической боли и страдания. Этот канон распространялся и на скульптуру, которая никогда не изображает усилий и страданий. Даже в пылу сражения или в предсмертной агонии мужчина должен сохранять красоту, достоинство и самообладание.

Так же сдержанна греческая гомоэротика. Как и другие народы, греки имели развитый фаллический культ. Символическое изображение эрегированного члена было не только символом плодородия, но наделялось охранными, отпугивающими функциями. Древнейшим фаллическим божеством, прежде чем стать изящным юношей с маленьким пенисом, был Гермес, который первоначально назывался Фалесом и занимался преимущественно охраной домов. Греки даже ставили у своих домов и храмов специальные столбы, посвященные Гермесу, — гермы, с человеческой головой и эрегированным членом, которым приписывалась функция отпугивания врагов. Этот культ пользовался всеобщим почтением. Когда в 415 г. до н. э. во время Пелопоннесской войны в Афинах кто-то изуродовал (кастрировал) гермы, это вызвало в городе панику. Огромным и всегда эрегированным членом обладал бог садоводства и виноградарства Приап (иногда он считался сыном Гермеса), имя которого стало в европейской культуре эвфемизмом для обозначения мужского члена.

Однако в обычных изображениях греческие художники и скульпторы предпочитали небольшие, «мальчишковые» размеры, наделяя длинными и толстыми членами только похотливых и уродливых сатиров. Взрослые мужчины

изображаются без волосяного покрова, с нормальной мошонкой и сравнительно коротким и тонким членом, головка которого, даже в состоянии эрекции, стыдливо прикрыта длинной и торчащей, как у маленьких мальчиков, крайней плотью. Аристотель считал преимуществом короткого члена то, что семени приходится преодолевать в нем меньшее расстояние, поэтому оно меньше остывает и вернее достигает цели. Современные историки склонны приписывать любовь греков к небольшим пенисам эстетическим соображениям и в особенности культу юности.

Для понимания древнегреческого гомоэротизма очень важна расписная керамика. Из 20 тысяч дошедших до нас аттических ваз около 200 содержат эротические, в том числе гомоэротические, сюжеты: нагие мужские фигуры, которых гораздо больше, чем женских, сцены ухаживания мужчин за мальчиками, откровенно сексуальные сцены, оргии и т. п. Анализ этих изображений позволяет историкам искусства проследить их историческую эволюцию и различия между гомо- и гетеросексуальными сюжетами (Dover, 1978; Koch-Harnak, 1983; Sutton, 1992; Shapiro, 1992; DeVries, 1997).

В более ранних, так называемых чернофигурных вазах (560—500 до н. э.) сцены ухаживания за мальчиками обычно связаны с изображениями охоты и нередко сами напоминают преследование. В более поздних краснофигурных вазах (510—470 до н. э.) сюжеты меняются. Эрасты, как и эромены, помолодели, эраст уже не обязательно бородат, а эромен не напоминает преследуемого зайца. Принуждение и нажим сменяются изящным ухаживанием, действие переносится из леса в цивилизованную городскую среду, а мускулистая сексуальность, с акцентом на телесные действия, уступает место стыдливой и нежной «риторике желаний».

Если разнополый секс, объектами которого были куртизанки или рабыни, не имевшие права на личное достоинство, изображается порнографически, во всех подробностях, включая фелляцию и анальную пенетрацию, то гомоэротические сцены большей частью ограничиваются ухаживанием. В разнополых сценах женщина всегда изображается в подчиненной, а мужчина — в господствующей позиции. В гомоэротических сценах мальчик обычно стоит прямо, а мужчина склоняет перед ним голову и плечи.

Типичная поза ухаживания: эраст протягивает одну руку к гениталиям эромена, а другой рукой ласкает его подбородок. Опираясь на эти изображения, некоторые исследователи (Patzner, 1982) полагают, что сексуальные контакты между эрастами и эроменами вообще ограничивались взаимной мастурбацией и интерфеморальным (между бедер) трением друг о друга или что другие формы сексуального контакта просто не изображались (Dover, 1978; Halperin, 1990).

Фактически, наряду со сценами, где возбужден только мужчина, есть и такие, где у мальчика тоже есть эрекция. В некоторых сценах юноша сам привлекает к себе мужчину. Кроме того, жест, когда мальчик держит эраста за руку, который искусствоведы трактовали как отталкивание, скорее служит выражением нежности, как и в гетеросексуальных отношениях (Huppert, 1988; DeVries, 1997). Однако принцип уважения к свободному мальчику, будущему гражданину, запрещал изображать его в рецептивной «женской» позиции, хотя это фактически имело место. Мальчик может любить мужчину, но не должен любить секс с мужчинами, потому что это означало бы, что ему нравится рецептивная позиция, которая для мужчины унижительна. Важно не то, что люди делают в постели, а то, как об этом говорят публично (Halperin, 1997).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭРОС ИЛИ СЕКСУАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ?

После того как однополая любовь утратила свои инициальные компоненты и переместилась из общественной жизни в частную, она стала более тонкой, индивидуальной, психологически разнообразной, но одновременно — морально проблематичной. В Афинах легально существовала мужская проституция и даже публичные дома. Свободнорожденный афинянин не мог заниматься этим ремеслом, в случае продажи мальчика для оказания кому-либо сексуальных услуг покупатель наказывался так же строго, как продавец. Но на военнопленных, метеков и иностранцев запреты не распространялись. Простые, бедные и не особенно просвещенные люди часто относились к педерастии подозрительно, как к причуде богатых и знатных, угрожающей семейному очагу.

В комедии Аристофана «Облака» (Аристофан, 1983, с. 206—207) «Правда» ностальгически вспоминает хорошо воспитанных мальчиков прошлого, которые сидели на песке, чинно вытянув ноги,

«А вставали и след свой тотчас же в песке заматали, чтоб взглядам влюбленных очертания прелестей юных своих на нечистый соблазн не оставить» (пер. А. Пиотровского).

Это заставляет защитников педерастии подчеркивать ее воспитательное значение, «педагогический эрос»: «Величайшее счастье для того, кто желает из любимого мальчика сделать себе хорошего друга, это то, что ему и самому необходимо стремиться к добродетели» (Ксенофонт. Пир, VIII, 27, Ксенофонт, 1993).

Юный красавец Алкивиад, по которому сходили с ума чуть ли не все афинские мужчины и женщины, рассказывает, как он пытался соблазнить старого Сократа и, оставшись с ним ночью наедине, признался в своей готовности отдаться. Когда Сократ прикинулся непонимающим, самоуверенный юноша сам залез к нему в постель, «легло под его потертый плащ и, обеими руками обняв этого поистине божественного, удивительного человека, пролежал так всю ночь». Но «...несмотря на все эти мои усилия, он одержал верх, пренебрег цветущей моей красотой, презрительно посмеялся над ней.... Ибо, клянусь вам всеми богами и богинями, — проспав с Сократом всю ночь, я встал точно таким же, как если бы спал с отцом или со старшим братом» (Платон. Пир, с. 219; Платон, 1970, с. 132).

Позднейшие греческие авторы относились к этому рассказу скептически, считая, что он был нужен только для самооправдания. По словам Биона, если Сократ «желал Алкивиада и воздерживался, то это глупость, а если не желал его и воздерживался, то в этом нет ничего особенного» (Диоген Лаэртский, IV, 49). По мнению Псевдо-Лукиана, «и Сократ был любовником, как всякий другой, и Алкивиад, когда лежал с ним под одним плащом, не встал нетронутым... Мне мало смотреть на возлюбленного и, сидя напротив, слушать его речи; любовь создала целую лестницу наслаждений, и зрение в ней — только первая ступень...» (Две любви, 54, 53; Лукиан, 1989).

Сам Платон в конце жизни, явно по политическим мотивам, писал, что вообще «мужчины не должны схо-

диться с юношами, как с женщинами, для любовных утех», потому что «это противоречит природе» (Платон. Законы, с. 836; Платон, 1972, с. 319). В его идеальном государстве допускаются ласки и поцелуи между мужчинами и мальчиками, но одновременно существует «закон о том, чтобы соитие, предназначенное для деторождения, происходило лишь сообразно природе. От мужского пола надо воздерживаться и не губить умышленно человеческий род: не надо также ронять семя на скалы и камни, где оно никогда не пустит корней и не получит естественного развития» (Законы, с. 838; Платон, 1972, с. 322). По мнению философа, такая «победа над удовольствиями» сделает человеческую жизнь блаженной» (Законы, с. 840; Платон, 1972, с. 324).

Сомнения педагогического и этического порядка высказывает и Аристотель. Хотя сама по себе педерастия для него совершенно нормальна и естественна, философ обеспокоен возможностью соращения мальчиков. Чтобы избежать его, в своей «Политике» он рекомендует воспитывать мальчиков до 7 лет дома, не давать подросткам смотреть непристойные картины и скульптуры, за исключением религиозных, не позволять им посещать слишком волные театральные представления и т. д.

Для поэтов и философов эпохи эллинизма любовь к мальчикам — дело сугубо индивидуальное. Сравнивая, вслед за Платоном, достоинства и недостатки любви к женщинам и к мальчикам, Плутарх признает их, в отличие от Платона, равноценными. Осуждая грубость древнейшей критской и фиванской педерастии и предпочитая более утонченные отношения классической эпохи, он осуждает также сексуальные связи с мальчиками-рабами; по его мнению, это не любовь, а просто спаривание, «как с женщинами» (Плутарх, 1983).

По мнению автора знаменитой книги «Толкование снов» Артемидора из Далтиса (II в. н. э.), все зависит от того, что, с кем и как ты делаешь Winkler, 1990, pp.17—44, 210—216). В отличие от Фрейда, истолковывающего любой сон в сексуальных символах, Артемидор переводит сексуальные знаки в социальные. «Нормальные сношения», которые хорошо видеть также и во сне, — это сношения с женой, любовницей или рабом, независимо от его пола. Но во всех этих случаях мужчина должен зани-

мать «верхнюю», активную позицию. Главное — даешь ты или получаешь? Если во сне тебя «трахает» старший и более богатый мужчина, это хорошо, потому что получать от таких людей — нормально. Если же это делает младший или бедный, независимо от возраста, сон плохой, потому что таким людям принято давать. Заниматься сексом со своим рабом, независимо от его пола, хорошо, потому что раб — собственность спящего. Зато если свободно-го мужчину во сне «трахает» раб, это очень плохо и свидетельствует о презрении со стороны раба. Такая же плохая примета, если это проделывает брат, независимо от его возраста; или враг.

Отношение эллинистических авторов к однополой любви зависит главным образом от их отношения к чувственности. Философы, признающие право человека на удовольствие, обычно, с теми или иными оговорками, признают и правомерность любви к мальчикам, которая кажется им более рафинированной. По словам Псевдо-Лукиана, «самцы львов не живут друг с другом — но ведь они не занимаются и философией. Не сходятся друг с другом медведи-самцы — но ведь им неведома вся красота дружбы. А человеческий разум и знания, из частных опытов выбрав лучшее, признали любовь к мальчику самой верной» (Две любви, 36; Лукиан, 1989). Для тех же, кто отрицает чувственные радости, педерастия неприемлема. По словам Плотина (204—270), истинные мыслители одинаково презирают красоту мальчиков и женщин.

ЛЕСБИЙСКАЯ ЛЮБОВЬ

А как обстояло дело с любовью между женщинами? Фаллоκραтическое греческое общество не придавало женской жизни самостоятельного значения. Хотя Платон знает о существовании влечения «девочек к девочкам, женщин к женщинам» (Законы, 836a), в сферу публичной жизни женская сексуальность не входила, а что происходило на женской половине дома, если при этом не нарушалась святость семейного очага, никого не интересовало. В эротических и порнографических изображениях женщина выступает только как объект мужского вожделения. Ни одной сцены лесбийской любви искусствоведам до сих пор найти не удалось.

Единственная древнегреческая женщина, которая воспевала женскую любовь и чье имя стало нарицательным, — Сафо (Сапфо). О ее жизни известно очень мало. Она родилась на острове Лесбос, принадлежала к аристократической семье, почти всю жизнь прожила в городе Митилене, имела троих братьев, была замужем и имела дочь Клею. Предполагают, что Сафо была наставницей группы молодых незамужних аристократических девушек, которые приезжали из разных концов Греции учиться красоте, музыке, поэзии и танцам. Из девяти книг лирики Сафо сохранилось около 200 фрагментов, многие — всего из нескольких слов.

Страстная поэзия Сафо целиком посвящена женской любви, описанию юной девичьей красоты, нежного тела, радости встреч и горести разлук.

У меня ли девочка
Есть родная, золотая,
Что весенний златоцвет —
Милая Клеида!
Не отдам ее за все
Золото на свете.

Пер. Вячеслава Иванова
(*Античная лирика, 1968, с. 64*)

Сафо часто призывает на помощь Афродиту, ее любовь откровенно чувственна:

Эрос вновь меня мучит истомчивый —
Горько-сладостный, необоримый змей.

Пер. В. Вересаева
(*Античная лирика, 1968, с. 63*)

Воспеваемый Сафо тип любви не вписывался ни в греческий, ни тем более в христианский канон. Одни христианские авторы считали безнравственными и даже сжигали ее книги. Другие пытались гетеросексуализировать Сафо, утверждая, что в конце концов она отказалась от женской любви и влюбилась в мужчину, но из-за своего безобразия не смогла привлечь его и покончила самоубийством, бросившись со скалы в море. Третьи выхолащивали эротическое содержание ее поэзии, изображая ее воплощением «чистой», асексуальной любви. Тем не менее

Сафо стала родоначальницей «гинерастии», женской эротической любви, которую позже стали называть «сапфизмом», а затем лесбиянством (Cantarella, 1987).

ОДНОПОЛАЯ ЛЮБОВЬ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

В классической Греции педерастия была частью публичной жизни, потому что уходила своими корнями в древние традиции мужских союзов и инициаций, а затем была облагорожена философским «педагогическим эросом». В Риме не было ни того, ни другого (см. Lilja, 1983; Veyne, 1982; MacMullen, 1982; Richlin, 1992, 1993; Clarke, 1998; Williams, 1999; Verstraete, 2000).

Хотя, по мнению ряда ученых, у древних этрусков, которым наследовали римляне, когда-то существовали предполагавшие гомосексуальные контакты мужские инициации, они отмерли слишком рано, чтобы римляне успели их унаследовать. Царский и ранний республиканский Рим был сельским консервативным обществом, на социальную структуру которого наложилась затем мощная военная организация, требовавшая от граждан строгой дисциплины и порядка.

Главным институтом социализации детей здесь была семья, которая считалась основной ячейкой общества. Той социальной базы для институционализации мужских гомоэротических интересов, какой в Греции были мужские союзы, а затем гимнастические залы, палестры, в Риме тоже не существовало. Иным было и древнеримское отношение к телу и эмоциям. Римляне времен Республики были гораздо стыдливее греков, они не допускали публичной наготы. Знаменитые римские бани, единственное место, где римляне общались нагими, предназначались исключительно для расслабления и удовольствия.

Римское понятие любви также отлично от греческого. Греки классического периода поэтизировали любовные чувства, на кого бы они ни были направлены. Напротив, многие влиятельные римские философы, например Марк Туллий Цицерон, считали любовь расслабляющей и опасной. Наконец, римляне гораздо строже и последовательнее греков разграничивают сферы и понятия публичной и частной жизни.

Если в архаической и классической Греции любовь к мальчикам считалась мужественной и пользовалась уважением, то в Риме она ассоциировалась с женственностью и считалась культурно чужеродной. Консервативные римляне времен поздней Республики и Империи считали «греческую любовь» проявлением разложения. Ее носителей обозначали исключительно греческими словами (*paidico*, *pathicus*, *catamitus*, *cinaedus*), причем все они имели отрицательный, оскорбительный смысл, подразумевая изнеженность, женственность, пассивность. Мужчину называли «кинедом» или «патиком» не столько потому, что он спал с другими мужчинами, сколько потому, что он не обладал мужскими телесными или поведенческими качествами. Рецептивная роль в постели — лишь одно из проявлений общей женственности кинеда, который чувствует и поступает, как женщина. Пол сексуального партнера по сравнению с этим не имеет значения.

Это не значит, что однополой сексуальности в Риме не было, или что ее преследовали, или что она была импортирована из Греции. Наоборот, она распространялась очень широко, но это была совершенно другая сексуальность. Если в Афинах это была привилегия свободных людей, то в Риме его законными объектами считались только зависимые, подчиненные лица, — рабы и проститутки, стоявшие вне официального общества. Принятый в середине III в. до н. э. закон *Lex Scatinia* (или *Scantipia*), который некоторые историки трактовали как антигомосексуальный, на самом деле запрещает только такие гомосексуальные действия, объектом которых является свободнорожденный мальчик.

Свободнорожденный мальчик любого возраста был табу. Греческий мальчик, за которым ухаживал прославленный воин или политический деятель, чувствовал себя польщенным. Для юного римлянина и его семьи это было бы оскорблением. Свободнорожденные римские мальчики и юноши носили на шее специальные амулеты — буллы, одна из функций которых, по Плутарху, состояла в том, чтобы все видели, что этот мальчик не может быть объектом сексуальных посягательств. Ни в какой момент своей жизни и ни в какой социальной ситуации римлянин не должен был чувствовать себя объектом. Совращение свободнорожденного мальчика наказывалось смертью (Taylор, 1997, p. 344).

Зато с рабами можно было делать все, что угодно. Одним нравились юные мальчики, другие предпочитали молодых атлетов. Единственное, чего следовало безусловно избегать, — это рецептивной позиции. По словам Сенеки-старшего, отца философа, для свободного мужчины рецептивная роль — позор, для раба — самый безусловный долг по отношению к хозяину, а для вольноотпущенника — добровольная моральная обязанность (Veune, p. 47).

Нормативная и бытовая римская эротика подчеркнута бисексуальна: важен не пол партнера, а то, какое удовольствие он доставляет. Однако гомоэротические наклонности, независимо от способа их удовлетворения, никогда не считались в Риме достоинством. Народный трибун Гай Грах в 124 г. до н. э. хвастался (и современники подтверждают правдивость его слов), что никакие красивые мальчики не дежурят у его штаба и молодые солдаты в его шатре пользуются большим уважением и безопасностью, чем где бы то ни было (MacMullen, 1982. p. 490).

Обвинения в гомосексуальных связях были стандартными приемами римской политической риторики для дискредитации политических противников. Гай Юлий Цезарь одинаково любил и женщин, и юношей и был, по ироническому выражению Куриона-старшего, «мужем всех жен и женой всех мужей». Обвинения в сексуальной связи с дядей и другими влиятельными мужчинами выдвигались и против юного красавца Октавиана Августа, который, по словам его политического соперника Марка Антония, добился усыновления дядей ценою собственного бесчестия; женственная внешность Октавиана увеличивала правдоподобие таких обвинений. Впрочем, Цицерон обвинял в том же грехе и самого Марка Антония, который в юности якобы был катамитом Куриона. Цицерон был в этом отношении особенно циничен: когда речь шла о его друзьях, Цицерон их защищал, подчеркивая, что это не преступление, а становясь обвинителем, вываливал на стол целый ворох сплетен.

ГОМОЭРОТИЗМ В РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Гомоэротизм и бисексуальность занимают важное место в древнеримской литературе. В комедиях Плавта (250—184 до н. э.) сексуальное влечение к юным рабам

изображается как совершенно естественное и нисколько не постыдное. Большинство римских поэтов заявляют, что готовы любить как женщин, так и мальчиков, для них это только вопрос предпочтения (впрочем, не следует принимать художественные образы за автобиографии).

Страстная любовь Гая Валерия Катулла (87—54 до н. э.) к прекрасной Лесбии не помешала ему посвятить 4 стихотворения своей неразделенной любви к юноше Ювенцию. В других стихотворениях Катулл угрожает некоему Аврелию, который пытался отбить у поэта «его» мальчика, хвастается, как ему удалось сексуально овладеть соперником, отбившим у него любовницу, язвительно издевается над женственными «патиками» и т. д. Тибулл (50—17 до н. э.), отчасти предвосхищая Овидия, сочинил стихотворное руководство по обольщению мальчиков, но его собственный опыт по этой части оказался не очень удачным: поэт жалуется на неразделенную любовь к юноше Марату, который предпочел ему более богатого поклонника. Проперций (47—15 до н. э.) влюблен в женщину, но в грустную минуту желает своим врагам любить женщин, а друзьям — мальчиков, педерастия — «спокойная река, где не бывает кораблекрушений: что может произойти в таком узком пространстве?» (Vaughn, 1982, p. 49).

У Квинта Горация Флакка (65—8 до н. э.), который жил и умер холостяком, есть «тысяча страстей для девушек и тысяча страстей для мальчиков», но эти страсти довольно спокойные. Другу, переживающему любовную драму, поэт советует утешиться в объятиях юной рабыни и раба, избегая сильной привязанности к ним. Хотя Гораций часто описывает красивых молодых рабов, женщины у него явно на первом месте. Зато его нежные послания к друзьям позднейшие авторы иногда (без достаточных оснований) считают гомозротическими.

Хотя мифологические образы однополой любви (Орфей, Ганимед, Аполлон и Гиацинт, Нарцисс и др.) из «Метаморфоз» Овидия (43 до н. э. — 18 н. э) стали источником вдохновения для позднейшей гомозротики, сам поэт недвусмысленно предпочитал женщин. Напротив, болезненный и застенчивый холостяк Вергилий (70—19 до н. э.) любил исключительно юношей, особенно воспитанных им мальчиков-рабов Цебеса и Александра. Цебес в дальнейшем сам стал поэтом, а Александра Вергилий

изобразил в своей второй эклоге под именем пастуха Алексиса, в которого безответно влюблен другой пастух, Коридон. Образы друзей-любowników встречаются в «Энеиде». Поскольку в Средние века Вергилий был самым популярным античным поэтом (недаром Данте выбрал его своим проводником по аду и чистилищу), эти образы оказали огромное влияние на развитие гомоэротической культуры, а имя «Коридон» стало нарицательным.

Много забавных гомоэротических шуток и намеков содержат сатиры Марциала (40—102) и Ювенала (60—127). Жестоко высмеивая женоподобных юношей и мужеподобных лесбиянок, оба поэта нисколько не стесняются собственных гомоэротических приключений. Впрочем, стихи не следует принимать за автобиографии (Sullivan, 1978; Obermayer, 1998). По словам Марциала, когда похоть горяча, все равно, кто под рукой — девочка или мальчик; ему нравится «дешевая и легкая любовь».

Однако даже самая лучшая женщина не может в постели заменить мальчика:

С мальчиком нас захватив, ты, жена, беспощадно
бранишься

И говоришь, что его можешь ты мне заменить.
Сколько твердила о том шалуну-громовержцу Юнона!
Но продолжает лежать он с Ганимедом своим.
Гила герой-Геркулес сгибал, позабывши о луке —
А у Мегары, скажи, нечего было сгибать?
Дафна-беглянка совсем замучила Феба, но все же
Мальчик Эбалий ему страсти огонь потушил.
Хоть Брисеида во всем покорялась внуку Эака,
Друг безбородый его все же был ближе ему.
Брось же, прошу я тебя, ты мужское смешивать

с женским

И убедись, что жена может лишь женщиной быть.

Марциал. Эпиграммы, XI, 43

Пер. Ф. А. Петровского (Марциал, 1991, с. 6)

Любовные стихи к мальчикам писал и автор «Золотого осла» Апулей.

Гомосексуальной тематики касаются многие позднегреческие и римские романы. Например, Ахилл Татий в романе «Левкиппа и Клитопонт» (III в. н. э.) вкладывает в уста одного из персонажей следующий текст:

«Все у женщин поддельно, и речи их, и красота. Если женщина поначалу и кажется красивой, то это лишь вследствие многочисленных притираний. Вся ее красота — это мирра, крашенные волосы и прочие выдумки. Если же лишить ее всех этих хитростей, то она уподобится галке из басни, с которой сняли чужие перья. Красота мальчика не нуждается в помощи благовонной мирры и прочих чужих ароматов, — приятнее всех женских притираний запах пота отроческого тела. Еще до того, как заключить мальчика в любовные объятия, можно бороться с ним на палестре, когда тела сплетаются открыто, и нет в этом переплетении ничего постыдного. В объятиях тело мальчика не расслабляется из-за рыхлости его плоти, крепкие тела борются друг с другом за наслаждение. Поцелуи отрока, в отличие от женщины, бесхитростны, не сыщешь в его губах тех праздных обманчивых ухищрений, которым научены женщины, нет ничего искусственного в поцелуях мальчика, — он целует как дитя. Если бы стусился нектар, то ты пил бы его из уст возлюбленного. И такие поцелуи не насыщали бы тебя, но вызывали еще большую жажду, и, наконец, ты бы оторвался от источника наслаждения, чтобы не ощутить избыток его» (Татий, 1969, с. 62).

Но хотя эта тема звучит часто, она обычно остается маргинальной. В политическом же контексте об однополрой любви говорят преимущественно с иронией и осуждением. Характерны в этом смысле биографии Светония (I в. н. э.). Ни один из «божественных» императоров, за исключением (да и то не бесспорным) Юлия Цезаря, не обвинен в пристрастии к однополрой любви, их гомосексуальность — это «слухи». Зато плохие императоры все насквозь порочны, растлевают мальчиков и ведут роскошный образ жизни.

Тиберий «завел мальчиков самого нежного возраста, которых он называл своими рыбками и с которыми он забавлялся в постели... Говорят, даже при жертвоприношении он однажды так распалился на прелесть мальчика, несшего кадила, что не мог устоять и после обряда чуть ли не тут же отвел его в сторону и растлил, а заодно и брата его, флейтиста» (Светоний, 1988, с. 124—125). Калигула публично появлялся в женском платье и выполнял как мужские, так и женские сексуальные роли. Не-

рон садистски насиловал мальчиков, одетый в звериную шкуру, терзал гениталии привязанных к столбу пленников; кастрировав мальчика Спора, он пытался сделать из него женщину и торжественно женился на нем. «А собственное тело он столько раз отдавал на разврат, что едва ли хоть один его член остался неоскверненным» (Светоний, 1988, с. 208—209). Вителлий имел бурный роман со своим вольноотпущенником. Гелиогабал, вступивший на трон 14-летним мальчиком, надевал женское платье, отдавался мужчинам, торжественно отпраздновал свадьбу с гигантского роста рабом, которого заставлял бить и всячески унижать себя, и даже мечтал быть кастрированным.

Все эти истории, действительные или вымышленные, естественно, не вызывали добрых чувств в народе. Единственный император, который пытался возродить благородные традиции греческой любви, — Адриан (76—138). Разносторонне образованный человек, поклонник греческой культуры, Адриан проводил нерепрессивную политику, а его главной привязанностью была любовь к юному красавцу греку Антиною (110—130), которого император спас во время охоты на львов в Ливии. Когда Антиной утонул, купаясь в Ниле, император повелел обожествить его, основал в его честь город Антинополис и поставил его статуи и бюсты во всех больших городах империи. Запечатленный во множестве скульптур образ Антиноя стал символом юношеской красоты и изящества. В XVIII — XIX вв. Антиной стал культовой фигурой гомосексуальной культуры, ему посвящались поэмы и романы (Waters, 1995). Французская писательница Маргерит Юрсенар посвятила любви Адриана и Антиноя исторический роман, написанный в форме воспоминаний Адриана (1951, русский пер. — 1984), а великий португальский поэт Фернандо Пессоа — поэму «Антиной» (1918), в которой проникновенно говорится о чувственной, телесной стороне однополой любви.

Сексуальные излишества были не единственной и не самой важной частью императорской экстравагантности, но именно они символизировали в глазах населения всеобщее падение нравов, отход от традиционной римской морали и разложение общества. Реакцией на это было усиление аскетической морали, ориентированной на самоконтроль и сексуальное воздержание, к чему призыва-

ли влиятельные школы эллинистической философии — неоплатоники, эпикурейцы, киники и стоики. Эллинистические и римские медики, со своей стороны, доказывали, что сексуальные излишества ослабляют силы и подрывают здоровье мужчины. Бесплодная и не связанная с семейными ценностями однополая любовь выглядела одновременно противоестественной, безнравственной и опасной. Все это наложило отпечаток на сексуальную этику раннего христианства.

2-4. ХРИСТИАНСКАЯ ЕВРОПА

Под известной нам историей Европы лежит другая, подземная. Это история человеческих инстинктов и страстей, подавленных и искаженных цивилизацией.

Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно

Цивилизации основывались и поддерживались теориями, которые отказывались подчиняться фактам.

Джо Ортон

СОДОМСКИЙ ГРЕХ

В отличие от Ветхого Завета, ранние христианские тексты вообще не упоминают об однополой любви. Сам Христос никогда не высказывался по этому поводу.

В Евангелии от Матфея есть один стих, который обычно истолковывается как «антисодомитский»: «Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедрionу; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной» (Матфей, 5:22). Загадочное негреческое слово «рака», переведенное в русском каноническом тексте Библии как «пустой человек», по мнению специалистов (Olyan, 1994; Boyarin, 1995), — еврейское *rakha* (мягкий), которое могло подразумевать женственность и слабость, а заодно и пассивную гомосексуальность, тогда как греческое слово *toros*, переводимое как

«безумие» или «глупость», означало мужскую гомосексуальную агрессию. В переводе на современный язык этот текст строго запрещает обзывать людей «пидорами», считая такие слова крайне обидными, но никакой оценки самого гомосексуального поведения не содержит.

Все остальные евангельские высказывания, прямо или косвенно осуждающие однополую любовь, принадлежат одному и тому же человеку — апостолу Павлу. Приведу их полностью, с комментариями специалистов.

«Или вы не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники» (Первое послание к коринфянам, 6:9).

Слово «*малакии*» обозначало мягких, феминизированных мужчин и ассоциировалось с пассивной гомосексуальностью, но имело и ряд других значений; в Древней Руси «малакией» называлась мастурбация — «одни это делают руками, другие же бедрами своими» («А се грехи», 1999, с. 26). Многозначно и слово *arsenokoitai*, переведенное как «мужеложники».

В другом месте, описывая разложение отвернувшегося от Бога языческого мира, Павел пишет: «Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным. Подобно и мужчины, оставивши естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение. И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму — делать непотребства, Так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонравия, Злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, нежесткодушны родителям, Безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы» (Послание к римлянам, 1:26—31).

Великолепная инвектива! Со своей точки зрения Павел последователен и логичен. По его мнению, любая сексуальность греховна и низменна и потому допустима только в браке и лишь ради продолжения рода: «А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины.

Но, *в избежание* блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа... Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве... Впрочем, это сказано мною как позволение, а не как повеление. Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе. Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я; Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (Первое послание коринфянам, 7:1—9).

Если греховно любое вожделение, то страсть к лицам своего пола и подавно не может иметь оправдания: от нее не рождаются дети, она не освящена таинством брака, «противоречит природе» и основана на похоти. Попытки некоторых историков-геев (Boswell, 1980, 1994) смягчить эту позицию, представив раннее христианство сексуально терпимым, абсолютно неубедительны.

Однако, по словам апостола Павла, Царства Божия не наследуют не только малакии и мужеложники, но также «ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники» (Первое послание к коринфянам, 6:10). Между тем к этим порокам и их носителям церковь в дальнейшем относилась снисходительно, тогда как гомосексуальность стала неназываемой. Почему?

Все отцы церкви прославляли воздержание и девственность. И одним из самых сильных и опасных соблазнов для них был секс. Причем многие из них испытывали гомоэротические чувства.

Самый влиятельный богослов раннего христианства блаженный Августин (354—430) испытал в юности страстную дружбу к своему ровеснику и бывшему соученику, которой посвящены самые яркие и человечные страницы «Исповеди» (Августин, 1991).

«Что же доставляло мне наслаждение, как не любить и быть любимым? Только душа моя, тянувшаяся к другой душе, не умела соблюсти меру, оставаясь на светлом рубеже дружбы; туман поднимался из болота плотских желаний и бывшей ключом возмужалости, затуманивал и померачал сердце мое, и за мглою похоти уже не различался ясный свет привязанности» (Исповедь, II, 2, 9).

Внезапная смерть друга повергла Августина в отчаяние: «Какой печалью омрачилось сердце мое! Куда бы я ни по-

смотрел, всюду была смерть. Родной город стал для меня камерой пыток, отцовский дом — обителью беспросветного горя; все, чем мы жили с ним сообща, без него превратилось в лютую муку. Повсюду искали его глаза мои, и его не было. Я возненавидел все, потому что нигде его нет, и никто уже не мог мне сказать: «Вот он придет», как говорили об отсутствующем, когда он был жив.... Только плач был мне сладостен, и он наследовал другу моему в утешении души моей» (Исповедь, IV, 4, 9).

Однако боль утраты не убила привязанности к жизни. Как же могло случиться, что я, его второе «я», жив, когда он умер? Ведь «моя душа и его душа были одной душой в двух телах» (Исповедь, IV, 6, 11). В позднейшем примечании Августин осудил этот крик души как «фривольную декламацию»: греховна не только мысль о слиянии душ, но и сама безоглядная любовь к смертному. Только тот не теряет близких своему сердцу, чья дружба покоится в Боге — «в Том, Кого нельзя потерять» (Исповедь, IV, 9, 14).

Чем сильнее были чувства, которые верующему приходилось преодолевать, тем строже было морально-религиозное осуждение соблазна. Можно с уверенностью сказать, что те отцы церкви, которые красочнее других описывали зло, приносимое женщинами, возделали к женщинам, а те, кто ужасался мужеложству, грезил о мужской любви. Это правильно уловил Розанов, считавший «духовных содомитов» главными носителями идей аскетизма и бесполости.

Запретить другим «плодиться и множиться» эти люди не могли, но тем яростнее они обрушиваются на внебрачный, непродуктивный и особенно — однополый секс (см. Boswell, 1980; Brundage, 1988; Bullough and Brundage, 1996; Goodich, 1979). Канон 71, принятый на соборе испанской церкви в Эльвире (305—306), гласит: «Бесчестящие мальчиков до самой смерти не должны получать причастие».

В дальнейшем наказания дифференцируются в зависимости от способа сношения и возраста участников. По пенитенциалию папы Григория III (VIII в.) сексуальный контакт между женщинами карался 160-дневным покаянием, а между мужчинами — одногодичным. Архиепископ Бурхард Вормский (ум. 1025) наказывал анальную пенет-

рацию; как и скотоложество, многолетним покаянием. Юноши наказывались мягче, чем женатые мужчины. «А ежели с мужчиной между бедер, как заведено у некоторых, совершаешь непотребство, то есть свой детородный орган помещаешь между бедер другого, и так поступая, извергаешь семя? Если делаешь так, в течение 40 дней совершай покаяние на хлебе и воде». Взаимная мастурбация наказывалась 30-дневным, а одинокая — 10-дневным покаянием. Теодор Кентерберийский «самым большим злом» считал оральный секс, все равно, с мужчиной или с женщиной.

Церковные нормы постепенно распространялись и на светское законодательство. Это началось уже в поздней Римской империи. В 342 г. императоры Констанций и Констант запретили не то — если понимать текст закона буквально — однополые браки, не то вообще однополый секс; виновные подвергались «особому наказанию» (возможно, кастрации). В 390 г. император Феодосий I, в порядке борьбы с языческими культами, издал закон, по которому пассивная гомосексуальность в борделях наказывалась сожжением заживо. В 438 г. Феодосий II распространил эту кару на всех, уличенных в «пассивной» содомии, а Юстиниан в 538 и 544 гг. велел подвергать смертной казни всех участников подобных действий, независимо от сексуальной позиции. Тех, кто «был замечен в этой болезни» (трактовка ереси одновременно и как болезни характерна для средневековой ментальности), кастрировали и водили по улицам (Прокопий Кесарийский, 1991, с. 39). По судебнику Льва III и Константина V (741 г.), «виновные в нечистоте» подлежали оба «наказанию мечом», но если пассивный партнер был младше 12 лет, он освобождался от казни. По каноническому праву VII—X вв. мальчики, «сосуд» которых был «разбит», не могли быть рукоположены в священники или дьяконы; если же семя было «пролито» у них между бедер, то они могли принять церковный сан. Более поздняя версия этого закона предусматривала для мальчика моложе 15 лет порку и заточение в монастырь, потому что он «совершил это неумышленно» (Brundage, 1988, pp. 166—167).

Женской гомосексуальности церковники уделяли меньше внимания, чем мужской (Muggey, J. 1996). Хотя апостол Павел считал ее такой же отвратительной, как

содомия, а святой Иоанн Златоуст писал, что для женщин искать таких сношений даже более постыдно, «ибо они должны быть скромнее мужчин», церковные наказания за лесбиянство назначались реже, касались преимущественно монахинь и были сравнительно мягкими. По пенитенциалию Теодора, сексуальная связь двух женщин, как и «одинокый порок», каралась трехгодичным покаянием; замужние женщины наказывались строже вдов и девственниц, потому что их поступок был также прелюбодеянием. По другому источнику, совместная мастурбация наказывалась церковным покаянием и пребыванием на хлебе и воде в течение 38 дней; если женщины спали друг с другом, наказание продолжалось 40 дней; если при этом одна из женщин ласкала груди другой или «каталась на ней», к сорокадневному посту добавлялись 100 дней покаяния, а если у них происходило «истечение», покаяние продлевалось до двух лет.

Однополый любви приписывали всевозможные социальные несчастья и даже стихийные бедствия. По словам императора Юстиниана, именно «из-за таких преступлений возникают голод, землетрясения и мор» (Boswell, 1980, p. 171).

ОДНОПОЛАЯ ЛЮБОВЬ В СРЕДЕ РЫЦАРЕЙ

Каковы бы ни были церковные и светские законы, однополая любовь всегда имела какие-то социальные ниши. В раннем Средневековье ее главными убежищами были воинские братства (пережитки древних мужских союзов) и монастыри.

Германские племена, на территории которых возник западноевропейский феодализм, имели развитые воинские организации, где презиравось все женственное и действовали знакомые нам обряды мужских инициаций, включавших, возможно, и сексуальные контакты между старшими и младшими. У взрослых мужчин жестко табуировалась только рецептивная позиция. Одно из самых ругательных слов в старонорвежском языке, на котором написаны скандинавские саги, — *аргр* (*argr*) — обозначает мужчину, которого сексуально использовали как женщину. Этот акт покрывал мужчину несмываемым позором, зато тот, кому удалось, силой или хитростью, овладеть

врагом или соперником, приобретал почет и славу (Vanggaard, 1972; Jochens, 1996).

Изменить эту древнюю психологию было не так просто, да и сами условия воинской жизни, включая гендерную сегрегацию, благоприятствовали сексуальным контактам между мужчинами. Из всех так называемых варварских правд только принятый около 650 г. закон находившегося под сильным римским влиянием вестготского королевства (на территории Испании) запретил однополый секс, предусмотрев в качестве кары кастрацию обоих участников. В быту отношение к этому «пороку» и после христианизации долго оставалось снисходительным.

Феодалный рыцарский эпос, ставивший верную воинскую дружбу выше супружеской любви, имеет отчетливые, хотя и не выраженные прямо, гомоэротические тона. «Песнь о Роланде» (XII в.) рассказывает, что невеста рыцаря, красавица Альда, услышав о смерти своего суженого, тут же падает мертвой. Сам же умирающий Роланд не вспоминает о невесте, зато горько оплакивает своего друга, соратника и оруженосца Оливье. Гомосексуальные отношения были распространены в некоторых рыцарских орденах и иногда даже включались в их тайные обряды. В этом обвиняли, например, тамплиеров (храмовников); впрочем, суд над ними был далек от объективности — французский король Филипп IV Красивый просто позарился на богатства ордена; ни в одной стране, кроме Франции, где соответствующие признания были получены под жестокими пытками, эти обвинения не подтвердились (Gilmour-Bryson, 1996).

Содомия часто практиковалась среди молодых странствующих рыцарей, между рыцарями и пажами и т. д. По словам французского хрониста XII в., молодые странствующие рыцари «любили друг друга, как братья», но многие намекали на то, что их отношения были «нечистыми». Любовь к мальчикам упоминается в лирике трубадуров и в песнях странствующих студентов — вагантов. Часто вспоминали ее и в связи с «оседлыми» молодежными сообществами («мальчишники», «братства», «королевства шутов», «аббатства молодежи»). Однако соотношение гомоэротизма и гомосоциальности в этих сообществах, как и в любых других, проблематично (Bennett, 1999).

МОНАСТЫРИ

Самым массовым прибежищем и рассадником гомосексуальных отношений были, естественно, монастыри. Обет безбрачия и гендерная сегрегация делали их практически неизбежными, молодые монахи и послушники вольно и невольно вводили в соблазн старших и друг друга. Основатель одного из первых коптских монастырей (313) святой Пахомий постановил, что монахи не должны не только спать на одном матрасе, но даже сидеть вплотную друг к другу в трапезной. Его младший современник святой Василий писал: «Во время трапезы садись подальше от своего молодого брата; ложась отдыхать, не оставляй свою одежду рядом с его одеждой; лучше, если между вами ляжет старший брат. Когда молодой брат разговаривает с тобой или поет напротив тебя в хоре, отвечай ему с опущенной головой, чтобы ненароком не взглянуть пристально ему в лицо, чтобы злой сеятель не заронил в тебя семя желания, которое прорастет разложением и гибелью» (Boswell, 1980, p. 160).

О тех же опасностях говорят и позднейшие описания православных монастырей, в частности Афонского. «Да не наряжаются иноки в нарядные ряссы... Если имеют в обители юного, да одевают его всегда в ветхую рясу. Пусть юный не глядит в лицо и не смеется... Когда же с кем беседует, да приклоняет главу свою долу и так да отвечает... Да не моет он лица своего водою и да острижет кудри свои, чтобы они не свешивались у него на лицо, как у девицы, ибо эти проклятые кудри благоукрашают человека для воздвигания блуда». «Горе старцам, у которых ведут себя развратно подчиненные им послушники». «Пристрастие к послушникам есть главная причина невзыскательности старцев». «Чем виноват юноша, что ты, как животное и как жеребец, прельщаешься им, лаская его? Юный, видя твое прельщение им, начинает и сам ласкаться к тебе, потешаясь над тобой, как над глупой овцой, а ты не понимаешь сетей молодого и того, что он потешается над тобою, посмеиваясь над твоим увлечением» (Городецкий, 1998).

Советы подкреплялись запретами. Второй Турский собор (567) запретил монахам и священникам спать по двое в постели. Позже это правило было распространено и на

монахинь. Донат из Безансона (VII) запрещает монахине даже брать другую за руку и называть ее «девочкой» (за такое обращение обе получают по 40 ударов). Они должны спать отдельно, при свете и обязательно одетыми (Миггау, J. 1996, p. 196). Парижский (1212) и Руанский (1214) соборы запретили монахиням спать вместе и рекомендовали, чтобы в спальнях всю ночь горел свет. Увы, ничего не помогало!

В X в. настоятель аббатства Сен-Жермен де Прэ Аббон горько жалуется на всеобщий разврат. В середине XI в. фанатичный Петр Дамиан тщетно призывал папу Льва IX усилить борьбу с содомией. В начале XII в. архиепископ Кентерберийский святой Ансельм, отвечая на подобные же требования, разъяснял, что «этот грех стал таким распространенным, что почти никто даже не краснеет из-за него, и поэтому многие погружаются в него, не осознавая его серьезности» (Brundage, 1988, p. 543).

Гомозротические чувства и привязанности были самыми разными. У одних это были откровенно сексуальные связи, о которых светские молодые люди говорили с шутками и прибаутками. У других гомозротизм облекался в форму интимной страстной дружбы, сексуальная подоплека которой, возможно, не осознавалась ее участниками. Позже такие отношения стали называть «особенной дружбой».

Ученые монахи раннего Средневековья писали своим ученикам и коллегам любовные письма и стихи, называя друг друга символическими именами, вызывающими вполне определенные классические ассоциации; например, Алкуин называл одного из своих любимых учеников Дафнисом.

Настоятель монастыря в Рьеволксе (Англия) святой Аэльред (XII в.) в трактате «О духовной дружбе» осмелился даже перефразировать слова Иоанна Богослова, что «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге» таким образом: «Бог есть дружба, и пребывающий в дружбе пребывает в Боге, и Бог в нем». Но Иоанн Богослов имеет в виду христианскую любовь к ближнему вообще, Аэльред же подразумевает дружбу к конкретному человеку из плоти и крови, окрашенную всеми человеческими чувствами. «Когда я был еще школьником, — вспоминал Аэльред, — меня пленяло очарование моих друзей,

среди всех опасностей и слабостей этого возраста мой дух полностью подчинялся чувству и потребности любить. Ничто не казалось мне слаще, милее и достойнее, чем любить и быть любимым» (Boswell, 1980, p. 222).

Обет безбрачия не позволял Аэльреду любить женщин (даже если бы он был к этому способен), зато открыл его сердце для привязанности к молодым монахам. Хотя гомоэротический характер привязанностей Аэльреда и похожих на него людей очевиден, не всегда можно с уверенностью сказать — да и так ли это важно? — были ли их взаимоотношения только духовными или также телесными. В Средние века дистанция между неосознанным гомоэротизмом и гомосексуальностью была гораздо больше, чем сегодня. Люди могли не осознавать истинной природы собственных чувств и не допускать их телесной материализации. Потребность в эмоциональном тепле и психологической интимности была в монастырях настолько сильна, что нежные письма иногда писали даже незнакомым людям или тем, кого не видели годами (см. Ailes, 1999; Naseldine, 1999).

Но отнюдь не все церковники придерживались религиозных канонов. В X—XII вв. духовные лица (настоятель церковной школы в Шартре епископ Реннский Марбод; аббат, затем архиепископ Дольский Бодри де Бургей; ученик Пьера Абеляра Гилярий (Хилари) Англичанин и другие) создали на латинском языке целый жанр откровенно-эротической любовной лирики, обращенной к мальчикам и юношам. В послании «Анжуйскому мальчику» Гилярий воспекает его красоту и умоляет снизить к своим чувствам: «Как бы мне хотелось, чтобы ты пожелал денег!.. Ты напрасно думаешь, что такие отношения порочны. Это глупо, мальчик, быть таким несговорчивым». «Красивый мальчик, прекрасный цветок, сверкающий алмаз, если б ты только знал, что очарование твоего лица стало факелом моей любви», — закликает он другого адресата, «английского мальчика» (Boswell, 1980, pp. 370—374).

Сохранилось и несколько лесбийских текстов. Очарование лесбийской любви описывал трубадур конца XII в. Этьен де Фужер. Другой трубадур, Бьери де Роман, не то писал от имени женщины, не то в самом деле был таковой. Дошли до нас и любовные письма средневековых

монахинь: «Когда я вспоминаю поцелуи, которые ты мне давала, и как с нежными словами ты ласкала мои маленькие груди, я хочу умереть, потому что не могу увидеть тебя» (Boswell, 1980, p. 220).

Из более позднего времени (Италия начала XVII в.) до нас дошли интереснейшие материалы следствия по делу настоятельницы женского монастыря Бенедетты Карлини, которая утверждала, что имела сверхъестественные отношения с Христом и в то же время много лет находилась в любовной связи со своей молодой подопечной (Brown, 1986).

ГОНЕНИЯ НА СОДОМИТОВ

Хотя гомосексуальность считалась «неназываемой», ее существование в Средние века было секретом Полишинеля. Во многих средневековых городах (Париж, Шартр, Орлеан, Венеция, Флоренция и др.) полулегально существовали мужские бордели. Особенно славилась ими Флоренция, в Германии педерастов даже прозвали «флорентийцами». Обычными местами встреч были бани и парикмахерские. Продажных мальчиков на жаргоне называли «ганимедами», их поиск — «охотой», а сами гомосексуальные действия — «игрой».

Слабость к мужскому полу питали и многие люди, на которых ни церковные, ни светские законы практически не распространялись. Слухи такого рода ходили про английских королей Вильгельма II Рыжего, Ричарда I Львиное Сердце, Эдуарда II и Якова I, королей Франции Филиппа II, Иоанна II, Генриха III и Людовика XIII, германских императоров Фридриха II и Рудольфа II, Конрадина Сицилийского, римских пап Павла II, Сикста IV, Юлия II, Льва X, который, по слухам, даже умер в объятиях мальчика, Адриана VI, Юлия III и несчетного множества князей, кардиналов, архиепископов и прочих знатных и могущественных людей. Впрочем, некоторые из этих обвинений (например, в адрес Ричарда Львиное Сердце) весьма проблематичны.

Над державными содомитами смеялись, их постыдные слабости использовались для их дискредитации и свержения. Так случилось с Эдуардом II, которому посвящена знаменитая драма Марло и фильм Джармена (его история подробно описана также в романе Мориса Дрюона «Фран-

цузская волчица»). Сначала мятежные бароны вынудили его выдать им его молочного брата и любовника Пьера де Гавестона и, нарушив данное слово, убили его. Новый фаворит Эдуарда, Хью Деспенсер, был не столь бескорыстен, как Гавестон, вместе со своим отцом он завладел огромными богатствами. После того как Эдуард проиграл войну баронам и королеве Изабелле, Деспенсеры были казнены, а сам король тайно зверски убит (чтобы скрыть следы преступления, ему засунули в задний проход раскаленный железный прут).

Отношение церкви и светских феодалов к однополой любви зависело прежде всего от политических причин. Гонения на содомитов, как правило, усиливались в периоды политических и духовных кризисов, параллельно росту религиозной и прочей нетерпимости, или когда властям было нужно найти козла отпущения, чтобы разрядить народное недовольство. В XI—XII вв. римская курия довольно вяло реагировала на требования усилить борьбу за очищение нравов. Усиление преследования содомитов во второй половине XII в. было связано с политической атмосферой Крестовых походов: приписав собственный порок иноверцам-арабам, церковь тем самым укрепляла «христианскую солидарность» против общего врага. Если в раннем Средневековье содомия была просто одним из многих грехов, то в первой половине XIII в. ее приравнивают к ереси и демонизируют, позже расследование таких обвинений поручается только что созданной «святейшей инквизиции».

К репрессивной политике подключается и государство. Во второй половине XIII в. антисодомитские законы были приняты в большинстве европейских государств. В Англии сожжение содомитов ввел Эдуард I, во Франции — Людовик IX. В Кастилии по законам Альфонса X содомия наказывалась кастрацией и затем повешением за ноги до наступления смерти; в конце XV в. Фердинанд и Изабелла заменили эту казнь сожжением. Такое же законодательство вводится во многих итальянских городах. Таким образом, «грех» стал ересью, а затем и уголовным преступлением.

Чем расплывчатее были формулировки законов, тем легче их было применять. В 1481 г. один венецианский рыбак был обезглавлен за «частую содомию с собственной

женой». Наказание дифференцировалось в зависимости от возраста преступников. В XIV—XV вв. в некоторых итальянских городах стали наказывать не только взрослых, но и мальчиков.

Сколько людей стали жертвами репрессий? По современным меркам, немного. Во Франции с 1317 по 1789 г. состоялось 73 «содомитских» процесса и было сожжено 38 человек (Lever, 1985). Из 30 тысяч дел, расследованных португальской инквизицией, обвинение в «неназываемом пороке» содержалось в 900, однако содомия могла быть и гетеросексуальной; кроме того, к некоторым категориям преступников, например подросткам, проявляя снисхождение, так что сожжено было «всего» 50 человек.

В Италии, где подобными делами занимались светские власти, наказания были не столь суровыми. Флоренция эпохи Возрождения была настоящей Меккой однополой любви (Roske, 1996). Мальчиковая проституция и любовные отношения между мужчинами и мальчиками считались обыденным делом. С 1432 по 1502 г. флорентийские архивы сохранили 17 тысяч доносов по поводу содомии (на 40 тысяч населения!), но только 3 тысячи допрошенных были признаны виновными. Во Флоренции с 1348 по 1461 г. состоялось 50 процессов о содомии и было вынесено 10 смертных приговоров, из них 7 — за гомосексуальные действия, во всех семи случаях содомия сопровождаласьотягчающими обстоятельствами, вроде грабежа, изнасилования и т. п. С 1432 г. смертный приговор за содомию мог быть вынесен, только если виновный был уличен не менее пяти раз; первые четыре раза наказывались денежными штрафами, причем требовалось признание обвиняемого или свидетельство двух очевидцев.

В Венеции между 1348 и 1368 г. в содомии были уличены 9, а между 1448 и 1469 г. — 110 человек. Некоторые из этих дел были групповыми. Из 3592 дел, рассмотренных венецианской инквизицией, на долю содомии приходилось только 16. В 1467 г. венецианское правительство специальным эдиктом обязало врачей, цирюльников и прочих лекарей сообщать властям обо всех случаях анальных повреждений у мужчин и женщин, однако «пассивный» партнер считался значительно менее виновным, чем

«активный», а мальчики моложе 14 лет вообще не наказывались (Ruggiero, 1985). А во Фриули, Неаполе и Сицилии таких процессов не было вовсе.

Зато в Испании костры инквизиции полыхали вовсю. В одной только Севилье между 1578 и 1616 г. было сожжено 52, в Валенсии (приблизительно за то же время) — 17, в Сарагосе — 34, в Барселоне — всего двое (Perry, 1989). Многое зависело от местных условий и прилежания властей. Парижский парламент между 1565 и 1640 г. рассмотрел 176 дел о содомии, а в лионском суде их не было вовсе.

Если сравнить эти цифры с тем, что в Англии между 1500 и 1700 г. было казнено 5 тысяч ведьм (Gilbert, 1995, р. 299), преследование содомитов выглядит сравнительно умеренным. Но на самом деле жертв было много больше. Каждый процесс, который вела инквизиция, сопровождался пытками, которым подвергались не только обвиняемые, но и многочисленные свидетели. Плюс общественное мнение.

Драконовские законы были не только средством сохранения идеологической монополии церкви и ее собственной самозащиты, но и отражали влияние консервативных народных масс. В сознании простых и необразованных людей содомия, как и все прочие сексуальные изыски, была проявлением общей развращенности и безнравственности правящих верхов. Внимание сосредоточивалось исключительно на внешних признаках. Почти все выпады против засилья «грязных катамитов» при английском королевском дворе в XI—XII вв. концентрировались на женственной внешности, манерах и одежде молодых дворян. Особенно бурные страсти вызывали длинные волосы. Ношение длинных волос само по себе не было ни новомодным, ни «женственным». У германских племен раннего Средневековья длинные волосы считались символом мужской силы и могущества. Однако в XII в. длинные волосы стали считать признаком изнеженности и продуктом норманнского влияния; некоторые священники не только осуждали их в пламенных проповедях, но и, если представлялась возможность, собственноручно стригли королей и лордов.

В отношении к содомитам ярко проявлялась сословная ненависть. Облекая свою зависть к аристократии в форму

борьбы за нравственное очищение и обновление, средневековые горожане были гораздо нетерпимее циничных князей церкви. Рост влияния этого класса везде и всюду сопровождался усилением репрессий. Протестантские церкви были в этом отношении ничуть не либеральнее католической. Взаимные обвинения в содомии — один из самых распространенных «аргументов» в спорах между протестантами и католиками в XVI в.

«КРАСИВЫЙ ПОРОК»

Положение и репутация однополый любви заметно улучшились в эпоху Возрождения. Гуманисты распростирали на нее общую реабилитацию тела и плоти. В ренессансной системе ценностей однополая любовь — не преступление, а «красивый порок» (*le beau vice*), о природе которого можно говорить и спорить. Марсилио Фичино, Мишель де Монтень и Эразм Роттердамский, вслед за Платоном, утверждали, что некоторые мужчины от природы предрасположены больше любить юношей, чем женщин. Хотя формально содомия оставалась преступлением, многие смотрели на нее сквозь пальцы или с юмором, а некоторые даже бравировали ею. В одной из новелл «Декамерона» муж, застав у своей жены юного любовника, вместо положенной сцены ревности заставил молодого человека развлекаться втроем всю ночь, так что наутро юноша не знал, кто с ним забавлялся больше — жена или муж (Боккаччо, 1928, с. 582—583).

Бенвенуто Челлини (1500—1571) дважды, в 1527 и 1557 гг., привлекали к суду за связи с мальчиками, причем во второй раз он был вынужден признаться и приговорен к штрафу и четырем годам тюрьмы. Однако он не только избежал тюремного заключения, но и продолжал пользоваться покровительством высоких лиц и выполнять заказы князей церкви. Когда его враг и соперник Баччо Бандинелли в присутствии герцога Медичи обозвал его «содомитищем», Челлини ответил: «...Дал бы Бог, чтобы я знал столь благородное искусство, потому что мы знаем, что им занимался Юпитер с Ганимедом в раю, а здесь на земле им занимаются величайшие императоры и наибольшие короли мира. Я низкий и смиренный человек, который и не мог бы, и не сумел бы вмешиваться в столь

дивное дело» (Челлини, 1958, с. 418). Это заявление было покрыто общим хохотом.

Бисексуальный художник явно поскромничал. По его собственным публичным признаниям, он всю жизнь увлекался мальчиками. В юности он «завел общение и теснейшую дружбу» со своим сверстником Франческо Липпи (внуком великого живописца). «От частого общения у нас родилась такая любовь, что мы ни днем, ни ночью никогда не расставались...» С другим юношей, Пьеро Ланди, «мы любили друг друга больше, чем если бы были братьями». При расставании Пьеро «плакал, не переставая, и дал мне десять золотых скудо, а я попросил его вырвать мне несколько волосиков с подбородка, которые были первым пушком». В Риме у Бенедетто возникла «страстная любовь», «какая только может вместиться в груди у человека», к четырнадцатилетнему ученику Паулино; это был «самый благовоспитанный, самый милый и самый красивый ребенок, которого я когда-либо в жизни видел». Даже Христос снился Челлини «в виде юноши с первым пушком» (Челлини, 1958, с. 50—51, 59, 67, 279).

Художник Джованни Бацци (1477—1549) даже налогово-ые декларации подписывал своим прозвищем Содома, под которым и вошел в историю живописи. Английский поэт и драматург Кристофер Марло (1564—1593), по словам приставленного к нему тайного осведомителя, говорил, что «кто не любит табака и мальчиков — дураки». А герой рассказа флорентийского писателя Маттео Банделло (1485—1561) на упреки духовника, что он скрыл на исповеди свои гомосексуальные приключения, ответил: «Развлекаться с мальчиками для меня естественнее, чем есть и пить, а вы спрашивали меня, не согрешил ли я против природы!» (Saslow, 1989).

В ренессансной Италии, как и в Средние века, различали разные типы однополой любви и сексуальности. Первым и важнейшим водоразделом была сексуальная позиция. Мужчины, которые любили мальчиков, как женщин, не выделялись в особую категорию, это считалось нормальным мужским поведением. Напротив, женственных и «пассивных» мужчин презрительно называли «катамитами», «кинедами», «андрогинами» или «гермафродитами», и это считалось постоянным состоянием.

Споры вызывало соотношение телесных и духовных аспектов любви. Многие гуманисты, например Монтень, осуждают педерастию и содомию, но воспевают мужскую дружбу, ставя ее значительно выше любви к женщинам (дружбу Монтеня с Этьеном де Ла Бозси многие биографы считают гомоэротической). Мужская дружба занимает одно из центральных мест в гуманистической системе ценностей. Поскольку вопрос об ее возможной, хотя и не обязательной, эротической подоплеке оставался деликатным, такие отношения предпочитали называть «сократической дружбой» или «платонической любовью», считая их, по умолчанию, духовными (иногда они таковыми и были) и оказывая им всяческое уважение (Dall'Orto, 1989).

Итальянские гуманисты Пико делла Мирандола и Джироламо Бенивьени даже похоронены в одной могиле. В музее Фицвильямса в Кембридже можно увидеть написанные Карло Дольчи портреты сэра Джона Финча (1626—1682) и Томаса Бейнса (1622—1681). Подружившись мальчиками в Кембридже, они прожили вместе всю жизнь (когда Финч уехал в Италию, Бейнс последовал за ним) и даже похоронены рядом. В церкви их родного Крайст-колледжа им поставлен общий мраморный памятник с трогательной латинской эпитафией, прославляющей их верную дружбу, в которой современники не видели ничего предосудительного.

Более откровенным эвфемизмом было распространенное в итальянском, французском и английском языках XVI—XVII вв. выражение «мужская любовь». Иногда употреблялось выражение «мужской разговор» (*masculine conversation*); слово «разговор» вообще нередко имело сексуальный смысл (Cady, 1992; Forker, 1996).

Многих гениев итальянского Возрождения подозревали или обвиняли в сексуальных связях с мальчиками и молодыми людьми. В большинстве случаев доказать или опровергнуть эти обвинения одинаково трудно: о личной жизни художников сохранилось слишком мало свидетельств, а истолкование творчества — дело довольно субъективное.

О флорентийском скульпторе Сандро Донателло (1386—1466) достоверно известно только то, что он предпочитал брать в ученики красивых мальчиков и по поводу его отношений с ними всегда ходили сплетни и анекдоты,

на которые веселый и жизнерадостный художник не обращал внимания. Две его знаменитые скульптуры «Давид» и «Святой Георгий» многим кажутся гомоэротическими. «Давид» Донателло выглядит не библейским героем, а кокетливым андрогинным подростком, странным образом сочетающим мускулистые руки с женственной мягкостью и округлостью бедер; его эротическая соблазнительность еще больше подчеркивается экзотической шляпой и высокими сапогами. Ни до, ни после Донателло никто Давида таким не изображал. Что же касается «Святого Георгия», то в XVI в. на его счет во Флоренции ходила непристойная шуточная поэма, автор которой называет статую «мой красивый Ганимед», расхваливает его телесные прелести и заявляет, что «такой красивый мальчонка» был бы идеальной заменой реального любовника: правда, им можно только любоваться, зато не будет ни измен, ни сцен ревности (Janson, 1967, p. 25).

На Сандро Боттичелли (1445—1510) в 1502 г. был написан анонимный донос, в котором его обвиняли в содомии с одним из его подмастерьев, но художник обвинения категорически отрицал, и власти даже не начали по этому делу следствия.

Имя Леонардо да Винчи (1452—1519) фигурировало в списке клиентов 17-летнего проститута Сантарелли, против которого в 1476 г. во Флоренции было заведено уголовное дело, но сам художник, как и прочие клиенты Сантарелли, вопреки тому, что написано в большинстве книг по истории гомосексуальности, ни в чем не обвинялся. Один автор XVI в. писал, что Леонардо любил исключительно мальчиков-подростков не старше 15 лет, но это не доказано.

В отличие от большинства своих современников, Леонардо тщательно оберегал свою личную жизнь от посторонних взоров. Близких женщин у него не было. Многолетним спутником жизни художника был подобранный им в Милане красивый юноша Салаи, который был одновременно его учеником, слугой и подмастерьем. Подобно многим мальчикам этого типа, Салаи был нечист на руку и в конце концов оставил Леонардо, тем не менее мастер любил его и завещал ему крупную сумму денег. После ухода Салаи художник взял к себе в дом юношу благородного происхождения Франческо Мельци, который был

ему чем-то вроде сына, последовал за ним во Францию, оставался с ним до самой смерти Леонардо и унаследовал его огромный архив. О характере отношений художника с Салаи и Мельчи ничего достоверно не известно, они вполне могли оставаться патерналистски-платоническими, тем более что и в творчестве Леонардо очень мало чувственного, оно выглядит асексуальным.

Микеланджело Буонарроти (1475—1564), в отличие от Леонардо, отличался страстным характером. В молодости он дважды подвергался гомосексуальному шантажу и научился осторожности. Когда отец одного юноши, желая пристроить сына учеником к великому мастеру, предложил художнику использовать его в постели, тот с негодованием отверг это предложение. Была ли эта реакция искренней или демонстративной, мы не знаем. Некоторые исследователи считают, что Микеланджело вообще избегал физического секса, будь то с женщинами или с мужчинами. Однако Микеланджело-художник определенно предпочитал мужскую наготу женской, а в его любовных сонетах, посвященных преимущественно мужчинам (при их публикации в 1623 г. внучатый племянник Микеланджело фальсифицировал их, заменив местоимения мужского рода на женские) явно присутствуют гомоэротические мотивы.

Источником вдохновения для немолодого, а по тогдашним представлениям старого (в момент их первой встречи ему было 57 лет) художника была многолетняя страстная любовь к 23-летнему римскому дворянину Томмазо де Кавальери, которому Микеланджело дарил рисунки и посвящал любовные стихи; учитывая сословную и возрастную разницу между ними, это чувство, скорее всего, оставалось платоническим. Большинство современных исследователей склонны считать Микеланджело гомо- или, по крайней мере, бисексуалом.

Такие же подозрения существуют относительно Микеланджело Меризи да Караваджо (1571—1610), который рисовал нежных женственных мальчиков (эрмитажного «Лютниста» и «Торговца фруктами» из галереи Боргезе искусствоведы долго принимали за девочек) и с именем которого связано несколько громких скандалов. Впрочем, и здесь не все ясно (Gilbert, 1995; Puglisi, 1998).

С кем спали и кого любили художники Возрождения, в общем-то не так уж важно. Существенно то, что, реа-

билитируя человека, они реабилитировали также и гомосексуальное желание и создали замечательные образы обнаженного мужского тела, которые стали идеалом для последующих поколений.

КОРОЛИ И ФАВОРИТЫ

Ренессансное отношение к «красивому пороку», отчасти сохранившееся в елизаветинской Англии и во Франции XVII в., было сугубо верхушечным, элитарным, типичным для аристократической и богемно-артистической среды, где нормы официальной морали не действовали. Если красивая внешность открывала юноше путь в мастерскую великого художника или в королевскую опочивальню, с какой стати он стал бы упускать такую возможность? Тем более что это вовсе не было альтернативой семье и браку.

Институт фаворитов, приближенных к королю не столько по праву знатного происхождения и политической лояльности, сколько на основе личной преданности, был нормой придворной жизни XVI — XVII вв. Иногда эти отношения имели гомоэротический характер. Юные миньоны Генриха III Французского, начинавшие свою придворную карьеру в 17—18 лет, которым близость к королю давала власть и деньги и о женственности которых парижане распевали сатирические куплеты, были завзятыми дуэлянтами и с успехом волочились за придворными дамами (один из них, де Сен-Мегрен, был даже убит за то, что соблазнил герцогиню де Гиз). Генрих III называл их «моя дорогая банда» и писал де Келюсу: «Малыш, я целую твои руки и обнимаю тебя» (Le Roux, 2000, с. 282). Но точно такие же фавориты были и у гетеросексуальных монархов (Solnon, 2001).

Явные и скрытые содомиты пользовались большим влиянием при дворе Людовика XIII (1601—1643) (Lever, 1985; Oresko, 1989). Сам король с детства боялся женщин, по контрасту с отцом, известным женолюбом Генрихом IV, его прозвали «Людовиком целомудренным». Его брак с Анной Австрийской был реализован с большим трудом, после нескольких неудачных попыток, в дальнейшем ей пришлось утешаться с кардиналом Мазарини. Фаворитами Людовика XIII последовательно были принц

Шарль д'Альбер де Люинь, которым король увлекся, будучи 10-летним мальчиком, юный паж Франсуа де Баррада, Клод де Сен-Симон (отец будущего знаменитого мемуариста), получивший от Людовика герцогский титул, и, наконец, 18-летний красавец маркиз Анри де Сен-Мар, которого сам кардинал Ришелье подобрал королю для укрепления своего влияния, но Сен-Мар неосмотрительно изменил своему покровителю и окончил жизнь на плахе (его сильно идеализированной судьбе посвящен одноименный роман Альфреда де Виньи). Открытыми содомитами были родной брат короля герцог Гастон Орлеанский, сводный брат герцог Сезар де Вандом, принцы из дома Бурбонов отец и сын де Конде, маршал де Грамон и его сын граф де Гиш, герцог де Бельгард, кардинал Людовик де Гиз и многие другие вельможи.

Наличие влиятельных покровителей позволяло французским «либертинам», как осудительно называли сторонников свободной, не признающей религиозных ограничений гедонистической морали, не только удовлетворять свои сексуальные склонности, но и создавать тайные сети дружеских связей, основанных на общности эротических вкусов (Lever, 1985).

Возникает нелегальная, но и не совсем подпольная гомосексуальная субкультура и традиция. Сборник гомоэротических стихов Теофиля де Вьо (1590—1626), которого много лет преследовали за связь с юным, на девять лет младше его, Жаком Валле де Барро, переиздавался в XVII в. 93 раза! Де Барро, также поэт и вольнодумец, прозванный «вдовой Теофиля» и «королем Содомы», в свою очередь, передал эстафету собственному возлюбленному, поэту Дени Сангену де Сен-Павену (1595—1670).

«Король-Солнце» Людовик XIV, в отличие от своего отца, любил исключительно женщин, но что он мог сделать со своими родственниками и приближенными? Младший брат короля герцог Филипп Орлеанский обожал носить женское платье на балах и карнавалах (в детстве его так наряжали взрослые) и не скрывал своих любовных отношений с графом де Гишем и шевалье де Лоррэнном, что не мешало ему быть успешным полководцем, вызывая у короля жгучую зависть. Периодически по поводу «нравов» «Мсье», как титуловали брата короля, и его окружения возникали громкие скандалы. В 1678 г. несколько знат-

ных молодых людей (де Гиш, де Граммон и др.) создали тайный орден, члены которого приняли обет полного воздержания от женщин, кроме как для продолжения рода. Вступлению в орден предшествовал обряд инициации, включавший интимный осмотр тела новичка магистрами. В 1681 г. в орден вступил 18-летний внебрачный сын короля и Луизы де Лавальер, адмирал Франции граф де Вермандуа, который не только все разболтал своим многочисленным друзьям, но и пригласил присоединиться к ордену 16-летнего красавчика и ловеласа принца де Конти. Разгневанный король приказал выпороть графа де Вермандуа в своем присутствии и отправил в ссылку; Конти был отправлен к семье в замок Шантильи, остальные получили выговоры.

Но молодые аристократы продолжали свои дебоши. Однажды, возвращаясь из борделя, «пьяные как свиньи», они попытались изнасиловать приглянувшегося им юного торговца, а когда тот оказал сопротивление, один из нападавших выхватил шпагу и отсек юноше половые органы, после чего хулиганы убежали, оставив жертву истекающую кровью. Дело дошло до короля, но наказание было мягким: юный герцог де Ла Ферте получил от короля выговор, министр Кольбер публично выпорол своего сына, а маркиза де Бирана отец срочно заставил жениться.

Вообще знатные люди предпочитали защищать своих отпрысков. Когда в 1722 г. престарелый маршал де Вильруа по собственному почину добился удаления от двора своего внука маркиза д'Алинкура, который вместе с молодым герцогом де Буфлером пытался прямо в парке «содомизировать», с его полного добровольного согласия, третьего юного аристократа, при дворе осуждали не внука, а деда. Племянник маршала принц Шарль Лотарингский сказал ему: «Мсье, не следует дисциплинировать своих детей с помощью короля, для этого есть другие способы; лично я не стал бы ничего предпринимать по такому поводу» (Oresko, 1989, p. 109).

Между прочим, эти распутные молодые дворяне были отличными воинами. Военный министр Людовика XIV Лувуа в беседе с королем даже выдвигал в их защиту довод, что содомиты охотно идут в армию, а будь они устроены иначе, они предпочитали бы сидеть дома с женами и любовницами.

Содомитами, причем некоторые — исключительно «пассивными», были знаменитейшие полководцы XVII в: великий Конде, маршал Вандом, который подставлял свой зад буквально всем желающим, не различая чинов и званий, его брат приор Вандомский, маршал д'Юксель, маршал герцог де Вильяр, маршал Тюренн. Прославленный военачальник принц Евгений Савойский с детства отличался женственностью и настолько легко отдавался всем желающим молодым мужчинам, что его прозвали «мадам путана». «Женственные» в постели, эти люди были мужественны в бою и во всем остальном. Хотя на их счет ходила масса скабрёзных песенок и шуток, в них сквозило не осуждение, а смех. А то, что протестительно маршалам, подавно не зазорно для связанных обетом безбрачия кардиналов и епископов или всеми не любимых крючкотворов-юристов.

В конце XVII в. во Франции распространялось множество скабрёзных стихов и эпиграмм, сравнивавших «любовь к женщинам» и «любовь к собственному полу» не столько по полу партнеров, сколько по предпочитаемым отверстиям. На официальном языке такие отношения именовались «грехом», «пороком» или «извращением», в быденной же речи их чаще называли «любовью к мальчикам», «греческой», «философской», «сократической», «итальянской» или «флорентийской» любовью, «страстью», «склонностью», «вкусами» или просто «нравами». Из-за особой распространенности «нравов» среди католического духовенства их иронически называли «апостолами ануса», их невидимое сообщество — «братством», «орденом» или «конгрегацией», а самую анальную пенетрацию — «обрядом». Глагол «содомизировать» иногда заменяли словом «лойолизировать», по имени основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы, сомнительную сексуальную репутацию которого язвительно обыгрывал Вольтер.

Однако шутить на эти темы могли только привилегированные. В Европе XVII—XVIII вв. содомия была словесным, классовым преступлением. Анализ французских судебных дел и архивов показывает, что сжигали как еретиков и сажали в тюрьмы исключительно простых людей: текстильщиков, каменщиков, пастухов, парикмахеров, рабочих, виноделов, торговцев (Rey, 1989). Эти люди не умели говорить возвышенно, не называли секс «сократи-

ческой дружбой», да и сама судебная процедура не способствовала лирическим излияниям. Но иногда со страниц пожелтевших хроник встают трогательные истории настоящей любви. В венецианском архиве сохранилось, например, судебное дело арестованных в 1357 г. двоих гондольеров: они жили вместе несколько лет, имели общее дело, а на допросах оба лгали, пытаясь выгородить не себя, а другого, любимого...

Сходным образом обстоит дело в Англии (Bray, 1982; Bredbeck, 1991; Smith, 1991; Summers, 1992). Закон 1533 г. и елизаветинский закон 1562—1563 гг., каравшие акт содомии между мужчинами смертной казнью, применялись к аристократам, только если против них были какие-то более серьезные религиозные или политические обвинения. Содомия была скорее поводом, чем причиной преследований. В 1540 г. лорд Хангерфорд был обезглавлен за то, что несколько лет «содомизировал» своих слуг, но его обвиняли также в измене и ереси. Когда же в 1541 г. в сексуальных связях с учениками и собственным слугой был уличен влиятельный директор знаменитой аристократической Итонской школы Николас Юдалл, его тихо, не лишив церковных званий, освободили от должности, а позже назначили директором другой церковной школы, Винчестерской. Елизаветинские вельможи охотно и небескорыстно покровительствовали смазливому молодым актерам, игравшим женские роли.

Слабость к мальчикам отличала философа Фрэнсиса Бэкона (1561—1626) и его старшего брата лорда Энтони (1558—1601). Об этом сохранились прямые свидетельства их матери, леди Бэкон, которую склонности сыновей сильно огорчали, но для современников это не имело большого значения. Как писал о Фрэнсисе Бэcone (его судейская должность и титул лорда-канцлера казались важней его философских сочинений) один современник, «он был педерастом. Его Ганимеды и фавориты брали взятки, но его лордство всегда судил *secundum aequum et bonum*» (по закону и справедливости) (Rowse, 1977, p. 68; Norton, 1992).

Непреодолимую склонность к молодым людям питал и сам король Яков I (1566—1625) (Norton, 1992), сын Шотландской королевы Марии Стюарт, который унаследовал эту особенность от своего отца, задушенного заговорщи-

ками, когда тот находился в постели со своим любимым пажом. Провозглашенный королем Шотландии под именем Якова VI мальчик получил хорошее образование, но испытывал острый дефицит в любви. Его мать была занята любовниками и политическими интригами, а грубые шотландские лорды старались урезать королевскую власть. Когда в Шотландии появился его старший (на 20 лет) французский кузен Эсме Стюарт, тринадцатилетний Яков без памяти влюбился в него, назначил лордом-канцлером, дал титул герцога Леннокса. Однако могущественные шотландские лорды, не желавшие делиться узурпированной ими властью, захватили юного короля и, невзирая на его слезные мольбы, заставили под угрозой смерти изгнать фаворита. Король смирился с поражением, научился политическому лавированию, женился на датской принцессе (она осталась единственной женщиной в его жизни) и благополучно произвел на свет нескольких детей, обеспечив тем самым престолонаследие.

Однако его вкусы не изменились. Унаследовав после смерти Елизаветы I английский престол, Яков стал приближать к себе и осыпать милостями красивых молодых людей. Юный шотландец Джеймс Хэй, получивший титул графа Карлайла, не особенно лез в государственные дела и оставил по себе добрую славу в народе благодаря своему добродушию и феноменальной расточительности. Его преемник, Филипп Герберт, удостоенный титула графа Монтгомери, также известен лишь долгами, которые были оплачены из королевской казны. Следующий фаворит, широкоплечий и длинноногий шотландец Роберт Кэрр, занимавший скромную должность пажа, обратил на себя благосклонное внимание короля благодаря несчастному случаю — в присутствии короля юноша упал с лошади и сломал руку. Очарованный молодым человеком король сделал его своим постельником и лордом Рочестером, а позже, чтобы помочь своему любимцу жениться на представительнице одного из знатнейших британских родов, дал ему громкий титул графа Сомерсета. Однако новоиспеченный граф оказался слишком честолюбивым, запутался в придворных интригах, попал под суд по делу об организованном его женой отравлении и был приговорен к смертной казни, но, по милости короля, отделался несколькими годами заключения в Тауэре.

Чтобы избежать новых неприятных неожиданностей, придворные приискали королю английского дворянина хорошего рода, двадцатидвухлетнего красавца Джорджа Вильерса, получившего титул графа, а затем герцога Бекингема. С помощью многочисленной хищной родни Бекингом управлял Англией до самой смерти Якова I.

Разумеется, Яков I не считал себя содомитом. В своем политическом трактате *Basilicon Doron* (1610) он называет содомию одним из самых «ужасных преступлений», которые монарх никогда не должен прощать. Свои нежные чувства к молодым мужчинам он считал одновременно супружескими и отцовскими. Однажды король сравнил свои отношения с Бекингом с отношением Христа к его любимому ученику: «У Христа был его Иоанн, а у меня есть мой Джордж» (Fogker, 1994, p. 88). В письме Бекингу Яков выражается так: «...Я хочу жить только ради тебя и предпочел бы быть изгнанным в любой конец земли вместе с тобой, чем жить печальной вдовой жизнью без тебя. И да благословит тебя Бог, мое сладкое дитя и жена, чтобы ты всегда был утешением моему дорогому папе и супругу» (Norton, 1992). Мысль о том, что такое совмещение ролей кровосмесительно, очевидно, не приходила благочестивому и богословски образованному «защитнику веры» в голову. Зато его подданные, особенно пуританские проповедники, нередко сравнивали Якова I с Эдуардом II.

ГОМОЭРОТИКА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. ШЕКСПИР

Официальная «неназываемость» содомии не исключала наличия обширной художественной литературы, прямо или завуалированно описывающей и поэтизирующей «мужскую любовь». Кроме творчества Кристофера Марлоэ эти чувства особенно рельефно выступают в пасторальных Ричарда Барнфилда (1574—1627) и Эдмунда Спенсера (1552—1599). Пасторальный жанр открывал большие возможности для описания нежных отношений между мужчинами, которые в обыденной жизни вызвали бы насмешки или подозрения. Иногда символичен сам выбор имен. В пасторали Барнфилда «Нежный пастух», рассказывающей о безответной любви пастуха Дафниса к мальчику Ганимеду, литературоведы узнают отношения само-

го поэта и одного из его соучеников по Оксфорду. Читателям XVII в. этот элегантный гомоэротизм нравился, но в начале XIX в. его стали считать «извращенным».

Больше всего споров вызывает, разумеется, Шекспир. Биографы до сих пор спорят о характере взаимоотношений драматурга с его знатным покровителем, молодым красавцем графом Саутхэмптоном, которому предположительно посвящены многие шекспировские сонеты. Поскольку достоверных данных о жизни Шекспира нет, биографы стараются извлечь максимум возможного из его произведений. Если принять шекспировские сонеты, написанные от первого лица, за личную исповедь, то поэт явно бисексуален:

На радость и печаль, по воле рока,
Два друга, две любви владеют мной:
Мужчина светлокудрый, светлоокий
И женщина, в чьих взорах мрак ночной.

Сонет 144, пер. С. Маршака

По мнению шекспироведов, первые 126 сонетов адресованы молодому, моложе автора, мужчине благородного происхождения, а последние 28 — черноволосой женщине, возлюбленной автора. Сонеты, обращенные к «смуглой леди», откровенно чувственны. Эротическая привязанность поэта к молодому мужчине менее очевидна: так как многие ключевые слова имеют несколько разных значений, один и тот же сонет можно прочесть и как романтически-дружеский, и как сексуально-эротический (в переводе эта игра слов полностью утрачивается). По всей вероятности, Шекспир имел в виду и то, и другое.

«Мужская любовь» в его понимании не исключает возможности параллельной любви к женщине, и эта раздвоенность не переживается как нечто трагическое, непреодолимое. Две любви просто существуют в разных плоскостях:

Тебя природа женщиною милой
Задумала, но, страстью пленена,
Она меня с тобою разлучила,
А женщин осчастливила она.
Пусть будет так. Но вот мое условие:
Люби меня, а их дари любовью.

Сонет 20, перевод С. Маршака

В отличие от сонетов, в шекспировских пьесах нет явной гомоэротики, но она присутствует там в понятных для современников Шекспира образах верной мужской дружбы, влюбленных друг в друга одиноких пастухов, потерявших кораблекрушение и переодевающихся в женское платье юношей, влюбленных в мальчиков мужчин, в виде прямых «андрогинных» шуток и т. д. Разная публика могла найти у Шекспира именно то, что ей было нужно.

МОЛЛИ И ЛИБЕРТИНЫ

Веселая содомия и бисексуальность представлены и в английской культуре эпохи Реставрации и первой половины XVIII в. (см. Rousseau, 1990; Trumbach, 1977, 1989). Пример вольного отношения показывал королевский двор. Родоначальник Оранской династии Вильгельм III (1650—1702) вообще не интересовался женщинами, самым близким к нему человеком был его бывший паж Вильям Бентинк, которого король награждал титулом графа Портленда; приписывали ему и нескольких других молодых любовников. Его жена, королева Мария, если верить придворным сплетням и сатирическим памфлетам, относилась к увлечениям мужа равнодушно и решительно предпочитала мужскому обществу женское. Королеву Анну связывали сложные многолетние любовно-дружеские отношения с герцогиней Мальборо.

Лондон конца XVII в. был европейской столицей мужской проституции. При этом отчетливо различаются два разных типа содомитов: бисексуальные, агрессивно-маскулинные либертины и женственные, пассивные «молли» (mollies — один из многочисленных жаргонных терминов, обозначающих проституток), обитатели мужских борделей, носящие женское платье, имеющие женские клички, собственный диалект и т. д.

Главный признак либертинов — не особая сексуальная ориентация, а общая распущенность и отрицание морали. Либертины, например Джон Уилмот, граф Рочестер (1647—1680), считали бисексуальное поведение абсолютно нормальным, даже не пытаясь его закамouflировать. Они считались одинаково опасными для девочек и мальчиков. Напротив, «молли» образовывали нечто вроде гетто, вербовали соответствующую клиентуру, и на них периодичес-

ки охотилась полиция. Это была первая в новое время городская гомосексуальная субкультура, точнее — подполье.

В то же время некоторые носители однополый любви не принадлежали ни к той, ни к другой категории. Это были всеми уважаемые политики и писатели, связанные друг с другом гомоэротической дружбой, которая завязывалась в школе или в университете и нередко продолжалась всю жизнь, как дружба известного поэта Томаса Грэя (1716—1771) и писателя Хораса Уолпола (1717—1797). В свете об этих отношениях знали, но, если повода для скандала не было, сплетничать о них было неприлично. Сословная солидарность и закрытые мужские клубы помогали британским аристократам не выносить ссор из избы.

Сословно-классовый подход к однополый любви существовал и в других европейских странах. В Пруссии XVIII в. содомитам отсекали голову, а трупы сжигали, причем король Фридрих Вильгельм I самолично проверял все приговоры по таким делам, отклоняя любые доводы судей в пользу снисхождения. Но судебная практика была разной. В 1729 г. 30-летний пекарь Эфраим Остерман, признавшийся в том, что дважды «отсосал» у 19-летнего подмастерья Мартина Келера, который вскоре после этого умер и смерть приписали «истощению из-за неестественной потери семени», был приговорен к смерти. А барон фон Аппель, которого собственные крестьяне дважды обвиняли в том, что он насильно содомизировал их, оба раза был оправдан, обвинителей же выпороли за клевету (Steakley, 1989).

По иронии судьбы, сыновья Фридриха Вильгельма I, будущий Фридрих II Великий (1712—1786) и принц Генрих Прусский (1726—1802), тоже питали склонность к мужчинам. Кронпринц Фридрих в юности был весьма милостивым, любил французскую литературу и искусство, играл на флейте и завивал волосы. Солдафон-король ненавидел «женственного» сына, оскорблял и даже бил его. Юный Фридрих пытался бежать из дома со своим другом лейтенантом фон Катте, но заговор был раскрыт и фон Катте обезглавлен на глазах Фридриха, который при этом ужасном зрелище потерял сознание и потом мучился галлюцинациями. Вступив на трон в 1740 г., Фридрих сразу же расстался, не доводя до развода, с навязанной ему женой и поддерживал теплые отношения с молодыми мужчинами; впрочем, на государственные дела они не

влияли. При всей своей воинственности, Фридрих II был одним из самых просвещенных монархов эпохи абсолютизма. Гомосексуальные привязанности принца Генриха были более откровенны и менее разборчивы.

Из более поздних коронованных немецких гомосексуалов следует назвать покровителя Вагнера, романтического, мистически настроенного и психически неуравновешенного Людвига II Баварского (1845—1886), странная жизнь и загадочная смерть которого до сих пор волнуют воображение художников; его судьбе посвящен последний фильм Лукино Висконти «Людвиг».

2-5. «ЛЮБОВЬ, НЕ СМЕЮЩАЯ НАЗВАТЬ СЕБЯ»

«Любовь, которая не смеет называть себя» в этом столетии — то же самое великое чувство старшего мужчины к младшему, какое было между Давидом и Ионафаном, которое Платон положил в основу своей философии и которое вы найдете в сонетах Микеланджело и Шекспира. Эта глубокая духовная привязанность столь же чиста, сколь и совершенна... Она красива, утонченна, это самая благородная форма привязанности. В ней нет ничего неестественного.

Оскар Уайльд

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ СОДОМИИ

С переходом правосудия из рук церкви в руки государства костры инквизиции постепенно затухают. За весь XVIII в. во Франции сожгли только семерых содомитов, причем пятеро из них обвинялись также в изнасиловании или убийстве. Содомия превратилась из религиозной проблемы в социальную. Как сказал один француз в 1783 г., «этот порок, который некогда называли прекрасным пороком, потому что он затрагивал только вельмож, людей духа

и Адонисов, стал таким модным, что сегодня во Франции нет такого сословия, от герцогов до лакеев и простонародья, которое не было бы им заражено» (Lever, 1985, p. 249).

Однако его общественная репутация не стала лучше. Мужская и детская проституция, притоны и тайные сообщества педерастов существовали всегда. С развитием полицейской системы в эпоху абсолютизма информация о них из эпизодической становится систематической. В XVIII в. в парижской полиции был создан специальный отдел для регулярного наблюдения и слежки за «извращенцами». По подсчетам его сотрудников, в 1725 г. в Париже на 600 тысяч населения было 20 тысяч содомитов; к 1783 г. их число удвоилось, сравнившись с числом проституток (разумеется, полицейская статистика никогда и нигде не была достоверной, каждый отдел стремился прежде всего доказать свою собственную необходимость). Полиция заводила на них досье и периодически устраивала разные провокации, пользуясь подсадными утками и т. п. Но ее подход к делу был откровенно сословным. Хотя в городе процветала торговля детьми, задержанных покупателей-аристократов большей частью сразу выпускали.

Не по зубам полиции было и совращение мальчиков в церковных школах и коллежах. По свидетельству современника, «содомитская практика в коллежах кажется настолько всеобщей, что можно только удивляться, встречая детей, которых их учителя пощадили» (Lever, 1985, p. 325), но полиции нравов такие дела были неподвластны, как и взаимоотношения в самой ученической среде. В бумагах французского министра полиции XVIII в. Морепа сохранилось забавное донесение, как из-за 10-летнего младшего сына княгини де Полиньяк, мальчика редкой красоты, на почве ревности жестоко подрались двое влюбленных в него 15-летних лицеистов, д'Ормессон и Каз. Конец этой истории неизвестен, скандал замяли (и правильно сделали).

ОДНОПОЛАЯ ЛЮБОВЬ И ФИЛОСОФИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Вопросом о причинах и возможных способах предотвращения «преступлений против естества» серьезно интересовались философы эпохи Просвещения.

Монтескье (1689—1755) считал их опасность сильно преувеличенной:

«...Преступления против естества никогда не получают большого распространения в обществе, если склонность к ним не будет развиваться каким-нибудь существующим у народа обычаем, как это было у греков, где молодые люди совершали все свои гимнастические упражнения обнаженными; как это есть у нас, где домашнее воспитание стало редкостью; и как мы видим у народов Азии, где некоторые лица имеют большое количество жен, которыми они пренебрегают, между тем как прочие люди не могут иметь ни одной. Не создавайте благоприятных условий для развития этого преступления, преследуйте его строго определенными полицейскими мерами наравне с прочими нарушениями правил нравственности, и вы скоро увидите, что сама природа встанет на защиту своих прав и вернет их себе» (Монтескье, 1955, с. 322).

Вольтер (1694—1778), который в молодости пользовался покровительством влиятельных аристократов-содомитов, но сам был безусловно гетеросексуален, не питал к однополый любви ни малейшего сочувствия, тем более что он связывал ее с ненавистным ему католическим духовенством. В «Философском словаре» (1764) в статье «Так называемая сократическая любовь» он даже выражал сомнение в том, что древние греки могли относиться к этому пороку терпимо. Хотя мальчики-подростки своей нежностью и свежестью напоминают девочек и вызывают сходные чувства, с возрастом эти чувства проходят, их сохранение противоестественно и вредно для общества и должно сурово наказываться. В полемике со своими врагами, включая Фридриха II Прусского, Вольтер широко пользовался ядовитыми намеками на сей счет. Хотя Вольтер не считал содомию ересью и в более поздней статье высказался против смертной казни за нее, он мотивировал это не гуманитарными, а практическими соображениями: «Эти отбросы лучше было бы похоронить во тьме забвения, чем освещать их в глазах большинства пламенем костров» (Lever, 1985, с. 225).

Кондорсэ (1743—1794) сделал к заметке Вольтера очень важное примечание: «Содомия, если она не сопряжена с насилием, не может быть предметом уголовных за-

конов. Она не нарушает прав никакого другого человека» (Lever, p. 247).

Жан-Жак Руссо (1712—1778), который в отрочестве был сильно напуган приставанием взрослого мужчины, относился к педерастии с отвращением. Однако он понимал, как трудно признаваться в таких вещах даже самому себе. Дени Дидро (1713—1784), у которого было меньше комплексов, говорит о содомии спокойно: если нет «естественного сосуда» и нужно выбирать между мастурбацией и однополым сексом, то второй способ предпочтительнее. И вообще «ничто существующее не может быть ни противоестественным, ни внеприродным» (Lever, p. 247). Однако при жизни Дидро этих мыслей не оглашал, а образы лесбиянок у него резко отрицательны.

Итальянский юрист Чезаре Беккариа (1738—1794) в знаменитом трактате «О преступлениях и наказаниях» (1764) проявил большую смелость, осторожно высказавшись в том смысле, что законы против содомии можно вообще отменить, потому что она безвредна и вызывается неправильным воспитанием; кроме того, эти преступления трудно доказуемы, а их расследование порождает много следственных и судебных злоупотреблений.

Убежденным сторонником полной декриминализации однополрой любви, ввиду ее социальной безвредности, был английский философ Иеремия Бентам (1748—1832). В своих многочисленных заметках и статьях на эту тему Бентам последовательно, пункт за пунктом, опровергает все ходячие стереотипы, доказывая, что они логически несостоятельны и к тому же безнравственны. «Чтобы уничтожить человека, нужно иметь более серьезные основания, чем простая нелюбовь к его Вкусу, как бы эта нелюбовь ни была сильна» (Crompton, 1985, p. 27). Но опубликовать эти мысли при жизни Бентам не решился, и этот нравственный компромисс был для него крайне мучителен.

ОТ ФЕОДАЛЬНОГО ПРАВА К БУРЖУАЗНОМУ

В конце XVIII в. антигомосексуальное законодательство смягчается. В Австрии смертная казнь за содомию была отменена в 1787 г., в Пруссии — в 1794 г. Решающий шаг в ее декриминализации сделала французская ре-

волюция. В соответствии с принципами Декларации прав человека, французский уголовный кодекс 1791 г. вообще не упоминает «преступлений против природы». Кодекс Наполеона (1810) закрепил это нововведение, сделав приватные сексуальные отношения между взрослыми людьми одного пола по добровольному согласию уголовно ненаказуемыми. По этому образцу были построены и уголовные кодексы многих других европейских государств. В России, Пруссии, Австро-Венгрии и Тоскане уголовное преследование гомосексуальности продолжалось.

Самой консервативной оказалась Великобритания, где смертная казнь за содомию была заменена 10-летним тюремным заключением только в 1861 г. В качестве реакции на свободолобивые идеи французской революции английские власти в конце XVIII в. даже ужесточили уголовные репрессии. В первой трети XIX в. по обвинению в содомии в Англии было казнено свыше 50 человек. 7 марта 1811 г. в Лондоне публично, на глазах многотысячной толпы, повесили лейтенанта Хэпберна и 16-летнего барабанщика Уильяма Уайта. Мужчин, уличенных всего лишь «в попытке совершить содомию», прежде чем посадить в тюрьму, выставляли к позорному столбу на публичное надругательство разъяренной толпы, которая оскорбляла, а порой увечила и даже убивала несчастных. На иностранцев это производило удручающее впечатление.

Француз Луи Симон записал в своем дневнике в 1810 г. «Мы только что прочли во всех газетах полный и отвратительный отчет о публичном и жестоком наказании у позорного столба нескольких несчастных, уличенных в грязных непристойностях. Я не могу себе представить ничего более опасного, оскорбительного и неразумного, чем грубость и неограниченная публичность такого наказания. Выставление на показ уродств, о существовании которых лучше вообще не подозревать, загрязняет воображение. И что думать о людях, включая женщин, которые могут часами наслаждаться трусливым и жестоким нанесением побоев и увечий привязанным к столбу и совершенно беззащитным мужчинам!» (Crompton, 1985, p. 169).

В отличие от прежних времен, когда высокое общественное положение давало иммунитет против судебных преследований, во второй половине XVIII в. обвинение в «неназываемом пороке» стало опасным для людей любого

социального статуса. Основанное в 1691 г. Общество для реформы нравов, которое поддерживали влиятельные церковные деятели и несколько монархов, за 46 лет своего существования сумело «разоблачить», обвинив во всевозможных сексуальных грехах, свыше 100 тысяч мужчин и женщин. Тем же занималось созданное в 1802 г. Общество для подавления порока.

Самый богатый человек в Англии, талантливый 24-летний писатель Уильям Бекфорд, обвиненный в 1784 г. в сексуальной связи с 16-летним Уильямом Куртенэ, был вынужден на десять лет покинуть Англию, а по возвращении пятьдесят лет жил затворником в своем поместье Фон-тхилл. В 1822 г. бежал из Англии застигнутый на месте преступления с молодым солдатом епископ ирландского города Клогер Перси Джослин. Гомосексуальному шантажу приписывали и самоубийство в августе того же года министра иностранных дел лорда Кэстльри. Те же причины удерживали за границей лорда Байрона (1788—1824).

БАЙРОН

Любовная жизнь Байрона была очень запутанной (Crompton, 1985). Наряду с увлечением женщинами, с которыми поэт обращался крайне жестоко (по его собственному признанию, его единственной настоящей любовью была двоюродная сестра Августа), он еще в школе испытывал нежные чувства к мальчикам. «Школьная дружба была для меня страстью (я был страстен во всем), но, кажется, ни разу не оказалась прочной (правда, в некоторых случаях она была прервана смертью)» (Байрон, 1963, с. 271). Его отношения с лордом Клэром и Эдвардом Лонгом оставались, по-видимому, дружески-романтическими. Страстная любовь 17-летнего Байрона к 15-летнему певчему из церковного хора Джону Эдлстону, которому он посвятил свои первые стихи, была одной из самых сильных привязанностей поэта. Ранняя смерть юноши была для Байрона тяжелым ударом. Посвященные Эдлстону элегии он зашифровал женским именем Тирзы. В произведениях Байрона есть и другие гомозротические намеки и образы.

Неудачный брак и слухи о его гомосексуальности сделали Байрона парией в лондонском высшем свете и заста-

вили покинуть Англию. В Греции он чувствовал себя во всех отношениях свободнее. Его последней любовью был 15-летний грек Лукас, о котором Байрон всячески заболтался, хотя не видел с его стороны взаимности. После смерти Байрона его друзья и душеприказчики сожгли некоторые личные документы, которые могли бы скомпрометировать его в английском общественном мнении. Тем не менее слухи ходили, а некоторые реальные гомозротиические приключения Байрона использованы в опубликованной под его именем в 1853 г. псевдоавтобиографической поэме «Дон Леон» (автор этой подделки до сих пор неизвестен).

РАВЕНСТВО ПРАВ И ГОМОФОБИЯ

Почему же, несмотря на либерализацию законодательства, буржуазное общество оказалось в этом вопросе столь нетерпимым? Рыночная экономика и политическая демократия требуют, чтобы социальное поведение людей было организованным, предсказуемым, рациональным, в чем-то даже единообразным. В отличие от феодального общества, оно держится не на сословных привилегиях, а на одинаковом для всех праве. Сексуальность, которая по определению спонтанна, изменчива и непредсказуема, в эту систему взглядов не вписывается. Любовь кажется буржуазному сознанию опасной и разрушительной силой, которую вводят в приемлемые рамки только узы законного брака (узы — цепи, нечто противоположное свободе).

Хотя само гомосексуальное желание не зависит от сословной и классовой принадлежности, оправдать и принять его могли только стоявшие выше закона аристократические верхи либо, наоборот, самые низы, деклассированные люмпены. Для среднего класса рафинированный гедонизм аристократии и неразборчивая всеядность низов были одинаково неприемлемы и смотрелись как произвол, анархия и разложение. Тем более что и верхи и низы были его классовыми врагами.

Воспитанному в духе сословных привилегий аристократу чужда идея равенства: я буду делать, что хочу, а другим этого нельзя. Буржуа спрашивает: «А что, если так будут поступать все?» — и, естественно, приходит в ужас:

люди перестанут рожать детей, исчезнут брак и семья, рухнет религия и т. д. и т. п. До признания индивидуальных различий, которые, не будучи сословно-классовыми, могут, именно в силу своей индивидуальности, относительно мирно сосуществовать с другими стилями жизни, буржуазному обществу XIX в. было еще очень далеко. Его сексуальная мораль была прокрустовым ложем для всех, но особенно плохо приходилось тем, кто «отличался».

Христианское противопоставление возвышенной духовной любви и низменной чувственности в сочетании с разобщенностью нежного и чувственного влечения, в которой Фрейд видел общее свойство мужской (и в особенности подростковой) сексуальности, было возведено в абсолют. В системе викторианских представлений сексуальная близость, независимо от обстоятельств и мотивации, безнадежно снижала моральный уровень взаимоотношений. Утратившая невинность женщина переставала быть не только уважаемой, но зачастую и желанной. Один английский пастор рассказывал, что когда однажды мальчиком он подумал, что невинная чистая девушка станет его женой, он испытал не вожделение, а чувство жалости по поводу ее унижения (Hunt., 1959, p. 320).

Применительно к однополым отношениям, которые нельзя было освятить браком, это означало, что ради сохранения самоуважения люди вынуждены были обманывать не только других, но и самих себя, представляя свое влечение исключительно духовным и бестелесным. Однополая любовь была обречена оставаться неназываемой, выступать под чужим именем и не иметь права на телесную реализацию.

ЛЮБОВЬ ИЛИ ДРУЖБА?

Могут ли мужчины любить друг друга? Да, но только если эта любовь несексуальна и называется дружбой. XVIII в. называют веком дружбы. Но сентиментально-романтическая дружба очень часто, особенно у молодых мужчин, имеет гомозротическую подоплеку. «Что такое дружба или платоническая любовь, как не сладостное слияние двух существ? Или созерцание себя в зеркале другой души?» — вопрошал юный Фридрих Шиллер (Шиллер, 1956, т. 8, с. 79). Дружеские письма немецких ро-

мантиков неотличимы от любовных. Клемент Брентано и Людвиг фон Арним, Фридрих Шлегель и Фридрих Шлейермахер даже называли свои отношения «браком». Вплоть до середины XIX в., когда такие чувства стали вызывать подозрения, философы не боялись говорить даже, что дружба между мужчинами имеет не только духовный, но и телесный характер.

Эта эпоха была по-своему наивной и целомудренной. В первой половине XIX в. друзья могли жить в одной комнате и даже спать в одной постели, и их никто ни в чем не подозревал. В одних случаях это способствовало сексуальному сближению. Другие этот соблазн героически преодолевали. А третьи ни к чему «этакому» и не стремились, мужское тело их не возбуждало.

В интимном дневнике 18—20-летнего йельского студента Альберта Додда, начатом, по совету профессора, в 1836 г., соперничают две главные темы — любовь к девушке Джулии и к другу Джону. Оба чувства одинаково сильны и романтичны. В какой-то момент Альберту даже кажется, что Джона он любит сильнее, чем Джулию: «То, что я чувствую к нему, не просто дружба, или же это дружба сильнейшего рода. Это сердечная, мужская, чистая, глубокая и страстная любовь». Год спустя у Альберта появляется новый друг, Энтони, с которым они даже спят вместе: «Часто он делил со мною мою подушку или я — его, и как сладостно было спать с ним, обнимать его любимое тело, чувствовать его руки вокруг моей шеи, запечатлеть на его лице сладкие поцелуи! Это было полное счастье». Еще через год Альберт влюбляется в первокурсника, и это чувство снова кажется ему невинным, никаких сомнений морального порядка, только радость (Rotundo, 1993, pp. 81—82). Случись такое полвека спустя, юноша бы не радовался, а бегал по психиатрам, мучительно переживая свою извращенность.

ЭЛЛИНИЗАЦИЯ ОДНОПОЛОЙ ЛЮБВИ

Второй способ оправдания однополой любви — ее эллинизация. Не имея идейной опоры в христианской культуре, гомосексуалы находили ее в античности. Примеры мужского воинского братства были веским аргументом против представлений о «женственности» однополой

любви, а достижения античной культуры, считавшей мужскую любовь нормальной, доказывали ее нравственное величие и творческий потенциал. Гомоэротические интересы стимулировали изучение античности и одновременно черпали в ней поддержку и вдохновение. Немецкий археолог и историк искусства Иоганн Иоахим Винкельман (1717—1768) всегда был неравнодушен к красивым юношам, писал им пламенные любовные письма (и был убит пригретым им случайным попутчиком), но именно изучение античности открыло ему новый эстетический и моральный идеал мужской красоты, который он сделал достоянием своих образованных современников.

Но хотя классическая филология и история искусства сделали «греческую любовь» респектабельной, они были вынуждены, вольно или невольно, интеллектуализировать и десексуализировать ее, доказывая, как знаменитый оксфордский профессор Уолтер Патер (1839—1894), что красота греческих скульптур была бесполой и неэротической. А уж что делали древние греки в постели, и вовсе оставалось загадкой.

Греческие и римские тексты, изучавшиеся в английских школах и университетах, подвергались жесткой цензуре и даже фальсификации. Упоминания о мужской любви исключались, а дружба рисовалась исключительно духовной. Слово «любовник» переводилось как «друг», «мужчина» — как «человек», «мальчик» — как «молодой человек». «Пир» Платона не изучали вовсе. Цензурные ограничения создавали у юношей ложные, идеализированные представления об античной культуре и одновременно стимулировали интерес к тому, что от них так тщательно скрывали. Английский поэт Перси Биш Шелли, переводивший греческую классику, искренне не мог поверить, что обожаемые им древние греки любили друг друга не только духовно, но и телесно. Подобные предположения казались ему «смешными и оскорбительными».

Образованные европейцы охотно идентифицировались с античными героями и пользовались древнегреческими именами, сплошь и рядом не понимая их действительного смысла. Еще труднее было осознать собственные чувства и склонности. Отпрыски аристократических фамилий, где гомосексуальность была семейной традицией, рано научались жить двойной жизнью, понимая, что если ты

сумеешь избежать скандала, делать можно все, что угодно. Выходцам из среднего класса и духовного сословия, которые всерьез принимали внушенные им ценности и нравственные принципы, было гораздо труднее. Многие из них не могли ни лицемерить, ни принять собственную сексуальность. Отсюда — трагическая разорванность и противоречивость их самосознания и поведения.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ ШКОЛЫ

Знаменитые на весь мир английские мужские аристократические школы (Итон, Харроу и др.) были интернатами, мальчики не только учились, но и жили вместе. Раздельное обучение, тем более разновозрастное и интернатное, всегда благоприятствует однополым влюбленностям и сексуальным контактам. В этих, по определению одного историка, «сексуальных концлагерях» гомоэротические традиции и нравы передавались из поколения в поколение (Gathorne-Hardy, 1977; Gibson, 1978; Chandos, 1984; Richards, 1988; Raven, 1986; Waugh, 1962; Connolly, 1949).

Первый приказ, который получил от одного из своих соучеников в 1817 г. будущий писатель Уильям Теккерей, как только он появился в школе, был: «Приди и трахни меня» (Crompton, p. 79). Жалобы на «грубость и животность в спальнях» — общее место многих школьных воспоминаний. Писатель Робин Моэм (1916—1981) рассказывает, что едва он устроился в своей комнате в Итоне, как пришел одноклассник, спросил, мастурбирует ли он, ощупал его половые органы, объяснился в любви и мгновенно уговорил отдаться; связь эта продолжалась два года (Maugham, 1973, pp. 46—47).

Сексуальным контактам между мальчиками способствовала не только сексуальная депривация, но и многое другое: общие постели (в Харроу мальчики спали по двое до 1805 г.), отсутствие возможностей для уединения (в некоторых школах туалеты не запирались, а то и вовсе не имели дверей), публичные порки, которые осуществляли не только учителя, но и старшие ученики, и конечно же абсолютная власть старших над младшими. Эта власть была одновременно групповой (в школе всем распоряжался старший, шестой класс, и каждый старшеклассник мог

приказывать любому младшекласснику) и индивидуальной. Старшеклассник мог сделать младшего своим «фагом» (fag), слугой, который беспрекословно обслуживал хозяина, чистил его обувь, убирал постель и т. п. и за это пользовался его покровительством. Быть фагом авторитетного шестиклассника было почетно, а красивый фаг, в свою очередь, повышал престиж хозяина.

Мужские, тем более подростковые сообщества всегда отличаются жестокостью и повышенной сексуальностью. Английская школьная система, ориентированная на воспитание будущих лидеров, не только не пресекала, но сознательно культивировала агрессивную маскулинность. Центром всей школьной жизни были соревновательные спортивные игры (регби, футбол и т. д.), участие и успех в них определяли статус мальчика в школе и отношение соучеников значительно больше, чем учебные успехи. В спортивных играх была и своя эротика, удовлетворявшая мальчишескую потребность в телесных контактах. Силовые атлетические контакты считались несексуальными, но кто мог это гарантировать?

Культ групповой солидарности, товарищества и дружбы, часто имеющий неосознанную гомоэротическую окраску, красной чертой проходит через английскую, да и всякую другую, школьную повесть. Но если первые влюбленности в девочек, возникновению которых благоприятствует совместное обучение, в дальнейшем перекрываются более серьезными взрослыми романами и становятся для юноши только вехами взросления и роста, то гомоэротические влюбленности, именно потому, что они большей частью остаются не востребуемыми и нереализованными, сохраняются в памяти как нечто совершенно особенное и невообразимо прекрасное, по сравнению с чем взрослая любовь к женщинам иногда кажется ничтожной.

В романах и повестях из школьной жизни XIX в. мальчишеская дружба и товарищество поэтизируются и романтизируются, их подспудный гомоэротизм можно уловить только в переписке, интимных дневниках и воспоминаниях. В позднейших школьных повестях, которые, как правило, автобиографичны, возникает и воспроизводится из книги в книгу один и тот же конфликт между романтической дружбой-влюбленностью двух маль-

чиков и их телесной гомоэротикой. Причем противопоставляются не только разные типы отношений (благородные чувства героя контрастируют с животной похотью его одноклассников), но и разные уровни одной и той же дружбы. Пока между мальчиками нет физической близости, они могут считать свои взаимоотношения дружескими, нереализованные желания делают дружбу особенно страстной. Но как только возникает сексуальная близость, взаимоотношения переходят в разряд «неназываемого порока», после чего немедленно происходит охлаждение или разрыв, часто трагический.¹

ДЖОН АДДИНГТОН САЙМОНДС

Самый яркий человеческий документ викторианской гомосексуальности — автобиография Джона Аддингтона Саймондса (1840—1893). Сын богатого и властного лондонского врача, рано потерявший мать, болезненный и нежный мальчик, Саймондс с раннего детства чувствовал свою сексуальную необычность. В 8 лет ему часто снилось, что он сидит на полу, окруженный голы-

¹ Герой популярного английского романа Саймона Рейвена «Филдинг Грей» (Raven, 1967, действие происходит в 1945 г.) 17-летний Филдинг — честолюбивый юноша, отличный ученик и спортсмен, с 13 лет имел в школе эпизодические сексуальные контакты, без серьезной эмоциональной вовлеченности, с младшими мальчиками. И вдруг он по-настоящему влюбился в своего одноклассника Кристофера Роланда. Его чувство встречает взаимность. Юноши укладкой встречаются, обмениваются записками, вызывая подозрения и пересуды окружающих. Однако Крис мечтает о всеобъемлющей любви, Филдинга же влечет преимущественно его тело, хотя он сам этого не понимает. Однажды, когда мальчики встретились на сеновале и впервые разделись донага, у Криса в объятиях друга произошло непроизвольное семяизвержение. Ему противно и мучительно стыдно за себя. Филдинг несколько не осуждает Криса, с ним самим этого не случилось только потому, что он был слишком возбужден и взволнован, у него не было даже эрекции; воспоминания об этих мгновениях интимности его волнуют. Тем не менее Крис утратил для него очарование невинности, теперь его влечет к нему лишь сексуально, а в этом случае игра может не стоить свеч, риск разоблачения слишком велик. Филдинг уклоняется от новой встречи с Крисом, хотя в одиночестве мечтает

ми матросами, которые делают с ним что-то сексуальное, а он с удовольствием называет себя их «грязной свиньей» (на самом деле он никогда не видел голого мужчины). Миловидный мальчик, Саймондс считал себя уродливым и непривлекательным, его учебные успехи в начальной школе были посредственными, тем не менее он верил, что должен совершить что-то великое.

В Харроу он чувствовал себя одиноким, сторонился соревновательных силовых игр, не мог ни бросать мяч, ни свистеть, как другие мальчики, и мучительно им завидовал. Хотя его неудержимо привлекали большие и сильные мальчики, грубая чувственность одноклассников его отталкивала: «Каждый симпатичный мальчик имел женское имя и был либо публичной проституткой, либо «сукой» (bitch) одного из старших учеников. «Сукой» назывался мальчик, отдававшийся другому для любви. Разговоры в спальнях и в классах были невероятно грязными. Там и сям можно было видеть онанизм, взаимную мастурбацию, возню голых мальчиков в постели. Во всем этом не было ни утонченности, ни чувства, ни страсти, одна только животная похоть» (Symonds, 1984, p. 94). С греческой

о ней. Крис чувствует, что он больше не представляет для Филдинга человеческого интереса, что его хотят просто использовать, и в отчаянии кончает с собой.

Сходная драма разыгрывается в романе Майкла Кэмпбелла «Прости нам, Боже» (Campbell, 1968). Восемнадцатилетний Карлтон и шестнадцатилетний Аллен страстно любят друг друга. Оба сильные спортсмены и авторитетные в школе ребята. Сексуальной близости между ними нет, оба мальчика, особенно религиозный Аллен, боятся ее и считают грязной. Аллен все время опасается, что Карлтон его разлюбит. При очередной тайной встрече в лесу Карлтон, не раздеваясь, ложится на Аллена, и при этом у него происходит семяизвержение. Аллен этого даже не заметил, но Карлтону мучительно стыдно за себя: он невольно запачкал их чистую любовь. Не в силах взглянуть другу в глаза, он просит его уйти. Аллен же думает, что это — знак охлаждения, и прерывает отношения совсем.

Во французской литературе эта тема, применительно к условиям католической школы, подробно обсуждается в романах Анри де Монтерлана «Мальчики» (Montherlant, 1969), Роже Пейрефитта «Особенные дружбы» (Peyrefitte, 1943) и Роже Мартена дю Гара «Семья Тибо» и «Подполковник де Момор».

любовью, о которой грезил Саймондс, тут не было ничего общего.

Когда в январе 1858 г. его одноклассник Альфред Претор в доверительном письме похвастался Саймондсу, что стал любовником директора школы доктора Вогэна и в доказательство показал любовную записку последнего, Саймондс почувствовал себя задетым. Дождавшись окончания школы, чтобы самому остаться в стороне, он передал доверенные ему интимные письма своему отцу, который угрозой позорного разоблачения заставил Вогэна уйти в отставку и отказаться от предложенного ему епископского сана. Причины внезапного крушения блестящей карьеры Вогэна стали известны лишь много лет спустя, после его смерти. Одноклассники, знавшие о грязной роли Саймондса в этом деле, навсегда порвали с ним отношения.

Донести на учителя было гораздо проще, чем совладать с собой. Весной 1858 г. во время церковной службы Саймондс был поражен голосом и внешностью мальчика-певчего Уилли Дайера. Утро своей первой встречи с Уилли Саймондс считал днем рождения своего подлинного Я. Но что он мог сделать? За все время их романа застенчивый Саймондс лишь дважды поцеловал Уилли в губы, причем в первый раз едва не потерял сознание от страсти. Среди его оксфордских профессоров и товарищей было много открытых приверженцев «греческой любви», с которыми он мог говорить, не боясь разоблачения. Но совместить любовь с чувственностью он не мог. Узнав о дружбе сына с Уилли, Саймондс-старший потребовал прекратить компрометирующие отношения, и тот послушно пожертвовал своей первой любовью, хотя несколько лет тайно переписывался с Уилли и оплатил его профессиональное обучение.

Расставшись с Уилли, Саймондс влюбился в другого мальчика-певчего Альфреда Брука. Это увлечение было гораздо чувственнее первого. Сильное тело Альфреда терзает воображение Саймондса, лишает его покоя и сна. В своих дневниках он описывает не только легкие волосы, блестящие темно-синие глаза и вибрирующий голос юноши, но и его мускулистые бедра и «большие похотливые яйца».

Казалось бы, дебют состоялся? Альфред, поддерживавший небескорыстные отношения с богатыми оксфорд-

скими студентами, готов отдаться Саймондсу, но тот среди ночи отсылает его: он мечтает о мужском теле, но не может унизиться до физического контакта.

Сексуальная неудовлетворенность вызывает нервное перенапряжение. Чтобы избавиться от гомозротических наваждений, врач, к которому его направил отец, рекомендует завести любовницу или жениться. В 1864 г. 23-летний Саймондс женился. Он уважает и, как ему кажется, любит свою жену. В положенные сроки супруги произвели на свет четырех дочерей. Но в первые же дни брака Саймондс обнаружил, что, хотя физический контакт с женщиной не вызывает у него отвращения, он оставляет его холодным.

Путешествуя по Европе, Саймондс завязывает дружеские отношения с юношами из простонародья, которые позволяют странному англичанину трогать их и любоваться их нагими телами; они пошли бы и на большее, но Саймондс не знает, что ему нужно. Платный, коммерческий секс для него морально и психологически неприемлем.

Осенью 1868 г. знакомый директор школы пригласил Саймондса встретиться с группой старшеклассников, и тот сразу же влюбился в 17-летнего Нормана Мура. Мур был сексуально искушеннее Саймондса, спать с мужчинами ему было не в новинку, он благосклонно принял объяснение Саймондса в любви и стал его учеником и другом. Норман часто бывает у Саймондса в доме, вызывая ревность его жены (после объяснения с мужем она поняла и приняла эти отношения). Саймондс водит его по театрам, берет с собой в поездку по Европе, они живут вместе, спят в одной постели, предаются любовным ласкам, Саймондс говорит о нем с друзьями, посвящает ему стихи. Но постоянные романы Мура с младшими мальчиками вызывают у него ревность.

В феврале 1877 г. Саймондс впервые в жизни провел ночь с молодым солдатом в лондонском мужском борделе, и его поразила спокойная простота молодого человека, для которого в сексе не было ничего позорного или противоестественного. После этого, читая лекцию о ренессансной Флоренции в рафинированной аудитории, Саймондс вдруг почувствовал, что душа его не здесь, она «жаждет солдата» (Symonds, 1984, т. 255). Он завязывает

интимную дружбу с 19-летним швейцарцем Христианом Буолем, который спит с ним в одной постели, позволяя любоваться «нагим великолепием своего совершенного тела» (Symonds, 1984, т. 266). Когда Буоль, при материальной поддержке Саймондса, женился на любимой девушке, ему наследовали другие молодые крестьяне, почтальоны, лесорубы, ремесленники и т. д. Последней любовью Саймондса был 24-летний венецианский гондольер, которому он помог жениться на любимой женщине и посвятил несколько стихов.

Современным людям, выросшим в атмосфере сексуальной свободы, поведение и рассуждения Саймондса могут показаться странными: он смущается, стыдится телесной стороны секса, ищет оправданий своей «извращенности». Но именно это и делает его типичным викторианцем.

ЭСТЕТИЗМ И ПРОЗА ЖИЗНИ

Далеко не все викторианцы были такими закомплексованными. Тем не менее выбор между принятием своего гомозеротизма или его подавлением, сублимацией в творчестве или переводом в другой социальный контекст (коммерческий секс или «дружба» с юношами из народа) мало кому давался легко.

Первоначальное викторианское понимание однополый любви было аристократически-эстетским (Dellamora, 1990; Dowling, 1994). Постепенно ее образ демократизируется. Причины этого были довольно прозаическими. Поскольку гомосексуальные отношения с людьми собственного круга жестко табуировались, для удовлетворения сексуальных потребностей нужно было спускаться по социальной лестнице вниз («натуральные» джентльмены в то время тоже начинали сексуальную жизнь с проститутками или с прислугой). В рабочей среде на эти вещи смотрели проще. Из-за жилищной скученности мальчики часто спали в одной постели, им не приходилось стесняться друг друга. Кроме того, им нужны были деньги. Принимая ухаживания богатого покровителя, юноша из рабочей среды, даже если однополый секс ему самому доставлял удовольствие, не должен был задумываться, не является ли он извращенцем. У него был ясный мотив — день-

ги, который безусловно перекрывал все остальное. На одном из судебных процессов 1890-х гг. семнадцатилетний лондонец Чарльз Сикбрум показал: «Меня спросили, согласен ли я лечь в постель с мужчиной. Я сказал «нет». Он сказал: «Ты получишь за это четыре шиллинга» — и убедил меня» (Weeks, 1981, p. 113).

Для представителей средних слоев все было сложнее. В обществе королевских гвардейцев, матросов и молодых рабочих они чувствовали себя в большей безопасности, чем в собственной среде: тут все было анонимно, а от неприятностей можно было откупиться. Но кроме секса викторианцам были необходимы иллюзии. Образы сильных, маскулинных и потенциально-опасных молодых самцов особенно волновали их эротическое воображение по контрасту с их собственной, и всего своего класса, изнеженностью. Соблазн брутального пролетарского секса в противоположность импотенции господствующего класса отлично выражен Дэвидом Генри Лоуренсом в «Любовнике леди Чаттерли». В гомоэротическом варианте это выражалось еще сильнее (Лоуренс и сам был не чужд подобных чувств).

Писатель Э(двард) М(орган) Форстер (1879—1970) мечтал «любить сильного молодого мужчину из низших классов и быть любимым им» (Forster, 1972, p. XIV). В представлении младшего современника и друга Форстера Джозефа Рэндольфа Аккерли (1896—1967), «идеальный друг» должен быть «животным человеком. Совершенное тело самца, всегда готовое к услугам с преданностью верного и нерассуждающего зверя» (Ackerley, 1968, p. 218).

Поскольку большинство этих рафинированных интеллектуалов придерживалось левых политических взглядов, эротическая романтизация дополнялась социально-политической идеализацией «простого человека». Юноши из рабочей среды казались им воплощением цельности, моральной чистоты, отзывчивости и эмоционального тепла, а их собственные сексуальные отношения с ними выглядели проявлением демократизма, нарушением сословных и классовых границ. Отдаваясь пареньку из низов, которого он содержал и старался окультурить, рафинированный интеллигент не просто удовлетворял свой сексуальный мазохизм, но символически отказывался от классовых привилегий, восстанавливал социальную справедлив-

вость и равенство. Влечение к молодому рабочему выражало любовь к рабочему классу и готовность служить ему. Роман с юным пролетарием был чем-то вроде социалистической революции в одной отдельно взятой постели.

Это переплетение сексуальной потребности с интеллигентским социальным мазохизмом, чувством вины перед обездоленными и их идеализацией (народничество, марксистская утопия рабочего класса) существовало и в гетеросексуальном варианте (идея женитьбы на проститутке для спасения падшей женщины), но среди гомосексуалов оно было значительно сильнее. Хотя эти иллюзии постоянно разрушались жизнью, — «простые» юноши при ближайшем рассмотрении оказывались, как правило, примитивными, интеллектуально не развитыми и к тому же меркантильными, воспринимавшими своих покровителей как дойных коров, — сентиментальным интеллигентам было трудно избавиться от стереотипов, в которых сексуальная утопия так красиво сливалась с социальной, а их собственные, не до конца принятые, сексуальные потребности возводились в ранг «миссии». Гонимая эротика порождала властную потребность добиваться освобождения не только себе подобных, но и вообще всех угнетенных. Среди гомосексуалов первой половины XX в. были чрезвычайно сильны леворадикальные, марксистские и анархические идеи. Именно это помогло в 1930-х гг. ГПУ практически бесплатно завербовать в свои агенты молодых кембриджских интеллектуалов Кима Филби, Гая Берджесса и их друзей.

МЕДИКАЛИЗАЦИЯ ОДНОПОЛОЙ ЛЮБВИ

Новые социальные контексты рождали потребность в новом самосознании и определении сущности однополый любви. Новую парадигму для объяснения, а фактически — для социального конструирования однополый любви дали сексологи, которые не только прорвали завесу молчания и способствовали либерализации законодательства, но и дали гомосексуалам новый стержень для самосознания и социальной идентичности.

Быть больным неприятно, но лучше, чем преступником и вообще «неназываемым». В жизни Оскара Уайльда был период, когда он постоянно говорил о «сексуальной

психопатии» Крафт-Эбинга. Марсель Пруст читал Крафт-Эбинга и Эллиса. Французский писатель американского происхождения Жюльен Грин (1900—1998) с детства влюблялся в мальчиков, но понятия не имел, что это значит, пока в студенческие годы такой же закомплексованный приятель не дал ему книгу Эллиса: «Оставшись один, я открыл книгу, и она меня потрясла... В течение нескольких минут весь мир изменил свой облик в моих глазах, стены моей тюрьмы исчезли, как туман под дуновением ветра. Оказывается, я не один» (Green, 1977, p. 1199).

Сексологические идеи и понятия быстро стали достоянием массовой прессы и художественной литературы. Литературные персонажи и их авторы приняли предложенные медициной образы и стали разыгрывать предусмотренные ею роли. Однако медикализация однополый любви, как и сексуальности вообще, будучи исторически неизбежной, означала также большие социальные и психологические издержки. Не уничтожая старой стигмы, медицинская концепция гомосексуальности придавала ей необычайную стабильность. Если человеку говорили, что он преступник, он мог протестовать, доказывая чистоту своих намерений. Против врачебного диагноза он был бессильен: доктор знает лучше. Максимум, на что могли рассчитывать больные люди, — снисходительное и подчас брезгливое сочувствие: да, конечно, это не их вина, но все-таки...

Неоднозначными были и сдвиги в общественном сознании. Психологизация гомосексуальности сделала видимыми такие ее признаки, которым раньше не придавали значения. Сверхбдительные викторианцы, по невежеству, могли не замечать даже самых очевидных проявлений гомоэротизма. Это распространялось и на искусство. Известный английский художник Генри Скотт Тьюк, «Ренуар мальчишеского тела», рисовал красивых нагих мальчиков, но, пока их гениталии были прикрыты, никаких проблем у художника не возникало. Не видели гомоэротических мотивов в творчестве Редьярда Киплинга, любимого поэта королевы Виктории лорда Альфреда Теннисона (1809—1892) или Уолтера Патера.

В хвалебной рецензии на сборник стихов преподобного Эдвина Эммануила Брэдфорда (1860—1944) в жур-

нале «Westminster Review» говорилось: «Дружба между двумя мужчинами и особенно дружба между мужчиной и мальчиком — главная тема многих стихов доктора Брэдфорда. Он, как Платон, чувствителен к красоте незагрязненной юности». Между тем некоторые стихи Брэдфорда, мягко говоря, наводят на размышления. В стихотворении «Наконец!» тринадцатилетний мальчик по дороге из церкви форменным образом объясняется своему взрослому наставнику в любви, и тот с восторгом ее принимает: «Что я сказал или сделал — абсолютно неважно; я видел, что нравоучения не нужны. Наверное, мы вели себя как пара глупцов, но никто этого не видел и не слышал... Я никогда не забуду ту июньскую ночь, когда запах сена или свет луны заставили застенчивого мальчика сломать лед — в конце концов, это пора было сделать» (Gathorne-Hardy, pp. 215—216). Позже, когда блаженное неведение сменилось опасливым полужнанием, такая, в самом деле невинная, педофильская лирика могла бы дорого обойтись автору.

ОТ ЭМЕРСОНА ДО УИТМЕНА

Еще тщательнее маскировались гомозротические чувства в пуританской Америке. Как и в Европе, единственным морально приемлемым контекстом для выражения этих чувств была дружба между мужчинами, в которой чувственность оставалась неосознанной или сублимированной. Такие отношения ярко описывали философ-неоплатоник Ральф Уолдо Эмерсон (1803—1882), переживший в годы учебы в Гарварде сильную влюбленность в одноклассника, и его друг и единомышленник писатель Генри Дейвид Торо (1817—1862).

Герман Мелвилл (1819—1891), в отличие от одинокого Торо, был женат и имел четверых детей, но не мог найти человека, который бы удовлетворил его потребность в любви (Martin, 1986). В юности Мелвилла одолевала романтическая тяга к южным морям и приключениям, он побывал юнгой, матросом и китобоем, прожил несколько месяцев среди полинезийцев. Море для него — совсем особая стихия. Но главное очарование мореплавания — принадлежность к замкнутому мужскому сообществу. В сложной форме философско-приключенческого романа

Мелвилл описывает мужскую дружбу, которая преодолевает все границы повседневного быта, включая социальное и расовое неравенство.

Эти отношения не лишены и телесности. Лирическому герою «Моби Дика» юному Измаилу приходится из-за отсутствия в гостинице отдельного номера провести ночь в одной постели со страшным гарпунщиком Квикегом. «Назавтра, когда я проснулся на рассвете, оказалось, что меня весьма нежно и ласково обнимает рука Квикега. Можно было подумать, что я — его жена» (Мелвилл, 1962, с. 72). В «Моби Дике» много фаллических символов. Например, особое удовольствие доставляет китобоям выдавливание спермы кита. Мелвилл различает мужскую дружбу и обычное корабельное мужеложство, которое просто воспроизводит существующую в гетеросексуальных отношениях структуру власти. Противопоставляя совместную или взаимную мужскую мастурбацию содомии, он видит в этом не только эротический, но и социальный смысл: вместе «кончать» — нечто совсем другое, чем драться друг с другом или сообща охотиться на китов (Martin, 1986, p. 94).

Многие гомоэротические образы и аллюзии Мелвилла, как и его младшего современника, классика американской литературы Генри Джеймса (1843—1916), расшифрованы только в последние десятилетия.

Достаточно зашифрован и самый знаменитый из американских «голубых» классиков Уолт Уитмен (1819—1892). Уитмена привлекали юноши из рабочей среды, в которых он видел воплощение мужественности и нравственных достоинств, и раненые мальчишки-солдаты (некоторые из них было по 13—15 лет), за которыми поэт ухаживал в госпитале в годы Гражданской войны и потом обменивался нежными письмами. «Я люблю мальчиков, которым нравится, что они мальчишки, и мужчин, которые остаются мальчиками. С какой стати мужчина должен отказываться быть мальчиком?» — писал он в старости (цит. по Shively, 1989, p. 42). Один из друзей поэта называл его «великой нежной матерью-мужчиной» (Shively, 1989, p. 65).

Хотя на прямой вопрос Карпентера о природе его чувств поэт ответил уклончиво, в «Листьях травы» и в сборнике «Каламус» (от греческого *calamos* — тростник, от

которого произошло название свирели, распространенного символа любви между мужчинами) Уитмен любовно воспекает мужское братство, говорит об объятиях и поцелуях между мужчинами и употребляет слова «друг» и «любовник» как синонимы.

Мужчина или женщина, я мог бы сказать вам, как я люблю
вас, но я не умею,
Я мог бы сказать, что во мне и что в вас, но я не умею,
Я мог бы сказать, как томлюсь я от горя и какими пульсами
бьются мои ночи и дни.

Пер. К. Чуковского (Уитмен, 1982, с. 87)

Поэзия Уитмена волнует самых разных людей, но гомосексуальные читатели чувствовали ее скрытый от остальных подтекст.

Чтобы индивидуальные особенности превратились в социальную идентичность, нужна была гласность. И она действительно пришла в конце XIX в. в виде серии отвратительных скандалов и судебных процессов.

ПРОЦЕСС УАЙЛЬДА

Самым громким был скандал, разразившийся в 1895 г. в связи с процессом Оскара Уайльда (1854—1900). Гомозроти́зм знаменитого драматурга не был в Англии большим секретом. Его манеры и дружеские связи вызывали пересуды еще в студенческие годы в Оксфорде. Уайльд переписывался с Саймондсом, во время поездки в США встречался с Уолтом Уитменом. Эстетски-платонические увлечения красивыми мальчиками не помешали Уайльду жениться и произвести на свет двух сыновей. Впервые 32-летнего Уайльда в 1886 г. соблазнил 17 летний студент Роберт Росс, «маленький Робби». Их недолгая связь открыла Уайльду его подлинную сущность, он перестал жить с женой (та не догадывалась об истинной причине охлаждения мужа), зато его стали постоянно видеть в обществе юных проститутов. Главной любовью Уайльда в начале 1890-х гг. был 25-летний Джон Грей, фамилию которого он дал своему знаменитому литературному герою; имя Дориан вызывало в памяти дорическую любовь.

«Портрет Дориана Грея» (1891), подобно пьесам Уайльда, раздражал консерваторов язвительными нападениями на обыденную мораль, скепсисом и идеей вседозволенности. Это было также первое изображение однополый любви в серьезной английской литературе. Хотя прямо о ней ничего не сказано, подготовленному читателю все достаточно ясно. Лорд Генри женат, но жена его оставила. Он снимает для себя и Дориана домик в Алжире (любимое место отдыха английских гомосексуалов) и стремится духовно оплодотворить молодого человека. Сесиль Холуорд откровенно влюблен в Дориана, он сравнивает его лицо с лицом Антиноя. Дориан понимает, что чувство художника к нему — из той же категории любви, какую испытывали Микеланджело, Монтень, Винкельман и Шекспир. Подозрительно выглядело и любование автора красотой своего героя, хотя повесть могла читаться и как история развращения юноши опасными идеями лорда Генри. После публикации книги крупнейший английский книгопродавец отказался распространять ее, считая «грязной», однако она имела шумный успех среди молодежи и за рубежом.

К несчастью Уайльда, среди его страстных поклонников оказался начинающий поэт, 21-летний красавец лорд Альфред Дуглас (1870—1945). Перечитав «Портрет» не то 9, не то 14 раз, он написал Уайльду письмо, они встретились и вскоре стали любовниками. Юный Бози, как называли его друзья, по-своему любил Уайльда, но это был типичный Нарцисс, который может только брать. Он разоряет и компрометирует Оскара, втягивает его в отношения с мальчиками-проститутами, причем они соперничают между собой из-за этих мальчиков. Бози забывает в карманах любовные письма Уайльда, и тот вынужден выкупать их у шантажистов. Оскар и Альфред живут вместе, показываются в свете, давая пищу сплетням. Буйный и вздорный характер Бози провоцирует частые ссоры, Уайльд несколько раз пытается порвать отношения, но у него не хватает характера, — как только Бози просит прощения, Уайльд сдается.

В дело вмешивается отец Бози, старый маркиз Куинсбери. Не найдя общего языка с сыном, который его ненавидит, Куинсбери послал Уайльду открытую записку, в которой назвал его «сомдомитом» (именно так). Благо-

разумные друзья советовали Уайльду пренебречь оскорблением или на время уехать за границу, но под нажимом Бози Уайльд возбуждает дело о клевете. Это была большая глупость. Литературные обвинения и буквальное истолкование любовных писем к Бози Уайльду удалось отвести, но, когда адвокаты маркиза предъявили суду список из 13 мальчиков, с указанием дат и мест, где писатель с ними встречался, он стал из обвинителя обвиняемым.

На первом суде Уайльд держался героически, защищал чистоту своих отношений с Дугласом и отрицал их сексуальный характер. Его речь, из которой взят эпиграф к этой главе, произвела на публику впечатление. Доказать «чистоту» отношений с юными проститутками было сложнее. Уайльд и тут был блестящ.

«Почему вы общались с этими юношами? — Я люблю юность (смех). — Вы возводите юность в ранг божества? — Мне нравится изучать молодых во всем. В молодости есть что-то чарующее» (Ellmann, 1988, p. 464).

Но дело было заведомо безнадежным. Куинсбери был оправдан, а против Уайльда возбуждено уголовное дело. Друзья советовали ему бежать во Францию, он отказался, был арестован и посажен в тюрьму (Бози благоразумно укрылся во Франции). В итоге нового процесса Уайльд и один из проститутков были приговорены к двум годам каторжной тюрьмы. Началась дикая травля в печати.

«Никогда еще нам не преподавался более драматичный и своевременный урок попусту растроченной жизни, — писала «London Evening News». — Англия терпела этого Уайльда и ему подобных слишком долго... Ему и таким, как он, мы обязаны распространением морального разложения среди молодых людей, чьи способности могли бы сделать честь их стране... Судьба Уайльда научит их, что талант не оправдывает пренебрежения ко всем моральным запретам...» (Ellmann, 1988, p. 549).

За этим — два года тюремного заключения (Уайльд рассказал о них в «Балладе Редингской тюрьмы»), отягощенные напряженными отношениями с Дугласом, которого Уайльд продолжал любить и в то же время считал виновником своих несчастий. В обращенной к Альфреду исповеди *De Profundis* (1897) он не только сводит их личные счета, но и защищает свою любовь против жестокого общества и несправедливых законов. Однако силы Уайль-

да были подорваны. После освобождения в мае 1897 г. он живет во Франции, снова сходится с Бози, они не могут жить ни вместе, ни друг без друга («Я люблю его, как любил всегда, с чувством трагедии и гибели» — (Ellmann, 1988, p. 549). Опять непосильные расходы, общие мальчишки, безденежье, отвернувшиеся друзья. Самым верным оказался маленький Робби, который после смерти Уайльда как его литературный душеприказчик расплатился с долгами писателя и помогал его детям; после смерти его прах захоронен в могиле Уайльда на кладбище Пер-Лашез.

Процесс Уайльда многих напугал, но в его лице геи приобрели символическую фигуру мученика, очень важную для их будущего освободительного движения.

ГОМОСЕКСУАЛЬНЫЕ СКАНДАЛЫ В ГЕРМАНИИ

Другая серия скандалов, имевшая явную политическую подоплеку, разразилась в Германии. В ноябре 1902 г. покончил самоубийством богатейший промышленник, глава знаменитого концерна Фридрих Крупп, после того как левая пресса разоблачила гомосексуальные оргии на его вилле на острове Капри. Вскоре затем журналист Гарден разоблачил гомосексуальные связи нескольких лиц из ближайшего окружения Вильгельма II, включая лично-го друга кайзера князя Эйленбурга-и-Хертфельда и племянника знаменитого фельдмаршала графа Куно фон Мольтке, чьи нежные письма к Эйленбургу появились в печати.

Подобно Уайльду, оскорбленные аристократы обратились в суд и категорически отрицали свою гомосексуальность. Да, говорил Эйленбург, «я был в юности восторженным другом и горжусь этим... Одна из тончайших немецких добродетелей — способность к дружбе. У меня были глубокие отношения с мужчинами, которым я писал восторженные письма, и я не жалею об этом. Мы знаем, что наши великие герои, Гете и другие, тоже писали своим друзьям нежные письма» (цит. по Steakley, 1989, p. 252; Lautmann und Taeger, 1992). Но перед свидетельством баварского рыбака Эрнста, сексуальными услугами которого он пользовался в своем родовом замке, князь был бессилён.

Для Эйленбурга эти услуги не имели абсолютно ничего общего с его отношениями с Мольтке, а для молодого Эрнста эпизодические сексуальные контакты с князем были не только выгодны, но и почетны. Националистически настроенная буржуазия не желала понимать этих тонких различий. Для нее гомосексуальность была просто знаком социального разложения. Кстати сказать, развязавший этот скандал Гарден не был гомофобом, он одним из первых подписал петицию Хиршфельда о декриминализации гомосексуальности. Разоблачение гомосексуальных связей между офицерами и новобранцами и между князем и крестьянином было для него лишь средством политической борьбы, доказательством того, что фундамент общества гниет и это чревато национальной катастрофой.

Скандальные процессы начала XX в. показали европейским гомосексуалам, что их судьбы — всего лишь разменная монета в политической борьбе, и, если они не хотят оставаться вечными жертвами, им нужно стать борцами. Но и сами они, и условия их жизни были такими разными...

КРУЖОК БЛУМСБЕРИ

В Англии между двумя мировыми войнами главными рассадниками и духовными центрами однополый любви оставались Оксфорд и Кембридж. Именно в Кембридже возник кружок так называемых «Кембриджских апостолов», позже получивший название группы Блумсбери (по имени района в Лондоне, где они с 1904 г. регулярно собирались в доме сестер Стивен на Гордон-сквер) (Edel, 1979; Rosenbaum, 1975). Наиболее известными членами этого интеллигентского кружка-салона были популярный романист Литтон Стрэчи (1880—1932), экономист Джон Мейнард Кейнс (1883—1946), историк Голдсуорси Дикинсон (1862—1932), писатель Э. М. Форстер (1879—1970), писательница Вирджиния Вулф (1882—1942). В доме на Гордон-сквер бывали не только гомосексуалы, но последние явно преобладали. Свободная дружеская атмосфера благоприятствовала вольным разговорам и шуткам в традициях Уайльда. Некоторые члены кружка были связаны любовными отношениями. Хотя никто из

них, за исключением Форстера, не выступал публично в защиту однополрой любви, они язвительно высмеивали викторианское ханжество и не стеснялись собственной гомосексуальности, а их высокая интеллектуальная репутация придавала респектабельность и ей. Однако в своих литературных произведениях они большей частью говорили эзоповым языком.

Характерно в этом смысле творчество Форстера. Хотя однополая любовь была центральной осью всех произведений знаменитого писателя, открыто он говорит о ней только в романе «Морис». Герой этого романа с ранней юности чувствует свою необычность, но очень долго не может ни осознать истинный характер своей привязанности к соученику по университету, ни тем более принять ее. Лишь в самом конце повествования Морис находит счастье в объятиях молодого рабочего. «Морис» — любимое детище Форстера. Первый вариант романа был закончен летом 1914 г., но писатель не посмел его напечатать и продолжал работать над рукописью вплоть до 1960 г., опубликована же книга была лишь после его смерти, в 1971 г. (русский перевод вышел в 1999 г.). Однако за эти годы многие былые страхи и нравственные критерии успели устареть. В результате консервативным критикам книга все равно показалась шокирующей, они привыкли к другому, менее откровенному, Форстеру, а литературная молодежь не увидела в романе ничего существенно нового. «Морис», как и поставленный на его основе кинофильм Джеймса Айвори (1987), выглядит скорее запоздалым памятником викторианской эпохи, чем художественно-психологическим открытием.

ОДНОПОЛАЯ ЛЮБОВЬ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Во Франции необходимости в политическом движении в защиту гомосексуалов не было, их не преследовали по закону со времен Наполеона. Общественное мнение здесь также было терпимее, пока речь шла только о частной жизни. Многие английские и американские гомосексуалы, подвергавшиеся травле у себя на родине, находили убежище в Париже. Не особенно волновала французов и мужская проституция. Тем не менее откры-

то защищать и пропагандировать гомосексуальность было нельзя. Два гомоэротических журнала «Inversions» (1924) и «Amitié» (1926) были сразу же запрещены полицией. Пытались запретить и хиршфельдовский *Jchrbuch*, который обвиняли в «циничной защите педерастии» и «разжигании нездоровых интересов», но его спасла научная форма.

Главную роль в «респектабилизации» однополой любви во Франции сыграла художественная литература. Ни в одной национальной литературе XIX–XX вв. эта тема не занимает такого большого места, как во французской (Stambolian. and Marks, 1978; Schehr, 1995a, 1995b).

Гомоэротические сюжетные линии явно присутствуют у Бальзака (1799–1850) в описании отношений между беглым каторжником Жаком Колленом (он же — Вотрен) и Люсьеном де Рюбампре. Громким событием околотитулярной жизни начала 1870-х гг. был роман Поля Верлена (1844–1896) и Артюра Рембо (1854–1891). Любовь с первого взгляда возникла в 1870 г., когда женатому Верлену было 26, а Рембо — 16 лет, продолжалась два года и стала достоянием гласности из-за своей горячности и драматизма (неуравновешенный Верлен даже стрелял в Рембо, за что попал на два года в тюрьму). Ее поэтическим выражением стали несколько гомоэротических стихотворений обоих поэтов и совместно написанный ими порнографический «Сонет о заднем проходе».

Гюстав Флобер (1821–1880) в своем ироническом словаре определил педерастию как «болезнь, которая поражает всех мужчин определенного возраста» (сам Флобер, как видно из его писем друзьям из Туниса и Египта, также был ей подвержен). «Цветы зла» Шарля Бодлера (1821–1867) первоначально назывались «Лесбиянки». Тема мужской любви звучит в «Песнях Мальдородора» графа де Лотреамона (псевдоним Изидора Дюкасса, 1846–1870).

В начале XX в. художественным исследованием гомосексуального желания занялись признанные классики. Причем если для Ромена Роллана и Роже Мартен дю Гара, посвятивших проникновенные страницы подростковой дружбе-любви, эта тема была важной, но проходной, то для Марселя Пруста, Андре Жида, Анри де Монтерлана и Жана Кокто это главный экзистенциальный стержень всей их жизни и творчества.

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

Марсель Пруст (1871—1922) с детства испытывал влечение к мальчикам (Proust, 1991; Rivers, 1980; Bonnet, 1985; Diesbach, 1991; Duchène, 1994; Tadié, 1996; Kristeva, 1996). Одиноким и болезненным ребенком, проводивший время преимущественно среди женщин, он мечтал, что когда-нибудь будет жить вместе со своим лучшим другом, которого никогда не покинет. В 10 лет он объяснился в возвышенной любви старшему мальчику. В 12 лет, «в поисках удовольствия», начал мастурбировать, запираясь в уборной родительского дома. Несколько лет спустя, застав сына за этим занятием, отец прочитал ему лекцию о вреде онанизма и дал деньги на посещение борделя. Этот визит закончился фиаско. Сохранилось поразительное по своей прямоте и наивности письмо Марселя к деду: «Мне было нужно увидеть женщину, чтобы покончить с дурной привычкой мастурбации, и папа дал мне 10 франков на бордель. Но 1) от волнения я разбил ночной горшок, 3 франка, 2) по той же причине у меня ничего не получилось (*je n'ai pas pu baiser*). Так что теперь мне, как и прежде, срочно нужны 10 франков, чтобы я мог освободиться (*pour me vider*), и 3 франка за горшок» (Duchène, 1994, p. 125).

Таким же беспредельно откровенным 16—17-летний Пруст был и со своими соучениками в лицее Кондорсэ. Раулю Версини он признался, что имел сексуальный опыт с каким-то старшим мальчиком, и, хотя тот овладел им отчасти с помощью силы, Марсель не скрыл, что его слабость не была случайной и что он не испытывает по поводу этой «большой гнусности» ни грусти, ни угрызений совести (Diesbach, 1991, p. 75).

Подобные признания в мальчишеской среде невероятного опасны, но Марсель страшно нуждается в любви и дружбе. Он завязывает дружеские отношения с тремя младшими мальчиками — 15-летними Жаком Бизе (сыном композитора), его кузеном Даниэлем Галеви и 14-летним Робером Дрейфюсом. Хотя каждый из членов этого «маленького общества четырех друзей» был по-своему замечателен, все они признавали интеллектуальное превосходство Пруста. Беда, однако, заключалась в том, что они Марселю были нужны, а он им — нет. В своем незакон-

ченном автобиографическом романе «Жан Сантей» Пруст рассказал, каким одиноким он чувствовал себя в лицее.

Зимой 1887/1888 г. Марсель написал Бизе, что ему очень плохо дома. «Я очень нуждаюсь в твоей дружбе... Мое единственное утешение, когда я действительно грустен, — это любить и быть любимым» (Proust, 1991, p. 41). Мы не знаем, что ответил Жак, но матери Пруста привязанность Марселя показалась чрезмерной, и она запретила ему встречаться с Бизе. В письме Жаку от 14 июня, «которое мне было написать труднее всего в жизни», Марсель рассказал ему обо всем (включая то, как отец просил его хотя бы 4 дня не мастурбировать!) и безуспешно умолял продолжить их отношения. В дневнике Галеви письму Марселя, адресованное Бизе, сопровождается пометкой: «Этот бедный Пруст абсолютно сумасшедший — посмотрите это письмо» (Proust, 1991, p. 51).

Марсель в отчаянии пишет Галеви, объясняя ему характер своей привязанности к Бизе: «...Есть молодые люди... и особенно типы от восьми до семнадцати лет, которые любят других мальчиков, всегда хотят видеть их (как я — Бизе), плачут и страдают вдали от них, которые не хотят ничего другого, кроме как целовать их и сидеть у них на коленях, которые любят их за их тело, ласкают их глазами, называют их «дорогой» и «мой ангел», вполне серьезно, пишут им страстные письма и ни за что на свете не занялись бы педерастией.

Однако зачастую любовь их увлекает и они совместно мастурбируют. Но не смейся над ними... В конце концов, это же влюбленные. И я не знаю, почему их любовь недостойнее обычной любви» (Proust, 1991, p. 57—58).

Не найдя отклика у Бизе, Марсель влюбляется в Даниэля, надоедает ему, посвящает любовные стихи. Гетеросексуальным мальчикам эти чувства были смешны и даже оскорбительны. В дневнике Галеви по поводу стихотворения Пруста записано: «Какое несносное существо!» (Proust, 1991, p. 41).

Влюбленный Пруст ведет себя поразительно глупо. Он не хочет, чтобы мальчики считали его педерастом, но посвященный Галеви сонет (ноябрь 1888 г.) назывался «Педерастия», его лирический герой говорит, что «хотел бы всегда лежать, любить или жить с нежным мальчиком,

Жаком, Пьером или Фирменом» (там же, Proust, 1991, p. 149). При всем его уме и таланте, Пруст казался одно-классникам странным, манерным и скучным. «Бедный, несчастный мальчик, мы были грубы с ним...» — писал впоследствии Галеви (Diesbach, p. 60).

Оскорбленное самолюбие сделало молодого человека чрезвычайно скрытным. Отныне и до конца жизни он категорически отрицал свою гомосексуальность. Слово «педерастия» вызывало у него непреодолимое отвращение, он никогда не применял его к себе (и был прав: если педерастия — анальный контакт, то он этого не хотел и не делал). Страх прослыть педерастом был у Пруста настолько силен, что летом 1908 г. он вызвал на дуэль отца 19-летнего Марселя Плантевина, с которым писатель в это время интенсивно, но вполне платонически общался, за то, что юноша не опроверг достаточно жестко высказанную кем-то сплетню-намека о природе их отношений. Искреннее раскаяние и извинения молодого Плантевина разрядили этот конфликт (Tadié, 1996, p. 615).

Пруст постоянно влюблялся в юношей и молодых мужчин, писал им нежные письма и поддерживал теплые отношения. Эти влюбленности, которые большей частью оставались платоническими, сменяли друг друга (18-летний композитор Рейнальдо Ан, 16-летний Люсьен Додэ, румынский аристократ князь Антуан Бибеско, молодой дипломат Бертран де Фенелон, Альберт Намья и т. д.), а потом отношения перерастали в дружеские. Гомоэротизм не мешал Прусту всю жизнь поддерживать исключительно теплые дружеские отношения с женщинами. Писатель хорошо понимал и чувствовал женщин, и они отвечали ему взаимностью, но эти отношения всегда оставались платоническими.

Самой сильной и длительной любовью Пруста был молодой автогонщик Альфред Агостинелли, который вместе со своей любовницей Анной (Пруст считал ее женой Альфреда) несколько лет жил в доме Пруста на правах его шофера, а затем секретаря. Пруст старался удовлетворять малейшие желания Альфреда. Внезапный и загадочный уход Агостинелли от Пруста 1 декабря 1913 г. и затем его гибель в авиационной катастрофе 30 мая 1914 г. вызвали у писателя отчаяние и сильное потрясение. «Я действительно любил Альфреда, — писал он через полгода после

гибели Агостинелли. — Мало сказать — любил, я обожаю его. И я не знаю, почему я пишу это в прошедшем времени, я буду любить его всегда» (Duchène, p. 682).

Хотя со временем Альфреда заменили другие молодые секретари, Агостинелли не был забыт. «Печаль убывает не потому, что умирают другие, а потому, что что-то умирает в тебе самом. Нужна большая жизненная сила, чтобы поддерживать неизменным собственное «Я» хотя бы в течение нескольких недель. Его друг не забыл бедного Альфреда. Но он соединился с ним в смерти, а его наследник, сегодняшнее «Я», хотя и любит Альфреда, знает его только по рассказам другого. Это нежность из вторых рук» (Duchène, p. 686).

Почти все биографы Пруста убеждены, что Агостинелли был его любовником. Но в одном из писем Пруст настоятельно просит Намья избегать разговоров об Альфреде: «Люди настолько глупы, что могут увидеть в этом, как то было с нашей дружбой, нечто педерастическое. Мне это все равно, но я ни в коем случае не хочу причинить неприятность этому мальчику» (Diesbach, p. 520). То есть Пруст ставит свои отношения с Агостинелли в тот же ряд, что и отношения с Намья, и категорически отрицает их гомосексуальность (или только педерастичность?). Биограф Пруста замечает по этому поводу: «Не будем обманываться, он не отрицает «педерастического характера» этой дружбы, только не хочет, чтобы об этом говорили» (Tadié, p. 698). Мне кажется, что как раз отрицает, причем обращаясь к человеку, обмануть которого было невозможно.

Озабоченный собственными проблемами, Пруст испытывал постоянную потребность говорить о гомосексуальности и в то же время был неспособен к прямому самораскрытию. Это заставляло его лицемерить. Хотя Пруст внимательно читал Крафт-Эбинга и Эллиса, когда в 1921 г. Поль Моран, зная, что Пруст пишет «Сodom и Гоморру», привез ему из Берлина новую книгу Хиршфельда, Пруст с наигранным отвращением, не взглянув, отбросил ее. Единственным человеком, в разговоре с которым Пруст однажды снял привычную маску, был Андре Жид. Когда 14 мая 1921 г. Жид принес ему рукопись «Коридона», Пруст без всякого стеснения и угрызений совести, даже с некоторым хвастовством, признался ему в сво-

ей педерастии и даже рассказал о своих «экспериментах по вызыванию оргазма», но тут же заметил, что в литературе об этом можно говорить только косвенно: «Вы можете рассказывать все, что угодно, но только при условии, что вы никогда не скажете «Я» (Gide, 1943, pp. 380—381).

Трагедия Пруста заключалась в том, что нежные любовные чувства, которые он испытывал к молодым мужчинам, были несовместимы с его темными садомазохистскими фантазиями. Друзья Пруста подозревали, что в последние годы жизни он практически был импотентом. В 1911 г. он познакомился с бывшим лакеем Альбертом Лекюзья (прообраз Жюльена), помог ему открыть мужской бордель, подарив свою семейную мебель (биографы Пруста видят в этом жесте проявление неосознанной ненависти к матери), и часто посещал это заведение. Один из обслуживавших Пруста молодых людей впоследствии рассказывал писателю Марселю Жуандо (эта запись сохранилась в его архиве), что, когда он приходил к Прусту, тот уже лежал в постели, закрытый простыней до самого подбородка. Он улыбался молодому человеку, тот раздевался догола и, стоя у двери, мастурбировал под пристальным взглядом Пруста, который под простыней делал то же самое. Когда Пруст кончал, он снова улыбался молодому человеку, и тот уходил, не приближаясь к постели клиента. Если же оргазма не получалось, юношу отпускали, а Лекюзья приносил две клетки с голодными крысами. Как только дверца между клетками поднималась, животные с яростными криками начинали рвать друг друга в клочья, и от этого зрелища Пруст, который с детства панически боялся крыс, сразу же кончал (Tadié, p. 789). Принять эту садомазохистскую эотику Пруст не мог, и это усугубляло двойственное, амбивалентное отношение к гомосексуальности в его литературных произведениях.

Творчество Пруста зашифровано так же тщательно, как и его личная жизнь. Его первый рассказ на гомосексуальную тему «Перед ночью» (1893) формально представляет собой исповедь лесбиянки, но на самом деле Пруст обсуждает свои собственные проблемы. Хотя однополая любовь представляется ему следствием болезненной нервной инверсии и в силу этого имманентно неполноценной, всей логикой своего рассказа Пруст подводит читателя к мысли, что в этой инверсии нет ничего предосуди-

тельного ни с социальной, ни с моральной, ни с эстетической точки зрения. Это та же самая мысль, которую Пруст несколькими годами раньше пытался объяснить своим лицейским товарищам.

Судьба Уайльда и неудачи собственных попыток самораскрытия сделали Пруста чрезвычайно скрытным. В своей великой эпопее «В поисках утраченного времени» «великий мастер притворства», как назвал его Андре Жид, разделил свои эротические переживания на две части. Все красивое, нежное и изящное, что было в его гомоэротических воспоминаниях, Пруст отдал «девушкам в цвету», оставив на долю «Содома» все темное и гротескное. Превратив Альфреда Агостинелли в Альбертину (именно совпадение некоторых конкретных ситуаций подсказало литературоведам разгадку образа Альбертины еще до того, как стали известны многие факты), Пруст описал свои любовные переживания и размышления о них так, как если бы они были адресованы и вдохновлены женщинами. Но «Альбертина» — не просто маска «Альфреда», а нечто гораздо большее (Kristeva, 1996). Бисексуальная Альбертина приоткрывает женственную, «гоморрскую» сторону самого Рассказчика. Как сообщник Альбертины и знаток всех ее наслаждений и измен, Рассказчик может представить себя женщиной. А описывая реальную или воображаемую вину Альбертины, Пруст получает возможность выразить свои угрызения по поводу отношений с матерью и ее смерти.

Столь же многогранен образ барона Шарля де Шарлю (современники узнавали в нем писателя графа Робера де Монтескью, но это образ собирательный). Шарлю умен и эрудирован, но одновременно безжалостен и коварен, причём Пруст связывает это с его феминизированностью. Писатель подчеркивает, что Шарлю не только выглядит неприятно-женственным, но по сути своей «является женщиной». Мало привлекательны и другие гомосексуальные персонажи — музыкант Морель, в котором узнавали любовника Монтескью пианиста Леона Делафосса, готов за деньги отдаться кому угодно, Жюльен содержит мужской бордель и т. д.

По словам Рассказчика, от лица которого ведется повествование, педерасты — насквозь лживая и, подобно евреям (между прочим, мать Пруста — еврейка), «прокля-

тая раса», представители которой мечтают о вирильности и стараются казаться вирильными именно потому, что их темперамент остается женственным. Походя на мужчин только внешне, эти люди лживы, скрытны, неискренни, стараются развратить непохожих на себя молодых людей и всячески привлекают их к себе. Не довольствуясь сатирическим изображением кокетливых молодых мужчин из светских салонов, бдительный Рассказчик «разоблачает» гомозротические чувства мадам де Лафайетт, Расина, Бодлера и Вальтера Скотта. В «Содоме и Гоморре» Пруст ярко описывает тоску и одиночество этих людей, но в его рассказе нет жалости, только отвращение.

Значит ли это, что «В поисках утраченного времени» — гомофобская пародия, персонафикация всем известных отрицательных стереотипов, рассчитанная на то, чтобы скрыть собственные слабости автора? Некоторые современники Пруста, прежде всего Андре Жид, восприняли книгу именно как недостойный камуфляж, лицемерие и потакание ложным стереотипам плюс нелестное и не всегда объективное освещение личной жизни хорошо знакомых Прусту людей.

Пруст действительно боялся открыто затрагивать жгучую тему. Хотя для современного читателя в «Содоме и Гоморре» нет абсолютно ничего непристойного и даже эротического, читателям начала 1920-х гг. некоторые эпизоды казались скабрёзными. Пруст очень беспокоился по этому поводу и заранее предупреждал об опасности будущих издателей. Некоторые критики действительно обвиняли писателя в том, что он сделал педерастию респектабельной. После Пруста она перестала быть неназываемой, о ней стало можно не только сплетничать, но говорить на философском и эстетическом уровне.

Отрицательное изображение гомосексуальности у Пруста — его социальная и психологическая самозащита. Он как бы говорит читателю: да, я пишу о педерастах, но это вовсе не мои проблемы, я не люблю этих людей и я не такой, как они. В то же время он невольно проговаривается: да, я знаю, что я такой же, как Шарлю, но я ненавижу в себе эти черты и проецирую их на других, превращая самопародию в пародию. «Знаете, он для меня — славный младший товарищ, — продолжал барон, я к нему очень привязан и уверен (значит, он ощущал необходимость в том, чтобы подчерки-

вать, что он уверен?), что и он — ко мне, но ничего другого между нами нет, ни на вот столько — понимаете? — ни на вот столько...» (Пруст, 1992, с. 211). Вряд ли Пруст не понимал, что слова де Шарлю звучат как цитата из его собственных писем друзьям.

Но писатель не просто сводит счеты с окружающими его людьми и своей собственной проблематичной сексуальностью. Он все время играет с читателем, загадывает ему загадки, заставляет думать. Хотя Рассказчик, которого читатель склонен принимать за автора, гетеросексуален, он постоянно и напряженно думает о гомосексуальности, очень чувствителен к мужской красоте, замечает и любит ее. Альбертина, в которую Рассказчик влюблен, также, по-видимому, бисексуальна. И даже у прочно гетеросексуального Свана когда-то в детстве, кажется, что-то такое было: «Может быть, давно, в коллеже, как-нибудь случайно» (Пруст, 1992, с. 289).

Пруст заставляет читателя все время находиться в атмосфере чего-то неясного, неопределенного, недосказанного. Ему говорят, но не договаривают, показывают, но не объясняют. Простой и надежный мир, где мужчина — всегда мужчина, женщина — всегда женщина, а у гомосексуала нет ничего общего с гетеросексуалом, утрачивает привычные четкие очертания. И если почти о каждом персонаже возникает вопрос: «Так он все-таки — да или нет?» — то и читатель невольно задумывается о себе: «А я кто такой?» «Кажется, что Пруст постоянно сознает и играет с тем фактом, что хотя книга открыто, явно болтает с гетеросексуалами с гетеросексуальной (Рассказчика) точки зрения, она несет в себе скрытый гомосексуальный подтекст обменов между сексуально проблематичным Рассказчиком и его гомосексуальными читателями» (Woods, 1995, р. 574). В этом смысле «В поисках утраченного времени» — более современная книга, чем многие новейшие тексты, где о каждом точно известно, кто есть who.

АНДРЕ ЖИД

В отличие от Пруста, Андре Жид (1869—1951) выступил в защиту гомосексуальности с открытым забралом. Рано потеряв отца, маленький Андре жил под опекой любящей, но излишне доминантной матери. С ран-

него детства он чувствовал себя непохожим на других мальчишек, которые часто били его и издевались над ним. Эротическое воображение Жида было двойственным. В 9 лет на костюмированном балу в школе он влюбился в одетого чертенком мальчика немного старше себя и не мог оторвать глаз от его изящного тела, по сравнению с которым он казался себе смешным и безобразным. В то же время эмоционально ему было гораздо легче в обществе девочек, подростком он был особенно дружен со своей кузиной Мадлен Рондо, на которой женился в 1895 г. Однако любовь, которую Жид испытывал к жене, была исключительно духовной; сексуально его волновали мальчики-подростки.

Несмотря на легкий и общительный характер, юный Андре мучительно переживал раздвоение собственных чувств. Ему хотелось быть до конца искренним и в то же время сохранить стыдливость. Английский исследователь Патрик Поллард даже назвал свою книгу о Жиде «Гомосексуальный моралист» (Pollard, 1991). Центральная тема юношеских дневников Жида (Gide, 1943a) — конфликт между моралью и искренностью: «Имей смелость быть самим собой. Я должен подчеркнуть это также в своей голове» (10 июня 1891). «Страх не быть искренним мучил меня несколько месяцев и не давал писать» (31 декабря 1891). «Меня волнует дилемма: быть моральным или быть искренним» (11 января 1892). «Я всего лишь маленький мальчик, который забавляется под надзором надоедливого протестантского пастора» (22 июня 1907).

Важную роль в сексуальном раскрепощении Жида сыграл Уайльд. Их первая встреча состоялась в Париже в 1891 г. Уайльд, в то время преуспевающий писатель, со свойственным ему веселым цинизмом попытался «деморализировать» своего молодого французского почитателя, освободить его от слишком жестких моральных представлений. Это покушение на его душу испугало Жида и вызвало у него острый кризис. Он даже вырвал из своего интимного дневника относившиеся к этому эпизоду страницы.

Когда в январе 1895 г. он случайно встретился с Уайльдом и Альфредом Дугласом в Алжире, первым побуждением Жида было убежать, но он не сделал этого. Уайльд пригласил его в кафе, и там он увидел юного флейтиста Му-

хаммеда, который с первого взгляда очаровал его. Жид и раньше увлекался арабскими мальчиками, ради них он, собственно, и ездил в Алжир, но никогда не осмеливался довести свое увлечение до физической близости. На сей раз с ним рядом был циничный Уайльд. Выходя из кафе, он спросил Жид: «Вы хотите этого музыканта?» Превозмогая себя, срывающимся от стыда и волнения голосом Жид ответил «да», Уайльд сказал несколько слов проводнику, победно расхохотался, и эту ночь Жид провел с Мухаммедом. Она стала его вторым рождением:

«Теперь я нашел наконец то, что для меня нормально. Не было больше ничего принудительного, вымученного, сомнительного; в моей памяти об этом не сохранилось ничего неприятного. Мое блаженство было безмерно, я не могу вообразить более полного счастья, даже если бы сюда примешивалась любовь. Как могло это быть вопросом любви? Как я мог позволить желанию овладеть моим сердцем? Мое удовольствие было свободно от каких бы то ни было задних мыслей и не должно было сопровождаться никакими угрызениями. Но как в таком случае я должен назвать тот страстный порыв, с которым я сжимал своими голыми руками это совершенное маленькое тело, дикое, страстное, чувственное и смуглое?..

После того как Мухаммед ушел, я еще долго находился в состоянии дрожащего ликования, и хотя уже рядом с ним я пять раз пережил чувственный восторг, это повторялось еще несколько раз; и, вернувшись в свой гостиничный номер, я до самого утра испытывал его отголоски» (Gide, 1932, p. 415).

Теперь он точно знал, что ему нужно. Однако это не помешало ему жениться на Мадлен. Сексуальная жизнь Жид ограничивалась краткосрочными приключениями с 15—18-летними рабочими подростками и юными арабами. Это влечение, а иногда и самих мальчиков, он разделял с близкими друзьями. В отличие от Пруста, Жид признавал себя педерастом, но не содомитом: «Мне, не понимающему удовольствия иначе, как лицом к лицу, на началах взаимности и без насилия, часто, как Уитмену, достаточно самого мимолетного контакта» (Gide, 1932, pp. 418—419). Жена писателя, имевшая, подобно Софье Андреевне Толстой, доступ к его интимному дневнику, относилась к этим похождениям и увлечениям терпимо,

благо они оставались поверхностными, а их объекты быстро менялись. Правда, в 1905 г. Жид и его близкий друг Анри Геон оба влюбились в юношу своего круга Мориса Шлюмберже, младшего брата их общего друга, но соперничество не испортило их отношений; в конце концов они оба Морису наскучили.

Гораздо серьезнее был роман 47-летнего писателя с его 16-летним племянником Марком Аллегрэ. Жид знал Марка с раннего детства и, когда тот превратился в обаятельного подростка, страстно влюбился в него, заботился о его развитии, возил с собой в Швейцарию, Англию, Тунис и Конго. О силе этой любви говорят многочисленные дневниковые записи (Gide, 1943в). Жид любит стройным телом и нежной кожей мальчика, «томностью, грацией и чувственностью его взгляда» (21 августа 1917). «Я не обманываюсь: Мишель (Марк часто фигурирует в дневниках Жид под этим именем или просто как «М.» — И. К.) любит меня не столько таким, каков я есть, сколько за то, каким я позволяю ему быть. Зачем спрашивать большего? Я никогда не испытывал большего удовольствия от жизни, и вкус жизни никогда не казался мне таким восхитительным» (25 октября 1917). «Воспитание — это освобождение. Вот то, чему я хотел бы научить М.» (1 ноября 1917). «Мысль о М. поддерживает меня в постоянном состоянии лиризма... Я не чувствую больше ни своего возраста, ни ужаса времени, ни погоды» (15 декабря 1917). «Я уже не могу обходиться без М. Вся моя молодость — это он» (4 мая 1918). «Самое большое счастье, после влюбленности, — это признаваться в любви» (11 мая 1918).

Когда Марком заинтересовался Жан Кокто, это вызвало у Жид первый и единственный в его жизни жестокий приступ ревности, он готов был убить Кокто. Эта страсть, о которой знали все друзья писателя, настолько встревожила Мадлен, что она сожгла его интимные письма этого периода. Но этот роман был скорее платоническим. Несмотря на привязанность к знаменитому дядюшке, Марка больше интересовали девушки. Жид уважал и поощрял любовные связи племянника, и в дальнейшем их взаимоотношения переросли в прочную дружбу.

Роман с Марком Аллегрэ активизировал потребность Жид открыто рассказать людям об однополрой любви. Эта идея жила в нем давно. Первым шагом к самораскрытию

была во многом автобиографическая повесть «Имморалист» (1902), лирический герой которой, Мишель, мучительно освобождается от традиционных протестантских ценностей, открывая подлинную сущность своей сексуальности. В конечном счете он делает это с помощью непосредственных и сердечных арабских мальчиков, для которых нагота и сексуальные отношения с мужчинами вполне естественны. Сексуальное освобождение приносит Мишелю также и духовную свободу. По выражению американского литературоведа Берсани, «Имморалист» — это рассказ о человеке, которого открытие своей педерастии превратило из преждевременно высушенного книжного червя в страстного любителя жизни (Bersani, 1995, p. 114).

Читателю с самого начала ясно, что Мишелю нужны мальчики, но сам он это одновременно знает и не знает. Его эротизм удивительно нетребователен, почти асексуален. Ласковое прикосновение арабского мальчика — ничего больше ему не требуется — открывает Мишелю его собственное тело и кожу, он наслаждается солнцем и собственной наготой. Телесное обнажение эквивалентно психическому самораскрытию. Но за это приходится заплатить высокую цену, причем расплачивается не столько сам Мишель, сколько его жена Мадлен, на которой он женился без любви и которую обманывал.

Вслед за «Имморалистом» появилась книга из четырех «сократических диалогов» под многозначительным названием «Коридон», которую Жид считал важнейшим из своих сочинений. В ней он не только открыто провозгласил себя «уранистом», но и выступил с историко-философской апологией однополой любви, объявив педерастию главным источником достижений античной цивилизации. Публикация «Коридона» в католической Франции, тем более — после процесса над Уайльдом, была мужественным поступком. Первый вариант «Коридона» Жид выпустил в 1911 г. анонимно, тиражом всего в 12 экземпляров, для ближайших друзей. Первое открытое издание книги вышло в 1924 г. и воспринималось как ответ на карикатурный образ гомосексуала, нарисованный Прустом в «Содоме и Гоморре».

В предисловии к изданию 1924 г. Жид писал, что некоторые книги уже приучили публику спокойно относиться к однополой любви, вместо того чтобы делать вид, будто она не существует. Но эти книги одновременно вводят

публику в заблуждение, отождествляя гомосексуальность с феминизацией и интерсексуальностью. Сама по себе эта теория «третьего пола», может быть, и верна, но она имеет отношение только к одному виду гомосексуальности — к инверсии и содомии. Она не объясняет того феномена, который называют греческой любовью или педерастией, когда ни один из партнеров не феминизирован. «Нормальный гомосексуал» Коридон, каким считал себя и сам Жид, противопоставляется феминизированному инверту типа прустовского Шарлю.

Однако философские трактаты мало кто читает. Жид продолжил тему в романе «Фальшивомонетки» (1926). Основная сюжетная линия романа — история любви молодого писателя Эдуарда и его 15-летнего племянника Оливье. Их неудержимо влечет друг к другу, Эдуард хочет помогать духовному развитию юноши, а Оливье нуждается в его жизненном опыте и эмоциональном тепле. Однако робость и страх быть непонятыми мешает обоим открыто выразить свои чувства. Эдуарду кажется, что он не нужен мальчику, а Оливье, принимая сдержанность Эдуарда за холодность, едва не становится добычей светского циника графа де Пассавана, напоминающего прустовского де Шарлю, только молодого. Но в конце концов дядя и племянник обретают друг друга и даже мать Оливье благословляет их отношения.

В своей автобиографии «Если зерно не умирает...» (1926) Жид расставил все точки над «и». Гомосексуальные чувства и отношения, которые раньше можно было считать художественным вымыслом, теперь стали фактами его биографии. Это, естественно, вызвало скандал. Отдельные критики обвиняли Жида в развращении детей, а в его откровенности увидели проявление эксгибиционизма и нарциссизма. Даже некоторые из друзей писателя были шокированы. Но со временем люди привыкли. В 1947 г. Андре Жид даже получил Нобелевскую премию по литературе.

ЖАН КОКТО

От Андре Жида эстафета художественной гомоэротики протянулась к драматургу, поэту, режиссеру и художнику Жану Кокто (1889—1963). Как и Жид, Кокто был маменькиным сынком (его отец покончил с собой,

когда Жану было 8 лет) и всегда любил женское общество. Сексуально его привлекали исключительно мальчики, сначала старшие, потом младшие. В лице Кондорсэ Жан страстно влюбился в старшего по возрасту, сильного и необузданного одноклассника Даржелоса, не мог спокойно видеть его голых ног в коротких шортах и открытого ворота рубашки, но при встрече с ним наедине растерялся и попал в неловкое положение. Даржелос навсегда остался в памяти Кокто идеалом агрессивной маскулинности. Сбежав из лицея, Кокто некоторое время жил в Марселе, среди матросов и проституток, пристрастился к наркотикам, потом погрузился в мир парижской богемы, сотрудничал с Дягилевым, Модильяни, Аполлинером, Пикассо, Стравинским. Отношения Кокто с Жидом, как личные, так и идейные, были натянутыми и порой враждебными.

Свои юношеские эротические чувства и переживания Кокто описал в анонимно изданной «Белой книге» (1928), к которой позже написал игривое предисловие — дескать, может быть, эта книга моя, а может быть, и не моя, и в романе «Ужасные дети» (1929).

«Белая книга» была в каком-то смысле написана как антитеза «Коридону». Если в «Коридоне» гомосексуальный рассказчик читает гетеросексуальному собеседнику серьезные лекции, то «Белая книга» — серия забавных гомоэротических приключений и образов, которые не нуждаются в оправдании и привлекательны сами по себе.

«Я всегда любил сильный пол, который, на мой взгляд, следовало бы называть прекрасным. В несчастьях моих повинно общество, которое преследует необычное как преступление и вменяет нам в обязанность переламять наши наклонности. <...> Я прекрасно понимаю, что муравьиная идеология наподобие русской, ориентированная на единообразие, считает преступлением своеобразие в одной из высших его форм. <...> Порок общества превращает в порок мою прямоту» (Кокто, 2001, с. 205, 238).

Кокто бросает вызов не только репрессии, но и снисходительной терпимости: «...Я не терплю, чтобы ко мне проявляли терпимость. Это оскорбляет мою любовь к любви и свободе» (Кокто, 2001, с. 238).

Человек разнообразных талантов и огромного личного обаяния, Кокто много лет стоял в самом центре француз-

ского художественного авангарда, вырастил нескольких талантливых учеников (некоторые из них были его любовниками) и стал первым открытым гомосексуалом, избранным — с первой же попытки! — в члены Французской академии.

ГОМОСЕКСУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ГЕРМАНИИ

Подлинным центром европейской гомосексуальной субкультуры в первой трети XX в. была Германия. Гомоэротизм имел глубокие исторические корни в немецкой культуре XVIII—XIX вв. (Derks, 1993). Я уже упоминал имя Винкельмана. Сильные гомоэротические тона ощущаются в немецкой поэзии эпохи «бури и натиска», с характерным для нее восторженным культом юности и дружбы (Иоганн Вильгельм Людвиг Глайм, Христиан Фюрхтеготт Греллерт и др.), и в произведениях немецких романтиков (Генрих фон Клейст).

Самым известным (и откровенным) немецким гомоэротическим поэтом эпохи романтизма был граф Август фон Платен (1796—1835) (Vumt, 1990). Большую часть жизни фон Платен прожил в Италии и, как видно из его автобиографии, не уклонялся от телесных радостей. Однако его поэзия исключительно целомудренна и посвящена преимущественно теме неразделенной любви автора к молодым мужчинам. Сентиментальную гомоэотику фон Платена язвительно высмеивал Генрих Гейне, но ее высоко ценил Томас Манн. В настоящее время в Зигене создана мемориальная библиотека имени фон Платена, самое большое в мире собрание немецкой гомоэротической литературы.

Гомоэротические чувства всю жизнь обуревали Фридриха Ницше (1844—1900) и проявлялись в его творчестве (Koehler, 1992). Одинокое детство, искусственное подавление чувственных желаний, интенсивная мастурбация, чувство своего глубокого несходства с товарищами по гимназии, мечтательность, нежная романтическая дружба с Карлом фон Герсдорфом, а затем с другими молодыми мужчинами, мизогиния и психологические трудности в отношениях с женщинами, которые могут быть только средством достижения благополучия, — все

это типичные черты гомосексуальной биографии второй половины XIX в.

Гомосексуальные чувства Ницше, о которых знали или догадывались некоторые его современники, были не только платоническими. В Южной Италии философ нашел реальных богов в лице купавшихся нагишом сицилийских юношей, которые воплотили его мечты об античной Греции, с ее прекрасными нагими мальчиками. В «Заратустре» (1883—1884) Ницше объясняется в любви к мужскому братству по оружию, а в «Утренней заре» (1881) — к обнаженному мужскому телу: «Что за бессмыслицу говорим мы о грехах! Что мы понимаем об их искусстве, душою которого служит страсть к *мужской* обнаженной красоте! Только из-за этого почувствовали они и женскую красоту» (Ницше, 1999, с. 477). Взгляды Ницше оказали сильное влияние на философию и эстетику конца XIX в., в частности на отношение к наготу.

В начале XX в. эта традиция была продолжена. Веймарская республика была периодом относительной терпимости. Хотя гомосексуальность оставалась уголовным преступлением, в Берлине, Гамбурге, Кельне и других немецких городах открыто существовало множество гомосексуальных баров, кафе и дансингов, где посетители без труда находили партнеров на любой вкус. Английские и американские гомосексуалы слетались в Берлин, как в Мекку. В разоренной войной Германии для них все было дешево, немецкие мальчики казались менее закомплексованными, а полиция — более снисходительной. Эта среда и ее нравы подробно описаны в воспоминаниях и повестях Ишервуда, Аккерли, Одена и Спендера и в знаменитом фильме Боба Фосса «Кабаре».

Наряду с бытовой гомосексуальной субкультурой, в Германии была и развитая идеология, точнее — идеологии. Социал-демократические теоретики добивались декриминализации гомосексуальности, ссылаясь на то, что гомосексуалы — жертвы ошибки природы. Аристократы-эстеты доказывали возвышенно-духовный характер однополый любви, требуя не снисхождения, а преклонения перед ней. Агрессивные милитаристы отвергали как медиализацию, так и интеллектуализацию гомозрота, считая его воплощением мужской силы и мужества. Соответственно различались и образы «истинного гомосексуала».

У одних это был женственный андрогин, у других — изящный юноша-эфеб, у третьих — сильный и грубый мужчина-воин.

Первая позиция была представлена Хиршфельдом. Основанный им в мае 1897 г. Научно-гуманитарный комитет составил специальную петицию за отмену дискриминационного 175-го параграфа имперского уголовного кодекса, которую подписали, в числе многих других выдающихся деятелей немецкой культуры, Август Бебель, Карл Каутский, Альберт Эйнштейн, Мартин Бубер, Карл Ясперс, Альфред Деблин, Герхард Гауптман, Герман Гессе, Томас и Генрих Манны, Райнер Мария Рильке, Стефан Цвейг.

В отличие от Хиршфельда, Адольф Бранд (1874—1945), издатель первого в мире гомосексуального журнала («Der Eigene»), выходявшего с 1896 по 1931 г., не просил о снисхождении, а доказывал, что мужская дружба-любовь — самое благородное и высшее человеческое чувство. «Der Eigene» первоначально возник как анархический журнал, но скоро стал авторитетным научно-художественным изданием, с сильной политической струей. Он имел около 1500 подписчиков и резко критиковал медицинские теории о «женственности» гомосексуалов. По мнению многих авторов журнала, однополая любовь, которую они предпочитали называть дружбой, не только не женственна, но воплощает лучшие традиции древних немецких мужских союзов.

Эти идеи имели свое этнологическое и историческое обоснование. Правнук Шиллера барон Александр фон Гляйхен-Руссвурм (1865—1947) в объемистом культурно-историческом исследовании «Дружба» (1912) доказывал, что мужская дружба играла решающую роль как в жизни древних воинских сообществ, так и в творчестве многих выдающихся поэтов и ученых. Бранд и некоторые члены его кружка особо выделяют значение эротических привязанностей между мужчинами и юношами, как это было в античности.

Сходные идеи, но без фашистского привкуса, распространялись и в окружении популярного поэта Стефана Георге (1868—1933), возродившего гёльдерлиновский образ «греческих немцев» и противопоставлявшего «вечную весну гомоэротической дружбы» и воинственного мужского

эроса «женственным» идеям семьи и домашнего очага. Предметом мистического обожания Стефана Георге был начинающий поэт, мюнхенский гимназист Максимилиан Кроненберг, которого Георге форменным образом обоже- ствил под именем Максимиана. Чем бы ни вдохновлялись идеи Георге (в начале XX в. оккультизм был моден не только среди гомосексуалов), созданный им культ юнос- ти оказал большое влияние на психологию и педагогику, способствуя пониманию юношеского возраста как само- стоятельной и самоценной фазы жизни, а не просто пе- риода «подготовки к взрослости».

«Педагогический эрос», требовавший духовной близос- ти между учеником и учителем, выше всего ставил бла- городство. Между прочим, один из учеников Георге, Клаус фон Штауфенберг, который в 1933 г. стоял в тра- урной вахте у гроба умершего в Швейцарии поэта (гитле- ровцы, которым импонировал национализм Георге, пред- лагали ему высокие посты, но он им даже не ответил), в 1944 г. совершил покушение на Гитлера.

В жизни все было сложнее. Культ мужской дружбы и «педагогического эроса» получил широкое распростра- нение среди лидеров и идеологов немецкого молодежно- го движения. Некоторые руководители так называемых «Перелетных птиц» (Wandervogel) не скрывали своего гомоэротизма. Обращаясь к родителям своих воспитан- ников, Вильгельм Янсен писал: «Вы должны привыкнуть к тому, что в ваших рядах есть так называемые гомосек- суалы, лишь бы только их поведение по отношению к вашим сыновьям оставалось безупречным» (Geuter, 1994, S. 37). Но туристские походы, культ наготы и совмест- ная жизнь в палатках облегчали не только духовное, но и сексуальное общение вожатых с воспитанниками, пери- одически вызывая скандальные разоблачения (в 1910 г. одно из них коснулось Янсена, в начале 1920-х гг. разра- зился скандал вокруг знаменитого педагога Густава Вю- некена), имевшие, как правило, политическую подо- плеку (Maasen, 1995).

Гомоэротизм вандерфогелей часто переплетался с идеями ультраправого, шовинистически-милитаристско- го порядка. Самым известным идеологом таких настрое- ний был Ганс Блюер (1888—1952). Начав свою научно- публицистическую деятельность как поклонник и после-

дователь Фрейда, Блюер затем круто свернул вправо, противопоставляя принцип элитарных мужских гомоэротических союзов идеям женского равноправия и политической демократии. Эти идеи смущали лидеров социал-демократических молодежных организаций, зато весьма импонировали гитлеровским штурмовикам, в среде которых гомосексуальные отношения были весьма распространены.

В начале XX в., отчасти под влиянием фрейдизма, психологией гомосексуальности заинтересовались крупнейшие немецкие прозаики.

В повести Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника Терлеса» (1906), посвященной трудностям психосексуального развития подростков, рассказывается, как в закрытой мужской школе двое мальчиков раздевают догола и подвергают сексуальным унижениям слабого и женственного Базини. У юного героя повести, оказавшегося невольным свидетелем этой сцены, она вызвала отвращение, но потом он сам почувствовал влечение к Базини и преодолел соблазн лишь усилием воли¹.

Стефан Цвейг в новелле «Смятение чувств» описал, сквозь призму восприятия молодого студента, переживания университетского профессора, который не может ни преодолеть, ни принять свои гомоэротические влечения. «Если страстное преклонение, хотя бы в самой чистой форме, направлено к женщине, оно бессознательно стремится к обладанию телом — к этому естественному символу самого тесного слияния. Но духовная страсть, привлекающая мужчину к мужчине, — какого выхода ищет она? Беспокойно бродит она вокруг предмета обожания, давая вспышки экстаза и никогда не находя полного удовлетворения. Всегда она струится, и никогда не высыхает ее источник; никогда она не насыщается, ибо природа ее — духовность» (Цвейг, 1927, с. 174).

¹ «Когда он обернулся, Базини стоял перед ним нагишом. Он невольно сделал шаг назад. Внезапное зрелище этого голого, белого, как снег, тела, за которым красный цвет стен превращался в кровь, ослепило и потрясло его. Базини был хорошо сложен; в его теле не было почти ничего от мужских форм, в нем была целомудренная, стройная, девичья худощавость. И Терлес почувствовал, как от вида этой наготы загораются белым пламенем его нервы. Он не мог уйти от власти этой красоты».

Появляются и литературные произведения, показывающие гомозеротику изнутри, в свете собственного опыта автора. Джон Генри Маккей (1864—1933) опубликовал под псевдонимом «Сагитта» несколько произведений под общим названием «Книги безымянной любви». Лучшая из них, роман «Наемный мальчик» («Puppenjunge», 1926) рассказывает о трагической влюбленности наивного молодого человека в 15-летнего берлинского проститута. Герой романа искренне любит мальчика и готов ради него на все. Но мальчик, приехавший в Берлин на поиски лучшей жизни и, не имея средств к существованию, легко принявший необходимость заниматься сексом за деньги, не в состоянии понять, что кто-то может любить его бескорыстно. Два человека, которые могли бы быть счастливы вместе, не могут понять друг друга и становятся жертвами полицейских репрессий.

ТОМАС МАНН

Один из величайших писателей XX в., лауреат Нобелевской премии Томас Манн (1875—1955), счастливо женатый мужчина и отец шестерых детей, считался сексуально благонадежным и в высшей степени организованным человеком. Интерес к однополый любви, выраженный в его произведениях, казался чисто интеллектуальным. Но когда была опубликована его огромная переписка и дневники (большую часть их писатель сжег), оказалось, что эта заинтересованность была глубоко личной (Härle, 1988; Härle, 1990; Boem, 1990; Hayman, 1995; Heilbut, 1996).

«Что касается лично меня, то мой интерес в какой-то мере делится между двумя... принципами, принципом семьи и принципом мужских союзов. Я по инстинкту и убеждению сын семьи и отец семейства... Но если речь идет об эротике, о небюргерской, духовно-чувственной авантюре, то дело представляется немного иначе» (письмо К. М. Веберу от 4.07.1920; Манн, 1975, с. 27—28).

В отличие от своего старшего брата Генриха, Томас был сексуально несколько заторможен, первый бурный взрыв чувственности он пережил в 21 год, но его всегда привлекали мальчики. Первой безответной любовью 14-летнего Томаса был его любекский одноклассник, голубоглазый блондин Арним Мартенс.

«...Его я любил — он был в самом деле моей первой любовью, и более нежной, более блаженно-мучительной любви мне никогда больше не выпадало на долю. Такое не забывается, даже если с тех пор пройдет 70 содержательных лет. Пусть это прозвучит смешно, но память об этой страсти невинности я храню как сокровище. Вполне понятно, что он не знал, что ему делать с моей увлеченностью, в которой я как-то в один «великий» день признался ему... Так эта увлеченность и умерла... Но я поставил ему памятник в «Тонио Крегере»...» (письмо Герману Ланге от 17.03.1955; Манн, 1975, с. 356).

Два года спустя, когда Манн учился в Англии, он влюбился в сына своего учителя, рыжеволосого Вильри; чтобы увидеть его, он даже ходил на ненавистные уроки физкультуры. Эта влюбленность также осталась платонической.

В 1899—1904 гг. Манн пережил своей первый и единственный «взрослый» мужской роман с художником Паулем Эренбергом, на год моложе писателя. Любовь была взаимной. Томас был безумно счастлив, он не ждал от судьбы такого подарка. «Речь идет не о любовном приключении, во всяком случае не о любовном приключении в обычном смысле, а о дружбе, о — диво дивное! — понятой, не безответной, вознагражденной дружбе... Граутхоф утверждает даже, что просто-напросто влюблен, как старшеклассник...» (письмо Генриху Манну от 7.03.1901; Манн, 1975, с. 7). Но отношения с Эренбергом были сложными. Помимо разницы характеров, Манн не мог принять однополую любовь за единственно для себя возможную. Он хотел иметь семью, детей, нормальную жизнь. После женитьбы в 1905 г. на Кате Принсгейм отношения с Эренбергом прекратились.

В человеческом отношении брак был счастливым, писатель глубоко уважал и любил красавицу жену и честно выполнял свои супружеские обязанности. Но влечение к мальчикам не оставляло его.

В 1911 г., отдыхая с женой в Венеции, писатель был очарован красотой 10-летнего поляка барона Владислава Моеса. Манн ни разу не заговорил с мальчиком, но описал его, прибавив для приличия четыре года, под именем Тадзио в повести «Смерть в Венеции» (1913). Когда десять лет спустя Моес прочитал повесть, он удивился, как точ-

но писатель описал его летний полотняный костюм. Моес тоже хорошо запомнил «старого господина», который смотрел на него, куда бы он ни пошел, и его напряженный взгляд, когда они поднимались в лифте; мальчик даже сказал своей гувернантке, что он нравится этому господину (Науман, 1995, р. 250).

Эти чувства сохранялись и позже. Дневниковые записи от 14 июля и 17 октября 1920 г. (Mann, 1979) свидетельствуют, что Манна волнует и смущает загорелое тело его старшего 13-летнего сына Клауса, который «выглядит ужасно красивым в своих купальных трусах». Заглянув на шум в спальню сыновей и увидев голого мастурбирующего Клауса, Манн пишет: «Сильное впечатление от его развивающегося, великолепного тела. Сильное чувство». Боясь собственной нежности, он не смеет приласкать мальчика, прикрывая свою любовь к нему подчеркнутой строгостью, которую тот принимает за недовольство и холодность. А Клаусу, которого самого уже обуревали гомоэротические грезы, так недоставало отцовского тепла...

Летом 1927 г. 52-летний писатель влюбился в 17-летнего Клауса Хойзера, сына своего друга, дюссельдорфского профессора-искусствоведа. Мальчик ответил взаимностью и долгое время гостил у Маннов в Мюнхене. Много лет спустя, 20 февраля 1942 г., Манн написал в дневнике (Mann, 1977, S. 185): «Это была моя последняя и самая счастливая страсть... Ну да — я любил и был любим. Черные глаза, пролитые ради меня слезы, любимые губы, которые я целовал, — все это было, и, умирая, я смогу сказать себе: я тоже пережил это».

Это увлечение не было последним. 80-летний Гете испытывал страсть к 17-летней Ульрике фон Леветцов, а 75-летнего Манна, как свидетельствуют его дневники (Mann, 1991), по-прежнему волнует юношеское тело: «Боже мой, как привлекательны молодые люди: их лица, даже если они наполовину красивы, их руки, их ноги» (18 июля 1950). В курортном парке он любит силу и грацию молодого аргентинского теннисиста: «Подпрыгивающее беспокойство тела во время бездействия на скамейке, поочередное скрещение ног, закидывание ноги на ногу, соединение обутых в белые туфли ступней... Белая рубашка, шорты, свитер на плечах после занятий... Колени. Он потирает ногу, как простой смертный». Но оча-

рование юности лишь подчеркивает бессилие старости. «Я близок к тому, чтобы пожелать смерти, потому что не могу больше выносить страсть к «божественному мальчику» (я не имею в виду конкретно этого мальчика)» (6 августа 1950).

Последней безответной страстью 75-летнего писателя был 19-летний баварский кельнер Франц Вестермайер, всколыхнувший в нем память о Клаусе Хойзере. «Постоянно думаю о нем и стараюсь найти повод для встречи, хотя это может вызвать скандал» (8 июля 1950). «Засыпаю, думаю о любимом, и просыпаюсь с мыслью о нем. «Мы все еще болееем любовью». Даже в 75. Еще раз, еще раз!» (12 июля 1950). «Как замечательно было бы спать с ним...» (19 июля 1950). Этой мечте Томаса Манна не суждено сбыться, но он превратит кельнера Франца в очаровательного авантюриста Феликса Круля.

Поскольку гомозеротические увлечения Томаса Манна были несовместимы с его нравственными воззрениями, его отношение к однополрой любви оставалось настороженным и двойственным. С одной стороны, он считает ее благородной и естественной. «Что зрелая мужественность ласково тяготеет к красивой и нежной, а та, в свою очередь, тянется к ней, в этом я не нахожу ничего неестественного, вижу большой воспитательный смысл и высокую гуманность» (письмо К. М. Веберу от 4.07.1920; Манн, 1975, с. 27).

С другой стороны, он не может избавиться от мыслей о «патологии». Главное достоинство однополрой любви — то, «что она почти обязательно — во всяком случае, более обязательно, чем «нормальная», — обладает *духовностью*» (Манн, 1975 с. 26). «Именно потому, что притягательность для меня явлений болезненных была духовного свойства, я инстинктивно стремился к их одухотворению, прекрасно зная, что только скверный натурализм делает культ из патологии ради нее самой и что она может войти в художественное изображение только как средство для духовных, поэтических, символических целей» (письмо В. Борну от 18.03.1921; Манн, 1975, с. 29).

Однополрая любовь в произведениях Томаса Манна всегда приносит страдания.

«...Тонио любил Ганса Гансена и уже немало из-за него выстрадал. А тот, кто сильнее любит, всегда внак-

ладе и должен страдать, — душа четырнадцатилетнего мальчика уже вынесла из жизни этот простой и жестокий урок...

Он любил его прежде всего за красоту; но еще и за то, что Ганс решительно во всем был его противоположностью. Ганс Гансен прекрасно учился, был отличным спортсменом, ездил верхом, занимался гимнастикой — плавал, как рыба, и пользовался общей любовью...

«Ну у кого еще могут быть такие голубые глаза; кто, кроме тебя, живет в таком счастливом единении со всем миром?» — думал Тонио... Впрочем, он не делал попыток стать таким, как Ганс Гансен, а может быть, и не хотел этого всерьез. Но, оставаясь самим собою, он мучительно желал, чтобы Ганс любил его, и на свой лад домогался его любви: всей душой, медлительно, самозабвенно, в печали и томлении — томлении, что жжет и глохнет сильнее, чем буйная страсть, которую можно было бы предположить в нем, судя по его южному облику» (Манн, 1960, с. 196, 199).

Однако эта любовь обречена остаться невостремленной, гомозроти́зм Тонио Крегера — знак его посторонности, неспособности органически войти в обыденный мир. Он реализует себя только в искусстве.

Та же коллизия — в «Смерти в Венеции», которая, по словам автора, «не что иное, как «Тонио Крегер», рассказанный еще раз на более высокой возрастной ступени» (письмо Ф. Берто от 1.03.1923; Манн, 1975, с. 34)

Знаменитый писатель Густав Ашенбах всю жизнь строго контролировал свои чувства, но, оказавшись после болезни на отдыхе в Венеции, он невольно расслабился, поддавшись очарованию 14-летнего Тадзио:

«Мальчик вошел в застекленную дверь и среди полной тишины наискось пересек залу, направляясь к своим. Походка его, по тому, как он держал корпус, как двигались его колени, как ступали обутые в белое ноги, была необъяснимо обаятельна, легкая, робкая и в то же время горделивая, еще более прелестная от того ребяческого смущения, с которым он дважды поднял и опустил веки, вполоборота оглядываясь на незнакомых людей за столиками. Улыбаясь и что-то говоря на своем мягком, расплывающемся языке, он опустился на стул, и Ашенбах, увидев его четкий профиль, вновь изумился и даже испугался

богоподобной красоты этого отрока <...> (Манн, 1960б, с. 476—477).

«Как красив!» — думал Ашенбах с тем профессионально холодным одобрением, в которое художник перед лицом совершенного творения рядит иногда свою взволнованность, свой восторг» (Манн, 1960б, с. 492).

Ашенбах, как и его прообраз, не посмел ни подойти, ни заговорить с мальчиком, но он «знал каждую линию, каждый поворот этого прекрасного, ничем не стесненного тела, всякий раз наново приветствовал он уже знакомую черту красоты, и не было конца его восхищению, радостной взволнованности чувств». «Одурманенный и сбитый с толку, он знал только одно, только одного и хотел: неотступно преследовать того, кто зажег его кровь, мечтать о нем, и когда его не было вблизи, по обычаю всех любящих нашептывал нежные слова его тени» (Манн, 1960б, с. 505).

Эта одинокая немая страсть разрушает упорядоченный внутренний мир и стиль жизни писателя. Ашенбах не может работать, старается выглядеть моложе, унижает себя использованием косметики и в конечном счете заболевает и умирает, глядя на играющего вдалеке Тадзио. Запретная любовь не может кончиться счастливо. Сам писатель различал в «Смерти в Венеции» три слоя. В символическом истолковании мальчик — это посланник богов Гермес, который должен увести Ашенбаха к высшим формам духовной жизни. В натуралистическом истолковании чувство Ашенбаха — болезненное, патологическое влечение, связанное с чумой и нездоровыми испарениями. Третье истолкование, коренящееся в протестантски-бюргерских убеждениях Манна, выражает недоверие ко всякой страсти, которая всегда действует разрушительно и подрывает человеческое достоинство личности. Неоднократно возвращаясь к этой теме, Манн подчеркивал, что хотя дионисическое, чувственное начало, предполагающее раскрепощение всех и всяческих инстинктов, на первый взгляд кажется жизнеутверждающим, на самом деле, разрушая порядок и нравственность, оно неизбежно влечет за собой смерть.

Двойственное отношение к однополую любви сквозит и в других произведениях Томаса Манна. Главный герой «Волшебной горы» (1924) молодой инженер Ганс Касторп

преодолевают наваждение подростковой — все те же 14 лет! — влюбленности в одноклассника в осуществленной любви к похожей на этого мальчика женщине. В «Докторе Фаустусе» (1947), осмысливая уроки германского фашизма, Манн опять обращается к природе гомозротического желания, персонализированного похожим на Пауля Эренберга Руди Швердтфегером, и снова видит в нем деструктивное начало, подрывающее стабильность общества.

Не в силах ни побороть, ни принять свои гомозротические желания, Томас Манн говорит о них намеками и загадками. «Хорошо, конечно, что мир знает только прекрасное произведение, но не его истоки, не то, как оно возникло; ибо знание истоков, вспоивших вдохновение художника, нередко могло бы смутить людей, напугать их и тем самым уничтожить воздействие прекрасного произведения» (Манн, 1960б, с. 495). Интерпретация этих образов и вытекающей из них морали в конечном счете остается за читателем и во многом зависит от его собственного жизненного опыта.

ФАШИСТСКИЙ ГЕНОЦИД

Вся жизнь Германии 1920 — начала 30-х гг. протекала под знаком фашистской угрозы. Как политически вели себя немецкие гомосексуалы и как относились к ним левые партии, претендовавшие на роль альтернативы фашизму? И то, и другое было неоднозначно.

В отличие от анархистов, признававших полную сексуальную свободу, идейное наследие социалистов в этом вопросе было пестрым. Фурье исповедовал принцип полной терпимости, призывая построить «новый любовный мир», где ничто, включая однополую любовь, не запрещается и не подавляется. Зато марксизм был крайне консервативен. Из принципа подчинения личного общественному выводилась необходимость беречь «сексуальную энергию» и проповедь сублимации всего, что кажется антиобщественным.

При их подозрительно-настороженном отношении ко всякой сексуальности от марксистов нельзя было ждать терпимости к однополой любви. Когда Маркс прислал Энгельсу одну из брошюр Ульрихса, тот ответил письмом от 22 июня 1869 г., в котором не было ничего, кроме по-

шлого хихиканья и откровенной гомофобии. Основоположники марксизма не видели в однополой любви ни революционного потенциала, ни гуманитарной проблемы и охотно использовали соответствующие обвинения против своих политических противников.

Примитивный взгляд на однополую любовь унаследовали и германские социал-демократы. Для Бебеля, Каутского и Бернштейна половой вопрос сводится к тому, что по вине капитализма молодые люди не могут позволить себе рано жениться и содержать семью, что порождает безнравственность, проституцию и т. д. Гомосексуальность Бебель объяснял исключительно пресыщенностью и сексуальными излишествами господствующих классов. Хотя Бебель подписал хиршфельдовскую петицию и стал в 1898 г. первым политиком, выступившим в рейхстаге с речью за отмену дискриминационной 175-й статьи, отношение социалистов и коммунистов к однополой любви всегда оставалось враждебным.

Лицемерно-пропагандистская, ради приобретения респектабельности у средних слоев, защита семьи и «моральной чистоты» переплеталась с искренним «классовым» возмущением гедонизмом и эстетизмом, а многие вопросы, связанные, в частности, с контролем над рождаемостью, просто не были продуманы. Вместо того чтобы разоблачать буржуазную респектабельность и буржуазный канон маскулинности как идейную опору милитаризма, социалисты и коммунисты их фактически поддерживали. В скандалах с Круппом, Эйленбургом, а позже — с Ремом они вели двойную игру: используя их в политических целях, для разоблачения правящих кругов, они в то же время не умели или не желали отмежеваться от гомофобии.

Ученые до сих пор спорят, была ли в этом вопросе какая-нибудь разница между фашистами и коммунистами (Herzer, 1995). Даже если такие различия были, «отвращение левых к гомосексуальности было не только выражением политического оппортунизма. Предубеждения против гомосексуальности были составной частью социалистического мышления, и они еще глубже укоренились в нем в результате идеологической и моральной конфронтации с национал-социализмом. Антифашисты противопоставляли предполагаемой аморальности и извращенности

нацистов собственную рациональность и чистоту» (Oosterhuis, 1995, p. 227).

Некоторые социалистические теоретики (Вильгельм Райх) считали гомосексуальность имманентно правым, националистическим и специфически фашистским извращением. Сходные идеи исповедовала и влиятельная Франкфуртская школа (Эрих Фромм, Теодор Адорно), пытавшаяся соединить марксизм с психоанализом (Halle, 1995). По теории Адорно, всякий гомосексуал — патологический девиант, который может реализовать себя только в патологическом и девиантном обществе. Типичная авторитарная личность, составляющая социально-психологическую базу фашизма, — садомазохистский гомосексуал, испытывающий потребность в том, чтобы беспрекословно подчиняться вождю. Единственный представитель Франкфуртской школы, который был готов теоретически принять гомосексуальную любовь, — Герберт Маркузе. Именно им увлекались в 1960-х гг. бунтующие американские студенты.

Эта концепция оказала влияние и на левое искусство. В фильме Лукино Висконти «Сумерки богов» (1969) красочно показывается «ночь длинных ножей» и предшествующая ей гомосексуальная оргия среди штурмовиков, а один из главных героев фильма приходит к фашизму не столько вследствие жажды власти, сколько из-за своей сексуальной ущербности. Героя фильма Бернардо Бертолуччи «Конформист» (1971, по роману Альберто Моравиа) делает фашистом скрытая гомосексуальность: символическое приобщение к власти позволяет ему преодолеть чувство собственной неполноценности и слабости. В советском фильме «Борцы» Густава фон Вангенхайма (1936) также подчеркивалась гомосексуальность поджигателей рейхстага (после подписания пакта Молотова — Риббентропа фильм был в СССР запрещен).

Враждебность политических единомышленников заставляла левых интеллектуалов особенно болезненно переживать свою гомосексуальность. Одни, как Клаус Манн, считали свою сексуальную ориентацию политически неправильной, другие, как Андре Жид, предпочитали расстаться с компартией. На самом деле немецкие гомосексуалы никогда не были идеологически едины. Некоторым из них фашистский культ маскулинности, дисциплины и

силы действительно импонирует, они голосовали за нацистов и охотно шли в штурмовые отряды, видя в них воплощение «истинного мужского сообщества». Но их удельный вес среди штурмовиков был невелик. Тоталитаризм всегда предпочитает настоящих «мачо» тем, кто только притворяется таковыми.

Нацистская партия с самого начала относилась к однополый любви враждебно, отождествляя ее с еврейством, женственностью и «моральным вырождением» (Jellonek, 1990; Schoppmann, 1991; Plant, 1986).

В программной декларации нацистов во время избирательной кампании 1928 г. говорилось: «Те, кто допускает любовь между мужчинами или между женщинами, — наши враги, потому что такое поведение ослабляет нацию и лишает ее мужества». Гитлер, разумеется, знал о гомосексуальности предводителя штурмовиков Эрнста Рема, но, пока тот был нужен, Гитлер защищал его от нападок антифашистской прессы, говоря: «Его частная жизнь меня не интересует». Когда же мавр сделал свое дело, гомосексуальность стала удобным предлогом для его физического устранения, что и было сделано 30 июня 1934 г.¹

После «ночи длинных ножей» в Германии начались массовые репрессии против гомосексуалов. Особенно патологической гомофобией отличался Гиммлер, утверждавший в своих секретных докладах, что все гомосексуалы — дегенераты, трусы и прирожденные преступники, что в гомосексуальных организациях состоит от 1 до 2 миллионов мужчин и т. д.

В отличие от евреев, подлежащих поголовному уничтожению, независимо от их поведения, гомосексуалов формально преследовали только за конкретные действия и официальной целью было не уничтожение, а «перевоспитание». Соответственно их делили на преступников и жертв, совратителей и совращенных, назначая разное наказание. Тем не менее преследования гомосексуалов в фа-

¹ Мода усматривать всюду гомосексуальность в последнее время распространилась и на Гитлера, которому некоторые охотники за сенсациями (Koch-Hillebrecht, 1999; Machtan, 2001) стали приписывать латентную (и не только) гомосексуальность. Как и аналогичные рассуждения по поводу Сталина, эти домыслы не имеют под собой никаких фактических оснований (Lautmann, 2001).

шистской Германии были беспрецедентными по масштабам и жестокости. Уже в декабре 1934 г. министерство юстиции выпустило директивы, сделавшие наказуемыми не только поступки, но и намерения. В гестапо существовал особый отдел по борьбе с гомосексуальностью. Заодно с гомосексуальностью фашисты запретили издавна популярный в Германии нудизм. По указу 1935 г. совместное купание голышом людей одного пола было приравнено к попытке гомосексуального контакта. Позже суды считали достаточным основанием для обвинения даже «похотливый взгляд». Хотя официальное фашистское искусство поддерживало культ обнаженного тела в скульптуре и живописи, это тело должно было быть спортивным, воинственным, лишенным волосяного покрова, демонстрирующим силу и игру мускулов, но без всякой эротики.

Впрочем, преследования были избирательными. Руководитель гитлерюгенда Бальдур фон Ширах беспрепятственно занимался педерастией. Видные актеры и художники могли быть арестованы только с личного согласия Гимmlера. Покровительство Геринга помогло уцелеть известному артисту Густаву Грюндгенсу (его судьбе посвящен роман Клауса Манна «Мефисто» и отличный одноименный фильм).

Поскольку ловлей гомосексуалов занималось не столько гестапо, сколько полиция и органы юстиции, в их сети чаще всего попадались простые мужчины, не умевшие скрываться. Однако сфабрикованные обвинения в гомосексуализме использовались также в политических целях, особенно в отношении молодежных организаций, католической церкви и военных. Например, главнокомандующих сил барона Вернера фон Фрича, который возражал против расправы с генералами и спорил с Гитлером о сроках начала войны, в 1938 г. осудили по обвинению в гомосексуальных связях. Дело было состряпано настолько топорно, что генерала потом пришлось оправдать, но в должности его не восстановили.

Дополнительным доводом против гомосексуалов была забота о «повышении рождаемости». Лесбиянок по закону не преследовали, но отношение к ним было также враждебным.

В целом это был самый настоящий геноцид. Только между 1937 и 1939 г. по обвинению в гомосексуальных

связях были арестованы полицией и гестапо 95 тысяч мужчин, из которых 25 тысяч были осуждены. Общее число осужденных по параграфу 175 с 1933 по 1944 г. составило, по разным подсчетам, от 50 до 63 тысяч человек, из них 4 тысячи несовершеннолетних. В концентрационных лагерях, где гомосексуалы должны были носить на одежде в качестве опознавательного знака розовый треугольник, погибли от 5 до 15 тысяч мужчин. В тюрьмах и лагерях с ними обращались с особой жестокостью, использовали для вредных медицинских экспериментов, садисты-тюремщики часто насиловали их и т. д. Социальная разнородность гомосексуалов и презрение к ним со стороны других заключенных делали их особенно беззащитными. Ради избавления от мук некоторые соглашались даже на кастрацию. Были и случаи совместных самоубийств.

Этого трагического опыта геи не забыли. Первый памятник жертвам антигомосексуальных репрессий был поставлен в Амстердаме. В 1995 г. этому примеру последовал Франкфурт-на-Майне, а в 2001 г. Берлин.

2-6. ВДВОЙНЕ НЕВИДИМЫЕ

...Я перевернула страницу и прочла... Простите, что я так внезапно прерываюсь. Нет ли здесь мужчин?.. Вы можете заверить меня, что мы все здесь — женщины? Тогда я могу сказать вам, что слова, на которых я остановилась, были: «Хлое нравилась Оливия...» Не вздрагивайте. Не краснейте. Давайте допустим в своем узком кругу, что такие вещи иногда случаются. Иногда женщинам нравятся женщины.

Вирджиния Вулф

В отличие от мужской однополой любви, лесбиянство не столько каралось, сколько замалчивалось. «Гомосексуальная практика между мужчинами считалась опасной и подрывной, поэтому ее поставили вне закона. Лесбиянство касалось женщин, а все, связанное с жен-

щинами, подразумевало идеологию различия, которое обычно трактовалось как неполноценность. Так что если женщины как таковые не имели реального значения, то лесбиянки и их образ жизни и подавно не имели значения» (Reynolds, 1994, р. XIV).

Христианские богословы вспоминали женскую однополую любовь гораздо реже и наказывали мягче, чем мужскую. Судебных процессов над женщинами по обвинению в содомии тоже было меньше. Да и либертины XVI—XVIII вв. не принимали лесбиянство всерьез. В знаменитом сборнике эротических рассказов, которые Пьер де Бурдей, сеньор де Брантом, сочинил на досуге в конце XVI в., есть несколько пикантных историй о сексуальных связях между женщинами (такие рассказы и рисунки очень возбуждают мужчин), но все они трактовались как временная замена или подготовка к «настоящему» сексу с мужчиной.

Мужское самомнение, фаллоцентризм и ходячее представление о женской асексуальности в какой-то степени спасали женщин, предпочитавших женскую любовь мужской, от грубых преследований. Пока женщина не принимала взятую на себя мужскую сексуальную роль слишком серьезно, не выставляла ее напоказ и не претендовала на мужские социальные привилегии, мужчины только посмеивались и подчас даже восхищались «мужественными женщинами», как греческие воины побежденными ими амазонками. *Donna con donna* — безопасная экзотическая игра, развлечение, в котором нет ни члена, ни пенетрации, ни возможности зачатия. Если для мужчине-гомосексуалов главной опасностью было засветиться, обнаружить себя, то лесбиянки страдали прежде всего от своей невидимости (Faderman, 1981; Faderman, 1991).

В поэме Ариосто «Неистовый Роланд» Фьордиспина влюбляется в переодетую мужчиной Брадаманту, но в постели ее постигает горькое разочарование, обе женщины не знают, что делать. Зато как только женщина становится конкурентом мужчины, хотя бы в постели, — ей нет прощения. Старшая женщина, обычно грубая и мужеподобная, которая соблазняет молодых невинных девушек, всегда описывается резко отрицательно.

Такая сцена есть в «Памеле» Ричардсона. Шодерло де Лакло в «Опасных связях» описывает преступную страсть

коварной маркизы де Мертей к юной Сесиль де Воланж. В «Фанни Хилл» опытная проститутка целует и ласкает неопытную Фанни, которая сначала не понимает, что это значит. Мрачный образ матери-игуменьи, которая принуждает к сожителству невинных девушек, нарисовал в своей «Монахине» Дени Дидро; кроме идейного антиклерикализма философа здесь проявились и его личные чувства — Дидро болезненно ревновал свою любовницу Софи Воллан к ее сестре.

Будораживший мужское эротическое воображение образ лесбиянки как темной, таинственной, красивой и извращенной женщины-вамп, которая сознательно нарушает все социальные правила, занимает важное место в европейской литературе и искусстве XIX в. Героиня повести «Фраголетта» Анри Латуша (1829), красивая молодая женщина, притворившись собственным братом-близнецом, соблазняет другую женщину. Теофиль Готье в «Мадемуазель де Мопен» (1835), желая эпатировать буржуа и дистанцироваться от антисексуальной морали, создал необычный образ мужеподобной женщины, носящей мужскую одежду и испытывающей отвращение к мужчинам. Если Готье смаковал пикантный сюжет как вуайер, то у Бальзака в «Златоокой девушке» (1835) — цель обратная: через описание лесбийских отношений показать моральную деградацию общества. Андрогинная маркиза де Сен-Реаль покупает 12-летнюю девочку Пакиту, делает с ней все, что хочет, а узнав, что Пакита изменяет ей с мужчиной, убивает ее. Хотя в отношениях маркизы и Пакиты нет ничего, кроме агрессивного и болезненного секса, Бальзак явно наслаждается сценой женской сексуальной оргии.

В посвященной Теофилю Готье стихотворной книге Шарля Бодлера «Цветы зла» (1857) (первоначально он хотел назвать ее «Лесбиянки») есть несколько откровенных стихотворений, в которых сочувствие к неисполнимости лесбийских желаний переплетается с осуждением их «демонизма» (по приговору суда эти стихи были изъяты из сборника). В стихотворении «Лесбос» любовь женщин друг к другу описывается в язычески-богоборческих тонах. В «Окайнных женщинах» поэт перечисляет разные типы лесбиянок, от монахинь до вакханок, но их любовь кажется ему заведомо обреченной (Бодлер, 1970, с. 189):

Вас, дев и дьяволиц, страдалиц и чудовищ,
Люблю вас, нашу явь презревшие умы!
Вы в бесконечности взыскуете сокровищ,
Вы, богомолицы, и вы, исчадья тьмы!

То плачете, а то кричите в иступление,
О, сестры бедные! Душа за вас скорбит,
За муки хмурые, за боль неутоленья,
За сердце, где любовь, как пепел в урнах, спит.

Пер. С. Петрова

В произведениях Эмиля Золя («Нана», 1881), Ги де Мопассана («Любовница Поля», 1881) и Альфонса Доде («Сапфо», 1884) лесбиянство однозначно отождествляется с проституцией. Другой распространенный образ лесбиянки в литературе XIX в. — преследующая невинных девушек женщина-вампир. Эти мотивы звучат не только в пародийно-сатирических произведениях, но и в знаменитых «Песнях Билитис», которые французский писатель Пьер Луи опубликовал в 1894 г. как якобы перевод стихов древнегреческой поэтессы. Литературная подделка имела большой успех и была воспринята как подлинный гимн лесбийской любви (в 1955 г. американская лесбийская организация даже приняла имя «Дочери Билитис»).

Негативные образы лесбиянок не были ни карикатурой, ни простым продуктом мужского сексуального воображения. Они только гипертрофировали и абсолютизировали внешние, бросающиеся в глаза свойства непонятного явления. В сексологии происходило то же самое. Поскольку главным признаком трибадизма считалась вирилизация, наибольшее внимание ученых привлекали мужеподобные, большие женщины с волосатыми ногами, грубыми манерами и низким голосом. Соответственно формируются несколько разных типов «необычных» женщин.

Первый образ, фиксирующий внимание на сексуально-анатомических признаках, — это женщины-гермафродитки, с более или менее выраженной генитальной патологией. Немецкий ученый Фридрих Карл Форберг в своем учебнике классической эротологии (1824) писал, что трибады — это женщины с необычайно большим клитором, который они могут употреблять как мужской член.

Значительно чаще встречался и изображался в XVIII в. тип женщин, которые более или менее успешно выдавали

себя за мужчин, переодевались в мужскую одежду и усваивали мужские профессии, вплоть до воинских. Если «инверсия» ограничивалась гендерными ролями, не распространяясь на сексуальность (то есть женщина вела себя по-мужски, но не показывала сексуального влечения к женщинам), такая женщина могла, хоть и не без труда, сохранить респектабельность и даже стать живой легендой, как Жанна д'Арк или русская кавалерист-девица Надежда Дурова (1783—1866).

Если верить рассказам Надежды Андреевны, которая сознательно выстраивала собственную биографию, ее мать хотела сына, а в дочери была разочарована и не любила ее. Воспитывал девочку отец, с которым у нее были очень теплые отношения. Ее главные чувства — *«любовь к отцу и отвращение к своему полу»* и желание *«выйти из сферы, предназначенной природою и обычаями женскому полу»* (Дурова, 1988, с. 34). С раннего детства Надя была физически сильной и вела себя по-мальчишески: скакала верхом, плавала, лазала по деревьям и по крышам, стреляла из лука. Никаких женских интересов у нее не было. В 1801 г. 18-летнюю девушку выдали замуж и у нее родился сын Иван, однако подробностей о браке неизвестно, сама она ни в автобиографии, ни в записках о нем не упоминает. Очевидно, он оказался неудачным.

В 1806 г., переодевшись в мужской костюм, Дурова прибилась к казачьему полку, а затем перевелась в регулярную часть. Воинские подвиги «корнета Александрова» получили всеобщее признание. Дослужившись до штабс-ротмистра, Дурова по настоянию отца (по ее словам) вышла в отставку и вскоре начала блестящую литературную карьеру, получив одобрение самого Пушкина. Однако «нормальной женщиной» она не стала, ходила в мужской одежде, писала о себе в мужском роде и носила имя Александра Андреевича Александрова. Личная и светская жизнь ее не сложилась: сначала дамы ее охотно приглашали, но скорее как диковинку, а затем начинали смотреть косо и враждебно. Да и самой ей было с ними скучно. После нескольких неудачных опытов Дурова уехала к себе в Елабугу и жила там крайне уединенно. О своей личной жизни она ничего не рассказывает. Если бы мы знали ее биографию лучше, мы, вероятно, обнаружили бы в ней трансгендерную трагедию.

Еще труднее приходилось тем трансгендерным и гомосексуальным женщинам, которые пытались реализоваться сексуально. Такие женщины существовали всегда. В XVIII в. английский писатель Генри Филдинг писал о некоей Мэри Гамильтон, занимавшейся сексом с женщинами при помощи дилдо. По мнению Филдинга, это было не врожденное уродство или результат детской психологической травмы, а разврат, следствие дурного примера и покушение на мужские права. В Англии XVIII в. было несколько скандалов с «женщинами-мужьями», вступавшими в брак в мужском обличье. Интересно, что их жены не жаловались, хотя понимали, что имеют дело с женщинами. Некий Джон Чайви прожил в браке 20 лет, и его/ее пол обнаружился только после его/ее смерти. Были даже брачные аферистки, женившиеся на нескольких женщинах (Bullough and Bullough, 1993, pp. 94—201).

Пока они имели дело преимущественно с транссексуалками или проститутками, сексологи невольно патологизировали женскую однополую любовь и видели в лесбиянках просто «недоделанных» мужчин. Крафт-Эбинг приписывал всем лесбиянкам мужской склад ума и характер. Блох связывал развитие гомосексуальности у женщин с отращиванием к мужчинам, которому способствуют проституция и женское освободительное движение (!). Ломброзо утверждал, что лесбиянки — прирожденные преступницы и проститутки.

Известный русский акушер-гинеколог И. М. Тарновский, изучавший, в отличие от судебных психиатров, «нормальных» женщин, принадлежавших к его собственному кругу, пришел к совершенно другим выводам (Тарновский, 1895). Хотя, подобно большинству тогдашних медиков, Тарновский считал лесбиянство «болезненным и патологическим», он избегает морализирования, пользуется нейтральными терминами «гомосексуальность» и «гетеросексуальность», которые были в литературе того периода крайне редкими, и считает, что любовь между женщинами далеко не всегда патологична. Многие обследованные им женщины были во всех отношениях нормальны. Их странное и противоестественное, с точки зрения обычных людей, сексуальное влечение для них самих совершенно естественно и не только не причиняет им вреда, но и удовлетворяет их физиологические потребности.

Их сексуальная жизнь развивается так же, как жизнь нормальных людей, с той только разницей, что объектом их влечений являются не мужчины, а женщины.

Тарновский подчеркивал, что лесбийская любовь распространена гораздо чаще, чем принято думать; что «активный» тип лесбиянок, резко отличающийся от привычных норм женственности, встречается реже «пассивного»; что некоторые жены оставляют своих мужей ради подруг не потому, что они всю жизнь несли в себе зародыш патологии, а потому, что они были несчастны в своей супружеской жизни; что проститутки, «как всем известно», занимаются любовью друг с другом не потому, что такова их сексуальность, а потому что их работа вызывает у них отвращение к мужчинам; что даже самые маскулинизированные лесбиянки анатомически не отличаются от других женщин (Тарновский ни у одной из них не видел увеличенного клитора, который многие тогдашние медики считали характерным признаком «активных» лесбиянок). Однако взгляды И. М. Тарновского в конце XIX в. разделяли немногие, и женщине с необычными сексуальными желаниями, если она не хотела быть преследуемой, нужно было скрываться.

Самым доступным и безболезненным способом было представить ее в виде романтической дружбы, не имеющей эротической подоплеки. Учитывая диффузность женского эротизма, это было несложно. Различалось три главных типа такой дружбы: 1) между девочками-подростками, которые, подобно мальчикам, нуждались в родственных душах, 2) между старыми девами, которым дружба компенсировала отсутствие других эмоциональных привязанностей, и 3) между замужними женщинами из высших и средних классов, которым в условиях жесткой гендерной иерархии в семье было не с кем поговорить по душам.

По словам Лилиан Фэдерман, «эти романтические дружбы были любовными отношениями во всех смыслах, за исключением разве что генитального... Они могли целовать, ласкать друг друга, спать вместе, выказывать чувства всеобъемлющей любви и клясться в вечной верности друг другу и тем не менее не видеть в этих страстях ничего, кроме душевных излияний» (Faderman, 1981, p. 16).

Хотя многие философы, например Монтень, считали женщин неспособными к глубокой дружбе, общество от-

носились к женской дружбе уважительно, не видя в ней ничего сексуального и не воспринимая ее как угрозу мужской власти, даже если «чистота» таких отношений вызывала сомнения. Излияния взаимной любви, нежности и даже страсти никого не смущали, списываясь на женскую сентиментальность. XVIII в. создал форменный культ женской романтической дружбы, отражавшийся в интимных дневниках, переписке и художественной литературе. Сейчас эти отношения часто расцениваются как лесбийские, но эти атрибуции еще более предположительны, чем оценки мужских взаимоотношений.

Исторический пример таких отношений — интимная дружба английской королевы Анны и Сары Черчилль, герцогини Мальборо. Они дружили с детства, а чтобы избавиться от придворного этикета, в переписке пользовались псевдонимами: Анна именовалась миссис Морли, а Сара — миссис Фримэн. После вступления Анны на престол Сара Черчилль приобрела огромное политическое влияние, завершившееся бурной ссорой двух женщин, которую современники связывали с увлечением королевы юной Абигайл Мэшем (этот исторический эпизод описан в пьесе Скриба «Стакан воды»).

Много примеров нежной и, возможно, эротической дружбы дают биографии известных женщин-писательниц XVII—XIX вв. (Кэтрин Филипс, Энн Сьюард, Эмили Дикинсон, Кристины Россетти, Сары Джуитт и др.). В некоторых случаях любящие женщины даже поселялись вместе.

Самый знаменитый пример таких отношений, которому посвящено несколько романов, — жизнь так называемых «леди из Лланголлена», Элинор Батлер (1739—1829) и Сары Понсонби (1755—1831) (Mavor, 1971). Воспитанная во французском монастыре дочь знатной ирландской семьи Элинор Батлер отказалась думать о браке и целиком погрузилась в книги. В 1768 г. 29-летняя Элинор познакомилась с 13-летней Сарой и их сразу же связала «особенная дружба». Десять лет спустя, переодевшись в мужское платье, подруги сбежали из дома. Их догнали, вернули и решили поместить Элинор в монастырь, а Сару принудить к замужеству. Но девушки не смирились с давлением своих семей, и, после того как Сара пригрозила разоблачить сексуальные приставания своего опекуна, от них отступи-

лись. Девушки вместе поселились в Уэльсе и прожили долгую счастливую жизнь.

Официально никто не считал их отношения сексуальными, Англия ими восхищалась, Уордсворт и Саути посвящали им стихи, и даже знаменитая ханжа, сплетница и гомофобка миссис Срейл, прославившаяся тем, что отравила жизнь многим достойным современникам, в данном случае держала свои подозрения при себе и писала им (и о них) теплые письма. Вполне возможно, что их дружба-любовь и вправду оставалась платонической. Правда, Анна Листер, имевшая собственный осознанный гомосексуальный опыт, посетив Лланголлен в 1822 г., в этом усомнилась: «Прости мне, Боже, но я всматриваюсь в себя и сомневаюсь». Но не все ли нам равно?

Помогало лесбиянкам и сексологическое невежество общества, в частности — викторианское представление об асексуальности женщин. До нас дошел замечательный в этом смысле судебный процесс (Faderman, 1983). В 1810 г. в Эдинбурге знатная леди Камминг Гордон неожиданно забрала из частной женской школы свою незаконнорожденную внучку Джейн и посоветовала другим родителям сделать то же самое, мотивируя это соображениями нравственного порядка. Остальные родители последовали примеру леди Гордон, и содержавшие школу молодые учительницы Джейн Пайри и Марианна Вудс разорились. Причиной скандала была жалоба юной Джейн Гордон, что ночью учительницы забирались в одну постель и явно занимались сексом в присутствии спавшей рядом ученицы. Чтобы спасти свое доброе имя и получить материальную компенсацию за понесенный ущерб, учительницы подали в суд.

Судейские протоколы достаточно красноречивы. Девочка рассказала, что мисс Вудс забиралась в постель к подруге, ложилась на нее и они обменивались явно эротическими репликами. Но судьи не могли поверить столь чудовищному обвинению, приписали жалобы болезненному воображению ученицы и, несмотря на свои классовые симпатии к леди Гордон, стали на сторону учительниц, присудив знатную леди заплатить солидную компенсацию. После многолетнего разбирательства в 1819 г. палата лордов решила, что порядочные девушки просто не могли этого делать. Как сказал один из судей, «ни одно-

го такого случая не известно ни в Шотландии, ни в Британии... Я считаю, что такое преступление не существует... Совокупление без пенетрации... равносильно обвинению в изнасиловании посредством болтовни». Этот судебный прецедент еще долго охранял женщин от «грязных подозрений».

Когда в 1921 г. через парламент пытались проташить закон против лесбиянства, видный деятель британской юстиции лорд Дезарт заявил: «Вы собираетесь сказать всему миру, что существует такое преступление, и привлечь к нему внимание женщин, которые никогда не слышали, никогда не думали и никогда не воображали ничего подобного? Я думаю, это очень вредно» (Weeks, 1981, p. 105). Законопроект отклонили.

Как и в случае с мальчиками, рассадниками однополрой любви были монастыри и возникшие в XIX в. женские школы-интернаты. Дисциплина в женских школах была такой же строгой, как и в мужских, но тут не было мальчишеской бузы и автономии. Жесткая диктатура властных старых дев-директрис и абсолютное замалчивание всех вопросов пола (даже в 1920-х гг. менеструации в английских школах не упоминались) благоприятствовали массовым влюбленностям девочек в учительниц и соучениц.

Учителя и теоретики педагогики, как водится, ничего в этом не понимали. Как пишет Марта Вайсайнус, «в середине XIX в. учителя-мужчины, по-видимому, зациклились на страхе перед мастурбацией своих мальчиков, преуменьшая сильный духовный элемент их влюбленностей. Учительницы делали прямо противоположное, преувеличивая духовные свойства и пренебрегая сексуальными» (Vicinus, 1989, p. 226).

Хотя сексологи, особенно Хэвлок Эллис, указывали на эту ошибку, школьные повести продолжали закрывать глаза на латентный и даже явный гомоэротизм девичьих привязанностей, без труда улавливаемый современным читателем¹. Едва ли не первое откровенное описание лес-

¹ Самый популярный англо-американский роман на эту тему — «Оливия» Дороти Стрэчи Бьюси (1933) — описывает жизнь английской девочки Оливии во французской школе мадемуазель Жюли. Все в школе разбито на две партии, одни девочки обожают мадемуазель Жюли, а другие — мадемуазель Кару. Читателю понятно,

бийских отношений в женской школе — вызвавший публичный скандал автобиографический роман знаменитой французской бисексуальной писательницы Колетт (1873—1954) «Клодина в школе» (1900). В России эти чувства и отношения хорошо, но без расшифровки описаны в романах Лидии Чарской.

Интересна разница мужских и женских школьных повестей. Хотя однополая любовь представлена и там, и тут, в мужских повестях больше явной сексуальности, которая в женских повестях тщательно скрыта или сублимирована. Кроме того, в мужских повестях чаще говорится об отношениях между старшими и младшими мальчиками, учителя фигурируют гораздо реже и скорее в роли соавратителей или принудительных партнеров, чем в качестве объектов романтической влюбленности. В девичьих школьных повестях чаще речь идет о любви между ученицами и учительницами, хотя отношения между школьниками также присутствуют. По мере либерализации нравов чувственный аспект этих привязанностей стал осознаваться раньше и описываться прямее (например, в произведениях современной английской писательницы Мюриэл Спарк).

Поскольку слово «лесбиянка» ассоциировалось исключительно с сексом и проституцией, ни одна порядоч-

что когда-то эти женщины любили друг друга, но теперь Жюли имеет любимиц среди девочек, а Кара ее смертельно ревнует. С первых же дней в новой школе 16-летняя Оливия без памяти влюбляется в Жюли, жаждет постоянно быть с ней, слышать ее голос, прикасаться к ней. Она не знает, что с ней происходит, но понимает, что это нечто большее, чем дружба. Мадемуазель Жюли разделяет чувства Оливии, признается, что любит ее, но ее мучают угрызения совести и чувство вины перед больной и ревнивой Карой. Повесть заканчивается трагически: Кара умирает, приняв двойную дозу снотворного, школа закрывается, а Оливия на всю жизнь сохраняет память о своей первой любви. Книга Бьюси автобиографична и посвящена памяти Вирджинии Вулф. В 1860-х гг. писательница училась в знаменитой французской школе Мари Сувестр, которую окончила также Натали Барни. После франко-прусской войны Сувестр перенесла свою школу в Англию, у нее училась Элеонора Рузвельт, которая была любимицей Сувестр, ездила с ней за границу и переписывалась до самой ее смерти.

ная женщина не могла применить его к себе. Чувственная сторона женской однополый любви оставалась неназываемой и обозначалась исключительно эвфемизмами. Не было слов и для обозначения соответствующего стиля жизни. Чтобы получить право любить тех, кого ей хочется, женщина должна была предварительно освободиться от мужской опеки. Для этого было две социальные идентичности — старая дева и независимая женщина (Franzer, 1996).

Категория старой девы, унаследованная от доиндустриальной эпохи и имеющая оскорбительно-уничтожительный оттенок, означает женщину, которая не может или не хочет найти себе супруга, отказывается от мужской любви и продолжения рода, находя утешение в чем-то другом, предположительно несексуальном. Поскольку этот статус в большинстве случаев был и считался вынужденным, он не представлял угрозы ни для мужской власти, ни для гендерной стратификации и в то же время давал женщине моральное право на компенсаторные эмоциональные привязанности к другим женщинам, по ее собственному выбору.

Статус «независимой женщины», возникший в процессе социально-экономической эмансипации женщин, гораздо сложнее. В отличие от старой девы, независимая женщина имеет возможность самостоятельного выбора, располагает собственными средствами, получает образование и предпочитает трудовую деятельность семейным обязанностям. Хотя отвергнутые такими женщинами мужчины могут, спасая собственное самолюбие, называть их «синими чулками», они вынуждены с ними считаться. Новая, не связанная с гендерной стратификацией социальная идентичность позволяет независимым женщинам более свободно определять и свою сексуальную идентичность, стиль жизни и эротические предпочтения. Иными словами, социальная независимость была необходимой предпосылкой сексуальной свободы.

Образованные, материально независимые, асексуальные или гомосексуальные женщины могут не вступать в брак, а жить самостоятельно или совместно с другими женщинами. В конце XIX в. в США возник так называемый «бостонский брак» — долгосрочные моногамные

отношения двух незамужних и независимых женщин. Генри Джеймс сочувственно описал его в романе «Бостонцы» (1885). Сексуальная сторона таких союзов обычно обходилась молчанием: одни считали неприличным говорить об этом, а другие искренне ничего не понимали. Важную роль в освободительном процессе и становлении нового женского самосознания сыграли писательницы-лесбиянки.

Маргерита Рэдклифф Холл (1880—1943) родилась в семье богатого английского врача, оставившего семью через несколько месяцев после рождения дочери. Сильная мужеподобная девочка с раннего детства обожала мужские занятия, увлекалась молодыми женщинами и предпочитала называть себя Джоном. Унаследовав от деда огромное состояние, Холл вела самостоятельный образ жизни, подолгу жила во Франции и в Италии. Окончательно сформировал 27-летнюю «Джон» роман с 50-летней светской львицей Мейбл Вероникой Бэттен, с которой они жили вместе несколько лет и которая отшлифовала ее литературные вкусы и сделала серьезной писательницей.

Сначала Холл писала стихи, в которых достаточно ясно звучали лесбийские мотивы, затем переключилась на прозу. В повести «Незажженная лампа» (1924) рассказывается о любви между двумя женщинами, прекратившейся, потому что одной из них не хватило смелости оставить материнский дом и начать собственную жизнь. При желании читатель мог счесть эти отношения романтической дружбой.

В 1915 г. Холл встретила художницу, жену контр-адмирала Юну Трубридж, и между ними завязался страстный роман. Для леди Бэттен это было тяжелым ударом, вскоре она умерла от сердечного приступа. Холл мучительно переживала свою невольную измену, пыталась порвать с Юной, но из этого ничего не вышло. Юна оставила мужа, и они прожили вместе до самой смерти Холл. Юна помогала Холл в работе. Во время спиритического сеанса они вызывали дух покойной Бэттен, прося у нее прощения.

В 1934 г. 54-летняя Холл страстно влюбилась в очень женственную эмигрантку из России Евгению Сулину, которая стала ее любовницей. «Джон» писала ей страстные

и глубокие любовные письма¹, помогала материально, но продолжала жить с верной Юной.

В терминах современной сексологии героиня главного произведения Рэдклифф Холл, романа «Колодезь одиночества» (1928), Стивен Гордон больше похожа на транс-сексуалку, чем на лесбиянку. По форме «Колодезь одиночества» — классический роман воспитания, описывающий формирование и развитие личности героя. Но главное свойство этого героя или героини — необычная и проблематичная гендерная и сексуальная идентичность.

Родители Стивен Гордон хотели иметь сына, и энергичные движения ребенка в утробе матери, казалось, подтверждали их ожидания. Появление девочки было для них разочарованием. Не желая расстаться со своими ожиданиями, они дали девочке мужское имя «Стивен», а ее главным наставником стал отец. Семилетняя Стивен одевается как мальчик, пренебрегает куклами и платьями, страстно влюбляется в юную горничную Коллинз, категорически заявляет: «Я мальчик»; когда Стивен видит, как Коллинз лапает лакей, с ней случается истерика.

С возрастом ее маскулинность усугубляется. В 17 лет «она не имела с другими девочками ничего общего, а они, в свою очередь, находили ее неприятной. В отношении некоторых вещей она была застенчива до чопорности и обычно краснела, если их упоминали» (Hall, 1990, pp. 75—76).

С мужчинами ей легче, она общается с ними на равных, но их раздражают ее ум и независимость. Соседям она кажется странной и вызывает сплетни: что-то в ней явно не так! В 18 лет в жизни Стивен появляется молодой человек Мартин, с которым у нее устанавливается нежная дружба, но как только он объясняется в любви, Стивен

¹«...Как странно, что я так мало знаю о вас, женщине, которую я полюбила, и как мало эта женщина знает обо мне; но мы знаем, что безумно любим друг друга, и только это имеет значение» (Chloe plus Olivia, p. 257). «Сулина, вы некрасивая женщина. Полагаю, что была права, считая вас уродливой, но это не помешало мне безумно влюбиться в вас, и теперь я не могу видеть других лиц, кроме вашего; ни одно лицо не кажется мне красивее вашего странного, маленького, уродливого китайского лица. Ни один голос не кажется мне красивым, кроме вашего странного, иностранного голоса, говорящего на ломаном английском...» (там же, с. 263).

охватывают ужас и отвращение; Мартин уезжает, так и не поняв, в чем дело. Образованный отец начинает догадываться, но сама Стивен ничего о себе не знает, а отец погибает, не успев ей что-либо объяснить.

Стивен страстно влюбляется в легкомысленную молодую замужнюю женщину Анджелу Кросби: «Я знаю, что люблю вас и что ничто больше в мире не имеет значения» (НМ, 1990, р. 145). Но Анджела просто забавляется с ней, а затем, испугавшись разоблачения, выдает тайну своему мужу, который все сообщает матери Стивен. После скандала Стивен уезжает в Париж и погружается в мучительные раздумья о себе: «Почему я то, что я есмь, и что я такое?» (НМ, 1990, р. 152).

Стивен становится писательницей, живет одна, ни с кем не общаясь. С началом войны она идет на фронт, где ценят ее мужество и решительность, она получает орден, потом влюбляется в юную Мэри, которая отвечает ей взаимностью. Стивен берет девушку к себе, но долго не решается сойтись с ней физически, но девушка, боясь причинить Мэри страдания, настаивает на этом. В воображаемом разговоре Мэри говорит ей: «Почему мир преследует нас, Стивен?» И я отвечу: «Потому что в этом мире существует терпимость только к так называемым нормальным». И когда ты придешь ко мне за покровительством, я скажу: «Я не могу защитить тебя, Мэри, мир лишил меня этого права, я совершенно бессильна, я могу только любить тебя» (НМ, 1990, р. 311).

Любовь Мэри разбивает эти сомнения. «Когда Стивен держала девушку в объятиях, она чувствовала, что она для Мэри — все: отец, мать, друг и любовник, все сразу, а Мэри означает все для нее — ребенка, друга, возлюбленную, все в одном лице» (НМ, 1990, р. 314). Но Мэри трудно жить в изоляции. Ей нужно общение, а тут неизбежно возникают травмы и оскорбления. Одна леди пригласила их в гости, а затем отказала. Изгои общества, они могут общаться лишь с себе подобными.

Появляется старый друг Стивен Мартин, теперь он все понимает, но сам влюбляется в Мэри, которая отвечает ему взаимностью, но не хочет бросать любимую подругу. Мартин убеждает Стивен, что Мэри — не такая, как она сама. «Можешь ты понять, что она нуждается во множестве вещей, которых ты не в состоянии ей дать? Детей,

покровительство, друзей, которых она сможет уважать и которые будут уважать ее?» (НМ, 1990, р. 425). И Стивен жертвует собой: сделав вид, что у нее роман с другой женщиной, она вынуждает Мэри уйти с Мартином.

«Колодезь одиночества» — не столько автобиография, сколько художественная иллюстрация образа сексуальной инверсии, почерпнутого Холл из тогдашней сексологии. Цель книги — вызвать сочувствие, показать людям, что «инвертированные» не могут жить иначе и тем не менее являются психологически абсолютно нормальными. Холл показывает, что, хотя инверсия ее героини — врожденная, ни в ее родословной, ни в ней самой нет ничего психопатологического или аморального. Наоборот, она сочетает в себе лучшие свойства обоих полов. По просьбе Холл Хэвлок Эллис написал предисловие к ее книге, подтвердив «правильность» ее идей.

В книге нет сексуальных описаний, но в 1934 г. «Колодезь одиночества» был запрещен в Англии как непристойная книга. Когда, по требованию Холл, прокурор прочел вслух самое «непристойное» место книги, им оказалась фраза: «И этой ночью они были неразделимы». В защиту книги готовы были выступить 40 свидетелей, включая Э. М. Форстера и Вирджинию Вулф, но суд никого из них не выслушал (Gilmore, 1994). Хотя «Колодезь» был запрещен в Англии до 1959 г., это не помешало ему быть изданным во Франции и в США и иметь огромный читательский успех. В первый же год было продано свыше 10 тысяч экземпляров романа, ко времени смерти Холл он был переведен на 14 языков и ежегодно продавалось по 100 тысяч копий.

Аристократически-благородный образ Стивен Гордон стал образцом для подражания тысячам лесбиянок и транссексуалок во всем мире. В этой книге они впервые увидели собственный образ не карикатурным и осудительным, а положительным, красивым и сочувственным. Этот освободительный эффект продолжался несколько поколений, но с течением времени все яснее становилась и его социальная неоднозначность.

Известная канадская писательница-лесбиянка Джейн Рюл (р. 1931) вспоминает, что она впервые прочла «Колодезь одиночества» в 15 лет:

«Я ничего не знала о реальной жизни Рэдклифф Холл и очень мало — о своей собственной, но я была здорово напугана. Подобно Стивену Гордону, я была высокой, с широкими плечами и узкими бедрами, отсутствующей грудью и низким голосом. Хотя у меня были кое-какие женские интересы, большую часть своего детства я увлекалась тем же, что и мой старший брат. Я никогда не хотела быть мальчиком, но меня задевало, что высокий рост и интеллект, которые для моего брата были достоинствами, для меня оборачивались недостатками. Прочитав «Колодезь», я вдруг обнаружила, что я — урод, прирожденный монстр, представитель третьего пола, которому, вероятно, придется называть себя мужским именем (телефонные операторы уже обращались ко мне — «сэр»), носить галстук-бабочку и жить в изгнании в каком-то европейском гетто (Rule, 1982, pp. 3—4).

Писательницы-лесбиянки утверждали себя не только своими произведениями, в которых многое было тщательно зашифровано, но и стилем жизни. О своих чувствах и переживаниях им приходилось говорить исключительно намеками, изображать себя или своих возлюбленных мужчинами, или делать вид, что в женских влюбленностях нет ничего сексуального, или описывать не женскую, а мужскую однополую любовь, о которой люди все-таки знали больше. Многие самые известные романы о мужской любви написали именно бисексуальные или гомосексуальные женщины — первая женщина-писательница, избранная членом Французской академии, Маргерит Юрсенар (1903—1987), автор многочисленных исторических романов англичанка Мэри Рено (1905—1983), знаменитая американская писательница Карсон Масккаллере (1917—1967) и автор американского бестселлера о «голубых» спортсменах Патриша Нелл Уоррен (р. 1936).

Вынужденные умолчания и недомолвки заставляли писательниц вырабатывать особый литературный код, находить слова и знаки, понятные только посвященным, иногда даже избегать местоимений «он» и «она». Декодирование этих скрытых знаков и значений гораздо труднее, чем в более откровенной «мужской» литературе. Иногда их можно понять только в контексте интимной биографии автора, которая сама служит литературным текстом.

Самые знаменитые и влиятельные фигуры этого плана — Гертруда Стайн и Вирджиния Вулф. В социальном происхождении, биографиях и образе жизни этих двух женщин много общего.

Гертруда Стайн (1874—1946) родилась в богатой семье еврейско-немецкого происхождения и получила превосходное образование, включая изучение психологии под руководством великого философа и психолога Уильяма Джеймса (она даже опубликовала две научные статьи в «Гарвардском психологическом обозрении»), а затем медицины в университете Джонса Хопкинса. Однако академическая наука не заинтересовала талантливую молодую женщину, и после неудачного лесбийского треугольника, который она описала в своей первой и самой откровенной, опубликованной только в 1950 г., повести «Q.E.D.» (*Quod erat demonstandum* — «что требовалось доказать»), Стайн ушла из университета и в 1903 г. поселилась с братом Лео в Париже, где они основали литературно-художественный салон и собрали потрясающую коллекцию произведений современного искусства. Их дом на улице Фрежюс надолго стал крупнейшим центром культурной жизни не только Франции, но и Европы, там бывали Хемингуэй, Пикассо и многие другие гении.

В 1907 г. туда забрела и навсегда поселилась молодая американка Алиса Токлас, которая стала Гертруде Стайн не только женой, но и верным другом, секретарем, критиком. После отъезда Лео две женщины совместно вели дела и принимали гостей. Одно из своих самых известных произведений Стайн даже назвала «Автобиографией Алисы Б. Токлас» (1933). Новаторский стиль литературных произведений и строгий художественный вкус Стайн создали ей международную известность.

Подобно Рэдклифф Холл, Стайн выглядела мужеподобной, одевалась и стриглась по-мужски, водила машину и решала финансовые вопросы. Не скрывая своих любовных отношений с Токлас, она избегала говорить об этом публично (друзья и так о них знали), а в ее литературных произведениях этот аспект жизни тщательно закодирован. Эти умолчания и сдержанность, которые Стайн считала этически и эстетически правильными, требовали виртуозного владения языком. Например, в одном из наиболее «лесбийских» рассказов Стайн «Мисс Ферр и Мисс Скин»

(1923) на разные лады обыгрывается, что они «gay» (это слово тогда еще не имело современного значения). «Обычные» читатели не замечали специфического подтекста Стайн, но лесбиянки понимали, о чем идет речь.

Вирджиния Вулф (урожденная Аделина Вирджиния Стивен) (1882—1941), дочь состоятельного лондонского литератора, рано потеряла родителей. По ее собственному признанию, девочкой она подверглась грубому сексуальному покушению двух старших кузенов, и этот эпизод, а также ранняя смерть матери оказали сильное влияние на ее психику (DeSalvo, 1989); депрессия периодически возвращалась, и в 1941 г. писательница покончила жизнь самоубийством. Благодаря незаурядному уму и образованности, Вирджиния стала видным членом группы Блумсбери и была особенно дружна с Форстером и Стрэчи.

Равнодушная к мужчинам, она страстно влюблялась в старших женщин (одна ее возлюбленная была старше на 13, другая — на 17 лет), но вместе с тем считала брак обязательной социальной условностью. Ее брак (1912) с Леонардом Вулфом был, по-видимому, платоническим. В 1922 г. их отношения были нарушены драматическим, продолжавшимся несколько лет романом Вирджинии с Витой Саквелл-Уэст.

Хотя Вулф ясно осознавала свой гомозротизм, она предпочитала говорить о нем не прямо, а намеками. Даже в «Миссис Дэллоуэй» (1925), который считается ее самым откровенным романом, о любви женщины к женщине говорится очень сдержанно. Кларисса Дэллоуэй, жена члена парламента, готовясь к приему гостей, нечаянно погружается в воспоминания, и в них всплывает ее девичья влюбленность в Салли Сетон. Она «не могла оторвать глаз от Салли». В ее «отношении к Салли была особенная чистота, цельность. К мужчинам так не относишься. Совершенно бескорыстное чувство, и оно может связывать только женщин, только едва ставших взрослыми женщин. А с ее стороны было еще и желание защитить; оно шло от сознания общей судьбы, от предчувствия чего-то, что их разлучит (о замужестве говорилось всегда как о бедствии), и оттого эта рыцарственность, желание охранить, защитить, которого с ее стороны было куда больше, чем у Салли». Единственный поцелуй Салли был самым ярким переживанием в жизни Клариссы Дэллоуэй: «Будто мир

перевернулся! Все исчезли: она была с Салли одна» (Вулф, 1984, с. 85, 86). Но их отношениям не суждено реализоваться, обе женщины выходят замуж за уважаемых мужчин, и их чистая страсть живет только в потайных глубинах памяти. Еще более безнадежна и унизительна страсть, которую испытывает к дочери миссис Дэллоуэй Элизабет ее учительница, некрасивая и бедная мисс Килман.

Одно из самых известных произведений Вулф — посвященный Вите Саквелл-Уэст роман «Орландо» (1929), который один литературный критик назвал самым длинным и самым очаровательным любовным письмом в литературе. Его герой Орландо — человек, который дожил до наших дней со времен королевы Елизаветы I. В XVIII в., когда Орландо был послом в Турции, он сменил пол с мужского на женский, сохранив тем не менее свою любовь к женщине Саше и периодически меняя одежду и облик с женского на мужской. Этот литературный прием позволяет Вирджинии Вулф, выступающей в роли биографа Орландо, не вступая на опасную почву «половых извращений», любоваться прелестью как мужского, так и женского тела и описывать свою любимую Виту, как если бы та была мужчиной.

Большинство писательниц-лесбиянок первой половины XX в. были типичными мужеподобными «бучами» (в противоположность женственным «фем»). Это наложило отпечаток и на их творчество.

Американская писательница Вилла Кэтер (1873—1947) в 15 лет стриглась короче большинства мальчиков, в юности ее часто принимали за мальчика, в студенческой самодетельности она играла мужские роли, любила носить мужской костюм и подписывалась «Уильям Кэтер» или «Доктор Уилл». Хотя она много лет жила с женщинами (последний такой союз продолжался больше 40 лет), в своих произведениях она обычно выводит их в мужском облике.

Другая известная американская писательница Карсон Мак-Каллерс (1917—1967) с детства не любила ничего женского, была худой и высокой, в университете вела себя как сорвиголова, ходила в мужском костюме и дружила исключительно с мужчинами, особенно геями, среди которых были Оден, Теннесси Уильямс, Трумэн Ка-

поте и Бенджамин Бриттен. Ее муж, Ривс Мак-Каллерс, был открытым бисексуалом, их отношения были скорее товарищескими, они даже называли друг друга «братом» и «сестрой». Известны сильные увлечения Мак-Каллерс женщинами, а многие ее рассказы посвящены мужской однополой любви (например, «Баллада о грустном кафе»).

Вита Саквелл-Уэст (1882—1962) с детства одевалась и вела себя по-мальчишески, не обращала внимания на мужчин и страстно увлекалась женщинами. Бисексуальный дипломат Гарольд Николсон очаровал ее своим обхождением, они поженились на началах полной взаимной свободы и дружбы и произвели на свет двоих детей. После того как ее подруга детства Вайолет Кеппель сумела в деревенском коттедже соблазнить Виту, та почувствовала себя 18-летним юношей. Женщины сблизилась, ходили по ресторанам, ездили в Париж. Одетая в мужское платье Вита играла в этом романе роль студента Джулиана. Как писала в одном из своих писем Вайолет, «ты или, скорее, Джулиан могла делать со мной что угодно. Я люблю Джулиана безгранично, собственнически, страстно. Для меня он означает эмансипацию, свободу, юность, честолюбие, успех. Он мой идеал. Нет ничего, чего бы он не мог. Я его раба душой и телом» (Nicolson, 1973, p. 269).

Благодаря философскому отношению обоих мужей, оба брака пережили этот роман. Позже Вита имела ряд других увлечений, включая Вирджинию Вулф, которая видела в ней «настоящую женщину» (себя она такой не считала). В литературных произведениях писательница обычно изображает себя в образе молодого мужчины, Джулиана. Любви между женщинами посвящен только один ее роман «Темный остров» (1934).

Важную роль в защите и пропаганде лесбийской любви сыграла богатая американка Натали Клиффорд Барни (1876—1972), хозяйка существовавшего больше пятидесяти лет престижного парижского литературного салона, в котором бывали Андре Жид, Гертруда Стайн, Марсель Пруст, Оскар Уайльд и др. В отличие от большинства современниц, Барни нисколько не стеснялась своих многочисленных романов с женщинами и в литературных произведениях, из которых наиболее известны «Мысли амазонки» (1920) и «Новые мысли амазонки» (1939), открыто защищала лесбийскую любовь. Литературной со-

перницей Барни была американская писательница Джуна Барнс (1892—1982), которая также много лет жила в Париже и издавала влиятельный «Женский альманах». Хотя в старости Барнс отрицала свое лесбиянство, ее романы и публицистика немало способствовали популяризации и «нормализации» женской однополый любви.

Таким образом, признание права женщин на однополую любовь было еще более противоречивым и медленным, чем у мужчин. Во-первых, лесбийская любовь была еще более «невидимой», чем мужская гомосексуальность. Во-вторых, сексуальное освобождение женщин было невозможно без признания их социального равноправия. На первых этапах женского освободительного движения его идеологи как огня боялись того, чтобы их социальные требования не были истолкованы как оправдание и обоснование «извращенных» сексуальных наклонностей (это постоянно делали и делают противники феминизма). Желание избежать отождествления феминизма с лесбиянством побуждало многих феминисток социалистического направления всячески отмежевываться от него. А первые обретшие голос лесбиянки, принадлежавшие по своему происхождению и социальному положению к верхушке буржуазного общества, в свою очередь, боялись политического радикализма.

Отстаивая право женщин на независимость и однополую любовь, некоторые писательницы-лесбиянки придерживались в остальном весьма консервативных, даже профашистских политических взглядов. Натали Барни, как и ее друзья Габриэль д'Аннунцио и Эзра Паунд, открыто восхищались режимом Муссолини, а в дневниках Вирджинии Вулф звучат сильные мотивы ксенофобии и антисемитизма. Гертруда Стайн не разделяла этих настроений, видя в тоталитарных режимах опасную гипертрофию «отцовского начала». Однако она не видела принципиальной разницы между такими «отцами», как Муссолини, Гитлер и Сталин, с одной стороны, и «отцом Рузвельтом» — с другой, и опасалась, что борьба женщин за избирательные права может сделать их более похожими на мужчин.

Более радикальные социальные идеи зазвучали среди лесбиянок в полную силу только после Второй мировой войны.

2-7. ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ

Проблема заключается именно в том, чтобы решить, можно ли поместить себя внутрь некоего «мы», чтобы утвердить принципы, которые человек признает, и ценности, которые он разделяет, или же, напротив, чтобы сделать возможным будущее формирование «мы», необходимо уточнить самый вопрос. Мне кажется, что «мы» не должно предшествовать вопросу; оно может быть только результатом — неизбежно временным результатом — вопроса, в тех новых терминах, в которых индивид его формулирует.

Мишель Фуко

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Социальное положение и самосознание гомосексуалов стало быстро меняться после Второй мировой войны. Этому способствовал ряд причин общего порядка:

- демократизация общественной жизни;
- рост освободительных движений — антиколониализм, борьба за равноправие социальных меньшинств, освободительное движение черного населения США и т. д.;
- гендерная революция, борьба за равноправие женщин;
- внедрение в массовое сознание идеи прав человека, стоящих выше интересов государства;
- молодежная студенческая революция конца 1960-х гг.;
- сексуальная революция, общее изменение отношения к сексуальности.

Эти макросоциальные процессы, распространявшиеся в большей или меньшей степени на все западные страны и на все сферы общественной жизни (культуру, политику, повседневную жизнь), непосредственно затрагивали интересы сексуальных меньшинств, способствуя как изменению общественного отношения к ним, так и их собственной социально-политической мобилизации.

К середине XX в. гомосексуалы были одним из самых бесправных социальных меньшинств, подвергавшихся наибольшему и разнообразному угнетению и дискриминации. Первой задачей была отмена дискриминационных законов против гомосексуальности, включая прекращение уголовного преследования гомосексуальных отношений между взрослыми, выравнивание минимального легального возраста согласия для гомо- и гетеросексуального секса, отмену множества специфических запретов (например, служить в армии или преподавать) и легализацию однополых браков. В разных странах это происходило по-разному.

Если во Франции, Бельгии, Люксембурге и Нидерландах уголовного преследования гомосексуальности не существовало с конца XVIII — начала XIX в., когда был принят либеральный кодекс Наполеона, то в Англии существовавшее с 1533 г. уголовное наказание за добровольные и совершаемые в частной обстановке (*in private*) гомосексуальные акты между взрослыми мужчинами было отменено только в 1967 г., после ожесточенных дискуссий в британском парламенте. Примеру Англии последовали Канада и другие англоязычные страны. Из уголовного кодекса ФРГ упоминание гомосексуальности (знаменитый 175-й параграф) исчезло в 1969 г., Австрии и Финляндии — в 1971 г., Испании — в 1978 г. Одновременно отменили уголовные наказания за секс между мужчинами в некоторых социалистических странах: в 1961 г. — в Венгрии, в 1968 г. — в Болгарии и ГДР, а в 1977 г. — в Словении и Хорватии. Огромное влияние на этот процесс оказал Европейский суд по правам человека в Страсбурге, который в 1982 г. в решении по делу Даджен против Соединенного Королевства признал, что существовавшее в это время в законодательстве Северной Ирландии уголовное преследование однополых секса является «неоправданным посягательством на право уважения частной жизни» и, соответственно, нарушением статьи 8-й Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейский суд по правам человека, 2000, с. 368). Этот вывод Европейский суд подтвердил позднее в делах Норрис против Ирландии (1988) и Модинос против Кипра (1993), а Комитет по правам человека ООН — в деле Тунен против Австралии (1995), а в результате всем этим

странам пришлось отменить уголовное преследование гомосексуальных половых актов.

В США либерализация законодательства началась в 1961 г., но в некоторых штатах анальные и оральные контакты, однополые или для обоих полов, до сих пор остаются формально противозаконными, хотя полиция давно уже не возбуждает таких дел. По данным Международной ассоциации лесбиянок и геев (ILGA) на 1997 г., из 210 стран однополый секс не подвергается уголовному преследованию в 108 странах, в 83 странах (в основном Азии и Африки) преследуется мужская, а в 44 — также и женская гомосексуальность (по 19 странам нет данных). На территории бывшего СССР декриминализация гомосексуальности началась только после крушения коммунистического режима, под сильным внешним давлением (это было одним из условий членства в Совете Европы).

ГОМОФОБИЯ И ГЕТЕРОСЕКСИЗМ

Изменение юридического статуса однополых отношений тесно связано с преодолением враждебности к ним в общественном сознании. Термин «гомофобия», как обычно называют этот социально-психологический феномен, неудачен вследствие своей «психиатричности». Он подразумевает, что иррациональный страх и ненависть к однополый любви и ее носителям коренятся, как любая фобия, в индивидуальной психопатологии — подавленных собственных сексуальных импульсах, гипертрофированной враждебности и недоверии к окружающим людям, склонности реагировать на стрессовые ситуации преимущественно с помощью защитных механизмов и т. д. Все эти процессы, или, говоря на фрейдистском языке, «комплексы», несомненно, реальны, но совсем не обязательны.

Враждебность к гомосексуалам, как и другие подобные идеологические системы (антисемитизм, ксенофобия, расизм, сексизм), коренится не столько в индивидуальной, сколько в общественной психологии (Кон, 1966). В специальной литературе термин «гомофобия» сейчас заменяется термином «гетеросексизм», который американский социальный психолог Грегори М. Херек определяет как «идеологическую систему, которая отрицает, принижает и стигматизирует любые не-гетеросексуальные формы по-

ведения, идентичности, отношения или общины» (Нерек, 1994, с. 320). Более «мягкий» «гетероцентризм» (по аналогии с европоцентризмом) не отрицает альтернативных форм сексуальности, но считает их периферийными вариациями или отклонениями от подразумеваемой гетеросексуальной «нормы».

Уровень гетеросексизма зависит от целого ряда макро-социальных факторов.

1. От общего уровня социальной и культурной терпимости. Авторитаризм и нетерпимость к различиям несовместимы с сексуальным, как и всяким другим, плюрализмом. С точки зрения тоталитарного сознания инаколюбующий опасен прежде всего тем, что он — диссидент. Общество, которое пытается унифицировать ширину брюк и длину волос, не может быть сексуально терпимым.

2. От уровня сексуальной тревожности. Чем более антисексуальной является культура, тем больше в ней сексуальных табу и страхов. А если человек не может принять свою собственную сексуальность, наивно ждать от него терпимости к другим.

3. От уровня сексизма, гендерного и полового шовинизма. Главная социально-историческая функция гетеросексизма — поддержание незыблемости гендерной стратификации, основанной на мужской гегемонии и господстве. В свете этой идеологии независимая женщина — такое же извращение, как однополая любовь. Культ агрессивной маскулинности помогает поддерживать иерархические отношения и в самом мужском сообществе. Всячески культивируемая ненависть к «гомикам» — средство поддержания групповой мужской солидарности.

4. От характера традиционной идеологии, особенно религии, и ее отношения к сексуальности.

5. От общего уровня образованности и сексуальной культуры общества. Хотя образованность сама по себе не избавляет людей от предрассудков и предубеждений, при прочих равных условиях она облегчает их преодоление.

6. От ситуативных социально-политических факторов. Как и прочие социальные страхи и формы групповой ненависти, гетеросексизм обычно усиливается в моменты социальных кризисов, когда кому-то нужен зримый враг или козел отпущения и легко создать атмосферу моральной паники.

Гетеросексизм имеет не только социальные, но и психологические функции. Он помогает ретроспективному выстаиванию и оправданию личного сексуального опыта, поддержанию самоуважения, а также групповых ценностей и единства своей группы перед лицом внешнего врага (хорошие, правильные «мы» против плохих, неправильных «они»). Для некоторых подростков участие в «охоте» на геев служит чем-то вроде ритуала взросления, средством повысить собственный авторитет в группе и преодолеть собственную латентную гомосексуальность. Самыми рьяными гомофобами бывают мужчины, которым есть что скрывать и/или которых подозревают в гомосексуальности. В предельных случаях это действительно напоминает фобию и требует психиатрического вмешательства.

Хотя преодоление гетеросексистских установок как на индивидуальном, так и на социальном уровне происходит трудно и медленно, уровень социальной терпимости к гомосексуальности повсеместно растет. Это показывают все национальные опросы 1990-х гг. Например, в Финляндии в 1971 г. 44 % мужчин и 45 % женщин считали, что гомосексуальное поведение взрослых является частным делом, в которое власти не должны вмешиваться; в 1992 г. доля таких ответов среди людей моложе 55 лет выросла до 59 и 72 % (Kontula and Haavio-Mannila, 1995, p. 147).

Особенно велики сдвиги среди студенческой молодежи. В 1966 г. гомосексуальные отношения считали принципиально допустимыми 37 % немецких студентов и 40 % студенток, а в 1996 г. соответственно 91 и 94 % (Schmidt, 2000).

Однако разница между странами очень велика. По данным европейского сравнительного исследования, в 1990 г. самое враждебное отношение к гомосексуалам было зафиксировано в католической Португалии, где с мнением, что «гомосексуальность никогда не может быть оправдана», согласились 78 % опрошенных, за ней, со значительным отставанием, следуют Ирландия, Италия и Испания. Зато в Голландии категорически осуждают однополую любовь лишь 12 % опрошенных. С мнением «Я не хотел бы иметь гомосексуалов своими соседями» согласились больше половины опрошенных португальцев и только 11% голландцев и датчан (Van den Akker et al., 1994). С мнением, что гомосексуалы — такие же люди,

как и все прочие, согласны от 70 до 75 % французов, тогда как почти три четверти американцев считают гомосексуальное поведение «всегда неправильным» (Michaels and Lhomond, 2000).

Отношение к гомосексуалам всюду коррелирует с религиозной принадлежностью, общей социальной терпимостью и степенью информированности. Там, где геи и лесбиянки более видимы, они вызывают наименьшее раздражение, люди понимают, что они неопасны. Женщины, как правило, терпимее мужчин, а молодые люди от 18 до 24 лет значительно терпимее пожилых (по сравнению с теми, кто старше 65 лет, — вдвое) (Inglehart, 1990, pp. 194—195). Это объясняется большей общей терпимостью и образованностью молодежи, а также тем, что молодые люди полнее принимают собственную сексуальность и потому допускают больше вариаций в поведении и установках других людей.

ИЗ ПОДПОЛЬЯ В КУЛЬТУРУ

Отношение людей к любой социальной группе во многом зависит от того, насколько широко и как именно эта группа представлена в господствующей культуре.

В течение многих столетий об однополрой любви можно было говорить только обиняком. Затем в литературе и искусстве появились карикатурные образы смешных, жалких и вместе с тем агрессивных людей, самым фактом своего существования подрывающих нравственные устои общества. Потом их сменили достойные сочувствия несчастные жертвы природной и/или социальной несправедливости. Чтобы преодолеть этот стереотип, нужно было настоящее, высокое и сложное искусство, способное раскрыть гомосексуальные переживания изнутри, сделать их всеобщим достоянием. Естественно, что разные писатели делали это по-разному.

Рассмотрим это на примере французской литературы XX в., в которой гомосексуальная тема звучит особенно сильно. Произведения Роже Мартен дю Гара, Анри де Монтерлана, Жоржа Пейрефита и их предшественников, включая Жида и Пруста, приучали читающую публику к факту существования однополрой любви. Но они посвящены главным образом элите, и многое в них зашифровано.

Совершенно иначе выглядит творчество Жана Жене (1910—1986).

Никому не нужный подкидыш, маленький Жан с раннего детства стал преступником, вором и гомосексуалом, не испытывая по этому поводу ни малейших угрызений совести. Хотя он хорошо учился в школе, с ним постоянно случались разные неприятности, за систематические кражи он попал в исправительную колонию Меттрэ. Условия там были суровые, но Жан был счастлив: у себя в деревне он был подкидышем и слабаком, а в Меттрэ его сделал своим любовником сильный и авторитетный подросток Вильруа. Перед уходом из колонии Вильруа продал Жене другому парню, а тот передал третьему. Казалось бы, ужас? А Жене счастлив тем, что он пользовался у этих сильных ребят успехом. Его любимая эротическая мечта — быть юнгой на пиратском корабле и чтобы матросы его насиловали и заставляли голым взбираться на мачту.

Чтобы выйти из колонии, Жене завербовался в армию, служит в Сирии и Марокко, дезертирует, бродяжничает, скитается по Европе, летом 1937 г. возвращается во Францию и за кражу 12 носовых платков получает месяц тюрьмы; помилован, но через две недели за новую кражу получает еще 5 месяцев тюрьмы, к тому же выясняется, что он дезертир. Благодаря психиатрической экспертизы, в мае 1938 г. Жене выпускают, а в октябре он снова попадает в тюрьму за кражу четырех бутылок аперитива. После освобождения — новые краткосрочные отсидки, чаще всего за кражу книг. В тюрьме Жене пишет «Богоматерь цветов», потом знакомится с Кокто, тот находит ему издателя, но очередная кража, на сей раз — редкого издания Верлена, опять приводит его в тюрьму, ему грозит пожизненное заключение. В марте 1944 г. Сартр и Кокто добиваются его освобождения, а в 1949 г. — окончательного помилования президентским декретом. В 1947 г. Жене получил свою первую престижную литературную премию и стал известным писателем, но его жизнь осталась такой же неупорядоченной. Он увлекается то американскими «черными пантерами», то палестинскими террористами и пишет обо всем с абсолютной откровенностью.

В отличие от своих предшественников, Жене не оправдывает гомосексуальность и не психоанализирует ее,

а свободно живет в ней. «Кто способен объяснить, почему он гомосексуалист? Кто знает, почему человеку свойственно любить так, а не иначе? Гомосексуальность была дана мне так же, как цвет моих глаз или количество моих ног. Уже ребенком я чувствовал, что меня привлекают мальчики... Я вынужден был приспособиться к этому, жить с этим, прекрасно понимая, что подобный образ жизни не принимается обществом» (Жене, 1995, с. 275).

Поэтизируя воровство, предательство и насилие, Жене находит в преступном мире чистоту, отсутствующую в повседневной жизни буржуазного общества. Он сказал Жуандо: «Тюрьма — это не тюрьма, а свобода. Там вы освобождаетесь от мелочей и возвращаетесь к главному» (White, 1993, p. 200). Когда Кокто читал рукопись «Богоматери цветов», она сначала вызвала у него отвращение и страх, он даже хотел ее сжечь, но понял, что не может этого сделать и обязан помочь талантливому автору: «Вы плохой вор, вы дали себя поймать. Но вы хороший писатель».

Романы Жене, по словам Эдмунда Уайта, «глубоко извращенны, часто инфантильны, всегда шокирующие. Они прославляют страсть и преступление и превозносят предательство». Однако это легко объяснимо. «Как всякий другой гомосексуал до начала геевского освободительного движения, Жене мог выбирать только между тремя метафорами гомосексуальности — болезнь, преступление или порок. Почти все остальные писатели-гомосексуалы выбирали своим эталоном болезнь, потому что она вызвала к состраданию гетеросексуального читателя. Жене выбрал два других образца — порок и преступление, и это оказалось более вызывающей и гордой позицией. Жене хочет испугать или соблазнить своего гетеросексуального читателя, а не просить у него прощения. Вместо чая и симпатии он предлагает яд и бесстыдство» (White, 1993, p. 373—374).

В то же время Жене большой реалист. «Богоматерь цветов» — первый художественный образ феминизированной «королевы» в интерьере предвоенного Монмартра, «Чудо розы» описывает подлинные нравы детской исправительной колонии, а «Дневник вора» — картину преступного мира Барселоны. Жене — писатель не для

всех, да и те, кому он нравится, вряд ли сочтут его подходящим примером для подражания. Но, прочитав его, вы уже не сможете отмахнуться от поставленных им вопросов.

ГОМОСЕКСУАЛЬНАЯ ТЕМА В КИНО

Важную роль в узнавании однополой любви гетеросексуальным большинством сыграло кино (Russo, 1987; Dyer, 1990; Waugh, 1996). Первые серьезные фильмы на эту тему появились в Германии уже в годы и сразу же после Первой мировой войны. Это были «Крылья» Морица Штиллера (1916) по роману датского писателя Германа Банга «Микаэль» и подготовленный при участии Хиршфельда фильм Рихарда Освальда «Отличный от других» (1919), посвященный трудностям формирования личности молодого гомосексуала во враждебном семейном и социальном окружении. Враждебный прием надолго задержал дальнейшие попытки затрагивать эту тему. Более успешными оказались первые лесбийские фильмы: «Коробка Пандоры» Г. Пабста (1929) по пьесе Франка Ведекинда и особенно «Девочка в униформе» Леонтины Саган (1931) по пьесе Кристины Винслоу о драматической любви юной школьницы к учительнице (этот фильм и сегодня считают классическим).

В 1930—1950-х гг. гомоэротическая тематика постепенно проникает в массовое кино, чаще всего в зашифрованном виде, в форме сцен с переодеванием мужчин в женскую одежду, комическими образами женоподобных мужчин и лирическим изображением мужской дружбы и воинского братства. Психологический и нравственный смысл многих этих образов был двусмысленным, а их гомоэротический подтекст доступен только посвященным. Кому из нас приходило в голову задумываться над комической «Теткой Чарлея»?

В 1960-х и особенно 1970-х гг. западное кино стало более откровенным. С одной стороны, возникает подпольная «голубая» кинематография, со своими собственными режиссерами (Энди Уорхол, Пол Морисси) и звездами (Джо Даллесандро), показывающая геевскую жизнь изнутри, нарочито вызывающе и грубо, на грани порнографии. С другой стороны, начиная с фильма

Уильяма Фридкина «Мальчики в оркестре» (1970), по пьесе Марта Кроули, однополая любовь стала постоянной темой коммерческого кино. Стереотипность образов несчастных обреченных гомосексуалов — «покажите мне счастливого гомосексуала, и я покажу вам веселый труп» — вызывала бурные протесты гей-активистов, но эти фильмы помогали людям ощутить какие-то человеческие стороны однополой любви. Когда в 1971 г. Джон Шлезингер впервые показал на экране целующихся мужчин, это вызвало у британской публики шок. В 1996 г. каталог кино- и видеофильмов, затрагивающих гомосексуальную тему, насчитывал уже свыше 3000 названий (Muggey, 1996). Внимание публики привлекают не только кинематографические образы, но и предполагаемая гомо- или бисексуальность многих кинозвезд (Рудольф Валентино, Рамон Наварро, Чарльз Лафтон, Монтгомери Клифт, Рок Хадсон, Тайрон Пауэр, Кэри Грант, Эррол Флинн, Джеймс Дин, Дирк Богард, Грета Гарбо, Марлен Дитрих и др.).

Веское слово сказали такие кинематографические классики, как Висконти, Пазолини, Фасбиндер и Джармен.

В аристократической семье Лукино Висконти (1906—1976) однополая любовь была древней семейной традицией, передававшейся от отца к сыну (Servadio 1983). Очень красивый мальчик, Висконти обожал мать и испытывал к ней эротические чувства (его одержимость семейными проблемами отразилась в «Сумерках богов» и в «Семейном портрете в интерьере»). В юности он увлекался лошадьми, ухаживал за женщинами и собирался жениться, но постепенно женщин вытеснили молодые мужчины, хотя Висконти продолжал флиртовать и дружить с женщинами, которые его обожали. Властный, авторитарный и капризный, Висконти был застенчив и скрытен и любил только таких молодых мужчин, которые оказывали ему сопротивление. Его первой настоящей любовью в 1934 г. стал бежавший из Германии молодой стройный блондин, фотограф Хорст, который помог Висконти освободиться от увлечения мужественной внешностью штурмовиков и стать на антифашистские позиции; в годы войны Висконти активно участвовал в движении Сопротивления и даже вступил в итальянскую компартию. Другим любовником

Висконти был актер Хельмут Бергер, который сыграл ведущие роли в «Сумерках богов», «Семейном портрете» и «Людвиге» и стал одним из кумиров «геевского» кино. Некоторое время Висконти жил с Франко Джзефирелли и также был безответно влюблен в гетеросексуального Алена Делона.

Висконти-художника интересует не секс, а глубины человеческой психики. Мужская любовь в его фильмах — болезненная, но благородная страсть. Этот романтизм особенно ярко воплощен в фильме «Людвиг» (1973), вольной интерпретации жизни баварского короля Людвига II. В «Сумерках богов» (1969) Висконти представил сексуальные извращения одним из источников германского фашизма, однако сцены гомосексуальной оргии сняты явно сочувственно. «Смерть в Венеции» (1971) по одноименной повести Томаса Манна, с Дирком Богартом в главной роли, высвечивает еще одну трагедию однополрой любви — разновозрастность.

Более телесный, с сильным привкусом садомазохизма, образ гомосексуального желания рисует Пьер Паоло Пазолини (1922—1975), который первым в итальянском кино открыто показал нагое мужское тело. Пазолини с детства испытывал влечение к мальчикам, описывая в своих юношеских стихах мучения неразделенной и неутоленной страсти, когда можно «отдать свою любовь только руке или траве в кустах» (Siciliano, 1982). В 1949 г. он был обвинен в растлении мальчиков, и хотя обвинение не смогли доказать, остался лишь факт «развратных действий», из компартии его исключили. Переехав в Рим, Пазолини писал газетные статьи, а затем романы о жизни подростков из бедных районов, поддерживая со своими героями близкие отношения. Его политические взгляды были очень противоречивы, сочетая коммунистически-ультралевые идеи с ностальгией по добуржуазному прошлому. Например, он сожалел о растущей эмансипации женщин и возражал против легализации абортa, потому что это ослабляет гомoэротические связи между неженатыми мужчинами, к которым в итальянской деревне традиционно относились терпимо. 2 ноября 1975 г. Пазолини был убит 17-летним хаслером Джузеппе Пелози.

«Декамерон» (1971), «Кентерберийские рассказы» (1972) и «Арабские ночи» (1974) Пазолини — откровен-

ный культ юности, наготы и сексуального желания. По словам Пазолини, нагое тело всегда революционно, потому что его невозможно ввести в рамки. Он пытается найти невинную, «чистую» сексуальность, не затронутую католическим воспитанием и чувством вины, в средневековой крестьянской общине или в странах Востока. В дальнейшем Пазолини признал утопичность этих поисков. Его последний фильм «Сало, или 120 дней Содомы» (1975) отмечен поэтизацией насилия и садомазохизма. Хотя формально фильм направлен на разоблачение фашистской жестокости, режиссер явно наслаждается сценами, в которых сексуальность ассоциируется не столько с удовольствием, сколько со смертью.

Еще более мрачной выглядит кинематография Райнера Вернера Фасбиндера (1946—1982) (Katz, 1987). Будущий режиссер с детства рос маниакально-депрессивным ребенком. Его первые сексуальные интересы проявились очень рано, около 3 лет, и были обращены преимущественно на мальчиков. В 15 лет Фасбиндер вместе со своим другом занимался гомосексуальной проституцией в Кельне. В дальнейшем он женился, но всегда имел связи с мужчинами. Садомазохизм Фасбиндера усугублялся наркоманией, которая и привела его к гибели. Кинематограф Фасбиндера неразрывно связан со студенческой революцией 1960-х гг., его фильмы имели большой успех среди левой интеллигенции. Все сложности сексуальных отношений, включая однополые, коренятся, по Фасбиндеру, в том, что за ними скрываются отношения власти и взаимной эксплуатации. Этот разоблачительный пафос заставил режиссера создать настолько несимпатичные и карикатурные образы лесбиянок («Горькие слезы Петры фон Кант», 1972) и геев («Кулачное право свободы», в англоамериканской версии «Фокс и его друзья», 1975), что американские геи бойкотировали его фильмы как гомофобские. Прохладный прием встретил и «Кэрель» по роману Жене (1982). Хотя обилие откровенно сексуальных сцен обеспечило фильму популярность, сексуальность в нем трактуется не как удовольствие, а как инструмент власти и злоупотребления властью: «Человек, который трахает, обладает властью, а тот, кого трахают, безвластен. Трахать и быть трахнутым — средства утверждения или потери власти. И то и другое может доставлять удоволь-

ствие, но удовольствие быть трахнутым — это удовольствие от унижения» (Dyer, 1990, pp. 91—92).

В отличие от Фасбиндера, английский режиссер Дерек Джармен (1942—1994), ослепший и погибший от СПИДа, сознательно поставил свою жизнь на службу освободительного движения геев и лесбиянок и стал его своеобразной иконой. Почти все его фильмы посвящены теме социального освобождения гомосексуалов. В фильме «Себастьяна» (1975) он дополнил историю христианского мученика тем, что тот отверг любовь императора Диоклетиана. В «Караваджо» (1986) бурная жизнь художника интерпретируется главным образом в свете его гомосексуальности. «Эдуард II» по пьесе Марло (1991) высвечивает исторические корни преследования гомосексуалов правящими классами Англии. Последние фильмы и книги Джармена были непосредственно посвящены теме борьбы со СПИДом.

Какими бы идеализированными или карикатурными, положительными или отрицательными ни были образы однополрой любви и ее носителей в литературе и кино, они приучали общество к тому, что такой феномен существует. Но чтобы это осознание повлияло на реальную жизнь сексуальных меньшинств, нужно было политическое действие.

ГОМОФИЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В США

Освободительное движение геев и лесбиянок с самого начала было неоднородным (Cruikshank, 1992; Adam, 1987).

Во-первых, это движение за сексуальную свободу, терпимость и признание своего права быть другими. Во-вторых, это политическое движение за осознание себя как социального меньшинства, за равноправие и гражданские права. В-третьих, это идейное движение, выдвигающее определенные принципы социальной организации общества и социально-нравственные ценности. В-четвертых, это особая субкультура, общинная жизнь, стиль жизни, язык, формы общения, искусство и многое другое. Эти элементы сплошь и рядом не совпадают, и соотношение их различно в разных странах и в разные периоды (Cruikshank, 1992; Adam, 1987).

Хотя это движение было интернациональным, особенно важное значение в послевоенные годы приобрели процессы, происходившие в США, самой сильной и богатой, но также самой культурно разнородной стране западного мира. Старые традиции борьбы за права культурных и религиозных меньшинств сталкивались здесь с характерной для протестантского фундаментализма традицией социальной нетерпимости. Освоение новых территорий позволяло американцам мигрировать, создавая новые общины по собственному вкусу, но внутри каждой отдельной общины нравы были гораздо более жесткими и патриархальными, чем в западноевропейских городах. Связанное с этим социальное напряжение часто перерастало в политические конфликты, идеологически преломляясь в разных интерпретациях прав человека. Это проявилось и в геевском движении.

Первой материальной предпосылкой его было образование критической массы людей, рассматривавших себя как некую общность. До Второй мировой войны американские геи и лесбиянки были разобщены и бессильны против полицейских репрессий и консервативного общественного мнения. Оказавшись в армии, они впервые увидели, что на самом деле их гораздо больше, чем было принято думать, и данные Кинзи это подтвердили. Послевоенная миграция в большие города облегчила нахождение себе подобных и создание общественных мест, где они могли бы встречаться и проводить время.

Особенно важную роль в этом деле играли бары, которые были местами не только для секса, но и для общения, обмена информацией и формирования общности идей и чувств. «Гей-бар был первым, а для большинства членов «до-освободительного поколения» — единственным геевским учреждением. Прежде чем геи потребовали социального признания и создали собственные институты, прибыльные гей-бары предоставляли чуточку анонимности и защиты от официального и неофициального вмешательства в лесбигеевское общение» (Murray, 1996, p. 69).

Поскольку США — нация иммигрантов, любое этническое, религиозное или культурное меньшинство стремилось прежде всего создать собственную экологическую нишу в виде более или менее компактного территориаль-

ного сообщества или общины (слово community обозначает и то, и другое) себе подобных. Итальянцы селились рядом с итальянцами, китайцы — вместе с китайцами. Не были исключением и геи. Как только они становились видимыми и слышимыми, они сразу же создавали на месте прежних гетто своеобразные общины, где все были свои — и доктор, и юрист, и мебельщик, и архитектор, и портной, и парикмахер, и оптик, короче, вся сфера обслуживания. Это облегчало общение и усиливало чувство социальной общности.

Плюс — еще две старые американские традиции: 1) свобода слова, возможность беспрепятственно печатать и распространять диссидентские взгляды и 2) вытекающая из религиозного плюрализма Соединенных Штатов любовь к созданию всевозможных добровольных ассоциаций.

Послевоенная Америка стала ареной нескольких мощных демократических движений — борьбы за гражданское равноправие черных, феминистского движения, движения против войны во Вьетнаме и молодежного, студенческого движения. Это не могло не поставить перед американскими геями и лесбиянками вопрос: а чем мы хуже, почему мы должны мириться с гнетом, против которого восстают другие?

С самого начала движение геев и лесбиянок имело два крыла — либеральное, ориентированное преимущественно на интеграцию и ассимиляцию геев и лесбиянок в обществе путем уравнивания в правах с представителями гетеросексуального большинства, и леворадикальное, добивающееся разрушения всей системы гендерно-сексуальной стратификации и поддерживающих ее институтов.

Первая американская гомофильская организация Фонд Матташин (или Матталин) была основана в Лос-Анджелесе в 1950—1951 гг. и названа в честь одноименного таинственного средневекового французского музыкального сообщества. Ее основатель Гарри Хэй (р. 1912) был человеком незаурядным. Самым сильным жизненным впечатлением 13-летнего Гарри было знакомство с индейцами хопи, к которым он почувствовал духовную близость, найдя в опыте бердашей приемлемое решение собственных психосексуальных проблем (Нау, 1996). Вступив в 1933 г. в компартию США, Хэй пытался сочетать борьбу за освобождение трудящихся с борьбой за сексуальное освобож-

дение. Поскольку для компартии его гомосексуальность была неприемлема, Хэй пытался подавить ее и женился на подруге по партии, но дружеские отношения с женой не избавили его от влечения к мужчинам. Мировоззрение Хэя — попытка синтеза марксизма с идеями индейских бердашей. Из марксизма Хэй заимствовал трактовку гомосексуалов как угнетенного социального и культурного меньшинства, которое может добиться освобождения только путем классовой борьбы, в союзе со всеми остальными демократическими силами. Вместе с тем он выступал против ассимиляции геев, за сохранение психических особенностей и духовности американских индейцев.

Политически эти идеи были трудно совместимы, многие члены Фонда Матташин их не разделяли. По мере того как первоначальный узкий круг основавших его друзей и любовников расширялся, в нем усиливались идейные разногласия. Кроме того, открытое сочетание марксизма и гомосексуальности неизбежно навлекало гонения со стороны маккартистов. Чтобы спасти Матташин от преследований, Хэй в 1953 г. вышел из компартии, но это не помогло. В конце 1953 г. в организации возобладали умеренные, либеральные силы. Фонд был переименован в Общество Матташин, которое «безоговорочно поддерживает все американские ценности» и добивается только ассимиляции и интеграции гомосексуалов в существующее общество. Идейная переориентация сделала Общество Матташин более респектабельным в глазах среднего класса, зато лишила его массовой основы. Количество членов с 2 тысяч в мае 1953 г. уменьшилось в мае 1954 г. до 54; в 1960 г. Общество насчитывало 230 членов.

Второй гомофильской организацией был основанный в январе 1953 г. при участии Общества Матташин, но формально независимый от него журнал «ONE» («Один») (название происходит от слов Томаса Карлейля «Мистическая братская связь делает всех мужчин единым целым»), выходивший до 1968 г. В 1956 г., с помощью частных пожертвований, его редакторы У. Дорр Легг, Джим Кепнер и др. создали на основе журнала первый в США гомофильский научно-педагогический центр (ONE Institute of Homophile Studies), существующий до наших дней (Legg, 1994). В 1994 г. Институт «ONE» слился с Международным геевским и лесбийским архивом (IGLA)

в Лос-Анджелесе, образовав богатейшее собрание книг и документов.

Хотя формально Общество Матташин представляло всех гомосексуалов, независимо от пола, фактически в нем преобладали мужчины, женское представительство было номинальным. Признать себя лесбиянкой в консервативной Америке было невероятно трудно, а социальные барьеры между женщинами из средних классов и рабочими женщинами были и вовсе непреодолимыми. Тем не менее в 1930-х гг. в больших городах уже существовали женские бары, среди посетительниц которых преобладали лесбиянки. В 1955 г. четыре пары лесбиянок, во главе с Дель Мартин и Филлис Лайон, основали в Сан-Франциско первую американскую лесбийскую организацию «Дочери Билитис» (название подсказано «Песнями Билитис» Пьера Луи) и начали издавать собственный журнал «Ladder» («Лестница»), выходивший в течение шестнадцати лет. Политические взгляды этих женщин были довольно умеренными, они хотели прежде всего помочь лесбиянкам выйти из изоляции. Они поддерживали тесный контакт с Обществом Матташин и ONE, но считали, что мужские организации недостаточно отражают женские проблемы и интересы. «Что вы, мужчины, знаете о лесбиянках?.. Ни одна из ваших организаций не признала того факта, что лесбиянки — женщины и что наше 20-е столетие — эра освобождения женщин. Лесбиянки не удовлетворены положением подручных или гомосексуалов второго сорта» (D'Emilio, 1983, p.105).

«Дочери Билитис» были элитарной организацией женщин среднего класса. Желая стать респектабельными, они требовали от своих членов умеренности и благопристойности в поведении и одежде, а классовые предрассудки не позволяли привлекать лесбиянок из пролетарской среды.

Несмотря на маккартистские гонения, а отчасти даже благодаря им, гомосексуальность стала в 1950-х и начале 1960-х гг. значительно более видимой и слышимой. Книжки о мужской любви, которые раньше печатались полуподпольно, в маленьких непрестижных издательствах, постепенно стали занимать видное место в книжных магазинах и на стендах библиотек. Некоторые из этих произведений, такие, как «Город и столп» Гора Видала (1948, исправленное издание — 1969), «Другие голоса, другие ком-

наты» Трумена Капоте (1948), «Комната Джованни» Джеймса Болдуина (1956), «Голый завтрак» Уильяма Берроуза (1959), стали классическими. Под влиянием работ Кинзи и Хукер меняется отношение к гомосексуальности в общественных науках. Однако эти либеральные идеи оставались достоянием интеллектуальной элиты и не избавляли людей от гонений и преследований.

СТОУНВОЛЛ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ ГОМОФИЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Под влиянием общего подъема демократического движения в США в 1960-х гг. геевское освободительное движение в США радикализировалось. Важную роль в этом сыграл Франклин Кэмени (р. 1925). Выходец из еврейского среднего класса Нью-Йорка, вундеркинд, получивший ученую степень по астрономии в Гарварде, Кэмени не был революционером по характеру и спокойно работал в картографической службе армии США. Но когда в 1957 г. его уволили оттуда за гомосексуальность и он нигде не мог найти работу по специальности, ему не осталось ничего другого, как стать правозащитником. В отличие от некоторых других геевских лидеров, стремившихся доказать свою респектабельность, Кэмени подчеркивал, что нужно не просить снисхождения, а добиваться гражданских прав в союзе с остальными демократическими силами. И для этого вовсе не нужно знать «причины» гомосексуальности. Негритянские организации не волнуют, какой именно ген определяет темноту кожи и как можно ее выбелить. Еврейские организации не заинтересованы в искоренении антисемитизма путем крещения евреев. То же самое должны делать и гомосексуалы. «Мы заинтересованы в получении прав для наших общин как негры, как евреи и как гомосексуалы. Почему мы являемся неграми, евреями или гомосексуалами, совершенно безразлично, и можем ли мы стать белыми, христианами или гетеросексуалами, также не имеет значения» (D'Emilio, 1983, p. 153).

Эта новая, радикальная установка вызвала раскол в гомофильском движении. Старые либеральные лидеры, старавшиеся убедить гетеросексуальное большинство в своей безобидности, отделились, а новые лидеры и орга-

низации стали больше апеллировать к прямым массовым действиям — митингам, бойкотам, демонстрациям протеста, не боясь столкновений с полицией и судебными властями. В 1968 г. Североамериканская конференция гомофильских организаций официально приняла лозунг «Гей — это хорошо», по образцу негритянского лозунга «Черный — это красиво». В больших городах, как Сан-Франциско и Нью-Йорк, политическое движение смыкается с популярными среди молодежи течениями контркультуры, вроде хиппи и битников, что придает ему больший размах.

Символическим рубежом перехода от либерального гомофильского движения к освободительному движению геев и лесбиянок стали события 27—30 июня 1969 г. в Нью-Йорке, получившие название Стоунволлского восстания. Внешняя канва их достаточно буднична. В ночь с пятницы на субботу нью-йоркская полиция нравов, проводя рутинный рейд в гомосексуальном баре Стоунволл Инн на Кристофер-стрит, в центре гомосексуального Нью-Йорка, попыталась арестовать его владельцев за незаконную продажу алкоголя. Такие рейды проводились регулярно в течение многих лет, и грубость полиции всегда воспринималась как должное. На сей раз момент был выбран неудачно. Наэлектризованная обстановкой в городе, в частности недавними студенческими волнениями в Колумбийском университете, посетители бара отказались покинуть помещение, вооружились камнями и бутылками и начали бунт против полиции, вынудив ее отступить. Приехавшие на помощь полицейские машины были подожжены. Особенно мужественно и агрессивно сражались с полицией одетые в женское платье мужчины-трансвеститы, от которых никто этого не ожидал. Началась продолжавшаяся три дня битва, в которой 400 полицейским противостояла двухтысячная толпа, кричавшая «Спасем наших сестер!» и «Власть геям!».

Этот стихийный бунт, подготовленный десятилетиями гнета и унижения, показал геям, что при желании они могут успешно противостоять полиции, но для этого нужна организация. Сразу же после Стоунволла в Нью-Йорке был создан радикальный Геевский освободительный фронт (Gay Liberation Front — GLF), провозгласивший целью формирование гей-идентичности, независимой от гетеросексуаль-

ных ценностей. В августе 1969 г. группа молодежи во главе со Стивеном Доналдсоном приняла «радикальный манифест», в котором «принятые гетеросексуальные нормы морали» были объявлены аморальными. Возникает множество разных, соперничающих друг с другом, геевских организаций. Американский пример нашел живой отклик в Европе. Вслед за многочисленными национальными организациями в августе 1978 г. на съезде в Ковентри была создана Международная ассоциация лесбиянок и геев (International Lesbian and Gay Association — ILGA), под лозунгом «Работать для освобождения женщин-лесбиянок и мужчин-геев от правовой, социальной, культурной и экономической дискриминации». В настоящее время ILGA имеет больше 200 ассоциированных коллективных членов, в том числе в России и странах СНГ.

Новое движение создало официальную систему символов. Розовый треугольник напоминает о знаке, который заключенные-гомосексуалы должны были носить в гитлеровских концлагерях (российские представления, что розовый цвет обозначает лесбиянок, а голубой — геев, не лишены остроумия, но исторически неверны). Второй символ — ламбда, одиннадцатая буква греческого алфавита, — появился в США в 1970 г. и был официально принят Международным конгрессом в защиту прав геев в Эдинбурге в 1974 г. Романтическая легенда, будто ламбда изображалась на щитах фиванских и спартанских воинов из «легиона влюбленных», недостоверна; скорее всего, символ подсказан голливудским фильмом «Триста спартанцев», на щитах которых действительно была ламбда. Третий символ, шестицветный флаг-радуга без голубой полосы, символизирующий многоцветье движения и одновременно — намек на библейское обещание, что всемирного потопа больше не будет, появился в Сан-Франциско в 1978 г. Другие символы — единорог, носорог, бабочка и др. — широкого распространения не получили.

СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТКУЛЬТУРА

Геевское движение никогда не было чисто политическим. Однополая любовь в 1970-х гг. ассоциировалась прежде всего с богемным стилем жизни и молодеж-

ной контркультурой. Геевская субкультура воспроизводила и гипертрофировала все наиболее типичные черты эпохи сексуальной революции — индивидуализм, нарциссизм, гедонизм и социальную безответственность.

Глобальное переосмысление понятий интимности, любви и секса и выведение их за рамки брачно-семейных и репродуктивных отношений началось уже в первой половине XX в. Сексуальная революция 1960-х гг. довела этот процесс до логического конца, провозгласив полное раскрепощение эроса и представив сексуальность как автономную и привилегированную сферу ничем не ограниченного удовольствия. В силу своей нерепродуктивности, маргинальности и несвязанности с браком мужская гомосексуальность как нельзя лучше вписывалась в этот культурный контекст.

До начала эпидемии СПИДа почти вся гомосексуальная субкультура в больших городах строилась главным образом на основе секса, развлечений и наркотиков. Богемная среда притупляла чувство ответственности за других и заботу о собственной безопасности. Битники и хиппи 1950—1960-х гг. проповедовали культ спонтанности, непосредственности и отсутствия каких бы то ни было запретов и самоограничений. Главными ценностями и символами этой контркультуры стали секс и наркотики. Гедонистический и экспериментальный гомоэротизм чувствовал себя в этой среде как рыба в воде. Не случайно из трех главных пророков и культовых фигур «битовского поколения» двое (Уильям Берроуз и Аллен Гинзберг) были геями, а третий, Джек Керуак, бисексуалом. Помимо общего богемного духа, геям импонировал характерный для битников культ молодости и абсолютизация возрастных различий — «эйджизм» (ageism), воплощенный в знаменитом студенческом лозунге: «Не доверяй никому старше тридцати лет».

Хотя далеко не все геи были битниками и не все битники — геями (большинство хиппи, которых часто отождествляли с битниками, были как раз «натуралами»), мода на длинные волосы вызывала подозрения в женственности и гомосексуальности, и эти явления прочно соединились в общественном сознании. В культовом битническом фильме Милоша Формана «Волосы» полицейские спрашивают длинноволосого парня: «Ты что, гей?» —

«Вообще-то нет, но Мика Джеггера я бы из своей постели не выкинул».

Стиль жизни гомосексуальной богемы 1950-х — 1970-х гг. был, мягко говоря, нездоровым. В мегаполисах Европы и Америки «золотые мальчики» напропалую жрали наркотики и трахались с кем попало. Нью-йоркский гей-активист Арни Кантровиц вспоминает о жизни 1970-х гг.:

«Чем глубже я погружался в этот мир, тем безличнее он становился... Часто я приводил к себе домой для секса парня, даже имени которого я не знал, и надеялся, что он не останется до завтрака, и я не увижу, что он не имеет ничего общего с тем воображаемым мужчиной, с которым я трахался прошлой ночью.

Однако веселье имело свою темную сторону. Забавно, но новые сексуальные условия становились похожими на те, от которых мы только что освободились. В некоторых новых саучах возводились сложные фантастические сооружения, позволявшие клиентам воображать себя в припаркованных грузовиках или в тюремных камерах. Частные клубы превращались в гигантские мужские туалеты. Одно такое заведение, «Славная дыра», было поделено на кабинки с проделанными в стене отверстиями, через которые можно было заниматься анонимным сексом не с мужчиной, а только с его гениталиями. Вся наша с трудом добытая свобода и общинная жизнь приводили нас обратно в объятия отчуждения и одиночества» (Kantrowitz, 1992, p. 217).

Яркое описание геевского Нью-Йорка, в котором сексуальная неразборчивость и наркомания скрывали безнадежное одиночество, дал Ларри Крамер в романе «Гомики» (1978). Герой Крамера «потратил целый год (не считая всех предыдущих) с безликой группой сексуальных объектов». В его записной книжке — десятки имен, о носителях которых он ничего не помнит. «Как он мог не помнить? Как он мог заниматься любовью с другим человеческим существом и не помнить? Лицо? Тело? Что-нибудь? Хоть что-то? Бородавку? Запах?» «Из 2 639 857 гомиков большого Нью-Йорка 2 639 857 думают главным образом своими пенисами». «Я устал использовать свое тело как безликую вещь для соблазнения другой безликой вещи, я хочу любить Лицо! Я хочу выйти и жить в том мире с тем Лицом, которое любит меня, чтобы вернуть

была не *обязанностью*, а *потребностью...*» (Kramer, 1987, pp. 29, 223; 335).

Вся геёвская пресса обрушилась на Крамера за то, что он вынес сор из избы и представил отрицательный, карикатурный и стереотипный образ гея, который могут использовать враги. При встрече на улице знакомые переходили на другую сторону, лучший друг перестал с ним разговаривать. Но одновременно он получил тысячи благодарственных писем.

Разумеется, далеко не все геи вели себя как герои Крамера. «Голубая» Америка 1970-х гг. была достаточно разнообразна, разные геёвские общины исповедовали неодинаковые стили и образы жизни. По данным сан-францисского исследования, даже в этой признанной столице геёвской Америки от одной трети до половины геёв поддерживали более или менее стабильные парные отношения, многие пары жили вместе и т. д. В провинции нравы были и вовсе патриархальными. Но люди судили об всем именно по мегаполисам, делая образ однополой любви одновременно соблазнительным и отталкивающим.

СПИД И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Начавшаяся в 1981 г. эпидемия СПИДа, обернувшаяся катастрофой для наиболее многочисленных геёвских общин, таких, как Сан-Франциско и Нью-Йорк, и особенно для их художественно-артистической элиты, резко изменила социальную и психологическую ситуацию (Paul et al., 1994). Мужчины-геи оказались первой жертвой страшной болезни. Экстенсивный анальный секс с многочисленными сменяющимися партнерами, при отсутствии каких бы то ни было мер предосторожности, сам по себе эпидемиологически опасен, о чем свидетельствовала статистика венерических заболеваний. Опасность заражения усугублялась наркоманией и использованием общих шприцев, а постоянное употребление наркотиков и других лекарственных веществ еще больше ослабляло иммунную систему организма. Кроме того, эти люди общались и занимались сексом в сравнительно замкнутой среде, многократно повторно инфицируя друг друга. Удивляться приходилось не тому, что кто-то заболел, а тому, что кто-то остался в стороне.

Эпидемия СПИДа была таким же несчастьем для общества, как другие природные катастрофы, вроде наводнений, лесных пожаров и землетрясений. Однако прочие болезни и стихийные бедствия выглядели «естественными», а их жертвы вызвали сочувствие. СПИД же казался вызванным искусственно, наказанием за грехи, а его жертвы — не столько страдальцами, сколько виновниками общей беды. Этим немедленно воспользовались консервативные круги. Рейгановская администрация не только долгое время скрывала данные об эпидемии, но и не выделяла на борьбу с ней достаточных средств. К тому же, в отличие от других естественных катастроф, ВИЧ-эпидемия не имела четкой географической, пространственной локализации и была рассредоточена во времени — последствия инфицирования проявляются иногда через длительное время. Обществу — не только геям, а всему обществу! — нужно было научиться не только бороться со СПИДом, защищая тех, кто еще не заразился, но и жить с ним. Это касалось не только ВИЧ-инфицированных, их близких и родственников, но буквально всех людей. Осознание этого потребовало от западных обществ длительного времени, в России этого и сегодня не понимают.

Труднее всего пришлось самим геям. Они понесли страшные человеческие потери. Из первых 500 тысяч американцев, официально зарегистрированных в качестве ВИЧ-инфицированных (реальные цифры, по подсчетам специалистов, колеблются от 870 тысяч до 1 миллиона 200 тысяч человек), к концу 1995 г. свыше половины составляли мужчины, имевшие секс с мужчинами, 60 % из них уже умерли (Gagnon and Nardi, 1997). Жертвами страшной болезни стали многие всемирно известные люди, такие, как Джармен, Нуреев, Фуко, Меркьюри, во многих случаях только СПИД сделал публично известной их сексуальную ориентацию.

Телесные страдания дополняются и затмеваются моральными. Боясь огласки, многие своевременно не обращались к врачам. Нередко инфицированный человек оставался в полном одиночестве, его постоянный партнер не только бросал его, но и обвинял в собственных несчастьях. По словам английского писателя Дэвида Риза, для его молодого партнера, который тоже оказался инфици-

рован, он «был уже не любовником, отцом, учителем, другом и спутником по путешествиям, а только гигантским вирусом ВИЧ» (Rees, 1992, p. 219).

Хотя человеческие и моральные потери не могли заставить геев отказаться от своей сексуальной ориентации, они побудили их существенно изменить свою идеологию и стиль жизни, особенно — сексуальное поведение. Резко снизилась распространенность анальных контактов без предохранения, а также анилингуса и фистинга; возросло применение презервативов; оральные контакты стали чаще практиковать без заглатывания спермы; заметно уменьшилось среднее число сексуальных партнеров. Геи стали больше заботиться о здоровье, среди них заметно снизилось пьянство и потребление наркотиков. Однако эти положительные сдвиги распространены неравномерно. Вне центров эпидемии люди по-прежнему ведут себя безответственно. Особенно тревожно положение дел с беззаботной молодежью; по данным первого в США национального опроса молодых геев и бисексуалов в 1995 г., 7 % из них уже заражены ВИЧем (Los Angeles Times, January 12, 1996).

СПИД породил у геев много психологических и психосексуальных проблем. Заметно выросла сексуальная тревожность, трудности с эрекцией и эякуляцией, у некоторых страх заражения повлек за собой снижение сексуального интереса, появление отвращения к сексу (особенно среди инфицированных). В определениях геевской сексуальности усилился акцент на эмоциональных привязанностях, самоконтроле, психологической интимности, морали и верности. «Радикальный секс», столь же раскованный, сколь и рискованный, утратил привычное обаяние и стал подвергаться критике. Резко повысилась ценность стабильных партнерских отношений и моногамии, а также духовных факторов жизни, включая религию, особенно там, где церковь терпимо относится к гомосексуальности.

Изменилось и содержание понятия гей-идентичности. Она трактуется теперь не просто как признание и принятие своей сексуальной ориентации, но и как некий социальный статус, причем особое значение имеет принадлежность к соответствующей общине. Изменились и сами геевские общины. Раньше их деятельность строилась в основном вокруг секса, развлечений и борьбы за гражданс-

кие права. Сейчас в их работе центральное место занимает помощь ВИЧ-инфицированным и пропаганда безопасного секса. Уже в 1988 г. руководители Нью-Йоркского центра по борьбе со СПИДом говорили мне, что геевская община — единственная, которая приняла проблему всерьез и добилась реальных положительных результатов. Сегодня во всех цивилизованных странах государственные учреждения по профилактике СПИДа работают в тесном контакте с геевскими общинами как на национальном, так и на местном уровне.

Кроме приносимой волонтерами практической пользы эта работа повышает их самоуважение и чувство своей значимости, дает новые знакомства и связи за пределами баров и дискотек, укрепляет чувство социальной идентичности. Теме СПИДа и его влияния на геевскую жизнь посвящены многие десятки и сотни выдающихся художественных произведений и кинофильмов (Пола Монетта, Ларри Крамера, Майкла Каннингэма, Эрве Гибера, Дерека Джармена и др.).

Вместе с тем неадекватность борьбы со СПИДом, особенно в США, выявила ограниченность «интеграционной» политики, вызвав новую волну левого радикализма и возвращение к тактике конфронтации начала 1970-х гг. Зараженным смертельной болезнью людям некогда ждать и нечего терять. В 1988 г. в Нью-Йорке была создана геевская организация АСТ-UP (AIDS Coalition to Unleash Power), требовавшая ускорения проверки и внедрения новых медикаментов, анонимного (а не только конфиденциального) тестирования на ВИЧ и участия самих ВИЧ-инфицированных в выработке соответствующей социальной политики. В 1990 г. самые воинствующие лидеры АСТ-UP создали новую, откровенно анархическую организацию прямого действия — *Queer Nation*, которая действовала путем уличных манифестаций, блокирования транспорта, нападений на антигеевские бары и реакционных политиков, а также разоблачения («вытаскивания на свет» — *Outing*) их собственной скрытой гомосексуальности.

Многие действия этой группы — своего рода политический хеппенинг, шокирующий посторонних своей гротескностью, причем порой трудно понять, что делается всерьез, а что в шутку. Например, статья «Трепещи, гетеросексуальная свинья!» призывает уничтожить институт се-

мы, содомизировать всех мальчиков, а в будущем выращивать детей только в прорбиках. Благонамеренные обыватели и консервативные политики принимают это за серьезную угрозу, а над ними просто смеются, пародируя их собственные иррациональные страхи. Впрочем, были и вполне реальные нападения на непопулярных чиновников.

Много споров вызывает «аутинг». Как ни соблазнительно разоблачить лицемера, который публично осуждает гомосексуальность, а втайне наслаждается ею, это нарушает одно из фундаментальных прав человека — неприкосновенность личной жизни. Мало ли какие причины заставляют человека оставаться «в чулане»? В конце концов идеологи гей-движения решили, что «аутинг» этичен и оправдан только тогда, когда облеченное властью — политической или социальной — лицо не просто скрывает свою гомосексуальность, но использует власть против других гомосексуалов, прямо или путем антигеевских заявлений (например, армейские чиновники, которые являются скрытыми гомосексуалами, но публично поддерживают запрет на службу геев в армии).

Экстремистская тактика не могла дать практических результатов, и в 1992 г. «Qwer Nation» распалась. Тем не менее она наложила заметный отпечаток на идеологию лесбигеевского движения. Лозунг «Qwer Nation»: «Мы везде. Мы хотим всего» не просто шокирующее заявление добивающегося равноправия и места под солнцем меньшинства. В философском, теоретическом плане он означает, что, независимо от того, сколько на свете или в данном конкретном обществе геев и лесбиянок, их жизненный опыт имеет всеобщее значение. Речь идет не только о сексуальности. Подобно тому как андроцентризм калечит не только женщин, но и мужчин (если «мальчики не плачут», значит, мужчина не должен проявлять свои чувства), гетеросексизм не только загоняет в гетто геев и лесбиянок, но и обедняет жизнь «натуральных» мужчин и женщин, табуируя их жизненно важные переживания.

БОРЬБА ЗА ГРАЖДАНСКОЕ РАВНОПРАВИЕ

В отличие от недавнего прошлого, современные геи и лесбиянки представляют собой значительную социальную силу. Во всех демократических странах они

имеют свои политические и культурные организации и какие-то формы общинной жизни, энергично добиваются признания и защиты своих гражданских прав. Среди депутатов парламентов большинства демократических стран имеются открытые геи и лесбиянки, кое-где они занимают министерские посты. В 2001 г. сначала парижане, а потом и берлинцы избрали мэрами своих городов открытых геев. Годом позже норвежский министр финансов Пер-Кристиан Фосс стал первым государственным чиновником высокого ранга, который вступил в зарегистрированное партнерство (аналог гетеросексуального брака) со своим бойфрендом Яном-Эриком Кнарбакком, директором крупнейшей телекоммуникационной компании в Норвегии. Нередко отношение к этой теме раскалывает семьи. Например, вице-президент США Дик Чейни придерживается консервативных взглядов и неодобрительно относится к секс-меньшинствам, а его дочь — открытая лесбиянка-активистка.

В ежегодных гей-прайдах (gay pride) — парадах геевской гордости — участвуют десятки и сотни тысяч людей. Это очень красочное и веселое зрелище, одновременно развлечение и политическая демонстрация. Постороннего человека вид полуголых и вызывающе одетых мужчин и женщин — всеобщее внимание привлекают экзотические панки, садомазохисты (в Амстердаме здоровенных мужиков, изображавших приступы свирепости, возили по городу в клетках), переодетые в женское платье «королевы» и мужеподобные лесбиянки с выбритыми наголо головами — может шокировать. На самом деле это всего лишь карнавал, в котором грубоватое веселье и юмор сочетаются с политической пропагандой и сбором пожертвований на нужды своей общины. За исключением нарушения некоторых правил приличия (я видел в Амстердаме выкрашенного синей краской совершенно голого, вопреки категорическому запрету городских властей, мужчину, который раздавал смеющимся прохожим какие-то листовки), ничего скандального или буйного на гей-прайдах не происходит. Подавляющее большинство участников одеты нормально, многие приходят парами, даже с маленькими детьми, смотрят эстрадные представления, поют, танцуют, пьют пиво, громко кричат и рычат, изображая политически корректный «гнев», а по-

одно ночью мирно расходятся, нередко с новыми знакомыми. Сплошь и рядом их официально приветствуют высшие должностные лица, собственная сексуальная ориентация коих вполне традиционна.

Крупные геевские общины имеют собственные культурные центры. В Лос-Анджелесе такой центр, размещенный в красивом четырехэтажном здании, ежемесячно принимает свыше 13 тысяч посетителей, оказывая им разнообразную профессиональную помощь, включая диагностику и лечение СПИДа, психотерапевтическую помощь, лечение наркомании, содействие в художественном и интеллектуальном развитии, юридическую помощь, профессиональное обучение и помощь в поисках работы. В центре трудятся 220 штатных социальных работников и тысячи добровольцев. Предмет особой гордости общины — Молодежный центр, где находят помощь и пристанище «голубые» подростки из бедных семей, которым больше некому помочь. Сотрудники центра не только помогают своим подопечным преодолеть психологические и социальные трудности (главная проблема здесь — наркомания), но и ведут активную просветительскую работу в семьях и школах. Большую помощь гомосексуальным подросткам и их родителям оказывает созданная в Нью-Йорке Ассоциация родителей и друзей лесбиянок и геев (PFLAG). В некоторых странах геевские общины получают субсидии от государства для борьбы со СПИДом и решения других социальных задач. Большую работу по организации борьбы геев за гражданское равноправие проводит Международная ассоциация геев и лесбиянок (ILGA). Гей-группы Западной Европы, практически добившиеся полной интеграции геев в общество в своих странах, открывают программы помощи гей-группам Восточной Европы.

Иногда в борьбе с гомофобией используются и экономические рычаги. В 1999—2000 гг. популярная американская радиожурналистка, владелица собственной радиоимперии Лора Шлезингер, «доктор Лора», при поддержке религиозных организаций и ультраправых сенаторов и конгрессменов, развернула массированную злобную антигомосексуальную кампанию. С ней пытались спорить. Вот, например, письмо, появившееся в Интернете:

«Дорогая доктор Лора.

Спасибо за то, что вы так много делаете, чтобы донести до людей закон Божий. Я многое узнал из Ваших передач. Теперь, если кто-то пытается оправдывать гомосексуальность, я просто напоминаю ему, что Левит (18:22) ясно говорит, что это мерзость. Точка, никаких споров.

Но я хотел бы получить Ваш совет, как лучше выполнять некоторые другие законы.

Когда я сжигаю на алтаре жертвенного быка, я знаю, что это благоухание приятно Господу (Левит, 1:9). Но что делать с соседями, которые говорят, что этот запах им неприятен?

Я хотел бы продать мою дочь в рабни, как предусматривает книга Исхода (Исход, 21:7). Как Вы думаете, сколько можно запросить за нее в наше время?

Я знаю, что не должен прикасаться к женщине во время ее менструальной нечистоты (Левит, 15:19—24). Но как узнать об этом? Я пробовал спрашивать женщин, но они почему-то обижаются.

Левит (25:44) говорит, что я могу покупать рабов из окружающих нас народов. Однако мой друг считает, что это относится к мексиканцам, но не к канадцам. Не могли бы Вы уточнить?

У меня есть сосед, который работает по субботам. Исход (35:2) ясно говорит, что его нужно предать смерти. Должен ли я убить его сам?

Левит (21:18—21) говорит, что ни горбатый, ни хромой, ни уродливый, ни с бельмом на глазу, ни с каким-либо другим телесным недостатком не может быть священником. Распространяется ли это также на очкариков?

Я знаю, что вы изучили эти вещи основательно. Еще раз спасибо за напоминание, что слово Божие вечно и неизменно».

Ни рациональные доводы, ни насмешки успеха не имели. Но как только геевские организации объявили бойкот компаниям, финансирующим ее программу, и фирма «Проктер и Гэмбл» вышла из числа ее спонсоров, «доктор Лора», как нашкодившая девчонка, начала публично униженно просить прощения, уверять, что она не хотела сеять ненависть, что она больше не будет и т. д.

Представители геев и лесбиянок США становятся все более активны и влиятельны в политических кругах стра-

ны. Они составляют по меньшей мере 4 % электората страны — примерно столько же, сколько еврейская община. В палате представителей Конгресса США заседают трое открытых геев: демократы Тэмми Болдуин и Барни Фрэнк и республиканец Джим Колб. Общественные организации геев и лесбиянок в последние годы демонстрируют все большую финансовую состоятельность: к примеру, в избирательных кампаниях 2000 г. на поддержку тех кандидатов, которые выступают за равные права для геев и лесбиянок, они затратили \$2 миллиона 500 тысяч — на \$400 тысяч больше, чем экологические организации. Хотя большинство американцев считают гомосексуальную ориентацию «неправильной», 85 % опрошенных службой Gallup убеждены в том, что геи и лесбиянки должны пользоваться абсолютно теми же правами, что и другие люди. Да и как может быть иначе, если геи и лесбиянки обладают более высоким уровнем образования и дохода и значительно реже нарушают закон? Районы, в которых предпочитают селиться люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией, ничем не напоминают прежние гетто; нередко недвижимость в них стоит дороже, чем по соседству (Washington ProFile, 2002, January 24).

Тем не менее преувеличивать силу и сплоченность лесбигеевского движения не следует. О всемогуществе «гомосексуальной мафии» больше всего говорят и пишут христианские фундаменталисты. В 1995 г. общий годовой бюджет трех главных геевских организаций США был меньше, чем бюджет одной только ультраправой Христианской коалиции. Количество геев и лесбиянок, реально участвующих в деятельности соответствующих организаций, неизмеримо меньше, чем участников гей-прайдов или маршей протеста. Например, в походе на Вашингтон в 1993 г. участвовал 1 миллион человек (по другим подсчетам — 300 тысяч), а общее число членов в трех американских национальных геевских организациях — меньше 200 тысяч (Vaid, 1995, pp. 220—221). Число активно работающих людей и того меньше. К тому же многие геевские организации разбогачены.

Между тем даже в странах Европейского сообщества, где этот вопрос находится под постоянным контролем Европарламента, который принимал несколько специальных решений по этому вопросу, дискриминация людей по

принципу их сексуальной ориентации остается серьезной проблемой и законодательство разных стран весьма различно.

Особенно острая борьба идет сейчас вокруг легализации однополых сожительств, приравнения их к юридически оформленным бракам (Ivanov, 2001). На первый взгляд зачем регистрировать однополые, предположительно бездетные, сожительства, если даже многие разнополые пары предпочитают обходиться без вмешательства государства? Но ведь никто не отрицает права на существование бездетных браков. Число совместно проживающих и ведущих общее хозяйство однополых пар быстро растет. Американская национальная перепись 2000 г. зафиксировала свыше 600 тысяч таких домохозяйств, причем специалисты считают эту цифру сильно заниженной. Официальная регистрация отношений дает партнерам значительные преимущества в плане социального страхования, наследования имущества и т. д. Кроме того, многие геи и особенно лесбиянки имеют детей от прежних браков. Наконец, как можно упрекать людей в сексуальной распушенности и одновременно отказывать им в праве узаконить свои партнерские отношения? Что же касается церкви, то она тут вообще ни при чем: речь идет не о церковном, а о гражданском союзе. А все социальные льготы оплачиваются за счет налогов, которые геи и лесбиянки платят наравне с остальными гражданами.

Первой, в 1989 г., однополые «зарегистрированные партнерства» узаконила Дания. Ее примеру в 1993 г. последовала Норвегия, в 1994 г. — Швеция, в 1996 г. — Исландия и Гренландия, в 1998 г. — Нидерланды и, наконец, в 2001 г. Финляндия. Похожий закон приняла и Германия; в 2001 г. после заключения Конституционного суда ФРГ, необходимость в котором возникла из-за протестов некоторых наиболее консервативных немецких земель, он вступил в силу. «Зарегистрированные партнерства» являются особой формой регистрации отношений, практически во всем идентичной браку, за исключением названия и возможности совместного усыновления детей. Франция и Бельгия в результате долгих общественных дебатов пришли к компромиссному варианту, внося в гражданское право понятие «пакта гражданской солидарности» (ПаКС), особого вида договора, который могут заключить

между собой «двое взрослых разного пола или одного пола для регулирования их совместной жизни». Французское правительство настойчиво подчеркивало отличие ПаКСа от брака. «Пакт гражданской солидарности» в первую очередь нацелен на установление имущественных прав и обязательств, но не содержит моральных обязательств, которые являются основой супружеских отношений. «Пакт гражданской солидарности» дает заключившим его партнерам очень мало реальных прав — они не наследуют автоматически друг после друга, получают право на льготное налогообложение только после третьего года совместной жизни, иностранный партнер не получает вид на жительство и т. п. Аналогичные, ни к чему не обязывающие формы регистрации однополых отношений появились в 1999 г. в законодательстве Португалии и испанских провинций Каталония и Арагон.

С 1 апреля 2001 г. Нидерланды стали первым государством в мире, предоставившим однополым парам абсолютно такие же права по заключению брака, как и парам разнополым. Незначительные отличия брака однополых от традиционного касаются предметов, которые находятся вне компетенции голландских законодателей: биологии и международного права. Во-первых, партнера лесбиянки-матери не будет признаваться биологической матерью ребенка, хотя по решению суда может стать его мачехой. Во-вторых, во избежание осложнений с другими государствами, было решено, что однополые пары пока не смогут усыновлять (удочерять) детей из-за границы. За неполный первый год существования брак заключили более 2 тысяч однополых пар. При этом «зарегистрированные партнерства» отменены не были, поскольку они оказались весьма популярны у гетеросексуалов, не желающих связывать себя узами традиционного брака, но испытывавших потребность в законном оформлении своих отношений.

В США в 1999 г. Верховный суд штата Вермонт постановил, что в соответствии с Конституцией штата Вермонт однополые пары должны пользоваться такой же защитой и иметь те же права, что и разнополые, и предписал законодателям штата реализовать это решение. В соответствии с решением суда в 2000 г. губернатор Вермонта Дин подписал закон о введении «гражданских союзов» (civil unions), во многом похожих на скандинавские «заре-

гистрированные партнерства». Но на практике вермонтский закон предоставляет меньше прав однополым парам, потому что он регулирует отношения на уровне штата, а самые важные права (налоговые, иммиграционные и т. п.) входят в компетенцию федерального законодательства, где с 1996 г. действует Закон о защите брака (Defense of Marriage Act), который был принят Конгрессом США, чтобы предотвратить возможность признания однополых браков на федеральном уровне и разрешить штатам не признавать регистрацию или судебные решения, «придающие юридическое значение отношениям лиц одного пола». С тех пор 35 из 50 штатов США приняли аналогичные законы (Ivanov, 2001).

За последние пятнадцать лет в США получили распространение так называемые «домашние партнерства». Они представляют собой нечто промежуточное между браком и договорными отношениями: сохранив ряд ограничений, присущих браку (минимальный возраст, дееспособность, отсутствие другого нерасторгнутого брака), предоставляют весьма незначительные права: право посещения партнера в больнице и тюрьме, медицинская страховка для партнера, но никаких налоговых льгот или права наследования. Первый закон о «домашних партнерствах» был принят в городе Беркли, штат Калифорния, в 1984 г., за ним последовали аналогичные законы во многих крупных городах — Сиэттл, Миннеаполис, Сан-Франциско, Нью-Йорк, Атланта, Лос-Анджелес, Чикаго и др. Подобная, во многом символическая, не дающая реальных прав, система регистрации действует и в некоторых европейских городах, например в Лондоне.

Многие малограмотные и падкие на сенсации журналисты называют «гей-браками» любую форму признания однополрого союза. Это совершенно неверно. По состоянию на 2001 г. заключение брака лицами одного и того же пола возможно лишь в Нидерландах. Все остальные формы однополых союзов по своему правовому содержанию отличаются в большей или меньшей степени от гетеросексуального брака. Ближе всего к нему находятся «зарегистрированные партнерства» скандинавских стран, гораздо дальше — договорные отношения по типу французских, а дальше всего — «домашние партнерства», признаваемые на муниципальном или городском уровне.

Тем не менее прогресс налицо. Признание однополых союзов идет не только на государственном уровне. Примерно половина крупнейших американских корпораций рассматривает однополую пару как члена семьи сотрудника компании и распространяет на него льготы, предназначенные для обычных семей — например, медицинские страховки.

В ряде стран приняты специальные законы, запрещающие социальную дискриминацию и диффамацию сексуальных меньшинств. Некоторые страны предоставляют людям, которых на их родине преследуют за сексуальную ориентацию, право на политическое убежище, другие государства определили порядок иммиграции иностранного члена однополых пары и предоставление ему (ей) вида на жительство. Европарламент дважды, в 1998 и 2000 гг., заявлял, что не допустит к членству в Европейском союзе страны, законодательство которых содержит пункты, дискриминирующие лесбиянок и геев. Под давлением Европейского союза Румыния в 2001 г. не только отменила уголовное преследование однополых секса, но и включила сексуальную ориентацию в перечень запрещенных оснований дискриминации. Тем не менее в 4 (из 15) странах, входящих в Евросоюз (Ирландии, Великобритании, Португалии и Австрии), легальный возраст согласия для гомосексуальных связей все еще выше, чем для гетеросексуальных (Graupner, 2000).

ОБОСОБЛЕНИЕ ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ?

Несмотря на разговоры о единой гей-идентичности, геи и лесбиянки чрезвычайно различны по всем социально значимым параметрам.

Прежде всего, это половые/гендерные различия. Мужчин-геев и женщин-лесбиянок объединяет главным образом общая стигма и наличие общего врага в лице гетеросексизма. Именно это заставило их создать общие политические организации, в которых лесбиянки часто играют ведущую роль. Но все остальное, и прежде всего — эротика, у них разное. Лесбиянки постоянно обвиняют геев в недооценке женской специфики, увлечении коммерческим сексом и порнографией, некоторые даже ратуют за полное отделение лесбийских организаций от геевских.

Второй водораздел — возрастно-поколенный. Молодые геи и лесбиянки, выросшие в более свободных условиях, имеют совершенно другой социальный и сексуальный опыт, чем представители старших поколений, история их мало интересует, а рассказы ветеранов движения они часто воспринимают равнодушно. С ослаблением гнета слабеет и революционный энтузиазм.

Немало трудностей вызывает определение границ сексуальной идентичности. Пока речь шла только о союзах геев и лесбиянок, круг участников коалиции был более или менее ограничен. В последние годы, по соображениям политического порядка, ее дополнили бисексуалами и трансгендерниками. Но чем шире коалиция, тем она разнороднее. Некоторые радикальные геи и лесбиянки хотели бы максимально дистанцироваться от гетеросексуального большинства, что для бисексуалов абсолютно неприемлемо. Консервативные геевские организации, со своей стороны, хотели бы отмежеваться от трансгендерников, облик и поведение которых кажутся им чересчур экзотическими. Что общего, спрашивают они, между человеком, мечтающим о перемене своего пола, и тем, кто настолько привязан к нему, что любит исключительно себе подобных?

Весьма деликатна проблема педофилии. Чтобы приобрести респектабельность, геи отмежевываются от бойлаверов, которых привлекают не взрослые мужчины, а мальчики. Но социально-возрастные и юридические границы «мальчишеского» возраста подвижны. Особенно проблематичен статус 13—16-летних подростков. Бойлаверские организации, нелегально существующие в ряде стран, — крупнейшая из них NAMBLA (North-American Man-Boy Love Association) с 1983 г. состояла в ILGA — доказывают, что мальчики этого возраста сами имеют право решать, что им нравится, поэтому сексуальные связи с ними на добровольных началах не должны преследоваться. Широкая публика с этим категорически не согласна, а легальный возраст, начиная с которого взрослые могут безнаказанно вступать в сексуальные отношения с подростками, колеблется в разных странах от 12 до 18 лет. Чтобы получить права ассоциированного членства в Экономическом и Социальном совете при ООН, ILGA в 1994 г. исключила из своего состава NAMBLA и родственные ей

организации, постановив, что «группы или ассоциации, основной целью которых является поощрение или пропаганда педофилии, не могут в будущем быть членами ILGA». Некоторые радикальные организации расценили это решение как уступку консервативным кругам США и в знак протеста вышли из состава ILGA.

Еще больше дифференцируют геев и лесбиянок этнические и социально-классовые различия. Сексуальная идентичность — только одна из многих ипостасей социального самоопределения личности. Сначала наиболее видимыми и слышимыми представителями сексуальных меньшинств были выходцы их средних классов. Но геи и лесбиянки есть во всех этнических и социальных группах. Отсюда — споры о том, какая именно социальная идентичность — сексуальная, этническая или классовая — важнее. Многие американские геи охотно ходят на гей-прайды и покупают геевскую прессу, но на президентских выборах они голосуют не по сексуальному, а по классовому признаку, как подсказывают их экономические интересы.

Классовый аспект гомосексуальности хорошо схвачен в знаменитой пьесе Тони Кушнера «Ангелы в Америке». Когда его домашний доктор говорит одному из персонажей пьесы, влиятельному ультраправому политику (его прообраз был ближайшим помощником сенатора Маккарти), что ему следовало бы признать свою гомосексуальность и тот факт, что он ВИЧ-инфицирован, тот отвечает, что слова «гомосексуалы» и «лесбиянки» — просто глупые этикетки. Важно «не кого я трахаю или кто трахает меня, а кто снимет трубку, когда я позвоню, и кто будет оказывать мне услуги.... Гомосексуалы — не мужчины, которые спят с другими мужчинами. Гомосексуалы — это мужчины, которые за пятнадцать лет не смогли протолкнуть через городской совет паршивый антидискриминационный закон. Это мужчины, которые никого не знают и которых не знает никто, у которых нет никакого влияния. Разве я такой, Генри?» (Kushner, 1993, p. 45).

Геевские организации в США чрезвычайно политизированы и поляризованы. В них много бывших коммунистов, анархистов и иных леваков, мечтающих радикально перестроить весь мир и вынашивающих всевозможные утопические проекты, вплоть до создания автономного геевского государства в штате Вайоминг. Реальным влиянием

они не обладают, зато у них много энтузиазма и их ряды постоянно пополняются новыми мечтателями. По мере того как гомосексуальность получает социальное признание и не мешает деловому преуспеванию, в геевской среде усиливается консервативное крыло, выступающее против «левой ортодоксии» и предлагающее заменить идеологическую риторику конструктивной политикой, «которая признает возможности реального мира и границы политики» (Bawer, 1996, p. 19).

Если отвлечься от частностей, левые добиваются обособления геев и лесбиянок как носителей особых духовных ценностей, которые не могут быть реализованы в рамках буржуазной цивилизации и рыночной экономики, тогда как правые стоят за социальную и культурную интеграцию сексуальных меньшинств, которые должны получить свою законную часть общественного пирога. На самом деле так альтернативно — ассимиляция или обособление — вопрос не стоит. Геи и лесбиянки не могут ни отделиться от гетеросексуального (по преимуществу) общества, ни полностью раствориться в нем. Рост сексуальной терпимости снимает одни социальные проблемы, но порождает другие.

Лесбигеевские теоретики, среди которых немало перwokлассных мыслителей, прекрасно понимают это. Как пишет известный литературовед и культуролог Лео Берсани, культурная ситуация, в которой оказалась однополая любовь, внутренне противоречива. Если гомосексуальность — не природная онтологическая данность, а социальный конструкт, который можно было «изобрести», она так же легко может исчезнуть, это всего лишь гетеросексистская фантазия. Деконструкция и денатурализация гомосексуальности практически элиминирует геев как особую человеческую группу, обладающую какими-то объективно общими чертами. Да, геи стали видимыми и слышимыми. Но «те самые люди, которые возражают против того, чтобы замыкаться в рамках гей-идентичности, создали нечто вроде собственного гетто, основанного на предполагаемом превосходстве гомо-культуры над тем, что пренебрежительно называют принудительной гетеросексуальностью» (Bersani, 1995, p. 10).

Берсани иронизирует по поводу «процветающей научной индустрии геевских и лесбийских исследований». Чи-

тая объявления о лекциях и семинарах в Беркли, можно подумать, что все гуманитары только этим и занимаются. «Либеральные натуралы почтительно посещают лекции, где их собственные сексуальные предпочтения уверенно помещают в эротическую мусорную кучу принудительной гетеросексуальности, — практики, которой миллионы людей, очевидно, заставляли заниматься насильно и от которой их теперь приглашают освободиться» (Bersani, 1995, с. 14, 15). Даже популярный лозунг Квир-нации «Мы везде» может означать разные вещи: а) «посмотрите, и вы всюду увидите наших людей» и б) «нас бесполезно искать, мы везде, потому что мы в вас самих».

Гомосексуальности иногда приписывают особую освободительную миссию. По словам Гарри Хэя, гетеросексуальное сознание ориентировано предметно и соревновательно, тогда как у геев сильнее выражено духовное начало, особое «со-сознание», облегчающее приобщение к тайнам духовного бытия природы и внутреннего мира личности: «Мы ненавидим конкуренцию. Мы восстаем против конформизма. Мы не уважаем роль лидера, предпочитая действовать на основе общего согласия. И мы всегда были такими, со времен братишки-«фэри» Иисуса. Мы отличаемся тем, что мы другие, эта инаковость не лучше и не хуже, просто мы видим мир иначе, чем гетеросексуалы» (Нау, 1994, р. 88).

Некоторые геевские визионеры действительно замечательные люди. Еще Розанов подметил тесную связь однополый любви (правда, телесно не реализованной) с мистицизмом и аскетизмом. Ситуация духовного кризиса благоприятствует подобным умонастроениям. На меня произвела сильное впечатление встреча с известным писателем и епископальным священником Малколмом Бойдом (р. 1923).

Единственный сын богатых родителей, разорившихся в период депрессии, Малколм рос одиноким, мечтательным и очень религиозным мальчиком, не интересовался спортом, везде чувствовал себя чужаком. Разносторонне одаренный человек, он сделал блестящую карьеру в шоу-бизнесе, стал компаньоном и другом Мэри Пикфорд, но в 1951 г. неожиданно для всех оставил Голливуд, поступил в духовную семинарию и через несколько лет стал священником, теологом и соратником Лютера Мартина

Кинга в борьбе за гражданские права черных и в защиту мира. Книги и стихи «мятежного священника» читала вся Америка, но его мучила необходимость скрывать свою гомосексуальность. Когда в 1976 г. он публично признался в ней и призвал других тоже снять маски, Бойд почувствовал себя заново рожденным.

Малколм Бойд убежден в том, что гомосексуальность и христианство совместимы. Как и прочие люди, геи выполняют миссию, предначертанную Богом. На вопрос журналиста, считает ли он Христа «голубым», ответил, что у него нет теории относительно исторического Иисуса, но что он находит в нем «многие геевские качества: ранимость, чувствительность, это человек, который отказался от власти, был мягким и в то же время сильным. Он разрушал многие социальные табу и обнаруживал драгоценные качества у людей, которых общество презирало. Он во многом является архетипом моего понимания того, что значит быть геем» (Boyd, 1994, p. 233).

Но разные люди по-разному видят Бога, и каждый считает его своим. На мой взгляд, идея онтологически особой «геевской души» имеет под собой не больше оснований, чем претензия евреев на роль «избранного Богом» народа или образ русского «народа-Богоносца». Как и в любой человеческой популяции, среди геев и лесбиянок есть разные люди, имеющие разные стили жизни и придерживающиеся разных идеологий. В этом их человеческая сила и одновременно — политическая слабость. Многоцветье радуги можно запечатлеть на пленке или на полотне, но в природе она, в отличие от отдельных элементов спектра, видима только в определенные мгновения.

«Голубые» мужчины и женщины всегда будут чем-то отличаться от других и благодаря этому вносить свой вклад в человеческую культуру, но геевское движение никогда не станет монолитной социальной силой. Тот же самый плюрализм, который позволил геям и лесбиянкам требовать автономии и собственного места под солнцем, подрывает идею их особой социальной идентичности. Чем терпимее общество, тем аморфнее цементирующие геевскую общину социальные связи. Как ни важна для индивида его сексуальная ориентация, политически она остается маргинальной и не может стать основополагающей осью социальной структуры и отношений власти.

2-8. В РОДНЫХ ПЕНАТАХ

Изучение Руси со всех сторон, во всех отношениях, по мнению моему, не должно быть чуждо и постыдно русскому.

Владимир Даль

До сих пор я говорил преимущественно о западных обществах. А как выглядят интересующие нас проблемы в истории русской культуры?¹

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

Понятие «содомии» в Древней Руси было таким же расплывчатым, как на Западе. Самым серьезным грехом считалось «мужеложство», когда сношение с неподобающим партнером усугублялось «неправильной» сексуальной позицией (анальная пенетрация). Однако на Руси к этому пороку относились терпимее, чем на Западе; церковное покаяние за него колебалось от одного до семи лет, в тех же пределах, что и гетеросексуальные прегрешения. Во внимание принимали и возраст грешника, и его брачный статус, и то, как часто он грешил, и был ли он инициатором действия или его объектом. К подросткам и холостым мужчинам относились снисходительнее, чем к женатым. Если анальной пенетрации не было, речь шла уже не о мужеложстве, а о рукоблудии, которое наказывалось мягче.

Требники XV—XVI вв. содержали много вопросов на эту тему: «Не пался ли от своея жены с мужеским полом?..», «Или удом своим чужого тыкал?», «Или с чужим играл до истечения?», «Или с отроками блудил?», «Не

¹ В этой главе я широко опираюсь на пионерские исследования С. Карлинского (Карлинский, 1991, Karlinsky, 1976, 1987 и др.), Л. Энгельштейн (Энгельштейн, 1996), В. Козловского (Козловский, 1986), Е. Левиной (1999) и А. Познанского (Poznansky, 1991; Познанский, 1993). Дополнительный материал по теме в общем контексте истории русской сексуальной культуры, с указанием источников, см. Кон, 1997. К сожалению, я не смог познакомиться с новой книгой Дэна Хили (Healey, 2001).

толкал ли седалищем в игре друга?», «Не рукоблудствовал ли друг с другом, ты — его, а он — твой уд?», «Грех есть мочиться с другом, пересекаясь струями» и т. д. («А се грехи», 1999, с. 38, 64, 60, 110—111, 48). Лесбиянство обычно считалось разновидностью мастурбации. Новгородский епископ Нифонт (XII в.) даже считал сексуальный контакт двух девушек-подростков меньшим грехом, чем «блуд» с мужчиной, особенно если девственная плева оставалась целой (Левина, 1999, с. 335—344).

Православную церковь очень заботило распространение гомосексуальности в монастырях; «если два чернеца лягут на единую постель, то да нарекутся блудниками» — гласят правила о монахах XIII в. («А се грехи», 1999, с. 20). Но к бытовым ее проявлениям относились сравнительно равнодушно. В Домострое содомия упоминается вскользь, между прочим. В Стоглаве (1551) ей посвящена специальная глава «О содомском грехе», предписывающая добиваться от виновных покаяния и исправления, «а которые не исправляются, ни каются, и вы бы их от всякие святыни отлучали, и в церковь входу не давали». (Стоглав, 1863, с. 109). Однако пьянство осуждается там гораздо более темпераментно.

Почти все иностранные путешественники и дипломаты, побывавшие на Руси в XV—XVII вв. (Герберштейн, Олеарий, Маржерет, Коллинс и др.), отмечали широкое распространение «содомии» во всех слоях общества и удивительно терпимое, по тогдашним европейским меркам, отношение к ней.

Английский поэт Джордж Тэрбервилл, посетивший Москву в составе дипломатической миссии в 1568 г., был поражен открытым гомозеротизмом русских крестьян сильнее, чем казнями Ивана Грозного. В стихотворном послании своему другу Эдварду Данси он писал:

Хоть есть у мужика достойная супруга,
Он ей предпочитает мужеложца-друга.
Он тащит юношей, не дев, к себе в постель.
Вот в грех какой его ввергает хмель.

*Перевод С. Карлинского
(Карлинский, 1991, с. 104)*

По-видимому, несмотря на свои неоднократные жеманства, баловался с переодетыми в женское платье юно-

шами и сам Иван Грозный; такие подозрения высказывались современниками по поводу его отношений с юным женоподобным Федором Басмановым, который услаждал царя пляской в женском платье.

Как писал хорватский католический священник Юрий Крижанич, проживший в России с 1659 по 1677 г., «здесь, в России, таким отвратительным преступлением просто шутят, и ничего не бывает чаще, чем публично, в шутилых разговорах один хвастает грехом, иной упрекает другого, третий приглашает к греху; недостает только, чтобы при всем народе совершали это преступление» (Крижанич, 1866, с. 17—18).

Как и на Западе, содомия чаще всего ассоциировалась с женственностью, нарушением полоролевых стереотипов в одежде и поведении, а также в следовании заграничной моде. Митрополит Даниил, популярный московский проповедник эпохи Василия III, в своем двенадцатом поучении сурово осуждает женоподобных молодых людей, которые, «...женам позавидев, мужское свое лице на женское претворяеши»: бреют бороду, натираются мазями и лосьонами, румянят щеки, обрызгивают тело духами, выщипывают волосы на теле и т. п. (Гудзий, 1962, с. 264). Столетием позже знаменитый непримиримый протопоп Аввакум навлек на себя страшный гнев воеводы Василия Шереметева, отказавшись благословить его сына, «Матфея бритобрадца».

Однако ни в одном русском законодательстве до Петра Великого гомосексуализм не упоминался. Наказание за «противоестественный блуд» — сожжение на костре — впервые появилось в 1706 г. в воинском уставе Петра I, составленном по шведскому образцу, но уже в 1716 г. Петр это наказание смягчил, заменив сожжение телесным наказанием и вечной ссылкой (в случае применения насилия), причем и это касалось только военных, не распространяясь на гражданское население.

Во второй половине XVIII в., с ростом цивилизации и расширением контактов с Европой, мужеложства начали стесняться. В народных же массах оно локализуется преимущественно в религиозных сектах скопцов и хлыстов (Эткинд, 1998). В крестьянской среде однополые сексуальные отношения считались постыдными. В мужском фольклоре, особенно в частушках, они обычно упомина-

ются в оскорбительном контексте, когда самоутверждение одного участника достигается ценой унижения и осмеяния другого. Чаще всего это намек на сексуальную слабость или гомосексуальность соперника, который якобы был или может стать объектом сексуальных посягательств другого мужчины. Этот фольклорный мотив очень устойчив. В середине 1920-х гг. в Ярославской области был записан такой обмен прибаутками между двумя молодыми парнями (Зимин, 1995, с. 535):

1. Нам с тобой не сговориться,
Придется тебе моим хуем подавиться.
2. Эта песенка стара,
В жопу ешь тебя пора.

Самая распространенная формула резкого отказа одного мужчины другому среди русских в Карелии: «Пососи хуй!», есть и частушки условно-эротического характера. Парни на ночной улице горланят: «Ты Самсон, и я Самсон, оба мы Самсоны, а если хочешь ты со мной, то снимай кальсоны!» (Логинов, 1999, с. 177—178). На самом деле эти ребята ничего подобного не делают, но распространенность мотива доказывает, что такие действия всем известны и нередки.

ВЕЛИКОСВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ И ШКОЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

В дворянской и чиновничьей среде гомосексуальные связи иногда приобретали скандальный характер, не столько сами по себе, сколько потому, что были тесно связаны с nepотизмом и коррупцией: могущественные люди расплачивались со своими молодыми протеже высокими назначениями, никак не соответствовавшими их способностям. В быту к этому относились спокойно-иронически.

При Александре I гомосексуальными наклонностями славился министр просвещения и духовных дел князь А. Н. Голицын и министр иностранных дел, а затем канцлер Н. П. Румянцев. Влиятельный министр просвещения при Николае I граф Сергей Уваров (1786—1856) устроил своему красивому, но не особенно умному любовнику князю Михаилу Дондукову-Корсакову почетное назна-

чение вице-президентом Императорской академии наук и ректором Санкт-Петербургского университета, что породило несколько ехидных эпиграмм, на разные лады обыгрывавших мотив «жопы»:

В академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что /- — -/ есть.

(Пушкин, 1959, т. 2, с. 451)

Когда речь шла не о врагах, а о друзьях, Пушкин относился к этой склонности весело-иронически, не видя в ней ничего страшного, о чем свидетельствует его письмо и стихотворное послание Филиппу Вигелю, слабость которого к юношам была общеизвестна. Поэт сочувствует кишиневской скуке Вигеля и рекомендует ему «милых трех красавцев», из которых «думаю, годен на употребление в пользу собственно самый меньшой: NB он спит в одной комнате с братом Михаилом и трясутся немилосердно — из этого можете вывести важные заключения, представляю их вашей опытности и благоразумию»...

Кончается стихотворение словами:

Тебе служить я буду рад —
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель, — пощади мой зад!

(Пушкин, 1959, т. 9, с. 75—77)

Как и в Европе, гомосексуальные отношения шире всего были распространены в закрытых учебных заведениях — Пажеском корпусе, кадетских корпусах, юнкерских училищах, школе Правоведения и т. д. Поскольку это явление было массовым, воспитанники воспринимали его спокойно и весело. Эта тема занимает одно из центральных мест в юнкерских стихотворениях Лермонтова («Тизенгаузену», «Ода к нужнику»). Гомосексуальным приключениям целиком посвящена написанная от первого лица большая анонимная (приписываемая А. Ф. Шенину) поэма «Похождения пажа». Лирического героя этой поэмы сразу же по поступлении в Пажеский корпус соблазнил старший товарищ, после этого он сам вошел во

вкус, стал «давать» всем подряд, включая начальников, одеваться в женское платье и сделал благодаря этому блестящую карьеру, которую продолжил и по выходе из корпуса. В поэме также подробно описаны эротические переживания, связанные с поркой.

Попытки школьной или корпусной администрации пресекать «непотребство» успеха не имели. После очередного скандала с Шениным, который в 1846 г. был за педерастию отстранен от службы и выслан из Петербурга, в столице рассказывали, что «военный министр призвал Ростовцева и передал ему приказание Государя, чтобы строго преследовать педерастию в высших учебных заведениях, причем кн. Чернышев прибавил: «Яков Иванович, ведь это и на здоровье мальчиков вредно действует». — «Позвольте в том усомниться, ваша светлость, — отвечал Ростовцев, — откровенно вам доложу, что когда я был в Пажах, то у нас этим многие занимались; я был в паре с Траскиным (потом известный своим безобразием толстый генерал), а на наше здоровье не подействовало!» Князь Чернышев расхохотался» (Eros russe, 1988, p. 59).

Н. Г. Помяловский в «Очерках бурсы» описывает напоминающие современную дедовщину отношения второкурсников и первокурсников. Мальчика, который обслуживает великовозрастного Тавлю, называют «Катькой», причем подчеркивается, что он хорошенький. Однажды был разыгран даже обряд женитьбы Тавли на «Катьке». Такие игры не могли не иметь явной сексуальной окраски.

Князь П. А. Кропоткин (1842—1921) вспоминал, что в Пажеском корпусе старшие воспитанники камер-пажи «собирали ночью новичков в одну комнату и гоняли их в ночных сорочках по кругу, как лошадей в цирке. Одни камер-пажи стояли в кругу, другие — вне его и гуттаперчевыми хлыстами беспощадно стегали мальчиков. «Цирк» обыкновенно заканчивался отвратительной оргией на восточный манер. Нравственные понятия, господствовавшие в то время, и разговоры, которые велись в корпусах по поводу «цирка», таковы, что чем меньше о них говорить, тем лучше» (Кропоткин, 1988, с. 105—106).

По свидетельству А. И. Куприна, в закрытых мужских учебных заведениях и позже существовали «уродливые формы ухаживания (точь-в-точь как в женских институтах

«обожание») за хорошенькими мальчиками, за «мазочками» (Куприн, 1958, с. 248).

В юношеской среде эти вещи обычно воспринимались как игра или замена недоступных женщин; для взрослых влечение к лицам собственного пола становилось проблемой.

Как и в западноевропейских столицах, в Петербурге XIX в. существовал нелегальный, но всем известный рынок мужской проституции. Бытописатель старого Петербурга журналист В. П. Бурнашев писал, что еще в 1830—1840-х гг. на Невском царил «педерастический разврат». «Все это были прехорошенькие собою **форейторы**, кантонистики, певчие различных хоров, ремесленные ученики опрятных мастерств, преимущественно парикмахерского, обойного, портного, а также лавочные мальчики без мест, молоденькие писарьки военного и морского министерств, наконец даже вицмундирные канцелярские чиновники разных департаментов» (цит. по Ротиков, 1998, с. 357). Промышляли этим и молодые извозчики. Иногда на почве конкуренции между «девками» и «мальчиками» даже происходили потасовки.

ГОМОЭРОТИЗМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Об амбивалентности русского характера как наслідии душевной жизни первобытного человека, сохранившейся у русских лучше и в более доступном сознанию виде, чем у других народов, писал Фрейд, обнаруживший скрытую и оттого еще более мучительную бисексуальность у Достоевского. Весь смысл психоанализа своего русского пациента Панкеева («Из истории одного детского невроза») Фрейд видел в том, чтобы открыть ему его бессознательное влечение к мужчине.

Как социолог, я скептически отношусь к любым экстраполяциям клинических наблюдений на «национальный характер» и думаю, что каждый народ имеет не один, а несколько разных, зачастую полярных, типов «модальной личности».

Неосознанный, латентный гомоэротизм играл большую роль в жизни русских интеллектуалов. «Кажется, что удивительные и оригинальные творческие жизни Бакунина и Гоголя были в какой-то степени компенсацией их

сексуального бессилия. В эгоцентрическом мире русского романтизма было вообще мало места для женщин. Одинокие размышления облегчались главным образом исключительно мужским товариществом в ложе или кружке. От Сквороды до Бакунина видны сильные намеки на гомосексуальность, хотя, по-видимому, сублимированного, платонического сорта. Эта страсть выливается ближе к поверхности в склонности Иванова рисовать нагих мальчиков и находит свое философское выражение в модном убеждении, что духовное совершенство требует андрогинии или возвращения к первоначальному единству мужских и женских черт» (Billington, 1970, p. 432). Однако в каждом конкретном случае это выглядит по-разному.

Многих исследователей привлекает психосексуальная биография Н. В. Гоголя (Karlinsky, 1976). В письмах к друзьям Гоголь признавался, что никогда не знал женской любви и даже гордился этим, считая чувственность низменной и унижительной. На вопросы доктора Тарасенкова во время последней болезни Гоголя писатель сказал, что не имел связей с женщинами (в юности однажды посетил с друзьями бордель, но не получил удовольствия) и никогда не мастурбировал (об эротическом воображении врач не спросил). Гоголь был исключительно закрытым человеком, в его письмах повторяются жалобы на одиночество. Его отношения с родителями были довольно далекими, отношения с товарищами по интернату в Нежине также оставляли желать лучшего. Сохранились очень нежные письма Гоголя друзьям юности — Герасиму Высотскому и Петру Поленову. Позже Гоголь пережил род влюбленности в Николая Языкова. В Италии писателя связала тесная дружба с художником Александром Ивановым. Важным эмоциональным событием жизни Гоголя была дружба-любовь с 23-летним Иосифом Вьельгорским. Когда в 1838 г. Вьельгорский умирал от туберкулеза, Гоголь буквально не отходил от его постели, а затем поддерживал тесные отношения с его матерью и сестрами. Однако нежные чувства между мужчинами в то время считались нормальными, и, как и теперь, не обязательно имели гомоэротическую подоплеку.

Женские образы у Гоголя весьма условны, зато в «Тарасе Бульбе» поэтизируется мужское братство, дружба и красота мужского тела. Психоналитики находят в произ-

ведениях Гоголя не только проявления гомоэротизма, но и многое другое. Карлинский выводит уход Гоголя в религию, мистицизм и морализм из его неспособности принять свой гомоэротизм. Послушавшись фанатика-священника Матвея Константиновского, который якобы предписал Гоголю для избавления от «внутренней скверны» воздержание от сна и пищи, писатель буквально уморил себя голодом. Однако эта версия не доказана и допускает прямо противоположное рассуждение — что именно глубокая религиозность Гоголя не позволяла ему принять свою сексуальность, породив депрессию и желание смерти.

Латентный гомоэротизм мучил и многих других великих россиян. 20-летний Чернышевский писал в дневнике: «...Я знаю, что я легко увлекаюсь и к мужчинам, а ведь к девушкам или вообще к женщинам мне не случалось никогда увлекаться (я говорю это в хорошем смысле, потому что если от физического настроения чувствую себя неспокойно, это не от лица, а от пола, и этого я стыжусь)...» (Чернышевский, 1939, с. 35—36).

16-летний Добролюбов был страстно привязан к своему семинарскому преподавателю И. М. Сладкопевцеву: «Я никогда не поверял ему сердечных тайн, не имел даже надлежавшей свободы в разговоре с ним, но при всем том одна мысль — быть с ним, говорить с ним — делала меня счастливым, и после свидания с ним, и особенно после вечера, проведенного с ним наедине, я долго-долго наслаждался воспоминанием и долго был под влиянием обаятельного голоса и обращения... Для него я готов был сделать все, не рассуждая о последствиях» (Добролюбов, 1964, с. 441). Впрочем, такие привязанности вообще характерны для юношеского возраста, позже Добролюбов удовлетворял свои сексуальные потребности с проститутками, которых не любил и не уважал.

Лев Толстой в юности вел чрезвычайно интенсивную гетеросексуальную жизнь, в чем постоянно каялся. В «Анне Карениной» и «Воскресении» гомосексуальные отношения упоминаются с отвращением и брезгливостью, Толстой видит в них признак нравственного разложения общества. В то же время в дневнике 23-летнего писателя (запись от 29 ноября 1851 г.) имеется прямое свидетельство сильных и абсолютно неприемлемых для него гомоэротических переживаний:

«Я никогда не был влюблен в женщин. Одно сильное чувство, похожее на любовь, я испытал только, когда мне было 13 или 14 лет; но мне <не> хочется верить, чтобы это была любовь; потому что предмет была толстая горничная (правда, очень хорошенькое личико), притом же от 13 до 15 лет — время самое безалаберное для мальчика (отрочество): не знаешь, на что кинуться, и сладострастие в эту пору действует с необыкновенною силою.

В мужчин я очень часто влюблялся... Для меня главный признак любви есть страх оскорбить или просто не понравиться любимому предмету, просто страх. Я влюблялся в м<ужчин>, прежде чем имел понятие о возможности педрастии /sic/; но и узнавши, никогда мысль о возможности соития не входила мне в голову».

Перечисляя свои детские и юношеские влюбленности в мужчин, Толстой упоминает, в частности, «необъяснимую симпатию» к Готье: «Меня кидало в жар, когда он входил в комнату... Любовь моя к И<славину> испортила для меня целые 8 м<есяцев> жизни в Петерб<урге>. Хотя и бессознательно, я ни о чем др<угом> не заботился, как о том, чтобы понравиться ему...

Часто, не находя тех моральных условий, которых раскусок требовал в любимом предмете, или после какой-нибудь с ним неприятности, я чувствовал к ним неприязнь; но неприязнь эта была основана на любви. К братьям я никогда не чувствовал такого рода любви. Я ревновал очень часто к женщинам».

«Красота всегда имела много влияния в выборе; впрочем — пример Д<ьякова>; но я никогда не забуду ночи, когда мы с ним ехали из П<ирогова?> и мне хотелось, увернувшись под полостью, его целовать и плакать. Было в этом чувстве и сладостр<астие>, но зачем оно сюда попало, решить невозможно; потому что, как я говорил, никогда воображение не рисовало мне любрические картины, напротив, я имею к ним страстное отвращение» (Толстой, 1937, с. 237—238).

Во второй редакции «Детства» Толстой рассказывает о своей влюбленности в Ивиных (братья Мусины-Пушкины) — он часто мечтал о них, каждом в отдельности, и плакал. Писатель подчеркивает, что это была не дружба, а именно любовь, о которой он никому не рассказывал.

Очень близка к любви и страстная дружба Николеньки Иртеньева к Дмитрию Неклюдову. С возрастом такие влюбленности стали возникать реже.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ И МЕДИКАЛИЗАЦИЯ

До 1832 г. влечение к лицам собственного пола было для русских людей проблемой религиозно-нравственной и педагогической, но не юридической. В 1832 г. положение изменилось. Новый уголовный кодекс, составленный по немецкому (Вюртембергскому) образцу, включал в себя параграф 995, по которому мужеложство (анальный контакт между мужчинами) наказывалось лишением всех прав состояния и ссылкой в Сибирь на 4—5 лет; изнасилование или соращение малолетних (параграф 996) каралось каторжными работами на срок от 10 до 20 лет. Это законодательство, с небольшими изменениями, внесенными в 1845 г., действовало до принятия в 1903 г. нового Уложения о наказаниях, которое было значительно мягче: согласно статье 516, мужеложство (опять же только анальные контакты) каралось тюремным заключением на срок не ниже 3 месяцев, а при отягощающих обстоятельствах (с применением насилия или если жертвами были несовершеннолетние) — на срок от 3 до 8 лет. Впрочем, в силу этот новый кодекс так и не вошел.

Известный юрист Владимир Набоков (отец писателя) предлагал вообще декриминализировать гомосексуальность (Набоков, 1902), но это предложение было отклонено. Хотя антигомосексуальное законодательство в России применялось крайне редко, «относительное пренебрежение к содомии со стороны судебных органов свидетельствует больше о неэффективности правопорядка, чем об активной терпимости к сексуальному многообразию» (Engelstein, 1995, p. 158).

Как и их западноевропейские коллеги, труды которых были им хорошо известны и почти все переведены на русский язык, русские медики считали гомосексуализм «извращением полового чувства» и обсуждали возможности его излечения. В обществе к нему относились презрительно-иронически и в то же время избирательно. Если речь шла о враге, гомосексуальность использовали для его компрометации. Так было, например, с маркизом де Кюс-

тином. Не в силах опровергнуть его язвительную книгу о николаевской России, царская охранка сознательно муссировала сплетни о порочности писателя (Мильчина, Осповат, 1995). В остальных случаях на нее закрывали глаза или ограничивались сплетнями.

Представители интеллигентской элиты догадывались, например, о бисексуальности ультраконсервативного славянофильского писателя и публициста Константина Леонтьева (1831—1891), воспевавшего в своих литературных произведениях красоту мужского тела. Герой повести Леонтьева «Исповедь мужа» (1867) не только поощряет увлечение своей молодой жены, к которой он относится, как к дочери, 20-летним красавцем греком, но становится посредником между ними. Кажется, что он любит этого юношу даже больше, чем жену. Когда молодая пара погибает, он кончает с собой. В 1882 г. Леонтьев признал это свое сочинение безнравственным, чувственным и языческим, но написанным «с искренним чувством глубоко развращенного сердца» (Леонтьев, 1912, с. X).

Влиятельный деятель конца XIX — начала XX в. издатель газеты «Гражданин» князь Владимир Мещерский (1839—1914), которого философ Владимир Соловьев называл «Содома князь и гражданин Гоморры», не только не скрывал своих наклонностей, но и открыто раздавал своим фаворитам высокие посты. Когда в 1887 г. его застали на месте преступления с юным трубачом одной из гвардейских частей, против него ополчился всемогущий обер-прокурор Святейшего синода К. Н. Победоносцев, но Александр III велел скандал замять. История повторилась в 1889 г. После смерти Александра III враги Мещерского принесли Николаю II переписку князя с его очередным любовником Бурдуковым; царь письма прочитал, но оставил без внимания.

Гомосексуальный образ жизни вели и некоторые члены императорской фамилии. В частности, убитый Каляевым в 1905 г. дядя Николая II, великий князь Сергей Александрович открыто покровительствовал красивым адъютантам и даже основал в столице закрытый клуб такого рода. Когда его назначили московским генерал-губернатором, в городе острили, что до сих пор Москва стояла на семи холмах, а теперь должна стоять на одном бугре (русское «бугор» созвучно французскому *bourg* — содо-

мит). Зафиксировавший этот анекдот в своих мемуарах министр иностранных дел граф Владимир Ламздорф сам принадлежал к той же компании, царь иногда в шутку называл его «мадам» (Познанский, с. 35—36). Гомосексуальность была наследственной в роду великих князей Константиновичей, к которому принадлежал и знаменитый поэт КР.

Не подвергались гонениям за сексуальную ориентацию и представители интеллигенции. Даже на случаи соращения несовершеннолетних мальчиков часто закрывали глаза или смягчали предусмотренное законом наказание. Директор престижной частной гимназии Ф. Ф. Бычков в 1883 г. был признан виновным в «развращении» двух 13-летних и одного 11-летнего мальчика и приговорен к ссылке в Сибирь и лишению всех прав состояния. Но через 5 лет ему разрешили вернуться в родовое имение в Ярославской губернии, а в 1893 г. восстановили во всех правах, кроме чина статского советника (Берсеньев и Марков, 1998, с. 110).

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ

Гомосексуальность Петра Ильича Чайковского (1840—1893), которую разделял его младший брат Модест, была «семейной». Училище правоведения, где учился композитор, также славилось подобными традициями, его воспитанники даже имели шуточный гимн, что секс с товарищами — гораздо приятнее, чем с женщинами. Даже скандальный случай, когда один старшеклассник летом поймал в Павловском парке младшего соученика, затащил его с помощью товарища в грот и изнасиловал, не нашел в училище адекватной реакции. На добровольные сексуальные связи воспитанников тем более смотрели сквозь пальцы. Близкий друг Чайковского поэт А. Н. Апухтин (1841—1893) всю жизнь отличался этой склонностью и нисколько ее не стеснялся. В 1862 г. они вместе с Чайковским оказались замешаны в гомосексуальный скандал в ресторане «Шотан» и были, по выражению Модеста Чайковского, «обесславлены на весь город под названием бугров» (Познанский, 1993, с. 36).

В отличие от Апухтина, Чайковский стеснялся своей гомосексуальности, о его интимной жизни известно мало, об этом позаботились родственники и цензура (самая под-

робная биография — Poznansky, 1991). В кругу ближайших друзей композитора было много явных гомосексуалов. Желая подавить свою «несчастную склонность» и связанные с нею слухи, проникавшие даже в печать, в 1877 г. Чайковский женился, но, как и предвидели друзья композитора, брак закончился катастрофой, после чего он уже не пытался иметь физическую близость с женщиной. «Я знаю теперь по опыту, что значит мне переламывать себя и идти против своей натуры, какая бы она ни была» (Чайковский, 1975, с. 324). «Только теперь, особенно после истории с женитьбой, я наконец начинаю понимать, что ничего нет бесплоднее, как хотеть быть не тем, чем я есть по своей природе» (Чайковский, 1940, с. 374).

Трагедия Чайковского усугублялась тем, что его привлекали не взрослые мужчины, а мальчики-подростки. Эти влюбленности большей частью, вероятно, были обречены оставаться платоническими, но их природа не была тайной ни для самого композитора, ни для его близких. Дневники и переписка Чайковского полны трогательными рассказами о них. До последних дней жизни его окружала свита юношей, в основном музыкантов, которых он называл своей «четвертой сюитой».

Самой сильной любовью композитора был его племянник, «несравненный, идеальный, очаровательный» Боб (Владимир) Давыдов (1871—1906). Родственная привязанность к мальчику переросла в страстную любовь, когда Бобу исполнилось 13 лет. Во время пребывания Чайковского в Каменке весной и летом 1884 г. все его мысли и чувства поглощены Бобом, очарование которого буквально сводит его с ума. Позже он часто мечтает о Бобе, берет его с собой в Виши, пишет ему любовные письма, заботится о его здоровье и образовании, ревнует выросшего мальчика к его юным друзьям, предостерегает от сближения с Апухтиным и т. д. Бобу Давыдову посвящена Шестая (Патетическая) симфония Чайковского, в которой выражена тоска по невостребованной любви. Ему же композитор завещал авторские права на свои произведения. Боб Давыдов застрелился в 1906 г.

Необходимость скрывать и отчасти подавлять свои чувства, несомненно, отравляла Чайковскому жизнь, однако в целом он принимал себя и был достаточно жизнерадостным человеком. Романтический миф о самоубийстве

композитора по приговору суда чести его бывших соучеников за то, что он якобы соблазнил какого-то очень знатного мальчика, чуть ли не члена императорской семьи, дядя которого пожаловался царю, несостоятельна во всех своих элементах. Во-первых, исследователи не нашли подходящего мальчика. Во-вторых, если бы даже такой скандал возник, его бы непременно замяли, Чайковский был слишком знаменит и любим при дворе. В-третьих, кто-кто, а уж бывшие правоведа никак не могли быть судьями в подобном вопросе. В-четвертых, против этой версии восстают детально известные обстоятельства последних дней жизни Чайковского. В-пятых, сама она возникла сравнительно поздно и не в среде близких композитору людей. Как ни соблазнительно считать его очередной жертвой самодержавия и «мнений света», Чайковский все-таки умер от холеры (Берберова, 2001; Познанский, 1993; Соколов, 1993).

МИХАИЛ КУЗМИН И ДРУЗЬЯ ГАФИЗА

В начале XX в. однополая любовь в кругах художественной элиты стала более видимой. «От оставшихся еще в городе друзей... я узнал, что произошли в наших и близких к нам кругах поистине, можно сказать, в связи с какой-то общей эмансипацией довольно удивительные перемены, — вспоминал Александр Бенуа. — Да и сами мои друзья показались мне изменившимися. Появился у них новый, какой-то более развязный цинизм, что-то даже вызывающее, хвастливое в нем. <...> Особенно меня поражало, что из моих друзей, которые принадлежали к сторонникам «однополой любви», теперь совершенно этого не скрывали и даже о том говорили с оттенком какой-то пропаганды прозелитизма. <...> И не только Сережа <Дягилев> стал «почти официальным» гомосексуалистом, но к тому же только теперь открыто пристали и Валечка <Нувель> и Костя <Сомов>, причем выходило так, что таким перевоспитанием Кости занялся именно Валечка. Появились в их приближении новые молодые люди, и среди них окруживший себя какой-то таинственностью и каким-то ореолом разврата чудакливый поэт Михаил Кузмин...» (Бенуа, 1990, с. 477).

«Чудакливый» Кузмин (1875—1936), о котором с не-

приятной иронией упоминает Бенуа, — один из крупнейших поэтов XX в. (см. Богомолов, 1995; Богомолов и Малмстад, 1996). Воспитанному в строго религиозном старообрядческом духе мальчику было нелегко понять и принять свою необычную сексуальность. Но у него не было выбора. Он рос одиноким мальчиком, часто болел, любил играть в куклы, и близкие ему сверстники «все были подруги, не товарищи» (Кузмин, 1994а, с. 711).

Первые его осознанные эротические переживания связаны с сексуальными играми, в которые его вовлек старший брат. В гимназии Кузмин учился плохо, зато к товарищам «чувствовал род обожанья и, наконец, форменно влюбился в гимназиста 7 класса Валентина Зайцева» (там же). За первой связью последовали другие (его ближайшим школьным другом, разделявшим его наклонности, был будущий советский наркоминдел Г. В. Чичерин). Кузмин стал подводить глаза и брови, одноклассники над ним смеялись. Однажды он пытался покончить с собой, выпив лавровишневых капель, но испугался, позвал мать, его откачали, после чего он признался во всем матери, и та приняла его исповедь. В 1893 г. более или менее случайные связи с одноклассниками сменила серьезная связь с офицером, старше Кузмина на 4 года, о которой многие знали. Этот офицер, некий князь Жорж, даже возил Кузмина в Египет. Его неожиданная смерть подвигла Кузмина к сторону мистики и религии, что не мешало новым увлечениям молодыми мужчинами и мальчиками-подростками. Будучи в Риме, Кузмин взял на содержание лифт-боя Луиджино, потом летом на даче отчаянно влюбился в мальчика Алешу Бехли; когда их переписку обнаружил отец мальчика, дело едва не дошло до суда.

Все юноши, в которых влюблялся Кузмин (Павел Маслов, Всеволод Князев, Сергей Судейкин, Лев Раков и др.), были бисексуальными и рано или поздно начинали романы с женщинами, заставляя Кузмина мучиться и ревновать. В цикле «Остановка», посвященном Князеву, есть потрясающие стихи о любви втроем («Я знаю, ты любишь другую»):

Мой милый, молю, на мгновенье
Представь, будто я — она.

Не довольствуясь физической близостью, Кузмин видел своих возлюбленных талантами, всячески помогал им и продвигал в печать, при этом воображаемый образ часто заслонял реальность, молодой человек становился как бы тенью самого поэта.

Самой большой и длительной любовью Кузмина (с 1913 г.) был поэт Иосиф Юркунас (1895—1938), которому Кузмин придумал псевдоним Юркун. В начале их романа Кузмин и Юркун часто позировали в кругу знакомых как Верлен и Рембо. Кузмин искренне восхищался творчеством Юркуна и буквально вылепил его литературный образ, но при этом невольно подгонял его под себя. С годами (а они прожили вместе до самой смерти поэта) их взаимоотношения стали больше напоминать отношения отца и сына: «Конечно, я люблю его теперь гораздо, несравненно больше и по-другому...», «Нежный, умный, талантливый мой сынок...» (цит. по Шаталов, 1996, с. 79).

Кузмин был своим человеком в доме Вячеслава Иванова, который, несмотря на глубокую любовь к жене, писательнице Лидии Зиновьевой-Аннибал, был не чужд и гомоэротических увлечений. В его сборнике «*Cor ardens*» (1911) напечатан исполненный мистической страсти цикл «Эрос», навеянный безответной любовью к молодому поэту Сергею Городецкому:

За тобой хожу и ворожу я,
От тебя таясь и убегая;
Неотвратно на тебя гляжу я, —
Опускаю взоры, настигая...

(Иванов, 1911, с. 189)

В петербургский кружок «Друзей Гафиза» кроме Кузмина входили Вячеслав Иванов с женой, Бакст, Константин Сомов, Сергей Городецкий, Вальтер Нувель (Валечка), юный племянник Кузмина Сергей Ауслендер. Все члены кружка имели античные или арабские имена.

В стихотворении «Друзьям Гафиза» Кузмин хорошо выразил связывавшее их чувство сопричастности:

Нас семеро, нас пятеро, нас четверо, нас трое,
Пока ты не один, Гафиз еще живет.
И если есть любовь, в одной улыбке двое.
Другой уж у дверей, другой уже идет.

(Цит. по Богомолов, 1995, с. 81)

Для некоторых членов кружка однополая любовь была всего лишь модным интеллектуальным увлечением, игрой, на которые падка художественная богема. С другими, например с Сомовым и Нувелем, Кузмина связывали не только дружеские, но и любовные отношения. О своих новых романах и юных любовниках они говорили совершенно открыто, иногда ревнуя друг к другу. В одной из дневниковых записей Кузмин рассказывает, как однажды, после кутежа в загородном ресторане, он с Сомовым и двумя молодыми людьми, включая тогдашнего любовника Кузмина Павлика, «поехали все вчетвером на извозчике под капотом и все целовались, будто в палатке Гафиза. Сомов даже сам целовал Павлика, говорил, что им нужно ближе познакомиться и он будет давать ему косметические советы» (Богомолов, 1995, с. 230). Посещали популярного поэта и юные гимназисты, у которых были собственные гомоэротические кружки.

С именем Кузмина связано появление в России высокой гомоэротической поэзии. Для Кузмина мужская любовь совершенно естественна. Кажется, никто до него так не писал о мужчинах:

Когда тебя я в первый раз встретил,
не помнит бедная память:
утром ли то было, днем ли,
вечером или позднею ночью.
Только помню бледноватые щеки,
серые глаза под темными бровями
и синий ворот у смуглой шеи,
и кажется мне, что я видел это в раннем детстве,
хотя и старше тебя я многим.

(Кузмин, 1990, с. 62)

В других стихотворениях любовь становится предметом рефлексии.

Бывают мгновенья,
когда не требуешь последних ласк,
а радостно сидеть,
обнявшись крепко,
крепко прижавшись друг к другу.
И тогда все равно,
что будет,
что исполнится,
что не удастся.

Сердце
(не дрянное, прямое, родное мужское сердце)
близко бьется,
так успокоительно,
так надежно,
как тиканье часов в темноте,
и говорит:
«Все хорошо,
все спокойно,
все стоит на своем месте.

(Кузмин, 1977, с. 67)

А в игривом стихотворении «Али» из цикла «Занавешенные картинки» по-восточному откровенно воспеваются запретные прелести юношеского тела:

Разлился соловей вдали,
Порхают золотые птички!
Ложись спиной вверх, Али,
Отбросив женские привычки!

(Кузмин, 1992, с. 165)

В легитимации российской гомоэротики важную роль сыграла автобиографическая повесть Кузмина «Крылья» (1906). Ее герою, 18-летнему наивному мальчику из крестьянской среды Ване Смурову, трудно понять природу своего интеллектуального и эмоционального влечения к образованному полуангличанину Штрupu. Обнаруженная им сексуальная связь Штрупа с лакеем Федором вызвала у Вани болезненный шок, где отвращение переплетается с ревностью. Штрup объяснил юноше, что тело дано человеку не только для размножения, что оно прекрасно само по себе, что однополую любовь понимали и ценили древние греки. В конце повести Ваня принимает свою судьбу и едет со Штрупом за границу.

«— Еще одно усилие, и у вас вырастут крылья, я их уже вижу.

— Может быть, только это очень тяжело, когда они растут, — молвил Ваня, усмехаясь» (Кузмин, 1994б, с. 68).

«Крылья» вызвали бурную полемику. Большинство газет увидели в ней проповедь гомосексуальности. Один фельетон был озаглавлен «В алькове г. Кузмина», другой —

«Отмежевывайтесь от пошляков». Известный журналист и критик Л. Василевский (Авель) писал: «...Все эти «вакханты, пророки грядущего», проще говоря, нуждаются в Крафт-Эбинге и холодных душах, и роль критики сводится к этому: проповедников половых извращений вспрыскивать холодной водой сарказма» (Богомолов, 1995, с. 104). Социал-демократические критики нашли повесть «отвратительной» и отражающей деградацию высшего общества. Андрея Белого смутила ее тема, а некоторые сцены повести он счел «тошнотворными». Гиппиус признала тему правомерной, но изложенной слишком тенденциозно и с «патологическим заголением» (Энгельштейн, 1996, с. 381).

Народническая и социал-демократическая критика (Ю. М. Стеклов, Г. С. Новополин) выступала против «эротического индивидуализма» как продукта разложения буржуазной культуры, которыми та старается заразить духовно здоровый по своей природе рабочий класс. Для известного критика Григория Новополина литературные персонажи Кузмина и Зиновьевой-Аннибал просто «дегенераты, взращенные на тощей аристократической почве», «выродки, развращающиеся от безделья», «паразиты, высасывающие народную кровь и беснующиеся с жиру» (Новополин, 1909).

В 1907 г. в письме Леониду Андрееву Максим Горький писал по поводу тогдашнего русского литературного авангарда: «Все это — старые рабы, люди, которые не могут не смешивать свободу с педерастией, например, для них «освобождение человека» странным образом смешивается с перемещением из одной помойной ямы в другую, а порою даже низводится к свободе члена и — только» (Горький и Андреев).

Напротив, Блок писал, что, хотя в повести есть «места, в которых автор отдал дань грубому варварству и за которые с восторгом ухватились блюстители журнальной нравственности», это «варварство» «совершенно тонет в прозрачной и хрустальной влаге искусства». «Имя Кузмина, окруженное теперь какой-то грубой, варварски-плоской молвой, для нас — очаровательное имя» (Блок, 1962, с. 183).

В повести Кузмина и его рассказах «Картонный домик» и «Любовь этого лета» молодые люди находили прав-

дивое описание не только собственных чувств, но и быта. Для них многое было узнаваемым. Один из юных друзей поэта гимназист Покровский рассказывал ему «о людях вроде Штрупа, что у него есть человека 4 таких знакомых, что, как случается, долгое время они ведут, развивают юношей бескорыстно, борются, думают обойтись так, как-нибудь, стыдятся даже после 5-го, 6-го романа признаться; как он слышал в банях на 5-й линии почти такие же разговоры, как у меня, что на юге, в Одессе, Севастополе смотрят на это очень просто и даже гимназисты просто ходят на бульвар искать встреч, зная, что кроме удовольствия могут получить папиросы, билет в театр, карманные деньги» (Богомолов, 1995, с. 268).

Автор анонимного полицейского отчета, относящегося к 1890—1894 гг., прямо писал о «всесословности» порока, «когда нет, можно сказать, ни одного класса в петербургском населении, среди которого не оказалось бы много его последователей» (Берсеньев и Марков, 1998, с. 109). В длинном списке «теток», «дам» и «педерастов за деньги», с подробным описанием вкусов некоторых из них, фигурируют как представители высшей аристократии (барон Ливен, князь Львов, князь В. П. Мещерский, князь Мухранский-Багратион, князь Орлов, граф А. М. Стенбок) и богачи, так и неизвестные солдаты и гимназисты. Некоторые гостиницы и рестораны специализировались на такой клиентуре.

Отчет подробно описывает места и обстоятельства гомосексуальных встреч. «Тетки, как они себя называют, с одного взгляда узнают друг друга по некоторым неуловимым для постороннего приметам, а знатоки могут даже сразу определить, с последователем какой категории теток имеют дело.

Летом тетки собираются почти ежедневно в Зоологическом саду, и в особенности многолюдны их собрания бывают по субботам и воскресеньям, когда приезжают из лагеря и когда свободны от занятий юнкера, полковые певчие, кадеты, гимназисты и мальчишки-подмастерья. <...>

По воскресеньям зимою тетки гуляют в Пассаже на верхней галерее, куда утром приходят кадеты и воспитанники, а около 6 часов вечера солдаты и мальчишки-подмастерья. Любимым местом теток служат в особенности

катки, куда они приходят высматривать формы катающихся молодых людей, приглашаемых ими затем в кондитерские или к себе на дом» (Барсеньев и Марков, с. 109).

Доклад отмечает, что никаких реальных мер против этого порока никто не принимает.

СЕРГЕЙ ДЯГИЛЕВ

Кузмин был не единственным центром притяжения гомосексуальной богемы. Не скрывал своих гомоэротических наклонностей выходец из хлыстов выдающийся крестьянский поэт Николай Клюев (1887—1937), которого постоянно окружали молодые люди. Особенно близок он был с Сергеем Есениным, два года (1915—1916) они даже жили вместе. Со стороны Клюева эта дружба определено была гомоэротической. Друг Есенина Владимир Чернавский писал, что Клюев «совсем подчинил нашего Сергуньку», «поясок ему завязывает, волосы гладит, следит глазами». Есенин жаловался Чернавскому, что Клюев ревновал его к женщине, с которой у него был его первый городской роман: «Как только я за шапку, он — на пол, посреди номера сидит и воет во весь голос по-бабьи: не ходи, не смей к ней ходить!» (McVay, 1969, с. 195, 196). Есенин этих чувств Клюева, видимо, не разделял. Хотя мужчины нередко влюблялись в молодого поэта, обладавшего поистине женственным обаянием, и сам он предпочитал мужское общество женскому, любил спать с друзьями в одной кровати и обменивался с ними нежными письмами, мнение Карлинского о гомосексуальности Есенина вызывает возражения. Американский биограф Есенина Гордон Маквей (McVay, 1976) склонен считать поэта латентным бисексуалом, но под эту категорию можно подвести кого угодно.

Умышленно эпатировал публику, вызывая всеобщие пересуды, основатель журнала «Мир искусства» и создатель нового русского балета Сергей Дягилев (1872—1929). Разносторонне талантливый и предприимчивый человек, Дягилев сознательно рисовался дендизмом, а «при случае и дерзил напоказ, не считаясь а la Oscar Wilde с «предрассудками» добронравия и не скрывая необычности своих вкусов назло ханжам добродетели...» (Маковский, 1955, с. 201).

Первой известной любовью был его двоюродный брат Дима Философов (1872—1940). Обладатель «хорошенького, «ангельского» личика», Философов уже в петербургской гимназии Мая привлекал к себе недоброжелательное внимание одноклассников слишком нежной, как им казалось, дружбой со своим соседом по парте будущим художником Константином Сомовым. «Оба мальчика то и дело обнимались, прижимались друг к другу и чуть что не целовались. Такое поведение вызывало негодование многих товарищей, да и меня раздражали манеры обоих мальчиков, державшихся отдельно от других и бывших, видимо, совершенно поглощенными чем-то, весьма похожим на взаимную влюбленность» (Бенуа, 1980, т. 2, с. 79). «Непрерывные между обоими перешептывания, смешки продолжались даже и тогда, когда Костя достиг восемнадцати, а Дима шестнадцати лет... Эти «институтские» нежности не имели в себе ничего милого и трогательного» и вызывали у многих мальчиков «брезгливое негодование» (Бенуа, 1980, т. 1, с. 497).

После ухода Сомова из гимназии его место в жизни Димы занял энергичный, румяный, белозубый Дягилев, с которым они вместе учились, жили, работали, ездили за границу и поссорились в 1905 г., когда Дягилев публично обвинил Философова в посягательстве на своего юного любовника.

Создав собственную балетную труппу, Дягилев получил новые возможности выбирать красивых и талантливых любовников, которым он не только помогал делать карьеру, но в буквальном смысле слова формировал их личности (Buckle, 1979; Ostwald, 1991; Lifar, 1940; Garcia-Marquez, 1995). Эротические пристрастия Дягилева были запрограммированы жестко, он увлекался только очень молодыми людьми. Его знаменитые любовники-танцовщики — Вацлав Нижинский, Леонид Мясин, Антон Доллин, Сергей Лифарь — пришли к нему 18-летними, а композитор и дирижер Игорь Маркевич — 16-летним. Властный, нетерпимый и в то же время застенчивый (он стеснялся своего тела и никогда не раздевался на пляже), Дягилев не тратил времени на ухаживание. Пригласив подававшего надежды юношу к себе в гостиницу, он сразу же очаровывал его властными манерами, богатством обстановки и перспективой блестящей карьеры.

Его обаяние и нажим были настолько сильны, что молодые люди просто не могли сопротивляться. Мясин, который не хотел уезжать из Москвы, пришел к Дягилеву во второй раз с твердым решением отклонить предложение о переходе в дягилевскую труппу, но на вопрос Дягилева, к собственному удивлению, вместо «нет» ответил «да». Никто из этих юношей не испытывал к Дягилеву эротического влечения. Мясин и Маркевич, по-видимому, были гетеросексуалами, Нижинский до знакомства с Дягилевым был любовником князя Львова, а Дягилева больше боялся, чем любил. Работать и жить с ним было невероятно трудно. Он требовал безоговорочного подчинения во всем, бывал груб на людях, отличался патологической ревностью (Лифарь называл его «Отеллушка»), ревнуя своих любимцев и к женщинам и к мужчинам, включая собственных друзей. Однако он давал своим любовникам не только положение и роли, которых они безусловно заслуживали, но за которые в любой труппе идет жесткая конкуренция, и ради их получения молодые актеры готовы на любые жертвы.

Приблизив молодого человека, Дягилев возил его с собой в Италию, таскал по концертам и музеям, формировал его художественный вкус и раскрывал его скрытые, неизвестные ему самому, таланты. Поскольку сам Дягилев не был ни танцовщиком, ни хореографом, между ним и его воспитанниками не могло быть профессионального соперничества, а получали они от него очень много, причем на всю жизнь. И хотя после нескольких лет совместной жизни и работы их отношения обычно охладевали или заканчивались разрывом (как было с Нижинским и Мясиным), молодые люди вспоминали Дягилева благоговейно (исключением был Нижинский, с юности страдавший серьезным психическим заболеванием, уход от Дягилева, казавшийся ему освобождением, на самом деле усугубил его психические трудности). Любовь к красивым и талантливым юношам окрыляла Дягилева, а он, в свою очередь, одухотворял их и помогал творчески раскрыться. По выражению Игоря Маркевича, все дягилевские балеты — прямой результат любовных историй (Green, 1975, p. 14).

Сплетни, случайные мальчики, ревности, измены — все это кажется мелким и ничтожным. Но за бытовыми отношениями часто скрывались глубокие внутренние драмы.

ЗИНАИДА ГИППИУС

Темная, трагическая сторона однополой любви особенно ясно выступает в отношениях Философова с Зинаидой Гиппиус (1869—1945).

Близкий друг и секретарь Гиппиус Владимир Злобин очень точно назвал свою книгу о ней «Тяжелая душа». Ее жизненное кредо лучше всего выражено в словах — «мне надо то, чего на свете нет». Красивая женщина и разносторонне одаренная поэтесса, Гиппиус всегда чувствовала себя бисексуальной, многие современники считали ее гермафродиткой. Из интимного дневника Гиппиус *Contes d'amour* (1893) видно, что ей нравилось ухаживание и тянуло к некоторым мужчинам, но одновременно они ее отталкивали. «В моих мыслях, моих желаниях, в моем духе — я больше мужчина, в моем теле — я больше женщина. Но они так слиты, что я ничего не знаю» (Pachmuss, 1975, p. 77). Она обожает целоваться, потому что в поцелуе мужчина и женщина равны, но половой акт вызывает у нее отвращение и кажется безличным. В идеале «полового акта не будет», «акт обращен назад, вниз, в род, в деторождение» (Pachmuss, 1972, p. 67). Неудивительно, что она глубоко интересовалась хлыстами и проблемой андрогинии.

Брак Гиппиус с Мережковским был чисто духовным, причем она играла в нем ведущую, мужскую роль. Все свои стихи она писала в мужском роде, единственное стихотворение, написанное от лица женщины, посвящено Философovu, в которого она влюбилась летом 1899 г. при посещении Таормины, куда Мережковские приехали посмотреть знаменитые фотографии фон Гледена.

Влюбившись в Философова, она всячески старалась оторвать, «спасти» его от Дягилева; в конце концов ей это удалось, но к Гиппиус он все равно не пришел. Летом 1905 г., когда Дима гостил у них в Крыму, она сама пришла к нему в комнату и попыталась форсировать физическое сближение, но это только ускорило разрыв. Перед отъездом он подsunул ей под дверь письмо:

«Зина, пойми, прав я или не прав, сознателен или незнателен, и т. д. и т. д., следующий факт, именно факт остается, с которым я не могу справиться: мне физически отвратительны воспоминания о наших сближениях.

И тут вовсе не аскетизм, или грех, или вечный позор пола. Тут вне всего этого, нечто абсолютно иррациональное, нечто специфическое.

В моих прежних половых отношениях был свой великий позор, но абсолютно иной, ничего общего с нынешним не имеющий. Была острая ненависть, злоба, ощущение позора, за привязанность к плоти, только к плоти.

Здесь же как раз обратное. При страшном устремлении к тебе всем духом, всем существом своим, у меня выросла какая-то ненависть к твоей плоти, коренящаяся в чем-то физиологическом...» (Злобин, 1970, с. 55).

Хотя дружеские отношения между ними еще несколько лет продолжались, Философов даже жил у Мережковских, между ними всегда висела напряженность.

ЛЕСБИЙСКАЯ ЛЮБОВЬ

Заметное место в культуре Серебряного века занимает лесбийская любовь. Разумеется, этот феномен был известен в России и раньше. Историки небезосновательно подозревают в этой склонности знаменитую подругу Екатерины II княгиню Екатерину Романовну Дашкову (1743—1809). Рано выданная замуж и оставшаяся вдовой с двумя детьми, прекрасно образованная мужеподобная княгиня являлась в публичных собраниях в мужском платье, говоря в шутку, что природа по ошибке вложила в нее сердце мужчины. В отличие от своей коронованной подруги Дашкова не имела фаворитов. Единственной ее привязанностью была выписанная из Англии молодая компаньонка Марта Вильмот, которую скупая княгиня осыпала щедрыми дарами и пыталась сделать своей наследницей. Сохранился даже шуточный вызов на дуэль, который Дашкова послала своей сопернице, английской кузине Марты Марии Вильмот. Возвращение мисс Вильмот в Англию в 1808 г. повергло Дашкову в отчаяние: «Прости, моя душа, мой друг, Машенька, тебя целует твоя Дашкова... Будь здорова, любимая, а я тебя паче жизни своей люблю и до смерти любить буду» (Сафонов, 1997).

Общее отношение русского общества к лесбиянкам, как и к гомосексуалам, было отрицательно-брезгливым, ассоциируясь главным образом с проститутками, хотя уже

Ипполит Тарновский показал, что это неверно. Характерен отзыв Чехова: «Погода в Москве хорошая, холеры нет, лесбосской любви тоже нет... Бррр!!! Воспоминания о тех особах, о которых Вы пишете мне, вызывают во мне тошноту, как будто я съел гнилую сардинку. В Москве их нет — и чудесно» (Чехов, 1978, с. 107).

Лесбиянки в Москве, конечно, были, но к уважаемым женщинам этот одиозный термин не применяли, а сексуальные аспекты женской «романтической дружбы» предпочитали не замечать. Никому не приходило в голову подозревать что-то дурное в экзальтированной девичьей дружбе или «обожании», какое питали друг к другу и к любимым воспитательницам благонравные воспитанницы институтов благородных девиц. Их описания в произведениях Лидии Чарской вызывали у читательниц только слезы умиления.

Достаточно спокойно воспринимала общественность и стабильные женские пары, обходившиеся без мужского общества. Одна из первых русских феминисток, основательница литературного журнала «Северный вестник» Анна Евреинова (1844—1919) много лет прожила совместно со своей подругой жизни Марией Федоровой, а Наталия Манасеина, жена известного ученого, даже оставила мужа ради совместной жизни с поэтессой-символисткой Поликсеной Соловьевой (1867—1924). Их отношения просто не воспринимались как сексуальные.

Первым художественным описанием лесбийской любви в русской прозе стала книга Лидии Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три уroda» (1907). Сюжет ее в высшей степени мелодраматичен. Актриса Вера расстраивает свадьбу молодой женщины, в которую она влюблена, покинутый жених кончает самоубийством, а две женщины начинают совместную жизнь. В уставленной зеркалами комнате они восторженно созерцают собственную красоту и предаются упоительным ласкам, на которые неспособны примитивные любовники-мужчины. Видя себя глазами влюбленной Веры, юная красавица уже не может воспринимать себя иначе. Однажды она позирует нагой сразу 33 художникам, но нарисованные ими портреты не удовлетворяют ее: вместо созданной Вериним воображением богини художники-мужчины нарисовали каждый

собственную любовницу, «33 уroda». Однако блаженство продолжается недолго. Болезненно ревнивая Вера понимает, что молодая женщина нуждается в общении и не может обойтись без мужского общества, и мучается тем, что рано или поздно она потеряет ее. Когда девушка соглашается на поездку с одним художником, Вера в отчаянии кончает с собой. Как и в аналогичных западных романах, лесбийская любовь кажется наваждением и заканчивается катастрофой.

ЦВЕТАЕВА И ПАРНОК

Большинство любовных связей между женщинами оставались фактами их личной жизни, и только. Роман Марины Цветаевой (1892—1941) и Софьи Парнок (1885—1933) оставил заметный след и в русской поэзии (Karlinsky, 1987; Полякова, 1997; Burgin, 1994).

Цветаева, по собственному признанию, уже в детстве «не в Онегина влюбилась, а в Онегина и Татьяну (и, может быть, в Татьяну немного больше), в них обоих вместе, в любовь. И ни одной своей вещи я потом не писала, не влюбившись одновременно в двух (в нее — немножко больше), не в двух, а в их любовь» (Цветаева, 1967, с. 62). Ограничивать себя чем-то одним она не хотела и не могла: «Любить только женщин (женщине) или только мужчин (мужчине), заведомо исключая обычное обратное — какая жуть! А только женщин (мужчине) или только мужчин (женщине), заведомо исключая необычное родное (редкое? — *И. К.*), — какая скука!» (цит. по Полякова, 1997, с. 249).

Парнок же любила исключительно женщин. Многих женщин.

Любовь Цветаевой и Парнок возникла буквально с первого взгляда и была страстной с обеих сторон. Марина уже была замужем и имела двухлетнюю дочь, отношения с Парнок были для нее необычными.

Сердце сразу сказала: «Милая!»
Все тебе — наугад — простила я,
Ничего не зная, — даже имени!
О любви меня, о любви меня!

(Поляков, 1997, с. 196)

Сразу после встречи с Парнок Цветаева ощущает «ироническую прелесть, / Что Вы — не он» (там же, с. 191) и пытается разобраться в произошедшем, пользуясь традиционной терминологией господства и подчинения, но ничего не получается:

Кто был охотник? Кто — добыча?
Все дьявольски наоборот!..
В том поединке своеволий
Кто в чьей руке был только мяч?
Чье сердце: Ваше ли, мое ли,
Летело вскачь?
И все-таки — что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

(Поляков, 1997, с. 191)

Рано осиротевшей Марине виделось в Парнок нечто материнское:

В оны дни ты мне была, как мать,
Я в ночи тебя могла позвать,
Свет горячечный, свет бессонный.
Свет очей моих в ночи оны.
Незакатные оны дни,
Материнские и дочерние,
Незакатные, не вечерние.

(Поляков, 1997, с. 246)

В другом стихотворении она вспоминает:

Как я по Вашим узким пальчикам
Водила сонною щекой,
Как Вы меня дразнили мальчиком,
Как я Вам нравилась такой.

(Поляков, 1997, с. 195)

В отношении Парнок к Марине страсть действительно переплеталась с материнской нежностью:

«Девочкой маленькой ты мне предстала неловкою» —
Ах, одностишья стрелой Сафо пронзила меня!
Ночью задумалась я над курчавой головкою,
Нежностью матери страсть в бешеном сердце сменя, —
«Девочкой маленькой ты мне предстала неловкою».

(Парнок, 1978, с. 141—142)

Некоторое время подруги даже жили вместе. Появляясь на людях, они сидели обнявшись и курили по очереди одну и ту же сигарету, хотя продолжали обращаться друг к другу на «Вы». Расставаться с мужем Марина не собиралась, он и ближайшие родственники знали о романе, но тактично отходили на задний план. Бурный женский роман продолжался недолго и закончился так же драматично, как и начался. Для Цветаевой это была большая драма. После их разрыва она ничего не желала слышать о Парнок и даже к известию о ее смерти отнеслась равнодушно.

Героиней второго женского романа Цветаевой была молодая актриса Софья Голлидэй. История этого романа рассказана в «Повести о Сонечке». Как и с Парнок, это была любовь с первого взгляда, причем она не мешала параллельным увлечениям мужчинами (Юрием Завадским и др.), обсуждение которых даже сближало подруг. Их взаимная любовь была не столько страстной, сколь нежной. На сей раз ведущую роль играла Цветаева. То, что обе женщины были бисексуальны, облегчало взаимопонимание, но одновременно ставило предел их близости. Хотя они бесконечно важны друг для друга, ограничить этим свою жизнь они не могут как в силу социальных условий, так и чисто эмоционально. В отличие от отношений с Парнок, связь которой с другой женщиной Цветаева восприняла как непростительную измену, уход Сонечки ей был понятен: «Сонечка от меня ушла — в свою женскую судьбу. Ее неприход ко мне был только ее послушанием своему женскому назначению: любить мужчину — в конце концов все равно какого — и любить его одного до смерти.

Ни в одну из заповедей — я, моя к ней любовь, ее ко мне любовь, наша с ней любовь — не входила. О нас с ней в церкви не пели и в Евангелии не писали» (Цветаева, 1989, с. 440—441).

Много лет спустя она скажет о ней сыну: «Так звали женщину, которую я больше всех женщин на свете любила. А может быть — больше всех. Я думаю — больше всего» (Цветаева, 1989, с. 449).

Для Цветаевой временность лесбийской любви — не просто дань религиозным убеждениям и общественным условностям. Для нее главное назначение женщины —

дети, которых однополая любовь не предусматривает. Именно эту проблему Цветаева обсуждает в своем адресованном Натали Барни «Письме к Амазонке» (написано в 1932—1934, впервые напечатано по-французски в 1979 г.).

По мнению Цветаевой, в рассуждениях Барни есть одна лакуна, пробел, черная пустота — Ребенок. «Нельзя жить любовью. Единственное, что живет после любви, — это Ребенок» (Цветаева, 1994, с. 485). Это единственное, что увековечивает отношения. Отсюда — женская потребность иметь ребенка. Но ее испытывает только одна из двух. «Эта отчаянная жажда появляется у одной, младшей, той, которая более она. Старшей не нужен ребенок, для ее материнства есть подруга. «Ты моя подруга, ты — мой Бог, ты — мое все».

Но младшая не хочет быть любимым ребенком, а иметь ребенка, чтобы любить.

И она, начавшая с не-хотенья ребенка от него, кончит хотением ребенка от нее. А раз этого не дано, однажды она уйдет, любящая и преследуемая истой и бессильной ревностью подруги, — а еще однажды она очутится, сокрушенная, в объятиях первого встречного» (Цветаева, 1989, с. 487). В результате мужчина из преследователя превращается в спасителя, а любимая подруга — во врага.

Старшая же обречена на одиночество. Она похожа на остров или на плакучую одинокую иву. «Никогда не красясь, не румянясь, не молодясь, никогда не выказываясь и не подделываясь, она оставляет все это стареющим «нормальным»... Когда я вижу отчаявшуюся иву, я — понимаю Сафо» (Цветаева, 1989, с. 496, 497).

В рассуждениях Цветаевой явно чувствуется рефлексия об ее собственных отношениях с Парнок. Современные лесбиянки нашли бы немало возражений на доводы Цветаевой. Но для Цветаевой любовь к женщине — только часть, немного больше половины ее сложной натуры. Да и время, когда все это происходило и осмысливалось, было совсем не похоже на сегодняшнее.

ПОД СЕНЬЮ УК РСФСР

Октябрьская революция прервала естественный процесс развития гомосексуальной культуры в России. Большевики ненавидели всякую сексуальность, которая

не поддавалась государственному контролю и не имела репродуктивного значения. Как и европейские левые, они ассоциировали однополую любовь с разложением господствующих классов и были убеждены, что с победой пролетарской революции все сексуальные извращения исчезнут.

Инициатива отмены антигомосексуального законодательства после Февральской революции принадлежала не большевикам, а кадетам и анархистам. Тем не менее после Октября, с отменой старого Уложения о наказаниях соответствующие его статьи также утратили силу. В Уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 гг. гомосексуализм не упоминается (в Азербайджане, Туркмении, Узбекистане и Грузии соответствующие законы сохранились).

Советские медики и юристы очень гордились прогрессивностью своего законодательства. На Копенгагенском конгрессе Всемирной лиги сексуальных реформ (1928) оно даже ставилось в пример другим странам. В 1930 г. Марк Серейский писал в Большой советской энциклопедии: «Советское законодательство не знает так называемых преступлений, направленных против нравственности. Наше законодательство, исходя из принципа защиты общества, предусматривает наказание лишь в тех случаях, когда объектом интереса гомосексуалистов становятся малолетние и несовершеннолетние» (Серейский, 1930, с. 593).

Впрочем, формальная декриминализация содомии не означала прекращения уголовных преследований гомосексуалов под флагом борьбы с совращением несовершеннолетних и с «непристойным поведением». Осенью 1922 г., уже после опубликования нового уголовного кодекса, в Петрограде состоялся громкий процесс над группой военных моряков, собиравшихся в частной квартире, в качестве эксперта обвинения выступал В. М. Бехтерев. В другом случае преследованию подверглась пара лесбиянок, одна из которых «незаконно» сменила имя с «Евгении» на «Евгения», причем они отказались подчиниться требованию расторгнуть свой фактический брак. (Engelstein, 1995).

Официальная позиция советской медицины и юриспруденции в 1920-е гг. сводилась к тому, что гомосексуализм — не преступление, а трудноизлечимая или даже вовсе не излечимая болезнь: «Понимая неправильность

развития гомосексуалиста, общество не возлагает и не может возлагать вину за нее на носителя этих особенностей... Подчеркивая значение истоков, откуда такая аномалия растет, наше общество рядом профилактических и оздоровительных мер создает все необходимые условия к тому, чтобы жизненные столкновения гомосексуалистов были возможно безболезненнее и чтобы отчужденность, свойственная им, рассосалась в новом коллективе» (Серейский, 1930, с. 593).

В 1920-х гг. возможности открытого философского и художественного обсуждения этой темы, открывшиеся в начале XX в., постепенно были сведены на нет. Дальше стало еще хуже. 17 декабря 1933 г. было опубликовано Постановление ВЦИК, которое 7 марта 1934 г. стало законом, согласно которому «мужеложство» снова стало уголовным преступлением. По статье 121 Уголовного кодекса РСФСР мужеложство каралось лишением свободы на срок до 5 лет, а в случае применения физического насилия или его угроз, или в отношении несовершеннолетнего, или с использованием зависимого положения потерпевшего — на срок до 8 лет.

Как показывают новейшие архивные исследования (Толыц, 2002), инициатором этого драконовского закона было ГПУ. Уже в сентябре 1933 г. была проведена первая облава на лиц, подозреваемых в нетрадиционной сексуальной ориентации, в результате которой арестовано 130 человек, подозревавшихся в гомосексуальных связях. В докладной записке заместителя председателя ОГПУ Генриха Ягоды Сталину сообщалось о раскрытии нескольких групп в Москве и Ленинграде, которые занимались «созданием сети салонов, очагов, притонов, групп и других организованных формирований педерастов с дальнейшим превращением этих объединений в прямые шпионские ячейки». В свете этого документа инаколюбящие выглядели не только инакомыслящими, но также шпионами и контрреволюционерами. По словам Ягоды, «актив педерастов, используя кастовую замкнутость педерастических кругов в непосредственно контрреволюционных целях, политически разлагал разные общественные слои юношества, в частности рабочую молодежь, а также пытался проникнуть в армию и на флот».

На документе Сталин начертил: «Надо примерно нака-

зять мерзавцев, а в законодательство ввести соответствующее руководящее постановление».

Вдохновленное этой резолюцией ОГПУ подготовило проект антигомосексуального закона. 13 декабря 1933 г. Ягода вновь пишет в Кремль:

«Ликвидируя за последнее время объединения педерастов в Москве и Ленинграде, ОГПУ установило:

1. Существование салонов и притонов, где устраивались оргии.

2. Педерасты занимались вербовкой и развращением совершенно здоровой молодежи, красноармейцев, краснофлотцев и отдельных вузовцев. Закона, по которому можно было бы преследовать педерастов в уголовном порядке, у нас нет. Полагал бы необходимым издать соответствующий закон об уголовной ответственности за педерастию».

Политбюро почти единогласно это предложение одобрило. С особым мнением выступил лишь Калинин, высказавшийся «против издания закона, а за осуждение во внесудебном порядке по линии ОГПУ». В общем, как выражается Владимир Тольц, «мочить в сортире», но потихому... Тем не менее закон издали, но и мнение «всеобщего старосты» уважили: дела гомосексуалов стали рассматриваться ОГПУ тайно и «во внесудебном порядке» как политические преступления.

Политизация гомосексуальности осуществлялась и публично. 23 мая 1934 г. одновременно в «Правде» и в «Известиях» была опубликована статья М. Горького «Пролетарский гуманизм»: «Не десятки, а сотни фактов говорят о разрушительном, разлагающем влиянии фашизма на молодежь Европы. Перечислять факты — противно, да и память отказывается загружаться грязью, которая все более усердно и обильно фабрикует буржуазия. Укажу, однако, что в стране, где мужественно и успешно хозяйствует пролетариат, гомосексуализм, развращающий молодежь, признан социально преступным и наказуем, а в «культурной стране» великих философов, ученых, музыкантов он действует свободно и безнаказанно. Уже сложилась саркастическая поговорка: «Уничтожьте гомосексуализм — фашизм исчезнет!» (Горький, 1953, с. 238). Это было напечатано всего лишь за два месяца до знаменитой «ночи длинных ножей», когда по приказу Гитлера были

перебиты штурмовики Рема. Фашизм в Германии просуществовал до 1945 г.

В январе 1936 г. нарком юстиции Николай Крыленко заявил, что гомосексуализм — продукт разложения эксплуататорских классов, которые не знают, что делать. «В нашей среде, среди трудящихся, которые стоят на точке зрения нормальных отношений между полами, которые строят свое общество на здоровых принципах, нам господчиков такого рода не надо» (Козловский, 1986, с. 154).

Позже советские юристы и медики говорили о гомосексуализме преимущественно как о проявлении «морального разложения буржуазии», дословно повторяя аргументы германских фашистов.

В анонимной статье «Гомосексуализм» во втором издании Большой советской энциклопедии (1952) ссылки на биологические истоки гомосексуализма, которые раньше использовались в гуманных целях, как довод в пользу его декриминализации, полностью отвергаются: «Происхождение Г. связано с социально-бытовыми условиями, у подавляющего большинства лиц, предающихся Г., эти извращения прекращаются, как только субъект попадает в благоприятную социальную обстановку... В советском обществе, с его здоровой нравственностью, Г. как половое извращение считается позорным и преступным. Советское уголовное законодательство предусматривает наказуемость Г., за исключением тех случаев, где Г. является одним из проявлений выраженного психич. расстройства.... В буржуазных странах, где Г. представляет собой выражение морального разложения правящих классов, Г. фактически ненаказуем» (Гомосексуализм, 1952, с. 35).

В целом ряде судебных процессов и «чисток» советского аппарата в 1934—1935 гг. обвинения в шпионаже и контрреволюционном заговоре тесно переплетались с обвинениями в гомосексуальности, причем отличить первичные обвинения от вторичных весьма затруднительно. Например, дело заведующего протокольной частью Наркомата иностранных дел Д. Т. Флоринского (лето 1934 г.) позволило ГПУ «очистить» его как от скрытых гомосексуалов, так и просто от неугодных дипломатов, назначенных при Г. В. Чичерине.

Статья 121 затрагивала судьбы не только чиновников, но и многих тысяч обычных людей. Общее число жертв ее точ-

но неизвестно. В 1930—1980-х гг. по ней ежегодно осуждались и отправлялись в тюрьмы и лагеря около 1000 мужчин. В конце 1980-х гг. их число стало уменьшаться. По данным Министерства юстиции РФ, в 1989 г. по статье 121 в России были приговорены 538, в 1990 г. — 497, в 1991 г. — 462, в первом полугодии 1992 г. — 227 человек (Права гомосексуалов, 1993). По подсчетам Дэна Хили, общее число людей, пострадавших по этой статье, достигает 250 тысяч. За пятьдесят лет существования статьи число судимостей по ней составило 60 тысяч (Сколько человек, 2002).

Советская пенитенциарная система сама продуцировала гомосексуальность. Криминальная сексуальная символика, язык и ритуалы везде и всюду тесно связаны с иерархическими отношениям власти, господства и подчинения, они более или менее стабильны и универсальны почти во всех закрытых мужских сообществах. В криминальной среде реальное или символическое, условное (достаточно произнести, даже не зная их смысла, определенные слова или выполнить некий ритуал) изнасилование — прежде всего средство установления или поддержания властных отношений. Жертва, как бы она ни сопротивлялась, утрачивает свое мужское достоинство и престиж, а насильник, напротив, их повышает. При «смене власти» прежние вожаки, в свою очередь, насилуются и тем самым необратимо опускаются в низ иерархии. Дело не в сексуальной ориентации и даже не в отсутствии женщин, а в основанных на грубой силе социальных отношениях господства и подчинения и освящающей их знаковой системе, которая навязывается всем вновь пришедшим и передается из поколения в поколение. В книге Владимира Козловского (1986) приводится много документальных свидетельств такого рода.

Самые вероятные кандидаты на изнасилование — молодые заключенные. При медико-социологическом исследовании 246 заключенных, имевших известные лагерной администрации гомосексуальные контакты, каждый второй сказал, что был изнасилован уже в камере предварительного заключения, 39 % — по дороге в колонию и 11 % — в самом лагере (Шакиров, 1991, с. 16). Большинство этих мужчин ранее не имели гомосексуального опыта, но после изнасилования, сделавшего их «опущенными», у них уже не было пути назад.

Ужасающее положение «опущенных» и разгул сексуального насилия в тюрьмах и лагерях подробно описаны в многочисленных диссидентских воспоминаниях — Андрея Амальрика, Эдуарда Кузнецова, Вадима Делоне, Леонида Ламма и др. — и рассказах тех, кто сам сидел по 121-й статье или стал жертвой сексуального насилия в лагере (Геннадий Трифонов, Павел Масальский, Валерий Климов и др.) (Козловский, 1986; Могутин и Франетта, 1993; Клейн, 2000).

«В пидоры попадают не только те, кто на воле имел склонность к гомосексуализму (в самом лагере предсудительна только пассивная роль), но и по самым разным поводам. Иногда достаточно иметь миловидную внешность и слабый характер. Скажем, привели отряд в баню. Помылись (какое там мытье: кран один на сто человек, шаяк не хватает, душ не работает), вышли в предбанник. Распоряжающийся вор обводит всех оценивающим взглядом. Решает: «Ты, ты и ты — остаетесь на уборку» — и нехорошо усмехается. Пареньки, на которых пал выбор, уходят назад в банное помещение. В предбанник с гоготом вваливается гурьба знатных воров. Они раздеваются и, сизо-голубые от сплошной наколки, поигрывая мускулами, проходят туда, где только что исчезли наши ребята. Отряд уводят. Поздним вечером ребята возвращаются заплаканные и кучкой забиваются в угол. К ним никто не подходит. Участь их определена» (Самойлов, 1993, с. 143).

Сходная, хотя и менее жесткая система бытовала и в женских лагерях, где грубые, мужеподобные и носящие мужские имена «коблы» помыкали зависящими от них «ковырялками». Эти сексуальные роли были необратимы. Если мужчинам-уголовникам удавалось прорваться в женский лагерь, высшей доблестью считалось изнасиловать «кобла», который после этого был обязан покончить самоубийством.

Администрация тюрьмы или лагеря, даже при желании, практически бессильна изменить эти отношения, предпочитая использовать их в собственных целях. Угроза «опидарасить» часто использовалась следователями и охраной лагерей, чтобы получить от жертвы нужные показания или завербовать ее.

Один стукач, завербованный КГБ, рассказывал, что когда он донес оперуполномоченному о совершенном или

готовящемся акте изнасилования, тот сказал: «Саша, ну какая нам разница? Для нас все одинаковы, но лучше, конечно, когда изнасилованных больше, ведь они быстрее идут на контакт с администрацией и, главное, работают, как трофейные кони, потому что им больше делать нечего, как забыться в работе и искать у нас помощи от «волков»... В общем, черт с ними, «петухами»... (Экштейн, 1990, с. 29).

Из криминальной субкультуры, которая пронизала собой все стороны жизни советского общества, соответствующие нравы распространились и в армию. «Неуставные отношения», дедовщина, тираническая власть старослужащих над новобранцами часто включают явные или скрытые элементы сексуального насилия. При этом ни жертвы, ни насильники не обязательно гомосексуалы, просто слабые вынуждены подчиняться более сильным, а гомосексуальный акт закрепляет эти отношения. Степень распространенности этого аспекта «неуставных отношений» в разных воинских частях зависит от отношения к этому непосредственного армейского начальства.

Статья 121 дамочным мечом нависала и над теми, кто не сидел в тюрьмах. Милиция и КГБ вели списки всех действительных и подозреваемых гомосексуалов, используя эту информацию в целях шантажа.

Поскольку однополая любовь в любой форме была вне закона, до конца 1991 г. «голубые» и лесбиянки не могли открыто встречаться с себе подобными. В больших городах существовали известные места, так называемые «плешки», где собирался соответствующий контингент, однако страх разоблачения лишает такие контакты человеческого тепла и увеличивает риск заражения венерическими заболеваниями.

Ни о какой правовой защите гомосексуалов не могло быть и речи. Организованные группы хулиганов, иногда при негласной поддержке милиции, шантажировали, грабили, избивали и даже убивали «голубых», лицемерно изображая себя защитниками нравственности и называя свои действия «ремонтom». Поскольку гомосексуалы боялись сообщать о таких случаях в милицию, большая часть этих преступлений оставалась безнаказанной, а работни-

ки милиции их же самих обвиняли в том, что они являются рассадниками преступности. Убийства с целью ограбления сплошь и рядом изображались следствием якобы собственной гомосексуалам особой патологической ревности и т. д.

Статью 121 нередко использовали также для расправы с инакомыслящими, набавления лагерных сроков и т. д. Часто из этих дел явственно торчали ослиные уши КГБ. Так было, например, в начале 1980-х гг. с известным ленинградским археологом Львом Клейном, процесс которого с начала и до конца дирижировался местным КГБ, с грубым нарушением всех процессуальных норм. Применение закона было избирательным. Известные деятели культуры, если они не вступали в конфликт с властями, пользовались своего рода иммунитетом, на их «наклонности» смотрели сквозь пальцы, но стоило не угодить влиятельному начальству, как закон тут же пускался в дело. Так сломали жизнь великого армянского кинорежиссера Сергея Параджанова, посадили в лагерь поэта Геннадия Трифонова, уволили с работы и лишили почетных званий главного режиссера Ленинградского театра юного зрителя Зинovieя Корогодского и т. д.

Первая антигомосексуальная кампания в советской прессе была очень короткой. Уже в середине 1930-х гг. на его счет установилось полное и абсолютное молчание. Гомосексуализм стал в буквальном смысле «неназываемым». Заговор молчания распространялся даже на такие академические сюжеты, как фаллические культы или античная педерастия. В сборнике русских переводов Марциала было выпущено 88 стихотворений, в основном те, где упоминалась педерастия или оральные секс. При переводе арабской поэзии любовные стихи, обращенные к мальчикам, переадресовывались девушкам и т. п. (Гаспаров, 1991).

Мрачный заговор молчания еще больше усиливал психологическую трагедию советских «голубых»: они не могли даже выработать адекватного самосознания и понять, кто же они такие. Когда в 1970-х гг. стали выходить первые книги по сексопатологии, гомосексуализм трактовался в них как опасное «половое извращение», болезнь, подлежащая лечению. В первом и единственном в то время учебном пособии по половому просвещению для учи-

телей, изданном тиражом в 1 миллион экземпляров, гомосексуализм определялся как опасная патология и «посягательство на нормальный уклад в области половых отношений» (Хрипкова, Колесов, 1982, с. 96—100).

Эпидемия СПИДа еще больше ухудшила положение. В 1986 г. заместитель министра здравоохранения и главный санитарный врач СССР академик медицины Н. Бургасов публично заявил: «У нас в стране отсутствуют условия для массового распространения заболевания: гомосексуализм как тяжкое половое извращение преследуется законом (статья УК РСФСР 121), проводится постоянная работа по разьяснению вреда наркотиков» (Бургасов, 1986). Когда СПИД уже появился в СССР, руководители государственной эпидемиологической программы в своих публичных выступлениях опять-таки винили во всем гомосексуалов, представляя их носителями не только вируса приобретенного иммунодефицита, но и всякого прочего зла. Даже на страницах либерального «Огонька» первая советская жертва страшной болезни — инженер-гомосексуал, заразившийся в Африке, — описывалась с отвращением и осуждением.

ОТМЕНА СТАТЬИ 121

Начиная с 1987 г. вопрос о том, что такое гомосексуализм и как относиться к «голубым» — считать ли их больными, преступниками или жертвами судьбы, — стал широко обсуждаться на страницах массовой, особенно молодежной, печати («Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Собеседник», «Молодой коммунист», «Литературная газета», «Огонек», «Аргументы и факты», «СПИД-инфо», «Юность», подростковый журнал «Парус», некоторые местные газеты), по радио и на телевидении. Из журналистских очерков и опубликованных писем гомосексуалов, лесбиянок и их родителей рядовые советские люди впервые стали узнавать об искалеченных судьбах, милицейском произволе, судебных репрессиях, сексуальном насилии в тюрьмах, лагерях, в армии и о трагическом, неизбывном одиночестве людей, обреченных жить в постоянном страхе и не могущих встретить себе подобных. Каждая такая публикация вызывала целый поток противоречивых откликов.

Это ускорило и обсуждение проблемы декриминализации гомосексуализма. В юридических кругах она обсуждалась давно. Уже в учебнике уголовного права М. Шаргородского и П. Осипова (1973) говорилось: «В советской юридической литературе ни разу не предпринималось попытки подвести прочную научную базу под уголовную ответственность за добровольное мужеложство, а единственный довод, который обычно приводится (моральная развращенность субъекта и нарушение им правил социалистической нравственности), нельзя признать состоятельным, так как отрицательные свойства личности не могут служить основанием для уголовной ответственности, а аморальность деяния недостаточна для объявления его преступным... Существуют серьезные сомнения в целесообразности сохранения уголовной ответственности за некавалифицированное мужеложство» (Шаргородский и Осипов, 1973, с. 656). На мнение авторитетных ученых никто внимания не обратил. Такая же судьба постигла записку, которую специалист в области половых преступлений профессор А. Н. Игнатов направил руководству МВД СССР в 1979 г.

Сам я безуспешно пытался опубликовать статью на эту тему в журнале «Советское государство и право» в 1982 г. Вообще-то я не собирался об этом писать, понимая, что ничего, кроме неприятностей, из этого не выйдет. Но на совещании ученых-сексологов социалистических стран в Лейпциге (1981) известный сексолог из ГДР Зигфрид Шнабль неожиданно спросил, в каких странах существует антигомосексуальное законодательство и чем оно мотивируется, и оказалось, что оно есть только в СССР (румынских представителей на совещании не было). Мне было стыдно и неприятно, и по возвращении я решил, вопреки здравому смыслу, проинформировать начальство и спросить, что оно думает. Медики в лице Г. С. Васильченко сказали, что они пытались поднимать этот вопрос, но руководство Минздрава всегда было против. Юристы же сказали, что у них нет для постановки этого вопроса достаточных аргументов. Главный редактор журнала «Советское государство и право» профессор М. И. Пискотин предложил мне, вместо заведомо риторических вопросов, написать об этом статью.

— Но вы же ее не напечатаете!

— Не знаю, но попробуем. Во всяком случае, будет материал для обсуждения.

Я срочно изучил законодательство других стран и написал аргументированную статью. Ее горячо поддержали профессора-медики Г. С. Васильченко и Д. Н. Исаев, но юристы испугались и передали статью в административный отдел ЦК КПСС, где сказали, что поднимать этот вопрос «несвоевременно». Тем все и закончилось...

Процесс декриминализации гомосексуальности затянулся до 27 мая 1993 г., когда был опубликован подписанный президентом Ельциным 29 апреля 1993 г. Закон о внесении изменений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, который отменил статью 121.1 и снизил максимальное наказание по статье 121.2 с восьми до семи лет. Сделано это было келейно, под давлением международного общественного мнения, чтобы облегчить вступление России в Совет Европы.

После этого развернулась борьба вокруг нового Уголовного кодекса РФ (подробнее см. Кон, 1997; Кон, 1995, 1997). В новом УК, вступившем в силу с 1 января 1997 г., особой статьи о мужеложстве нет, но статья 132 «Насильственные действия сексуального характера» предусматривает, что «мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с применением насилия или угрозы его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного положения потерпевшего (потерпевшей), наказываются лишением свободы на срок от трех до шести лет».

Исчезло и фигурировавшее в разных вариантах законопроекта «удовлетворение половой потребности в извращенных формах». Упоминание лесбиянства, которого не было ни в одном русском уголовном законодательстве, формально есть шаг назад, но фактически это своеобразная, хотя довольно комичная, дань принципу равенства полов. Отказаться от упоминания мужеложства законодатели не решились, но наказываются только насильственные действия. И, что очень важно, статьей 134 установлен единый легальный возраст согласия — 14 лет. Так что в этом отношении Россия сделала большой шаг вперед.

СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Но как бы ни менялось законодательство, реальное положение сексуальных меньшинств зависит не столько от нормы закона, сколько от состояния общественной психологии.

Советское общество отличалось крайней нетерпимостью к любому инакомыслию и необычному поведению, даже совершенно невинному. Гомосексуалы же были самой стигматизированной социальной группой. При опросе ВЦИОМ в ноябре 1989 г. на вопрос «Как следовало бы поступать с гомосексуалистами?» 31 % опрошенных россиян ответили — «ликвидировать», 32 % — «изолировать от общества», 12 % — «предоставить их самим себе» и 6 % — «оказывать помощь». Отношение к ним было значительно хуже, чем к проституткам, наркоманам, неполноценным от рождения, больным СПИДом, бродягам, алкоголикам и выдуманным (и потому особенно опасным) «рокерам».

В следующие 10 лет россияне стали терпимее. В 1999 г. доля желающих «ликвидировать» гомосексуалистов снизилась до 15 %, за «изоляцию» высказались 23 %, за «помощь» 16 % и за то, чтобы предоставить их самим себе, — 18 % (Левада, 2000, с. 458). При этом молодые люди (до 24 лет) в три с лишним раза либеральнее пожилых, а люди с высшим образованием вдвое терпимее тех, кто не окончил средней школы.

Сходные результаты дают и другие массовые опросы (см. Кон, 1997). В целом уровень гомофобии в России выше, чем во многих других странах Европы, но отнюдь не самый высокий. В июне 1993 г. на вопрос ВЦИОМ «Как бы вы оценили по шкале от 1 до 5 поведение людей, которые имеют гомосексуальные связи?» отрицательный полюс («это заслуживает осуждения») выбрали 69,4 % мужчин и 71,6 % женщин, а положительный полюс («не вижу в этом ничего предосудительного») — только 8,8 и 7,8 %. Но при разбивке в младшей возрастной группе (от 16 до 25 лет) такие полярные ответы соотносятся как 54,3 % : 18,5 %, а в старшей (старше 55 лет) — как 82,6 % : 4,1 %.

В экспресс-опросе ВЦИОМ в феврале 2001 г. был предложен такой вопрос: «Люди очень по-разному относятся к гомосексуалистам и лесбиянкам. Как Вы лично думаете, это —...». Вариант «распущенность, вредная привычка» выбрали 36 % опрошенных, «болезнь или ре-

зультат психической травмы» — 31 %, «сексуальная ориентация, имеющая равное с обычной право на существование», — 20 %, «признак особой одаренности, таланта» — 1 %, «затрудняюсь ответить — 12 % (Общественное мнение — 2001, с. 143).

Даже не одобряя гомосексуальность, большинство молодых россиян не склонны дискриминировать ее носителей. В таблице представлены ответы петербуржцев по данным опроса 1996 г.

Вопрос. Гомосексуальные отношения между взрослыми людьми — это их личное дело, государственным властям и закону не следует в это вмешиваться.

	М 18—34	М 35—54	М 55—74	Всего
Совсем не согласен	9,7	19,1	26,5	17,0
Согласен в незначительной степени	4,2	5,5	5,6	5,0
Трудно сказать	20,8	27,8	29,6	25,3
Согласен в значительной степени	19,8	16,7	6,2	15,8
Полностью согласен	45,5	31,5	32,1	37,0
%	100	100	100	100
N	308	330	162	800

	Ж 18—34	Ж 35—54	Ж 55—74	Всего
Совсем не согласна	5,9	17,4	33,8	17,9
Согласна в незначительной степени	5,6	4,5	3,0	4,5
Трудно сказать	18,2	22,3	25,0	21,7
Согласна в значительной степени	18,7	15,5	8,4	14,7
Полностью согласна	51,6	40,3	29,7	41,3
%	100	100	100	100
N	374	466	296	1136

При нашем опросе учащихся 7—9-х классов в 1997 г. с суждением «Гомосексуальные отношения не должны осуждаться, это личное дело каждого» полностью согласились 37,7 % мальчиков и 53 % девочек, скорее согласны, чем несогласны 17 % и 19 %, не согласны 24,4 % мальчиков и 10,4 % девочек, затруднились ответить 20,7 % и 17,2 %. Подростки в этом вопросе значительно, в 2—3 раза терпимее своих родителей и учителей.

Хотя тенденции развития в России в этом вопросе те же, что и в странах Запада, вопрос о сексуальных меньшинствах остается сложным и политически острым.

С появлением гласности и особенно после отмены статьи 121 однополая любовь стала модной темой искусства и средств массовой информации. Связанные с нею проблемы открыто обсуждаются на ТВ и в массовых газетах. В кинотеатрах и по телевидению идут классические фильмы Джармена, Висконти и др. Гомосексуальные аллюзии уже мало кого шокируют. На русский язык переведены классические произведения Ж. Кокто, Ж. Жене, Д. Болдуина, К. Ишервуда, Т. Капоте, Ю. Мисимы, У. Берроуза, С. Спендера. Г. Стайн, Э. М. Форстера, К. Кавафиса и многих других. Издаются и переиздаются сочинения Михаила Кузмина и современных российских «голубых» поэтов и писателей (Д. Бушуева, Д. Волчека, А. Ильенена, Д. Кузьмина, Я. Могутина, А. Шаталова, Н. Шарандак и др.). Издан двухтомник Евгения Харитонов (1941—1981). Особенно большую работу в этом плане проводят издательства «Глагол» и «Колонна». Большим успехом у публики (и не только «голубой») пользуется творчество театрального режиссера Романа Виктюка и эстрадного певца и танцора Бориса Моисеева. Последний стал своего рода символом гомосексуальной массовой культуры и неоднократно подвергался за это гонениям (нередко его концерты запрещают и сейчас).

Многое меняется в повседневном быту. В Москве, Петербурге и некоторых других крупных городах успешно функционируют «голубые» дискотеки и бары, на самые разные цены и вкусы. Много гомосексуальных сайтов разного уровня и направленности появилось в российском Интернете. Свидетельство признания коммерческой ценности гомосексуальной потребительской субкультуры —

посвященный ей специальный выпуск журнала «Рекламный мир» (№ 9 (94), 2000).

Однако нападки на гомосексуалов в коммунистической и националистической прессе в последние годы даже усилились. Никаких законов, ограждающих геев и лесбиянок от дискриминации и диффамации, в России нет и не предвидится, хотя фактов и того и другого очень много. Я лично знаю случаи необоснованного увольнения молодых людей с работы только потому, что их начальники узнали об их нетрадиционной ориентации. Большинство российских геев, даже в максимально терпимой столице, предпочитают, чтобы на работе об их ориентации не знали.

Жесткую непримиримую позицию по отношению к гомосексуальности занимает Русская православная церковь. Не ограничиваясь морально-религиозным осуждением, РПЦ публично заявила, что будет добиваться отстранения от педагогической деятельности людей, пропагандирующих гомосексуализм. Поскольку «пропаганду гомосексуализма» РПЦ трактует очень широко, ее глобальные притязания на контроль над умами противоречат конституционному принципу свободы совести и отделению церкви от государства и школы от церкви.

Наряду с коммунистами, фашистами и клерикалами, гомофобные настроения разделяют и некоторые представители либеральной интеллигенции. На встрече деятелей российской интеллигенции с президентской администрацией 19 августа 1996 г. выдающийся писатель Фазиль Искандер, поддержанный знаменитым пианистом Николаем Петровым, предложил даже ввести нравственную цензуру «в связи с нашествием на телеэкраны агрессивной прослойки секс-меньшинств», — «всяких пенкиных и моисеевых». По словам газетного отчета, «вялое сопротивление «духу цензуры» оказал только Мстислав Ростропович, сказав: «Лишь благодаря знакомству с творчеством Элтона Джона я понял, что такое «рок» (Полевая, 1996).

Большинство российских СМИ остаются гомофобными и говорят о сексуальных меньшинствах преимущественно иронически или в связи с проблемами, возникающими у «нормальных» людей (мать, заставшая пят-

надцатилетнюю дочь в постели с одноклассницей, жена, от которой муж ушел к другому мужчине, и т. п.). «Чужие» проблемы прессу не волнуют. Евгений Лесин со страниц «Книжного обозрения» (11 октября 1999) походя поведал миру, что «алкоголизм, как известно, — это скрытый гомосексуализм, а антисемитизм (в целом) и любовь к нацистской символике (в частности) — это гомосексуализм явный» (бедные макашовцы и баркашовцы, кто засвидетельствует их сексуальную благонадежность?!). Психолог Марина Левченко уверяет многомиллионных читателей «Комсомольской правды» (16 ноября 2001, с. 11), что «гомосексуализм — это врожденное отклонение на хромосомном и психологическом уровне», и советует озабоченной матери, если ее дочь в 15—16 лет «по-прежнему не будут интересовать парни, обратиться к специалисту» (интересно — какому?). Иногда гомофобские выкладки объясняются не столько личными антипатиями авторов и редакторов, сколько низким общим профессиональным и нравственным уровнем современной российской журналистики. Единственная массовая газета, занимающая открыто прогеевскую позицию, — «Московский комсомолец».

Зачастую газеты даже консервативнее своих читателей. Двое новосибирских «голубых» парней, уехавших в Германию и зарегистрировавших в Гамбурге свой брак, поделились своей радостью с «Комсомольской правдой». Газета напечатала интервью с ними — как-никак сенсация! — сопроводив его ироническим комментарием и вопросом «Стоит ли разрешить в России однополые браки?». И вот какие ответы редакция получила по Интернету. До 11 декабря 2001 г. ответили 9149 человек:

- да, пускай себе женятся — 6012 (66 %);
- нет, это против природы человека 1777 (19 %);
- за гомосексуализм надо вообще наказывать 1172 (13 %);
- рано или поздно все равно разрешат 60 (0,7 %);
- а как насчет проблемы рождаемости? 118 (1,4 %).

Разумеется, эта выборка нерепрезентативна: молодежь, тем более компьютеризованная, значительно либеральнее населения в целом. Но разрыв между редакцией и читательской массой очевиден, и он явно не в пользу редакции.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ГЕЕВ И ЛЕСБИЯНОК

В первые годы гласности от имени сексуальных меньшинств говорили исключительно «эксперты», в тональности отчужденного сочувствия. Затем положение стало меняться. 28—30 мая 1990 г. в Таллине при поддержке зарубежных гей-сообществ состоялась первая на территории СССР международная научная конференция о положении сексуальных меньшинств и о меняющемся отношении к однополый любви в Европе XX в. В конце 1989 г. в Москве была создана первая Ассоциация сексуальных меньшинств (Союз лесбиянок и гомосексуалистов). Программа АСМ подчеркивала, что это «прежде всего правозащитная организация, ее основная цель — полное равноправие людей различной сексуальной ориентации». АСМ начала издавать свою газету «Тема». В «СПИД-инфо» (1990, № 5) было напечатано обращение АСМ к Президенту СССР и Верховным Советам СССР и союзных республик, подписанное В. Ортановым, К. Евгеньевым и А. Зубовым, с просьбой отменить дискриминационные статьи Уголовного кодекса и объявить амнистию тем, кто был осужден по этим статьям. «Мы никого не стремимся обратить в свою веру, но мы таковы, какими нас сделала природа. Помогите нам перестать бояться. Мы — часть вашей жизни и вашей духовности. Это не наш и не ваш выбор».

В постсоветском обществе все социальные движения сразу же начинают дробиться на группы и фракции, которые не хотят работать совместно. Геи не были исключением. Сразу же после выхода второго пробного номера «Темы» в АСМ произошел раскол. Возникший на ее месте Московский союз лесбиянок и гомосексуалистов (МСЛГ) возглавили Евгения Дебрянская и 24-летний студент Роман Калинин, ставший единоличным издателем и редактором газеты «Тема», которая была официально зарегистрирована Моссоветом как его частная газета.

То, что нашлись мужественные люди, выступившие с открытым забралом, требуя не снисхождения, а гражданских прав, было важным нравственным почином, который нашел поддержку международных правозащитных организаций, в частности основанной в 1991 г. и базиру-

ющейся в Сан-Франциско Международной комиссии по правам человека для гомосексуалов и лесбиянок (МКПЧГЛ) во главе с Джули Дорф.

Но какими средствами продолжать борьбу? Заручившись политической и финансовой поддержкой американских гей-организаций, лидеры МСЛГ решили действовать путем уличных митингов и демонстраций под хлесткими политическими лозунгами, рассчитанными не столько на соотечественников, сколько на западных корреспондентов. Радикальным американским гей-активистам эта тактика импонировала. На собранные в США средства летом 1991 г. в Ленинграде и Москве Международной организацией «Тема» был проведен международный симпозиум по правам гомосексуалистов и лесбиянок и борьбе со СПИДом.

Однако Москва — не Сан-Франциско. Требования Либертарианской партии, в которую входил МСЛГ, о легализации сексуальных меньшинств, проституции и наркотиков, каждое в отдельности, были достаточно серьезны, но взятые все вместе и без аргументов, — а в прессу попадали только голые лозунги — они лишь подкрепляли стереотип, что гомосексуализм, проституция и наркомафия — явления одного порядка и что никакого снисхождения «этим людям» оказывать нельзя. Безответственные провокационные интервью и политические хеппинги, вроде объявленного — заведомо невозможного — выдвижения Калинина кандидатом в Президенты России, не вызвали у людей ничего, кроме раздражения или смеха.

Другие геевские организации, например основанный Ольгой Жук петербургский «Фонд культурной инициативы и защиты сексуальных меньшинств имени Чайковского» и Ассоциация защиты гомосексуалистов «Крылья» во главе с Александром Кухарским, были более умеренными, но политически столь же беспомощными.

Наиболее ощутимым результатом социальной активности геев и лесбиянок в начале 1990-х гг. было создание собственной прессы. Газеты «Тема», «РИСК» («Равноправие — Искренность — Свобода — Компромисс»), «1/10» (редактор Дмитрий Лычев) и некоторые другие издания были средствами публичного общения геев и лесбиянок, на их страницах люди могли обсуждать свои проблемы, делиться опытом и т. д. Однако из-за отсут-

ствия средств и трудностей с регистрацией и распространением все эти издания просуществовали недолго, в среднем по два-три года.

Политическая деятельность геев и лесбиянок оказалась еще менее успешной. Миф о существовании в России растущего лесбигеевского движения создали сами его лидеры и западные журналисты, которым он позволил получать трэвел-гранты, а затем публиковать книги и диссертации, основанные главным образом на беседах с их российскими друзьями (как правило, одними и теми же людьми). В целом это было полезно, но некоторые из этих книг (Essig, 1999) содержат совершенно фантастические утверждения.

Существенной правозащитной акцией в рамках МКПЧГЛ было создание Московской рабочей группы (МРГ) во главе с журналисткой Машей Гессен, которая подготовила и опубликовала в 1994 г. основательный отчет о положении дел с правами геев и лесбиянок в России (Права, 1993). Однако никакого политического влияния геевские организации, лидеры которых постоянно конфликтовали друг с другом, не имели. В августе 1993 г. 27 местных организаций формально создали общенациональную ассоциацию лесбиянок, геев и бисексуалов «Треугольник». Московские власти незаконно отказали в официальной регистрации ассоциации, ссылаясь на то, что ее создание якобы «противоречит общественным нормам нравственности». Лидеры «Треугольника» подали в суд, но, пока дело ожидало рассмотрения, у них кончились деньги, а очередная смена руководства заставила свернуть активность и прекратить издание своего информационного бюллетеня.

В настоящее время большинство местных лесбигеевских организаций существует лишь номинально, хотя иногда они проводят какие-то публичные акции. Общенационального центра нет вообще. Самый активный региональный информационный и правозащитный Центр для геев и лесбиянок «Наш мир», во главе с Андреем Маймулахиным, находится в Луганске и, несмотря на огромные трудности (уровень гомофобии на Украине еще выше, чем в России), регулярно публикует, в том числе в Интернете <http://www.gay.org.ua>, содержательные информационные бюллетени, а также переводы международных документов.

В российской политике нет открытых геев. Правда, Владимир Жириновский иногда «оттягивается» в гей-клубах, а нескольких депутатов Госдумы из группы «Поколение свободы» исключили из фракции «Единство» за слишком вольное и якобы гомосексуальное поведение, после чего они перешли в СПС. Однако это относится скорее к их личному, нежели политическому имиджу. Правда Андрей Вульф и Владимир Семенов давали интервью в защиту прав сексуальных меньшинств, но это еще не публичная политика. Напротив, гомофобский пиар (например, во время избирательной кампании распространяются фальшивые листовки от имени геевских организаций, якобы поддерживающих кандидата Х) используется часто.

На Западе успешные гей-клубы и бары, как правило, что-то жертвуют на нужды общины, иначе их могут бойкотировать. В России нет ни геевских общин, ни социальной благотворительности, тут каждый сам за себя. Впрочем, это общая закономерность. Я никогда не слышал, чтобы владельцы обычных секс-шопов или торгующих сексом таблоидов жертвовали деньги на развитие науки, защиту сексуальных прав или хотя бы публикацию приличных книг по сексологии, популяризаторами которой они себя изображают. «Голубые» и «натуральные» нувориши одинаково своекорыстны, классовая принадлежность важнее сексуальной ориентации.

Наиболее важным и эффективным средством общения и получения информации о себе и себе подобных стал для геев и лесбиянок Интернет. Из множества «голубых» сайтов, существующих в российском Интернете, самый успешный — основанный Эдом Мишиным <http://gay.ru>, который существует уже пять лет, и за это время его посетили свыше 3 миллионов человек. Сайт, который называет себя Российским национальным сайтом геев, лесбиянок и транссексуалов, имеет не только службу знакомств и рекламу, но и оперативно сообщает об основных событиях российской и международной геевской культурной жизни, новых книгах и журналах, помещает материалы научного и философского характера, проводит анкетные опросы (разумеется, нерепрезентативные), дает правовые консультации и т. д. На gay.ru и его сайтах-сателлитах помещают свои произведения молодые российские поэты и писатели, которым трудно пробиться в печать. Система-

тически публикуются очерки по истории гомоэротического изобразительного искусства, кино, балета и т. д. Хотя материалы эти разного качества, знакомство с ними существенно облегчает понимание прошлого и настоящего гомосексуальной жизни и культуры. Второй по значению российский гей-вебсайт — *gay.club* — посвящен преимущественно вопросам здоровья, моды и культуры. К сожалению, лишь немногие россияне имеют регулярный доступ в Интернет.

На мой взгляд, слабость первого поколения геевских лидеров в России, помимо общих причин, коренится в некритическом копировании американского опыта. Первые американские гомофильские организации были, как мы видели, умеренными и уповали на собственные силы, лишь потом им стали помогать богатые люди. Российские гей-лидеры пытались перепрыгнуть через этот этап развития, рассчитывая главным образом на зарубежную помощь, которой, естественно, оказалось недостаточно, да и использовали ее не лучшим образом. Некоторые имели неумеренные личные политические амбиции, а кое-кто использовал свой активизм для налаживания личных связей и последующего «устройства» в эмиграции. Когда выяснилось, что ни карьеры, ни больших денег на такой социальной активности не сделаешь, а реальные результаты ее невелики, эти люди автоматически отсеялись. Впрочем, такова судьба и некоторых знаменитых и всеми уважаемых демократов первой волны: не добившись успеха в политике, они вернулись к своим научным и иным занятиям, причем многие предпочитают жить за рубежом или, как минимум, на два дома. Учитывая условия жизни в криминализованной России, кто осмелится упрекнуть их за это?

Российский менталитет также отличается от американского. Русские «голубые» интеллектуалы и художники не выходят со своими сексуальными исповедями на публику не только потому, что боятся последствий, но и потому, что предпочитают не выставлять свою личную жизнь напоказ. Коммерциализация однополый любви их шокирует.

Романтически настроенному интеллигенту «голубая» дискотека кажется «перевернутым миром», где «цыпляют по осени снимают». «Наследие панели вкупе с особенностями мужского менталитета (все мужики кобели) обращают

многих невольников страсти в «товар» этого рынка. Тут продаются и покупаются, заключают сделки, в общем, идет негласный и постоянный торг. Несостоятельная, но привлекательная молодость платит за веселье и сытость зажиточной, но подувядшей старости своим единственным богатством — натурой» (Парамонов, 1993, с. 60).

Идея особой гей-идентичности многим россиянам тоже не импонирует, а мелкие склоки и претензии самопровозглашенных лидеров их раздражают. «...Активизм здесь появился потому, что западные люди научили этому русских. Мои добрые друзья знают, что я гей, но это мое личное дело. Мне незачем рассказывать каждому, что мне нравится спать с мужчинами» (Solomon, 1993, p. 22).

Как считает московский поэт и издатель Дмитрий Кузьмин, «гей-движение и gay community — явления для России нехарактерные и неактуальные, но это не специфика российских геев, а специфика российского общества вообще, в котором советская эпоха выработала стойкое недоверие к любой общественной активности, к любым объединительным порывам и т. п. И даже тем, чей круг общения почти исключительно гомосексуален, мысль о какой-то институционализации этого положения вещей представляется вполне нелепой. Принципиально нынешний расклад всех устраивает: минимум необходимой геевской инфраструктуры (бары, дискотеки, журналы и т. п.), а все остальное общение — чисто приватным образом. Другое дело, что в настоящий момент эта самая инфраструктура плохо развита: два-три клуба на всю Москву и пяток на всю Россию — это невозможно мало (просто потому, что у геев тоже бывают разные вкусы и интересы, в конце концов, разный возраст, потому и клубы да бары им нужны разные), а кроме того, хотелось бы, как минимум, свои библиотеки и книжные магазины, свой медицинский центр и психотерапевтическую службу... Но идея gay community, насколько я понимаю, носит гораздо более тотальный характер, вплоть до голубого баскетбольного клуба и общества геев-филателистов. Это забавно, но не очень понятно для русского человека (может быть, вообще для европейца: по-видимому, американской культуре свойственна большая публичность личной жизни, отождествление понятий «не скрывать, не стесняться» — с одной стороны и «всем показывать» — с другой)».

Деполитизация геевского сознания в современной России — плоть от плоти более общих социально-политических процессов — спада общественной активности, разочарования в политике, ухода из общественной жизни в частную и массовой «утечки мозгов». Но пока новое поколение активистов не создаст собственных эффективных правозащитных организаций, геи и лесбиянки останутся в России бесправными и униженными пасынками, а те, кто не хочет с этим мириться, будут пополнять ряды эмиграции (законодательство некоторых западных стран дает для этого легальные возможности).

Такое состояние может продлиться еще очень долго. Впрочем, я знаю нескольких молодых, 25—30-летних геев, с отличным высшим образованием, престижными профессиями и оплачиваемой работой, которые не поленились получить второе, психологическое и психотерапевтическое, образование, чтобы оказывать психологическую помощь себе подобным, и создали соответствующий консультативный вебсайт. Не знаю, чем кончится эта затея (бесплатные услуги не могут быть вечными, а платить за психологическую помощь наши люди не привыкли, да и не у всех есть на это средства), но то, что в стране, где профессиональная этика давно уже умерла вместе с профессионализмом, возникла подобная инициатива, внушает некоторые надежды.

Часть 3

Я И ДРУГИЕ

3-1. В ПОИСКАХ СЕБЯ

Я чувствую себя зеброй, которая должна всем объяснять, почему она полосатая.

Ингер Эдельфельд

КАК Я СТАЛ ТАКИМ?

На вопрос: «Когда и как вы узнали о своей гомосексуальности?» — геи и лесбиянки иногда отвечают контрвопросом: «А когда и как вы узнали о своей гетеросексуальности?», на который ни один «натурал» не может ответить. Но при всей моральной корректности такой вежливой отповеди — не задавай другому интимных вопросов, которых ты не задавал самому себе, — интеллектуально эти вопросы неравноценны. Между становлением гетеро- и гомосексуальной идентичности есть принципиальная разница.

Поскольку весь процесс гендерной социализации детей направлен на формирование гетеросексуальности, которая считается необходимым аспектом половой/гендерной идентичности — «всякий нормальный мужчина испытывает влечение к женщинам, и наоборот», — «натуральные» мальчики и девочки не «открывают» свою сексуальную идентичность и не задумываются о ней, а принимают, усваивают ее в готовом виде, как нечто само собой разумеющееся, данное природой. Собственная сексуальная

идентичность становится для ребенка проблемой, только если у него что-то неладно, например, если его телосложение или поведение не соответствуют общепринятым представлениям и полоролевым ожиданиям, заставляя его самого или/и окружающих его людей задуматься: настоящий ли это мальчик или девочка?

Напротив, сексуальная идентичность геев и лесбиянок проблематична изначально, всегда. Они не находят, а открывают и в известном смысле создают ее, необходимый объем индивидуального творчества здесь гораздо больше.

На вопрос: «Как человек становится геем?» — существует по крайней мере три разных ответа. 1) Гомосексуальность дана индивиду изначально как неотвратимая судьба, индивидуальное развитие только обнаруживает и реализует то, что было заложено природой или сформировано в очень раннем детстве. 2) Она формируется средой и воспитанием: переживаниями детства, семейными условиями, совращением подростка взрослыми или сверстниками. 3) Она является результатом индивидуального саморазвития, более или менее сознательного выбора, это не судьба, а самоопределение.

Хотя эти подходы кажутся взаимоисключающими, каждый из них содержит долю истины, сексуальная ориентация многомерна, ее аспекты и компоненты формируются одновременно и по-разному. Непроизвольное эротическое влечение к лицам собственного пола часто бывает врожденным и проявляется уже в раннем детстве. Целостный сексуальный сценарий формируется под влиянием среды и воспитания, в процессе активного взаимодействия с другими людьми. Что же касается самосознания, Эго-идентичности («Я гей» или «Я лесбиянка») и соответствующего стиля жизни, то они, безусловно, предполагают выбор и индивидуальное самоопределение.

Общая логика современной психологии развития, частным случаем которого является психосексуальное развитие, покоится на следующих принципах.

1. Индивидуальное развитие потенциально множественно, плюралистично и содержит в себе возможность разных вариантов; ни процесс, ни его результаты не являются однонаправленными, ведущими к одному и тому же конечному состоянию.

2. Развитие не ограничивается одним каким-то периодом жизни, например детством. Хотя пластичность, способность к изменению уменьшается с возрастом, человек развивается и изменяется на всем протяжении своего жизненного пути, от зачатия до смерти.

3. Разные процессы развития могут начинаться, протекать и завершаться в разные моменты жизни и не обязательно протекают одинаково, по одним и тем же законам.

4. Люди развиваются не только крайне неравномерно, но и неодинаково. Существуют разные траектории развития, с которыми связано и которыми детерминировано множество биосоциальных, групповых и индивидуальных различий.

5. Развитие индивида в разных сферах его жизнедеятельности обусловлено множественными факторами, которые невозможно свести к какой-то одной системе причин или влияний, будь то природные задатки или воспитание и научение.

6. Человеческая индивидуальность — не только продукт и результат, но и субъект, творец собственного развития. Развитие человека как личности есть всегда саморазвитие. Чтобы понять его, нужно учитывать не только биологически или социально заданные, структурированные события, но и множество неструктурированных, биологически и социально случайных жизненных событий, ситуаций и кризисов, а также те способы, которыми индивид разрешает возникающие перед ним задачи и противоречия.

Это полностью относится и к сексуальной ориентации.

ЧУВСТВО НЕПОХОЖЕСТИ

Вспоминая свое детство, многие геи и лесбиянки отмечают, что они с раннего детства отличались от сверстников своего пола: одевались не в ту одежду, любили не те игры, выбирали не тех партнеров и т. д. (Bailey and Zucker, 1995). 71 % сан-францисских геев и 70 % лесбиянок сказали, что в школьные годы чувствовали себя непохожими на сверстников собственного пола; среди гетеросексуальных мужчин и женщин так ответили соответственно 38 % и 51 % (Bell, Weinberg, Hammersmith, 1981, p. 87).

В таблице обобщены детские воспоминания сан-францисских геев и лесбиянок по сравнению с контрольной гетеросексуальной группой (Вет, 1996).

Процент респондентов, имевших в детстве гендерно-атипичные предпочтения и поведение

Вопросы	Мужчины		Женщины	
	Гей	Гетеро	Лесбиянки	Гетеро
	№ 686	№ 337	№ 293	№ 140
Не получали удовольствия от деятельности, типичной для своего пола	63	10	63	15
Получали удовольствие от гендерно-нетипичных действий	48	11	81	61
Не соответствовали нормам маскулинности / фемининности	56	8	80	24
Большинство друзей детства были противоположного пола	42	13	60	40

Гендерные стереотипы, поведение, чувства и особенно образы Я пре-гомосексуальных мальчиков и девочек отличаются от тех, которые типичны для их гетеросексуальных сверстников и сверстниц, причем у мужчин эти различия выражены сильнее, чем у женщин. Между детским гендерным нонконформизмом и позднейшим подростковым гомоэротизмом и взрослой гомосексуальностью существует не только статистическая корреляция, но и причинная связь: первое порождает второе.

Из 66 мальчиков от 4 до 12 лет, которых Ричард Грин в течение 15 лет наблюдал по поводу атипичного гендерного поведения (желание быть девочкой, предпочтение женской одежды и женских ролей в играх, поиск женско-

го общества, избегание силовых игр и видов спорта), три четверти оказались в дальнейшем гомо- или бисексуалами, несмотря на то что многие из них подвергались в детстве психотерапии (Green, 1987). Мета-анализ 48 исследований детского (до 12 лет) полоролевого поведения гомо- и гетеросексуальных мужчин и женщин (совокупным объектом этих исследований были 10 700 женщин и 17 000 мужчин, причем кодировались разные гендерно-специфические виды предпочитаемой деятельности и общие показатели маскулинности и фемининности, также выявил огромные различия между гомо- и гетеросексуалами, особенно среди мужчин. Вероятность, что гендерно-неконформный мальчик окажется в дальнейшем гомосексуалом, составляет 51 %, а в клинических исследованиях — еще выше (в клинику приводят детей с более выраженными, экстремальными нарушениями полоролевых стереотипов) (Bailey and Zucker, 1995).

В том же направлении указывают и прочие исследования. Фредерик Уитэм опросил 206 взрослых мужчин-геев и 78 гетеросексуалов, интересовались ли они в детстве куклами, вышиванием и другими девчоночьими играми и занятиями; любили ли они переодеваться в женскую одежду; предпочитали ли играть больше с девочками, чем с мальчиками; не было ли у них женских, девчоночьих прозвищ; предпочитали ли они сексуальные игры с мальчиками или с девочками. Разница оказалась огромной, особенно между крайними группами исключительных гомо- и исключительных гетеросексуалов (Whitam, 1977). Детский гендерный неконформизм у геев и лесбиянок обнаружен не только в США, но также в Бразилии, Гватемале и на Филиппинах (Whitam and Mathy, 1986, 1991).

Может быть, взрослые гомосексуалы бессознательно подстраивают образы своего детства под свой сегодняшний образ Я? Нет. Сравнение детских воспоминаний 99 американских геев с воспоминаниями их матерей показало, что матери и сыновья рассказывают одно и то же (Bailey, Miller, Willerman, 1993).

С возрастом многие признаки психологической феминизации у большинства гомосексуалов ослабевают или исчезают. Опросив 1500 мужчин-гомосексуалов Большого Чикаго, насколько некоторые «не мужские» черты (сверстники считали их «неженками», они часто испытывали чув-

ство одиночества, хотели быть девочками, общались преимущественно с девочками, любили переодеваться в женское платье, играли в девчоночьи игры и т. п.) были характерны для них в детстве, в подростковом возрасте и на стадии взрослости, Джозеф Харри (Harry, 1982, 1983) нашел, что с возрастом эти черты заметно ослабевают. В детстве считались неженками 42 %, в юности — 33 %, а к моменту исследования — только 8 % опрошенных. Желание быть девочкой (женщиной) уменьшилось с 22 % в детстве и 15 % в юности до 5 % у взрослых. В детстве общались преимущественно с девочками (женщинами) 46 %, в юности — 27 %, а среди взрослых — только 9 %.

Процесс дефеминизации, убывания фемининных черт, происходит и у гетеросексуалов (в раннем детстве мальчики, как и девочки, находятся под женским, материнским влиянием, и это сказывается на их поведении), но поскольку исходный, первоначальный уровень женственности у них гораздо ниже, им легче ее преодолеть. Однако пре-гомосексуальные (то есть такие, которые в будущем станут геями) дети неодинаковы. Хотя в среднем пре-гомосексуальные мальчики выглядят более фемининными, а девочки — более маскулинными, чем их гетеросексуальные ровесники, это верно не для всех. Почти половина сан-францисских гомосексуалов имели в детстве типично мужские личные идентичности, интересы и деятельность; этого не могла сказать о себе почти четверть гетеросексуалов из контрольной группы.

Это верно и для женщин. Сравнение детских воспоминаний гетеросексуальных, бисексуальных и гомосексуальных австралийек (воображали ли они себя мужчинами, желали ли в будущем быть матерями, предпочитали ли они мальчишеские игрушки девчоночьим и считались ли сорвиголовами) показало, что в среднем лесбиянки заметно отличаются от гетеросексуальных женщин, вероятность правильной классификации по этим признакам достигает 80 %. Однако некоторые гетеросексуальные женщины видят свое детство точно таким же, как большинство лесбиянок, а детство некоторых лесбиянок практически не отличается от детства большинства гетеросексуальных женщин (Phillips and Over, 1995).

Хотя несоответствие гендерным стереотипам создает психологические трудности для всех детей, у мальчиков,

независимо от их будущей сексуальной ориентации, такие проблемы стоят острее. Женственный мальчик вызывает неодобрение и насмешки у взрослых и у сверстников, а казак-девчонка воспринимается спокойно, а то и положительно. Таким мужчинам труднее устанавливать отношения с женщинами, и у них больше невротических проблем (Kagan and Moss, 1962). У гомосексуальных мужчин это выражено еще сильнее: наиболее женственные мальчики чаще имеют в дальнейшем пониженное самоуважение, склонность к депрессии, тревожности и к самоубийству. (Harry, 1983; Weinrich et al., 1995).

РОДИТЕЛИ И СВЕРСТНИКИ

В психоаналитической литературе решающая роль в формировании гомосексуальной ориентации приписывается взаимоотношениям ребенка с родителем противоположного пола. Отмечалось, что матери гомосексуалов «занячивают» сыновей, слишком тесно эмоционально привязывают их к себе, лишают самостоятельности и т. д. В результате такие мальчики вырастают зависимыми, идентифицируются не с отцом, а с матерью, гипертрофированная любовь к матери обесценивает в их глазах других женщин, а ласковый материнский деспотизм заставляет бояться женщин, избегать женского общества и т. д. Психиатрическая клиника и мемуарная литература дают множество таких примеров. Но понятие идентификации не слишком определено. Хотя ретроспективные отчеты подтверждают, что большинство гомосексуальных мужчин в детстве чувствовали себя эмоционально ближе к матери, чем к отцу, это верно и для подавляющего большинства гетеросексуальных мальчиков. А систематическое сравнение взаимоотношений с родителями американских и английских гомосексуалов и соответствующих контрольных гетеросексуальных групп не выявило между ними существенной разницы (Siegelman, 1978).

Ученые пришли к выводу, что материнское влияние на сексуальную ориентацию сына довольно ограничено (Bell, Weinberg, and Hammersmith, 1981, pp. 50—51). Тесная эмоциональная близость мальчика с матерью действительно влияет на его отношения со сверстниками, иногда осложняя их, а сильный материнский гнет может,

по контрасту, стимулировать увлечение подростка другими мальчиками и тем самым — сексуальные контакты с ними. Однако материнское влияние, как правило, преобладает лишь в детстве и не определяет сексуальных предпочтений взрослого мужчины. Не подтвердилось и мнение, что слишком сильная идентификация с матерью влечет за собой инверсию выбора сексуального объекта. Влияние матери на сексуальную ориентацию сына зависит от многих других сопутствующих и последующих обстоятельств.

В отличие от мужчин-гомосексуалов и от гетеросексуальных женщин, лесбиянки чаще описывают своих матерей отрицательно и реже идентифицируются с ними, но при строгом статистическом анализе эти различия оказываются незначимыми.

Неоднозначно и влияние отцов. По данным сан-францисского исследования, напряженные, плохие отношения с отцами теснее связаны с формированием гомосексуальности у мальчиков и у девочек, чем взаимоотношения с матерью. Общая отрицательная оценка гомосексуалами своих отношений с отцами и восприятие лесбиянками своих отцов как отчужденных, враждебных и пугающих оказывают прямое, хотя и скромное, влияние на их полоролевую неконформизм и на сексуальное развитие. Слишком строгий и требовательный отец, которому мальчик никак не может угодить, подрывает его самоуважение, психологически как бы кастрирует его. Но, как и с матерями, точный прогноз тут невозможен. Кроме того, эта статистическая зависимость допускает и противоположную интерпретацию: не столько отцовская холодность способствует феминизации таких мальчиков, сколько их собственное «не мужское» поведение отталкивает отцов. Получается порочный круг. Отец Теннесси Уильямса был очень недоволен мягкостью характера и литературными увлечениями сына и тем, что тот никак не мог решиться переспать с любимой девушкой. За это он даже прозвал Тома «мисс Нэнси», заставив застенчивого мальчика еще больше сомневаться в своей маскулинности (Leverich, 1995).

Отцовская холодность или отсутствие отца не являются ни необходимым, ни достаточным условием формирования гомосексуальности. Ричард Пиллард спрашивал об отношениях с отцами не только гомосексуалов, но и их

гетеросексуальных братьев, и те также оценили своих отцов как отчужденных и холодных. То есть психологический факт налицо, но на сексуальную ориентацию гетеросексуального брата отцовская холодность почему-то не повлияла (Pillard, 1990).

По многим параметрам социального и эмоционального развития ребенка решающую роль играют не родители, а сверстники, которые всегда замечают нарушение неписаного гендерного кода и жестоко наказывают его нарушителей. Причем женственных мальчиков отвергают мальчики, зато их охотно принимают девочки, а маскулинные девочек, наоборот, отталкивают девочки, но принимают мальчики.

Жесткое психологическое давление побуждает мальчиков всемерно искоренять в себе признаки женственности, и большинство из них с этой задачей более или менее справляется. Однако тем, у кого фемининных задатков было изначально больше, сделать это значительно труднее, процесс дефеминизации затягивается, порождая устойчивые, иногда на всю жизнь, сомнения в своей маскулинности. Такие мальчики уютнее чувствуют себя в женском обществе и в то же время испытывают напряженный интерес и тяготение к мужскому началу, выступающему для них как недостижимый образец. В период полового созревания эта гипертрофированная тяга к маскулинности персонифицируется и нередко эротизируется. Одних мальчиков влечет к старшим, более сильным, физически развитым и маскулинным подросткам и юношам; общение с ними, не обязательно сексуальное, приобщает их к вожацкой мужественности, в которой, как им кажется, им самим отказано. Другие, напротив, тянутся к младшим, более слабым и нежным мальчикам, среди которых они чувствуют себя увереннее и маскулиннее, чем среди ровесников. Это создает благоприятный эмоциональный фон для формирования гомоэротизма и выбора соответствующего объекта привязанности — более старшего и сильного или, напротив, младшего и слабого.

Психологические механизмы этого процесса изучены недостаточно. Майкл Стормс (Storms, 1980, 1981) придает главное значение соотношению темпов полового и социального созревания. У рано созревающего ребенка либидо пробуждается, когда в первом круге его общения

и эмоциональных привязанностей преобладают сверстники собственного пола, и эта гомосоциальность способствует развитию гомоэротических склонностей. Более позднее половое созревание, когда мальчики и девочки уже достаточно интенсивно общаются друг с другом, напротив, благоприятствует гетеросексуальности. При одинаковом темпе полового созревания гомоэротизм будет тем сильнее, чем продолжительнее существующий в данной среде период половой сегрегации. Ослабление половой сегрегации, напротив, благоприятствует развитию гетеросексуальности.

Стормс подкрепляет свою теорию ссылками на то, что у геев раньше пробуждаются сексуальные интересы и они раньше начинают сексуальную жизнь. Меньшую распространенность гомосексуальности у женщин он объясняет более поздним пробуждением либидо и значительно меньшей, чем у мальчиков, гомосоциальностью. Но хотя половая сегрегация и гомосоциальность действительно благоприятствуют распространению гомосексуальных контактов между подростками, они совсем не обязательно порождают устойчивую гомосексуальную ориентацию. Мальчики самбия, имеющие обязательные гомосексуальные контакты со старшими подростками, тем не менее вырастают гетеросексуальными. Кроме того, вопреки мнению Стормса, гомосексуальные дети чаще других нарушают гендерную сегрегацию и предпочитают играть с детьми противоположного пола.

По мнению Джеймса Вайнриха (Weinrich et al., 1995), решающую роль в формировании образа идеального сексуального партнера играет не идентификация, желание уподобиться некоему образцу, а депривация, эмоциональный дефицит: человека привлекает пол того значимого лица (или лиц), от которого он был в детстве отчужден. В свете этой теории важным индикатором будущей сексуальной ориентации ребенка является пол детей, с которыми он не играет в младшем школьном возрасте. «Нормальные» дети предпочитают играть со сверстниками собственного пола. Девочки и феминизированные мальчики обычно исключают из круга своего общения «натуральных» мальчиков, которые кажутся им слишком агрессивными и грубыми. Маскулинные мальчики и казаки-девички, наоборот, исключают из своих игр девочек, счи-

тая их слишком добропорядочными и скучными. Это грубое отталкивание порождает у ребенка потребность компенсировать свою ущербность, и с возрастом эта потребность может трансформироваться в однополую любовь: феминизированные мальчики хотят, чтобы их любили отвергавшие их мужчины, а маскулинные девочки, наоборот, тянутся к фемининным женщинам.

«ЭКЗОТИЧЕСКОЕ СТАНОВИТСЯ ЭРОТИЧЕСКИМ»

В том же направлении идет теория известного американского психолога Дарила Бема «Экзотическое становится эротическим» (ЭСЭ) (Бем, 1996, 2000). По Бему, у большинства мужчин и женщин в гендерно-поляризованных культурах сексуальная ориентация формируется на основе 6 последовательных ступеней:

1) биологические переменные (например, гены или пренатальные гормоны);

2) детский темперамент (например, агрессивность, уровень активности);

3) типичная/нетипичная полоролевая деятельность и выбор товарищей по играм (гендерная конформность/неконформность);

4) чувство своего отличия от сверстников противоположного/своего пола (непохожее, незнакомое, экзотическое);

5) неспецифическое автономное возбуждение сверстниками противоположного/своего пола;

6) эротическое/романтическое влечение к лицам противоположного/своего пола (сексуальная ориентация).

Биологические факторы, будь то гены или пренатальные гормоны, сами по себе не предопределяют сексуальную ориентацию, но способствуют формированию у ребенка некоторых черт темперамента, таких, как степень агрессивности и активности, которые побуждают его предпочитать одни виды деятельности и формы общения другим. Один ребенок любит силовую возню и соревновательные спортивные игры (типично мужские занятия), другой предпочитает спокойные игры (типично женское поведение). Индивидуальные различия в уровне агрессивности являются в значительной мере наследственными, и пре-гомосексуальные мальчики очень сильно отличаются

по этому показателю от гетеросексуальных (Bailey and Pillard, 1991). Наличие гомоэротических интересов у преимущественно гетеросексуальных мужчин также коррелирует с наличием атипичного полоролевого поведения, причем бисексуальные мужчины стоят между гетеросексуалами и геями (Phillips and Over, 1992).

Поскольку дети предпочитают играть с теми сверстниками, которые разделяют их игровые предпочтения, ребенок, любящий футбол или баскетбол, будет, независимо от своего пола, искать общества мальчиков. Характер занятий и круг общения ребенка воспринимаются и оцениваются окружающими как соответствующие или не соответствующие его полу, и эти оценки неизбежно переносятся также и на личность ребенка, который кажется более маскулинным или, наоборот, фемининным.

Все это преломляется в самосознании ребенка. Дети, поведение которых соответствует полоролевым/гендерным ожиданиям, чувствуют себя отличными от сверстников противоположного пола, которых они воспринимают как непохожих, незнакомых и экзотических по сравнению со сверстниками собственного пола. Наоборот, гендерно-неконформные дети будут чувствовать себя отчужденными от сверстников собственного пола, воспринимая их как непохожих, незнакомых и экзотичных.

Чувство своей непохожести на других людей чрезвычайно характерно для гомосексуалов, оно вызывает повышенный интерес и одновременно чувство неловкости, напряженности в общении, которое Бем называет «неспецифическим автономным возбуждением». Гетеросексуальные дети чаще испытывают его в присутствии лиц противоположного, а гомосексуальные — собственного пола. Типично-маскулинный ребенок, все равно — мальчик или девочка, чувствует неприязнь или презрение к девочкам («девчонки — плаксы»), а типично-женственный ребенок, наоборот, испытывает смущение, страх или неловкость в обществе мальчиков.

Как и почему это неспецифическое возбуждение эротизируется? Хотя в подавляющем большинстве случаев люди предпочитают общаться с теми, кто кажется им похожим на них самих, в любовных отношениях преобладает ориентация на дополительность: удачные супружеские пары, как правило, предполагают психологическую взаимодопол-

нительность супругов, слишком похожие люди не уживаются. В отличие от симпатии, страсть и сексуальное возбуждение требуют новизны, неожиданности, таинственности, риска, иногда даже враждебности (катулловское «ненавижу и люблю»). В израильских киббуцах, где мальчики и девочки с раннего детства до юности росли и жили совместно и часто видели друг друга голыми, между ними почти никогда не возникало эротических привязанностей, все браки заключались с посторонними. Редки сексуальные привязанности и между братьями и сестрами.

Теорию ЭСЭ критикуют с разных сторон. Одни оспаривают необходимость биологических предпосылок формирования гомосексуальной ориентации. Другие считают ее андроцентрической, неприменимой к женщинам (Perplau et al., 1998; Вет, 1998). Третьи ставят под сомнение ее эмпирическую базу. Описанный ею путь формирования гомосексуальной ориентации не является единственным. Индивидуальные вариации зависят не только и даже не столько от того, насколько сильно и чем именно ребенок отличается от других детей своего пола, сколько от того, как он сам интерпретирует эти отличия.

ПОЛОВОЕ СОЗРЕВАНИЕ И ОБРАЗ Я

До начала полового созревания будущие геи и лесбиянки страдают главным образом оттого, что их поведение и интересы не совпадают с тем, что нравится большинству их однополых ровесников. Затем на первый план выступают сексуальные проблемы.

«Я всегда отличалась от своих сверстниц, никогда не старалась усвоить «женственные» манеры, не пользовалась косметикой, ненавидела и старалась не носить бюстгалтеры. Я играла с мальчишками, и мои руки и ноги украшали благородные ссадины и синяки. Как только стало можно, я сменила юбку на брюки и шорты», — вспоминает взрослая лесбиянка. «Оглядываясь назад, к тому времени, когда мне было шестнадцать или семнадцать, я вижу, что уже тогда влюблялась в некоторых теннисисток, но еще не осознавала этого, — вторит ей Мартина Навратилова. — Просто мне нравилось быть с ними. К восемнадцати годам я поняла, что у меня всегда были эти чувства» (Navratilova, 1994, p. 24).

Судя по имеющимся данным, гомосексуальные мальчики созревают раньше своих гетеросексуальных ровесников, имеют больше эротических фантазий и раньше начинают мастурбировать (Saghir and Robins, 1973; Bogaert et al., 2002). По данным Кинзи, средний возраст начала пубертата у гомосексуалов был 12,64, а у гетеросексуалов — 12,94 лет, возраст первой эякуляции — 12,75 и 13,25 лет, первой мастурбации — 12,40 и 13,63 лет (Blanchard and Bogaert, 1996). При сравнении группы канадских мужчин гомо- и гетеросексуалов от 18 до 22 лет первые оказались в среднем на 1,5 см ниже ростом и на 5 кг легче, а половое созревание пережили на 1,2 года раньше (Bogaert and Blanchard, 1996); эти моменты (более легкий костяк, менее развитая мускулатура и раннее сексуальное созревание) рассматриваются как показатели соматической феминизации. Среди немецких студентов до 14 лет начали мастурбировать 72 % гомосексуальных и 55 % гетеросексуальных юношей, средний возраст первой эякуляции у первой группы — 12,7, у второй — 13,1 года (у женщин таких различий нет) (Schmidt, 2000). Восточногерманские гомосексуалы пережили первое семяизвержение (12,9 года) и первый оргазм (13,9 года) на год раньше своих «натуральных» сверстников. Средний возраст начала мастурбации у них 12,7 года, почти на год раньше гетеросексуальных мужчин (13,5 года). Зато «взрослую» сексуальную жизнь геи начинают позже. Гетеросексуалы вступают в первую сексуальную связь в среднем через 3 года после наступления половой зрелости, а гомосексуалы — через 7 лет (Starke, 1994, p. 238).

В сан-францисском исследовании существенной разницы между гомо- и гетеросексуальными юношами моложе 19 лет в возрасте первого семяизвержения, пробуждения либидо и первой мастурбации не обнаружилось. Разница оказалась лишь в направленности влечения. 59 % геев и только 1 % «натуралов» признали свои детские и подростковые чувства преимущественно гомоэротическими; сексуальное возбуждение другим мужчиной испытали 95 % гомо- и 20 % гетеросексуалов; однополые орально-генитальные контакты в детстве и юности имели 72 % и 15 %; достигали оргазма трением о тело другого мужчины 39 % и 5 %; имели опыт взаимной мастурбации 84 % и 21 % и т. д. (Bell, Weinberg and Hammersmith, 1981, pp. 99–112, 166–179).

В целом детство гомосексуальных мальчиков выглядит более сексуализированным. Большинство ученых считают более раннее половое созревание гомосексуальных мальчиков объективным фактом, связанным с половым диморфизмом: как известно, девочки созревают раньше мальчиков, так что гомосексуальные мальчики в этом отношении похожи на гетеросексуальных девочек. На биологическую детерминацию указывает и тот факт, что средний вес гомосексуальных мужчин, включая новорожденных, меньше, чем у их гетеросексуальных сверстников (Blanchard and Bogaert, 1996; Blanchard and Ellis, 2001). Однако отличить объективные различия от атрибутивных очень трудно, тем более — при ретроспективном самоотчете (может быть, гомосексуалы просто обращают больше внимания на свои сексуальные реакции).

Неясно также, что люди считают гомосексуальным дебиотом. В гетеросексуальном варианте обычно имеют в виду введение пениса во влагалище. Гомосексуальный аналог его — анальное сношение, но его практикуют не все гомосексуалы, тем более — при первой близости. Среди опрошенных Кинзи гомосексуалов 70 % в первый раз ограничивались мастурбацией, только 18 % занимались оральным и 2 % — анальным сексом (Gebhardt and Johnson, 1979, p. 497). Сравнения с коитусом тут едва ли годятся.

Подросток может долго не подозревать о своей гомосексуальности. Но рано или поздно его настораживает, что вместо влечения к противоположному полу он испытывает интерес к телу однополых сверстников. Сам по себе этот интерес не является чем-то исключительным, его испытывают и многие «натуральные» ребята (см. Кон, 1997, с. 235—261). 14-летняя Анна Франк записала в своем интимном дневнике: «Однажды, оставшись ночевать у подружки, я ее спросила — можно мне в знак нашей дружбы погладить ее грудь, а ей — мою? Но она не согласилась. Мне всегда хотелось поцеловать ее, мне это доставляло большое удовольствие. Когда я вижу статую обнаженной женщины, например Венеру, то всегда прихожу в экстаз» (Франк, 1960, с. 125). Неосознанный гомозеротизм не помешал Анне позже испытать влечение к мальчику.

Но если для «натурального» мальчика мужское тело — объект сравнения, завистливого восхищения или потенци-

альная угроза, то у юного гея к этому примешивается, заглушая все остальное, эротическое чувство. «Когда мне было около 14 лет, я медленно стал осознать, что пристально разглядываю других мальчиков, особенно когда мы были голыми в бассейне или раздевалке. Мне хотелось потрогать их. Потом меня внезапно озарило, что на самом деле мне хочется их целовать и трахать. Ничего подобного к девочкам я не испытывал...» — вспоминает американский поэт Харольд Норс (Norse, 1978, p. 211). «Я чувствовал себя развратным дегенератом и думал, что болен... Густой запах носков, ног, трусов и пота одновременно отталкивал и возбуждал меня» (Norse, 1989, p. 40).

Первым увлечением Юкио Мисимы был второгодник Оми. На занятиях гимнастикой мальчик не сводил глаз со своего кумира, мечтая увидеть Оми раздетым и посмотреть на его «здоровенную штуку», о которой в школе рассказывали легенды. Оми навсегда стал для Мисимы эталоном мужской красоты. «Даже сейчас, оглядываясь назад, я не могу обнаружить в том прекрасном образе ни единого изъяна... Из-за Оми я бы никогда не смог полюбить человека умного и образованного. Из-за Оми меня никогда не привлек бы юноша, носящий очки. Из-за Оми я проникся любовью к физической силе, полнокровию, невежеству, размашистой жестикуляции, грубой речи и дикой угрюмости, которая присуща плоти, не испорченной воздействием интеллекта» (Мисима, 1994, с. 47).

По сравнению с Оми Мисима казался себе жалким. «Я смотрелся в зеркало, мечтая о дне, когда мои плечи и грудь станут такими же, как у Оми. Но жестокое стекло показывало мне чахлые руки, торчащие ребра, и сердце мое покрывалось ледяной коркой сомнения. Это было даже не сомнение, а мазохистская уверенность; голосом божественного откровения она шептала мне: «Никогда ты не будешь таким, как Оми» (Мисима, 1994, с. 58—59). Влюбленность оборачивается завистью, а «счастье смотреть на Оми» превращается в «счастье быть им» (Мисима, 1994, с. 61).

Квинтэссенция подростковой сексуальности — мастурбационное воображение. Мастурбацией занимается подавляющее большинство мальчиков-подростков, независимо от их сексуальной ориентации. Но гетеросексуальные подростки воображают при этом преимущественно людей

противоположного, а гомосексуальные — собственного пола. Такое воображение, где гомоэротизм сливается с нарциссизмом, психологически еще более запретно, чем самый акт мастурбации. Закрепляясь в памяти, оно становится стержневым элементом сексуального сценария личности. Человек стремится воспроизводить не столько мастурбационные действия, сколько связанные с ними эротические образы.

СЕКСУАЛЬНЫЕ ИГРЫ

Первые сексуальные контакты между подростками чаще всего происходят в игровой форме. Игры, включающие показывание, обследование и ощупывание половых органов, широко распространены среди дошкольников и младших школьников. Участие в них само по себе ничего не говорит о будущей сексуальной ориентации ребенка. В основной выборке Кинзи участие в допубертатных сексуальных играх со сверстниками противоположного пола ретроспективно признали половина мужчин и около трети женщин, а со сверстниками своего пола — 54 % мужчин и 35 % женщин (Gebhard and Johnson, 1979, tables 132, 138). При непосредственном опросе 212 допубертатных мальчиков последняя цифра повышается до 60 % (Kinsey et al., 1948, p. 168).

Преобладание однополюх игр над разнополюми объясняется прежде всего гендерной сегрегацией, большей физической доступностью сверстников своего, нежели противоположного пола и менее строгим табуированием телесных контактов с ними. В однополюх учебных заведениях, лагерях и интернатах сексуальные игры — явление массовое. Среди обследованных в начале 1960-х гг. учащихся английских школ-интернатов наличие гомосексуальных контактов признали 44 % и собственное участие в них — 28 % мальчиков, а среди учащихся дневных школ соответственно 18 % и 3 % (Schofield, 1965, p. 58). В начале 1990-х гг. учившиеся в закрытых школах англичане имели в 2,5 раза больше гомосексуального опыта и в 3 раза больше генитальных контактов с мужчинами, чем учащиеся смешанных школ; в менее выраженной форме это типично и для женщин (Wellings et al., 1994, p. 206; ср. Lagrange et Lhomond, 1997, p. 203).

В гомоэротических играх часто участвуют и вполне «натуральные» подростки. Среди сан-францисских мужчин в подростковых гомоэротических играх участвовало больше (62 %) гетеро-, чем гомосексуалов (39 %) (Bell, Weinberg, and Hammersmith, p. 110). Но юные геи получают от таких игр гораздо больше удовольствия, чем их «натуральные» ровесники, и это побуждает их, с одной стороны, повторять этот опыт, а с другой — задумываться о своей сущности, чего гетеросексуальные подростки, для которых это «просто игра», не делают. В дальнейшем юноши выбирают сексуальные игры по собственному вкусу. Например, среди респондентов Штарке опыт взаимной или групповой мастурбации в ранней юности имели 61 % гомосексуалов, 19 % смешанной по сексуальной ориентации выборки и только 7 % исключительно гетеросексуальных юношей (Starke, 1994, S. 228).

Подростковые сексуальные игры хорошо описаны в художественной литературе. Роже Мартен дю Гар подробно описывает, как на уроке немецкого языка Рауль сначала просто показывает Бертрону свою эрекцию через штаны, а затем трогает ширинку Бертрона. Игра, когда Рауль одной рукой мастурбирует, а другой ласкает соседа, залезая к нему в карман, повторяется каждый урок. Затем Рауль проделал в кармане Бертрона дырку, получив доступ непосредственно к телу товарища.

«Я затрепетал от нового ощущения, наклонился вперед, сложился вдвое, сжал бедра, чтобы помешать этому смелому вторжению. Но я не мог долго сопротивляться охватившему меня соблазну и скоро, наоборот, с наслаждением отдался этой нарастающей волне удовольствия. Его реакция была не менее живой. Вероятно, наши щеки пылали, во рту пересохло. Его рука мягко и нежно ласкала меня, медленно, страстно и скрупулезно обследуя мои тайные сокровища, и опытная мягкость, с которой он мною манипулировал, вызвала внезапный спазм, которого я не мог ни отсрочить, ни сдержать» (Martin du Gard, 1983, pp. 202—203).

Некоторые мальчики идут на сексуальное сближение со сверстниками легко и быстро. Известный американский киноактер Тейлор Мид рассказывал, что однажды, когда ему было 12—13 лет, в темном кинозале одноклассник молча засунул ему руку в пах. «И как только он сде-

лал этот жест, мне все сразу же стало ясно. Мы вышли во двор, где светила луна, и я сказал: «Давай бороться, но чтобы никаких захватов выше пояса» (Mead, 1978, p. 112). Робким и застенчивым приходится труднее.

Откровенный гомоэротический интерес или жест для подростка — дело крайне рискованное. Первые сексуально-эротические контакты между мальчиками чаще всего происходят в форме силовой возни, когда можно сказать, что эрекция или «не то» прикосновение произошли случайно. В романе «Семья Макса Дезира» Роберта Ферро есть такой эпизод. В отцовском столе двое подростков нашли порножурналы и стали, лежа на широком матрасе, рассматривать картинки. Неожиданно у них появилось желание побороться. «Под предлогом перевертывания страницы или перечитывания абзаца Скотт оттолкнул его. Макс ответил тем же. Им захотелось проявить свое новое чувство немедленно, сила против силы. Чтобы подчеркнуть свое превосходство, Скотт прижал Макса к земле. Макс оказался пленником. Лежа рядом с ним, Скотт обвил Макса ногами, их лица почти соприкасались. Ловким борцовским приемом Скотт высвободил одну руку. С ее помощью он растянул Максу ремень, спустил ему до колен штаны и стал драть. Макс боролся до конца. Так это произошло. Потом он почувствовал слабость и подумал: «это ослабляет меня и усиливает его». Следующий раз борьба была короче, не потому, что Макс не сопротивлялся, а потому, что исход ее был заранее известен. На сей раз Скотт тоже кончил...» (Ферро, 1983, p. 47).

Хотя подростки весьма изобретательны, в их гомоэротических играх повторяются одни и те же компоненты. В школе, где учился Мисима, мальчики увлекались игрой, которая называлась «похабник»: «Где-нибудь на перемене, когда кругом было полно народа, надо было выследить какого-нибудь зазевавшегося растяпу, молниеносно подскочить к нему и ухватить за определенное место. Если номер удавался, озорник отскакивал на безопасное расстояние и начинал вопить: «Ого-го! Ну у тебя и штуковина!» (Мисима, 1994, с. 38—39). Точно такие же игры существовали после войны в некоторых ленинградских мужских школах.

Часто эти игры ритуализируются. В одном подростковом летнем лагере с географическим уклоном в 1970-х гг. существовала игра — сначала я принял ее за обычную

мальчишескую возню — в «Десять городов»: несколько 12—13-летних мальчиков заваливали на кровать одного, расставляли ему ноги и, не раздевая, мастурбировали, пока тот не прокричит названия десяти городов с указанием численности их населения. Играли в «Десять городов» только младшие подростки, и, несмотря на визг и силовые приемы, это была добровольная игра, а не насилие. Правила игры передавались от старших к младшим, а исполнителем приговора больше⁴ частью бывал один и тот же мальчик, который по окончании игры отправлялся в уборную, видимо мастурбировать.

Вот как выглядит письменное объяснение, с сохранением стиля и орфографии, 14-летнего артековца конца 1980-х гг.:

«Каждый вечер мы собирались в палате у мальчиков и начинали играть в так называемую «игру»... Мы ложились по двое на кровать и кайфовали. «Блаженство» заключалось в том, что половой член каждого находился между ногами соседа. Затем оба начинали егозиться, тем самым раздражая его и вызывая блаженное состояние. Затем были придуманы разные эстафеты. Мы вытащили из венника ветку. Тот человек, которому выпадет эта эстафета, должен был стать согнувшись, и мы засовывали ему ветку в задний проход... После этого конкурса мы стали разыгрывать другой. По жребию, человек, которому достанется, должен был сосать половой член соседа или любого из мальчиков... Связывали половые члены трех человек нитками в один узел и танцевали в кругу различные танцы. Это вызывало раздражение и приносило удовольствие... С Димой я три вечера подряд ложился на одну кровать, и мы с ним друг другу засовывали половой член между ног и растягивали и стягивали его... Также мы друг другу засовывали половой член в задний проход и в рот».

Влияние подобных игр на эротическое воображение подростка сугубо индивидуально. У одних гомосексуальное экспериментирование полностью вытесняется из памяти позднейшими впечатлениями или вспоминается просто как забавная игра. На более впечатлительных оно накладывает неизгладимый отпечаток. Вот что рассказал о своем подростковом сексуальном опыте геолог Виктор Л.:

«В средних классах мы часто играли, хватая друг друга за половые органы, иногда даже во время урока, под

партой, чтобы ни учитель, ни девчонки ничего не заметили. Применялись подобные «захваты» и при силовой возне. Никакого страха, смущения и мыслей о гомосексуализме это не вызывало, мы о нем не знали и не думали. Это была наша законная тайная игра «садирования» или «доения козла» (в рассказах об обрядах инициации в американских военных училищах часто фигурирует ритуал «доения быка»; советские подростки были младше и скромнее. — *И. К.*), в которой были даже свои ритуальные формулы, совершенно, впрочем, необязательные.

Хотя такие игры меня интересовали, будучи стеснительным и самолюбивым, я держался от них в стороне. Но однажды летом, после 6-го класса, работая в колхозе, мы остались одни, без учителя и девочек. В обеденный перерыв, когда я вполне невинно возился с другим мальчиком, тот вдруг закричал: «Ребята, посмотрим у Витьки яйца! Порос он мохом или нет?» Сразу же подбежали остальные. Я отбивался изо всех сил, но, когда один заломил мне руку, а другой ухватил сзади за яйца, пришлось лечь на спину, расслабиться и в знак покорности расставить ноги... Это было крайне унижительно. Обычно садировали слабых или младших, я же был крупнее, сильнее и авторитетнее большинства этих ребят и к тому же безумно стыдлив, стеснялся даже обтягивающих плавок и в туалет не ходил, если там был кто-то еще. Ребята это знали, преодолеть мою стеснительность и гордость им было занятно. Теперь я был у них в руках...

Меня, как лягушку, распялили на сене, зажали руки над головой, задрали рубашку, спустили штаны и стали с шутками и прибаутками осматривать и ощупывать мои потроха. Мне было невыносимо стыдно своей наготы и этих бесцеремонных шершавых чужих рук, которые делали со мной все, что хотели, и в то же время сказочно приятно. Пока ребята возились с моим ремнем и застегками, я пытался спасти лицо с помощью трепя: вот, дескать, кастраты и малолетки хотят посмотреть, какое «оно» у настоящего мужчины! Но всерьез делать вид, будто ты иронически смотришь на своих мучителей сверху вниз, в то время как ты распят перед ними голый, с беспомощно расставленными коленями, и каждый из присутствующих в этом цирке пацанов волен трогать, дергать, щекотать и шлепать тебя, где и как ему заблагорассудится, невозможно.

Вскоре я утратил всякий самоконтроль и только непроизвольно дергался, стонал и вскрикивал от наиболее чувствительных прикосновений, вызывая этим общее веселье. Не знаю, как долго это продолжалось, но в конце концов у меня произошло бурное, в несколько волн, первое в моей жизни, если не считать ночных поллюций, семяизвержение. Ощущение было необычайно острым. Сначала я подумал, что описался, и страшно испугался, что ребята поднимут меня на смех. Но так как после первого осмотра нагишом мои трусы задрались кверху и дальше меня теребили через трусы, мальчишки ничего не заметили и скоро меня отпустили.

У меня хватило ума притвориться, будто ничего особенного не произошло: подумаешь, ребята посмотрели, что у меня в штанах. Ребят эта версия вполне устроила. Мой авторитет в классе, за который я больше всего боялся, нисколько не пострадал, никто меня этим эпизодом не дразнил, не пытался его повторить и не пугал рассказывать о нем девчонкам. Только один парень однажды пригрозил: «Смотри, разложим тебя еще раз на сене!», на что я ответил здоровой оплеухой, которую он принял как должное. Хотя, по правде говоря, если бы ребята повторили опыт (я одновременно боялся и хотел этого), я сопротивлялся бы только для виду.

Но хотя никаких неприятных объективных последствий этот случай не имел, его психологические последствия были страшными. Меня не просто принудили к позорной капитуляции, выставив на всеобщее обозрение сокровенные тайны моего тела, но и психологически вывернули наизнанку. Я понял, что тот, кто держит меня за яйца, всесилен не потому, что может причинить мне боль, а потому, что доставляет мне наслаждение, и сразу же начал мастурбировать (раньше этого не делал, возня с мальчишками воспринималась просто как игра), воображая одну и ту же сцену и расцветивая ее новыми вымышленными подробностями. Между 15 и 17 годами я несколько раз затевал возню и игры с раздеванием и взаимной мастурбацией вдвоем с мальчиками моего возраста, иногда умышленно поддаваясь. В 19 лет переспал с женщиной, в 22 года женился, все вроде бы нормально, но ничто не может сравниться с тем первым опытом. Все бы отдал за то, чтобы снова

стать четырнадцатилетним и чтобы мальчишки садирили меня на сене».

В этом рассказе хорошо видна роль мастурбационного воображения, которое закрепляет и кристаллизует случайный сексуальный опыт, превращая его в постоянную установку, от которой человек не в силах избавиться. Но действительно ли Виктора вот так, сразу, «запрограммировали»? До того как его разложили на сене, была неоднократная возня под партой. Затем Виктор вспомнил, что еще во втором или третьем классе, задолго до начала полового созревания, его одноклассники на большой перемене в школьном закутке несколько раз снимали штаны с другого мальчика, всегда одного и того же, приглашая посмотреть на это зрелище девчонок; «жертве» это, кажется, нравилось. Хотя Виктор в этой игре не участвовал, смотрел со стороны, у него сохранились о ней яркие воспоминания. В пятом классе, во время борьбы с ближайшим другом, Виктор с трудом удерживался, чтобы не стянуть с него штаны, а еще больше ему хотелось самому лежать снизу и чтобы друг применил к нему запрещенный прием, но тому это не приходило в голову. Повышенная стыдливость и затрудненность мочеиспускания в присутствии других также говорит о наличии каких-то психосексуальных проблем. Гомоэротические мазохистские чувства тлели в мальчике задолго до того, как произошел случай, который все расставил по местам; реализовав его собственные тайные желания, мальчишки только соединили в единый сценарий разрозненные элементы его эротического воображения.

ГОМОЭРОТИЧЕСКИЕ ДРУЖБЫ И ВЛЮБЛЕННОСТИ

Силовые сексуальные контакты типичны главным образом для мальчиков; девочки, если не считать криминально-лагерной среды, предпочитают более нежные и добровольные ласки. Зато страстная дружба-влюбленность, эротической подоплеки которой они сами, как правило, не осознают, встречается у подростков обоего пола.

«Я не знаю, почему дают какой-то монополь воспоминаниям первой любви над воспоминаниями молодой

дружбы. Первая любовь потому так благоуханна, что она забывает различие полов, что она — страстная дружба. Со своей стороны, дружба между юношами имеет всю горячность любви и весь ее характер: та же застенчивая боязнь касаться словом своих чувств, то же недоверие к себе, безусловная преданность, та же мучительная тоска разлуки и то же ревнивое требование исключительности. Я давно любил, и любил страстно, Ника, но не решался назвать его «другом», и когда он жил летом в Кунцеве, я писал ему в конце письма «Друг ваш или нет, еще не знаю». Он первый стал мне писать «ты» и называл меня своим Агатоном по Карамзину, а я звал его моим Рафаилом по Шиллеру» (Герцен, 1956, с. 82).

«Никогда не забуду тех мгновений, слишком редких, увы, и слишком кратких, когда мы всецело принадлежали друг другу. Ты единственная моя любовь! Другой любви никогда у меня не будет, ибо тогда мной тотчас же овладели бы страстные воспоминания о тебе. Прощай, меня бьет лихорадка, в висках стучит, взор мутится... Не люблю ждать. Напиши мне как можно скорее. Хочу, чтобы ты ответил мне до 4 час., если любишь меня, как я тебя люблю!!...»

— Как высказать ту радость, которую доставило мне твое письмо? Разве не был ты мне другом и раньше и разве не стал теперь еще большим другом? Настоящей половиной меня самого? Разве не помог я сформироваться твоей душе, подобно тому, как и ты помог сформироваться моей? Боже, сколько в этом правды и силы, как чувствую я это, когда пишу тебе! Я живу! И все во мне живет — тело, ум, сердце, воображение — благодаря твоей привязанности, в которой никогда я не усомнюсь, о мой истинный и единственный друг!» (Мартен дю Гар, 1957, с. 38—39).

Эти страстные письма, переполошившие отцов иезуитов, написаны Жаком и Даниэлем, героями романа Роже Мартен дю Гара «Семья Тибо». Между ними нет и не будет физической близости. Оставшись вдвоем в номере гостиницы, мальчики стесняются даже раздеться на глазах друг у друга, но можно ли сомневаться в истинной природе их чувства?

С разной степенью откровенности такие отношения описываются во многих «школьных повестях», романах

воспитания (Герцен, Ромен Роллан) и кинофильмах (например, в фильме Сергея Потепалова «Чужая компания»).

В романтической дружбе эротические обертоны приглушены и даже не осознаны. Чем больше подростки знают о себе и об однополой любви, тем скорее эта дружба превращается в осознанную влюбленность, которая по своей эмоциональной тональности ничем не отличается от «обычной» любви.

Мне больше ничего не снится —
Лишь только ты, лишь только ты.
Как будто на пустой странице
Я создаю твои черты.
Ты — как высокое заглавье,
Ты — как мечты и яви связь,
Ты — как мечта, что стала явью,
Да только в руки не далась.

Эти стихи пятнадцатилетнего москвича посвящены мальчику, в которого он был безответно влюблен. Но разве девочкам пишут иначе? Только однополая любовь гораздо чаще остается безответной.

ПЕРВЫЙ СЕКСУАЛЬНЫЙ ОПЫТ — СОВРАЩЕНИЕ ИЛИ ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ МЕЧТА?

В массовом сознании широко распространено мнение, что главная причина гомосексуальности — «совращение» подростков взрослыми. На самом деле первый гомосексуальный опыт мальчики, как правило, приобретают не со взрослыми мужчинами, а со сверстниками или ненамного младшими или старшими подростками.

В гомосексуальной выборке Кинзи, 61,6 % белых мужчин пережили свой первый гомосексуальный контакт между 12 и 14 годами, причем в 52,5 % случаев их первому партнеру было также от 12 до 15 лет, у 8 % он был младше, у 14 % это были 16—18-летние юноши и только у остальных — взрослые мужчины. 55 % первых партнеров составляли друзья, 19 % — родственники, 7,6 % — знакомые и только 11,2 % — посторонние люди (Gebhardt and Johnson, pp. 493—494, 496). Среди имевших гомосексуальный опыт американских подростков и юношей от 13 до

19 лет, опрошенных Робертом Соренсеном, взрослыми были инициированы 12 % мальчиков и меньше 1 % девочек (Sorensen, 1973, pp. 291—292). Средний возраст первого гомосексуального опыта английских мужчин-гомосексуалов в 1987—1991 гг. — 15,7 года, а средняя возрастная разница с первым партнером — один год; у 40 % это был ровесник, у 60 % — юноша на 1—2 года старше или моложе, только 20 % начали половую жизнь с женщиной на 10 лет старше себя, причем большинство из них мечтали о такой встрече, а многие активно искали ее (Davies et al., 1994, p. 105).

О том же говорят и бесчисленные автобиографии. По словам Неда Рорема, подростком он долго искал мужчину своей мечты, и когда однажды в парке какой-то небритый мужик наконец «инициировал» его, единственной утратой мальчика было «разбитое сердце» от того, что он не мог найти этого человека вторично (Rorem, 1994, p. 94).

Модель совращения основывается главным образом на обобщении случаев сексуального злоупотребления (sexual abuse), когда ребенка или подростка принудили к сексуальным действиям, которых он сам не желал, которые противоречили его убеждениям и вдобавок сочетались с нарушением многих других моральных запретов, например инцеста. Судя по имеющимся данным, детский и подростковый опыт гомосексуальных мужчин и женщин содержат значительно больше фактов инцеста и сексуального принуждения, чем опыт гетеросексуальных людей (Tomeo et al., 2001). Однако сравнивать эти данные трудно, необходимо учитывать и особенности выборки, и возраст ребенка, и что именно с ним делали (Goldman & Padayachi, 2000). Любое насильственное действие нарушает права личности, но соотношение физических, эмоциональных и сексуальных его элементов может быть разным. Насильственное оголение, мастурбация, фелляция, оральная, вагинальная или анальная пенетрация воспринимаются и переживаются по-разному.

Варирует и ретроспективная оценка события.

При обследовании 1001 гомо- или бисексуальных мужчин в клинике заболеваний, передаваемых половым путем, выяснилось, что 35 % из них начали сексуальную жизнь до 19 лет под давлением или по принуждению старшего или более сильного партнера (средний возраст маль-

чика в момент события был около 10, а партнера — 21 год). Половина этих эпизодов включала применение силы, а 43 % были инцестуозными. Реакция на этот опыт у 27 % мальчиков была положительной, у 15 % нейтральной и у 58 % отрицательной, последняя особенно сильна там, где наличествовало принуждение (Doll et al., 1992).

Отрицательный сексуальный опыт часто оставляет долгосрочные психологические последствия (пониженное самоуважение, страх перед сексуальностью и разные другие психосексуальные проблемы), не совсем одинаковые у мужчин и женщин. Взрослые мужчины обычно переживают изнасилование тяжелее женщин, травма изнасилования усугубляется у них чувством потери вирильности и появлением сомнений насчет своей сексуальной ориентации. В детстве ситуация обратная: девочки, как правило, переживают любые сексуальные действия насильственного характера значительно тяжелее, чем мальчики, которым они часто кажутся чисто игровыми. Но и ретроспективная оценка события, и его долгосрочный психологический эффект зависят не только и не столько от соотношения возраста и пола участников, сколько от характера их взаимоотношений. Ребенок — не простой объект чужих манипуляций, а самосознательный субъект деятельности.

СТАТЬ САМИМ СОБОЙ

Некоторые подростки осознают и принимают свою гомосексуальность легко, как нечто само собой разумеющееся, но для большинства это трудный и длительный процесс. «Натуральные» подростки могут принять себя и окружающий мир, так сказать, в готовом виде (хотя далеко не все так делают). Для геев и лесбиянок этот путь закрыт. Прирожденные диссиденты, они не могут обойтись без саморефлексии и критического отношения к себе и к обществу. В их жизненном пути есть несколько важных субъективных рубежей:

- 1) первое подозрение о своей гомосексуальности,
- 2) первый гомосексуальный опыт,
- 3) уверенность в своей гомосексуальности,
- 4) coming out («выход из чулана») — более или менее открытое признание своей гомосексуальности, самораскрытие другим людям.

Ученые подразделяют процесс формирования гомосексуальной идентичности на четыре фазы (Troiden, 1989).

Стадия *предчувствия или сенситизации* приходится на до-пубертатный период, когда мальчики и девочки еще не задумываются о своей сексуальной ориентации или автоматически считают себя гетеросексуальными. Хотя многие прегомосексуальные дети уже чувствуют и осознают, что по своим интересам, внешности или поведению они отличаются от сверстников своего пола и это вызывает у них смутную тревогу, эти отличия еще не отливаются в определенные понятия и описываются скорее в метафорах фемининности и маскулинности (насколько я «настоящий» мальчик или девочка?), чем эротики (кто меня сексуально привлекает?).

Стадия *сомнений и смешанной идентичности*, когда индивид уже задумывается о своей сексуальной идентичности, но еще не может четко определить ее, приходится на подростковый возраст и начало юности. Это самый драматичный и психологически напряженный этап развития.

Фаза *принятия и признания себя* также протекает по-разному. Ее возрастные границы и длительность зависят как от индивидуальных особенностей человека, так и от его социальной среды. Чем терпимее общество, тем легче подростку преодолеть свои внутренние конфликты и принять собственную сексуальную ориентацию.

Стадия *гомосексуальной самоидентификации*, наступающая лишь у взрослых, лучше всего выражается понятием сопричастности: индивид принимает свою гомосексуальность как определенный стиль жизнь, поддержание которого для него важнее и приятнее возможных альтернатив. Эта фаза обычно совпадает с появлением более или менее устойчивых партнерских отношений, в отличие от случайных сексуальных связей. Ее внутренние признаки: слияние сексуальности с эмоциональностью, восприятие гомосексуальной идентичности как интегральной части собственного Я и удовлетворенность ею.

Иногда говорят не о четырех, а о трех фазах самоидентификации — самоопределение, принятие себя и самораскрытие (Elizur and Mintzer, 2001). Все эти фазы не являются чисто возрастными, их длительность и содержание зависят от множества конкретных социальных условий, включая стиль эмоциональных привязанностей и характер поддержки со стороны семьи и друзей.

Несовпадение поведенческих, эмоциональных и когнитивных аспектов гомосексуальности, о котором говорилось выше, отчасти коренится именно в неравномерности процессов развития. У подростков оно еще больше, чем у взрослых.

Во французском национальном опросе гомозеротическое влечение признали 3,9 % 18—19-летних юношей и 5,2 % девушек (Spira et al., 1993). При непосредственном опросе 15—18-летних соответствующие цифры составили 5,8 % и 6,4 % (Lagrange et Lhomond, 1997). Однако среди подростков, испытывающих влечение к лицам собственного пола, исключительным или преобладающим оно является лишь у 25 % мальчиков и 10 % девочек, причем с возрастом, от 15 к 17 годам, оно ослабевает. Наличие практического гомосексуального опыта признали только 1,4 % мальчиков и 1,3 % девочек (в национальном опросе 18—19-летних — 1,1 % и 1,4 %).

Из 120 18—21-летних гомосексуальных юношей и девушек в городе Толедо (штат Огайо) одна треть осознала свою гомосексуальность между 4 и 10 годами, вторая — между 11 и 13, третья — между 14 и 17 годами (Telljohann and Price, 1993). В группе нью-йоркских гомо- и бисексуальных подростков от 14 до 21 года (80 юношей и 76 девушек) средний возраст первого подозрения о своей гомосексуальности у мальчиков был 12,5, у девочек — 13,9 лет, уверенность же пришла к мальчикам в 14,6, а к девочкам — в 15,9 лет (Rosario et al., 1996). То есть процесс самоопределения занимает приблизительно два года. Из 1000 английских гомосексуалов 22 % еще до 10 лет подозревали, что сексуально отличаются от других мужчин, к 20 годам это предполагали почти все, но уверенность в этом до 10 лет имел только каждый десятый, к 20 годам — 86 %. Четверть мужчин имели гомосексуальные контакты до того, как заподозрили свою особенность, а две трети пошли на физический контакт лишь после того, как убедились в своей гомосексуальности (Davies et al., 1994).

Восточногерманские мальчики начала 1990-х гг. начинали подозревать о своей гомосексуальности в среднем около 16 лет. 19 % из них эта мысль приходила в голову еще до 12 лет, а 46 % — между 13 и 16 годами, но 14 % поняли это только после 21 года. Это зависит как от тем-

пов индивидуального полового созревания и силы либидо, так и от уровня образования: более образованные юноши из интеллигентной среды отстают от рабочих почти на два года (Starke, 1994, pp. 142—143).

Латентный гомоэротизм не обязательно переходит в гомосексуальное поведение, а осознание своей гомосексуальности еще не означает признания себя геєм или лесбиянкой. Даже многие подростки, которые охотно сексуально экспериментируют со сверстниками собственного пола, не торопятся идентифицировать себя в качестве геєв или лесбиянок. Из 34 700 12—18-летних школьников в штате Миннесота 88,2 % сказали, что считают себя гетеросексуалами, 1,1 % — геями или бисексуалами, а 10,7 % не уверены в своей сексуальной ориентации. Хотя количество подростков, не уверенных в своей сексуальной ориентации, уменьшается с 26 % среди 12-летних до 9 % среди 18-летних, геями, лесбиянками или бисексуалами считают себя только 1,3 %. Так считают лишь 5 % подростков, имеющих гомоэротические влечение, 27 % имевших гомосексуальные контакты и 10 % имеющих гомосексуальные фантазии (Remafedi, 1987; Remafedi et al., 1992; Cp. Savin-Williams, 1995).

Сходную траекторию развития показывают немецкие данные. Доля молодых мужчин, считающих себя исключительно гетеросексуалами, увеличивается с 80,5 % среди 14—15-летних до 89,6 % у 19—24-летних, тогда как доля бисексуалов уменьшается среди юношей с 10,6 % до 2,1 %, а среди женщин — с 4,6 % до 2,8 %. Хотя почти 25 % имели какой-то гомосексуальный опыт, «гомосексуалами» юноши начинают называть себя только после 18 лет, да и то лишь 0,5 % подвыборки (Bardleben et al., 1995).

Короче говоря, формирование сексуальной ориентации — часть процесса психосексуального развития. Чтобы убедиться в прочности своих чувств и предпочтений, человеку нужно время и практический опыт, причем стабилизация сексуальных предпочтений сопровождается их поляризацией. Большинство подростков развиваются в направлении гетеросексуальности и перестают испытывать гомоэротические чувства (McConaghy et al., 1994). С гомосексуалами происходит обратное. А поскольку этот выбор для многих труден, некоторые подростки и юноши уклоняются или откладывают его, убеждая себя и других,

что их однополые предпочтения случайны, отрицают гомоэротическую природу своих влечений или стараются искоренить их с помощью психотерапии и самовоспитания. Вариантов такой психологической самозащиты много.

Один подросток активизирует общение с лицами противоположного пола: «Я думала, что мой интерес к девочкам пройдет, если я буду уделять больше внимания мальчикам и выглядеть более женственной».

Другой, наоборот, избегает таких контактов, боясь разоблачения: «Я ненавидел свидания, потому что боялся, что у меня не будет эрекции и девочки догадаются, что я голубой».

Третий уклоняется от получения информации, которая могла бы подтвердить его опасения, не желает ничего слышать о гомосексуальности.

Четвертый прячется за стеной ненависти, дистанцируясь от собственного гомоэротизма высмеиванием и травлей себе подобных.

Пятый старается подавить свой гомоэротизм экстенсивными гетеросексуальными связями: «Я думал, это пройдет, если я буду встречаться и трахаться с разными женщинами».

Шестой ускользает от мучительных моральных проблем с помощью водки или наркотиков.

Некоторым помогает определение неприемлемых чувств и поступков как случайных («это произошло по пьянке, трезвым я бы этого не сделал»), временных («это с возрастом пройдет») или периферийных («какой же я гомик, если я сплю с женщинами?»).

МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ

Каковы особенности развития гомосексуальных юношей и девушек? В принципе эти различия такие же, как между гетеросексуальными мальчиками и девочками. Мальчики, у которых либидо пробуждается более бурно, а половая роль допускает и даже требует явных появлений сексуальности, раньше начинают подозревать о своей гомосексуальности, раньше начинают половую жизнь и чаще делают это в гомосексуальном варианте. Девочки-лесбиянки, как правило, позже юношей осознают свои

психосексуальные особенности, считая влечение к женщинам потребностью в дружбе, а гетеросексуальные контакты у них обычно предшествуют однополым (иногда именно для того, чтобы лучше понять свою сексуальную ориентацию) (Schdfer, 1977).

Сравнительное изучение (интервью) группы американских гомосексуалов (78 женщин и 86 мужчин) от 17 до 25 лет позволяет конкретизировать эти различия по 4 параметрам: 1) первые однополые увлечения, 2) ярлык, определение себя как гея или лесбиянки, 3) первый сексуальный контакт и 4) самораскрытие. Первые три из этих событий юноши переживают раньше девушек. Помимо разницы во времени, у девушек эти события включаются прежде всего в эмоциональный, а у юношей — в сексуальный контекст. Временной интервал от первых однополых увлечений (в 8—9 лет) до первого самораскрытия (около 18 лет) у обоих полов составляет в среднем около 10 лет. Но их последовательность разная: девушки сначала определяют себя как лесбиянок и только после этого вступают в сексуальные отношения, а у юношей, наоборот, практический однополый секс предшествует появлению «ярлыка», определению себя как гея (Savin-Williams and Diamond, 2000). Разумеется, эти данные не претендуют на всеобщность. Нужно учитывать социальные различия, относительную недостоверность ретроспективных самоотчетов, а также индивидуальные различия.

КОМУ МНЕ ОТКРЫТЬСЯ СЕГОДНЯ?

Даже в самых благоприятных социальных условиях жизнь гомосексуальных подростков значительно труднее, чем у их «натуральных» ровесников. Не смея жить своей собственной, единственно возможной для него, жизнью, «голубой» подросток вынужден ухаживать за теми, кого он не может любить, и любит тех, за кем не может ухаживать. Это делает его жизнь мучительным чередованием «неподлинных» и несовместимых друг с другом ролей и масок.

«Голубым» мальчикам и девочкам не на кого равняться. Их никто не учит, как вести себя с понравившимся человеком. Они не смеют обнаружить свои чувства, боясь, что их «неправильно поймут» или догадаются об их

тщательно скрываемой тайне. Отсюда — постоянный и мучительный самоконтроль. Порождаемая этим застенчивость еще больше усугубляет коммуникативные трудности. «Мало кто понимает теперь, что я всегда был и даже теперь, в мои крокодиловые годы, остаюсь чрезвычайно застенчивым существом, — писал Теннесси Уильямс. — В мои крокодиловые годы я восполняю это типичной уильямсовской сердечностью и вспыльчивостью, а иногда — вспышками ярости. В школьные дни у меня не было ни укрытия, ни маски» (Williams, 1975, p. 17).

«Меня мучил не секс, а собственное Я. Чтобы скрывать истину, приходилось прибегать ко все более тонким ухищрениям, фальшивым романам и бесцельным свиданиям... Но тяжелее всего было отсутствие друга, близкого человека», — вспоминает Пол Монетт. В университете стало еще хуже. «Каждый раз, когда ребята шутили насчет гомиков, я должен был смеяться вместе с ними, а когда разговор заходил о женщинах, мне приходилось изобретать собственные победы. В эти мгновения я ненавидел себя, но ничего другого не оставалось. Вся моя жизнь стала одной сплошной ложью... Напряжение от того, что я должен был обманывать свою семью и друзей, часто становилось невыносимым. Чтобы не выдать себя, я должен был контролировать каждое произносимое слово, каждый свой жест... Каждая минута свидания переживалась как ложь, а если ты не ухаживал за девушками, ты не мог быть своим парнем. Во всяком случае, для моих парней, мнение которых было для меня важнее собственного» (Monette, 1992).

Юность вообще довольно одинокий возраст, но никто не бывает так одинок, как гомосексуальные подростки. Три четверти опрошенных чикагских подростков ни с кем не поделились своими первыми сомнениями, только 13 % посчастливилось найти понимающую душу. Среди восточных немцев, опрошенных Штарке, нашли, кому открыться, 41 %, не нашли — 11 %, а 46 % «в это время никому не доверяли» (Starke, 1994, p. 144).

Участь юных геев и лесбиянок значительно хуже положения представителей любого расового, национального или культурного меньшинства. Если черный (еврейский, армянский, чеченский, русский — подставьте любое «нехорошее» в данной местности меньшинство) ребенок испытывает трудности или подвергается преследованию из-

за цвета кожи, акцента или национальности, он может пойти к своим, несущим ту же стигму, родителям, поговорить с ними и получить если не помощь, то хотя бы утешение. Маленький гей или лесбиянка не могут открыться родителям, которые часто так же предубеждены, как и соученики. Он чувствует себя гадким утенком, единственным на всем белом свете.

Снять эти проблемы может только самораскрытие окружающим. Открытое признание своей гомосексуальности — coming out (буквально — выход в свет) иногда кажется одноразовым драматическим событием, чем-то вроде публичной декларации, после которой пути назад отрезаны и начинается новая жизнь. На самом деле такого крутого, драматического поворотного пункта может и не быть, и даже если он есть, это только кульминация длительного и сложного процесса самоопределения.

По мере роста терпимости к гомосексуальности средний возраст «каминг аут» всюду снижается. В конце 1960-х гг. у американских мужчин он был 19,3 года (Dank, 1971), теперь снизился до 14,5—16 лет. Однако и возраст, и обстоятельства «выхода» — кому и как человек раскрывается — зависят от множества конкретных условий (Naggy, 1993).

Человек открывается не всем сразу, а в определенной последовательности. Первым конфиденнтом подростка чаще всего бывает однополый друг-сверстник, хотя иногда мальчики признаются подругам, а девочки — друзьям-мальчикам. На втором месте стоят матери и на одном из последних мест — отцы. На вопрос Gay.ru — «Знают ли родители о вашей ориентации?» — 32 % ответили «нет, и никогда не узнают», 23 % — «нет, но хотел бы сказать», 10 % — «только мама», 9 % — «все члены семьи», 4 % — «оба родителя» и 1 % — «только папа». На вопрос: «Кто знает о вашей сексуальной ориентации?» — 7 % ответили — «все», 9 % — «родители и друзья», 28 % — «только друзья», 16 % — «только мой партнер» и 15 % — «никто». А ведь посетители гомосексуального сайта не подростки, а весьма «продвинутые» люди.

Какой бы трудной ни была сексуальная самоидентификация, ее завершение приносит огромное облегчение. Люди, которые приняли свою сексуальную ориентацию, в большинстве случаев считают ее естественной, нормаль-

ной и единственно возможной для себя, подстраивая под нее прочие самооценки и установки. Характерно, что после социального принятия однополрой любви значительно меньше геев и лесбиянок выражают желание изменить свою сексуальную ориентацию, если бы это было возможно. 87 % восточных немцев принимают свою гомосексуальность полностью, 16 % — с некоторыми оговорками и только 1 % — с трудом (Starke, 1994). На вопрос Gay.ru: «Если бы появилась таблетка, мгновенно меняющая сексуальную ориентацию, вы бы выпили ее?» — утвердительно ответили только 27 %, а 55 % сказали «нет».

Завершение сексуальной идентификации делает людей более спокойными и уверенными в себе. Однако это большей частью происходит уже за рамками подросткового и юношеского возраста.

ПОДРОСТКОВЫЕ САМОУБИЙСТВА

Одно из самых страшных последствий «голубого одиночества» — так называемые «немотивированные» подростковые самоубийства.

Нас была компания со школьных
времен
Спортсменов, отличников
И самый красивый неожиданно
покончил с собой
Они ничего не подозревали о
нас, обо мне и о нем
Только удивлялись силе моего
горя и переживания
Удивительного, как им тогда
казалось, по моим
молодым годам
Особенно для мужчины

(Пригов, 1995, с. 58)

Многочисленные исследования суицидального поведения гомосексуальных подростков показывают, что они совершают такие попытки значительно чаще своих гетеросексуальных сверстников. От 20 до 35 % американских юношей-геев совершают попытки самоубийства, это го-

раздо больше, чем в любой другой социально-возрастной группе (Harstein, 1996; D'Augelli, 1996; Bagley and Tremblay, 1997; Remafedi et al., 1998). В бывшей ГДР 36 % опрошенных гомосексуалов сказали, что думали о самоубийстве, а 13 % пытались его осуществить (Starke, 1994, S. 208). По данным клинических исследований, риск суицида среди юных геев и лесбиянок особенно велик, если они 1) слишком рано открыто обнаруживают свою гомосексуальность, 2) подвергаются в связи с этим насилию и преследованиям, 3) пытаются решить проблемы с помощью алкоголя и наркотиков и 4) отвергнуты своими семьями. Эти молодые люди умирают не от гомосексуальности, а от страха перед ней и от жестокого отношения окружающих.

Недавно известный психолог из Корнеллского университета Рич Сейвин-Уильямс (Savin-Williams, 2001) пытался поколебать эти цифры, утверждая, что они получены главным образом на клинических выборках, где представлены преимущественно проблемные подростки; кроме того, исследователи иногда смешивают реальные попытки самоубийства с мыслями о нем. Говоря о своих суицидных попытках, юные геи просто хотят привлечь к себе внимание, а на самом деле большинство их здоровы и жизнестойки. Возможно, что 30 % — действительно завышенная цифра. Но многие исследования делались вовсе не на клинических выборках, и реальные суицидные попытки не смешивались с намерениями. Тем не менее гомосексуальные юноши явно образуют группу повышенного риска для суицида и депрессии. То же показывают близнецовые исследования (Herrell, 1999).

Разумеется, здесь много опосредствований. Например, в канадском исследовании 750 молодых мужчин (Bagley and Tremblay, 1997) существенным коррелятом депрессии как у геев, так и у «натуралов», оказалось наличие или отсутствие сексуальных контактов. Среди сексуально-активных геев депрессией страдают 6 %, а среди девственников — 46 %; у гетеросексуальных мужчин аналогичные цифры — 2,6 % и 21,8 %. Тем не менее разница между двумя группами достаточно велика, а по суицидальности (попытки самоубийства и мысли о нем) просто огромна, в десятки раз.

Кто может оказать этим молодым людям моральную поддержку и психологическую помощь? Прежде всего, конечно, родители. Истинная родительская мудрость в этой драматической жизненной ситуации — проявить терпимость и понимание к сыну или дочери, поддержать их в этот самый трудный и драматический момент их жизни. От родительской помощи больше, чем от чего бы то ни было другого, зависит находящееся под ударом юношеское самоуважение, с которым, в свою очередь, связаны все остальные психологические свойства личности. Однако многие родители не выдерживают этого испытания. В бывшей ГДР информации об однополой любви было гораздо больше, чем в России, тем не менее понять своих гомосексуальных сыновей пытались только 19 % матерей и 7 % отцов, и только 8 % матерей и 5 % отцов приняли сексуальную ориентацию сыновей сразу и безоговорочно (Starke, 1994); остальные были к этому не готовы, надеялись, что все еще изменится, просили сохранить все в тайне, таскали по психиатрам и т. д.

Профессиональная психологическая помощь нужна не только юным геям и лесбиянкам, но и их родителям. К сожалению, в России ни психиатров, ни психологов к такой деятельности не готовят. Порядочный специалист, скорее всего, просто посочувствует и разведет руками, а дипломированный жулик будет тянуть у родителей деньги за заведомо бесполезные, а то и вредные попытки «излечить» гомосексуальность (новорусские мамы готовы отдать за это любые деньги).

Между тем профессиональная помощь в этих случаях возможна, и состоит она отнюдь не в том, чтобы поддерживать подростка в борьбе с родителями или наоборот. Проблемным подростков необходимо принимать такими, каковы они есть, не морализируя и не запугивая. Задача психотерапевта — не изменить сексуальную ориентацию подростка, а помочь ему прояснить свои чувства. Что его мучает? Трудности самопознания? Стигматизация? Социальная изоляция? Необходимость скрываться? Чувство своей особенности? Отсутствие родительской поддержки? Преследование и насилие? Сексуальная депривация или что-то еще?

Поспешное и преждевременное — лишь бы снять мучительную неопределенность — сексуальное самоопределе-

ние может, как и в других сферах бытия, закрыть пути к более глубокому осмыслению собственных возможностей и стремлений. Даже если подросток не сомневается в своей ориентации, что бывает далеко не всегда, преждевременно обнародовав ее, он рискует оказаться в изоляции в школе и дома. Единственным противовесом домашней и школьной враждебности в этих условиях может оказаться криминальная уличная среда, которая незаметно для него самого протестирует подростка, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому лучше отложить «выход» до совершеннолетия и осуществить его в более благоприятных условиях. Однако убедить в этом подростка вы сможете, только если он увидит, что вы уважаете его право на выбор и не пытаетесь им манипулировать.

3-2. ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ БЕЗ ИНТЕРЬЕРА

Геевская жизнь по своей природе является философской... Это люди, которые должны изобретать себя... Когда человек открывает, что он гей, он должен выбрать все, начиная с походки, одежды и манеры разговаривать и кончая тем, где жить, с кем и на каких условиях.

Эдмунд Уайт

Каковы социальные и психологические особенности мужчин-гомосексуалов и геевского стиля жизни? Говорить о «геях вообще», без учета национальных, демографических, социально-групповых и индивидуальных различий бессмысленно, эти мужчины очень разные, и их групповой портрет вне интерьера неизбежно будет схематичным и условным, тем более что почти все научные данные касаются немногих западных стран, а среднестатистический американский гей отличается от среднестатистического российского гея так же сильно, как средний американец от среднего россиянина. Тем не менее без обсуждения этих вопросов не обойтись.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ

Самой характерной чертой западноевропейских и американских геев и лесбиянок является то, что они преимущественно горожане. Выборочные исследования, в частности маркетинговые, подтверждают выводы приведенных выше национальных опросов. По данным американского маркетингового исследования (Yankelovich, 1994) 27 % американских геев и лесбиянок (и только 18 % гетеросексуалов) живут в городах с населением свыше 3 миллионов, а 61 % — свыше 1 миллиона жителей. 89 % канадских геев также проживают в городах (Myers et al., 1993). В больших городах геи имеют излюбленные районы проживания, где они составляют не только значительное меньшинство, но иногда даже большинство населения (например, в Западном Голливуде). В Европе эта тенденция к группированию выражена значительно слабее, чем в США.

Уровень образования американских геев выше среднего. 49 % из них учились в колледже и 14 % в аспирантуре (среди гетеросексуалов соответствующие цифры — 37 % и 7 %). По данным национальной переписи 1990 г., 13 % совместно живущих геев имели образование выше колледжа и 23,7 % окончили колледж; среди женатых гетеросексуальных мужчин соответствующие цифры — 10,3 % и 17 % (Sanders et al., 2001). 72 % канадских геев учились в университете, 31,2 % окончили университет, а 12,8 % — аспирантуру (Myers et al., 1993, p. 23). Среди восточногерманских геев доля интеллигентов вдвое превышала средние показатели по ГДР (Starke, 1994, S. 373). В другом немецком исследовании высшее и среднее специальное образование имели 59 % гомосексуалов (Bochow, 1989, S. 114). По данным опроса 15 тысяч европейцев, проведенного известной фирмой EMNID, геи и бисексуалы лучше образованы и имеют более высокую академическую успеваемость (Апанова, 2001).

Тяга геев к образованию связана с их психологическими особенностями. По многим психологическим тестам, особенно по направленности интересов, геи больше похожи на женщин, чем на гетеросексуальных мужчин (а лесбиянки, наоборот, похожи на мужчин). В детстве это

проявляется особенно сильно. Школьные отметки гомосексуальных мальчиков, как правило, выше среднего уровня. У маленьких геев есть дополнительный стимул к учебе и интеллектуальному развитию: поскольку многие из них не могут преуспеть в типичной мальчишеской деятельности, спорте и соревновательных играх, их самореализация идет по другому пути. Это сказывается и на выборе профессии.

Социологически достоверных данных о распределении гомосексуалов по профессиям и об уровне их доходов практически нет. Среди американских геев больше людей, имеющих собственное дело, и лиц так называемых свободных профессий. Многие мужчины-геи предпочитают работе на производстве индустрию развлечений и сферу обслуживания (актеры, шоумены, дизайнеры, продавцы, парикмахеры и т. д.). В целом это весьма успешная социальная группа. Однако данные об уровне их доходов противоречивы (Hewitt, 1995; Badgett, 1995). По одним источникам, их годовой доход выше среднего, по другим — ниже, чем у гетеросексуальных мужчин, несмотря на более высокий образовательный уровень. По данным переписи 1990 г., американские лесбиянки зарабатывают в среднем больше обычных женщин, а геи — меньше женатых мужчин (Sanders et al., 2001). Однако это требует более детального анализа, разбивки по профессиям и т. д.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ

Хотя психологи давно уже отказались от попыток сконструировать единый тип «гомосексуальной личности», старые стереотипы, что геи более фемининны, чем гетеросексуальные мужчины, а лесбиянки — более маскулинны, чем гетеросексуальные женщины, содержат какую-то долю истины. Эти различия особенно велики в области профессиональных предпочтений и интересов, а также в оценке собственной маскулинности и фемининности (геи обычно считают себя менее маскулинными, чем гетеросексуальные мужчины). При измерении таких традиционно маскулинных свойств, как инструментальность, независимость и напористость, и таких традиционно женских черт, как экспрессивность, сочувствие и заботливость, различия между гомо- и «натуралами» мень-

ше (Lipra, 2000). Однако мера этих различий зависит от того, насколько сильно данная культура поляризует «мужские» и «женские» свойства. Например, сравнение связанных с гендером личностных черт белых англоамериканцев с американцами испанского и азиатского происхождения показало, что две последние группы, в которых гендерным различиям придается больше значения, склонны также преувеличивать различия между гетеро- и гомосексуалами (Lipra and Tan, 2001).

Некоторые из этих различий имеют практическое значение. Геи гораздо больше «натуралов» озабочены собственным Я. Интроспекцию, потребность в самопознании признали важной ценностью 43 % геев и лесбиянок и только 23 % гетеросексуалов (Yankelovich, 1994). Они постоянно заботятся о своей физической форме, состоянии здоровья и внешности, включая одежду, придают огромное значение личному общению и проявляют готовность идентифицироваться не только со своей собственной, но и с другими угнетенными группами (этнические меньшинства, женщины, старики).

Геи охотнее гетеросексуалов выходят за пределы повседневности. Они выше ценят воображение, уход от будничных реалий (34 % против 25 %) и личное творчество (с мнением, что каждый может творить, согласились 22 % геев и 14 % гетеросексуалов). Жажда нового опыта отличает не только художников, но и самых обычных геев-потребителей. Эгоцентризм и гедонизм, жажда удовольствия, новизны, развлечений и приключений часто приходит в противоречие с нормами традиционной протестантской морали. В отличие от типичного мужчины-«трудоголика», целиком поглощенного карьерой и зарабатыванием денег, геи умеют ценить разнообразный досуг, вкусную пищу, путешествия в дальние страны и т. п. Они тратят значительно больше времени на посещение магазинов и получают от этого больше удовольствия, чем гетеросексуальные мужчины, охотнее тратят деньги, внимательнее следят за модой, покупают больше предметов роскоши, книг, произведений искусства, чаще ходят в театры. Эстетические качества обиходных вещей для них важнее практических, в одежде они предпочитают новые, необычные, подчас вызывающие модели и т. д. (Penaloza, 1995). Европейские геи (Ananova, 2001) тратят

много денег на путешествия, увлекаются музыкой и литературой, а также проводят на 10 % больше времени в Интернете, чем гетеросексуалы.

Эти цифры не следует абсолютизировать, разброс гендерно-специфических черт очень велик. Деловые женщины не обязательно лесбиянки, а мечтательные непрактичные мужчины не всегда геи. Новейшие маркетинговые исследования подчеркивают, что в сфере потребления, как и во всем остальном, геи не образуют единой группы и принадлежат к разным субкультурам (Rudd, 1996).

Геев отличает повышенная чувствительность к стрессам. Жизнь часто кажется им слишком напряженной, и они хотят сделать ее более надежной и спокойной, избегая рискованных профессий и лишней ответственности. Потребность самим контролировать свою жизнь выразили 46 % опрошенных Янкеловичами геев и 35 % гетеросексуалов. Многие геи не доверяют большому бизнесу (35 % против 26 %) и гораздо чаще испытывают недоверие к миру и окружающим, подозревая их во враждебном к себе отношении. Такая настороженность типична для всех дискриминируемых и стигматизируемых меньшинств.

Повышенная эмоциональная чувствительность и ранимость в сочетании с трудностями социального бытия делают гомосексуалов группой повышенного риска в отношении целого ряда психических расстройств, а также наркотической зависимости (Addictions, 2001). Тот факт, что гомосексуальные мужчины более подвержены психическим расстройствам, характерным для женщин, тогда как среди лесбиянок распространены расстройства, типичные для мужчин (Sandfort et al., 2001), подтверждает теорию, согласно которой важную роль в происхождении гомосексуальности играют гормональные нарушения в пренатальной фазе развития (Bailey, 1999). Однако стереотипный образ гомосексуала как постоянно балансирующего на грани самоубийства невротика так же несостоятелен, как образ мягкой, зависимой и истеричной женщины. Многие гомосексуалы не менее оптимистичны, жизнерадостны, эмоционально отзывчивы и открыты для общения, чем гетеросексуальные мужчины (Воронцов, 1999). Это зависит как от природных — депрессия, тревожность и близкие к ним симптомы сильнее всего выражены у гендерных дисфориков и феминизированных гомосексуалов, которые

были недовольны своим полом/гендером в детстве и отрочестве (Weintich et al., 1995), — так и от социальных условий (уровень стигматизации и дискриминации).

ГЕЕВСКАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ

С этим связана и проблема так называемой «геевской чувствительности» (gay sensibility). Это многозначное и идеологизированное понятие означает, с одной стороны, высокую эмоциональную возбудимость, восприимчивость и ранимость, а с другой — повышенный артистизм и художественные способности. Эти взаимосвязанные черты действительно характерны для многих геев. Повышенная эстетическая чувствительность, художественные интересы и способности проявляются у геев уже в раннем детстве. Гомосексуальные мальчики везде и всюду предпочитают силовым и соревновательным видам спорта актерскую деятельность или танцы.

Это отражается и на профессиональных занятиях. При сравнении профессиональных интересов «реальные» ценности предпочли 3 % геев и 23 % гетеросексуалов, а «художественные» — 30 % и 15 % (Chung and Harmon, 1994). Значительно больше американских геев, чем гетеросексуальных мужчин, заняты в искусстве и шоу-бизнесе и в меньшей степени в сфере писательства, архитектуры, рекламы и паблик рилейшенс. К «голубому» племени принадлежат такие выдающиеся писатели и поэты XX в., как Сомерсет Моэм и Ивлин Во, Ангус Уилсон и Кристофер Ишервуд, Уистен Оден и Аллен Гинзберг, Ив Наварр и Жан Жене, Марсель Жуандо и Анри де Монтерлан, Жюльен Грин и Эрве Гибер, Теннесси Уильямс и Эдвард Олби, Гор Видал и Джеймс Болдуин, Пол Гудмен и Уильям Берроуз, Трумэн Капоте и Джо Ортон, Эдмунд Уайт и Дэвид Ливитт, Хуан Гойтисоло и Федерико Гарсия Лорка, Умберто Саба и Сандро Пенна, Клаус Манн и Хуберт Фихте, Константин Кавафис и Мишель Турнье, кинорежиссеры Лукино Висконти, Пьер Паоло Пазолини, Райнер-Мария Фасбиндер и Дерек Джармен, композиторы Камилл Сен-Санс, Кароль Шимановский, Франсис Пуленк, Бенджамин Бриттен, Генри Кауэлл, Арон Коплэнд, Нед Рорем, философы Людвиг Витгенштейн, Джордж Сантаяна, Мишель Фуко, Ролан Барт, пианист

Владимир Горовиц, дирижер Леонард Бернстайн и многие другие. Глубокие «голубые» корни имеет современная поп-музыка, особенно рок-н-ролл, диско и панк-рок; свою гомо- или бисексуальность открыто признавали Элтон Джон и Фредди Меркьюри. Очень много геев среди дизайнеров (Ив Сен Лоран, Джанни Версаче и др.) и танцоров, причем речь идет не только о звездах.

Из 136 опрошенных американских танцовщиков (в разных жанрах) свыше половины мужчин оказались «голубыми» (напротив, среди балерин очень мало лесбиянок). Интерес к танцу появился у этих мужчин раньше, чем у их гетеросексуальных коллег. Почти все они в детстве чувствовали себя в какой-то степени женственными и осознали свой гомоэротизм раньше, чем начали танцевать; то есть не танцы способствовали развитию гомосексуальной ориентации, а гомоэротизм стимулировал увлечение танцами (Bailey and Oberschneider, 1997).

Существуют три альтернативных (или взаимодополнительных) объяснения «геевской чувствительности».

1. Гомосексуалы от природы обладают повышенными художественными способностями благодаря сочетанию в их психике мужских и женских черт, которое помогает им преодолевать гендерную ограниченность.

2. Высокий удельный вес гомо- и бисексуалов среди артистов и художников объясняется тем, что эти занятия дают больше свободы, чем другие сферы жизни, жестко подчиненные гендерным стандартам. «Юноше, похожему на девушку, не место среди бойскаутов, он должен уйти на Парнас» (Вулф, 1971, с. 267).

3. Маргинальное положение невольных аутсайдеров в сочетании с повышенной чувствительностью дает геям особое видение мира, благоприятствующее художественным открытиям. По словам американского писателя Дэвида Ливитта, гомосексуальность, сделавшая его изгоем, тем самым заставила его посмотреть на мир со стороны и увидеть то, чего не видят другие (Leavitt, 1995, p. 19).

Однако важна не столько сексуальная маргинальность, сколько индивидуальная способность творческого ее осмысления. Свойства популяции или культуры совсем не обязательно являются свойствами всех принадлежащих к ней индивидов. Не говоря уже о том, что не все геи эстетичны и артистичны, эти черты могут проявляться не в

творчестве, а в потреблении. Американские геи больше «натуральных» мужчин читают, чаще посещают музеи и симфонические концерты, не жалея времени и сил, обставляют свои дома и обустраивают быт (в «нормальных» семьях этим больше занимаются женщины), не допуская небрежности, характерной для многих гетеросексуальных холостяков. Бытовой артистизм проявляется также в карнавальности гей-парадов, сочетающих серьезное политическое действие с вызывающим трепом, в «кэмпе» и т. п.

СЕКСУАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ

Отсутствие единого типа гомосексуальной личности видно и на примере собственно сексуального поведения.

Одно из главных общих отличий мужской сексуальности от женской состоит в ее экстенсивности и инструментальности: мужчины имеют значительно больше сексуальных партнеров, чаще меняют их, легче вступают в случайные, безлюбовные связи и т. д. Это имеет под собой как социальные (господствующее положение мужчин), так и биологические основания. По этому, чисто количественному критерию (количество и сменяемость партнеров) мужчины-гомосексуалы оставляют далеко позади даже самых завязанных гетеросексуальных донжуанов.

В 1971 г. каждый седьмой опрошенный немецкий гомосексуал имел в течение жизни свыше 600, а некоторые (среди 31—35-летних таких было 11 %) — свыше тысячи партнеров (Dannecker, Reiche, 1974, p. 236). В 1987 г., под влиянием эпидемии СПИДа, среднее число партнеров за последний год перед опросом у немецких гомосексуалов снизилось в 2,5 раза (с 14,3 до 5,5 человек), доля мужчин, имевших в течение года от 51 до 100 партнеров, уменьшилась с 8,4 % до 5 %, а имевших свыше 100 партнеров — с 5,7 % до 1,7 %. (Dannecker, 1990). Тем не менее в 1981 г. больше 5 партнерш за последний год имели около 5 % гетеросексуальных студентов, а среди гомосексуалов таким числом партнеров мог похвастаться каждый второй (Clement, 1986, pp. 111—112). В 1996 г. свыше 10 партнеров в течение жизни имели 15 % опрошенных гетеросексуальных и 49 % и 60 % гомосексуальных студентов (было две разных выборки) (Dekker und Schäfer, 1999).

Но эти цифры требуют интерпретации. Во-первых, «больше партнеров» не всегда означает «больше секса» (частый секс обычно требует наличия постоянного партнера, с чем у геев бывают трудности). Во-вторых, за средними цифрами скрываются разные типы личности и стили жизни. В среднем английские геи в 1980-х гг. имели в течение жизни 38 сексуальных партнеров, за последние пять лет — 16, за последний год — 4 и за последний месяц — одного. Однако в нижней четверти выборки соответствующие цифры составляют 12, 5, 2 и 1, в верхней четверти — 181, 40, 10 и 2, максимальные же показатели — 25 000, 1500, 300 и 40 партнеров (Davies et al., 1984, p.122). Хотя таких «максималистов» очень мало и психологически они представляют собой особую группу, ориентированную на экстенсивную сексуальную жизнь, они существенно влияют на средние показатели.

При качественном анализе картина еще больше осложняется. Что значит «случайный секс» или «случайный партнер»? Множественность связей? Их краткосрочность? Отсутствие избирательности? С кем попало? Где попало? Анонимность, отсутствие интимности? Сколько раз (или времени) нужно переспать с человеком, чтобы можно было считать его постоянным партнером? Все это совершенно разные вопросы. Молодой человек может быть по характеру романтиком-однолюбом, но если у него нет собственного жилья, привести в родительский дом и оставить на ночь девушку ему трудно, а парня и вообще невымыслимо. Это заставляет его заниматься сексом в самых разных и не всегда удобных местах.

Здесь существует целый ряд, так сказать, цивилизационных и одновременно психологических градаций.

1. Анонимный одноразовый секс в общественных туалетах, где партнеры бо́льшей частью даже не видят друг друга.

2. Сексуальные контакты с незнакомыми мужчинами в банях, саунах, парках, на пляжах, «плешках», в темных комнатах геевских баров и дискотек.

3. Одноразовый секс в более или менее комфортных условиях дома или в гостинице.

4. Сексуальное партнерство, где люди связаны между собой только более или менее регулярным сексом (американцы называют это *fucking buddies*).

5. Более или менее длительные, постоянные партнерские отношения, предполагающие какие-то взаимные обязательства.

6. Сожительство с общим проживанием и домохозяйством.

7. Юридически оформленное домашнее партнерство или однополый брак. Каждая из этих форм отвечает определенным потребностям и имеет своих сторонников и противников.

Больше всего споров вызывает, естественно, анонимный туалетный секс. Общественные туалеты стали важным элементом мужской гомосексуальной культуры с момента своего возникновения. «Вонючие храмы Приапа», как назвал парижские писсуары Гаролд Норс, «предлагали такое разнообразие религиозного опыта, с которым не могла соперничать ни одна христианская церковь (оргазм, безусловно, самая непосредственная и универсальная форма соединения с Богом)» (Norse, 1989, p. 379).

Многие психиатры видят в туалетном сексе свидетельство эмоциональной ущербности и неспособности геев к психологической интимности, любви и принятию связанных с ними обязанностей. Но в условиях дискриминации и полицейских преследований у гомосексуалов часто не было выбора. Хотя из опрошенных Кинзи гомосексуалов туалетным сексом занимались только 10 %, 20 % других приобрели таким путем от 68 до 100 % своих партнеров (Gebhardt and Johnson, tables 516, 528).

Сегодня удельный вес «туалетных» контактов в цивилизованных странах стал гораздо меньше. Тем не менее они не исчезли. Как замечает известная американская писательница и журналистка Камилла Палья, «анонимный секс в темном закоулке — уплата дани мечте о мужской свободе (в России это называли бы членскими взносами. — И. К.). Незнакомый чужой мужчина — это странствующий языческий бог, а алтарем, как и в древности, может быть любое место, в котором ты преклоняешь колени. Натуральные мужчины, посещающие проститутток, также героически стараются освободить секс от эмоций, долга, семьи, другими словами, — от общества, религии и детородной Матери Природы» (Paglia, 1990, p. 21).

Многих мужчин, независимо от ориентации и социальных условий, в сексе больше всего привлекает новиз-

на и количество. Гомосексуальность гипертрофирует это свойство, превращая бани и сауны, по выражению Фуко, в лаборатории сексуального экспериментирования. «Туалеты нельзя отождествлять со страданием, унижением, хаосом и смертью. Это просто места, где легче всего найти хуй. Не больше и не меньше. Такие встречи неромантичны, но обычно безвредны и вполне удовлетворяют многих людей. Один «натуральный» друг сказал мне: «Если бы существовали их гетеросексуальные аналоги, я ходил бы туда каждую ночь» (Rees, 1992, p. 246).

Что анонимный секс — не столько гомосексуальный, сколько мужской феномен, экспериментально подтвердил Дарил Бем. Он предложил своим студентам анонимно ответить на вопрос, хотели бы они посетить некое банно-спортивное заведение, где можно без огласки, на добровольных началах, заниматься безопасным гетеросексуальным сексом. Единоразы посетить такое заведение пожелали в 2,3 раза больше мужчин, чем женщин, делать это «иногда» — в 4 раза больше, и ходить туда регулярно — в 16 раз больше мужчин, чем женщин.

Сексуальные контакты между мужчинами в банях, саунах и барах практически не обязательно безличны, а отсутствие интимности и любви заменяет своеобразное чувство мужской солидарности: «Я ощущаю чувство братства со всеми мужчинами, с которыми трахался» (Steward, 1982, p. 241).

Однако экстенсивный секс со многими случайными партнерами не только опасен, но не дает той психологической интимности, к которой геи весьма чувствительны. Его оборотная сторона — чувство одиночества, переживание которого зависит в первую очередь от наличия или отсутствия постоянного партнера (у восточных немцев разница в 6 раз). С этим связан также уровень счастья и сексуальной удовлетворенности. «Совершенно» и «очень» счастливы 45 % геев, имеющих партнера, и только 6 % не имеющих (Starke, 1994, pp. 387—388).

Потребность в стабильных отношениях и способность поддерживать их зависят, с одной стороны, от типа личности, а с другой — от возраста. Многие юноши и молодые мужчины, независимо от их сексуальной ориентации, до поры до времени не испытывают нужды в постоянстве. Их сексуальная активность экспериментальна и экстенсивна. Когда московская «голубая» газета «РИСК» (1992,

№ 2—3) открыла дискуссию о проблеме постоянного партнера, 19-летний Игорь написал:

«По-моему, все эти разговоры о постоянстве — одна сплошная муть... Спать все время с одним и тем же — скучно, это же ежу понятно! Я, слава Богу, не урод и могу себе найти столько парней, сколько надо: разные тела, разные губы, разные члены — **каждый раз** новый кайф. Вот лет через 20, когда мне уже будет ничего не нужно, придется обзавестись кем-то постоянным, а сейчас — что я, чокнутый?»

А рядом — письмо 27-летнего Дмитрия: «Я не знаю, что такое проблема постоянного партнера. Просто с тех пор, как год назад он вошел в мою жизнь, она стала наполненной и осмысленной. Я хочу его постоянно, все время, но дело не в этом: уже достаточно давно секс отошел куда-то на второй план, к тому же жить нам негде, так что вместе мы по большей части гуляем по городу и пьем чай в гостях у его или моих друзей, давно уже ставших общими... Наверно, нас можно назвать постоянными партнерами, а для меня он — никакой не «партнер», а любимый. И это навсегда».

ОДНОПОЛЫЕ ПАРЫ

До легализации однополый любви совместное проживание с постоянным партнером было трудно осуществимо. Тем не менее, по данным разных исследователей, в конце 1970-х гг. от 40 до 60 % американских геев имели более или менее стабильные парные отношения и приблизительно половина из них жили совместно (Haggy, 1984). 8 % опрошенных Блумстейном и Шварц 1576 лесбийских пар и 18 % мужских пар жили совместно свыше 10 лет (Blumstein and Schwartz, 1983, p. 594). У гомосексуалов Восточной Германии в 1990 г. постоянного партнера имели 56 %, причем 48 % из них вели общее хозяйство и еще 36 % хотели бы его вести. У 35 % 30—40-летних мужчин длительность сожительства была свыше трех, у 24 % — свыше пяти и у 10 % — свыше десяти лет (Starke, 1994, pp. 307—314). В Англии в конце 1980-х гг. партнерские отношения имели от 57 % до 65 % опрошенных геев, их средняя длительность составляла 4 года, максимальная — 38 лет (Davies et al., p. 157—161).

За последние десять лет число однополых пар, ведущих совместное хозяйство, резко увеличилось: в США оно выросло на 250 %, а в некоторых штатах даже больше (Ivanov, 2002; Kimmel, 2001). В Западной Европе эта тенденция выражена еще сильнее. В России легализовать однополые браки впервые предложили участники международной конференции «Семья на пороге третьего тысячелетия» (Москва, июнь 1994 г.), в рамках которой состоялся круглый стол «Однополые браки: моральные и юридические проблемы». На пленарном заседании конференции против этого предложения никто не возражал, но до законодательной инициативы дело так и не дошло.

Как выглядят эти сожительства и чем мужские однополые пары отличаются от женских и от разнополых пар? Однополое партнерство, как правило, начинается с секса, но очень скоро эти пары сталкиваются с теми же самыми проблемами, что и разнополые — разделение домашнего труда, управление финансами, выработка собственного стиля жизни и т. д. Общие критерии оценки удовлетворенности партнерством практически те же, что в гетеросексуальных браках, причем геи оценивают свои взаимоотношения по тем же критериям, что и женатые мужчины, а лесбиянки — как замужние женщины (Kurdek, 1995). Но насколько адекватны эти критерии?

Первая проблема совместной жизни — распределение домашних обязанностей. На первый взгляд разнополым парам в этом отношении легче, существует привычная система полоролевых норм и ожиданий, типичные обязанности мужа и жены и т. п. Однако многочисленные исследования, как зарубежные, так и российские, показывают, что браки, основанные не на гендерных стереотипах, а на действительном равенстве полов, с учетом индивидуальных особенностей супругов, являются более счастливыми и устойчивыми.

У однополых пары обязательной, стандартной полоролевой/гендерной дифференциации нет и быть не может. Но порой этот «минус» оказывается «плюсом». Поскольку вести себя по образцу отца или матери, как поступают многие молодые супруги, двое мужчин заведомо не могут, разделение домашнего труда, порождающее больше всего семейных конфликтов, здесь с самого начала строится с учетом индивидуальных особенностей: каждый делает то,

что он лучше умеет или что ему больше нравится, а если какая-то необходимая работа никому не нравится, — на основе разумного компромисса. Этому способствует еще одно обстоятельство. Мужчины привыкли эксплуатировать женский труд и подчас даже не замечают этого. Труд другого мужчины безнаказанно эксплуатировать нельзя. Самый избалованный родителями мальчик никогда не позволит себе капризов в обществе сверстников. То же — и в мужских сожительставах. Вот как описывает свою жизнь один московский гей:

«Димка со студенческих (общежитских) лет привык к стирке, а готовил еду даже не без удовольствия (потому что это всегда было для него дополнением к университетской столовой, т. е. связывалось психологически с отходом от обыденности и рутины), — я же как раз ни того, ни другого не умею и не люблю; зато я всегда хожу по продуктовым, за первый месяц нашей жизни в отдельной квартире изучил всю диспозицию нашего микрорайона, составил схему оптимальных маршрутов (в угловом магазинчике сыр свежее и дешевле, зато в молочном кефир вкуснее — с другого завода, в универсаме всегда есть «бородинские» батоны и т. д.) — в общем, извлек из обязанности удовольствие; мытье посуды обычно за мной, подметание пола — с тех пор как я работаю дома, это для меня прекрасное средство успокоиться и собраться с мыслями, когда что-то не клеится в работе (наше домашнее присловье: «Не знаешь, что делать, — подмети в кухне!»). Пожалуй, осталось только одно дело, которое нам не удалось поделить, — это глажка рубашек (у обоих совершенно нет такого навыка, да и утюг нам мои родители подарили только через полгода совместной жизни); в конце концов мы просто на это дело плюнули и перешли на свитера и модели, которые глажки не требуют...»

Другая проблема — регулирование сексуальных отношений. Общий уровень сексуальной активности мужских пар значительно выше, чем женских и смешанных. В первые недели и месяцы совместной жизни некоторые буквально не вылезают из постели. Однако со стажем совместной жизни сексуальная притягательность мужчин друг для друга уменьшается и уровень сексуальной активности снижается так же, как это происходит в разнополых браках. «Сначала мы занимались сексом перед завтраком, перед обедом и перед

ужином. Первым отпал завтрак, потом обед и, наконец, ужин. Осталась только ночь и иногда послеобеденная суббота, — и мы оба втайне были этим встревожены».

Сексуальная жизнь в браке вообще отличается от случайных встреч. Как пишет цитированный выше молодой москвич, «мы съехались и стали жить вместе на 4-м году постоянных партнерских отношений. До этого каждая проведенная вместе ночь была не то чтобы событием — это было бы слишком громко сказано, — но неким отдельным, специальным мероприятием: ее надо было организовывать, готовить, будь то ситуация отъезда моих родителей или его соседей по комнате, визит к тем немногим из моих друзей (его друзья были не в курсе), у кого была лишняя комната... Жизнь в одной комнате в этом смысле перестраивает восприятие: заниматься любовью становится возможным в принципе в любой момент. И потому часто сексуального контакта (в узком, так сказать, смысле слова, потому что, шире говоря, жизнь вместе с любимым человеком наполнена бесчисленными мелочами, жестами, движениями более или менее эротического характера — поцелуями, касаниями, ласками мимоходом...) не происходит потому, что до него, что называется, руки не доходят: пока оба вернемся с работы или после каких-то дел, пока приготовим ужин, потом ежевечерний ритуал — новости на канале НТВ, и после тоже какие-то любимые и часто совместные занятия, так что когда где-нибудь в третьем часу доползаем до кровати (а вставать-то в девять!), то сил уже хватает только на то, чтобы теснее прижаться друг к другу, — и это не вызывает особого огорчения, потому что ведь никакие совместные удовольствия теперь уже от нас никуда не денутся...»

В связи с этим возникает вопрос о сексуальной исключительности и верности. Среди калифорнийских мужских пар, обследованных до эпидемии СПИДа, ни одна не выдержала искуса больше пяти лет, а большинство стало искать развлечений на стороне уже на втором году совместной жизни (McWhirter, Mattison, 1984). В более поздних и географически разнообразных (Калифорния издавна славилась свободой нравов) исследованиях верность или, по крайней мере, установка на нее встречается гораздо чаще. Хотя большинство геев считают строгую моногамию неосуществимой, они высказываются в пользу

более стабильных и закрытых отношений. Тем не менее строгая моногамия среди мужчин — скорее исключение, чем правило. Ее соблюдение зависит, с одной стороны, от стажа сожителства, а с другой — от соотношения возраста партнеров. Более длительное сожителство и большая разница в возрасте партнеров предполагают некоторую снисходительность. Но точно так же стоит этот вопрос и в разнополых семьях.

РАЗНОВОЗРАСТНЫЕ ПАРЫ

Мужские пары часто бывают разновозрастными. Средняя разница в возрасте партнеров составляет 5—6 лет, но на полюсах она может быть значительно больше. Это создает как сексуальные, так и социально-психологические проблемы. В разнополых отношениях социально-возрастное неравенство и «обмен» юной женской красоты и свежести на мужской жизненный опыт и покровительство считается нормальным, институционализированным. Гендерное неравенство как бы узаконивает асимметричность сексуально-эротических отношений. В однополых отношениях все сложнее.

Сознание зависимости от другого, тем более — младшего, для мужчины оскорбительно. Когда его юный любовник опоздал на 20 минут, Джон Чивер записал в дневнике: «Одно из неудобств гомосексуальной любви — что приходится ждать мужчину. Ждать женщину кажется вполне естественным, это судьба, но ждать своего любовника-мужчину крайне мучительно» (Cheever, 1990, p. 378).

Не менее двусмысленно положение молодого человека. Хотя власть над зрелым мужчиной льстит его самолюбию, он не хочет чувствовать себя «мальчиком» и мстит своему поклоннику капризами, изменами, внешними демонстрациями своей власти. Борьба самолюбий вносит в мужские отношения напряженность, для преодоления которой не существует отработанных культурных механизмов. В романе Юкио Мисимы «Запрещенные цвета» 20-летний красавец Юси постоянно демонстрирует свою власть над 40-летним богачом Кавадой не только потому, что равнодушен к нему, но и потому, что это подкрепляет его самоуважение. Когда Кавада с трудом выкроил время для встречи, Юси заставил его три часа ждать, пока сам без особого удоволь-

ствия играл в бильярд. У Кавады «к двойной ревности мужчины по отношению к легкомысленной женщине и ревности стареющей женщины к молодой красавице присоединялось сознание того, что он любит существо собственного пола. Это чувство бесконечно усиливало унижительность его любви, которая, будь она обращена на женщину, была бы вполне приемлемой даже для министра. Ничто не могло ранить мужское самолюбие такого человека, как Кавада, сильнее, чем унижение от сознания своей любви к мужчине» (Mishima, 1989, pp. 452—453).

Социально-возрастная разница осложняет не только ухаживание, но и поддержание партнерских отношений. Независимо от его сексуальной ориентации мужчина большей частью женится или обзаводится постоянной партнершей или партнером потому, что хочет постоянства и стабильности. Женщин, ориентированных на семью и детей, это вполне устраивает. Юноше, молодому мужчине хочется не столько постоянства, сколько новизны и приключений.

«Я его не понимал. Я хотел семейной жизни и мерил его по себе а он хотел выступать в компаниях и пленять других и совсем не хотел затворяться от мира. Он хотел чтобы новые и новые желали его пока в него еще можно было влюбляться как в девочку. Мне нужна была жена а ему поле для игры. А я хотел его замкнуть на себе. А ему еще урвать от жизни пока еще есть успех и молодость не прошла и избавиться от меня» (Харитонов, 1993, с. 200).

Социально-возрастное, имущественное и образовательное неравенство усугубляется различиями вкусов и интересов. Старший облекает свою любовь в форму покровительства:

Ну что, выпьем еще
Глупенький!
Дурачок мой!
Тело полное шарма и податливости
На, возьми денег
Сбегай на свой очередной идиотский пиф-паф-фильм
Пока я просмотрю новое издание

Анналов

Только не приходи позже одиннадцати
Я буду волноваться.

(Пригов, 1995, с. 60)

Чем больше возрастная разница, тем сложнее добиться взаимопонимания.

«Вам хочется слов открыто сказать все как есть, и кажется вы и любите, что перед тем кого любите, наконец, можно предстать таким каким есть не боясь разружиться. Но эти слезы и слабость, чего вам так хочется в минуты любви, и убивают его любовь к вам. В вас, с ваших слов, меньше достоинств чем в нем, иначе бы вы его так не любили, и правильно что вы просто боитесь его потерять и дошли до последнего признания что это неизбежно. А ему, как вам и любому, тоже лучше всего припасть к человеку с которым ему самому не сравниться и открыться перед ним, что он сам перед ним ничто, потому что он тоже любит любить за то что только в любви можно так ослабеть и преклониться. Поэтому, раз вы хотите любви и счастья в жизни, не надо признаний о себе... Когда вы любите чтобы поплакаться и покаяться тому кого любите, вы расслабляетесь и теряете то, что ему надо видеть в вас, ваш успех у всех» (Харитонов, 1993, с. 76—77).

В сколько-нибудь глубоких отношениях старший мужчина хочет быть для юноши не только любовником, но и отцом, заботливая нежность у него часто превалирует над страстью. При этом он напоминает не столько отца, в отношениях которого с сыном обычно поддерживается некоторое психологическое расстояние, сколько мать, которая боится потерять сына и жаждет иметь его целиком. Принимая свою потребность заботиться о младшем за его потребность в опеке — типичная ошибка матерей! — любящий мужчина невольно инфантилизирует юношу, которого это раздражает. Поэтому их отношения большей частью временные, обе стороны из них рано или поздно вырастают, после чего роман превращается в дружбу либо заканчивается разрывом. Не случайно все институционализированные разновозрастные гомосексуальные отношения были ограничены каким-то временем или определенной стадией развития.

Так же обстояло дело и у «знаменитых гомосексуалов», которые давали своим юным любовникам творческую путевку в жизнь. Знаменитым и влиятельным людям проще находить любовников любого возраста, но их отношения перерастают в творческое содружество, только если оба

талантливый, старший умеет учить, а младший — усваивать уроки и между ними нет соперничества.

Весьма плодотворными были некоторые романы Жана Кокто. Познакомившись в 1919 г. с 15-летним Раймоном Радиге, Кокто сразу же угадал в неуравновешенном подростке незаурядный литературный талант. Четыре года их совместной жизни были трудными, но исключительно плодотворными для обоих. Сначала Кокто пришлось объясняться с отцом мальчика, который нашел их любовные письма. Потом Радиге начал бунтовать против опеки старшего друга. Литературный успех молодого человека, вероятно, положил бы конец их отношениям (Раймон уже поселился отдельно от Кокто и даже обзавелся невестой), но внезапная смерть Радиге от тифа решила вопрос иначе.

Самый знаменитый любовник Кокто — Жан Марэ. 22-летний красавец, который в детстве любил переодеваться в женское платье и уже имел связи с мужчинами, познакомился со знаменитым драматургом и режиссером исключительно ради карьеры и с первой же встречи был внутренне готов к тому, что тот предложит ему переспать. Кокто дал ему желанную роль, не спросив ничего взамен. И вдруг — телефонный звонок: «Приходите немедленно, случилась катастрофа!» Эгоцентричный актер подумал, что у него хотят отобрать роль или что-то в том же роде, но, когда Марэ приехал, Кокто сказал: «Катастрофа... я влюблен в вас».

Что оставалось делать Марэ? «Этот человек, которым я восхищаюсь, дал мне то, чего я хотел больше всего на свете. Ничего не требуя взамен. Я не люблю его. Как может он любить меня... это невозможно». Марэ солгал и ответил: «Я тоже влюблен в вас» (Марэ, 1994, с. 83—84). Под влиянием таланта и доброты Кокто лож стала правдой, Марэ полюбил Кокто, они поселились вместе. Но возраст берет свое, Марэ увлекается молодыми мужчинами, Кокто это видит, и однажды Марэ находит под дверью письмо:

«Мой обожаемый Жанно!

Я полюбил тебя так сильно (больше всех на свете), что приказал себе любить тебя только как отец... Я смертельно боюсь лишиться тебя свободы... Мысль о том, что я могу стеснить тебя, стать преградой для твоей чудесной юности, была бы чудовищна. Я смог принести тебе славу, и

это единственное удовлетворение, какое дала моя пьеса, единственное, что имеет значение и согревает меня.

Подумай. Ты встретишь кого-нибудь из твоих ровесников и скроешь это от меня. Или мысль о боли, которую мне причинишь, помешает любить его. Лучше лишить себя частицы счастья и завоевать твое доверие, чтобы ты чувствовал себя со мной свободнее, чем с отцом и матерью» (Марэ, 1994, 127).

Растроганный Марэ порвал легкомысленные связи, но ненадолго. Со временем у Кокто появился другой любовник, однако дружба между писателем и актером сохранилась до самой смерти Кокто.

Исключительно драматичным был роман жизни Уистана Одена (1907—1973). В 1939 г. он мгновенно, со второй встречи, страстно влюбился в 18-летнего студента Честера Калмэна. Начинаящему поэту было лестно внимание знаменитого собрата, и он сразу же пошел на сближение и совместную жизнь. Хотя глубокое психологическое и сексуальное несходство делало их отношения невыносимыми, этот брак — именно так понимал это Оден — продолжался 32 года. Что бы ни делал непутевый Честер, Оден не мог жить без него. Биографы жалеют бедного Одена, которому так не повезло с его единственной любовью (секса у него всегда было достаточно, юные поэты охотно удовлетворяли скромные желания гения), но по свойствам своей натуры он просто не мог любить иначе:

Коль нельзя одинаково сильно любить,
Тем, кто любит сильнее, хотел бы я быть.

Пер. С. Дудина (Дудин, 1993)

Независимо от возраста и сексуальной ориентации длительная совместная жизнь — дело непростое. На три гетеросексуальных брака в США приходится два развода, в России — один. А ведь браку часто предшествует одно или несколько незарегистрированных сожителств, которых официальная статистика не учитывает.

Некоторые геевские идеологи считают самую идею однополого брака идеологической уступкой «репрессивному гетеросексизму» и изменой принципу сексуальной свободы. Кроме абстрактных теоретических соображений о неизбежности отмирания института брака за этим стоят лич-

ные особенности. Для мужчин, которые жестко запрограммированы на экстенсивный секс и/или неспособны к психологической интимности, партнерские отношения — только обуза. Холостяцкий статус для них, как и для аналогичных гетеросексуальных мужчин, — единственно возможный или оптимальный вариант. Единого стиля жизни и общего для всех рецепта счастья, даже в рамках одной и той же сексуальной ориентации, быть не может.

«ГОЛУБЫЕ» РОДИТЕЛИ

Вопреки стереотипу, многие геи любят детей и хотели бы их иметь. По подсчетам ученых, каждый десятый американский гей является отцом (Patterson and Chap, 1996). В большинстве случаев это дети от закончившихся разводами гетеросексуальных браков. Некоторые мужские пары хотели бы усыновить чужих детей, но в большинстве стран это запрещено законом. По данным американской национальной переписи 1990 г., 59,2 % женатых пар имели хотя бы одного ребенка, среди лесбийских пар детей воспитывают только 21,7 % и у мужских пар — 5,3 % (Sanders, 2001).

К сожалению, стиль и результаты воспитания детей в однополых семьях исследованы недостаточно, а сама проблема крайне политизирована. Противники однополых браков убеждены, что гомосексуальные родители не способны воспитать нормальных детей, тогда как их сторонники утверждают, что между однополыми и разнополыми семьями существенной разницы нет. Мета-анализ исследований этой темы (Allen and Burrell, 1996; Stacey and Biblarz, 2001) рисует более сложную картину.

Какой-либо социальной или психологической «неполноценности» детей, воспитанных однополыми парами, ученые не обнаружили (это выяснялось путем интервьюирования детей, родителей и учителей, тестирования и включенного наблюдения). Сыновья и дочери геев и лесбиянок не являются более тревожными, неуверенными в себе, склонными к депрессии и другим эмоциональным расстройствам, чем дети, воспитанные гетеросексуальными родителями. Не передается им и сексуальная ориентация родителей. Большинство детей гомосексуальных отцов вырастают гетеросексуальными, причем продолжи-

тельность общения отца с ребенком (в случае развода) на сексуальность ребенка не влияет (Bailey Bobrow et al., 1995). Особого стиля «гомосексуального родительства» ученые также не обнаружили (Allen and Burrell, 1996).

Более тонкие различия, особенно в том, что касается отношения к сексуальности и гендерных стереотипов (Stacey and Biblarz, 2001), по-видимому, существуют. Растущие в однополых семьях дети раньше и лучше других осознают многообразие типов сексуального поведения и терпимее относятся к ним. Они более гибко интерпретируют гендерные роли, критически относятся к стереотипным понятиям «мужского» и «женского» поведения и чаще выбирают профессии, нарушающие традиционную демаркацию мужских и женских занятий. При сравнении 16 мальчиков от 5 до 9 лет, выращенных с самого рождения лесбийскими парами, с такими же 16 мальчиками из разнополых семей единственная разница состоит в том, что мальчики из первой группы более склонны «поддерживать разговор о сексуальной ориентации» и более гибко определяют природу маскулинности. Эти мальчики бегают по улице и гоняют мяч, как и прочие мальчишки, но они также не стесняются стряпать вместе с матерью (Goode, 2001).

В единственном сравнительном исследовании молодых взрослых, воспитанных матерями-лесбиянками и гетеросексуальными матерями (Tasker and Golombok, 1997), первая группа обнаружила большую степень «открытости» к гомосексуальным отношениям, при этом девочки сексуально экспериментировали чаще мальчиков. То есть материнский пример не проходит бесследно. Однако эти зависимости далеко не однозначны. Сексуальная ориентация родителей влияет на детей не всегда и преимущественно опосредованно.

Психологические трудности, которые переживают многие дети гомосексуальных родителей, не столько в том, что им нужно понять и принять необычность собственных родителей, сколько в отношении окружающих, прежде всего сверстников. Таких детей часто дразнят, не хотят с ними играть и т. д. Но по мере того как подобных семей становится больше, этому начинают придавать меньше значения. В недавнем прошлом «незаконнорожденность» или отсутствие отца было страшным клеймом,

оставлявшим у ребенка пожизненную травму, а сейчас на это никто не обращает внимания.

В феврале 2002 г. авторитетная Американская академия педиатрии опубликовала доклад, в котором одобряет усыновление и удочерение детей семьями, где оба партнера являются представителями сексуальных меньшинств. По заключению специалистов академии, подобные семьи способны обеспечить детям мирное, здоровое и эмоционально стабильное детство. Этот вывод основан на результатах специального исследования, которое показало, что жизнь в однополых семьях не наносит никакого ущерба детям (Washington ProFile, 2002, Febr. 14).

СТАРЕНИЕ

Важный фактор «голубой» жизни — старение. Для многих геев личная жизнь важнее, чем для гетеросексуального мужчины-трудоголика. Геи, особенно если их привлекают не сверстники, а молодые люди, гораздо больше заботятся о своей внешности и болезненнее реагируют на признаки старения. Это способствует более высокой культуре здоровья, но и создает психологические трудности.

В отношениях между мужчиной и женщиной структура сексуальных ролей не меняется с возрастом: юноша учится ухаживать за женщинами и они отвечают ему взаимностью. С возрастом, когда он утратит свое юношеское очарование, накопленный опыт помогает ему оставаться на плаву, компенсируя утрату молодости социальными достижениями зрелого возраста. То же и в сексе. Образно говоря, мужчина всегда «сверху», а возрастное ослабление потенции компенсируется и даже перекрывается приобретенными умениями. К тому же у него есть законная жена, которая принимает его без особенных претензий.

В отличие от этого, многим геям по мере взросления и старения приходится переучиваться. Привлекательный юноша привыкает к оказываемым ему знакам внимания, он не столько ухаживает, сколько является объектом ухаживания. С возрастом, если ему нравятся более молодые мужчины, ухаживать, добиваться расположения приходится ему. Стареющий гей нередко должен менять и свою сексуальную технику. Иногда его единственными партне-

рами становятся хаслеры, а главными «сексуальными» органами — рот, глаза и собственные руки. Герой повести Эндрю Холлера «Красота мужчин» спрашивает старшего Эрни, который постоянно дежурит у общественного туалета, почему он не пойдет в баню или в бассейн, где тепло и много красивых молодых тел. «Потому что я лучше выгляжу одетым, чем раздетым... Одетый я — всего лишь рот» (Holleran, 1996, p. 13).

В гетеросексуальном мире девушки тоже предпочитают молодых и длинноногих, но женские предпочтения все-таки либеральнее. Молодые геи, за редкими исключениями, нарциссичны и эгоцентричны. Старость их не просто не интересует, а пугает. Глядя на старика — а чем моложе человек, тем расширительнее он понимает старость, юноша невольно думает: неужели и я стану таким же? — и в панике отворачивается. Американские геевские общины в последние годы стали проявлять заботу о пожилых людях (это не только гуманно, но и выгодно: одинокие старые геи охотно участвуют в благотворительных мероприятиях и нередко завещают общине свое имущество) и стараются воспитывать в этом духе молодежь. «Эйд-жизм» (ageism) — жизненная философия, абсолютизирующая возраст и создающая нереалистичский и жестокий культ юности, — считается таким же политически некорректным, как сексизм. Но как бы ни была успешна эта социальная политика (американцы, как и мы, гораздо больше говорят и обещают, чем делают), она не может сломать возрастных психологических барьеров.

При любой сексуальной ориентации быть молодым, красивым и богатым лучше, чем старым, уродливым и бедным. Тем не менее стереотипные представления о несчастных, одиноких и сексуально обездоленных старых гомиках не выдерживают критической проверки. Подавляющее большинство обследованных американских геев между 40 и 70 годами сексуально активны, около 70 % удовлетворены качеством своей сексуальной жизни, некоторые даже говорят, что получают от нее больше удовольствия, чем в молодости. Отчасти потому, что стареющие мужчины стали больше ценить получаемое удовольствие, а отчасти потому, что научились переносить фокус своих эротических действий и переживаний с гениталий на другие части тела (древняя китайская эротология учит этому и гетеросексуаль-

ных мужчин). Главные факторы психического благополучия пожилых и старых геев — те же, что у их гетеросексуальных ровесников: психологическое принятие себя, материальное благосостояние, хорошее здоровье и отсутствие одиночества, и их общая удовлетворенность жизнью — практически такая же (Berger, 1984). Близкие результаты получены и в австралийском национальном телефонном опросе (Van de Ven et al., 1997): после 49 лет геи остаются сексуально активными, имеют столько же партнеров, но занимаются сексом реже, чем в молодости; особенно заметно суживается их анальный и оральный репертуар.

Труднее всего приходится тем, кто тянется к юношам и при этом ищет не только секса, но и интимности.

Последняя дневниковая заметка знаменитого французского философа Ролана Барта, датированная 17 сентября 1979 г., посвящена визиту некоего Оливье Г. Барт очень ждал его, но молодой человек был занят собой и никак не отреагировал на сдержанные знаки внимания 64-летнего хозяина. «Меня охватило отчаяние, мне хотелось плакать. Я увидел в этом свидетельство того, что мне следует отказаться от мальчиков, потому что они не испытывают влечения ко мне, а я слишком стеснителен или слишком неловок, чтобы навязывать им свои желания...

Я немного поиграл на рояле для О., по его просьбе, уже зная, что отказываюсь от него; у него очень красивые глаза и нежное лицо, обрамленное длинными волосами: нежное, но недостижимое и загадочное существо, одновременно близкое и далекое. Затем я его отправил, сказав, что мне нужно работать, зная, что это конец, и что в моей жизни закончилась еще одна вещь: любовь к мальчику» (Barthes, 1987, pp. 115—116).

Очень печально исповедь знаменитого гарвардского социального психолога Роджера Брауна (Brown, 1996). Прославленный профессор, член Национальной академии наук сорок лет прожил со своим ровесником литературоведом Альбертом Гилмэном, эпизодические связи со случайными молодыми людьми не подрывали их отношений. Но в 1989 г. Альберт умер и 65-летний Роджер остался один. Как жить дальше? Проблема была не столько в сексе, сколько в одиночестве. В Гарварде популярного профессора окружали красивые молодые люди, его студенты и аспиранты, в некоторых из них он влюблялся, но эти

чувства оставались платоническими. «Люди, к которым я чувствовал влечение, не могли испытывать его ко мне».

Оставался коммерческий секс.. Через посредническую фирму «Мальчики из мечты» старый профессор вызывал к себе молодого колл-боя, однако Брауну был нужен не столько секс, сколько любовь, а ее не купить за деньги. Чем ближе клиент узнает хаслера, «тем больше он получает мальчика и тем меньше остается от мечты» (там же, с. 77). После пяти лет мучительных разочарований и тщетных поисков человеческого тепла Браун пришел к выводу, что должен отказаться от любви. Но жить без надежды на любовь он не мог и вскоре после опубликования своей книги покончил с собой. Только ли гомосексуальность тому виной? Конечно, нет. Тут и одиночество, и возраст, и болезни, и прекращение любимой деятельности. «Когда нет самого важного, все становится неважным, и все неважное становится важным, и любое может стать смертельным» (Гинзбург, 1987, с. 281). Это верно не только для геев.

ГЕИ И ЖЕНЩИНЫ

Каковы взаимоотношения геев с женщинами? Если верить стереотипу, гомосексуалы ненавидят и боятся женщин, избегают общения с ними и т. д. В действительности все не так. Гомосексуалы избегают *сексуальных* отношений с женщинами, причем не столько потому, что женские гениталии вызывают у них отвращение (его испытывают сравнительно немногие), сколько потому, что женское тело их не возбуждает, и хотя они физиологически способны к половому акту, они получают от него гораздо меньше удовольствия, чем от мужского секса. В остальном же геи прекрасно ладят с женщинами, психологически у них много общего.

Гомосексуальные мальчики нередко предпочитают женское общество обществу мальчиков и часто дружат с девочками, раскрываясь подругам полнее, чем друзьям, а юные лесбиянки, наоборот, откровеннее с мальчиками (Lagrange et Lhomond, 1997, р. 197, 204). Выработанная в детстве привычка и умение дружить с женщинами сохраняется у многих геев всю жизнь. Марсель Пруст, Андре Жид, Жан Кокто, Теннесси Уильямс, Уистен Оден и многие другие

«голубые» классики были очень близки с женщинами. Общность сексуальных интересов — женщины, как и геи, интересуются мужчинами — облегчает их общение, обмен наблюдениями, опытом ухаживания и т. п.

«Обычная женщина, которая должна быть около вас, это влюбленная женщина, которая все про вас от вас знает и вы можете с ней перегляднуться по поводу юного красивого и глупого телефониста; мальчика-певца...; мальчика-прохожего; мальчика из бюро услуг по ремонту холодильников. И как вы не перегляднетесь с *натуральным* своим ровесником. Которому надо переглядываться с другом по поводу проходящих женщин-лошадаков» (Харитонов, 1994, с. 238).

Многие женщины, в свою очередь, симпатизируют геям. По большинству массовых опросов, женщины относятся к гомосексуалам значительно терпимее мужчин. Им не надо опасаться с их стороны сексуальной агрессии и назойливого приставания, подобно геям, они страдают от сексизма и мачизма и т. п. Однако преувеличивать эту близость не стоит. Меньше 10 % опрошенных геев в Лос-Анджелесе назвали своим ближайшим другом «натуральную» женщину. Как и гетеросексуальным мужчинам, им легче обсуждать свои интимные проблемы с людьми собственного пола и сексуальной ориентации (Nardi, 1992, pp. 173—185).

Некоторые геи, особенно те, которые не уверены в себе, не принимают свою сексуальную ориентацию и вынуждены постоянно доказывать себе и другим проблематичную маскулинность, сплошь и рядом самоутверждаются за счет женщин, изображая их неполноценными и второсортными (классический пример гомосексуальной мизогинии — знаменитая книга Отто Вейнингера «Пол и характер»). Столь же агрессивны сексуально обездоленные женщины, обиженные невниманием к себе и воспринимающие геев как соперников. Отношения между геями и лесбиянками большей частью дружественные, они нередко вступают в фиктивные браки между собой, но это сотрудничество основано не столько на взаимной симпатии, сколько на наличии общих врагов.

Многие «голубые» мужчины состояли или состоят в гетеросексуальном браке. Одни в момент женитьбы не знали о своей «голубизне». Другие говорят, что были влюблены (и нет никаких оснований этому не верить). Третьи,

как Чайковский, надеялись с помощью женитьбы «вылечиться» от гомосексуальности. Четвертые хотели приобрести социальное прикрытие, соблюсти приличия. Пятые поступают по стереотипу — все женятся, значит, и мне надо. Шестые уступают давлению близких, которые не знают об их особенности или недооценивают степень ее серьезности («женится — и все образуется»). Для многих стимулом к женитьбе является желание иметь детей. Хотя эти мотивы часто переплетаются, сильнее всего действует давление общества, нежелание отличаться от большинства мужчин (Ross, 1983).

Могут ли такие браки быть счастливыми? Бисексуальные мужчины могут одинаково искренне любить своих жен и своих любовников — мужчин, в этих случаях все зависит от взаимной договоренности и согласия супругов на «открытые» отношения. При исключительной гомосексуальности это невозможно, надежды с помощью брака покончить с гомосексуальностью практически никогда не оправдываются. Подавленная или скрываемая гомосексуальность становится психологически даже более значимой, обрекая людей на унизительную двойную жизнь или на развод. Страдающей стороной при этом, как правило, бывает женщина. Если муж заранее предупредил ее о своих склонностях и/или если сексуальная сторона брака не имеет для нее большого значения (что бывает нередко), их союз может быть обоюдно приемлемым, но если муж скрыл свою гомосексуальность — трагедия неизбежна.

3-3. «ГОЛУБАЯ» ЭРОТИКА

...В культурном отношении однополая любовь явно так же нейтральна, как и другая; в обеих все решает индивидуальный случай, обе рождают низость и пошлость, и обе способны на нечто высокое.

Томас Манн

Хотя все геи любят мужчин, они любят разных мужчин и делают это по-разному. Парадокс мужского гомоэротизма в том, что он содержит в себе много жен-

ственного, фемининного и одновременно гипертрофирует некоторые типичные свойства маскулинности и мужского сексуального воображения.

ГОМОЭРОТИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

Насколько исключительно гомоэротическое воображение? В гетеросексуальной выборке Кинзи 86—87 % взрослых белых мужчин не имели гомосексуальных снов и мастурбационных фантазий; только 2,5—3,5 % опрошенных испытывали их часто (Gebhardt and Johnson, 1979, tables 177, 187). Мастерс и Джонсон нашли, что хотя эротические фантазии гомо- и гетеросексуалов нередко пересекаются («натуралы» иногда воображают однополые сцены, а гомосексуалы — разнополые), между ними есть существенные различия. Гетеросексуалы воображают, в порядке убывающей частоты, секс с новой партнершей, сцены сексуального насилия, наблюдение за чужой сексуальной активностью, гомосексуальные контакты и групповой секс. Гомосексуалы чаще видят отдельные элементы мужской сексуальной анатомии (член, ягодицы и т. п.), сцены сексуального насилия, разнополый секс, нежные отношения с незнакомыми мужчинами и групповой секс (Masters and Johnson, 1979, pp. 174—182). У австралийских мужчин фантазий, не соответствующих их сексуальной ориентации, оказалось значительно меньше, чем у испытуемых Мастерса и Джонсона (Keating and Over, 1990). В мастурбационных фантазиях немецких гомосексуалов на первом месте оказались мечты о каком-то неопределенном, реально не существующем, идеальном партнере, затем следуют воспоминания о прошлом сексуальном переживании и/или партнере, о какой-то особой сексуальной технике, о знакомом, но недостижимом мужчине, о партнере, которого гей любит или с которым дружит, о групповом сексе, о ком-то, кого мужчина видел, но лично не знает, фантазии, навеянные эротическими материалами. Соотношение этих фантазий и образов зависит от конкретных эротических предпочтений и личного опыта индивида (Dannecker, Reiche, 1974, S. 226—228).

Чередование гомо- и гетеросексуальных фантазий у одного и того же человека предполагается теориями Фрейда

и Кинзи. Но они различаются по степени распространенности и по своим психологическим функциям. По мнению Айси (Isay, 1989), гетеросексуал в своих гомосексуальных фантазиях большей частью видит себя в «женской» роли, это подрывает его уверенность в своей маскулинности; у гомосексуалов же такие фантазии тревоги не вызывают. У гетеросексуалов первые гомоэротические фантазии появляются в юности, на фоне подростковой гиперсексуальности; у геев они возникают в детстве, в подростковом возрасте уже вполне осознаны. Гетеросексуалы воспринимают гомоэротические фантазии как нечто неприятное, неестественное; геям они приятны, хотя иногда они пытаются их подавить. У гетеросексуального мужчины гомоэротические фантазии чаще всего появляются в кризисные моменты, когда он чувствует себя жертвой агрессии и конкуренции; у геев они более или менее постоянны.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МУЖСКОЙ ОДНОПОЛОЙ ЛЮБВИ

«Голубая» эротика неразрывно связана со всей гаммой любовных переживаний, которые практически не отличаются от разнополой любви. Предмет любви — не пол, а конкретный индивид, точнее — образ. «Любовная речь не связана ни с гомо-, ни с гетеросексуальностью» (Barthes, 1977, p. 280). Гомоэротические тексты, в которых отсутствует прямое указание на пол любимого, без малейшего труда принимаются за описание и выражение гетеросексуальных чувств, и наоборот. Иначе Пушкина читали бы одни «натуралы», Кузмина — только геи, а Пруст, превративший Альфреда в Альбертину, был бы никому не нужен. Главное — не объект, а субъект желания. Говоря словами Александра Володина, Дульцинея может быть какой угодно, был бы Дон Кихот Дон Кихотом.

Однако главная экзистенциальная проблема любви — как слиться с другим существом и в этом слиянии утратить и затем заново обрести себя — в однополом варианте выглядит несколько иначе, чем в разнополом. Женщина всегда будет для мужчины Другой, с ней можно слиться только на мгновение, но при этом всегда остается различие и даже полярность. Влюбленный мужчина жаждет об-

щаться с женщиной, обладать ею и/или отдаться ей, ревнует ее к другим, но никогда не идентифицируется с нею, не мечтает стать ею или таким, как она. Он знает, что она — Другая, уподобиться ей невозможно.

В однополый любви присутствует иллюзия безграничности: влюбленный мечтает обладать предметом любви и одновременно — уподобиться ему или уподобить его себе. Грани между «быть» и «иметь» в гомосексуальном желании более размыты, чем в гетеросексуальном (Bersani, 1995, p. 63).

Диалектика слияния, идентификации с Другим и одновременно выхода за пределы собственного Я — большая метафизическая проблема. Герои романа Мишеля Турнье однополовые близнецы Жан и Поль настолько похожи и близки друг другу, что их называют общим именем «Жан-Поль». Как большинство близнецов, мальчики в детстве имели сексуальные контакты друг с другом, позже их эротически стали привлекать одни и те же люди и, с кем бы они ни общались, их мысли и желания обращены друг другу. Чтобы разорвать эту связь, Жан пытается жениться, но Поль разрушает его план. Любовь, связывающая близнецов, — привязанность к собственному подобию, где Другой — точная копия Я. Гетеросексуальная пара, напротив, основана на различии и взаимодополнительности. А гомосексуальная пара стоит на полпути между этими полюсами, стараясь создать близнецовую ячейку, но с разнородными элементами. Отвергая продолжение рода, развитие и время, гомосексуал постоянно безуспешно «ищет брата-близнеца, с которым он мог бы слиться в бесконечном объятии» (Tournier, 1975, p. 387).

Эта метафизическая конструкция, подчеркивающая имманентный нарциссизм и иллюзорность гомосексуального желания, выглядит абстрактной, но психологические элементы, на которых она зиждется, — нерасчлененность потребности быть и иметь — обнаруживаются чуть ли не в каждой гомосексуальной автобиографии.

Десятилетний Жене впервые осознал себя, когда однажды, увидев мальчика на велосипеде, вдруг почувствовал страстное влечение к нему и не мог решить, чего ему больше хочется: быть этим мальчиком или иметь его. Первое эротическое чувство пятилетнего Мисимы при виде юноши-золотаря: «Хочу быть таким, как он». И

еще: «Хочу быть им» (Мисима, 1994, с. 13). «Я никогда не хотел трахать их, потому что хотел быть ими», — вспоминает о своих впечатлениях в школьном спортзале Пол Монетт (Monette, 1992, р. 71). Глядя на играющих в баскетбол подростков, юный гомосексуал испытывает «не просто тягу к их красоте, а желание каким-то образом быть ими, иметь их сноровку, их уверенность» (Schecter, 1992, р. 79).

Эта потребность в идентификации столь же духовна, сколь и телесна. «Нет ничего более волнующего, чем воспринимать тело мужчины и думать, что между ним и тобой нет разницы» (Jouhandeau, 1963, р. 169). Ив Наварр не хочет «ничего знать о другом, кроме его тела. И его имени». Однако он мечтает не просто получить от чужого тела удовольствие, а «...целиком войти в тело другого и одеться в него. Уйти и жить одетым в другого, в другом. Войти в него, как в новую пижаму. Стать другим. Другим, любимым. Так мало других» (Navarre, 1981, pp. 393, 364).

Герои повести Дмитрия Бушуева говорят друг другу: «Я хочу быть тобой». «Денис, я хочу быть тобой или быть хотя бы твоим совершенным зеркалом. Я хочу раствориться в каждой клеточке твоей ДНК» (Бушуев, 1997, с. 216, 150).

В откровенно сниженной, грубой форме то же самое пишет Ярослав Могутин:

я себе нравлюсь таким как ты
ты себе нравишься таким как я
кончая в рот другу друг
мы образуем замкнутый круг.

(Могутин, 1997, с. 106)

В акте сексуального присвоения тела Другого субъект сам становится Другим, но не Посторонним, а Любимым. Любимым — кем? Самим собой? Или тем, чье тело он «присваивает»? Или кем-то третьим?

Нарциссическое упоение собственным телом, напряженный аутоэротизм и одновременно — повышенная самокритичность, недоверие и ненависть к себе, постоянная игра со смертью, страстный поиск Другого и готовность раствориться в нем или подчиниться ему... Фрейд и психиатры не придумали эти симптомы, а только гипертрофировали их, недооценив, с одной стороны, их связь

с социальными факторами, затрудняющими геям принятие себя, а с другой — наличие огромных индивидуальных различий (один любит в зеркале своей красотой, другой — своим безобразием), не связанных с сексуальной ориентацией. Индивидуальные различия между геями в этом отношении значительно больше, чем групповые различия между геями и гетеросексуалами. Гомосексуальный Вертер психологически ближе к гетеросексуальному Вертеру, чем к гомосексуальному Дон Жуану.

Философия и особенно психиатрия склонны драматизировать особенности однополый любви. Но их можно рассматривать и в комическом ключе. Это касается, в частности, гомосексуальной ревности. Ленивые и предубежденные полицейские, не желая утруждать себя раскрытием направленных против геев преступлений, охотно списывают их на «патологически сильную гомосексуальную ревность», порождающую кровавые разборки. Большей частью это выдумки. Поскольку в гомосексуальных отношениях желание обладать партнером уравнивается идентификацией с ним, а общество не дает геям тех «прав» друг на друга, которые существуют в патриархальном гетеросексуальном браке, геи относятся к нарушениям нормы сексуальной исключительности терпимее гетеросексуалов, а сила и формы проявления ревности у них столь же индивидуальны, как у «натуралов». Геи часто отбивают друг у друга любовников, не доверяют друг другу, сплетничают, ссорятся из-за привлекательных молодых людей. Эти измены и перемены сразу же становятся известны всем и каждому, драматизируются и театрализируются. Иной раз все члены «голубой» компании успели переспать друг с другом и при случае готовы пойти по новому кругу.

По словам Эдмунда Уайга, геевская «ревность (я не хочу, чтобы ты спал с этим парнем) на самом деле может быть замаскированной формой желания или зависти (мне самому хочется спать с этим парнем). Много лет назад я был безнадежно влюблен в человека, который не хотел спать со мной, а сам был отчаянно влюблен в третьего парня. Мне так и не удалось соблазнить своего любимого, зато я получил довольно тщеславное и философское утешение, переспав со своим соперником. Он предпочел меня мужчине, которого я любил, и таким образом

я стал соперником собственного возлюбленного. Подобный кульбит возможен только в геевской жизни» (White, 1994, p. 151). Оден однажды признался друзьям, что оказался «в тройной переделке: сексуально ревную, как жена, тревожусь, как мама, и соперничаю, как брат» (Davenport-Hines, 1995, p. 248).

ГОМОСЕКСУАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД И ПОЭТИКА МУЖСКОГО ТЕЛА

Гомоэротические каноны красоты и привлекательности в принципе являются общечеловеческими. Существуют три главных архетипа мужской красоты, с каждым из которых ассоциируется определенный набор телесных и психических свойств: 1) сильный, мужественный мужчина, 2) женственный, мягкий андрогин, полумужчина-полуженщина и 3) пубертатный подросток или юноша, полумальчик-полумужчина. Однако соотношение и мера притягательности этих образов исторически и индивидуально изменчивы.

Для истории изобразительного искусства гомоэротический взгляд исключительно важен. Поскольку женщины не имели права обсуждать мужскую наготу, а гетеросексуальные мужчины ее стеснялись, только гомосексуальный взгляд мог «расколдовать» наглухо закрытое мужское тело, снять с него фаллическую броню, представить его достойным восхищения и увековечения эротическим объектом. Если красоту женского тела открыли мужчины, то красоту мужского тела открыли гомосексуальные мужчины. Не случайно поэтика мужского тела возникла именно в античной Греции, а многие художники, изображавшие мужскую наготу, были как-то причастны к мужской однополой любви, хотя совсем не обязательно вели гомосексуальный стиль жизни или считали себя геем.

Вероятно, можно говорить и о некоторых более или менее общих свойствах гомосексуального телесного канона. Если отвлечься от индивидуальных и культурно-исторических особенностей, гомосексуальную культуру (или субкультуру) отличают несколько особенностей.

1. Это телесно-ориентированная культура, которая придает большое значение чувственной стороне общественного и личного бытия.

2. Ее базовой моделью, идеалом и символом является мужское тело.

3. Эта телесность неразрывно связана с сексуально-эротическими переживаниями.

4. Для нее характерен более высокий уровень рефлексивности, гомосексуалы лучше обычных мужчин осознают особенности своего и чужого тела и придают им больше значения.

5. Гомосексуальная культура по самой своей природе антинормативна, принадлежащий к ней индивид может осознать и принять себя лишь вопреки многочисленным запретам. Это делает весь его стиль жизни в какой-то степени игровым, экспериментальным.

6. Благодаря этому гомосексуал и собственное тело переживает не как объективно данное, а как нечто сделанное, изменчивое и множественное, как своего рода театральное представление, перформанс. Это благоприятствует различным экспериментам как на индивидуально-бытовом (одежда, татуировка), так и на социальном, публичном уровне (театрализация, художественная репрезентация).

Однако однозначное определение того или иного художественного образа или произведения как гомоэротического крайне затруднительно, потому что оно подразумевает три разных системы вопросов: 1) Чем вдохновлялся данный художник, была ли у него личная эротическая мотивация? 2) Каков был его социальный заказ и как воспринимали произведение его современники? 3) Как его творчество интерпретировала культурно-историческая традиция, в свете которой оно воспринимается сегодня? Каждый из этих вопросов абсолютно правомерен, но ответы на них приходится искать разными средствами и в разных местах.

ХУДОЖНИК И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЕ

В первом случае нас интересует индивидуальность художника и особенности его сексуальной жизни и воображения. Но поведение и воображение зачастую не совпадают, а сам художник может не осознавать глубинных мотивов своего творчества. Чтобы разобраться в этом, есть два пути — скрупулезное изучение биографии художника и/или анализ его произведений.

Биографическое исследование сплошь и рядом не позволяет отличить достоверную информацию от сплетни.

Начиная с известной монографии Д. Познера (1971) практически все искусствоведы убеждены в том, что Караваджо был гомосексуален. Однако авторы двух недавних монографий (Gilbert, 1995; Puglisi, 1998) доказывают, что эти обвинения были выдвинуты врагами художника и не выдерживают критической проверки. Первые неприятности из-за своей предполагаемой гомосексуальности Караваджо имел еще в Мессине, когда один учитель заподозрил что-то неладное в том, что молодой Караваджо внимательно наблюдал позы, которые мальчики принимали во время игры, и зарисовывал их. Когда учитель спросил Караваджо, почему он все время ходит за ним и смотрит на его учеников, тот пришел в ярость и ударил учителя по голове, после чего был вынужден бежать из Мессины. Но ведь художник нуждается в живой натуре. Гвидо Рени, который, как считается, всю жизнь оставался девственником, в свои школьные годы не участвовал в шумной возне соучеников, но сумел обратить ее себе на пользу: он просил мальчиков замирать в приглянувшихся ему позах и зарисовывал их. Это пригодилось ему в дальнейшей работе. Возможно, интерес Караваджо к мальчикам тоже был чисто эстетическим и бдительный учитель придрался к нему зря, за что вспыльчивый художник и побил его.

Другой эпизод. В 1603 г. соперник Караваджо художник Бальоне обвинил Караваджо в том, что у него есть «бардасса» по имени Джованни Багиста. Было проведено следствие, Караваджо отрицал, что знает такого человека, и его действительно не нашли, так что художник был оправдан. Также шатки обвинения, что Караваджо спал с мальчиком, с которого написан «Амур-победитель», равно как и сплетни о гомосексуальности покровителя художника кардинала Дель Монте.

То, что в молодости Караваджо семь лет жил вместе со своим младшим (на 6 лет) другом художником Марио Миннити, который служил натурщиком для его мальчиков, тоже ничего не доказывает. Многим молодым и бедным художникам в то время приходилось подолгу спать в одной комнате и в одной постели вдвоем и даже втроем и рисовать друга друга голыми. Кстати, шекспировский Яго тоже спал с Кассио в одной постели и упоминает об этом

в разговоре с Отелло как о чем-то само собой разумеющемся. Но ни один шекспировед, кажется, не подозревал Яго и Кассио в любовной связи. В Италии XVI в. любовная лексика в переписке между мужчинами еще не имела «сексуальной» нагрузки, страх перед ней появился позже.

Доказывают ли эти соображения, что Караваджо **не имел** пристрастия к мальчикам? Нет, конечно. В конце концов, не бывает дыма без огня. Но предположения и сплетни нельзя принимать за установленные биографические факты.

Впрочем, что говорить об эпохе Возрождения? Даже гораздо более близкая по времени история о том, как нагой Нижинский позировал двум великим скульпторам Родену и Майолю, но ни тот, ни другой почему-то не сделали с него статую, оказывается неясной и проблематичной.

Объясняя, почему он не стал ваять Нижинского, хотя собирался это сделать и Нижинский с разрешения Дягилева позировал ему нагим (сохранились два сделанных Майолем рисунка), Майоль сказал: «Он был слишком мускулистым для меня.... Идеальная модель для Родена, но не для меня. Я люблю только округлые и полные формы. Поэтому мужское тело, кроме тела подростков, меня никогда не привлекало». Майоль подчеркивает, что, зная эти его пристрастия, Дягилев Нижинского к нему не ревновал. Зато он ревновал к Родену, «которого также привлекали мужские прелести. Двое мужчин даже поссорились из-за танцора» (Brassai, 1982, p. 119).

Дальше версии расходятся. Согласно Майолю, Нижинский, придя к Родену, разделся и скульптор начал его рисовать, но из-за жары и выпитого бургундского (Нижинский обычно не пил вина, но не смог отказать Родену) разморенные мужчины крепко уснули, и пришедший в студию Дягилев застал голого Нижинского спящим в ногах у Родена, после чего устроил обоим скандал и запретил продолжать сеанс. В свете ревнивого нрава Дягилева рассказ выглядит правдоподобным. Парижская желтая пресса тоже писала о связи Родена с Нижинским.

Однако сами участники скандала рассказывают иное. Версия Родена, как и его зарисовки нагого Нижинского, до нас не дошла. Нижинский в ранних изданиях своего

дневника, фальсифицированных его женой Рамоной, рассказывает, что когда Роден увидел его обнаженное тело, то решил, что не сможет передать его совершенство, и уничтожил сделанные наброски (весьма непохоже на Родена). В подлинном дневнике Нижинского все изложено с точностью до наоборот: «Он хотел меня нарисовать, потому что хотел высечь меня из мрамора. Он взглянул на мое голое тело и нашел, что оно плохо сложено, поэтому он порвал свои наброски. Я понял, что он меня не любит, и ушел» (Nijinsky, 1995, p. 256).

Кому мы должны верить?

Не меньше подводных камней содержит и интерпретация произведений искусства. Известный французский искусствовед Режис Мишель в книге «Обладать и разрушать. Сексуальные стратегии в искусстве Запада» (Michel, 2001), опираясь на Фрейда и Лакана, доказывает, что сексуальные пристрастия художников можно реконструировать и без обращения к их биографиям, только на основе их творчества, особенно рисунков, в которых собственные чувства мастера проявляются свободнее, чем в предназначенных на продажу и отражающих вкусы заказчиков и критиков готовых произведениях. Выводы, к которым пришел Мишель, на первый взгляд выглядят шокирующими. Получается, что среди западных живописцев представлены все виды и варианты сексуальности, кроме так называемой «нормальной». Синьорелли — бесспорный гомосексуал, Микеланджело — «нарцисс трансвестит», произведения Давида, Энгра и Жироде — сплошная «педофильская живопись», Жерико — садист, творчество Делакруа — дневник мазохиста и т. д. и т. п.

Некоторые наблюдения Мишеля абсолютно бесспорны, другие кажутся натянутыми. Питающее творчество художника сексуально-эротическое воображение по самой природе своей не может и не должно быть однозначным. Именно нестандартность переживаний позволяет художникам открывать новые пласты субъективной реальности, обогащая тем самым жизненный мир остальных людей. Естественно, что в этих переживаниях часто присутствует и гомоэротизм. Но неоднозначность субъективных переживаний и их художественной трансформации противится подведению их под жесткий психиатрический или сексологический диагноз. Понятие «гомосексуального искусс-

ва» автоматически отсекает существенную часть общечеловеческого художественно-эротического опыта, загоняя ее в огороженное гетто.

Не менее многозначно и зрительское восприятие, от которого в первую очередь зависит социальная судьба произведения искусства. Некоторые геевские «иконы» стали таковыми вовсе не по воле самого художника.

Возьмем, например, образ святого Себастьяна, принявшего христианство римского легионера, по приказу императора Диоклетиана расстрелянного за это из луков. Мученический сюжет давал художникам широкие возможности для показа красивого обнаженного и беспомощного мужского тела. Сначала святого Себастьяна большей частью изображали зрелым, мускулистым, бородатым мужчиной. Художники Возрождения (Перуджино, Боттичелли, Антонелло да Мессина, Караваджо, Гвидо Рени и др.) сделали его нежным женственным юношей, почти мальчиком, что давало обильную пищу гомозеротическому воображению с садомазохистским уклоном, позволяя зрителю, в зависимости от собственных пристрастий, идентифицироваться как с Себастьяном, так и с его мучителями. «Святого Себастьяна» кисти Фра Бартоломмео даже убрали из церкви, потому что он возбуждал греховные помыслы у прихожанок, а возможно, и у самих монахов.

Его писали около 200 разных художников, некоторые — не по одному разу: Перуджино написал восемь Себастьянов, Гвидо Рени — пять, Мантенья — три, Ван Дейк четыре, Гюстав Моро — семь. Почему же один из пяти Себастьянов Гвидо Рени, и как раз наименее обнаженный, оказался для гомосексуальных мужчин самым притягательным? Чем он «лучше» Себастьянов других художников эпохи Возрождения, да и самого Гвидо Рени? Я не могу ответить на этот вопрос. Однако о своей любви именно к этому Себастьяну дружно говорили немецкие гомосексуалы в начале XX в.

А вот как описывает свое юношеское впечатление от этой картины Юкио Мисима:

«Обнаженное тело божественно прекрасного юноши было прижато к дереву, но кроме веревок, стягивавших высоко поднятые руки, других пут видно не было. Бедр Святого Себастьяна прикрывал кусок грубой белой ткани.

Я догадался, что это какой-то христианский мученик. Однако в творении Гвидо Рени... даже чисто христианский сюжет обрел аромат язычества. Тело Себастьяна, не уступавшего красотой самому Антиною, прекрасно; на нем не видны следы истязаний, как у других святых. Оно излучает лишь сияние молодости, красоты и наслаждения...

Это ослепительно белое тело, оттененное мрачным, размытым фоном, светоносно. Мускулистые руки преторианца, привыкшие владеть луком и мечом, грациозно подняты над головой; запястья их стянуты веревкой. Лицо поднято вверх, широко раскрытые глаза созерцают свет небесный, взгляд их ясен и спокоен. В напряженной груди, тугом животе, слегка вывернутых бедрах — не конвульсия физического страдания, а меланхолический экстаз, словно от звуков музыки. Если б не стрелы, впившиеся одна слева, под мышку, другая справа, в бок, можно было бы подумать, что этот римский атлет отдыхает в саду, прислонившись спиной к дереву...

Естественно, все эти мысли и наблюдения относятся к более позднему времени. Когда же я увидел картину впервые, всего меня охватило просто какое-то языческое ликование. Кровь закипела в жилах, и мой орган распрямился, будто охваченный гневом, сосуды набухли, как под влиянием гнева. Казалось, он вот-вот лопнет от чрезмерной раздутости, на сей раз он настойчиво требовал от меня каких-то действий, клял хозяина за невежество и возмущенно задыхался. И моя рука неловко, немело задвигалась. Тут из самых глубин моего тела стремительно поднялась некая темная, сверкающая волна, и не успев я прислушаться к новому ощущению, как волна эта разлетелась вдребезги, ослепив и опьянив меня... Это была моя первая эякуляция, а заодно и первый опыт, случайный и неуклюжий, моей «дурной привычки» (Мисима, 1994, с. 31—32).

Едва ли Гвидо Рени рассчитывал на подобный эффект. В дальнейшем, особенно в геевском искусстве XX в., появилось много гораздо более раздетых и сексуальных Себастьянов. Тут и игривые раскрашенные фотографии популярных французских фотографов Пьера и Жилия (1987), и ковбойский вестерн американца Дельмаса Хау (1990), и стилизованный мексиканский юноша Карлоса

Санруне (1995), и выразительная компьютерная графика Марио Патиньо (1999). Но вряд ли хоть один из них вызвал такую бурю страстей, как невинный, с устремленными ввысь глазами Себастьян Гвидо Рени....

Другой интересный пример исторической трансформации гомоэротической «иконы» — «Этюда обнаженного юноши» (1837) Жана-Ипполита Фландрена (1809—1864), отлично проследил чикагский искусствовед Майкл Камилл (Camille, 1994).

Студенческая работа молодого художника, ставшего в дальнейшем выдающимся мастером религиозной настенной живописи, была куплена Наполеоном III, выставлена в Лувре и многократно репродуцировалась. Ничего явно эротического в этюде Фландрена нет. Сплетни о его личной жизни тоже неизвестны. От идеально сложенного обнаженного юношеского тела веет одиночеством и грустью. Поскольку гениталии юноши скрыты его согнутыми коленями, картина никого не шокировала и в то же время открывала простор гомоэротическому воображению, породив множество подражаний и вариаций.

В 1899 г. немецкий художник Ганс Тома в картине «Одиночество» точно воспроизвел фландреновскую позу, а когда его обвинили в плагиате, объяснил, что «его» мальчик — более жесткий, мускулистый и «нордический». Американский фотограф Фредерик Холланд Дэй (1864—1933) и Вильгельм фон Гледен перенесли созданный Фландреном образ в художественную фотографию, первый — в виде снимка нагого юноши на фоне лирического вечернего ландшафта (1898), второй — в виде одиноко сидящего на скале, на фоне горной гряды, «Каина» (1900).

В XX в. последовали новые вариации и трансформации, в ходе которых юношеское тело становилось все более мужественным, атлетическим и сексуальным. На фотографиях Роберта Мэпплторпа в позе фландреновского юноши снят сидящий на высоком столике или табурете могучий черный атлет, за согнутыми коленями которого свисают внушительные гениталии.

Итак, поза модели осталась прежней, а облик, настроение и смысловая нагрузка образа радикально изменились. Романтический юноша Фландрена, гомоэротическое прочтение которого было лишь одной из многих воз-

можностей, стал откровенно гомосексуальным. Это, несомненно, отражает рост телесной открытости и терпимости к мужской нагоде и сексуальности. Тем не менее европейские и американские геи продолжают украшать стены своих квартир репродукциями доброго старого консервативного Фландрена. То ли потому, что гомосексуальные мужчины нуждаются именно в идеализации, то ли потому, что романтический образ не сковывает их воображения, позволяя многое домысливать самим, то ли потому, что действительно красивые юноши встречаются реже больших пенисов. А может быть, это просто хорошая картина?..

КРИТЕРИИ СЕКСУАЛЬНОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

Еще более разнообразны личные критерии сексуальной привлекательности. В отличие от XVI—XVII вв., большинство современных европейских и американских гомосексуалов предпочитают сильных и маскулинных мужчин.

Среди опрошенных Кинзи белых гомосексуалов 76,5 % предпочитали маскулинных и только 9,2 % — женственных партнеров (Gebhardt and Johnson, 1979, p. 531).

На вопрос: «Какой тип мужчины для вас наиболее сексуально привлекателен?» — почти две трети (63 %) западногерманских гомосексуалов выбрали «особенно маскулинный» и только 16 % — «мягкий, женственный тип»; 39 % предпочли «того, у кого большой член» (Dannecker und Reiche, 1974, S. 250).

Анализ множества объявлений ищущих сексуального партнера гомо- и гетеросексуальных мужчин и женщин и специальное обследование 144 геев и 96 лесбиянок (им показывали фотографии различавшихся по степени своей маскулинности/фемининности мужчин и женщин и предлагали оценить степень их привлекательности и свою готовность вступить с ними в связь) также показали, что геи определенно предпочитают более маскулинных партнеров как по внешности (многие объявления прямо просят женственных мужчин «не беспокоиться», а рекламные фотографии изображают только сильных и мускулистых мужчин), так и по характеру (Bayley et al., 1997). Женствен-

ные, феминизированные мальчики и мужчины в гомосексуальной среде — такие же, если не большие, изгои, как и среди гетеросексуальных мужчин. Их предпочитают главным образом находящиеся в местах заключения мужчины, использующие их в качестве эрзац-женщин.

От чего зависят индивидуальные предпочтения, неясно. Иногда выбор идет по принципу дополнительности (маскулинные мужчины предпочитают более мягких и женственных, и наоборот), но гораздо чаще наблюдается ориентация на собственное подобие. Чем маскулиннее выглядит и/или кажется себе мужчина, тем сильнее он хочет иметь такого же или более маскулинного партнера. Ориентация на подчеркнутую и даже гипертрофированную маскулинность (тип «мачо») коррелирует не только с уровнем предполагаемой собственной маскулинности субъекта, но и с уровнем его сексуальной активности. Немецкие гомосексуалы, имевшие многих сексуальных партнеров, тянутся к гипертрофированно-маскулинным мужчинам, с большим членом, волосатым телом и грубыми, властными манерами, в 2–3 раза сильнее тех, у кого был только один партнер. Нежные, ласковые, интеллигентные мужчины нравятся им вдвое меньше, чем «среднему» гомосексуалу (Dannecker und Reiche, 1974, S. 250). Одетые в черную кожу и металлические цепи завсегдатаи «кожаных» баров, желающие казаться и чувствовать себя крутыми мужиками, ищут еще более крутых партнеров, которым они могли бы отдаться, не теряя самоуважения. Хотя в глубине души многие из них знают, что их собственные устрашающие наряды и погремушки — простая бутафория, они готовы верить, что у партнера все это — «настоящее».

Более романтических и сентиментальных геев грубая маскулинность отталкивает, они предпочитают гармоничные, классические фигуры. На конкурсах мужской красоты, где в определении призеров активно участвуют женщины и геи, чаще побеждают не бодибилдеры, а элегантные и изящные мужчины. Преобладают они и среди кино- и фотомоделей. Однако прямой зависимости между телесным обликом мужчины и тем, что он делает в постели, по-видимому, нет, за исключением того, что феминизированные мужчины чаще предпочитают в анальном и оральном сексе рецептивную позицию, тогда как маскулинные типы любят быть «сверху» или меняться ролями.

КУЛЬТ ПЕНИСА

Ярчайшее проявление геевского культа маскулинности — фетишистское отношение к половому члену и его размерам. При статистическом анализе языка 25 коммерческих гомозротических книг (какие части тела они описывают и какие слова употребляют чаще других), на первом месте оказался член (5643 упоминания), на втором анус (2301), на третьем руки (1600), на четвертом — рот (1256, плюс к тому — язык, глотка и губы) и на пятом — яйца (976 упоминаний) (Bolton, 1995). При этом желаемые размеры орудий «сексуального производства» сильно преувеличиваются.

Фаллический культ — явление всеобщее, это знак не только сексуальной потенции, но и общей силы и могущества. По замечанию Одена, «если бы мужчинам был предоставлен выбор — стать самым могущественным человеком или обладателем самого большого хуя в мире, большинство выбрало бы второй вариант. От зависти к пенису страдают не столько женщины, сколько мужчины. В отличие от женщин, они могут страдать также от разнобразия пенисов... Хуи не менее индивидуальны, чем их владельцы, и эти две индивидуальности часто не совпадают» (Davenport-Hines, 1995, p. 132).

С реальными размерами «гомосексуального члена» связана некая научная загадка. По данным Кинзи, который просил испытуемых указать длину и объем своих пенисов и объективно измерить их по специальной методике в спокойном состоянии и в состоянии эрекции, члены 813 гомосексуальных мужчин по всем пяти измерениям оказались больше, чем у 3147 гетеросексуальных мужчин. (Bogaert and Hershberger, 1999). То же самое чешские исследователи получили в 1961 г. при объективном измерении пенисов у 126 гомо- и 86 гетеросексуалов (Tripp, 1987). У многих сексологов эти данные вызывают удивление и недоверие, но они соответствуют предсказанию биоэволюционной теории Д. МакНайта, а измерительные процедуры были для всех мужчин одинаковыми.

В коммерческой гомозротике геи также приписывают себе большие члены. Если длина среднестатистического американского пениса — 6,1 дюйма, то собственный член гомосексуальных персонажей составляет в среднем

7,1 дюйма, а пенис их партнеров — 8,1 дюйма (Bolton, 1995). Впрочем, это говорит скорее о воображении, чем об анатомии.

«ИКОНЫ» ГОМОСЕКСУАЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ

Типичные образы, «иконы» гомоэротического воображения, представленные как в эротическом, так и в «высоком» искусстве и литературе (Рорр, 1992) — спортсмены, студенты, военные, строительные рабочие, полицейские, ковбои, водители грузовиков, — подчеркнуто мужественны.

В образе матроса закодирован чуть ли не весь спектр гомосексуальной фантазии: молодость, мужественная красота, физическая сила, особая эротическая аура, связанная с пребыванием в закрытом мужском сообществе, жажда приключений и романтика дальних странствий, элегантная форма и особая «матросская» вихляющая, с подрагивающими бедрами, походка. По выражению Жене, «флот — это прекрасно организованное учреждение, попав в которое молодые люди проходят специальный курс обучения, позволяющий им стать объектом всеобщего вожделения» (Жене, 1995, с. 207).

В гомоэротических образах матросов физическая сила часто сочетается с внутренней чистотой и нежностью, но это не обязательно. Кэрель из Бреста — хладнокровный убийца, живущий вне законов человеческого общества, именно его необузданная животная сила влечет к нему молодого лейтенанта. Но безжалостный самец Кэрель нуждается в том, чтобы кто-то подчинил, подмял его самого. Первым таким мужчиной становится хозяин борделя Норбер. Умышленно проиграв ему в кости, Кэрель отдается Норберу, отказываясь тем самым от собственной маскулинности. Норбер «внезапно с силой привлек к себе матроса, схватив его под мышки, и дал ему ужасный толчок, второй, третий, шестой, толчки все время усиливались. После первого же убийственного толчка Кэрель застонал, сперва тихонько, потом громче, и наконец бесстыдно захрипел. Такое непосредственное выражение своих чувств доказывало Норберу, что матрос не был настоящим мужчиной,

так как не знал в минуту радости сдержанности и стыдливости самца» (там же, с. 67—68).

Солдат, подобно матросу, находится в закрытом мужском сообществе, переживает постоянный риск, ружье — символ и одновременно продолжение члена, а военная форма — вторая кожа солдата. Многие геи обожают наряжаться или наряжать своих партнеров в военный мундир, который позволяет им чувствовать себя принадлежащими к закрытому мужскому братству. В то же время раздетый и лишенный внешней атрибутики солдат кажется более голым, чем обычный мужчина. Поскольку униформа деиндивидуализирует конкретного матроса или солдата, сексуальная близость с ним символически приобщает гея ко всему мужскому миру. Геи дежурят у казарм и военных училищ не только потому, что лишенный женского общества и сексуально озабоченный солдат легче идет на сближение, но и потому, что это — особая порода мужчин. Образ солдата занимает одно из центральных мест в современной российской гомозроте, будь то воспоминания Димы Лычева о службе в армии или «Армейские элегии» Ярослава Могутина, воспевающие «пьянящий запах казармы и грязных ног».

В образах полицейских и сыщиков к военному стереотипу дополняется повышенный риск и чувство парадоксальности ситуации, в которой «дичь» соблазняет и побеждает «охотника». Секс с полицейским подтверждает общезначимость гомосексуальных чувств, не чуждых даже тем, кто по долгу службы с ними борется. Впрочем, по мере легализации гомосексуальности (в Лос-Анджелесе есть официально признанная и выступающая на гей-парадах организация геев-полицейских) эта экзотика ослабевает.

Другой популярный тип «мачо» — преступник. Приручение грубой и непредсказуемой силы означает не только сексуальную, но и моральную победу. Спать с бандитами — то же, что пировать с пантерами (выражение Уайльда), опасность удваивает наслаждение. Непреодолимое тяготение к этой среде испытывал Жене, создавший поэтику тюремного секса. «Люди, призванные служить злу, не всегда красивы, но зато обладают мужскими достоинствами. Любовные игры открывают невыразимый мир, звучащий в ночном языке любовников. На этом языке не

пишут. На нем перешептываются по ночам хриплым голосом. На рассвете его забывают. Отрицая добродетели вашего мира, преступники отчаянно пытаются создать свой, обособленный мир. Они готовы в нем жить. Здесь стоит жуткое зловоние, но они привыкли дышать этим воздухом... Их любовь пахнет потом, спермой и кровью. В конечном итоге моей изголодавшейся душе и моему телу она предлагает преданность. Я пристрастился ко злу оттого, что оно обладает подобнь ми эротическими возможностями» (Жене, 1993, с. 170).

Эротизация преступника часто сочетается с мазохистскими чувствами: «...Я не мог бы забыть о роскошной мускулатуре убийцы и неистовой силе его полового органа» (Жене, 1993, с. 171). Однорукий Стилитано «не был наделен ни одной христианской добродетелью. Весь его блеск, вся его сила заключались у него между ногами <...> Стилитано оставался для меня милым и надежным хозяином, ни сила, ни обаяние которого так и не утолили мою жажду мужественности, сосредоточенной в солдате, моряке, авантюристе, воре, преступнике. Будучи недоступным, он стал в моих глазах воплощением вышеперечисленных типов, которые подавляют меня» (Жене, 1993, с. 174, 181).

Главное свойство следующей «иконы» геевского пантеона, цветного мужчины — экзотичность. Этноэкзотика есть и в «натуральном» сексе. Один мой одноклассник когда-то хвастался, что «попробовал» девушек трех национальностей, а старый друг, рассказывая о похождениях любимого внука, не без почтения заметил: «У него была даже мулатка!» Для геев нарушение расовых и национальных границ имеет особое очарование. Джеймс Болдуин в романе «Другая страна» описал страстный роман американца ирландского происхождения Эрика и черного джазмена Руфуса. Для белого человека черный мужчина — чаще всего могучий и таинственный самец, благодаря которому он открывает для себя новый, неизведанный мир. Азиатское тело импонирует европейцу отсутствием волос и т. д.

Очень популярны среди геев образы спортсменов (Pronger, 1990). В новое время спорт стал единственной возможностью публично показать обнаженное мужское тело. Самые популярные образы «спортивной» порногра-

фии — футболисты, персонифицирующие силу и мужественность, бодибилдеры (идеальное мужское тело), пловцы, персонифицирующие мягкость и изящество линий. Сексуальное действие в этих произведениях, как и в жизни, часто разворачивается в раздевалках, душевых, гимнастических залах и в спортивных лагерях.

Реальное отношение геев к спорту неоднозначно. Многие геи неуверенно чувствуют себя в сугубо мужской среде, стесняются своего тела и боятся, что невольный взгляд или непроизвольная эрекция могут их выдать. В то же время раздевалка и душ — единственная возможность увидеть предмет своего поклонения. Занятие популярным мужским спортом позволяет «голубому» юноше самому стать красивым и привлекательным и, возможно, скрыть свою сексуальную ориентацию. Наконец, спортивные достижения имеют для геев большое политическое значение, подрывая старый стереотип об их «изнеженности».

Профессиональный большой спорт долгое время был, да и сейчас остается в высшей степени гомофобным. Все выдающиеся спортсмены, публично заявившие о своей гомосексуальности (футболист Давид Копей, чемпион США по прыжкам в воду Грег Лауганис и др.), пережили в связи этим много неприятностей, некоторым даже пришлось уйти из спорта. Чтобы бороться с гомофобией, американские геи начали с 1982 г. проводить собственные спортивные игры и даже олимпиады.

Если судить о гомоэротике только по порнографии, может сложиться впечатление, что она гипертрофирует самые опасные свойства мужской сексуальности: мачизм, культ господства и подчинения, милитаризм, расизм и т. п. Однако надо учитывать игровой, карнавальный характер гомоэротики. В обычной мужской культуре гипермаскулинность ассоциируется с агрессивностью и мизогинией, «мачо» — персонификация власти, насилия и принуждения.

В гомоэротике большой член не является орудием власти и подчинения, он вызывает не столько страх, сколько восхищение, поклонение, нежность, желание «проглотить» его. Хотя геи проводят долгие часы в спортивных сооружениях, накачанные мускулы нужны им не для утешения, а для привлечения других мужчин. «Почему проявления интеллекта — книги, картины, другие формы

«искусства» можно достойно демонстрировать, выставлять напоказ, а тело — нет? Я потратил часы, дни, месяцы, годы на книгу. Я хочу, чтобы ее приняли, любили, хвалили, чтобы ею восхищались и искали ее. Но чем мое тело хуже? Я также потратил на него часы» (Rechy, 1977, pp. 68—69).

Как во всех мужских отношениях, здесь присутствует мотив власти одного человека над другим, но эта власть заключается прежде всего в том, чтобы доставить — или не доставить — другому мужчине удовольствие (Mohr, 1992, pp. 188—203). Это та власть, которой всегда обладали и пользовались женщины.

Характерный пример многослойности гомоэротики — рисунки самого знаменитого геевского эротическо-порнографического художника Тома Финна (Тоуко Ласканен, 1921—1991). Том благоговееет перед образом «мачо». Все его персонажи гипертрофированно маскулинны (огромные члены, мощные мускулы, черная кожаная одежда) и агрессивны, они связывают, подвешивают, порют и насилизуют друг друга. С точки зрения официальной геевской идеологии рисунки Тома политически некорректны. Когда лесбигеевский журнал «Outlook» посвятил его творчеству статью с иллюстрациями, редакции пришлось несколько месяцев печатать письма разгневанных лесбиянок, которые возмущались этой проповедью сексизма, мачизма и сексуального фашизма. Но эти атрибуты гипермаскулинности изображаются с юмором, как игра, допускающая и даже предполагающая смену ролей. Этот могучий мужик — не вождь, который всегда сверху, а «один из мальчиков», которого точно так же связывают, порют, трахают и т. д. Это не призыв к насилию, а перформанс (Blake, 1995, pp. 343—353).

АНДРОГИНЫ И ИМПЕРСОНАТОРЫ

Противоположный архетип мужского гомоэротического воображения — андрогин, существо неопределенного пола, полумужчина-полуженщина. Андрогинные образы широко представлены в мифологии и в религиозной практике, им часто приписывалась магическая сила и сексуальная привлекательность. В повседневной жизни такие люди не имеют выбора, им некуда скрыться от сво-

ей внешности и манер. Единственный выход — принять данную роль и сделать ее предметом гордости.

Женственный мужчина — единственный тип гомосексуальной идентичности, который под разными именами существовал всюду и везде. В современном английском языке этот тип чаще всего обозначается словом *queen* (буквально — «королева», на самом же деле — искаженное *quean* — распущенная женщина, проститутка), которое первоначально применялось к женщинам, а потом его взяли в качестве самоназвания женственные мужчины. Если эта идентичность включает переодевание в женскую одежду и усвоение женских манер, речи и поведения, ее называют также *Drag-queen*. В русском геевском жаргоне это передается словами «девка», «сестра», «пидовка», «королева» (ласковое или восхищенное), «мурка», «подруга», «хабалка» (агрессивная, скандальная «девка», афиширующая свою гомосексуальность и компрометирующая своих «подруг» в глазах окружающих) и т. п. (Шуплов, 1994).

Отношение к ним неоднозначное. Некоторые маскулинные геи, которые могут сойти за «натуралов», видят в «девках» злую карикатуру на самих себя и относятся к ним с презрением и ненавистью (типичная психологическая защита, по Фрейд). Другие находят их сексуально привлекательными, чужая женственность позволяет им чувствовать себя более маскулинными; в однополых парах фемининный партнер обычно играет роль «жены».

Различно и их собственное самосознание. Некоторые страдают комплексом неполноценности (феминизированные геи имеют гораздо больше психологических проблем и трудностей, чем остальные). Другие принимают свою идентичность с удовольствием: женское платье, доведенные до гротеска женские манеры, разговор о себе в женском роде — их естественный способ существования. Для третьих это даже своего рода психологическая компенсация, способ превратить слабость в силу.

В отличие от транссексуала, который чувствует себя женщиной и мечтает сменить пол, гомосексуальный транвестит (87 % обычных транвеститов гетеросексуальны, переодевание в женскую одежду не меняет их сексуальную ориентацию — Docter and Prince, 1997) этого не хочет, его/ее призвание и гордость — быть мужчиной, ко-

торый способен затмить женщину и успешно соперничать с нею.

Высший уровень этого — имперсонаторы, мужчины, выступающие в женском облике на сцене (Simpson, 1994). Волшебное «превращение парня в богиню» требует огромного терпения и мастерства.

Знаменитые имперсонаторы пользуются мировой известностью, ими восхищаются, в них влюбляются. Это не просто представление, а перевоплощение, открытие новых ипостасей собственного Я. Неказистый и вроде бы «ненастоящий» мужчина становится умопомрачительной красавицей, богиней. «Драг позволяет мне исследовать новые облики, постоянно изменяться, становиться таким, каким мне хочется. У меня нет осиной талии, но я могу сделать ее с помощью корсета. Я могу иметь огромные ресницы и сумасшедшую прическу. Могу стать элегантной красавицей или хиппи. Могу реализовать все мои дикие фантазии, а утром в своем обычном виде пойти на работу» (Guy to Goddess, 1994, p. 7).

По словам знаменитого черного шоумена, танцора и имперсонатора РуПола (RuPaul, 1992), «драг» — прежде всего работа, представление, униформа, которую он снимает дома так же, как это делают со своей униформой пожарник или медсестра. «Мы рождаемся голыми, а все остальное — маскарад». Но это также и самовыражение. РуПол вырос среди женщин, которые, в отличие от мужчин, открыто выражали свои эмоции. Мальчику эта свобода нравилась, свою женственность и связанное с ней сексуальное влечение к мужчинам он считал естественными. И когда РуПол вырос, он решил, что ему следует не стыдиться, а культивировать их.

Успешные имперсонаторы есть и в России (например, знаменитая Верка-Сердючка). Но не всем удастся театрализовать свои гендерно-сексуальные роли и добиться таким образом общественного признания. Кроме того, роли и маски не снимают некоторых личных проблем, в том числе сексуальных. Как сказал один знаменитый американский имперсонатор, «мужчины влюбляются в мисс Адриану. У нее есть все, чем хочет быть мальчик Адриан: она общительна, дерзка, популярна. Любима. Но беда в том, что мисс Адриана никогда не появляется в спальне. Я горжусь тем, что на моих простынях никогда не было

следов косметики. Мисс Адриана остается позади, после представления она смывается вместе с гримом. Но ведь это в нее влюбляются мужчины. Это ее они хотят. И когда она уходит, они обычно тоже уходят» (*Guy to Goddess*, 1994, pp.108—109). Хотя геи восхищаются талантливыми имперсонаторами, в обыденной жизни большинство из них предпочитает более маскулинных мужчин.

Соотношение гомосексуальности и трансвестизма — довольно сложная сексологическая проблема. Большинство трансвеститов гетеросексуальны, многие из них женаты и имеют детей. Сказанное выше касается только гомосексуальных *drag-queens*. Что же до эпизодического переодевания, тем более — театрального, то оно может быть вообще не связано ни с какими психосексуальными особенностями. На переодевании и игровой, условной смене пола держится вся карнавальная культура, описывать ее в сексологических терминах просто нелепо. То же и в быту. На концерте по случаю 70-летия великого американского скрипача Исаака Стерна Мстислав Ростропович, прежде чем сыграть сен-сансовского «Умирающего лебедя», протанцевал через всю сцену в балетных пачках и на пуантах, но никому не пришло в голову заподозрить его в трансвестизме или гомосексуальности.

АНДРОФИЛЫ И БОЙЛАВЕРЫ

Самый сложный и многообразный архетип — «мальчик». На протяжении всей истории человечества главными объектами гомосексуального желания считались подростки и юноши, но возрастные категории довольно расплывчаты, и слово «мальчик» в разных культурах означает разные вещи (Kincaid, 1992).

Подавляющее большинство геев предпочитают иметь дело не с маленькими мальчиками или подростками, а с представителями собственной возрастной группы, хотя возраст идеального или предпочитаемого партнера большей частью меняется вместе с их собственным возрастом. По данным Харри, юноши и молодые 20—25-летние мужчины чаще всего предпочитают партнера немного старше себя, 25—35-летние — своего возраста, а мужчины старше 35 лет — моложе себя. В большинстве случаев «оптимальная» желаемая разница в возрасте колеблется от 2 до

5 лет. Средняя разница в возрасте реальных сексуальных партнеров — около 5 лет, хотя на полюсах она значительно больше (Harry, 1992, pp. 202—211; ср. Davies et al., 1994, p. 159). Впрочем, все это весьма индивидуально.

Кинзи спрашивал гомосексуальных респондентов о возрасте их самого молодого сексуального партнера с тех пор, как самому респонденту исполнилось 18 лет. У 33 % это были 18-летние, у 11, 8 % — 17-летние юноши, у 18,1 % — 14—16-летние подростки и только у 6,3 % — мальчики младше 13 лет. Среди заключенных сексуальные контакты с допубертатными и пубертатными мальчиками встречаются значительно, в 3—5 раз, чаще, чем в нормальной гомосексуальной выборке (Gebhardt and Johnson, 1979, pp. 462—465). Никогда нельзя судить о нормальном гомосексуальном поведении по данным криминальной статистики. Три четверти белых сан-францисских геев не имели по достижении 21 года сексуальных партнеров моложе 16 лет, а у остальных юноши составляли меньше половины общего числа партнеров (Bell and Weinberg, 1978, table 7, pp. 310—311).

Тем не менее есть мужчины, которых сексуально привлекают преимущественно или исключительно пре-пубертатные мальчики (младше 14 лет). В отличие от андрофилов, любящих взрослых мужчин (от греч. *андрос* — мужчина), сексологи называют их гомосексуальными педофилами, а сами они себя называют бойлаверами. Однако это название очень неопределенно, потому что возраст «мальчика» не уточняется, варьируя от 12 до 16—17 лет.

В массовом сознании педофилию обычно отождествляют с совращением детей. На самом деле это разные понятия и явления (Кон, 1999). «Сексуальное злоупотребление детьми» (*child sex abuse*) — криминологический термин, подразумевающий противозаконные сексуальные действия, виновниками их чаще всего бывают обычные гетеросексуальные мужчины. Педофилия — сексологический термин, обозначающий специфическую парафилию, которая, как и прочие парафии, может иметь разную этиологию (Ткаченко, 1999).

Гомосексуальная педофилия отличается как от обычной гомосексуальности (человека, которого привлекают допубертатные и пубертатные мальчики, как правило, не волнуют взрослые мужчины, и наоборот), так и от

гетеросексуальной педофилии, когда сексуальное влечение направлено на девочек или когда пол ребенка практически безразличен (Feierman, 1990; Li et al., 1990; Howitt, 1995; Barbaree and Seto, 1997). Чтобы понять особенности сексуальных взаимоотношений между мужчинами и мальчиками, нужно учитывать их социальный и психологический контекст (Rossman, 1976; Tsang, 1981; Sandfort, 1987).

Диапазон возможных эмоциональных отношений между мужчинами и мальчиками очень широк. Общеизвестно, что в любом «несексуальном» контексте, будь то семья или школа, мужчины склонны уделять больше внимания мальчикам, чем девочкам. В мальчике мужчина видит собственное подобие, которое вызывает у него повышенный интерес, независимо от возможной, но вовсе не обязательной, эротизации этого образа. Мальчики, в свою очередь, тянутся к мужчинам, видя в них прообраз собственного будущего и пример для подражания.

Для многих мужчин общение и работа с детьми, особенно с мальчиками, психологически компенсаторны. Среди великих мужчин-педагогов прошлого непропорционально много холостяков и людей с несложившейся семейной жизнью. Но любовь к детям — не синоним педоили эфебофилии; она может удовлетворять не только сексуальные, но и многие другие потребности.

Один мужчина, сознательно или бессознательно, ищет и находит у детей недостающее ему эмоциональное тепло.

Другой удовлетворяет свои властные амбиции: стать вождем и кумиром подростков проще, чем приобрести власть над взрослыми.

Третий получает удовольствие от самого процесса обучения и воспитания.

Четвертый сам остается вечным подростком, которому в мальчишеском обществе уютнее, чем среди взрослых.

У пятого гипертрофированы отцовские чувства, собственных детей ему мало или с ними что-то не получается.

Эти многообразные потребности могут быть, но могут и не быть сублимацией сексуально-эротических чувств. Тот, кто думает иначе, должен признать сексуальными абсолютно все чувства и привязанности, включая любовь

к Богу и Отечеству, но в этом случае само понятие сексуальности становится бессмысленным.

Сочетания эмоциональных и эротических чувств и способы их реализации так же многообразны, как люди.

Они пишут контрольную работу —
Упадок демократии в Афинах
Я вижу его рыжеватый затылок
среди прочих
Сейчас он подбежит самый первый
Одернет пионерский галстук
и тихо протянет
исписанный листок
Я погляжу на него и мне станет
опять нехорошо
Что-то вроде догадки или
сочувствия промелькнет
в его рыжеватых глазах
Ну что, пионер, будь готов! —
пошучу я
Всегда готов! — певуче ответит
он

(Пригов, 1995, с. 58)

Дети любого пола и возраста могут отзываться на сексуально-эротические чувства взрослого, не понимая их подоплеки, а иногда и сознательно. Мальчик-подросток, особенно в условиях глобальной безотцовщины в семье и феминизации школы, остро нуждается в мужской поддержке и эмоциональном тепле. Такие привязанности легко могут сексуализироваться с обеих сторон, психологические последствия этого зависят от контекста и личностного смысла.

Обобщение данных неклинических исследований и мета-анализ студенческих выборок (Bauserman and Rind, 1997; Rind et al., 1998) показывает, что, в отличие от девочек, 72 % которых ретроспективно оценивают любой ранний сексуальный опыт со взрослыми отрицательно, 66 % мальчиков оценивают такой опыт, как гомо-, так и гетеросексуальный, положительно или нейтрально, видя в нем не столько потерю, сколько приобретение. Отчасти это обусловлено традиционными культурными норма-

ми, которые ценят женскую девственность выше мужской, а отчасти тем, что мужские сексуальные контакты на первых порах больше напоминают сексуальную игру.

Помимо добровольности очень важна предшествующая сексуальная ориентация мальчика. Большинство гетеросексуальных мальчиков ретроспективно оценивают свои сексуальные контакты со старшими женщинами, даже если инициатива принадлежала не им, скорее положительно, а гомосексуальные контакты — отрицательно. У гомосексуальных подростков дело обстоит наоборот. Обследование группы студентов-геев Корнеллского университета, имевших между 12 и 17 годами добровольные сексуальные контакты со взрослыми мужчинами (старше 18 лет и старше мальчика не меньше, чем на 5 лет), показало, что почти все они оценивают этот опыт положительно, а их собственные психологические свойства (уровень самоуважения, психосексуальная адаптированность и т. д.) на момент обследования были не хуже, чем у контрольной группы (Rind, 2001). То есть, вопреки теории соращения, ранний гомосексуальный опыт не причинил им заметного вреда. Кстати, почти все эти студенты знали о своем влечении к мужчинам еще до этого опыта.

В сущности, в этом нет ничего сенсационного. Каждый психолог знает, что влияние любого жизненного события зависит от того, как оно переживается. Мы не раз читали в газетах, что некий учитель, тренер или фотограф «изнасиловал» или «совратил» десятки мальчиков-подростков, однако жертвы, несмотря на оказанное на них давление, отказывались давать против него показания, сочувствовали ему и даже носили в тюрьму передачи. Иногда, что уж совсем странно, за преступника ходатайствовали даже родители мальчиков. Видимо, во взаимоотношениях этого человека с мальчиками, наряду с безусловно запретным сексом, было и нечто ценное, чего не сумели разглядеть обвинители и чего эти мальчики не смогли найти ни у кого другого.

Однако проблема имеет и другую сторону.

Во-первых, из того, что подростку что-то понравилось, не вытекает, что это «что-то» для него полезно и безопасно (курение, алкоголь, наркотики).

Во-вторых, многое из того, что верно для пубертатных подростков, может быть совершенно неверно для бо-

лее младших детей, еще не вступивших в период созревания.

В-третьих, действие, приемлемое для гомосексуального подростка, может быть оскорбительным и травмирующим для «натурального» мальчика, которых значительно больше.

Некоторые гетеросексуальные мужчины, имевшие в детстве сексуальные контакты со взрослыми мужчинами и получавшие от этого удовольствие, ретроспективно оценивают их отрицательно.

Чтобы избежать упрощенчества, наука разграничивает такие взаимосвязанные, но качественно разные проблемы и явления, как 1) подростковое одиночество и потребность в любви; 2) сексуальные игры подростков друг с другом, в их собственной среде; 3) гомосексуальные контакты и влюбленности; 4) сексуальную эксплуатацию подростков взрослыми по добровольному согласию, за подарки или по принуждению; 5) коммерческую детскую проституцию; 6) производство и распространение детской порнографии; 7) закономерности формирования и развития связанных с этим бизнесом криминальных структур и сообществ; 8) краткосрочные и долгосрочные психологические последствия раннего сексуального опыта и т. д.

Некоторые из этих проблем (потребность мальчика в эмоциональном тепле и любви старшего мужчины) универсальны, другие имеют отчетливо социальную природу (бедность, детская безнадзорность). Мальчики, которые ошиваются и продаются на вокзалах и площадях, как правило, никому на свете не нужны, у них нет ни дома, ни средств к существованию плюс плохая наследственность (чаще всего алкоголизм), опасные криминальные связи и много других сложностей. К сожалению, с этим подчас не хочет возиться никто, кроме бойлавера...

В противоположность средневековой идее об асексуальности ребенка, современная наука считает, что сексуальность — стержневой аспект человеческого бытия на всем протяжении жизни, детская и подростковая сексуальность не может быть подавлена и требует к себе бережного отношения. В то же время, в отличие от ряда древних цивилизаций, современное общество остро осознает необходимость защиты детей от сексуальных посягательств и эксплуатации со стороны взрослых. Для охраны несо-

вершеннолетних создан целый ряд социально-правовых норм: установление легального возраста согласия (в России, как и в большинстве европейских стран, это 14 лет, предлагаемое повышение его до 16 лет я считаю необоснованным и нецелесообразным), запрещение производства и распространения детской порнографии, торговли детьми и т.д. Однако эти меры не всегда эффективны, а лозунг «защиты детей» нередко используется консервативными силами для ограничения их сексуальных прав. Впрочем, это уже не наша тема.

ГОМОСЕКСУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Техника мужского однополого секса почти так же многообразна, как и гетеросексуальная, а иногда даже опережает ее.

Однополые пары обладают повышенной эмпатией, т. е. способностью психологически настроиться на эмоциональную волну партнера, почувствовать, что именно доставляет тому удовольствие, и действовать соответственно этому. Помимо того, что геи чувствительнее гетеросексуальных мужчин, поставить себя на место человека своего пола легче, чем на место женщины. Это обогащает их эротический репертуар. Например, хотя мужчины охотно играют женскими грудями, собственные соски для многих «натуралов» — табу; из 100 гетеросексуальных пар только 3—4 жены ласкали соски своих мужей, а в мужских парах это делали три четверти (Masters and Johnson, 1979, pp. 224—226).

Геи обладают развитой эротической лексикой и свободнее гетеросексуальных мужчин выражают свои сексуальные чувства и переживания. Они успешнее объясняются со своими партнерами, чем их гетеросексуальные сверстники, у которых многие сленговые эротические слова табуированы — «мужской» язык неприемлем и оскорбителен для женщин, а другого словаря нет (Wells, 1990). Для России эта проблема особенно актуальна.

У геев хорошо развита невербальная коммуникация. В барах и дискотеках мужчины могут почти ничего не говорить, в некоторых ситуациях разговаривать вообще не принято, все происходит молча, разве что «спасибо» в

конце, тем не менее они отлично понимают друг друга. Секс сам по себе — мощный язык общения, позволяющий выразить самые разнообразные чувства и потребности: желание, нежность, ласку, заботу, господство, подчинение, интерес, скуку, ненависть, удовольствие, любовь.

Это хорошо видно в коротких рассказах французского писателя Рено Камю (1946, преподаватель философии) «Трики» (Samus, 1982). Английское слово «трик» обозначает одноразового сексуального партнера. Рассказы Камю напоминают краткие дневниковые записи. Рено встречается с мужчиной, приводит его к себе или идет к нему; они осматривают и ощупывают друг друга, о чем-то разговаривают, большей частью ни о чем, раздеваются, занимаются сексом, спят и расстаются, чтобы, за редкими исключениями, больше никогда не встретиться. Ни любви, ни исповедей, ни переживаний. Каждый эпизод существует сам по себе: новый партнер — всегда новое отношение. Это не порнография — автор не старается развлечь или возбудить, а скупые мужские дневниковые записи. На первый взгляд все просто и стандартно. Тем не менее каждый случай индивидуален. Хотя двое мужчин ничего не знают и не хотят знать друг о друге, кроме того, что они возбуждают друга друга, их встреча по-своему индивидуальна, и каждый в ней без слов раскрывается. Прочитав книгу, представляешь не только автора, но и некоторых «триков».

Сексуальная техника одновременно индивидуальна и культурно-специфична. Хотя эрогенность всех телесных отверстий известна с незапамятных времен — древнейшее изображение фелляции относится к каменному веку, — разные общества имели на этот счет разные предписания и предпочтения. Кроме того, сексуальная практика зависит от конкретных жилищных, гигиенических и других условий.

В начале XX в., по клиническим наблюдениям Хиршфельда, 40 % гомосексуалов практиковали взаимную мастурбацию, столько же — фелляцию, 12 % удовлетворялись трением друг о друга и только 8 % занимались анальным сексом (Hirschfeld, 1920, SS. 229; 283). В анкетных исследованиях даже спрашивать об анальном сексе стеснялись. С тех пор многое изменилось.

МАСТУРБАЦИЯ И ПАРТНЕРСКИЙ СЕКС

Самая массовая форма гомосексуального удовлетворения — мастурбация. Мастурбируют не только геи, но и гетеросексуальные, даже состоящие в браке, мужчины и женщины. Однако геи мастурбируют интенсивнее. В 1987 г. у немецких гомосексуалов на мастурбацию приходится 71 % всех семяизвержений (Dannecker, 1990). Частота мастурбации зависит прежде всего от наличия партнера. У имеющих постоянного партнера геев мастурбация составляет 62 % всех эякуляций, у одиноких — 85 %. Однако это обстоятельство не следует преувеличивать. Английские геи, имевшие множество гомосексуальных контактов, тем не менее мастурбировали по 8—10 раз в месяц (Davies et al., 1990).

Второй существенный фактор — возраст: молодые геи, как и их гетеросексуальные ровесники, мастурбируют чаще. Если гетеросексуальные 18-летние немецкие студенты мастурбировали в среднем 11 раз в месяц (Clement, 1986, p. 39), то гомосексуалы — 25 раз. Среди 26—30-летних аналогичные цифры — 6,9 и 15 раз в месяц. Разница между геями и «натуралами» больше, чем вдвое. При опросе на Gay.ru 45 % геев признались, что мастурбируют ежедневно, а 24 % — 2—3 раза в неделю.

Мастурбация — самый доступный, безопасный и контролируемый секс. Физиологически получаемое при мастурбации удовольствие отличается от других способов сексуального удовлетворения. Кроме того, мастурбация позволяет людям «проигрывать» их нереализованные сексуальные сценарии. У геев, в силу больших культурных запретов, таких нереализованных фантазий больше, чем у «натуралов». В связи с эпидемией СПИДа на Западе стали популярны специальные клубы онанистов, где мужчины не только зрительно возбуждают друг друга, но и занимаются взаимной мастурбацией, обогащенной определенными ритуалами.

То есть мастурбация — не дополнительная, подсобная, а самостоятельная форма сексуального удовлетворения. Однако она лишена коммуникативного начала и может способствовать усилению нарциссизма. У гетеросексуальных подростков аутоэротическая практика и чувства разбиваются и постепенно перекрываются гетеросексуальны-

ми фантазиями, у гомосексуалов такого противовеса нет, это способствует нарциссической самоизоляции некоторых из них¹. К сожалению, вытекающие отсюда клинические и психологические проблемы, которым уделяет большое внимание психоанализ (например, Моргенталер), в политически ангажированной геевской психиатрии утрачены.

ОРАЛЬНЫЙ СЕКС — ФЕЛЛЯЦИЯ

Вторая по степени распространенности гомосексуальная практика — оральный контакт, фелляция. Разные культуры относились к ней по-разному. Папуасы самбиа смакуют и обсуждают запах и вкус семени с таким же упоением, как наши гурманы — вкус сыра или букета вина, а у их соседей это вызывает отвращение. Сильное предубеждение против орального секса существовало и в викторианской Европе. Сегодня оральный секс считают нормальным и практикуют 75—80 % гетеросексуальных мужчин и женщин. Геи делают то же самое. По большинству опросов фелляция — второй по частоте способ сексуального удовлетворения после мастурбации и взаимной мастурбации.

Деление партнеров по оральному сексу на «активных» и «пассивных» сексологически нелепо: рецептивный партнер, который сосет, лижет и т. д., на самом деле активнее инсертивного и соответствующие умения и навыки высоко ценятся в геевской среде. Выбор позиции чаще всего дело индивидуального вкуса, причем партнеры нередко меняются ролями. Хотя старшим и менее привлекательным мужчинам чаще приходится выполнять рецептивную функцию, которая некоторым кажется унижительной и женственной. По-разному оцениваются они и в коммерческом сексе. Многие хаслеры дают клиенту «отсасывать» у себя, но сами

¹ Интересная художественная метафора этой связи — изображение Нарцисса современным венесуэльским скульптором Агустином Карденасом. По легенде, Нарцисс любит свое отражение в воде, лежа на берегу реки. Карденас же изобразил Нарцисса сидящим с расставленными ногами и созерцающим собственные гениталии; взгляд намертво соединяет лицо юноши с его пенисом, получается, что он влюблен не вообще в свое тело, а в свой фаллос, который он мастурбирует взглядом. Нарциссизм оказывается синонимом аутоэротизма.

к нему не прикасаются. Это помогает им поддерживать представление о себе как о гетеросексуальных мужчинах, которые просто обслуживают «гомиков». Эту психологию исповедуют и подростки, еще не принявшие своей гомосексуальности: пока кто-то сосет меня, я в порядке, но сохрани Боже сделать ответный жест.

АНАЛЬНЫЙ СЕКС

Анальный секс в европейской культуре всегда подвергался наибольшей стигматизации, вызывая множество возражений, от религиозно-философских до гигиенических. Анальная пенетрация больше всякой другой сексуальной техники напоминает коитус, и многие ассоциируют гомосексуальность именно с ней. В то же время это самая неудобная, негигиеничная и трудоемкая сексуальная операция. Поскольку рецептивная анальная позиция ассоциировалась также с феминизацией и потерей мужского достоинства, даже многие мужчины, которым она нравилась, старались заменить ее чем-то другим. К тому же оральный секс было легче, быстрее и незаметнее практиковать в таких местах, как общественные туалеты и парки.

В середине XX в. анальный секс стал гораздо более распространенным и видимым, но затем под влиянием СПИДа в гетеросексуальной среде, особенно среди более образованных людей, его популярность снова резко уменьшилась. Хотя этот опыт имеют 20—30 % молодых гетеросексуальных мужчин, систематически практикуют его немногие (во Франции — только 3 %).

Среди геев он распространен гораздо больше. В Германии конца 1980-х гг. его практиковали четыре пятых опрошенных (Bochow, 1993), в Англии 1990—1992 гг. — 70,5 % (Davies et al., 1990) и т. д. Хотя подавляющее большинство геев не отождествляют гомосексуальность с анальным сексом, они считают его уникальным переживанием и решительно не согласны с мнением, что рецептивная анальная позиция компрометирует их маскулинность. Хотя с мнением, что анальная пенетрация — самая приятная форма секса, согласились только четверть, а полностью — лишь 11 % опрошенных, 47 % английских геев сказали, что без него они просто не представляют

себе секса, так же как гетеросексуалы не смогли бы обойтись без вагинального полового акта (Davies et al., 1990, p. 109). При опросе на Gay.ru: «Как часто вы занимаетесь анальным сексом?» — оказалось, что 15 % ответивших не имели и не хотят его, а 22 % не имели, но хотели бы иметь.

Важнейшее отличие современной гомоэротики от традиционной состоит в том, что позиционно-ролевые различия — кто кого «трахает» — из заданных и социально-иерархических становятся индивидуальными, добровольными и значительно менее жесткими. Среди немецких геев, практикующих анальный секс, только инсертивную роль выполняли 18 %, только рецептивную — 12 % обследованных, а 70 % в разных пропорциях чередовали обе позиции (Bochow, 1989, pp. 35—36). Среди английских геев «активную» роль предпочитают 43 %, пассивную — 40 %, но большинство (61 %) выполняют обе роли (Davies et al., 1990, pp. 109—110).

Многое зависит от ситуации и характера партнерских отношений. Анальным сексом занимаются чаще с постоянными, чем со случайными партнерами, причем с постоянным партнером позиции обычно чередуются, а со случайными — нет. Здесь сказываются как эпидемиологические, так и статусные соображения: «брат» — и престижнее, и безопаснее, чем «отдаваться».

Инсертивная позиция ближе к гетеросексуальной практике, не обременена стигмой и легко позволяет достичь оргазма. Рецептивная позиция выглядит менее физиологичной, ассоциируется с подчиненностью и требует специальной физической (смазка) и психологической (умение расслабиться) подготовки. Мало кому она доставляет удовольствие с первого раза. Помимо лубрикантов, нужна определенная психологическая подготовка, умение полностью расслабиться, преодолеть чувства страха и тревоги. Популярное руководство по гомоэротике (Silverstein & White, 1977; Picano and Silverstein, 1992) подчеркивают, что первый анальный контакт физиологически и психологически не менее сложен, чем дефлорация девушки, поэтому с неопытным или эгоистичным партнером, который будет спешить и думать только о себе, лучше не связываться. Предпочтение рецептивной позиции в анальных сношениях статистически связано с

атипичным, женственным поведением в детстве (Saghir and Robins, 1973).

Физиологически склонность к рецептивной позиции может быть связана с повышенной чувствительностью анального отверстия, предстательной железы и прямой кишки. Некоторые гетеросексуальные мужчины и женщины также любят, чтобы во время любовных ласк им раздражали и щекотали задний проход. Но главное здесь, как в любом сексе, не физиологические рефлексy, а психические переживания.

Психологические смыслы анального секса многообразны. Одни видят в нем ядро своей гомоидентичности: «Это больше, чем что-нибудь другое, позволяет мне чувствовать себя геem». Для других это прежде всего «восхитительное чувство, я просто не могу без этого»; «мне нравится, когда меня трахают». У некоторых анальный секс вызывает самый сильный оргазм: «Трахать кого-то — самый лучший и наиболее физиологичный путь к оргазму», «Кончить, когда кто-то находится во мне, — величайшее наслаждение». Анальная пенетрация часто ассоциируется с максимальной телесной близостью, самоотдачей и интимностью: «Главное — абсолютная близость, телесная открытость», «Это высшее проявление любви и интимности». Рецептивный партнер реализует таким образом свою потребность в безоговорочной самоотдаче. Многие мужчины подчеркивают момент доверия и релаксации. Не менее часто звучат мотивы власти, господства и подчинения: «Это демонстрация могущества и власти», «Это делает меня сильным, мне нравится быть сверху» или «Мне нравится чувствовать себя беспомощным, когда меня трахают и кто-то обладает властью надо мной».

На вопрос, считает ли он себя «верхом» или «низом», один американский морской пехотинец (некоторые из этих бравых парней, вопреки стереотипу, охотно выполняют рецептивную роль) ответил, что он ни то и ни другое: «Я — верх, которому нравится, когда его трахают. В большинстве случаев я играю доминантную роль, и чем маскулиннее тот, кем я овладеваю, тем больше моя гордость. Но если встречается кто-то более сильный, я готов отдаться ему, в этом тоже есть элемент самоутверждения» (Zeeland, 1996, p. 36). Мужчины, выполняющие инсертивную роль, никогда не описывают ее как пассивную;

добровольная самоотдача рассматривается как проявление мужественности и сохранение за собой контроля и власти (Kippax and Smith, 2001).

СВЯЗЫВАНИЕ И ДИСЦИПЛИНА

Одна из самых проблематичных сексуальных практик — садомазохизм (СМ), или, как его иначе называют, чтобы избежать отрицательных психиатрических ассоциаций, «кожаный секс» (Leather sex), или «связывание и дисциплина» (bondage and discipline) (СД) (Thompson, 1991; Jacques, 1993; Dominguez, 1994). Эта практика занимает важное место в гомосексуальной порнографии и эротике. Признанные классики этого жанра — американские писатели Сэмюел Стюард (Фил Андрос) (1909—1993), Джон Престон (1945—1993) и Ларри Таунсенд (р. 1936). Издаются специальные журналы — «Drummer», «Dungeon Master», «The Leather Journal», «Manifest Reader» и др.

Как и все остальные элементы гомозротики, эта практика не специфична для однополых отношений и в той же степени распространена среди гетеросексуалов. Хотя психиатры долго и безуспешно пытались найти «этиологию» СМ, единой «садомазохистской перверсии» или типа личности не существует (Stoller, 1991). Элементы СМ в той или иной форме присутствуют во всех эротических фантазиях и действиях. При этом добровольные СМ, в отличие от психотипов, в своей эротической игре не мучают, а дразнят, тантализуют и затем удовлетворяют друг друга. Их странное поведение — театр, игра как форма психологической самозащиты против импульсов враждебности, жестокости или вины. С настоящими насильниками и террористами садомазохисты предпочитают дела не иметь и считают их сумасшедшими.

Есть по крайней мере три разных сексуальных сценария (Ernulf and Innala, 1995), которые лишь с натяжкой можно считать разными степенями одного и того же.

1. *Господство и подчинение (dominance and submission)*, где нет ни боли, ни унижения, только жестко асимметричное распределение власти. Инсценируются разные степени и формы властных отношений: учителя и ученика, отца и сына, тюремщика и заключенного, начальника и подчиненного. Господствующий партнер («мастер»

или «верх») командует и инициирует все сексуальные действия, а подчиненный («низ», «мальчик», «раб») подвергается танталовым мукам: его наказывают задержкой или лишением удовольствия, возбуждают, дразнят, не позволяя получить желаемую разрядку.

2. *Связывание и дисциплина (bondage and discipline)* усугубляют неравенство жесткой зависимостью одного партнера от другого, включая связывание, специальные упражнения и наказания, но без причинения физической боли. Потребность в таких играх часто испытывают мужчины, которые в мальчишеских играх в войну или казачков-разбойников получали удовольствие, оказываясь в роли пленников, когда их связывали, пытали и т. п. Беспомощность освобождает человека от ответственности: не я делаю, а со мной делают. Это позволяет проигрывать и такие сексуальные фантазии, в которых он сам себе не признается (не он мастурбирует, а его мастурбируют, не он сосет, а его заставляют сосать).

3. Собственно *садомазохизм* прибавляет к этому чувство физической боли или унижения, которые тоже имеют большей частью условный, игровой характер. Хотя границы допустимого устанавливаются в самом процессе сексуальной игры — иначе она была бы неинтересна, — ее фактически контролирует зависимый партнер, «низ» или «раб». Как только он подает соответствующий сигнал, игра прекращается. Из нескольких сот случаев, проанализированных в одном голландском исследовании, только в 2 случаях доминантный партнер зашел дальше, чем следовало.

Склонность к СМ распространена среди гетеро-, гомо- и бисексуалов приблизительно одинаково. Однако в отличие от гетеросексуальных мужчин геи, как и женщины, больше тяготеют к подчиненной, зависимой роли, мазохизм им ближе садизма. В компьютерных объявлениях, где люди выражали желание «поиграть» в связывание, активно-доминантную роль хотели играть 71 % гетеросексуальных мужчин, 11 % гетеросексуальных женщин и только 12 % гомосексуальных мужчин. Подчиненно-рецептивную роль предпочитали 29 % гетеросексуальных мужчин, 89 % женщин и 88 % гомосексуалов. Такая же картина при анализе надписей и рисунков в мужских туалетах: 71 % гомосексуалов предпочитали подчиненно-рецептивную роль, 21 % — доминантно-активную и 2 % хотели менять-

ся позициями (Innala and Ernulf, 1992). Обследованные Мастерсом и Джонсон гомосексуалы чаще воображали сцены сексуального принуждения и насилия, в которых мужчины были жертвами; в то же время они нередко приписывали себе активную роль организаторов группового изнасилования (Masters and Johnson, 1979, pp. 179—189). Однако у финских садомазохистов разницы в предпочтениях не обнаружилось (Sandnabba et al., 1999).

Сексуальная практика «связывания и дисциплины» всегда строго ритуализирована, причем ее этапы воспроизводят древние модели инициации мальчиков: 1) отделение — иницируемый изымается из привычной среды и лишается своих обычных атрибутов; 2) переход — период испытаний, трудностей и пыток, когда мальчик сам себе не принадлежит, освобождается от прежней идентичности и обретает новую; 3) инкорпорацию — включение в новую общность и обретение новых прав и обязанностей.

Некоторые современные ритуалы приема в закрытые мужские сообщества включают связывание посвящаемого, раздевание его догола, привязывание или подвешивание к чему-то, осмотр и ощупывание его гениталий, шлепанье или настоящую порку, а иногда даже символическое или реальное изнасилование. Социальный смысл этих ритуалов — безоговорочное подчинение посвящаемого группе и ее лидерам, готовность принять ради членства в ней боль и унижение. Посвящаемый/испытуемый не знает, что его ждет. Это усиливает его сексуальное возбуждение, которое разряжается столь же непривычным и не зависящим от его воли способом только тогда, когда захотят и позволят «братья». За этой добровольно-вынужденной потерей маскулинности следует ее новое обретение в виде признания со стороны мужского братства, новая мужская идентичность, не данная от рождения, а полученная от старших мужчин. Безусловное подчинение и отказ от собственной маскулинности означает ее проверку и вознаграждается последующими льготами и привилегиями, связанными с принадлежностью к братству. Ты прошел эти испытания, — значит, ты настоящий мужчина.

Мужские сообщества, практикующие такие ритуалы, отличаются духом мизогинии и гомофобии, но одновременно в них присутствует сильный латентный гомоэротизм. Когда одного специалиста по связыванию спроси-

ли: «Что ты скажешь мужчине, которого ты только что связал?» — тот ответил: «Мужчину не связывают. Связывают мальчика. Младшего брата. Сына. Мужчины — те, которые связывают» (Mordden, 1986, p. 147). Иерархия создается силой и старшинством. Раздетый и связанный мужчина низводится до положения маленького мальчика (это иногда символически усиливается сбриванием волос на теле), который ни за что не отвечает и отдается во власть другого, «настоящего» мужчины, каким он может стать лишь после того, как на следующем витке своей карьеры сам «превратит в мальчика» другого. Такова психодинамика многих жутковатых вещей, вплоть до армейской дедовщины.

Некоторые геевские теоретики считают поэтизацию насилия и отношений господства/подчинения реакционным, направленным на их оправдание и увековечение. По мнению Джона Речи, СМ — главная внутренняя угроза гомосексуальности, в его основе лежит ненависть гомосексуалов к самим себе, им нравится воспроизводить собственное унижение. Евреи не играют в Освенцим, черные не играют в невольничий рынок, а геям зачем-то нужно строить игрушечные камеры пыток. Истоки этого — унижение детей-геев гетеросексуалами, а потом они обожают унизившего их школьного хулигана (Rechy, p. 257). Но Оми не обижал Мисиму, Даржелос не обижал Кокто, влюбленность в сильных мальчиков — результат идентификации с ними, восхищения их силой, которой хотел бы обладать маленький гей.

Другие геевские идеологи подчеркивают пародийный, игровой характер СМ-образов. СМ-игра дает человеку возможность получить новое, неиспытанное сексуальное удовольствие, пережить необычные прикосновения и т. п. Нередко это поведение компенсаторно — «низом» чаще хотят быть образованные, состоятельные и высокопоставленные мужчины, чем выходцы из рабочих.

В гомосексуальных эротических СМ рассказах часто присутствуют своеобразные «перевертыши». В повседневной жизни сексуальному принуждению в любых формах гораздо чаще подвергаются слабые, младшие, зависимые. В гомоэротическом воображении это нередко переворачивается: сексуальному унижению подвергается не слабый, женственный мальчик, а супермаскулинный «джок», младший

брат порабощает старшего, студент — профессора, подростки — взрослого и т. д. Иногда это изображается как прямое наказание за мачизм и гипермаскулинность. Стоит ли за этими фантазиями потребность в психологической компенсации слабого, который в своем воображении «мстит» сильным за перенесенные унижения, или мазохистские мечты сильного мужчины — вопрос открытый.

В описаниях СМ много внимания уделяют экзотическим параферналиям (цепям, наручникам, плеткам, ремням и пыточным приспособлениям) и ритуалам. Но важно не столько то, что люди делают, сколько то, что они при этом испытывают. Одни и те же действия и ритуалы могут означать совершенно разные вещи.

Психофизиологически СМ создает стрессовую ситуацию. При длительных физических перегрузках организм выделяет естественные опиоиды, так называемые эндорфины, вызывающие блаженное состояние эйфории и одновременно блокирующие передачу в мозг болевых сигналов, повышая тем самым порог терпимости; человек уже не чувствует боли и не может сказать «довольно». Это очень опасный момент, когда власть и ответственность «мастера» становятся абсолютными. Но за напряжением и болью наступают легкость, освобождение, похожая на религиозный или наркотический экстаз эйфория, а между «мастером» и «рабом» возникает особая, почти мистическая, психическая связь.

Вот что рассказал мне учитель математики и физики и одновременно буддийский монах и вероучитель, прекрасный знаток антропологии и истории религии Норман МакКлелланд. В отношениях со своим нынешним партнером Норман — «раб», но в других ситуациях он бывает и «мастером». После того как Норман и его партнер показали мне целый набор плеток и хлыстов, с помощью которых они занимаются любовью, я спросил, действительно ли ему нравится испытывать боль. Некоторые теоретики СМ уверяют, что на самом деле боли нет, есть только ее игровая имитация. Нет, сказал Норман, мне нужна настоящая, сильная, едва выносимая боль. Зачем? Чтобы снять избыточный самоконтроль. У Нормана практически не было детства, его воспитывала мать-алкоголичка, и мальчику пришлось очень рано взять на себя ответственность не только за себя, но и за нее. Профессия

учителя также требует самоконтроля. И хотя для Нормана это привычно и вполне органично, у него есть также потребность расслабиться, почувствовать себя слабым и маленьким. Именно это достигается связыванием и поркой. Боль, заставляющая его кричать и плакать, снимает внутреннее напряжение и приносит очищение и оргазм. Это своего рода момент истины, где нет ни стыда, ни самоуважения, ни условностей, все вывернуто наизнанку. После этого можно снова жить и работать. А партнер Нормана получает удовольствие от своей власти над ним и от того, как он преображается от его усилий. Если его и можно назвать садистом, то совсем не в смысле маркиза де Сада.

Между прочим, хороший «мастер» — большая редкость. Нужно сначала самому побывать «рабом» и пройти обучение у разных специалистов. Есть даже учебники по безопасному СМ-сексу. Однако разграничить условное, игровое и реальное насилие трудно. В 1990 г. в Англии, где СМ имеет глубокие исторические традиции, состоялся громкий судебный процесс над группой из 15 мужчин, которые не причинили друг другу ни малейшего вреда и только много лет развлекались СМ-играми. Все они были приговорены к тюремному заключению на срок от 2 до 4 лет. Высшие судебные инстанции, включая Европейский суд, апелляцию отклонили, ссылаясь на потенциальную опасность таких действий. Некоторые юристы спрашивали, почему в боксе, футболе или регби грубое насилие, сопровождаемое иногда увечьями, не только разрешается, но и демонстрируется публично, а игровое сексуальное насилие вызывает всеобщее возмущение? Неужели только потому, что тут открыто преследуются сексуальные цели, которые в других контекстах замаскированы? (Thompson, 1994; Green, 2001). Но если в роли «мастера» окажется настоящий садист, человек, склонный к злоупотреблению властью или просто посторонний, игра может закончиться плачевно.

Некоторые гомосексуальные техники опасны и неприемлемы с точки зрения гигиены и эпидемиологии. При так называемом «фистинге» (fisting, от слова fist — кулак), когда в задний проход засовывают кулак и всю руку по локоть, нередко разрываются стенки прямой кишки. «Rimming» (анилингус) — вылизывание заднего прохода

или засовывание туда языка — способствует переносу желудочно-кишечных инфекций и т. п. Однако столь же не-симпатичные и негигиеничные игры существуют и у гетеросексуалов. Как сказал когда-то блаженный Августин, мы рождаемся между мочой и калом. Самые брезгливые люди вообще не занимаются сексом, а остальные находят приемлемый для себя и других модус вивенди. Говорить об этом надо спокойно и аргументированно, что и делают современные учебники гомоэротики, которые на Западе свободно продаются в самых обычных книжных магазинах. Когда несколько лет назад канадские власти попытались запретить распространение одной такой иллюстрированной книги (Picano and Silverstein, 1992) за то, что она «пропагандирует анальный секс», мудрый судья дело прекратил, написав в официальном заключении, что говорить о гомосексуальности, не касаясь анального секса, — то же самое, что писать историю музыки, не упоминая Моцарта.

ВИРТУАЛЬНЫЙ СЕКС

В последние годы исключительно важную роль в геевской жизни, в том числе и в России, стал играть Интернет.

Прежде всего, он безгранично расширяет круг общения. Теперь люди, даже живущие в глухой провинции, могут находить знакомых и потенциальных партнеров в любой части земного шара, не рискуя «засветиться» или нарваться на оскорбление. При всех ограничениях, накладываемых анонимностью, Интернет значительно эффективнее любой другой службы знакомств. Для геев и лесбиянок он особенно важен. 29 % людей, ответивших на анкету Gay.ru, познакомились со своим другом или партнершей именно таким путем. На другой вопрос: «Кого вы в основном находили через Интернет?» — 27 % ответили «только друзей», 15 % — «секс на один раз», 12 % — своего любимого и 22 % не нашли ни друзей, ни секса.

Интернет позволяет примерять и проигрывать разнообразные новые роли и идентичности. Это особенно важно для тех, кто чувствует себя в чем-то неполноценным. Представители сексуальных меньшинств проводят в Интернете значительно больше времени, чем остальные

люди. Геем и лесбиянкам виртуальное общение облегчает «выход из чулана» и формирование положительного образа Я. Рассказ виртуальному собеседнику о своих «постыдных» чувствах и переживаниях облегчает человеку принятие себя, после этого ему легче раскрыться членам своей семьи и друзьям (McKenna and Bergh, 1998).

По Интернету можно не только разговаривать, но и заниматься сексом, сочетая зрительные образы со звуками, стонами и т. п. Виртуальный секс дает возможность материализовать самые необычные эротические образы и ситуации, на которые человек никогда бы не осмелился в «реальной» жизни. Для геев, сексуальная жизнь которых в значительной степени протекает в воображении, это особенно ценно. В скором будущем виртуальная реальность станет эффективным средством не только сексуальной разрядки, но и терапии.

В постсоветском пространстве, где права геев и лесбиянок законодательно не защищены и они часто подвергаются дискриминации, Интернет является также важной формой социальной самоорганизации и обмена опытом.

3-4. НАСЛЕДНИЦЫ САФО

Муза — женщина.
Музыка — женщина.
Поэзия — женщина.
Жизнь — женщина.
Ну как тут не стать
лесбиянкой?

Вера Павлова

В отличие от мужчин, которые раньше и острее осознают свое влечение к представителям собственного пола как сексуальное, что сказывается и на их общественном самосознании, к лесбиянкам групповое самосознание исторически пришло много позже и в более политизированной форме.

Радикальный лесбийский феминизм зародился в США в 1960-х гг. и быстро распространился в Европе. Его мотивы и лозунги были не столько сексуальными, сколько политическими. Это был протест против мужского гос-

подства во всех его формах и проявлениях. Лесбиянство, которому мужчина не нужен не только в роли начальника, но даже в постели, рисуется при этом как высшая степень женской независимости. Решительно порывая с прежними образами нежной любви между женщинами, новые амазонки провозгласили лозунг: «Феминизм — теория, лесбиянство — практика». Пока женщина остается женой и матерью, как бы она ни была богата и образована, она нуждается в мужчине. Идентификация себя и сближение с другой женщиной — единственное средство обеспечить полную независимость и раскрыть возможности женской природы. Идеологи лесбийского феминизма доказывают не просто равенство, а преимущества лесбиянства над всеми прочими видами любви, вступая в острый конфликт с феминистками старшего поколения.

«В лесбийско-философской литературе лесбиянство обычно означало отношения гармонии и счастья, бегство от ужасов гетеросексуальности, обещание самореализации и здоровой независимости. Тьма и отчаяние, на которые в прежней литературе были обречены лесбиянки, теперь проецируются на гетеросексуальных женщин, еще не узревших света. Если в прошлом юмор обращался против лесбиянок, сатирически изображая любовь между женщинами, то теперь он используется для осмеяния глупости патриархальщины и гомофобии» (Chloe plus Olivia, 1994, p. 549).

Индивидуальное самосознание, художественное творчество и политическая борьба были для этих женщин неразрывны.

Когда американская поэтесса и драматург Джуди Гран (р. 1940) в 21 год спросила в вашингтонской библиотеке книги о гомосексуальности, библиотекарьша с негодованием ответила, что эти «специальные» книги выдаются только врачам и психиатрам (Grahm, 1984, p. XI). Молодая женщина, уволенная за лесбиянство с военной службы, не желала мириться с этой стигмой, присоединилась к уличной демонстрации Общества Матташин, а в своей первой поэме в прозе, вызывающе названной «Эдвард Дайк» (1970) (слово Дуке было ругательным наименованием мужеподобной лесбиянки), описала молодую лесбиянку, которую психиатры всеми средствами «убеждают», что она ненормальна, а она утверждает, что

любить — значит делать то, что я хочу, а не то, что нравится врачам.

Рита Мае Браун (р. 1944), исключенная за политическую активность и вызывающее поведение из Флоридского университета, в 1973 г. опубликовала страшно забавную автобиографическую книгу «Гранатовые джунгли» (название содержит намек на женские гениталии), нечто среднее между «Приключениями Гекльберри Финна» и лесбийским «Тропиком Рака», героиня которой Молли Болт с самого детства всюду затевает смуту и во всех отношениях неординарна. «Гранатовые джунгли» сразу же стали бестселлером и по сей день остаются самой читаемой лесбийской книгой (жаль, что нет русского перевода).

«Пустыня сердца» (1964) Джейн Рюл (р. 1931), замечательной американской писательницы, переехавшей в Канаду, напротив, написана в серьезном, даже грустном ключе, но это был первый лесбийский роман, кончавшийся на оптимистической ноте (позже Рюл дистанцировалась от радикального феминизма). Большую роль в интеллектуальном обосновании лесбийского феминизма и его места в общей борьбе с расизмом и сексизмом сыграла черная поэтесса и писательница Одри Лорд (1934—1992).

Сильные и слабые стороны радикального лесбийского феминизма особенно ясно видны в творчестве известной французской писательницы Моники Виттиг (р. 1936), с 1976 г. живущей в США. Ее первый роман *L'Ororopax* (1964), о любви двух девочек в католической школе, был хорошо встречен критикой и получил престижную литературную премию. В поэмах в прозе «Воительницы» (отрывок из нее с любовным описанием женских гениталий и эротических игр переведен в сборнике «Короткая лесбийская проза», 1997) и «Лесбийское тело» (*Le Corps lesbien*, 1973) Виттиг пошла дальше. «Лесбийское тело» не без основания сравнивали с соломоновой «Песнью песней», только здесь тело прекрасной возлюбленной подробно и чувственно-изошренно описывает и воспекает не мужчина-любовник, а женщина, каждая клетка которой дышит и наслаждается этой любовью. Главная языковая новация Виттиг — устранение из текста всех гендерных слов, вплоть до грамматического рода, — не просто литературный прием, а выражение радикальных философских позиций.

По мнению Виттиг, гендерные различия не имеют онтологической реальности и основаны только на отношениях власти: господствующая группа (мужчины, белые, богатые) «маркирует» подчиненную группу (женщин, черных, бедных) для оправдания собственного господства. «Понятие различия не содержит в себе ничего онтологического. Это только способ, которым хозяева интерпретируют историческую ситуацию господства. Функция различия — замаскировать на всех уровнях конфликт интересов, включая идеологические» (Wittig, 1992, p. 29). Чтобы уничтожить мужское господство, недостаточно уравнять мужчин и женщин в правах, нужно уничтожить само понятие пола/гендера, основанное на отношениях репродукции.

«Неправильно говорить, что лесбиянки общаются, занимаются любовью, живут с женщинами, потому что «женщина» имеет смысл только в гетеросексуальных системах мысли и в гетеросексуальных экономических системах. Лесбиянки не женщины» (там же, с. 32). Однажды в студенческой аудитории, когда Виттиг доказывала этот свой тезис, кто-то нахально спросил: «Скажите, а влагаете ли вы в нас есть?», на что она так же вызывающе ответила: «Нет!»

Рассуждая чисто социологически, ничего нелепого в словах Виттиг нет — ее мысль сводится к тому, что лесбиянки не имеют тех социальных ролей и идентичностей, с которыми чаще всего ассоциируется образ и самосознание женщины — матери, жены и любовницы, причем все эти ипостаси женщина приобретает только благодаря мужчине. Но ведь и мужчина не может стать отцом, мужем и любовником без женщины. Здесь налицо взаимозависимость, гендерное неравенство и угнетение только напластовывается на эти ипостаси.

Полный отрыв гендера от пола оборачивается солипсистским отрицанием биологической природы человека и связанных с ней психологических констант и универсалий. Из этого вытекают важные политические выводы. Как резюмировала идеи Виттиг влиятельная американская философ-лесбиянка Джудит Батлер, единственное средство подрыва принудительной гетеросексуальности — «радикальная лесбиянизация всего мира» (Butler, 1990, pp. 120—121). В более тонкой и смягченной форме это делает и сама Бат-

лер. Подвергая, вслед за Фуко, философскому анализу понятия «гейности», «гетеро-» и «гомосексуальности», Батлер показывает их взаимозависимость. Хотя принудительная гетеросексуальность выставляет себя в качестве оригинальной, истинной, аутентичной, которой остальные формы сексуальности только подражают, «подлинного» гендера не существует, *«гендер — это род имитации, у которой нет оригинала»* (Butler, 1993, pp. 312—313).

Американская поэтесса и теоретик лесбигеевского движения Адриенна Рич (р. 1929) в знаменитой статье «Принудительная гетеросексуальность и лесбийское существование» (1980) убедительно показала, что гетеросексуальность, которую, как и материнство, люди склонны считать всеобщим биологическим императивом, на самом деле является политическим институтом, который накладывает на женщин целый ряд социальных ограничений и принудительно навязывается им в процессе гендерной социализации. Но наличие социального принуждения вовсе не означает, что соответствующие институты и формы разделения труда не имеют каких-то объективных, транскультурных биосоциальных детерминант. Да, детей всюду и везде воспитывают в гетеросексуальном духе, а девочек так или иначе готовят к материнству. Однако для подавляющего большинства людей гетеросексуальный «выбор» добровольен и единственно возможен, потому он и воспринимается не как выбор, а как данность.

«Лесбиянизация» и «геизация» человечества представляются мне невозможными не только в силу социального принуждения. Наличие в любом обществе «сексуальных меньшинств» доказывает, что гендер несводим к полу, а сексуальность — к гетеросексуальности. Но отрицание онтологической реальности пола, растворение его в «культурном дискурсе» столь же решительно противоречит нашему повседневному опыту и данным науки.

Политизация лесбийской любви и возведение ее носительниц в ранг «лесбийской нации» оборачивается дополнительными трудностями для них самих. Осуждая былую закомплексованность лесбиянок, радикальный лесбийский феминизм утверждал, что лесбиянки не только имеют право на счастье, но **обязаны** быть счастливыми. Однако разные люди счастливы по-разному, любые однозначные предписания их калечат.

Если либеральные лесбиянки начала XX в. старались добиться терпимости к себе, преуменьшая сексуально-эротические компоненты своих чувств и привязанностей в соответствии с традиционным образом «женской чистоты», то радикальные лесбиянки выдвинули норму политической корректности, согласно которой любовные отношения между женщинами ни в чем не должны напоминать разнополых отношений. Традиционное деление лесбиянок на активных мужеподобных «бучей» (butch) и нежных, женственных «фем» (femme) было объявлено ложным клеветническим стереотипом, построенным по образцу гетеросексуального брака. Женские сексуальные ласки также ни в чем не должны напоминать мужские.

По ироническому описанию «сексуально некорректной» американской лесбиянки Маргарет Николс, политически правильная лесбийская любовь означает, что две женщины лежат рядом друг с другом (верх и низ запрещены, потому что это уже иерархия) и несколько часов нежно ласкают друг друга, непременно все тело (лесбиянка не ориентирована на генитальный контакт и оргазм, это мужской, «патриархальный» секс); если они все-таки имеют оргазм, он обязательно должен происходить строго одновременно, чтобы обеспечить женщинам полное равенство (Nichols, 1987, pp. 97—98).

Радикальные лесбиянки инициировали шумные кампании за запрещение любой порнографии, считая всякое изображение женщины в сексуальном контексте оскорбительным; гетеросексуальные женщины, которые могут вообразить себя участницами подобных сцен, ничего обидного в них не видят и относятся к мужской эротике более терпимо. Довольно напряженными были и их отношения с геевскими организациями, несмотря на наличие общих врагов.

В конце 1980-х гг. в лесбийской литературе наметился отказ от чрезмерной политизации отношений между женщинами. Инвективы против мужского господства стали реже, вместо жесткого лесбийского сепаратизма стали заключаться политические союзы с мужчинами, особенно геями. Воинствующую серьезность прежнего поколения активисток стали воспринимать иронически, причем к молодежи примкнули некоторые представительницы старшего поколения лесбиянок, такие, как Джоан Не-

стле. В современной лесбийской литературе делается больший акцент на частной жизни, включая сексуальность и эротику. Восстановлено в правах старое различие «буч» и «фем», стали писать о ранее запретных вопросах, таких, как женский садомазохизм, сексуальная техника, использование «игрушек» вроде дилдо и т. д. Появилась специфически лесбийская эротика и порнография, учебники «женского секса» и т. п.

Отчасти это связано с коммерциализацией лесбийского, как и всякого иного, секса. В еще большей степени этому способствует новый квир-радикализм, утверждающий этическое и эстетическое многообразие сексуальной жизни, в которой не должно быть никаких нормативных запретов. Если раньше акцентировали преимущественно специфические черты и особенности женского мира и женского тела, то теперь чаще встречается полное отрицание половых/гендерных норм, а тем самым и четких границ между людьми разной сексуальной ориентации.

В произведениях талантливой английской писательницы Джанет Уинтерсон (р. 1959) половая принадлежность героя/героини порой неясна или меняется по ходу повествования, а коллизии, которые раньше трактовались бы как трагические, выглядят смешными. Сюжет короткого рассказа Сары Шулман (р. 1958) «История пениса» построен на том, что у лесбиянки Энн, которая всегда пользовалась дилдо, вдруг вырос настоящий пенис. Сначала Энн и ее подругам кажется, что это открывает перед ними новые возможности, но скоро выясняется, что жить с этим капризным органом довольно неудобно. Хотя лесбиянка-буч выполняет в постели «мужскую» роль, она вовсе не хочет быть мужчиной и обладать мужской анатомией. По просьбе Энн бывшие партнерши помогают ей составить точное описание ее прежнего клитора и вагины, и она записывается на операцию по перемене пола. Трагедия становится веселым фарсом.

Изменения в характере лесбийской культуры проявляются и в иконографии женского тела (Nead, 1992). Женская нагота, включая лесбийские сцены, издавна присутствовала в изобразительном искусстве, но подразумеваемым адресатом этих образов всегда был мужчина, они были ориентированы на мужское эротическое воображение и функционировали как соблазн. Между тем женщины

на, независимо от ее сексуальной ориентации, воспринимает себя и свое тело совсем не так, как это делает мужчина. Чем больше женщина сексуально раскована, тем меньше ей хочется быть и чувствовать себя **только** объектом мужского вожделения. Многие ее переживания, в том числе сексуальные, может понять только другая женщина. В этом коренится одна из причин неустрашимости женского, как и мужского, гомозротизма.

В эротических произведениях, написанных женщинами, мужские сексуальные действия часто описываются довольно язвительно. Сексуально раскованной женщине они кажутся примитивными и некомпетентными. «Прелестный опущенный маленький кратер таит собственные, только женщине доступные возможности, а из него сделали вместилище пениса и воронку для спермы» (Бакунина, 1994, с. 261). Героиня романа Елены Черниковой «Золотая ослица» (1997) иронически следит за тем, как мужчина старательно «проигрывает» на ней все вычитанные в учебниках сексологии «позиции», не догадываясь сделать того единственного, что на самом деле нужно его партнерше.

Не менее важен тип адресата в изобразительном искусстве. Демонстрируя женскую наготу другой женщине, женщина-художница делает это совсем иначе, чем когда она имеет дело с мужчиной. В этом случае она не соблазняет, а раскрывается, показывая не то, что «красиво», а то, что важно. При этом неизбежно сознательно деконструируется нормативный образ женской «чистоты». «Натуральные» женщины часто стесняются своих физиологических отправлений, которые могут быть неприятны мужчинам. Художницам-лесбиянкам это безразлично, они часто изображают предметы, вызывающие у мужчин невожделение, а смущение или отвращение, например менструальную кровь. Американская художница Джуди Чикаго на картине «Красный флаг» изобразила женщину, вытаскивающую из влагалища окровавленный тампон. Для мужчины это зрелище отвратительно (древние табу на кровь и отождествление ее с «грязью»), а для женщины вполне естественно. Если лесбиянок шокируют картины Тома Финна, то их собственные произведения точно так же шокируют эстетически неискушенных геев и «натуральных» мужчин.

Но оставим в стороне художественные образы и обратимся к лесбийской психологии и стилям жизни.

Первые же сравнительные исследования лесбиянок и гетеросексуальных женщин показали, что лесбиянки не более невротичны, чем гетеросексуальные женщины, часто они даже лучше их социально приспособлены. С появлением новых методов измерения фемининности, маскулинности и андрогинности выяснилась несостоятельность и других стереотипов. Во многих исследованиях лесбиянки выглядят более энергичными и самостоятельными, чем обычные женщины, а их сексуальная идентичность, как и у мужчин, зависит прежде всего от господствующих гендерных стереотипов и соответствующих нормативных ожиданий, причем гендерные/половые свойства для них часто важнее сексуально-эротических. Вместе с тем лесбийская идентичность, как и геевская, не является чем-то монолитным и всегда одинаковым. Хотя типичные «лесбийские автобиографии» большей частью воспроизводят один и тот же тип и процесс развития (непохожесть на других, маскулинность, сложные отношения с ровесницами и т. п.), за общими чертами скрываются существенные индивидуальные и социально-классовые различия (Martin, 1993).

Прежде всего это социально-психологические различия между «буч» и «фем». Это разные типы женщин, с разными потребностями и стилями жизни (см. Nestle, 1992; Jay, 1995; Wood, 1994). Поскольку мужеподобные «бучи» более видимы, массовое сознание склонно принимать за лесбиянок только их. Классическая схема сексологии начала XX в.: хищная мужеподобная «извращенка» совращает невинную жертву, полуженщину-полурепбенка. Споры о том, является ли разница между «буч» и «фем» врожденной или это просто сексуально-ролевые различия, продолжаются и сегодня. Хотя некоторые лесбиянки отвергают этот вопрос с порога, как нечто оскорбительное, он так же правомерен, как обсуждавшийся выше вопрос о психологических особенностях феминизированных мужчин-геев. Не говоря уже о гипотетических, но более чем вероятных связях между телосложением и психикой, мужеподобные девочки имеют гораздо меньше шансов быть принятыми сверстниками, и это накладывает отпечаток на все их психическое развитие.

Подавляющее большинство лесбийских автобиографий написано именно «бучами», их общим эпиграфом могли бы стать слова героини романа Бланш МакКрэри Бойд: «Я решила, что на свете существуют три категории людей: мужчины, женщины и я» (Boyd, 1991, p. 13).

Как пишет о себе известная американская лесбиянка-феминистка Джин Кордова, «в тот день, когда я стала девочкой, моя жизнь кончилась». На предложение надеть бюстгальтер она заявила матери, что это самая глупая вещь, которую она когда-либо видела и которая предназначена не для девочки, а для лошади. Маленькая Джин никогда не чувствовала себя девочкой, ее всегда привлекало все мальчишеское, и в то же время она презирала мальчишек за их грубость и умственную неразвитость. «Я рано узнала, что у мужчин есть то, чего мне хотелось — деньги, власть и женщины. Я могла добиться этого посвоему, став бучем» (Cordova, 1992, pp. 272—292).

С возрастом раздвоенность самосознания усиливается противоречивыми материнскими предписаниями: «Не играй с мальчиками!» и тут же: «Почему у тебя нет бойфренда?» Маленьким «бучам» живется значительно труднее, чем маленьким «фем», им труднее сойти за «нормальных», и их легче «разоблачают». В старших классах хитрая Кордова, вместо того чтобы общаться с сексуально озабоченными мальчишками, подружилась с признанной классной красавицей. «Позже я узнала, что стать подружкой юной королевы — одна из немногих привилегий подростков-бучей. Классные красавицы, которым надоели мальчишки, любят прятаться за грязной рубашкой подруги-буч. Кроме того, тут не было конкуренции. Мы, маленькие бучи, предлагали королевам то, чего те больше всего хотели — обожание без лапання». Однако важно уметь соблюдать границы. Девочкам-фем легче сойти за «натуральных», их родители и подруги просто не могут поверить, что они лесбиянки.

Различия между «буч» и «фем» не следует абсолютизировать. Многие лесбиянки не причисляют себя ни к одной из этих категорий. Среди опрошенных в 1989—1990 гг. 589 американских лесбиянок (преимущественно белых, образованных женщин среднего класса, от 30 до 39 лет) 18,5 % определили себя как «фем», 14,7 % как «буч», 47,9 % сочли себя андрогинными, а 18,8 % не нашли подходящего опре-

деления. Тем не менее разница между ними очень существенна. Четыре из пяти «фем» и только 23 % «бучей» считают, что они могут «сойти» за гетеросексуальных женщин. Соответственно, «бучи» чаще и раньше «фем» открыто декларируют свою гомосексуальность и больше представлены в политической и общественной сфере.

Как и у остальных мужчин и женщин, различия в телосложении, психологии и сексуальном поведении лесбиянок сплошь и рядом не совпадают. По их общепсихологическим свойствам, измеренным по методике Сандры Бем, «бучи» выглядят более маскулинными, «фем» — более фемининными, а андрогинные лесбиянки — более андрогинными. Однако существенной разницы в социальном происхождении и статусе, телосложении, отношениях с матерью, домашних ролях или в сексуальной практике (интенсивность половой жизни, способность испытывать оргазм, инициатива, сексуальная техника, получаемое удовольствие и выполнение инсертивной «мужской» роли) между этими тремя типами женщин не выявлено. Внешние формы поведения, одежда, манеры и прочее чаще всего подстраиваются под глубинные психологические свойства.

«Речь идет не о моей одежде, хотя я всегда ясно и определено выгляжу по-мужски. И не о том, что я не пользуюсь косметикой или другими женскими ухищрениями, хотя я никогда этого не делаю. Дело не в длине моих волос и не в том, чтобы быть крутой. Моя подруга... гораздо круче меня. Быть «буч» для меня связано исключительно с сексом. Я буч, потому что я хочу женщину и могу заставить ее почувствовать это. Мне нужно — и это очень сильная потребность — быть самым лучшим любовником моей любимой. Мне нужно узнать от нее, что пережитое мною в юности поражение, тот ужасный миг, когда я поняла, что никогда не буду мужчиной и что в этой культуре я также никогда не стану настоящей женщиной, можно преодолеть с помощью ее удовольствия и моего удовольствия от той радости, которую испытывает она» (MacCowan, 1992, pp. 454—455).

Чувства «фем» являются в какой-то степени встречаемыми. Юная героиня рассказа американской писательницы Бет Ньюджент говорит о своей старшей подруге: «Она — моя мать, мой отец, моя сестра, брат, любовница, она —

все, в чем, как я думаю, человек вообще может нуждаться» (Ньюджент, 1997, с. 52). Но хотя эта женщина — все, она не мальчик. Она уверяет, что мальчики «совсем неинтересные и, вырастая и становясь мужчинами, они становятся еще более неинтересными» (там же, с. 54). Чтобы проверить это, девушка идет в компанию юных пурториканцев, но они похожи на примитивных стадных животных. Выбранный ею мальчик в машине «просто вставляет его и кончает, как мокрый кусок мыла выскальзывает из ладони, и это то, чего мне хотелось». Дефлорация совершилась, говорить больше не о чем, но какой контраст с нежностью и единственностью старшей подружки! «Единственная плоть — ее плоть, единственное прикосновение — ее рука... Она — все, чем я стану, и вместе мы становимся всеми воспоминаниями, когда-либо существовавшими в мире» (там же, с. 76—77).

Не следует думать, что лесбиянка-буч — простое подражание мужчине. В отличие от транссексуалок, лесбиянки вовсе не стремятся стать мужчинами или уподобиться им. В начале своей сексуальной карьеры некоторые женщины по неопытности поступают так, наивно думая, что быть «буч» — значит быть заменой мужчины, но из этого, как правило, ничего не получается. Если «буч» начинают воспринимать как мужчину, она чувствует себя в этой роли так же неестественно и неудобно, как в традиционной женской роли. Не нужна такая имитация и ее партнерше, иначе она нашла бы себе «настоящего» мужчину (что и делают многие бисексуальные женщины).

«Хореография» лесбийских отношений не повторяет гетеросексуальных моделей поведения, ухода и т. д. Это специфически женские отношения, со своим особым языком и символикой, которые мужчине трудно понять. Кстати сказать, лесбийские пары далеко не всегда соединяются по принципу «буч» + «фем». Две «бучи», как правило, ужиться не могут, но все остальные сочетания вполне возможны и сугубо индивидуальны.

Отличия лесбийской любви от разнополой и от мужской (Schreurs, 1993; Herbert, 1996; Klinger, 1996) отражают общие особенности женской сексуальности и стиля жизни.

Некоторые исследователи полагают, что женская сексуальность, в силу ее диффузности, сильнее тяготеет к

бисексуальности, чем мужская. По мнению Сони Дюринг (Düring, 1994), жесткое разграничение гомо- и гетеросексуальности неприменимо ко многим женщинам, сексуальные предпочтения которых являются в какой-то мере сменными, сменяющимися друг друга, причем решающее значение в этом «эротическом континууме» имеют не врожденные влечения или импринтинг, а ранние бисексуальные желания и конфликт между сексуальностью и половой/гендерной идентичностью. Женщина, которая не может принять существующую в культуре, обществе поляризацию маскулинности и фемининности, может считать свое влечение и к мужчинам и к женщинам эротическим. Преобладание того или другого зависит как от детского опыта и индивидуальных свойств, так и от социальных норм и процессов. В частности, социальное раскрепощение женщин может облегчать им возможности гомо- или бисексуального выбора не только в юности, но и на позднейших этапах жизненного пути.

Количество женщин, считающих себя лесбиянками, обычно вдвое меньше числа мужчин, считающих себя геями (это верно и для подростков), а женский сексуальный опыт и эротическое воображение чаще бывают смешанными, бисексуальными. Первые девичьи гомозротические чувства значительно чаще, чем у юношей, имеют скорее сентиментально-романтическую, чем сексуальную окраску. В то же время девушки, имевшие до 18 лет опыт однополой связи, обычно продолжают его и в старших возрастах, тогда как большинство юношей такие эксперименты прекращают.

Взаимоотношения между лесбиянками, как правило, теснее и эмоциональнее, чем между гетеросексуальными партнерами и между «голубыми» мужчинами. Любовь, ласка, эмоциональная и общая телесная близость для них важнее, чем собственно-сексуальный контакт, имитация полового акта.

Большинство лесбиянок определенно предпочитают стабильные парные союзы случайным связям. По данным разных опросов, три четверти лесбиянок поддерживают стабильные моногамные отношения, основанные на принципе сексуальной исключительности, и на самом деле они чаще геев живут парами, сохраняя верность друг другу. При опросе 560 мужских и 706 женских пар так ответили

девять десятых женщин и две трети мужчин (Bryant and Demian, 1994). Количество живущих парами лесбиянок, имеющих сексуальные связи на стороне, большей частью не превышает 20—25%, хотя многое зависит от характера выборки. В крупном опросе американских гомо- и гетеросексуальных пар на вопрос: «Если бы у вас не было пары, стали бы вы заниматься сексом с кем-то, кого вы больше никогда не увидите?» — утвердительно ответили 14 % лесбиянок, 20 % замужних женщин, 34 % гетеросексуальных мужчин и 73 % геев (Blumstein and Schwartz, 1983, p. 586). Общее число сексуальных партнерш в течение жизни у лесбиянок значительно меньше, чем у геев, но больше, чем у гетеросексуальных женщин; две трети имели в течение жизни от 3 до 10, одна треть — свыше 10 партнерш.

По интенсивности (частоте) сексуальных контактов лесбийские пары сильно уступают геевским, но степень сексуальной удовлетворенности у них выше. Хотя многие лесбиянки говорят, что хотели бы заниматься сексом чаще, количественная сторона значит для них меньше, чем общая эмоциональная удовлетворенность совместной жизнью. В этом отношении, как и в некоторых других, лесбиянки — типичные представительницы своего пола/гендера. В отличие от разнополых пар, где сексуальная инициатива чаще принадлежит мужчинам, в однополых парах, как мужских, так и женских, обычно соблюдается равенство, навязывать себя партнерше не принято.

Благодаря телесной открытости и повышенной эмпатии, многие лесбиянки получают больше чувственной радости от секса, чем гетеросексуальные женщины. При сравнительном изучении сексуальных реакций и поведения 111 молодых (от 20 до 30 лет) немецких лесбиянок и 144 гетеросексуальных женщин лесбиянки показали более высокую сексуальную активность и удовлетворенность, чем гетеросексуальные женщины. Лесбиянки чаще мастурбируют, испытывая при этом оргазм (только 4,4 % не имели этого опыта). Оргазм с партнершей всегда или почти всегда испытывают 60,8 % лесбиянок (против 40,7 % гетеросексуальных женщин, из которых 12,3 % вообще не имели оргазма). Значительно чаще переживают они и так называемую «женскую эякуляцию» (Nieden, 1994). Дело здесь, по-видимому, не столько в психофизиологических особенностях и не в том, что однополый секс сам по себе

«лучше», сколько в том, что лесбиянки придают больше значения сексуальности и добиваются удовлетворения своих желаний, тогда как гетеросексуалки часто стесняются их сформулировать и терпят мужскую некомпетентность.

Что лесбиянки делают друг с другом в постели? Мужчинам, с их заикленностью на пенис, «женский» секс кажется «ненастоящим». Но женские сексуальные реакции, даже в разнополых отношениях, отличаются от мужских, в частности, они не так сильно локализованы в гениталиях. Иногда это переживается как проблема:

Как мало мне дано для сочлененья
с тобою впадин, выступов, пазов.
Как мало — только локти и колени —
дано креплений. Ненасытен зов
вдавиться в поры кожи, в кровоток
твой устремиться водопадом горным,
извилинами мозга и кишок
совпасть, и позвоночники, как корни,
переплести, чтоб на двоих — топор...
Как мало мне дано природой-дурой:
пристраивать в единственный зазор
несложную мужскую арматуру.

(Павлова, 1997, с. 36)

Однако эта «проблема» вполне разрешима. Сексуально раскрепощенная женщина чувствует и реагирует не только своими гениталиями, но всем телом.

Слава рукам, превратившим шрам
в эрогенную зону;
слава рукам, превратившим в храм
домик сезонный;
рукам, преподавшим другим рукам
урок красноречья —
вечная слава твоим рукам,
локтям, предплечьям!..

(Павлова, 1997, с. 30)

Диффузность женской сексуальности позволяет лесбиянкам без особого труда компенсировать отсутствие пениса. Их сексуальный репертуар почти так же богат, как и репертуар гетеросексуальных женщин. 90% лесбиянок с

удовольствием мастурбируют. Широко распространены мануально-генитальные (от 60 до 98% опрошенных) и орально-генитальные (от 60 до 80%) ласки. Реже (порядка 40%) используются дилдо и вибраторы. Около 1% играют в садомазохистские игры. Но, в отличие от мужчин, эти сексуальные техники и игры большей частью не имеют для них самодовлеющего значения и выступают скорее как моменты общей телесной и эмоциональной близости. Лесбиянки значительно чаще гетеросексуальных и мужских пар целуются и обмениваются другими знаками нежности. Частота переживания оргазма у них такая же или несколько выше, чем у гетеросексуальных женщин, причем оргазм, доставленный партнерше, часто приносит больше удовлетворения, чем собственный оргазм.

Сексуальные проблемы и жалобы лесбийских пар в основном те же самые, что и у гетеросексуальных пар. Только половина опрошенных в середине 1980-х гг. немецких лесбиянок (Akkegmann et al., 1990) сказали, что могут совершенно свободно говорить о своих сексуальных желаниях, почти треть имели желания, о которых их партнерши не знали. У некоторых пар возникают проблемы с соотношением социального равенства и сексуальной взаимности. Встречается и прямое сексуальное принуждение. Так что не во всем виноваты мужчины.

Вопреки теоретическим ожиданиям и житейскому стереотипу, средняя продолжительность существования женских пар меньше, чем разнополых и даже мужских. Последнее кажется странным, так как лесбиянки больше ориентированы на моногамный союз. Вероятно, дело в том, что женщины придают чрезмерное значение психологическим нюансам, на которые мужчины не обращают внимания, и это делает их союзы менее прочными. Кроме того, лесбийские пары, в отличие от геевских, бывают преимущественно закрытыми, измены и похождения на стороне здесь не прощаются и приводят к разрушению старой и созданию новой пары.

Как и для всех людей, серьезной проблемой для лесбиянок является старение. На посторонний взгляд, обделенные детьми и незамужние лесбиянки кажутся более одинокими, чем гетеросексуальные женщины. Вспомним мрачный образ одинокой старой лесбиянки, нарисованный Мариной Цветаевой. Но и тут стереотип не всегда

оправдывается. Не у всех гетеросексуальных женщин есть дети, не все лесбиянки бездетны, и не все дети приносят матерям радость. Некоторые «сексуально благонадежные» пожилые женщины находят себя не столько в роли матерей и бабушек, сколько в труде и общественной деятельности. То же самое, только чаще, делают лесбиянки.

Если же иметь в виду сексуальные отношения, то лесбиянки уверяют, что они находятся даже в выигрышном положении по сравнению с гетеросексуальными женщинами и гомосексуальными мужчинами. Из-за разных темпов старения мужчин и женщин в браке часто возникают дисгармонии, когда привычное тело жены уже не возбуждает стареющую плоть мужа, заставляя искать утешений на стороне. Пожилрой женщине это тем более сложно. Многие люди отказываются от чувственных радостей задолго до исчерпания своих психофизиологических ресурсов. Для геев старение — еще более болезненная проблема. Лесбиянкам в этом отношении легче. Хотя уровень их сексуальной активности ниже, чем у мужчин, у них нет и ее резкого падения с возрастом. Молодые «фем» ищут в старших подругах не столько красоту и сексуальную потенцию, сколько жизненный опыт, энергию, уверенность в себе. Властные и сильные женщины балзаковского возраста имеют здесь своеобразную харизму, которой у них не было бы в другой среде.

«Посмотри-ка, — сказала мне Вика, указывая глазами на проплывающую мимо Женю Дебрянскую, держащую за руку какую-то барышню. — Это моя прошлогодняя любовь. Я была просто без ума от нее. Хотя, если честно, быть без ума от Жени — дело нехитрое, здесь каждая вторая тебе это подтвердит. Все очень просто: она говорит низким голосом, загадочно улыбается, у нее такой волнующий роковой имидж — молоденьким впечатлительным девочкам это нараз «сносит крышу». Стоит только посмотреть Жене в глаза — это глаза человека, повидавшего много всякого разного, но они обещают любовь, фантастическую любовь...» (Лепкова, 1997, с. 98).

Разумеется, девичьи грезы не всегда сбываются. Но донжуаны в штанах тоже не всегда оправдывают внушаемые ими ожидания. Как бы то ни было, стареющие «бучи» чувствуют себя более уверенно, чем их ровесники-геи. Их реже бросают ради более молодых женщин, да и сами они меньше тяготеют к незрелой юности. Недаром

многие радикальные лесбиянки непримиримо относятся к геевским увлечениям мальчиками-подростками.

Самая сложная проблема лесбиянок — дети. Многие лесбиянки (21% из 706 опрошенных американских пар (Bryant and Demian, 1994) являются матерями, еще больше — хотят ими стать путем искусственного осеменения, усыновления или как-то еще. Как было показано выше, ни стиль их материнства, ни его результаты не особенно сильно отличаются от того, что делается в обычных разнополых или в неполных, «материнских» семьях. Стиль материнства зависит не столько от сексуальной ориентации, сколько от индивидуальных особенностей женщины.

Однако матери-лесбиянки и их дети имеют свои специфические трудности. Первая проблема — как восполнить недостающее ребенку мужское влияние? — так же остро стоит в любой семье, где нет отца, и решается (или не решается) точно так же. В России без отцов растут 14 миллионов детей.

Вторая трудность — должна ли женщина рассказать о своей сексуальной ориентации детям, не будет ли это для них психической травмой, смогут ли они понять и принять ее, как эта информация повлияет на их отношения со сверстниками и т. д.? Если она решит все скрывать, их семейная жизнь будет основана на лжи. Разные дети в разных средах реагируют по-разному. «Когда я впервые (в 16 лет) заподозрила, что моя мать — лесбиянка, я была шокирована не самим фактом ее лесбиянства, а тем, что я должна соперничать за ее привязанность с другой женщиной. Если бы это был мужчина, соперничества бы не было, потому что я считала нас (себя с мамой и всех женщин) особой и очень специфической группой, отличной от мужчин. Поэтому если бы мать любила мужчину, в этом не было бы, так сказать, конфликта интересов». (MacPirke, 1989, p. 15).

Для многих детей главная забота в другом — что скажут их школьные друзья, если узнают? В российских условиях, где человеческой информации об однополый любви почти нет — газеты пишут главным образом об экзотическом сексе, — такие ситуации часто безысходно трагичны, они вынуждают женщин скрываться и лицемерить. Но говорить об этом все равно придется. Женская однополая любовь такая же социальная и психологическая реальность, как и всякая другая, и относиться к ней нужно так же тактично и уважительно.

БУДУЩЕЕ ОДНОПОЛОЙ ЛЮБВИ

Потемки моей души
отступают перед зарею азбук,
перед туманом книг
и сказочных слов.

Федерико Гарсия Лорка

Каковы исторические перспективы однополый любви?

Ответить на этот вопрос можно только в рамках понимания общих тенденций развития сексуальной культуры. Происходящая сегодня во всех цивилизованных странах нормализация гомосексуальности обусловлена общим ростом социальной терпимости, ослаблением гендерной биполярности (представление, что мужчины и женщины во всем противоположны друг другу) и эмансипацией сексуальности от репродукции (Кон, 2001).

Эти процессы происходят и в России. Попытки традиционалистов и ортодоксов повернуть историю вспять и войти в XXI в. под знаменем уваровской троицы — Православие, Самодержавие и Народность — заведомо обречены на неудачу.

Пока сексуальность считалась частью репродукции, однополая любовь выглядела патологической. Но как только вы признаете, что люди, да и животные, спариваются не для размножения, а ради удовольствия и интимности, разнополость перестает быть обязательным условием сексуальной нормы. Сегодня не только социологи и сексологи, но и медики признают, что репродуктивное и сексу-

альное поведение — взаимосвязанные, но автономные сферы жизнедеятельности. Руководящие документы Всемирной организации здравоохранения разграничивают понятия и критерии репродуктивного и сексуального здоровья и связанные с ними репродуктивные и сексуальные права и свободы.

Вопрос о том, имеет ли предпочтение сексуальных партнеров своего или противоположного пола какие-то биологические предпосылки и какие именно, во многом остается спорным. Но эти индивидуально-групповые различия, так же, как различия между мужчинами и женщинами, не могут служить основанием для социальной дискриминации, ограничения гражданских прав и т. д. Признание гражданского равенства и человеческих прав сексуальных меньшинств — такой же необходимый элемент демократии, как национальное, расовое и гендерное равенство.

Как сказывается нормализация однополый любви на состоянии культуры и общества? Консервативным мыслителям мерещится глобальная «гомосексуализация» культуры, разрушение любых форм семьи и т. п. Социологические факты этого не подтверждают. Морально-психологическая нормализация однополый любви облегчает как самореализацию геев и лесбиянок, так и их социальную интеграцию. Геи и лесбиянки становятся более видимыми и слышимыми, в том числе в таких сферах жизни, куда они раньше не имели доступа (например, в политику). Но становится ли их больше?

На этот вопрос нет однозначного ответа.

Во-первых, не совсем ясно, кто такие «они». Людей, которые испытывают гомоэротические чувства и фантазии, значительно больше, чем тех, кто имеет реальный опыт гомосексуального поведения. А те, кто идентифицирует себя в качестве геев, лесбиянок или бисексуалов, везде и всюду составляют незначительное меньшинство.

Во-вторых, недостаточно эмпирических данных. Репрезентативные национальные сексологические опросы, позволяющие судить о степени представленности в обществе той или иной социально-демографической группы, начались только в 1990-х гг., по ним трудно судить о долгосрочных тенденциях развития. Кроме того, в них зачастую употребляются разные показатели.

Например, американские переписи населения показали, что за последние 10 лет количество совместно проживающих однополых пар выросло почти в 4 раза. Но раньше переписчики зачастую «стеснялись» фиксировать нетрадиционные пары, записывая их просто как родственников или друзей. К тому же число однополых домохозяйств не позволяет судить ни об общем числе гомосексуальных индивидов, ни о том, как они определяют свою сексуальную идентичность.

Статистический анализ опросов общественного мнения США показал, что число мужчин, признавших, что они имели в недавнем прошлом однополый секс, выросло с 2 % в 1988 г. до 4 % в 1998 г.; у женщин рост значительно больше — с 0,2 % до 3 % (Butler, 2000). Однако другие показатели того же исследования выглядят не столь сенсационными. Общее число людей, имевших в предыдущем году однополорого сексуального партнера, составляет 4,1 % мужской и 2,8 % женской выборки. Число мужчин и женщин, признающих себя исключительно гомо- или бисексуальными, всюду невелико, и каких-либо тенденций роста его пока не замечается.

Даже относительно подросткового сексуального экспериментирования картина неоднозначна. Казалось бы, с ростом сексуальной терпимости его должно становиться больше. Однако при опросах немецких студентов в 1966 и 1981 гг. гомосексуальные контакты в юности (до 17 лет) признали 18 % опрошенных, а в 1996 — только 7 % (Schmidt, 2000). По мнению Г. Шмидта, это объясняется именно тем, что гомосексуальность стала видимой и слышимой. Раньше подростки играли в гомосексуальные игры просто так, не придавая этому особого значения. Теперь это поведение стало более проблематичным и знаковым, поэтому юноши, которые еще не определились относительно своей сексуальной ориентации, предпочитают его избегать.

Культурно изолированная и загнанная в гетто однополая любовь казалась чем-то совершенно исключительным, невообразимо отвратительным и так же невообразимо прекрасным. А на самом деле она — разная. Однополые привязанности и отношения существуют во всех человеческих обществах, они имеют глубокие биологические и социально-культурные предпосылки, устранить их невозможно, а

попытки сделать это раскалывают общество и уродуют человеческие чувства. Но ни на одном уровне анализа однополая любовь не образует единого явления.

В биологии бесконечно сложное взаимодействие генов, гормонов и нервных путей порождает множество разнообразных типов сексуальности (гомо-, гетеро-, би-, интер-, транс-), несводимых к единой системе детерминант и предрасполагающих индивидов к разным сексуальным сценариям, которые в одних случаях представляются взаимоисключающими, а в других — взаимодополнительными. Слова «сексуальная ориентация» и «сексуальное предпочтение» обозначают, в сущности, разные явления.

Столь же многообразны и социокультурные нормы, с помощью которых общество конструирует соответствующие «сексуальные идентичности» и регулирует связанные с ними чувства и отношения. А уж индивидуальные различия в выборе типа сексуального партнера, эмоциональной окрашенности испытываемых чувств и предпочитаемой сексуальной техники и вовсе необозримы.

Это верно не только относительно гомосексуальности. Если бы кто-то прокоррелировал на достаточно большой выборке психологические свойства мужчин, предпочитающих блондинок брюнеткам или позицию «женщина сверху», он нашел бы немало занимательного. Но вряд ли следует строить на этом «типологию личности».

Деконструкция понятия «сексуальной ориентации», расчленение его на ряд взаимосвязанных, но автономных параметров имеет не только эвристическую ценность, но и определенный политический смысл. Стигма и дискриминация в свое время загнали гомосексуалов в гетто. Освободительное движение геев и лесбиянок добивается признания их особой идентичности и гражданских прав. Эти задачи — я хочу подчеркнуть это максимально определенно и резко — до сих пор нигде в мире (и тем более в России!) не решены. Но что будет дальше, в исторической перспективе?

Демократический плюрализм не устраняет индивидуально-групповых различий и даже способствует их умножению. Но коль скоро эти различия не становятся базой для социальной стратификации, привилегий для одних и невыгод для других, люди перестают придавать им значение. Каждый из нас имеет множество социальных ролей

и идентичностей, но наибольшее значение придается той из них, в которой человек чувствует себя уязвимым и ранимым. По мере того как люди начинают более свободно и терпимо относиться к собственной сексуальности, ослабевают также гетеросексизм и гетероцентризм. Главное звено этого долгого и трудного процесса не сочувствие (сочувствовать можно слабым, больным и угнетенным), а безразличие (мне все равно, с кем ты спишь и каким способом) и уважение к праву личности на индивидуальность и самореализацию.

Пока геи и лесбиянки подвергаются преследованиям и дискриминации, каждый демократически мыслящий человек обязан поддерживать их борьбу за гражданские права. Когда эта цель будет достигнута, сексуальным меньшинствам уже не понадобятся политические организации, а то, что необходимо для реализации их специфических интересов, будет функционировать на нормальной коммерческой основе.

Соответственно будет меняться их самосознание. Любое угнетенное меньшинство противопоставляет тезису о своей неполноценности антитезис о своем превосходстве. То и другое одинаково ложно. От того, что ты спишь с мужчинами, ты не станешь ни Александром Македонским, ни Чайковским, ни Кузминым. Творческие потенции надо доказывать не в постели (хотя и в ней тоже).

Принятие и понимание множественности своей индивидуальности многое в жизни меняет. Людям викторианской эры было мучительно трудно осознавать свои гомоэротические наклонности, они старались преуменьшить их значение. Во второй половине XX в. маятник качнулся в противоположную сторону: сексуальная ориентация превратилась во всеобъемлющую гей-идентичность. Человек XXI в. уже не испытывает потребности в строгих определениях, он может позволить себе быть множественным и разным, не задаваясь вопросом «почему?». Его гендерная идентичность, как и все прочие социальные роли, становится более подвижной и текучей и отказывается быть втиснутой в прокрустово ложе однозначных и жестких определений. Это распространяется и на сексуальную ориентацию.

Я хочу вернуться к своей первоначальной метафоре. Человечество вступило в период предрассветных сумерек,

когда луна и солнце как бы сосуществуют. Первое чувство, которое возникает при этом, — разочарование по поводу крушения иллюзий и «расколдования» мира. Романтические голубые тона становятся серыми, и сквозь них проступают жесткие контуры металлоконструкций. Де-демонизация, расколдование гомосексуальности одновременно означает и ее де-поэтизацию. Однополая любовь предстает такой же разнообразной и изменчивой, как разнополая, а сексуальная идентичность становится одной из многих личных идентичностей. У некоторых она может быть и сменной.

Понимание этой многомерности влечет за собой не столько рост поведенческой или идентификационной бисексуальности, сколько нежелание категоризировать себя и других по этому признаку. По мере того как ослабевает социальная необходимость нечто скрывать, уменьшается потребность притворяться и изображать. У однополый любви становится больше индивидуальных «ликов» и значительно меньше стандартных «масок».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абеляр Л., 1993. Стихи//РИСК, № 1.
- Августин, 1991. Аврелий Августин. Исповедь / Изд. подгот. А. А. Столяров. М.: Renaissance.
- Алексеев Н. А., 2001. Правовое регулирование и положение сексуальных меньшинств. М.: БЕК.
- Античная лирика, 1968. Античная лирика / Пер. с др.-греч. и лат. М.: Худож. лит.
- Аристотель, 1984. Политика: Соч. в 4 т. М.: Мысль.
- Аристофан, 1983. Облака: Комедии. Т. 1. М.: Искусство.
- «А се грехи злые, смертные...», 1999 // Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X — первая половина XIX в.): Тексты. Исследования / Изд. подгот. Н. Л. Пушкарева. М.: ЛАДОМИР.
- Аусландер Л., 2000. Женские + феминистские + лесбийские-гей + квир исследования = гендерные исследования?
- Байрон Д. Г., 1963. Дневники. Письма. М.: Наука.
- Бакунина Е., 1994. Любовь к шестерым // Мар А. Женщина на кресте. Бакунина Е. Любовь к шестерым. Тело. М.: Мистер Икс.
- Батлер Д., 2000. Гендерное беспокойство. Антология гендерной теории/Сост., коммент. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск: Пропагеа. С. 297—346.
- Бенуа А. Н., 1980. Мои воспоминания: В 5 кн. Т. 1 (кн. 1—3). М.: Наука.
- Бенуа А. Н., 1990. Мои воспоминания. 2-е изд., доп. Кн. 4—5. М.: Наука.
- Белкин А. И., 2000. Третий пол. М.: Олимп.

Берберова Н. Н., 2001. Чайковский. Железная женщина. Рассказы в изгнании. Набоков и его «Лолита». М.: Изд-во им. Сабашиных.

Берсенев В. В., Марков А. Р., 1998. Полиция и геи: эпизод из эпохи Александра III // РИСК № 3. С. 105—110.

Блок А., 1965. Записные книжки. 1901—1920. М.: Худож. лит.

Блок А., 1962 (1907). О драме: Собр. соч. в 8 т. Т. 5. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит.

Богомоллов Н. А. 1995. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение.

Богомоллов Н. А., Джон Э. Малмстад, 1996. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М.: Новое литературное обозрение.

Бодлер Ш., 1970. Цветы зла. Изд. подгот. Н. И. Балашов, И. С. Поступальский. М.: Наука.

Боккаччо Д., 1928. Декамерон. Т. 1. Л.: Academia.

Борохов А. Д., Исаев Д. Д., Столяров А. В., 1990. Социально-психологические факторы гомосексуального поведения у заключенных: Социологические исслед., 6. С. 93—97.

Бургасов Н. П., 1986. Выступление на круглом столе «СПИД: больше вопросов, чем ответов» // Литературная газета, 7 мая 1986. С. 15.

Бушуев Д., 1997. На кого похож Арлекин. Тверь: Kolonna.

Введение в гендерные исследования (2001). Ч. 1: Учеб. пособие; Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб: Алетейя.

Введенский Г. Е., 1994. Клинико-диагностические аспекты аномального сексуального поведения. Автореферат дисс. канд. мед. наук. М.: Гос. науч. центр социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского.

Воронцов Д. В., 1999. Социально-психологические характеристики межличностного общения и поведения мужчин с гомосексуальной идентичностью: Автореф. дисс. канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: Ростов. госуниверситет.

Вулф В., 1984. Миссис Дэллоуэй // Иност. лит., № 4.

Вулф Т., 1971. Взгляни на дом свой, Ангел. М.: Худож. лит.

Гаспаров М. Л., 1991. Классическая филология и цензура нравов // Литературное обозрение, № 11, с. 4—7.

Геодакян В. А., 1998. Эволюция асимметрии, сексуальности и культуры (Что такое культура с точки зрения теоретической биологии?) // Труды международного научного симпозиума «Взаимодействие человека и культуры: теоретико-информационный подход». Таганрог.

Герцен А. И., 1956. Былое и думы: Соч. в 9 т. М.: Гослитиздат. Т. 4.

Гинзбург Л., 1987. Литература в поисках реальности. Л. Советский писатель.

Гомосексуализм, 1952 // БСЭ. Т. 12. С. 35.

Городецкий Е., 1998. Из «Посмертных вещаний преп. Нила Мироточивого» // РИСК. Вып. 3. С. 91—98.

Горький М., 1953 (1934). Пролетарский гуманизм // Собр. соч. в 30 т. Т. 27. М.: Госкомиздат.

Горький и Леонид Андреев., 1965. Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 72. М.: Наука.

Гудзий Н. К., 1962. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков.

Дедов И. И. и др., 2000. Эндокринология. М.: Медицина.

Денисов И. Н., ред. 2001. 2000 болезней от А до Я: Справочник-путеводитель практического врача. М.: Гэотар-мед.

Делез Ж., 1992. Представление Захер-Мазоха // Л. фон Захер-Мазох. Венера в мехах; Ж. Делез. Представление Захер-Мазоха; З. Фрейд. Работы о мазохизме. М.: РИК Культура.

Дикарев А. И., 1994. Эротика в романе «Цзинь, Пин, Мэй» // Цзинь, Пин, Мэй или Цветы сливы в золотой вазе. Роман: Т. 1. Иркутск: ПФ «Улисс».

Диоген Лаэртский, 1979. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль.

Добролюбов Н. А., 1964. Дневник 1852 г.: Собр. соч. в 9 т. Т. 8. М.: Гослитиздат.

Дудин С., 1993. Переводы из У. Х. Одена. Волшебная гора, 1:222—223.

Дурова Н., 1988. Кавалерист-девица. Избр. соч. кавалерист-девицы Н. А. Дуровой. М.: Московский рабочий.

Европейский суд по правам человека., 2000. Избранные решения. Т. 1. М.

Жене Ж., 1993. Дневник вора / Пер. Н. Паниной. Иност. лит., № 1.

Жене Ж., 1995а. Интервью журналу «Плейбой» // Ж. Жене. Кэрель. Петербург: Инапресс.

- Жене Ж., 1995б, Кэрель. Петербург: Инапресс.
- Жеребкина И., 2000. Прочти мое желание... Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-пресс.
- Зимин, 1995. Сквернословие в мужских собраниях русской деревни. Материалы М. М. Зимина из архива Д. К. Зеленина (публикация Т. Г. Ивановой): Русский эротический фольклор/ Сост. и науч. ред. А. Л. Топоркова. М.: ЛАДО-МИР.
- Злобин В., 1970. Тяжелая душа. Вашингтон: Виктор Камкин.
- Зосимов А., 1997. И Гоголь, и Есенин, и Аксенов. Русская голубая литература: первый шаг к осмыслению. Книжное обозрение «Ex libris НГ» 17 сентября 1997, с. 2.
- Иванов В., 1911. Cor ardens. М.: Скорпион.
- ИЛГА-Европа, 2000 (1998). Равноправие для лесбиянок и геев. Актуальная проблема гражданского и социального диалога. Луганск: Наш мир.
- Карлинский С., 1991. Ввезен из-за границы...? Гомосексуализм в русской культуре и литературе: Краткий обзор. Литературное обозрение, 1991, № 11.
- Келли Г. Ф., 2000. Основы современной сексологии. СПб: Питер.
- Клейн Л. С., 2000. Другая любовь. Природа человека и гомосексуальность. СПб: Фолио-пресс.
- Козловский В., 1986. Апро русской гомосексуальной субкультуры. Benson, Vt. Chalidze Publications.
- Кокто Ж., 2001. Белая книга (1927) // Жан Кокто: В 3 т. Т. 1: Проза, поэзия, сценарии/Пер. с фр. М.: Аграф.
- Кон И. С., 1988. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М: Гл. ред. вост. лит.
- Кон И. С., 1989. Введение в сексологию. 2-е изд. М.: Медицина.
- Кон И. С., 1989а. Дружба: этико-психологический очерк. 3-е изд. М.: Политиздат.
- Кон И. С., 1997. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: О. Г. И.
- Кон И. С., 1997а. Вкус запретного плода: сексология для всех. М.: Семья и школа.
- Кон И. С., 1999. Введение в сексологию: Учеб. пособие для вузов. М.: Олимп; ИНФРА-М.
- Кон И. С., 1999а. Сокращение детей и сексуальное насилие в междисциплинарной перспективе // Кон И. С. Со-

циологическая психология: Избр. психолог. труды. М.; Воронеж: Мос. псих-соц. ин-т. С. 486—503.

Кон И. С., 1999б (1966). Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предрассудков // Кон И. С. Социологическая психология: Избр. психолог. труды. М.; Воронеж: Московский псих-соц. ин-т.

Кон И. С., 1999в. Гомоэротический взгляд и поэтика мужского тела. Митин журнал, 58: 215—239.

Кон И. С., 2001. Подростковая сексуальность на пороге XXI в. Дубна: Феникс+.

Косовски-Седжвик И., 2001 (1990). Эпистемология чулана // Введ. в гендерные исслед. Ч. 2. С. 174—200.

Крижанич Ю., 1866. Русское государство во второй половине XVII века. Т. 2.

Кропоткин П. А., 1988. Записки революционера.

Ксенофонт, 1976. Киропедия. М.: Наука.

Ксенофонт, 1993. Сократические сочинения. СПб.: Комлект.

Кузмин М., 1990. Избр. произведения. Л.: Худ. лит.

Кузмин М., 1992. Занавешенные картинки // Эрос. Россия. Серебряный век. М.: Серебряный бор.

Кузмин М., 1994а (1906). Histoire edifiante de mes commencements // Подземные ручьи. Избранная проза. СПб.: Северо-Запад.

Кузмин М., 1994б (1906) Крылья // Подземные ручьи. Избранная проза.

Кузмин М. А., 1977. Собрание стихов. Hrsg, eingeleitet und kommentiert von John E. Malmstad und Vladimir Markov. Wilhelm Funk Verlag, München. Т. 1.

Куприн А. И., 1958. Яма: Собр. соч. в 6 т. Т. 5. М.: ГИХЛ.

Левада Ю., 2000. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993—2000. М.: Московская школа политических исследований.

Левина Е., 1999 (1989). Секс и общество в мире православных славян, 900—1700 // «А се грехи злые, смертные...». С. 239—491.

Левэй С., Дин Х., Хэмер, 2000. О зависимости мужской гомосексуальности от биологических факторов: Хрестоматия. Сексология. СПб.: Питер.

Леонтьев К., 1912. Романы и повести. М.: Изд-во М. В. Саблина.

Лепкова Я., 1997. Женская любовь // Cosmopolitan, июнь.

- Литвинцев Ф. В., 2001. Военная психиатрия.
- Лихолитов В., 1991. «Обнаженная натура — сегодня и ежедневно. Интервью с Валентином Покровским» // Мегаполис-экспресс, № 6, 7 февраля. С. 14.
- Лихт Г., 1995. Сексуальная жизнь в древней Греции. Пер. с англ. В. В. Федорина. М.: КРОН-ПРЕСС.
- Логинов К. К., 1999. Элементы «порно» в народной культуре русских в Карелии // Эрос и порнография в русской культуре / Под ред. М. Левитта и А. Топоркова. М.: ЛАДО-МИР.
- Лукиан, 1989. Избранное. М.: Идея-пресс.
- Маковский С., 1955. Портреты современников. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова.
- Максимов А., 1910. Превращение пола. Русский антропологический журнал. Кн. XXIX. С. 1—19.
- Манн Т., 1960а. Тонио Крегер: Собр. соч. в 10 т. М.: ГИХЛ. Т. 7, 1960.
- Манн Т., 1960б. Смерть в Венеции: Собр. соч. Т. 7.
- Манн Т., 1975. Письма. М.: Наука.
- Мартен дю Гар Р., 1957. Семья Тибо. М.: ГИХЛ.
- Марциал, 1991. Эпиграммы / Пер. Ф. А. Петровского. Литературное обозрение, № 11.
- Марэ Ж., 1994. О моей жизни. М.: Союзтеатр.
- Мелвилл Г., 1962. Моби Дик, или Белый кит. 2-е изд. М.: Географгиз.
- Мильчина В. А., Осповат А. Л., 1995. Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина: нереализованный проект С. С. Уварова. Новое литературное обозрение, № 13. С. 272—285.
- Мисима Ю., 1994. Исповедь маски / Пер. с яп. СПб.: Северо-Запад.
- МКБ-10, 1994. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств. ВОЗ.
- Могутин Я., 1997. Упражнения для языка. Стихи о любви и ненависти.
- Могутин Я., Франетта С., 1993. Гомосексуализм в советских тюрьмах и лагерях. Новое время, 35: 44—47; 36: 50—53.
- Модели, 1999. Модели диагностики и лечения психических и поведенческих расстройств: Клиническое руководство / Под ред. проф. В. Н. Краснова и проф. И. Я. Гуровича.
- Монтескье, 1955. О духе законов: Избр. произведения. М.: Политиздат.

Музиль Р., 2000. (1906). Душевные смуты воспитанника Терлеса/Пер. с нем. С. Апта. СПб.: Азбука.

МЦГИ, 2001. Московский центр гендерных исследований. Гендерный калейдоскоп. М.: Academia.

Набоков В. Д., 1902. Плотские преступления, по проекту уголовного уложения. Вестник права, 1902, № 9—10.

Ницше Ф., 1999. Утренняя заря // Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров. Утренняя заря: Сб. Минск: Попурри.

Новополин Г. С., 1909. Порнографический элемент в русской литературе. СПб. 1909.

Ньюджент Б., 1997. Город мальчиков // Короткая лесбийская проза. Тверь: KOLONNA Publications.

Общественное мнение, 2001. По материалам исследований. М.: ВЦИОМ.

Овидий, 1973. Искусство любви/Пер. с лат. М. Гаспарова. Элегии и малые поэмы. М.: Худож. лит.

Павлова В., 1997. Небесное животное. Стихи. М.: Золотой век.

Парамонов С., 1993. Ночь отражений. ТЫ, № 2.

Парнок С., 1978. Собр. стихотворений/Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. Поляковой.

Платон, 1970. Соч. в 3 т. Т. 2. М.: Мысль.

Платон, 1972. Соч. в 3 т. Т. 3. Ч. 2. М.: Мысль.

Платон, 1986. Хармид//Платон. Диалоги. М.: Мысль.

Плутарх, 1987. Избр. жизнеописания в 2 т. Т. 1. М.: Правда.

Плутарх, 1961. Пелопид//Сравнительные жизнеописания.

Плутарх, 1983. Об эротике: Соч. М.: Худож. лит. С. 544—582.

Познанский А., 1993. Самоубийство Чайковского. Миф и реальность. М.: Глагол.

Покровский В. В. Ложка меда в бочке дегтя, или О необходимости новой государственной программы по профилактике СПИДа. Медицинская газета, № 16, 1 марта 1995.

Полевая Т., 1996. Чего хотят деятели культуры? Независимая газета, 21 августа 1996. С. 7.

Полякова С. В., 1997. Незакатные оны дни: Цветаева и Парнок // С. В. Полякова. «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. М.: Инапресс.

Права гомосексуалов и лесбиянок в Российской Федерации. 1993. Отчет Международной комиссии по правам че-

ловека для гомосексуалов и лесбиянок подготовлен Машей Гессен / Введ. Л. И. Богораз. San Francisco: IGLHRC.

Пригов Д. А., 1995. Мой милый ласковый друг // РИСК, № 1.

Пришвин М. М., 1969. Незабудки. М.: Худож. лит.

Прокопий Кесарийский, 1991. Тайная история. М.: Веста.

Пруст М., 1992. Пленница / Пер. с фр. Н. Любимова. М.: Худож. лит.

Пушкин А. С., 1959. В академии наук: Собр. соч. в 10 т. Т. 2. М.: ГИХЛ. С. 451.

Пушкин А. С., 1959. Письмо Ф. Ф. Вигелю, 22 октября — 4 ноября 1823: Собр. соч. в 10 т. Т. 9. С. 75—77.

Розанов В., 1990 (1913). Люди лунного света. Метафизика христианства: Соч. Т. 2. М.: Правда.

Розовая психиатрия, 2001. СПб.: Питер.

Ротиков К. К., 1998. Другой Петербург. СПб: Лига-плюс.

Рубин Г., 2001 (1989). Размышляя о сексе: заметки о радикальной теории сексуальных политик//Введ. в гендерные исслед. Ч. 2. С. 464—533.

Самойлов Л., 1993. Перевернутый мир. СПб.: ФАРН.

Сафонов М., 1997. Княгиня Сафо? Античные страсти на берегах Невы. Родина, 1: 80—84.

Светоний, 1988. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Правда.

Сексопатология, 1990. Сексопатология: Справ. // Под ред. проф. Г. С. Васильченко. М.: Медицина.

Серейский М. А., 1930. Гомосексуализм // БСЭ. Т. 17.

Сколько человек, 2002. Сколько человек осудили за «мужеложество» в СССР?// <http://gau.ru/science/history/danhealy/htm>.

Соколов В. С., 1993. До и после трагедии. Смерть Чайковского П. И. в документах. Знамя, 11: 144—169.

Стоглав, 1863. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова.

Страбон, 1994. География. М.: Ладомир.

Сэждвик И. К., 2001 (1990). Эпистемология чулана// Введ. в гендерные исслед. Ч. 2. С. 194—200.

Тарновский И. М., 1995. Извращение полового чувства у женщин.

Татий А., 1969. Левкиппа и Клитопонт. Пер. В. Чемберджи // Татий. Левкиппа и Клитопонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний. Сатириконт. Апулей. Метаморфозы. М.: Худож. лит.

Тимов Ю., 1994 «Голубые» в российской армии. Они были, есть и будут. Но насилию подвергаются не только гомосексуалисты // Новое время, № 40.

Ткаченко А. А., 1999. Сексуальные извращения — парафилии. М.: Триада-Х.

Толстой Л. Н., 1937. Дневники 1847—1857. Полное собрание сочинений. Т. 46. М.: Худож. лит.

Тольц В., 2002. Красный по «голубому» — Советская власть против гомосексуалистов // <http://www/svoboda.org/programs/TD/2002/TD.031002.asp>.

Уитмен У., 1982. Листья травы / Пер. К. Чуковского. М.: Худож. лит.

Форш О., 1935. Современники.

Франк А., 1960. Дневник Анны Франк. М.: Худож. лит.

Фрейд З., 1989 (1905). Три очерка по теории сексуальности//Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. М.: Просвещение.

Фрейд З., 1969 (1935) Г-же N.N. // Избранное. Т. 1. L.: Overseas Publications.

Харитонов Е., 1993. Слезы на цветах. Кн. 1. М.: Глагол.

Фуко М., 1996 (1976). История сексуальности//Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / Сост., пер. и комм. С. Табашникова. М.: Магистериум.

Хрипкова А. Г., Колесов Д. В., 1982. Мальчик—подросток—юноша. М.: Просвещение.

Цвейг С., 1927. Смятение чувств. Из записи старого человека.

Цветаева М., 1989. Повесть о Сонечке: Проза. М.: Современник.

Цветаева М., 1994. Письмо к Амазонке: Собр. соч. в 7 т. Т. 5. М.: Эллис Лак.

Цветаева М., 1967. Мой Пушкин.

Чайковский П. И., 1975. Письмо Н. Г. Рубинштейну 23 декабря 1877/4 января 1878: Полн. собр. соч. Литературные произведения и переписка. Т. 7.

Чайковский П. И., 1940. Письмо А. И. Чайковскому 13 (25) февраля 1878: Письма к родным (1850—1879), М. 1940. Т. 1.

Частная сексопатология, 1983/Под ред. Г. С. Васильченко. М.: Медицина.

Челлини, 1958. Жизнь Бенвенуто Челлини / Пер. с итал. М. Лозинского. М.: ГИХЛ.

Человек и пол, 1998. Человек и пол. Гомосексуализм и пути его преодоления. СПб: Кайрос (Пер. с нем. Черникова Е., 1997. Золотая ослица. Роман-аллюзия о любви и посмертной жизни, написан женщиной, в России, на отечественном мужском материале. М.: Присцельс).

Черносвитов Е. В., 2000. Социальная медицина. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС.

Чернышевский Н. Г., 1939. Дневники // Полн. собр. соч. Т.1. М.: ГИХЛ.

Чехов А. П., 1978. Письмо А. С. Суворину, 6 декабря 1895 // Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 6.

Шакиров М. Т., 1991. Заболевания, передаваемые половым путем, у мужчин-гомосексуалистов: Автореф. дисс. докт. мед. наук.

Шаргородский М. и Осипов П., 1973. Курс советского уголовного права. Ч. 3. Л.: Изд-во ЛГУ.

Шаталов А., 1996. Предмет влюбленных междометий. Ю. Юркун и М. Кузмин — к истории литературных отношений. Вопросы литературы, ноябрь — декабрь 1996.

Шиллер Ф., 1956. Собр. соч. М.; Л. Т. 8. С. 79.

Шувалов А. В., 2001. Психиатрия, наркология, сексопатология. Новая классификация МКБ-10. М.: Советский спорт.

Шуплов А., 1994. Сленг совка. Алматы; Прага: MiniCats.

Экштейн А., 1990. Дневник стукача. Огонек, № 35.

Энгельштейн Л., 1996. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX веков. М.: Терра.

Эрос и порнография в русской культуре, 1999/Под ред. М. Левитта и А. Топоркова. М.: ЛАДОМИР.

Эткинд А., 1996. Содом и психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М.: ИЦ-Гарант.

Эткинд А., 1998. Хлыст. М.: Новое литературное обозрение.

Юрсенар М., 1984. Воспоминания Адриана / Пер. с франц. М.: Радуга.

Ackerley J. R., 1968. My Father and Myself. NY.: Harcourt Brace Jovanovich.

Adair G., 1991. The real story of «Death in Venice». Sunday Correspondent, April 8.

Adam B. D., 1987. *The Rise of a Gay and Lesbian Movement*. Boston: Twayne Publishers.

Addictions, 2001. Addictions in the Gay and Lesbian Community, 2001. *Journal Of Gay and Lesbian Psychotherapy*, Special Issue, Vol. 3, Number 3/4.

Adkins-Regan E. & Krakauer A., 2000. Removal of adult males from the rearing environment increases preference for same-sex partners in the zebra finch, *Animal Behaviour*, 60: 47—53.

Ailes M. J., 1999. *The Medieval Male Couples and the Language of Homosexuality* / Hadley D. M. Ed. *Masculinity in Medieval Europe*. L.: Longman, pp. 214—237.

Akkermann A., Betzelt S., Daniel S., 1990. Nackte Tatsachen. Ergebnisse eines lesbischen Forschungsprojekts. *Z. Sexualforschung*, 3. (1) 1—24.

Allen L. S. and Gorski R. A., 1992. Sexual orientation and the size of anterior commissure in the human brain. *Proceedings of the National Academy of Sciences, USA*, 89:7199—7202.

Allen M., Burrell N., 1996. Comparing the impact of homosexual and heterosexual parents on children: meta-analysis of existing research. *J. Homosex.*, 32 (2) 19—35.

American Psychiatric Association, 1994. *American Psychiatric Association: Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*, 4th Edition, Washington, DC, American Psychiatric Association.

American Psychiatric Association, 2000. Commission on Psychotherapy by Psychiatrists (COPP): Position statement on therapies focused on attempts to change sexual orientation (Reparative or conversion therapies). *Amer. J. Psychiat.*, 157: 1719—1721.

Ananova, 2001. 29 March. Gay people are better educated, survey reveals.

Badgett M. V. L., 1995. The wage effects of sexual orientation discrimination. *Industrial and Labor Relations Rev.*, 48:4.

Bagemihl B., 1999. *Biological Exuberance, Animal Homosexuality and Natural Diversity*. NY.:St. Martins Press.

Bagley C. and Tremblay P., 1997. Suicidal behaviors in homosexual and bisexual males. *Crisis*, 18 (1):24—34.

Bahnen P. 1993. Wilhelm Reich // R. Lautmann (Hg.) *Homosexualität // Handbuch der Theorie- und Forschungsgeschichte*. Frankfurt: Campus Verlag.

- Bailey J. M. and Pillard R. C., 1991. A genetic study of male sexual orientation. *Arch. Gen. Psychiatry*, 48:1089—1096.
- Bailey J. M. et al., 2000. Genetic and environmental influences on sexual orientation and its correlates in an Australian twin sample. *J. Pers.Soc.Psychol*, 78: 524—536.
- Bailey J. M., 1999. Homosexuality and mental illness. *Arch. Gen. Psychiatry*, 56:883—884.
- Bailey J. M. & Zucker K. J., 1995. Childhood sex-type behavior and sexual orientation: A conceptual analysis and quantitative review. *Dev. Psychol.* 31:(1): 43—55.
- Bailey J. M., Miller J. S. and Willerman L., 1993. Maternally rated childhood gender nonconformity in homosexuals and heterosexuals. *Arch. Sex. Behav.* 22(5): 461—469.
- Bailey J. M. and Pillard R. C., 1995. Genetics of human sexual orientation. *Ann. Rev. Sex Res.*, Y1: 126—150.
- Bailey J. M. et al., 1997. Butch, femme, or straight acting? Partner preferences of gay men and lesbians. *J. Pers. Soc. Psychology*, 73: 960—973.
- Bailey J. M. et al., 1999. A family history study of male sexual orientation. *Behav. Genetics*, 29:79—86.
- Bailey J. M., Bobrow D. et al., 1995. Sexual orientation of adult sons of gay fathers. *Dev.Psych.*, 31:124—129.
- Barbaree H. E. and Seto M. C., 1997. Pedophilia: Assessment and treatment. In D.R. Laws and W.O'Donohue, eds. *Sexual deviance: Theory, assessment and treatment*. NY.: Guilford.
- Bardleben H. et al., 1995. Abschied von der sexuellen Revolution. *Liebe und Sexualität der «Nach-68-er-Generation» in Zeiten von Aids*. Berlin: Edition Sigma.
- Barthes R., 1977. *Fragments d'un discours amoureux*. Paris: Seuil.
- Barthes R., 1987. *Incidents*. P.: Seuil.
- Bauer B. ed., 1996. *Beyond Queer. Challenging Gay Left Orthodoxy*. NY.: Free Press.
- Bauserman R. and Rind B., 1997. Psychological correlates of male child and adolescent sexual experiences with adults: a review of the nonclinical literature. *Arch. Sex. Behav.*, 26 (2):105—141.
- Bell A. P. and Weinberg, M. S., 1978. *Homosexualities. A Study of Diversity Among Men and Women*. NY: Simon and Schuster.
- Bell A. P., Weinberg M. S. and Hammersmith S. K., 1981. *Sexual Preference: Its Development in Men and Women*. Bloomington: Indiana University Press.

Bem D. J., 1998. Is EBE theory supported by the evidence? Is it androcentric? A reply to Peplau et al. *Psych. Rev.*, 105(2):395—398.

Bem D. J., 1996. Exotic becomes erotic: a developmental theory of sexual orientation. *Psych. Rev.*, 103(2):320—335.

Bem D. J., 2000. Exotic becomes erotic: Interpreting the biological correlates of sexual Orientation. *Arch. Sex. Behav.*, 29(6):531—548.

Bem S. L., 1995 Dismantling gender polarization and compulsory heterosexuality: should we turn the volume down or up? *J. Sex Res.*, 32 (4):329—334.

Bennett N., 1999. Military masculinity in England and Northern France c. 1050—1225 // Hadley D. M. Ed. *Masculinity in Medieval Europe*. Longman.

Berenbaum S. A. and Snyder E., 1995. Early hormonal influences on childhood sex-typed activity and playmate preferences: Implications for the development of sexual orientation. *Dev. Psych.* 31 (1):31—42.

Berger J., 1972. *Ways of Seeing*. Based on the BBC television series. L.: BBC and Penguin Books.

Berger R. M., 1984. *Gay and Gray: The Older Homosexual Man*. Boston: Allyson.

Bergman D., 1991. *Gaiety Transfigured. Gay Self-Representation in American Literature*. The University of Wisconsin Press.

Bersani L., 1995. *Homos*. Cambridge. MA.: Harvard University Press.

Bethe E., 1907. *Die dorische Knabenliebe: Ihre Ethik und ihre Idee*. Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge, 62:438—475.

Beurdeley C., 1977. *L'amour bleu. Die homosexuelle Liebe in Kunst und Literatur des Abendlandes*. Köln.

Bieber I. et al., 1962. *Homosexuality: A Psychoanalytic Study*. NY.: Basic Books.

Billington J. H., 1970. *The Icon and the Axe. An Interpretative History of Russian Culture*. NY.: Vintage Books.

Binstock T., 2001. An immune hypothesis of sexual orientation. — *Med Hypotheses*, 57(5):583—90.

Blake N., 1995. *Tom of Finland. An Appreciation* // Creekmur, C. K. and A. Doty, eds. *Out in Culture. Gay, Lesbian, and Queer Essays on Popular Culture*. Durham: Duke University Press.

Blanchard R., 1997. Birth order and sibling sex ratio in homosexual versus heterosexual males and females. *Ann. Rev. Sex Res.*, 8: 27—67.

Blanchard R., 2001. Fraternal birth order and the maternal immune hypothesis of male homosexuality. *Hormones and Behavior*, 40:105—114.

Blanchard R. and Bogaert A. F., 1996. Biodemographic comparisons of homosexual and heterosexual men in the Kinsey interview data. *Arch. Sex. Behav.*, 25 (6): 551—579.

Blanchard R. and Bogaert A. F., 1996. Homosexuality in men and number of older brothers // *Amer. J. Psychiatry*, 153:27—31.

Blanchard R. and Dickey R., 1998. Pubertal age in homosexual and heterosexual sexual offenders against children, pubescents, and adults. *Sexual Abuse* 10 (4): 273—282.

Blanchard R. and Ellis L., 2001. Birth weigh, sexual orientation and the sex of preceding siblings. *J. Biosocial Science*, 33:451—467.

Blanchard R. and Klassen P., 1997. H-Y antigen and homosexuality in men // *J. Theor. Biology*, 185:373—378.

Blanchard K. J., Zucker S. J., Bradley et al., 1995. Birth order and sibling sex ratio in homosexual male adolescents and probably prehomosexual feminine boys. *Dev. Psych.*, 31 (1):22—30.

Blanchard R. et al., 1996. Birth order and sibling sex ratio in two samples of Dutch gender-dysphoric homosexual males. *Arch. Sex. Behav.*, 25(5): 495—513.

Bleys R. C., 1995. *The Geography of Perversion. Male-to-Male Sexual Behavior Outside the West and the Ethnographic Imagination. 1750—1918.* NY.: New York University Press.

Bluher H., 1912. *Die deutsche Wandervögelbewegung als erotisches Phaenomen. Ein Beitrag zur Erkenntnis der sexuellen Inversion.* Berlin: Weise.

Bluher H., 1917—1919. *Die Rolle der Erotik in der männlichen Gesellschaft.* B.1—2. Jena: Diederichs.

Blumstein P. and Schwartz P., 1983. *American Couples: Money, Work, Sex.* NY.: Morrow.

Bochow M., 1989. *AIDS und Schwule. Individuelle Strategien und kollektive Bewältigung.* AIDS-Forum D.A.H., Band 4. Berlin: Deutsche AIDS-Hilfe e.V.

Bochow M., 1993. *Die Reaktionen homosexueller Männer auf AIDS in Ost- und Westdeutschland.* Berlin: Intersofia.

Boem K. W., 1990. Zwischen Selbstsucht und Verlangen. Thomas Mann und das Stigma Homosexualität. Untersuchungen zu Frühwerk und Jugend. Würzburg: Königshausen und Neumann.

Bogaert A. F., 1996 Volunteer bias in human sexuality research: evidence for both sexuality and personality differences in males. *Arch.Sex.Behav.*25(2):125—140.

Bogaert A. F. and Blanchard R., 1996. Physical development and sexual orientation in men: height, weight and age of puberty differences. *Pers. Individ. Differences*, 21(1): 77—84.

Bogaert A. F. Hersherberger S., 1999. The relation between sexual orientation and penile size // *Arch.Sex.Behav.* 28(3):213—221.

Bogaert A. F. and Blanchard R., 1996. Handedness in homosexual and heterosexual men in the Kinsey interview data // *Arch.Sex.Behav.*, 25 (4):373—378.

Bogaert A. F. et al., 2002 Age of puberty and sexual orientation in a national probability sample // *Arch.Sex.Behav.* 31(1)73-81.

Bolton R., 1995. Sex talk: Bodies and behaviors in gay erotica // W.L. Leap, ed. *Beyond the Lavender Lexicon. Authenticity, Imagination, and Appropriation in Lesbian and Gay Languages.* Gordon and Breach, pp. 173—206.

Bonnet H., 1985. *Les amours et la sexualité de Marcel Proust.* P.: Nizet.

Boswell J., 1994. *Same-Sex Unions in Pre-modern Europe.* NY.: Villard Books.

Boswell J., 1980. *Christianity, Social Tolerance, and Homosexuality: Gay People in Western Europe from the Beginning of the Christian Era to the Fourteenth Century.* Chicago: University of Chicago Press.

Boyarin D., 1995. Are there any Jews in «The History of Sexuality»? *J. History Sexuality*, 5 (3):333—355.

Boyd B. M., 1991. *The Revolution of Little Girls.* Knopf.

Boyd M., 1993. *Take off the Masks.* Rev. ed., San Francisco: Harper.

Boyd M., 1994. *Survival with grace.* M. Thompson, ed. *Gay Soul. Interviews and Photographs.* San Francisco: Harper, p. 230—244.

Bozett F. W. ed., 1987. *Gay and Lesbian Parents.* NY.: Praeger.

Brassai, 1982. *Les artistes de ma vie.* P.: Denoel.

Bray A., 1982. *Homosexuality in Renaissance England.* London: Gay Men Press.

Bredbeck G. W., 1991. *Sodomy and Interpretation: Marlow to Milton*. Ithaca, NY.: Cornell University Press.

Brelich A., 1969. *Paides e parthenoi*. Roma: Edizioni dell'Ateneo.

Bremner J., 1980. An enigmatic Indo-European rite: paederasty. *Arethusa*, 13(2): 279—298.

Broude G. J. and Greene S. J., 1976. Cross-cultural codes on twenty sexual attitudes and practices. *Ethnology*, 15:409—429.

Broude G. W., 1981. The cultural management of sexuality // Munroe R. H., Munroe R. L., Whiting B. B., eds. *Handbook of Cross-Cultural Human Development*. NY.: Garland STPM Press, pp. 633—674.

Brown J. C., 1986. *Immodest Acts. The Life of a Lesbian Nun in Renaissance Italy*. NY.: Oxford University Press.

Brown P., 1988. *The Body and Society. Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity*. NY.: Columbia University Press.

Brown R., 1996. *Against My Better Judgment. An Intimate Memoir of an Eminent Gay Psychologist*. NY.: Harrington Park Press.

Brundage J., 1988. *Law, Sex, and Christian Society in Medieval Europe*. Chicago: University of Chicago Press.

Bryant A. S. and Demian, 1994. Relationships characteristics of American gay and lesbian couples: findings from a national survey. *J. Gay and Lesbian Soc. Services*, 1 (2): 101—117.

Buckle R., 1979. *Diaghilev*. NY.: Atheneum.

Buffière F., 1980. *Eros adolescent: la pēdēraistie dans la Grèce antique*. Paris: Les belles lettres.

Bullough V. L., Bullough V., 1993. *Cross Dressing, Sex, and Gender*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Bullough V. L., 1976. *Sexual Variance in Society and History*. NY.: Wiley.

Bullough V. L. and Brundage J. A. eds., 1996. *Handbook of Medieval Sexuality*. NY.: Garland.

Bum P., 1990. *August Graf von Platen: Eine Biographie*. Paderborn: Ferdiand Schoeningh.

Burgin D. L., 1994. *Sophia Parnok. The Life and Work of Russia's Sappho*. NY.: New York University Press.

Butler A. C., 2000. Trends in same-gender sexual partnering, 1988 —1998. *J. Sex Res.*, 37(4):333—343.

Butler J., 1990. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. NY.: Routledge.

Butler J., 1993. Imitation and gender insubordination // *Lesbian and Gay Studies Reader*. Ed. by H. Abelow, M. A. Barale, D. M. Halperin. NY.: Routledge.

Byne W., 1997. Why we cannot conclude that sexual orientation is primarily a biological phenomenon. *J. Homosex.*, 34(1): 73—80.

Byne W., 1995. Science and belief: psychobiological research on sexual orientation. *J. Homosex.*, 28 (3/4):303—344.

Cady J., 1992. «Masculine love», Renaissance writing, and the «new invention» of homosexuality. *J. Homosex.*, 23 (1/2): 9—40.

Callender C., Kochems L. N., 1983. The North American berdache. *Curr. Anthropology* 24:37—45.

Camille M., 1994. The abject gaze and the homosexual body: Flandrin's Figure d'Etudes. *J. Homosex.* 27 (1/2):161—188.

Campbell M., 1968. Dismiss Us, Lord.

Camus R., 1982. Tricks. P.: Persona.

Cantarella E., 1992. *Secondo Natura*. Bisexuality in the Ancient World. New Haven: Yale University Press.

Cartledge P. A., 1981. The politics of Spartan pederasty. *Proceedings of the Cambridge Philological Society*, N.S, 207:17—36.

Catania J.A., Binson D. et al., 1995. Methodological research on sexual behavior in the AIDS era. *Ann. Rev. Sex Res.* Y1: 77—125.

Chandos J., 1994. *Boys Together*. English Public Schools 1800—1864. New Haven: Yale University Press.

Chauncey G., 1994. *Gay* New York. NY.: Basic Books.

Cheever J., 1990. *The Journal of John Cheever*. NY.: Knopf.

Chloe plus Olivia., 1994. *An Anthology of lesbian Literature from the Seventeenth Century to the Present*. Compiled and Edited by Lillian Faderman. NY.: Viking.

Chung Y. B. and Harmon L. V., 1994. The career interests and aspirations of gay men: How sex role orientation is related. *J. Vocational Behav.* 45:223—239.

Clarke J.R., 1998. *Looking at Lovemaking: Construction of Sexuality in Roman Art, 100 B.C. — A.D. 250*. Berkeley, University of California Press.

Clement U., 1986. *Sexualität im sozialen Wandel. Eine empirische Vergleichsstudie an Studenten 1966 and 1981*. Stuttgart: Enke.

Cohen D., 1995. *Law, Violence, and Community in Classical Athens*. Cambridge: Cambridge University Press.

Colapinto J., 2000. *As Nature Made Him: The Boy Who was Raised as a Girl*. NY.: Harper Collins.

Collier M. C. et al., 1997. Comorbidity of gender dysphoria and other major psychiatric diagnoses. *Arch.Sex. Behav.*, 26 (1):13—26.

Connolly C., 1949. *Enemies of Promise*. Revised ed. London, Routledge.

Cordova J., 1992. Butches, lies, and feminism // J. Nestle, ed. *The Persistent Desire*, pp. 272—292.

Cornett C. ed., 1993 *Affirmative Dynamic Psychotherapy with Gay Men*. Northvale: Jason Aronson.

Coxon A.P.M., 1996. *Between the Sheets. Sexual Diaries and Gay Men's Sex in the Era of AIDS*. London: Cassell.

Crompton L., 1985. *Byron and the Greek Love: Homophobia in 19-th-Century England*. Berkeley: University of California Press.

Cruikshank M., 1992. *The Gay and Lesbian Liberation Movement*.

D'Augelli A. R., 1996. Enhancing the development of lesbian, gay, and bisexual youths // Rothblum E. D. and Bond L., eds. *Prevention of Heterosexism and Homophobia*. Newbury Park: Sage.

D'Emilio J., 1983. *Sexual Politics, Sexual Communities. The Making of a Homosexual Minority in the United States, 1940—1970*. Chicago: University of Chicago Press.

Dall'Orto G., 1989. 'Socratic love' as a disguise for same-sex love in the Italian Renaissance // *The Pursuit of Sodomy*, pp. 33—65.

Dank B. M., 1971. Coming out in the gay world. *Psychiatry*, 34:180—197.

Dannecker M. und Reiche R., 1974. *Der gewöhnliche Homosexuelle. Eine soziologische Untersuchung über männliche homosexuelle in der Bundesrepublik*. Frankfurt/M: S. Fischer.

Dannecker M., 1990. *Homosexuelle Männer und AIDS. Eine sexualwissenschaftliche Studie zu Sexualverhalten und Lebensstil*. Stuttgart: W. Kohlhammer.

Davenport-Hines R., 1995. *Auden*. NY.: Pantheon Books.

David H., 1997. *On Queer Street. A social history of British homosexuality, 1895—1995*. L.: Harper Collins.

Davies P. M. et al., 1994. *Sex, Gay Men and AIDS*. London: The Falmer Press.

Dawood K. et al., 2000. Familial aspects of male homosexuality. *Arch.Sex.Behav.*, 29(2):155—163.

De Vore I., 1965. Male dominance and mating behavior in baboons // *Sex and Behavior*. NY. P. 266—295.

Dekker A. und Schaefer S., 1999. Zum Sampling-Bias empirischer Studien über männliche Homosexualität. *Z. Sexualforschung*, Band 12, Heft 4.

Dellamora R., 1990. *Masculine Desire. The Sexual Politics of Victorian Aestheticism*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Derks P., 1993. Die Schande der heiligen Päderastie. Homosexualität und Öffentlichkeit in der deutschen Literatur 1750—1850. Berlin: rosa Winkel

DeSalvo L., 1989. *Virginia Woolf: The Impact of Childhood Sexual Abuse on Her Life and Work*. Boston: Beacon Press.

Devereux G., 1937. Institutionalized homosexuality of the Mohave Indians. *Hum. Biology*, 9: 498—527.

DeVries K., 1997. The «Frigid eromenoi» and their wooers revisited: A closer look at Greek homosexuality in vase painting. In Duberman M. ed. 1997. *Queer representations*, pp. 14—24.

Diamond M., 1993. Homosexuality and bisexuality in different populations. *Arch. Sex. Behav.*, 22(4):291—310

Diamond M., 1995. Biological aspects of sexual orientation and identity // Diamant L. and McAnulty R.D., eds. *The Psychology of Sexual Orientation, Behavior, and Identity. A Handbook*. Westport, Conn.: Greenwood Press.

Diamond M. and Sigmundson H. K., 1997. Sex reassignment at birth. Long-term review and clinical implications. *Arch. Pediatric and Adolescent Med.*, 151: 298—304.

Diesbach G. de., 1991. Proust. Paris: Perrin.

Docter R. F. and Prince V., 1997. Transvestism: a survey of 1032 cross-dressers. *Arch. Sex. Behav.*, 26 (6): 589—605.

Doll L. S. et al., 1992. Self-reported childhood and adolescent sexual abuse among adult homosexual and bisexual men. *Child Abuse Negl.* 16: 855—864.

Dominguez I. Jr., 1994. *Beneath the Skins. The New Spirit and Politics of the Kink Community*. Los Angeles: Daedalus.

Donohue E., 1993. *Passions Between Women. British Lesbian Culture 1668—1801*. L.: Scarlet Press.

Dörner G. et al., 1991. Gene- and environment-dependent neuroendocrine etiology of homosexuality and transsexualism. *Experimental Clin. Endocrinology*, 98: 141–150.

Doty G., 1996. Baring the flesh: aspects of contemporary male iconography // Krondorfer B., ed. *Men's Bodies, Men's Gods. Male Identities in a (Post) Christian Culture*. NY.: New York University Press, p. 269–308.

Douglas M., 1978. *Purity and Danger // Analysis of Concept of Pollution and Taboo*. London.

Dover K. J., 1978. *Greek Homosexuality*. Cambridge, MA.: Harvard University Press.

Dover K. J., 1988. Greek homosexuality and initiation. In: *Dover, The Greeks and Their Legacy (Collected Papers, vol. 2)*. Oxford: Blackwell.

Dowling, L., 1994. *Hellenism and Homosexuality in Victorian Oxford*. Cornell Univ. Press.

Duberman M. ed., 1997. *Queer representations. Reading Lives, Reading Cultures*. University Press.

Duberman M. B., Vicinus G., Chauncey, Jr., eds., 1989. *Hidden from History. Reclaiming the Gay and Lesbian Past*. NY.: New American Library.

Duchêne R., 1994. *L'impossible Marcel Proust*. Paris: Robert Laffont.

Dukahz C., 1966. *The Asbestos Diary*. NY.: Oliver Layton Press.

Dunn M. P. et al., 2000. The subtlety of sex-atypicality. *Arch.Sex.Behav.*, 29(6):549–566.

Dutton K. R., 1995. *The Perfectible Body. The Western Ideal of Male Physical Development*. NY.: Continuum.

Duvert T., 1976. *Journal d'un innocent*. Paris: Les Edition de Minuit.

Duvert T., 1980. *L'Enfant au masculin*. Les Editions de Minuit.

Dyer R., 1990. *Now You See It. Studies on Lesbian and Gay Film*. London: Routledge.

Dynes W., 1985. *Homolexis. A Historical and Cultural Lexicon of Homosexuality*. NY.: Gay saber monograph. № 4.

Dynes W. R., 1987. *Homosexuality. A Research Guide*. NY.: Garland.

Dynes W. R., et al., 1990. *Encyclopedia of Homosexuality*. 2 vols. NY.: Garland.

Dynes W. R. and Donaldson, S., eds., 1992. *Studies in Homosexuality*. NY.: Garland.

Edel L., 1979. *Bloomsbury: A House of Lions*. NY.: Lippincott, 1979.

Elizur Y. and Mintzer A., 2001. A framework for the formation of gay male identity. *Arch. Sex Behav.*, 30(2):143—168.

Ellmann R., 1988. *Oscar Wilde*. NY.: Alfred A. Knopf.

Engelstein L., 1995. Soviet policy toward male homosexuality: Its origins and historical roots. *J. of Homosex.*, 29 (2/3): 158.

Ericksen J. A., 1999. *Kiss and Tell. Surveying Sex in the Twentieth Century*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Ernulf K. E. and Innala S. M., 1995. Sexual bondage: a review and unobtrusive investigation. *Arch. Sex. Behav.*, 24 (6):631—654.

Eron L. J., 1993. Homosexuality and Judaism. A. Swindler, ed. *Homosexuality and World Religions*. Valley Forge, Penn.: Trinity Press International, pp.103—134.

Eros russe, 1988 (1879). *Eros russe. Русский эрот не для дам*. Изд. испр. Oakland: Scythian Books.

Essig L., 1999. *Queer in Russia. A Story of Sex, Self, and Others*. Duke University Press.

Faderman L., 1981. *Surpassing the Love of Men. Romantic Friendship and Love Between Women from the Renaissance to the Present*. NY.: Morrow.

Faderman, L., 1983. *Scotch Verdict. Miss Pirie and Miss Woods v. Dame Cumming Gordon*. NY.: Morrow.

Faderman, L. 1991. *Odd Girls and Twilight Lovers. A History of Lesbian Life in Twentieth-Century America*. NY.: Columbia University Press.

Farnan D. J., 1984. *Auden in Love*. NY.: Simon and Shuster.

Fausto-Sterling A., 1992 (1985). *Myths of Gender: Biological Theories about Women and Men*. Rev. ed. NY.: Basic Books.

Fausto-Sterling A., 1993. The five sexes: Why male and female are not enough. *The Sciences*, 33 (2):19—24.

Feierman J. R., ed. 1990. *Pedophilia. Biosocial Dimensions*. NY.: Springer.

Fergusson D. M. et al., 1999. Is sexual orientation related to mental health problems and suicidality in young people? *Arch. Gen. Psychiatry*, 56:876—880.

Ferro R., 1983. *The Family of Max Desir*. NY.: New American Library.

Filipov D., 1993. «From Graft to Gays: Nationalists Alter Attack», *The Moscow Times*, August 28.

Flacelière R., 1962. *Love in Ancient Greece*. NY.: Crown.

Forker C. R., 1996. «Masculine love», Renaissance writing, and the «new invention» of homosexuality: an addendum. *J. Homosex.*, 31 (3): 85–94.

Forster E. M., 1972. *A Life to Come*.

Foucault M., 1976. *Histoire de la sexualité*. 1. *La volonté de savoir*. P.: Gallimard.

Foucault M., 1984. *Histoire de la sexualité*. *L'usage de plaisirs*. P.: Gallimard.

Fox R. C., 1995. *Bisexual Identities* // D'Augelli A. R. and Patterson C.J. eds. *Lesbian, Gay and Bisexual Identities Over the Lifespan: Psychological Perspectives*. NY.: Oxford University Press, pp. 48–86.

Fox R. C., 1996. *Bisexuality. An examination of theory and research* // *Textbook of Homosexuality and Mental Health*, pp. 147–171.

Francœur R.T. ed., 1995. *The Complete Dictionary of Sexology*. New expanded Edition. NY.: Continuum.

Francœur R. T. ed., 1997. *The International Encyclopedia of Sexuality*. 4 vols. NY.: Continuum.

Franzer T., 1996. *Spinsters and Lesbians. Independent Womanhood in the United States*. New York University Press.

Freud S., 1957a (1910). *Leonardo da Vinci and a memory of his childhood*. *Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, vol. XI. London: Hogarth Press.

Freud S., 1957b (1911). *On the mechanism of paranoia* // *Standard Edition*, vol. XII.

Friedman R. C., 1988. *Male Homosexuality: A Contemporary Psychoanalytic Perspective*. New Haven: Yale University Press.

Friedman R. C., Lilling, A. A., 1996. An empirical study of the beliefs of psychoanalysts about scientific and clinical dimensions of male homosexuality. *J. Homosex.*, 32 (2): 79–89.

Gagnon J. H., 1990. The explicit and implicit use of the scripting perspective in sex research. *Ann. Rev. Sex Res.* 1:1–44.

Gagnon J. H. and Nardi P., 1997. Introduction. In: M. P. Levine, P. Nardi, J. H. Gagnon, eds. *In Changing Times. Gay Men and Lesbians Encounter HIV/AIDS*. Chicago: University of Chicago Press.

Gagnon J. H. and Simon W., 1973. *Sexual Conduct. The Social Sources of Human Sexuality*. Chicago: Aldine.

Gaius S. and Chichester S., 1994. *Obsession. The Lives and Times of Calvin Klein*. NY.: Avon.

Garber M., 1995. *Vice Versa. Bisexuality and the Eroticism of Everyday Life*. NY.: Simon and Schuster.

Garcia-Marquez V., 1995. *Massine. A Biography*. NY.: Knopf.

Garland R., 1990. *The Greek Way of Life. From Conception to Old Age*. Ithaca: Cornell University Press.

Garofalo R. et al. Sexual orientation and risk of suicide attempts among a representative sample of youth. *Arch. Pediatric Adolescent Medicine*, 153: 487—493.

Gathorne-Hardy J., 1977. *The Public School Phenomenon 1877—1977*. L. Hodder and Stoughton.

Gebhardt P. H. and Johnson A. B., 1979. *The Kinsey Data: Marginal Tabulations of the 1938—1963 Interviews Conducted by the Institute of Sex Research*. Philadelphia: Saunders.

Gettelman T. E. and Thompson J. K., 1993. Actual differences and stereotypical perceptions in body image and eating disturbances: A comparison of male and female heterosexual and homosexual samples. *Sex Roles*, 29: 545—562.

Geuter U., 1994. *Homosexualität in der deutschen Jugendbewegung. Jugendfreundschaft und Sexualität im Diskurs vom Jugendbewegung, Psychoanalyse und Jugendpsychologie am Beginn des 20. Jahrhunderts*. Frankfurt: Suhrkamp.

Gibson I., 1978. *The English Vice. Beating, Sex and Shame in Victorian England and After*. London: Duckworth.

Gide A., 1932. *Si le grain ne meurt. Oeuvres complètes*, t. X. Paris: NRF.

Gide A., 1943. *Journal (1899—1912)*.

Gide A., 1943. *Journal (1913—1922)*. Rio de Janeiro: Gallimard.

Gilbert C.E., 1995. *Caravaggio and his Two Cardinals*. University Park, Penn.: Pennsylvania State University Press.

Gilmore L., 1994. Obscenity, modernity, identity: Legalizing The Well of Loneliness and Nightwood. *J.Hist. Sexuality*, 4(4):603—624.

Gilmour-Bryson A. 1996. Sodomy and the Knights Templar. *J. Hist. Sexuality*, 7(2): 151—183.

Glazer D. F. & Drescher J., eds. 2001. *Gay and Lesbian Parenting*. NY.: Haworth Press.

Goffman E., 1963. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.

Goldhill S., 1995. *Foucault's Virginity. Ancient Erotic Fiction and the History of Sexuality*. Cambridge University Press.

Goldman J. D. G. & Padayachi U. K., 2000. Some methodological problems in estimating incidence and prevalence in child sexual abuse research. *J. Sex Res.*, 37(4):305—314.

Goldstein L. Ed., 1994. *The Male Body. Features, Destinies, Exposures*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.

Goode E., 2001. A Rainbow of Differences in Gays' Children. *New York Times*, July 17.

Goodich M., 1979. *The Unmentionable Vice: Homosexuality in the Later Medieval Period*. Santa Barbara, CA: Ross-Erikson

Gooren L. J. G., 1995. Biomedical concepts of homosexuality: folk belief in a white coat. *J. Homosexuality*, 28 (3/4).

Gouldner A., 1965. *Enter Plato. Classical Greece and the Origins of Social Theory*. NY.: Basic Books.

Goytisoló J., 1989. *Forbidden Territory. The Memoirs. 1931—1956*. San Francisco: Northpoint Press.

Grahn J., 1984 *Another Mother Tongue. Gay Words, Gay Worlds*. Boston: Beacon Press.

Graupner H., 2000. Sexual consent: the criminal law in Europe and overseas. *Arch. Sex. Behav.*, 29 (5):415—462.

Green J., 1975. *The Private World of Ballet*. NY.: Viking

Green J., 1977. *Autobiographie // Oeuvres complètes*. T. V. P.: Gallimard.

Green R., 1974. *Sexual Identity Conflict in Children and Adults*. NY.: Basic Books.

Green R., 1987. The «Sissy Boy Syndrome» and the Development of Homosexuality. New Haven: Yale University Press.

Green R., 2001. (Serious) sadomasochism: a protected right of privacy? *Arch. Sex. Behav.*, 30 (5):543—550.

Green R. and Young R., 2001. Hand preference, sexual preference, and transsexualism. *Arch. Sex. Behav.*, 30 (6): pp. 565—574.

Greenberg D. E., 1988. *The Construction of Homosexuality*. Chicago: The University of Chicago Press.

Gregor T., 1985. *Anxious Pleasures. The Sexual Lives of an Amazonian People*. Chicago: The University of Chicago Press.

Gronow J. et al., 2001. Cultural Intertia and Social Changes in Russia, Distribution by gender and age group (unpublished).

Guiraud P., 1978. Dictionnaire érotique. P.: Payot.

Gulik R. van., 1971. La vie sexuelle dans la Chine ancienne. P.: Gallimard.

Guy to Goddess 1994. An Intimate Look at Drag Queens. Photographs by Rosamond Norbury. Text by Bill Richardson. Berkeley: Ten Speed Press.

Hall R., 1990(1928). The Well of Loneliness. NY.: Doubleday.

Halle R., 1995. Between marxism and psychoanalysis: antifascism and antihomosexuality in the Frankfurt school. J. Homosex., 29(4):295—318.

Halperin D., 1995. Saint Foucault. Towards a Gay Hagiography. NY.: Oxford Univ. Press.

Halperin D. M., 1990. One Hundred Years of Homosexuality and Other Essays on Greek Love. NY.: Routledge.

Hamer D. and Copeland P., 1994 The Science of Desire: The Search for the Gay Gene and the Biology of Behavior. NY.: Simon and Schuster.

Härle G., 1988. Männerweiblichkeit: Zur Homosexualität bei Klaus und Thomas Mann. Frankfurt am Main: Athenaeum.

Härle G., Hrsg., 1990. «Heimsuchung und süßes Gift». Erotik und Poetik bei Thomas Mann. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch.

Harry J., 1984. Gay Couples. NY.: Praeger.

Harry J., 1982. Gay Children Grown Up: Gender Culture and Gender Deviance. NY.: Praeger.

Harry J., 1983. Defeminization and adult psychological well-being among male homosexuals. Arch.Sex.Behav., 12(1):1—19.

Harry J., 1993. Being out: A general model. J. Homosex., 26(1):25—39.

Harstein N. B., 1996. Suicide risk in lesbian, gay, and bisexual youth // Textbook of Homosexuality and Mental Health, pp. 819—838.

Haseldine J. P., 1999. Love, separation and male friendship: Words and actions in Saint Anselm's letters to his friends // Hadley D.M., Ed. Masculinity in Medieval Europe. London Longman, pp. 238—255.

Haslam N., 1997. Evidence that male sexual orientation is a matter of degree. J. Pers. and Social Psych., 73(4): 862—870.

Hay H., 1994. *Reinventing ourselves* // M. Thompson, ed 1994. *Gay Soul*.

Hay H., 1996. *Radically Gay. Gay Liberation in the Words of Its Founder*. Ed. by Will Roscoe. Boston: Beacon.

Hayman R., 1995. *Thomas Mann. A Biography*. NY.: Scribner.

Healj d., 2001. *Homosexual Desire in Revolutionaru Russia*. Chicago: The University of Chicago Press.

Heilbut A., 1996. *Thomas Mann. Eros and Literature*. NY.: Knopf.

Hekma G., Oosterhuis H., Steakley J., eds., 1995. *Gay Men and the Sexual History of the Political Left*. NY.: Haworth press.

Hendriks A., Tielman R., E. van der Veen, eds., 1996. *The Third Pink Book. A Global View of Lesbian and Gay Liberation and Oppression*. Buffalo, NY.: Prometheus.

Herbert S., 1996. *Lesbian sexuality* // *Textbook of Homosexuality and Mental Health*, pp. 735—741.

Herdt G., 1981. *Guardians of the Flutes: Idioms of Masculinity*. NY.: McGraw-Hill.

Herdt G. ed., 1982. *Rituals of Manhood: Male Initiation in Papua New Guinea*. Berkeley: University of California Press.

Herdt G. ed., 1984. *Ritualized Homosexuality in Melanesia*. Berkeley: University of California Press.

Herdt G., 1987. *The Sambia: Ritual and Gender in New Guinea*. NY.: Holt, Rinehart and Winston.

Herdt G. ed., 1994. *Third Sex, Third Gender: Beyond Sexual Dimorphism in Culture and History*. NY.: Zone Books.

Herdt G., ed., 1992. *Gay Culture in America*. Boston: Beacon press, 1992.

Herek G. M., 1994. *Psychological heterosexism in the Unites States* // Greene B. and Herek G.M. eds. *Lesbian and Gay Psychology: Theory, Research and Applied Applications*. Sage.

Herrell R. et al, 1999. *Sexual Orientation and Suicidality A Co-twin Control Study in Adult Men*. Arch. Gen. Psychiatry, 56:867—874.

Hewitt C., 1995. *The socioeconomic position of gay men: a review of evidence*. Am. J. Economics and Sociology, 54 (4):461—479.

Hinsch B., 1990. *Passions of the Cut Sleeve: The Male Homosexual Tradition in China*. Berkeley: University of California Press.

Hirschfeld M., 1920. *Die Homosexualität des Mannes und des Weibes*. Berlin.

Hollander A., 1978. *Seeing through Clothes*. NY.: Viking.

Holleran A., 1996. *The Beauty of Men*. NY.: Morrow.

Hooker E., 1957. The adjustment of the male overt homosexual. *J. Project. Techniques*, 21: 18—31.

Hooker E., 1965 (1956). Male homosexuals and their «worlds» // Marmor J. ed. *Sexual Inversion*. NY.: Basic Books.

Hopcke R. H., 1989. *Jung, Jungians, and Homosexuality*. Boston: Allison.

Howitt D., 1995. *Paedophiles and Sexual Offences Against Children*. NY.: Wiley.

Humphreys L., 1970. *Tearoom Trade: Impersonal Sex in Public Places*. Chicago: Aldine.

Hunt M., 1959. *The Natural History of Love*. NY.: Minerva Press.

Huppert C. A. M., 1988. Greek love: homosexuality // pederasty? Greek love in black figure vase-paintings: Proceedings of the 3rd Symposium on Ancient Greek and related pottery, Copenhagen, August 31 — Sept. 4 1987, ed. by J. Christensen and T. Melander. Copenhagen, pp. 255—268.

Inglehart R., 1990. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press.

Innala S. M., Ernulf K. E., 1992. Understanding male homosexual attraction: An analysis of restroom graffiti. *J. Social Behav. and Pers.*, 7 (3):503—510.

Isay R. A., 1989. *Being Homosexual: Gay Men and Their Development*. NY.: Farrar, Straus and Giroux.

Ivanov N., 2001. *Personal Autonomy and Choice of Significant Others: Acknowledging Variety of Human Relationships in the Law* (unpubl.manuscript).

Jackson-Paris 1994. *Rod and Bob Jackson-Paris. Straight from the Heart. A Love Story*. NY.: Warner Books.

Janson H.W., 1967. *The Sculpture of Donatello. Incorporating the Notes and Photographs of the Late Jeno Lanyi*. Princeton: Princeton University Press.

Jay K. ed., 1995. *Dyke Life. A Celebration of the Lesbian Experience*. NY.: Basic Books.

Jellonek B., 1990. *Homosexuelle unter dem Hakenkreuz. Die Verfolgung von Homosexuellen im Dritten Reich*. Paderborn, Ferdinand Schoeningh.

Jochens J., 1996. Old Norse sexuality: men, women and beasts. In: *Handbook of Medieval Sexuality*, pp. 369—400.

Johansson W. and Percy W. A., 1996 *Homosexuality// Handbook of Medieval Sexuality*.

Johns C., 1982. *Sex or Symbol. Erotic Images of Greece and Rome*. Austin: University of Austin Press.

Jouhandeau M., 1963. *Monsieur Godeau intime*. P.: Gallimard.

Kagan J. and Moss H.A., 1962. *Birth to Maturity: A Study in Psychosexual Development*. NY.: Wiley.

Kampen N. B. et al., eds., 1996. *Sexuality in Ancient Art*. Cambridge Univ. Press.

Kantrowitz A., 1992. *Epilogue // Melson, J. The Golden Boy*. Boston: Allison.

Karlinsky S., 1976. *The Sexual Labyrinth of Nikolai Gogol*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.

Karlinsky S., 1987. *Marina Tsvetaeva. The Woman, Her World and Her Poetry*. Cambridge: Cambridge University Press.

Karlinsky S., 1991. *Russia's Gay Literature and Culture: The Impact of the October Revolution // Hidden from History. Reclaiming the Gay and Lesbian Past / Ed. by M.L. Duberman, M.Vicinus, and Chauncey G. Jr. NY.: NAL Books, pp. 347 — 363*.

Katz R., 1987. *Love Is Colder than Death. The Life and Times of Reiner Werner Fassbinder*. NY.: Random House.

Keating J., and Over R. 1990. *Sexual fantasies of heterosexual and homosexual men*. Arch. Sex. Behav. 19(5): 461—476.

Keesing R. M., 1982. *Introduction // Herdt, ed Rituals of Manhood*, pp. 1—43.

Kendler K. S. et al., 2000. *Sexual orientation in a U.S. national sample of twin and nontwin sibling pairs*. Am J. Psychiatry 157:1843—1846.

Kennell N. M., 1995. *The Gymnasium of Virtue. Education and Culture in Ancient Sparta*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.

Kesteren P.J. van, et al., 1996. *An epidemiological and demographic study of transsexuals in the Netherlands*. Arch. Sex.Behav, 25 (6):589—600.

Keuls E. C., 1993. *The Reign of the Phallus. Sexual Politics in Ancient Athens*. NY.: Harper and Row, 2nd ed.

Kimmel M., 1996. *Manhood in America*. NY.: Free Press.

Kincaid J. R., 1992. *Child-loving. The Erotic Child and Victorian Literature*. NY.: Routledge.

Kinsey A. C., et al., 1948. *Sexual Behavior in the Human Male*. Philadelphia: Saunders.

Kinsey A. C., et al., 1953. *Sexual Behavior in the Human Female*. Philadelphia: Saunders.

Kinsey A. C. 50th anniversary symposium, 1998. *Sexualities*, 1(1):83—106.

Kippax S. and Smith G., 2001. Anal intercourse and power in sex between men. *Sexualities*, 4 (4): 413—424.

Kirkpatrick M., 1996. Lesbians as parents // *Textbook of Homosexuality and Mental Health*, ch. 21.

Klein F., 1990. The need to view sexual orientation as a multivariable dynamic process: a theoretical perspective // McWhirter D. P., Sanders S. A., Reinsch J. M., eds. *Homosexuality / Heterosexuality. Concepts of Sexual Orientation*. NY.: Oxford University Press.

Klinger R. L., 1996. Lesbian couples. *Textbook of Homosexuality and Mental Health*. Pp. 339—351.

Koch-Harnak G., 1983. *Knabenliebe und Tiergeschenke: Ihre Bedeutung im pädagogischen Erziehungssystem Athens*. Berlin.

Koel R. B., 1997. Ephoros and ritualized homosexuality in Bronze ge Crete // Duberman, ed, pp. 7—13.

Kochler J., 1992. Zarathustras Geheimnis Friedrich Nietzsche und seine verschlüsselte Botschaft. Botschaft. Nordlingen: Verlegt bei Greno.

Koch-Hillebrecht M., 1999. *Homo Hitler. Psychogramm des deutschen Diktators*. Berlin.

Kon I. S., 1995. *Sexual Revolution in Russia. From the Age of the Czars to Today*. NY.: The Free Press.

Kon I. S., 1997. Russia // R. Green and D. West, eds. *Sociolegal Control of Homosexuality: A Multi-Nation Comparison*. NY.: Plenum Press, pp. 221—242.

Kontula O. and Haavio-Mannila E., 1995. *Sexual Pleasures: Enhancement of Sex Life in Finland, 1971—1992*, Dartmouth: Aldershot.

Kramer L., 1987 (1978). *Faggots*. NY.: Plume.

Kristeva J., 1996. *Time & Sense. Proust and the Experience of Literature*. Translated by Ross Guberman. NY.: Columbia University Press.

Kurdek L. A., 1995. Lesbian and gay couples // *Lesbian, Gay and Bisexual Identities Over the Lifespan: Psychological Perspectives*. Ed. by A.R.D'Augelli and C.J.Patterson. NY.: Oxford University Press, pp. 243—261.

Kushner T., 1993. *Angels in America. A Gay Fantasia on National Themes. Part One: Millenium Approaches*. NY.: Theater Communications Group.

Lagrange H. et Lhomond B. 1997. *L'entrée dans la sexualité. Le comportement des jeunes dans le context de sida. Sous la direction de H. Lagrange et B. Lhomond*. Paris: La découverte.

Lalumière M. L., Blanchard R. and Zucker K. J., 2000. Sexual Orientation and Handedness in Men and Women: A Meta-Analysis. *Psych. Bull.*, 126 (4): 575—592.

Laumann E. O., Paik F., Rosen R. C., 1999. Sexual dysfunctions in the United States. Prevalence and predictors. *J.Am.Med.Ass.*, 281:537—544.

Laumann E. O., Gagnon J. H., Michael T. et al., 1994. *The Social Organization of Sexuality: Sexual Practices in the United States*. Chicago: University of Chicago Press.

Lautmann R. und Taeger A., Hrsg., 1992. *Männerliebe im alten Deuschland. Sozialgeschichtliche Abhandlungen*. Berlin: Verlag rosa Winkel.

Lautmann R. (Hg), 1993. *Homosexualität // Handbuch der Theorie- und Forschungsgeschichte*. Frankfurt: Campus Verlag.

Lautmann R., 2001. Sexualpolitische Manover um Adolf Hitler. *Z Sexualforschung* 14 (4):349—356.

Le Roux N., 2000. *La faveur du roi. Mignons et courtisans aux temps des derniers Valois (vers 1547 — vers 1989)*. P. : Champ Vallon.

Le Targat F., 1979. *Saint Sebastien dans l'histoire de l'art depuis le quinzisième siecle*. P.: Jacques Damase.

Leavitt D., 1995. *Introduction // The Penguin Book of International Gay Writing*. Ed. by M. Mitchell. NY.: Viking.

Leclercq J., 1979. *Monks and Love in Twelfth Century France*. Oxford, Clarendon Press.

Legg W. D., 1994. *Homophile Studies in Theory and Practice*. San Francisco: ONE Institute Press.

Lehman P., 1993. *Running Scared. Masculinity and the Representaton of the Male Body*. Philadelphia: Temple University Press.

Leupp G. P., 1995. *Male Colors. The Construction of Homosexuality in Tokugawa Japan*. Berkeley-LA.: University of California Press.

LeVay, 1996. *Queer Science. The Use and Abuse of Research into Homosexuality*. Cambridge, MA.: MIT Press.

LeVay S., 1991. A difference in hypothalamic structure between heterosexual and homosexual men. *Science*, 253:1034—1037.

Lever M., 1985. *Les buchers de Sodome. Histoire des «infames»*. P.: Fayard.

Leverich L., 1995. *Tom. The Unknown Tennessee Williams*. NY.: Crown.

Lewin B. ed., 2000. *Sex in Sweden: On the Swedish sexual life 1996*. Stockholm: National Institute of Public Health.

Li C. K., West D. J., Woodhouse T. P., 1990. *Children's sexual Encounters with Adults*. L.: Duckworth.

Lifar S., 1940. *Serge Diaguilev. His Life, His Work, His legend. An Intimate Biography*. NY.: G.P. Putnam's Sons.

Lightbown R., 1979. *Sandro Botticelli. Vol. 1. Life and Work*. Berkeley: Univ. of California Press.

Lilja S., 1983. *Homosexuality in Republican and Augustan Rome*, Helsinki: Societas Scientiarum Fennica.

Lippa R. A., 2000. Gender-related traits in gay men, lesbian women and heterosexual men and women. *J. Pers.*, 68:899—925.

Lippa R. A., & Tan, F. D., 2001. Does culture moderate the relationship between sexual orientation and gender-related personality traits? *Cross-Cultural Res.*, 35: 65—87.

Lottes I. & Kontula O., eds., 2000. *New Views on Sexual Health. The Case of Finland*.

Maasen T., 1995. *Pädagogischer Eros. Gustav Wyneken und die Freie Schulgemeinde Wickersdorf*. Berlin: Verlag rosa Winkel.

MacMullen R., 1982. Roman attitudes to Greek love. *Historia*, 31:484—502.

Machtar L., 2001. *Hitlers Geheimnis*. Berlin.

MacPirke L., 1989. *There's Something I've Been Meaning to Tell You*. Tallahassie, Fl.: The Naiad Press, Inc.

Male Intergenerational Intimacy: Historical, Socio-Psychological and Legal Perspectives. *J. Homosex.*, 1990, 20 (1—2).

Malinowski S. and Brelin C. eds., 1995. *The Gay and Lesbian Literary Companion*. Detroit: Visible.

Mann T., 1977. *Tagebücher 1933—1943*, Frankfurt am Main: Fischer.

Mann T., 1979. *Tagebücher 1918—1921*, Frankfurt am Main: Fischer.

Mann T., 1991. *Tagebücher 1949—1950*. Frankfurt am Main: Fischer.

Manniche L., 1977. *Sexual Life in Ancient Egypt*. NY.: Routledge and Kegan Paul.

Marmor J. ed., 1965. *Sexual Inversion*. NY.: Basic Books.

Marmor J. ed., 1980. *Homosexual Behavior: A Modern Reappraisal*. NY.: Basic Books.

Martin du Gard R., 1983. *Le Lieutenant-Colonel de Maumort*. Paris, Gallimard.

Martin B., 1993. Lesbian identity and autobiographical difference(s) // *Lesbian and Gay Studies Reader*, pp. 274—293.

Martin C., 1977. *La maturité d'Andre Gide de PALUDES a L'IMMORALISTE (1895—1902)*. Paris: Klincksieck.

Martin R. K., 1986. *Hero, Captain, and Stranger. Male Friendship, Social Critique, and Literary Form in the Sea Novels of Herman Melville*. University of North Carolina Press, Chapel Hill and London.

Masters W. H., & Johnson V.E., 1979. *Homosexuality in Perspective*. Boston: Little, Brown.

Maugham R., 1973. *Escape from the Shadows Autobiography*. NY.: McGraw-Hill.

Mavor E., 1971. *The Ladies of Llangollen: A Study in Romantic Friendship*. London: Michael Joseph.

McConaghy N., Buhrich N., and Silove D., 1994. Opposite sex-linked behaviors and homosexual feelings in the predominantly heterosexual male majority. *Arch. Sex. Behav.*, 23 (5):565—578.

McDermid S. A., Zucker K. J. et al., 1998. Effects of physical appearance on masculine trait ratings of boys and girls with gender identity disorder. *Arch.Sex.Behav.* 27(3):253—267.

McFadden D, Pasanen EG, 1998. Comparison of the auditory systems of heterosexuals and homosexuals: click-evoked otoacoustic emissions. *Proc Natl Acad Sci U S A* 95(5):2709—13.

McGuire B. P., 1988. *Friendship and Community. The Monastic Experience 350—1250*. Kalamazoo, Michigan: Cistercian public. inc.

McKenna K.Y. Bargh A. J. A., 1998. Coming out in the age of the Internet: Identity «demarginalization» through virticipation. *J. Pers.Soc.Psych.*, 78(3):681—694.

McKirnan D. J. et al., 1995. Bisexually active men: social characteristics and sexual behavior. *J. Sex Res.*, 32 (1):65—76.

McKnight J., 1997. *Straight Science: Homosexuality, Evolution and Adaptation*. NY.: Routledge.

McVay G., 1976. *Esenin. A Life*. NY.: Ardis.

McVay G., 1969. Nikolai Klyuev. Some biographical materials // Ключев Н. Сочинения / Под общ. ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т. 1. А. Neimanis.

McWhirter D.P., Mattison A. M., 1984. The Male Couple: How Relationships Develop. NY.: Prentice Hall

McWhirte D. P., Sanders S. A., Reinisch J. M. eds. 1990. Homosexuality/Heterosexuality. Concepts of Sexual Orientation. NY.: Oxford University Press.

Mead T., 1978. John Giorno interviews Taylor Mead // W. Leyland. Gay Sunshine Interviews, vol. 2. San Francisco: Gay Sunshine Press.

Mellen S. L., 1981. The Evolution of Love. San Francisco: Free man.

Mercier-Campiche M., 1994. Retouches au portrait d'Andre Gide jeune. P.: L'Age d'Homme.

Messner M. A. and Sabo D.F. eds., 1990. Sport, Men and Gender Order. Champaign, Ill.: Human Kinestetics Books.

Meyer-Bahlburg H.F.L., 1993. Psychoneuroendocrinology and sexual pleasure: The aspect of sexual orientation // Abramson, P. R. and Pinkerton, S. D., eds. Sexual Nature / Sexual Culture. Chicago: The University of Chicago Press, pp. 135—153.

Meyer-Bahlburg H. F. L. et al., 1995. Prenatal estrogens and the development of homosexual orientation. Dev. Psychology, 1995, vol. 31, № 1, pp. 12—21.

Meyer-Zwiffelhofer E., 1995. Im Zeichen des Phallus. Die Ordnung des Geschlechtslebens im antiken Rom. Frankfurt a. M.: Campus, 1995.

Michaels S. and Lhomond B., 2000. Homosexuality in France and the U.S.: A Comparative Analysis of Surveys of Sexual Behavior. 15th Congress of European Federation of sexology. Berlin, June 30.

Michel R., 2001. Posseder et détruire. Strategies sexuelles dans l'art d'Occident. P.: Reunion des musées nationaux.

Miller E. M., 2000. Homosexuality, birth order, and evolution: Towards an equilibrium reproductive economics of homosexuality. Arch. Sex. Behav., 29(1): 1—34.

Minturn L., Grosse M. and Harder S., 1969. Cultural patterning of sexual beliefs and behavior. Ethnology, 8:301—318.

Mishima Y., 1989. Les amours interdites. P.: Gallimard.

Mohr R. D. 1992. Gay Ideas. Outing and Other Controversies. Boston: Beacon.

- Monette P., 1992. *Becoming a Man. Half a Life Story* San Francisco: Harper.
- Money J., 1988. *Gay, Straight, and In-Between: The Sexology of Erotic Orientation*. NY.: Oxford University Press.
- Montherlant H. de., 1969. *Les Garçons*. P.: Gallimard.
- Montherlant H. de. 1883. *Correspondence*. Presentation et notes de Roger Peyrefitte et Pierre Sipriot. Paris: Laffont.
- Mordden E., 1986. *Buddies*. NY.: St. Martin's Press.
- Morgenthaler F., 1994. *Homosexualität, Heterosexualität, Perversion*. Frankfurt/M.; Paris, 1994.
- Munroe R., Whiting J. and Hally D., 1969. Institutionalised male transvestism and sex distinctions. *Am. Anthropologist*, 71: 87—91.
- Murray J., 1996. Twice marginal and twice invisible: Lesbians in the Middle Ages // *Handbook of Medieval Sexuality*, pp. 191—222.
- Murray R., 1996. *Images in the Dark. An Encyclopaedia of Gay and Lesbian Film and Video*. NY.: A Plum Book.
- Murray S. O., 1995. *Latin American Male Homosexualities*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Murray S. O. and Roscoe W., 1997. *Islamic Homosexualities. Culture, History, and Literature*. NY.: New York University Press.
- Murray S. O., 1996. *American Gay*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Mustanski B. S., Baileu J. M. & Kaspar S., 2002. Dermatoglyphics, handedness, sex, and sexual orientation. *Arch. Sex. Behav.*, 31(1): 107—116.
- Myers T. et al., 1993. *The Canadian Survey of Gay and Bisexual Men and HIV Infection: Men's Survey*. Ottawa: National AIDS Clearing House.
- Nadler R. D., 1990. Homosexual behavior in non-human primates // McWhirter, Sanders and Reinisch, eds. *Homosexuality / Heterosexuality*.
- Nanda S., 1990. *Neither Man nor Woman. The Hijas of India*. Belmont: Wadsworth.
- Nardi P. M., 1992. Sex, friendship, and gender roles among gay men // P. M. Nardi, ed. *Men's Friendships*. Newbury Park: Sage, pp. 173—185.
- Navarre Y., 1981. *Biographie. Roman*. P.: Flammarion.
- Navratilova M., 1994. //B.L. Singer, ed. *Growing Up Gay/ Growing Up Lesbian. A Literary Anthology*. NY.: New Press.

Nead L., 1992. *Female Nude. Art, Obscenity and Sexuality*. L.: Routledge.

Nestle J. ed., 1992. *The Persistent Desire. A Femme-Butch Reader*. Boston: Alison.

Ng, V. W., 1989. Homosexuality and the state in late Imperial China // *Hidden from History*, pp. 76—89.

Nichols M., 1987. *Lesbian Sexuality // Lesbian Psychologies. Explorations and Challenges*. Ed. by the Boston Lesbian Psychologies Collective. Urbana: Univ. of Illinois Press.

Nicolosi J., 1991. *Reparative Therapy of Male Homosexuality: A New Clinical Approach*. Northvale, NY.: Jason Aronson.

Nicolosi J., 1993 *Healing Homosexuality. Case Stories of Reparative Therapy*. Northvale, NY.: Jason Aronson

Nicolson N., 1973. *Portrait of a Marriage*. NY.: Atheneum.

Nieden S. zur., 1994. *Weibliche Ejakulation. Variationen zu einem uralten Streit der Geschlechter*. Stuttgart: Enke.

Nijinsky V., 1995. *Cahiers*. Arles: Actes Sud.

Norse H., 1978. *W. Leyland interviews Harold Norse // Leyland W. Gay Sunshine Interviews. Vol.1*. San Francisco: Gay Sunshine Press.

Norse H., 1989. *Memoirs of a Bastard Angel. A Fifty-Year Literary and Erotic Life*. NY.: Morrow.

Norton R., 1992. *Mother Clap's Molly House: The Gay Subculture in England, 1700—1830*. L.: GMP.

Obermayer H. P., 1998. *Martial und der Diskurs über männliche «Homosexualität» in der Literatur der Frühen Kaiserzeit*. Tübingen: Gunter Narr.

Olyan S. M., 1994. And with a male you shall not lie the lying down of a woman: On the meaning and significance of Leviticus 18:22 and 20:13. *J. Hist. Sexuality*, 5 (2):179—206.

Oosterhuis H., 1995. The 'Jews' of the antifascist: homosexuality and socialist resistance to Nazism. *J. Homosexuality*, 29 (2/3):197—258.

Oosterhuis H., 2000. *Stepchildren of Nature: Krafft-Ebing, Psychiatry and the Making of Sexual Identity*. Chicago: The University of Chicago Press.

Oresko R., 1989. Homosexuality and the court elites of early modern France: some problems, some suggestions, and an example // *The Pursuit of Sodomy*, pp.105—128.

Ortner S. B. H. Whitehead, eds., 1981. *Sexual Meanings. The Cultural Construction of Gender and Sexuality*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ostrovsky E., 1991. *A Constant Journey. The Fiction of Monique Wittig*. Carbondale: Southern Illinois University Press.

Ostwald P., 1991. Vaclav Nijinsky. *A Leap into Madness*. NY.: A Lyle Stuart Book.

Ovesey L. & Woods S.M., 1980. Pseudohomosexuality and homosexuality in men: Psychodynamics as a guide to treatment // Marmor J., ed. *Homosexual Behavior: A Modern Reappraisal*, pp. 324—341.

Pachmuss T., 1972. *Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. Из переписки З. Н. Гиппиус. München: Wilhelm Fink Verlag.

Pachmuss T., 1975. *Between Paris and St. Petersburg. Selected Diaries of Zinaida Hippus*. Translated and edited by Temira Pachmuss. Urbana: University of Illinois Press.

Paglia C., 1990. *Sexual Personae*. L.-New Haven: Yale University Press.

ПАНО/WHO, 2000. Pan American Health Organization/World Health Organization. *Promotion of sexual health: recommendations for action. Proceedings of a regional consultation convened by the PAHO/WHO in collaboration with the World Association for Sexology (WAS) in Antigua Guatemala, May 19—22.*

Parker R. G., 1991. *Bodies, Pleasures and Passions: Sexual Culture in Contemporary Brazil*. Boston: Beacon Press.

Pasteur C., 1999. *Le beau vice ou les homosexuels a la Cour de France*. P. Balland.

Patterson C. J., Chan, R.W., 1996. *Gay fathers and their children* // *Textbook of Homosexuality and Mental Health*, pp. 371—393.

Patzer H., 1982. *Die griechische Knabenliebe*. Wiesbaden.

Paul J. P., Hays R. B., and Coates T. J., 1994. The impact of the HIV epidemic on U.S. gay male communities. In: B.Greene and G.M. Herek, eds. *Lesbian and Gay Psychology: Theory, Research and Applied Applications*. Sage, pp. 346—397.

Penaloza L., 1996. We're here, we're queer, and we're going shopping! A critical perspective on the accommodation of gay and lesbians in the U.S. marketplace. *J. Homosex.*, 31(1—2):9—41.

Peplau L. A. et al., 1998. A critique of Bem's «Exotic Becomes Erotic» theory of sexual orientation. *Psychol. Rev.*, 105 (2):387—394.

Percy W. A. III, 1996. *Pederasty and Pedagogy in Archaic Greece*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press.

Perry M. E., 1989. The 'nefarious sin' in early modern Seville // *The Pursuit of Sodomy*, pp. 67—90.

Peters A. K., 1973. *Jean Cocteau and Andre Gide. An Abrasive Friendship*. Rutgers Univ. Press.

Petersen M. A. and Dickey R., 1995. Surgical sex reassignment: a comparative survey of international centers. *Arch.Sex.Behav.*, 24 (2):135—156.

Phillips G. and Over R., 1992. Adult sexual orientation in relation to memories of childhood gender conforming and gender nonconforming behaviors. *Arch.Sex.Behav.*, 21(6):543—558.

Phillips G. and Over R., 1995. Differences between heterosexual, bisexual, and lesbian women in recalled childhood experiences.- *Arch.Sex.Behav.*, 24(1):1—20.

Picano F. and Silverstein C., 1992. *New Joy of Gay Sex*.

Pillard R. C., 1990. The Kinsey scale: Is it familial? // McWhirter, Sanders, and Reinisch, eds. *Homosexuality/Heterosexuality*, pp. 88—100.

Pitts M. and Rahman Q., 2001. What behaviors constitute «having sex» among university students in UK. *Arch.Sex.Behav.*, 30(2):169—176.

Plant R., 1986. *The Pink Triangle. The Nazi War Against Homosexuals*. NY.: Henry Holt.

Ploog D. W., MacLean P. D., 1963. Display of penile erection in squirrel monkey (*Saimiri sciureus*). *Animal Behav.*, 11: 32—39.

Pollak M., 1988. *Les homosexuels et le sida. Sociologie d'une epidemie*. Paris: A. M. Metailia.

Pollard P., 1991. *Andre Gide. Homosexual Moralism*. New Haven: Yale University Press.

Popp W., 1992. *Männerliebe: Homosexualität und Literatur*. Stuttgart: Metzler.

Poznansky A., 1991. *Tchaikovsky. The Quest for the Inner Man*. NY.: Schirmer Books.

Pronger B., 1990. *The Arena of Masculinity: Sports, Homosexuality and the Meaning of Sex*. NY.: St. Martins's.

Proust M., 1991. *Écrits de jeunesse (1887—1895)*. Ed. Anne Borrel. Illiers-Combray: Institut Marcel Proust International.

Puglisi C., 1998. *Caravaggio*. London: Phaidon.

Quinn P. A., 1989. *Better than the Sons of Kings. Boys and Monks in the Early Middle Ages*. NY.: Peter Lang.

Rado S., 1969. *Adaptational Psychodynamics: Motivation and Control*. NY.: Science House.

Rahman Q; Silber K., 2000. Sexual orientation and the sleep-wake cycle: a preliminary investigation. *Arch Sex Behav.* 29 (2): 127—34.

Raitt S., 1993. *Vita and Virginia: The World and Friendship of V. Sackville-West and Virginia Woolf*. Oxford: Oxford University Press.

Raven S., 1967. *Fielding Gray*. London: Anthony Bland.

Raven S., 1986. *The Old School. A Study in the Oddities of the English Public School System*. L. Hamish Hamilton.

Rechy J., 1977. *The Sexual Outlaw. A Documentary. A Non-Fiction Account, with Commentaries, of Three Days and Nights in the Sexual Underground*. NY.: Grove Press.

Rees D., 1992. *Not for Your Hands // Autobiography*. L.: Third House.

Reiss I. L., 1986. *Journey into Sexuality. // Exploratory Voyage*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.

Reite M. et al., 1995. Cerebral laterality in homosexual males: Preliminary communication using magnetoencephalography. — *Arch.Sex.Behav.*, 24 (6):585—593.

Remafedi G. et al., 1992. Demography of sexual orientation in adolescents. *Pediatrics*, 89:714—721.

Remafedi G., 1987. Adolescent homosexuality: psychosocial and medical implications. *Pediatrics*, 79:331—337.

Remafedi G. et al., 1998. The relationship between suicide risk and sexual orientation: results of a population-based study. *Am.J. Public Health*, 88:57—60.

Rey M., 1989. *Police and Sodomy in eighteenth-century Paris: from sin to disorder // The Pursuit of Sodomy*, pp. 129—146.

Reynolds M., 1994. *Introduction // The Penguin Book of Lesbian Short Stories*. Ed. by Margaret Reynolds. NY.: Viking.

Rice G., Anderson C., Risch N. et al., 1995. Male Homosexuality: Absence of Linkage to Microsatellite Markers on the X-chromosome in a Canadian study. Paper presented at the annual meeting of the International Academy of Sex Research, Provincetown.

Rich A., 1993. *Compulsory heterosexuality and lesbian existence // Lesbian and Gay Studies Reader*, pp. 227—254.

Richards J., 1988. *Happiest Days. The Public Schools in English Fiction*. Manchester Univ. Press.

Richlin A. ed., 1992a. *Pornography and Representation in Greece and Rome*. NY.: Oxford University Press.

Richlin A., 1992b. *The Garden of Priapus. Sexuality and Aggression in Roman Humor*. Revised Edition. NY.: Oxford Univ. Press.

Richlin A., 1993. Not before homosexuality: the materiality of the Cinaedus and the Roman law against love between men. *J. Hist. Sexuality*, 3 (4): 523—573.

Rind B., 2001. Gay and bisexual adolescent boys' sexual experiences with men: an empirical examination of psychological correlates in a non-clinical sample. *Arch. Sex. Behav.*, 30(4): 345—368.

Rind B. and Tromovitch P., 1997. A meta-analytic review of findings from national samples on psychological correlates of child sexual abuse. *J. Sex Res.*, 34(3):237—255.

Rind B. et al., 1998. A meta-analytic of assumed properties of child sexual abuse among college samples. *Psychol. Bull.*, 124:22—53

Rivers J. E., 1980. *Proust and the Art of Love: the Aesthetics of Sexuality in the Life, Times and Art of Marcel Proust*. Columbia Univ. Press.

Rocke M. J., 1996. *Forbidden Friendships. Homosexuality and Male Culture in Renaissance Florence*. Oxford: Oxford University Press.

Rorem N., 1982. Winston Leyland interviews Ned Rorem // W. Leyland, ed. *Gay Sunshine Interviews*, vol.2. San Francisco: Gay Sunshine Press.

Rorem N., 1994. *Knowing to Stop. A Memoir*. NY.: Simon and Schuster.

Rosario M., Meyer-Bahlburg, H.F.L., et al. 1996. The psychosexual development of urban lesbian, gay, and bisexual youths. *J. Sex Res.*, 33 (2):113—126

Roscoe W., 1991. *The Zuni Man-Woman*. Albuquerque: University of New Mexico Press.

Rosenbaum S. P. ed., 1975. *The Bloomsbury Group: A Collection of Memoirs, Commentary and Criticism*. Toronto: University of Toronto Press.

Rosin H., 2000. Backstory. *Washington Post Magazine*, Sunday, December 10, 2000; P. W04.

Ross M. W., 1983. *The Married Homosexual Man: A Psychological Study*. L.: Routledge, 1983.

Rossmann P., 1976. *Sexual Experience between Men and Boys*. Hounslow, Middlesex: M.T. Smith.

- Roth N., 1982. «Deal gently with the young man — love of boys in medieval Hebrew poetry of Spain». *Speculum*, 57:20—51.
- Roth N., 1996. A research note on sexuality and Muslim civilization // *Handbook of Medieval Sexuality*, pp. 319—327.
- Rotundo E. A., 1993. *American Manhood. Transformations in Masculinity from the Revolution to the Modern Era*. NY.: Basic Books.
- Rousseau G. S., 1990. *Perilous Enlightenment: Pre- and Post-modern Discourses: Sexual, Historical*. Manchester: Manchester University Press.
- Rowse A. L., 1977. *Homosexuals in History*. L.: Macmillan.
- Rudd N. A., 1996. Appearance and self-presentation research in gay consumer cultures: issues and impact. *J. Homosex.*, 31 (1—2): 109—134.
- Ruggiero G., 1985. *The Boundaries of Eros: Sex Crime and Sexuality in Renaissance Venice*. Oxford: Oxford University Press.
- Rule J., 1982. *Lesbian images*. NY.: Crossing Press.
- RuPaul, 1992. *Letting It All Hang Out. Autobiography*. NY.: Hyperion.
- Russell S. T., Joyner K., 2001. Adolescent sexual orientation and suicide risk: evidence from a national study. *Am. J. Public Health*, 91(8): 1276—1281.
- Russo V., 1987. *The Celluloid Closet. Homosexuality in the Movies*. Rev. ed. NY.: Harper.
- Rust P. C., 1995. *Bisexuality and the Challenge to Lesbian Politics. Sex, Loyalty, and Revolution*. NY.: New York University Press.
- Saghir M. T. and Robins E., 1973. *Male and Female Homosexuality: A Comprehensive Investigation*. Baltimore: Williams and Wilkins.
- Saikaku Ihara, 1990. *The Great Mirror of Male Love*. Translated by Paul Gordon Schalow. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Sallares R. J., 1991. *The Ecology of the Ancient Greek World*. Ithaca; NY.: Cornell University Press.
- Sandfort T., 1987. *Boys on Their Contacts with Men. A Study of Sexually Expressed Friendships*. Elmhurst; NY.: Global Academic Publishers.
- Sandfort T., 1998. Homosexual and bisexual behaviour in European countries // M. Hubert et al., (eds). *Sexual Behaviour and HIV/AIDS in Europe: Comparisons of National Surveys*. London: UCL Press.

Sandfort T.G.M. et al., 2001. Same-sex sexual behavior and psychiatric disorders. *Arch. Gen. Psychiatry*, 58:85—91.

Sandnabba N. K. et al., 1999. Sexual behavior and social adaptation among sadomasochistically oriented males. *J. Sex Res.*, 36(3):273—282.

Saslow J. M., 1987. *Ganimede in the Renaissance: Homosexuality in Art and Society*. New Haven: Yale University Press.

Savin-Williams R. C. and Cohen K. M., eds., 1995. *The Lives of Lesbians, Gays, and Bisexuals. Children to Adults*. NY.: Harcourt Brace.

Savin-Williams R. C., 1995. An exploratory study of pubertal maturation timing and self-esteem among gay and bisexual male youths. *Dev. Psychology*, 31 (1): 56—64.

Savin-Williams R. C., 1994. *Invisible and Forgotten: A Study of Gay and Lesbian Youths*. NY.: Hemisphere.

Savin-Williams R. C., 2001. Suicide attempts among sexual-minority youths: population and measurement issues. *J. Consult. Clinic. Psychology*, 69(6):983-991.

Savin-Williams R. C. and Diamond L. M., 2000. Sexual identity trajectories among sexual-minority youths: gender comparisons. *Arch. Sex. Behav.* 29 (6):607—627.

Schechter M., 1992. *Two Halves of New Haven*. NY.: Crown.

Schehr L. R., 1995a. *The Shock of Men. Homosexual Hermeneutics in French Writing*. Stanford University Press.

Schehr L. R., 1995b. *Alcibiades at the Door. Gay Discourses in French Literature*. Stanford University Press.

Schmidt G. (Hg.), 2000. *Kinder der sexuellen Revolution. Kontinuität und Wandel studentischer Sexualität 1966—1996. Eine empirische Untersuchung*. Giessen, Psycho-sozial-Verlag.

Schmitt A. & Sofer J. eds., 1992. *Sexuality and Eroticism Among Males in Moslem Societies*. NY.: Harrington Park Press.

Schofield M., 1965. *The Sexual Behavior of Young People*. Boston: Little, Brown.

Schoppmann C., 1991. *Nationalsozialistische Sexualpolitik und weibliche Homosexualität*. Pfaffenweiler: Centaurus-Verlagsgesellschaft.

Schreurs K.M.G., 1993. Sexuality in lesbian couples: the importance of gender. *Ann. Rev. Sex Res.*, 4:49—66.

Sedgwick E. K., 1985. *Between Men. English Literature and Male Homosexual Desire*. NY.: Columbia University Press.

- Sedgwick E. K., 1990. *Epistemology of the Closet*. Berkeley, University of California Press.
- Sell R. L., Wells J. A., Wypij D., 1995. The prevalence of homosexual behavior and attraction in the United States, the United Kingdom and France: Results of national population-based samples. *Arch. Sex. Behav.*, 24 (3):235—248.
- Sergent B., 1988. *L'Homosexualité initiatique dans l'Europe ancienne*. Paris: Payot.
- Servadio G., 1983. Luchino Visconti. *A Biography*. NY.: Franklin Watts.
- Sexual Behaviour and HIV/AIDS Risk in Europe. 1996. A European Bank of Indicators (EBI-AIDS) for Making Comparative Analyses. London: Francis and Taylor.
- Sexualité et sciences sociales, 1993. Coordonné par M. Bozon et H. Leridon // *Population*, 48 année, № 3. Paris: INED — PUF.
- Sexualité et Sida., 1995. *Recherches en sciences sociales*. Paris: ANRS.
- Shapiro H. A., 1992. Eros in love: pederasty and pornography in Greece // Richlin, 1992a, pp. 53—72.
- Shively Ch. ed., 1987. *Calamus Lovers: Walt Whitman's Working Class Camerados*. San Francisco: Gay Sunshine Press.
- Shively Ch. ed., 1989. *Drum Beats: Walt Whitman's Civil War Boy Lovers*. San Francisco: Gay Sunshine Press.
- Siciliano E., 1982. *Pasolini. A Biography*. NY.: Random House.
- Siegelman M., 1978. Psychological adjustment of homosexual and heterosexual men: a cross-national replication. *Arch. Sex. Behav.*, 7 (1):1—12.
- Siever M. D., 1994. Sexual orientation and gender as factors in socioculturally acquired vulnerability to body dissatisfaction and eating disorders. *J. Consult. Clin. Psychology*, 62:252—269.
- Silverstein C. & White E., 1977. *The Joy of Gay Sex*. NY.: Beazeley.
- Simpson M., 1994. *Male Impersonators. Men Performing Masculinity*. NY.: Routledge.
- Sipriot P., 1982. *Montherlant sans masque*. T.1. *L'enfant prodigue, 1895—1932*. P.: Laffon.
- Smith B. R., 1991. *Homosexual Desire in Shakespeare's England: A Cultural Poetics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Smith T. W., 1990. The Sexual Revolution (The Polls — A Report). *Public Opinion Quart.*, 54 (3):415—421.

Smith-Rosenberg C., 1989. Discourses of sexuality and subjectivity: the new woman, 1870—1936 // *Hidden from History*, pp. 264—280.

Socarides C. W., 1978. *Homosexuality*. NY.: Jason Aronson.

Socarides C. W., 1996. *Homosexuality: A Freedom Too Far. A Psychoanalyst Answers 1000 Questions About Causes and Cure and the Impact of the Gay Rights Movement on American Society*. Phoenix: Adam Margrave Books.

Solnon J. F., 2001. *Henri 111, une desir de Majesté*. Paris: Perrin.

Solomon A., 1993. Young Russia's Defiant Decadence. *New York Times Magazine*, July 18, 1993.

Sorensen R., 1973. *Adolescent Sexuality in Contemporary America*. NY.: World Publishing.

Spira A., Bajos N., Bejin A. et al., 1993. *Les Comportements sexuels en France*. Paris: La documentation Francaise.

Stacey J. and Biblarz T., 2001. How Does the Sexual Orientation of Parents Matter? *Am.Soc.Rev.*, 66:159—183.

Stambolian G. and Marks E. eds., 1978. *Homosexualities and French Literature*. Ithaca: Cornell University Press.

Starke K., 1994. *Schwuler Osten. Homosexuelle Männer in der DDR*. Berlin: Ch. Links, 1994.

Steakley J. D., 1989 *Sodomy in Enlightenment Prussia: from execution to suicide* // *The Pursuit of Sodomy*, pp.163—176.

Steakley J. W., 1989. Iconography of a scandal; political cartoons and the Eulenburg affair in Wilhelmin Germany // *Hidden from History*, pp. 233—263.

Stehlikova L., Prochazka I., Hromada J., 1996. *Homosexuality, Society and AIDS in the Czech Republic*. Praha: Orbis.

Stein A. ed., 1993. *Sisters, Experts, Queers. Beyond the Lesbian Nation*. NY.: Penguin books.

Stein E., 1992. Conclusion: the essentials of constructionism and the construction of essentialism // Stein E., ed. *Forms of Desire: Sexual Orientation and the Social Constructionist Controversy*. NY.: Routledge.

Stein E., 1994. The relevance of scientific research about sexual orientation to lesbian and gay rights. *J.Homosex.*, 27 (3/4):269—308.

Steinweiler A., 1989. Die Lust der Götter. Homosexualität in der italienischen Kunst. Von Donatello zu Caravaggio. Berlin: Rosa Winkel.

Steward S., 1982. Winston Leyland interviews Samuel Steward // Leyland W., ed. Gay Sunshine Interviews. Vol. 2. San Francisco: Gay Sunshine Press.

Stewart A., 1997. Art, Desire, and the Body in Ancient Greece. Cambridge University Press.

Stokes J. P. W., Damon D. J., McKirnan., 1997. Predictors of movement toward homosexuality: a longitudinal study of bisexual men. J.Sex Res., 34 (3): 304—312.

Stoller R. J., 1991. Pain and Passion: A Psychoanalyst Explores the World of S&M. NY.: Plenum Press.

Storms M. D., 1980. Theories of sexual orientation. J. Pers. Social Psych., 38: 783—792.

Storms M. D., 1981. A theory of erotic orientation development. Psych. Rev., 88: 340—353.

Sullivan H. S., 1953. The Interpersonal Theory of Psychiatry. NY.: Norton, 1953.

Sullivan J. P., 1978. Martial: The Unexpected Classic. A Literary and Historical Study. Cambridge Univ. Press.

Sulloway F. J., 1996. Born to Rebel: Birth Order, Family Dynamics, and Creative Lives. NY.: Pantheon Books.

Summers C. J., 1990. Gay Fictions. Wilde to Stonewall. Studies in a Male Homosexual Literary Tradition. NY.: Continuum.

Summers C. J. ed., 1992. Homosexuality in Renaissance and Enlightenment England: Literary Representations in Historical Context. NY.: Haworth Press.

Summers C. J. ed., 1995. The Gay and Lesbian Literary Heritage. NY.: A Henry Holt Reference Book.

Sutton R. F. Jr., 1992. Pornography and persuasion on Attic pottery // Richlin, ed. 1992a, pp. 3—35.

Swaab D. F., Gooren, L. J. G. and Hofman M. A., 1995. Brain research, gender, and sexual orientation. J. Homosex. 28 (3/4):283—301.

Symonds A., 1984. The Memoirs of John Addington Symonds. The Secret Homosexual Life of a Leading Nineteenth-Century Man of Letters. Edited and Introduced by Phyllis Grosskurth. NY.: Random House.

Tadié J.-Y., 1996. Marcel Proust. Biographie. P.: Gallimard.

Tasker F. L. and Golombok S., 1997. Growing Up in a Lesbian Family. NY.: Guilford.

Taylor R., 1997. Two pathic subcultures in Ancient Rome. *J. Hist. Sexuality*, 7 (3):319–371.

Telljohann S. K. & Price J. H. 1993. A qualitative examination of adolescent homosexuals' life experiences. *J. Homosex.*, 26 (1): 41–56.

Textbook of Homosexuality and Mental Health., 1996. Ed. by R. P. Cabaj and T. S. Stein. Washington, DC.: American Psychiatric Press.

Thompson B., 1994. Sadomasochism. Painful Perversion or Pleasurable Play? London: Cassell.

Thompson M. ed., 1991. Leatherfolk. Radical Sex, People, Politics, and Practice. Boston: Alyson Publications.

Thompson M. ed., 1994. Gay Soul: Finding the Heart of Gay Spirit and Nature with Sixteen Healers, Teachers, and Visionaries. San Francisco: Harper.

Tollison C. D., Adams H. E., & Tollison J. W., 1979. Cognitive and physiological indices of sexual arousal in homosexual, bisexual, and heterosexual males. *J. Behav. Assess.* 1:305–314.

Tomeo M. E. et al., 2001. Comparative data of childhood and adolescence molestation in heterosexual and homosexual persons. *Arch. Sex. Behav.*, 30(5):535–541.

Tournier M., 1975. Les meteoros. P.: Gallimard.

Tripp C. A., 1987. The Homosexual Matrix. 2-nd ed. NY.: New American Library.

Troiden R. R., 1989. The formation of homosexual identities. *J. Homosex.*, 17 (1/2–3/4):43–74.

Trumbach R., 1977. London's sodomites: homosexual behavior and Western culture in the 18-th century. *J. Social History*, 11:1–33.

Trumbach R., 1989. The birth of the queen: sodomy and the emergence of gender equality in modern culture, 1660–1750 // *Hidden from History*, pp. 129–140.

Tsang ed., 1981. The Age Taboo: Gay Male Sexuality, Power and Consent. Boston: Alyson.

Vaid U., 1995. Virtual Equality. The Mainstreaming of Gay and Lesbian Liberation. NY.: Doubleday.

Van de Ven P. et al., 1997. A comparative demographic and sexual profile of older homosexually active men. *J. Sex Res.* 34 (4):349–360.

Van den Akker P. et al., 1994. Primary relations in Western Societies // Ester P., Halman L. and de Moor R.

(Eds.), *The Individualizing Society. Value Change in Europe and North America*, pp. 97—127. Tilburg: Tilburg University Press.

Van Der Meer T., 1997. Gay bashing: a rite of passage perpetrators of anti-gay violence in Holland // *Beyond Boundaries. Sexuality across culture*. First International Conference. 29,30,31, July and 1 August 1997, Amsterdam. Book of Abstracts, pp. 114—115.

Vanggaard T., 1972. *Phallos. A Symbol and its History in the Male World*. NY.: International Universities Press.

Vasey P. L., 1995. Homosexual behavior in primates; a review of evidence and theory. *Intern. J. Primatology*, 16(2): 173—204.

Veispak T. and Parikes U. eds., 1991. *Sexual Minorities and Society: The Changing Attitudes Toward Homosexuality in 20th Century Europe*. Papers presented at the International Conference in Tallinn, May 28—30, 1990. Tallinn: Institute of History.

Verstraete B., 2000. Recent scholarship on homosexuality in the Greco-Roman world. *J. Homosexuality*, 40 (1): 145—162.

Veyne P., 1982. L'homosexualité a Rome // *Sexualités occidentales (Communications, 35)*. Paris: Seuil, pp. 40—51.

Vicinus M., 1989. Distance and desire: English boarding school friendships, 1870—1920 // *Hidden from History*, pp. 212—229.

Voelger G. und Welck K.V. Hg., 1990. *Männerbände — Männerbünde. Zur Rolle des Mannes im Kulturvergleich*. 2 B-de. Köln: Rautenstrauch — Jöst — Museum.

Walduk K. and Clapham A., eds., 1997. *Homosexuality: A European Community Issue. Essays of Lesbian and Gay Rights in European Law and Policy*. Dordrecht: Martinus Nijhoff.

Walters M., 1978. *The Nude Male. A New Perspective*. NY.: Paddington Press.

Washington ProFile, 2002 №5 (138) — <http://www.washprofile.org>.

Washington PraFile, 2002, Februar 14. №11 (146).

Watanabe T. and Iwata J., 1989. *The Love of the Samurai: A Thousand Years of Japanese Homosexuality*. London: Gay Men Press.

Waters S., 1995. «The most famous fairy in history»: Antinous and homosexual fantasy. *J. Hist. Sexuality*, 6 (2): 194—230.

Waugh A., 1962. *The Early Years of Alec Waugh*. London: Cassel.

Waugh T., 1996. *Hard to Imagine. Gay Male Eroticism in Photography and Film from Their Beginnings to Stonewall*. NY.: Columbia University Press.

Weeks J., 1981. *Sex, Politics and Society. The Regulation of Sexuality since 1800*. London: Longman.

Weeks J., 1995. *Invented Moralities. Sexual Values in an Age of Uncertainty*. NY.: Columbia University Press.

Weiermair P., 1987. *Das verborgene Bild. Geschichte des männlichen Akts in der Fotografie des 19. und 20. Jahrhunderts*. Wien: Ariadne.

Weinberg M. S., Williams C. J., Prior D. W., 1994. *Dual Attraction: Understanding Bisexuality*. NY.: Oxford University Press.

Weinrich J. D., Atkinson J. H. et al., 1995. Is gender dysphoria dysphoric? Elevated depression and anxiety in gender dysphoric and nondysphoric homosexual and bisexual men in an HIV sample. *Arch. Sex. Behav.*, 24 (1):55—72.

Wellings K., Field J., Johnson A. et al., 1994. *Sexual Behaviour in Britain: The National Survey of Sexual Attitudes and Lifestyles*. London: Penguin.

Wells L. W., 1990. The sexual vocabularies of heterosexual and homosexual males and females for communicating with a sexual partner. *Arch. Sex. Behav.*, 19 (2):139—148.

Whitam F. L., 1977. Childhood indicators of male homosexuality. *Arch. Sex. Behav.*, 6: 89—96.

Whitam F. L. and Mathy R. M., 1986. *Male Homosexuality in Four Societies: Brazil, Guatemala, the Philippines, and the United States*. NY.: Praeger.

Whitam F. L. and Mathy R. M., 1991. Childhood cross-gender behavior of homosexual females in Brazil, Peru, Philippines and the United States. *Arch. Sex. Behav.*, 20:151—170.

White E., 1993. *Genet. A Biography*. NY.: Knopf.

White E., 1994. *The Burning Library. Essays*. Edited by David Bergman. NY.: Knopf.

Whitehead H., 1981. The bow and the burden strap: a new look at homosexuality in native North America // S. Ortner & H. Whitehead eds. *Sexual Meanings. The Cultural Construction of Gender and Sexuality*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 80—115.

Whitney R. P. and Whitney M., 1973. *Danseur: The Male in Ballet*. McGraw Hill.

WHO, 1975. World Health Organization. Technical report series Nr 572. Education and treatment of human sexuality.

Wickler W., 1966. Ursprung und biologische Deutung des Genitalpräsentierens männlichen Primaten. *Z. Tierpsychologie*, 23: 422—437.

Williams C. A., 1999. Roman homosexuality: Ideologies of masculinity in classical antiquity. NY.-L.: Oxford University Press.

Williams T., 1975. *Memoirs*. NY.: Doubleday.

Williams W. L., 1992. *The Spirit and the Flesh. Sexual Diversity in American Indian Culture*. 2nd ed. Boston: Beacon Press.

Williams W. L., 1991. *Javanese lives: Women and Men in Modern Indonesian Society*. New Brunswick, NY.: Rutgers University Press.

Wilson E. O., 1975. *Sociobiology. The New Synthesis*. Cambridge, MA.: Harvard University Press.

Winkler J., 1990. *The Constraints of Desire: The Anthropology of Sex and Gender in Ancient Greece*. NY.: Routledge.

Wittig M., 1992. *The Straight Mind and Other Essays*. Boston: Beacon Press.

Wood J. T., 1994. Gender and relationship crises: contrasting reasons, responses, and relational orientations // Ringer, R. Jeffrey, ed. *Queer Words, Queer Images. Communication and the Construction of Homosexuality*. NY.: New York Univ. Press.

Yankelovich, 1994. *Yankelovich MONITOR Perspective on Gays/Lesbians*. Norwalk, CT.: Yankelovich Partners.

Zlobin V., 1980. *A Difficult Soul: Zinaida Gippius*. Edited, Annotated and with an Introductory Essay by Simon Karlinsky. Berkeley: Univ of California Press.

Zucker K. J. and Bradley S. J., 1995. *Gender Identity Disorder and Psychosexual Problems in Children and Adolescents*. NY.: Guildford Publ.

Zucker K.J., Green R. et al., 1997 Sibling sex ratio of boys with gender identity disorder. *J.Child Psych. and Psychiat-*ry, 38 (5): 543—551.

Zucker K. J., 1999. Gender Identity Disorder in the DSM-IV. *J. Sex and Marital Therapy*, 5: 5—9.

Именной указатель

- Абеляр Лия 49
Абеляр П. 179
Абу Новас 129
Абу-Бакр М. 129
Аввакум 322
Августин Блаженный 172, 173, 481
Агатон 151
Агостинелли А. 231
Адити 123
Адлер А. 30
Адорно Т. 170, 255
Адриан 169
Адриан VI 180
Аид (Гадес) 140
Айди 132
Айси Р. 440
Аккерли Д. 216, 243
Александр I 323
Александр III 331
Алкей 152
Алкивиад 159
Алкуин 178
Аллегре М. 238
Аллен В. 49
Аллен Л. 60
Аль Амин 129
Аль Газали 130
Аль Джахиз 129
Аль Захири 129
Аль Мутаваккид 129
Альфонс X 181
Аминий 142
Анакреонт 152
Анна, королева Англии 189, 265
Ансельм Кентерберийский 178
Антиной 169
Антоний Марк 165
Аполлон 140, 144, 166
Апулей 167
Апухтин А. Н. 332, 333
Арес 140
Ариосто Л. 259
Аристогитон 148
Аристотель 143, 144, 151, 155, 160
Аристофан 159
Арним Л. фон 207
Артемидор 160
Архилох 152
Ауслендер С. 102, 336
Афродита 12, 162
Ахилл 141, 167
Аэльред 178, 179
Аяз 130
Байрон Д. Г. 204, 205
Бакст Л. 336
Бакунина Е. 326, 490

- Баллог В. 96
Бальбоа Ф. 117
Бальзак О. 227, 260
Банг Г. 288
Банделло М. 185
Барнз Д. 279
Барни Н. 268, 278, 279, 350
Барнфилд Р. 195
Барро Ж. В. де 190
Барт Р. 416, 435
Басманов Ф. 322
Батикл 145
Батлер Д. 101, 103, 485
Батлер Э. 265
Бебель А. 244, 254
Бейнс Т. 186
Беккариа Ч. 202
Бекфорд У. 204
Белый А. 339
Бем Д. 384, 421
Бенивьени Д. 186
Бентам И. 202
Бенуа А. 334
Берглер Э. 33, 38
Берджесс Г. 217
Бернстайн Л. 417
Берроуз У. 297, 300, 364, 416
Бертоллучи Б. 255
Бехтерев В. 22, 351
Бибер И. 31, 32, 38
Бион 159
Блок А. 339
Блох И. 20
Блюер Г. 107, 108, 245, 246
Богард Д. 289, 290
Бодлер Ш. 227, 234, 260
Бойд М. 318, 319, 491
Боккачо Д. 184
Болдуин Д. 297, 364, 416, 457
Болдуин Т. 310, 365, 459
Боттичелли С. 187, 449
Бранд А. 107, 244
Бранд П. (Ганс Лихт) 96
Брантом П. де 259
Браун Р. 435, 484
Брентано К. 207
Бриль 116
Бриттен Б. 278, 416
Брэдфорд Э. Э. 218, 219
Бутенвиль 94
Будда 132, 133
Бургин Д. 97
Бурнашев В. 326
Бурхард Вормский 173
Бушуев Д. 364, 442
Бычков Ф. 332
Бьери де Роман 179
Бьюси Д. С. 268
Бэйджмил Б. 52, 55
Бэкон Ф. 193
Бэттен М. В. 271

Вайнрик Д. 383
Вайсайнус М. 267
Валентино Р. 289
Василий Св. 177
Василий III 322
Васильченко Г. С. 89, 360, 361
Введенский Г. Е. 89
Вергилий 166
Верлен П. 21, 227
Версаче Д. 417
Вестермайер Ф. 250
Вестермарк Э. 94
Вестфаль К. Ф. О. 15
Вигель Ф. 324
Видал Г. 49, 296, 416
Виктюк Р. 364
Вильгельм II Рыжий 180, 225
Вильгельм III Оранский 197
Вильмот М. 346
Винкельман И. И. 208
Винслоу К. 288
Висконти Л. 199, 255, 289, 364, 416
Витгенштейн Л. 9, 416

- Виттиг М. 484, 485
 Вишну 123
 Во И. 416
 Волфенден Д. 77
 Волчек Д. 364
 Вольтер Ф. М. 192, 201
 Вудс М. 266
 Вулф В. 225, 258, 268, 275—278
 Вьо Т. де 190
 Вэнс К. 95
- Ганимед 10, 140, 166, 185
 Гарбо Г. 289
 Гармодий 148, 149
 Гарсия Лорка 416, 502
 Гафиз 334, 337
 Геб 121
 Гелиогабал 169
 Генрих III 180, 189
 Геодакян В. А. 73
 Георге С. 244, 245
 Геракл (Геркулес) 141
 Герберштейн С. 321
 Гермес 156, 157
 Гессе Г. 245
 Гессен М. 369
 Гете И. В. фон 3, 50, 224
 Гиацинт (Гиакинф) 140, 166
 Гибер Э. 305, 416
 Гилас 141
 Гильгамеш 121
 Гилярий (Хилари) Англичанин 179
 Гиммлер Г. 257
 Гинзберг А. 300, 416
 Гинзбург Л. 437
 Гиппарх 148
 Гиппий 148, 149
 Гиппиус З. 339, 344
 Гиппонакт 149
 Гитлер А. 245, 256, 257, 279
- Глайм И. 243
 Гледен В. фон 451
 Гляйхен-Руссвурм А. фон 244
 Гоголь Н. 326, 327, 328
 Гойтисоло Х. 416
 Голанд Я. Г. 89
 Голицын А. 323
 Гор 121
 Гораций 166
 Гордон К. 266
 Горовиц В. 177, 417
 Городецкий С. 336
 Горски Р. 60
 Готье Т. 260, 330
 Гофман Э. 98
 Гракх Гай 165
 Гран Д. 483
 Грант К. 289
 Грегор Т. 108
 Греллерт Х. Ф. 243
 Григорий III 173
 Грин Ж. 217, 416
 Грин Р. 377
 Гросс Э. 101
 Грэй Томас 198
 Гудмен П. 416
 Гурен Л. 74
 Гэньон Д. 97
- Давид 127, 200, 450
 Давыдов В. (Боб) 333
 Далессандро Д. 288
 Даль В. 321
 Даниил 322
 Даннекер М. 34, 44
 Дафнис 179
 Дашкова Е. Р. 345
 Дебрянская Е. 367, 500
 Делон А. 290
 Денисов И. 92
 Дёрнер Г. 60

- Деспенсер Хью 181
Дессуар М. 18
Джармен Д. 180, 289, 292,
303, 305, 364, 416
Джеггер М. 301
Джеймс Г. 220, 270
Джонсон В. 75, 439
Джослин П. 205
Дидро Д. 202, 260
Дикинсон Г. 225
Дин Д. 49, 289
Диоген Лаэртский 160
Диокл 146, 151
Дитрих М. 289
Добролюбов Н. 328
Довер К. 96, 144
Доде А. 261
Долин А. 342
Донат из Безансона 178
Донателло С. 186, 187
Дондуков-Корсаков М. 323
Дорф Д. 368
Достоевский Ф. 326
Дрюон М. 180
Дуглас А. 222, 223, 236
Дунь Сянь 132
Дурова Н. А. 262
Дэй Ф. Х. 452
Дюринг С. 495
Дягилев С. 241, 334, 341—
344, 447
- Евгеньев К. 367
Евреинова А. 346
Еврипид 151, 152
Есенин С. 341
- Ёсимитцу С. 137
- Жене Ж. 286—287, 291, 364,
416, 441, 455, 456
Жид А. 227, 231, 233, 235—
241, 255, 278, 285, 436
- Жириновский В. 370
Жуандо М. 232, 416
Жук О. 368
- Захия П. 14
Зевс 10, 140, 145
Зефир 140
Зиновьева-Аннибал Л. 336,
339, 346
Золя Э. 261
Зубов А. 367
- Иван Грозный 321
Иванов А. А. 328
Иванов Вяч. 336
Ивик 152
Игнатов А. 360
Изабелла Кастильская 181, 182
Иисус Христос 170, 180,
185, 195
Иоанн Богослов 178
Иоанн Златоуст 175
Иоанн II 180
Иокаста 142
Иолай 142
Ионафан 127, 200
Исида 122
Искандер 130
Искандер Ф. 365
Ишервуд К. 243, 364, 416
- Кавальери Т. де 188
Кавафис К. 364, 416
Калинин Р. 369
Калмэн Ч. 431
Камилл М. 451
Камю Р. 469
Каннингэм М. 305
Капоте Т. 278, 297, 364, 416
Капур Р. 124
Караваджо М. М. да 188,
446, 449
Карденас А. 473

- Карлини Б. 180
Карлинский С. 96, 320
Каро И. 127
Карпенгер Э. 93, 221
Карш-Хаак Ф. 94
Каспер И. Л. 15
Касуга Генсукэ 136
Катулл 166
Кауэлл Г. 416
Кейнз Д. М. 225
Келюс де 190
Кендлер К. С. 62
Кертбени К. М. (доктор Бен-керт) 16
Керуак Д. 300
Кинзи А. 36—40, 47, 77, 97, 106, 297, 387, 388, 390, 420, 431, 440, 452, 454, 463, 478
Кипарис 140
Киплинг Р. 217
Клайн Ф. 5, 6, 47
Клейн Л. 3, 358
Клеомен III 147
Клинтон Б. 39
Клифт М. 289
Клюев Н. 341
Козловский В. 320
Кокто Ж. 227, 238, 240—242, 286, 364, 429, 436
Колб Д. 310
Колетт 268
Колумб Х. 93
Кондорсе М. Ж. де 201
Константин V 174
Конрадин Сицилийский 180
Констант 174
Констанций 174
Копей Д. 458
Коплэнд А. 416
Корогодский З. 358
Крамер Л. 301, 302, 306
Краусс Ф. С. 94
Крафт-Эбинг Р. фон 17, 104, 231, 263
Крашенинников С. 93, 116
Крижанич Ю. 322
Кримон 145
Кристева Ю. 120
Кришна 123
Кропоткин П. А. 325
Кроули М. 289
Крыленко Н. 354
Ксенофонт 146, 149, 153, 154, 159
Кузмин М. А. 334—340, 364, 440, 504
Кузьмин Д. 364, 372
Кукаи 135
Куприн А. И. 325
Курион-старший 165
Кухарский А. 368
Кушнер Т. 316
Кэмени Ф. 297
Кэтер В. 277
Лайон Ф. 296
Лакло Шодерло де 259
Ламздорф В. 332
Латуш А. 260
Лауганис Г. 458
Лауретис Т. де 101
Лафтон Ч. 289
Лев IX 178
Лев III 174
Левина Е. 96, 320, 322
Левински М. 39
Левченко М. 366
Левэ С. 60
Лем С. 93
Леонардо да Винчи 187
Леонтьев К. 331
Лермонтов М. 324
Лесин Е. 366
Ли Юй 133
Ливитт Д. 416, 417
Ликург 143
Лифарь С. 342
Лойола И. 192

- Ломброзо Ч. 21, 72
Лорд О. 484
Лот 125, 126
Лоуренс Аравийский 131
Лоуренс Д. Г. 216
Лукиан 161
Лурия С. 127
Лычев Д. 368, 456
Людвиг II Баварский 199, 290
Людовик IX 181
Людовик XIII 180, 189
Людовик XIV 190
- Маймулахин А. 369
Майоль А. 447
Мак-Каллерс К. 277, 278
Маккей Д. Г. 247
Маклиш А. 9
Малиновский Б. 94—95
Манасеина Н. 346
Мани Д. 47, 68
Манн Г. 244, 248
Манн К. 255, 257, 416
Манн Т. 242, 244, 247—253, 290, 440
Маньян В. 20
Марбод 179
Маркевич И. 342, 343
Маркузе Г. 255
Марло К. 180, 185, 195
Мартин Д. 296
Марциал 167, 358
Марч К. 66
Марэ Ж. 429
Мастерс У. 75, 439, 477
Махмуд Газневид 130
Мелвилл Г. 219
Мельци Ф. 187
Мережковский Д. 344
Меркьюри Ф. 303, 418
Мещерский В. 331
Мид М. 94, 95, 105
Микеланджело Буонарроти 21, 188, 200, 448, 450
- Миллер Э. 57
Мисима Ю. 137, 138, 364, 389, 426, 441, 449, 450, 478
Мишель Р. 448
Мишин Эд. 370
Могутин Я. 364, 442, 456
Моес В. 248
Моисеев Б. 364
Молль А. 18
Мольтке К. фон 225
Монетт П. 305, 406, 442
Монтень М. де 184, 186, 264
Монтерлан А. де 227, 285, 416
Монтескье Ш. Л. де 201
Мопассан Г. де 261
Моравиа А. 255
Моргенталер Ф. 33, 471
Морисси П. 288
Моэм С. 416
Музиль Р. 246
Мухаммед 237
Мэпллторп Р. 451
Мясин Л. 342, 343
- Набоков В. 330
Наварр И. 416
Наварро Р. 289
Навратилова М. 386
Намбулью 114
Наполеон III 452
Нарцисс (Наркисс) 142, 166, 473
Нестле Д. 487
Нижинский В. 342, 343, 447, 448
Николай II 331
Николоси Д. 81, 83
Николс М. 487
Нифонт 321
Ницше Ф. 101, 242, 243
Норс Х. 390, 420
Нувель В. 334, 336, 337
Нурсев Р. 303

- О'Хара Д. 49
Овзи Л. 31
Овидий 154, 166
Оден У. 243, 277, 416, 430, 436, 445
Октавиан Август 166
Олби Э. 416
Олеарий А. 321
Оливье 176
Ортанов В. 367
Ортнер Ш. 95
Ортон Д. 171, 416
Орфей 142, 166
Освальд Р. 288
Осипов П. 360, 363
Осирис 122
- Павел II 180
Павел, апостол 171
Павлова В. 484, 498
Павсаний 151
Пазолини П. 289, 290, 416
Пайри Д. 266
Палья К. 420
Пантей 147
Параджанов С. 358
Парен П. 33
Парнок С. 347—350
Патер У. 208, 218
Патрокл 141
Паунд Э. 279
Пауэр Т. 289
Пахомий 177
Пейрефитт Р. 285
Пелопс 140, 142
Пенна С. 416
Перифой 141
Пессоа Ф. 169
Петр I 322
Петр Дамиан 178
Петров С. 262
Пикассо П. 241, 275
Пико делла Мирандола 186
- Пиндар 152
Пинель Ф. 15
Писистрат 148
Платен А. фон 242
Платон 142, 143, 151—154, 160, 184, 219
Плотин 161
Плутарх 146—148, 154, 160, 164
Победоносцев К. 331
Познанский А. 96, 320, 333
Помяловский Н. 325
Понсонби С. 265
Посейдон 140
Престон Д. 475
Пригов Д. 429
Причард Д. 15
Прокопий Кесарийский 175
Пруст М. 217, 227—235, 239, 278, 285, 436, 440
Пуленк Ф. 416
Пушкин А. С. 324, 440
- Ра 121
Радиге Р. 430
Радо Ш. 31
Райверс Л. 49
Раймер Д. 69, 70
Райх В. 30, 34, 44, 255
Рейвен С. 211
Рем Э. 256
Рембо А. 227
Ремер Л. фон 36
Рено М. 274
Речи Д. 478
Риз Д. 303
Рильке Р. 244
Риссе А. 106
Рич А. 486
Ричард I Львиное Сердце 180
Ричардсон 259
Роден О. 447, 448
Розанов В. В. 11, 56, 173, 318

- Роланд 176, 211
Роллан Р. 227
Рорем Н. 400, 416
Росальдо М. 95
Ростропович М. 365, 462
Ротиков К. 3, 326
Рудольф II 180
Рузвельт Э. 268, 279
Румянцев Н. 323
РуПол 461
Руссо Жан-Жак 202, 252
Рюл Д. 273, 484
- Саба У. 416
Саган Л. 288
Сайкаку И. 137
Саймон У. 97
Саймондс Д. А. 211—215, 221
Саквилл-Уэст В. 278
Салаи 187
Сантарелли Д. 187
Сантаяна Д. 416
Сафо (Сапфо) 12, 162, 163, 351, 482
Светоний 168, 169
Своб Д. 60
Себастьян Св. 449
Сейвин-Уильямс Р. 409
Семонид 149
Сенека-старший 165
Сен-Лоран И. 417
Сен-Мегрен де 189
Сен-Павен Д. де 191
Сен-Санс К. 416
Серейский М. 351
Сет 121
Сикст IV 180
Симон Л 203
Сокаридес Ч. 33, 81
Сократ 152, 153, 159
Соловьев В. 331
Соловьева П. 346
Солон 143, 148, 152
- Сомов К. 334, 336, 337, 342
Софокл 152
Спарк М. 268
Спендер С. 243, 364
Спенсер Э. 195
Стайн Г. 275, 278, 364
Стайн Э. 5
Стормс М. 382, 383
Страбон 145
Стрэчи Л. 94, 225, 276
Стюард С. (Фил Андрос) 475
Сулина Е. 270
Сэджвик И. К. 101, 104
- Такахаси М. 138
Такеда Синген 136—137
Тан-Богораз В. 94
Тантал 140
Тардые А. 15
Тарновский В. 22
Тарновский И. 263, 264, 346
Татий 168
Таунсенд Л. 475
Тезей (Тесей) 141
Теккерей У. 209
Теннисон А. 217
Теодор Кентерберийский 174
Тессман Г. 94
Тиберий 168
Тибулл 166
Ткаченко А. А. 91—92
Токлас А. 275
Токугава 138
Толстой Л. Н. 328, 329
Том Финн (Тоуко Ласканен) 460
Тома Г. 451
Торо Г. 219
Трифонов Г. 358
Троубридж Ю. 270
Турнье М. 416, 441
Тэрбервилл Д. 321
Тюренн А. 192

- Уайльд О. 199, 217, 221—224, 225, 233, 236, 239, 278, 456
 Уайт Э. 287, 412, 416, 443
 Уайтхед Х. 95
 Уваров С. 323
 Уильямс Т. 277, 381, 406, 416, 436
 Уинтерсон Д. 488
 Уитмен У. 220, 221
 Уитэм Ф. 378
 Ульрихс К. Г. 12, 16—18, 253
 Уолпол Х. 198
 Уоррен П. 274
 Уорхол Э. 288

 Фалес 156
 Фальк К. 94
 Фасбиндер Р. 289, 291, 416
 Фаусто-Стерлинг А. 67
 Федирид 145
 Федорова М. 346
 Фенихель О. 30
 Феогнид 152, 154
 Феодосий I 174
 Феодосий II 174
 Фергюссон 85
 Фердинанд Арагонский 181
 Ференци Ш. 30
 Филби К. 217
 Филдинг Г. 263
 Филипп IV Красивый 176
 Филипп II Август 180
 Филолай 151
 Философов Д. 342, 344
 Фичино М. 184
 Фландрен Ж.-И. 451, 453
 Флинн Э. 289
 Флисс В. 72
 Флобер Г. 227
 Форберг Ф. 261
 Форман М. 300
 Форстер Э. 216, 225, 226, 276, 364
 Фосс П.-К. 244, 307
 Франк А. 388
 Фрейд З. 23—29, 30, 31, 32, 35, 56, 99, 160, 206, 246, 326, 439, 442, 448, 461
 Фридкин У. 289
 Фридлиндер Б. 107
 Фридман Р. 34—35
 Фридрих Вильгельм I 198
 Фридрих II Гогенштауфен 198
 Фридрих II Прусский 180, 201
 Фрич В. фон 257
 Фрэнк Б. 310
 Фуко М. 99, 100, 280, 303, 416, 486
 Фэдерман Л. 265

 Хадсон Р. 289
 Хаммурапи 121
 Харитонов Е. 50, 364, 428, 429
 Хармид 153
 Харри Д. 379, 462
 Хеймер Д. 63—64
 Хердт Г. 113
 Херек Г. М. 282
 Херрел 85
 Хиршфельд М. 18—19, 36, 44, 94, 225, 244, 288, 469
 Хойзер К. 249, 250
 Холл Рэдклифф М. 270, 271, 273
 Хукер Э. 75—77, 297
 Хэй Г. 195, 294, 295, 318

 Цвейг С. 244, 246
 Цветаева М. 347—350, 497
 Цезарь Гай Юлий 165, 168
 Церетели Г. 149
 Цицерон Марк Туллий 163, 165

- Чайковский М. 332
Чайковский П. 332—335, 438, 504
Чарская Л. 268, 346
Челлини Б. 184, 185
Черникова Е. 489
Черносвитов Е. 13, 92
Чернышевский Н. 328
Черчилль С. (герцогиня Мальборо) 265
Чехов А. 346
Чивер Д. 426
Чикаго Д. 489
Чичерин Г. 355
- Шаргородский М. 360, 363
Шарко Ж. М. 20
Шаталов А. 364
Шевченко Ю. Л. 90
Шекспир У. 112, 196, 197, 200
Шелли П. Б. 208
Шенин А. 324, 325
Шива 123
Шиллер Ф. 206, 244
Шимановский К. 416
Ширах Б. фон 257
Шлегель Фридрих фон 207
Шлезингер Д. 289
Шлезингер Л. («доктор Лора») 308
Шлейермахер Ф. фон 207
Штарке К. 44, 391, 406
Штауфенберг К. фон 245
Штеллер Г. 116
Штернберг Л. 94
- Штиллер М. 288
Шувалов А. В. 92
Шульман С. 488
Шурц Г. 107
- Эвридика 142
Эдельфельд И. 375
Эдип 142
Элстон Д. 204, 417
Эдуард I 181
Эдуард II 180, 195
Эйленбург А. фон 225
Эллис Х. 21, 22, 93, 218, 231, 267
Эмерсон У. 219
Энгельс Ф. 152, 254
Энгельштейн Л. 22, 96, 320
Энкиду 121
Эразм Роттердамский 184
Эскироль Ж. Э. Д. 15
Эсхил 141, 152
Этьен де Фужер 179
Эхо 142
- Ювенал 167
Юдал Н. 193
Юлий II 180
Юлий III 180
Юнг К. Г. 29—30
Юркунас И. (Юркун) 336
Юрсенар М. 169, 274
Юстиниан 175
- Яков I 180, 193, 195
Янсен В. 245

Предметный указатель

Американская психиатрическая ассоциация (АПА) 83—84

Американские индейцы 93

Анальный секс 10, 122, 472

Андрогиния 20, 65, 444, 459

Андрофилия 462

Анонимный секс 80, 419

Антропология (этнография) гомосексуальности 93—97

Арабский мир 128—131

Артхашастра 122

Ассирия 106, 121

Атлетизм и гомоэротика 156

«Аутинг» 306

Аутоэротизм 306—308

Бердаши (бердачи) 117

Библия о гомосексуальности — Ветхий Завет, Новый Завет 124, 127, 170

Биомедицинская парадигма 71

Бисексуальность 12, 20

Близнецовые исследования 43, 69

Блумсбери кружок 225, 226

«Бойлаверы» 315, 462

«Буч» и «фем» 277, 490—493

Вавилон 106

Великобритания — Средние века, эпоха Возрождения, XVII—XVIII века, викторианская Англия, гомосексуальность в школах, кружок Блумсбери, комитет Волфендена, современное положение гомосексуалов 21, 181, 189, 195, 203

Византия

Викторианская мораль 214—215

Виртуальный секс 481

Возраст согласия 427

Возрастные предпочтения 426

Возрождение (Ренессанс) 182, 184—189

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) 78

Выход из чулана («каминг аут») 400

«Геевская чувствительность» 250, 416

Геи и женщины 260, 307, 436

- Гей 3, 7, 13, 32, 304
Гей-прайд 307
Ген гомосексуальности 60—64
Гендер 65, 66
Гендерная дисфория 67, 71
Гендерная идентичность 67
Гендерная неконформность 71, 86
Гендерная сегрегация 65, 110
Гендерной идентичности расстройство 69
Гендерные исследования 3, 7, 64
Гендерный дисплей 67
Генетика гомосексуальности 63
Германия — Средние века, эпоха Возрождения, XVII—XVIII вв., гомосексуальные скандалы начала XX в., Веймарская республика, фашизм, современное положение 16, 18—20, 34, 224, 242
Гермафродитизм 15, 21, 118
Гетеросексизм 282, 314
Гетеросексуальность 29, 318
Гетероцентризм 283
Гиперсексуальность 12
Гиперсексуальность подростковая 211
«Голубые» 11, 303, 319
Гомосексуалы как родители 431
Гомосексуальная личность 413
Гомосексуальная субкультура 13
Гомосексуальности теории: ранняя сексология, биолого-эволюционная, генетическая, гормональная, нейроэндокринная, психоаналитическая, социологические, ЭСЭ 60, 61, 84, 98
Гомосексуальность в монастырях 132, 136, 177—180, 267, 321
Гомосексуальность и образование 159, 245
Гомосексуальность и педофилия 246
Гомосексуальность и психопатология 246
Гомосексуальность и художественное творчество 155, 156, 223
Гомосексуальность институционализированная 90
Гомосексуальность как болезнь 74, 75
Гомосексуальность как грех 200
Гомосексуальность как инверсия 90
Гомосексуальность латентная 116
Гомосексуальность — телесные признаки 115
Гомосексуальность у животных — общая распространенность, специфические функции, у приматов 51—55
Гомосексуальный альтруизм 56
Гомосоциальность 90, 112
Гемофилия 46, 297
Гомофобия 205, 282
Гомоэротизм 24, 46, 166
Гомоэротические критерии привлекательности 167
Гормоны 59

- Гражданские права геев и лесбиянок 283, 293
 «Греческая любовь» 140—142, 208
- Декриминализация гомосексуальности 18, 331
- Демографические свойства геев и лесбиянок 374—376
- Депатологизация гомосексуальности 410
- Депрессия 410
- Детская сексуальность 25, 376
- Диагноз гомосексуальности 12
- Дискриминация 4
- Древние американские цивилизации 103, 138
- Древний Египет 121
- Древний Рим — особенности сексуально-эротической культуры, отношение к «греческой любви», бытовая гомосексуальность, гомозротизм в литературе, изобразительное искусство, Светоний 11, 96, 163
- Древняя Греция — архаический период, Платон о происхождении педерастии, инициальные элементы, педагогический эрос, различия полисов — Фивы, Спарта, Афины, нормы поведения мальчиков, любовная лирика, изобразительное искусство, эротические вазы, бытовая гомозротика, эпоха эллинизма, лесбийская любовь 96, 148, 156
- Дружба романтическая 150, 264
- Европа — Средние века, эпоха Возрождения, эпоха Просвещения, XIX—XX вв. 196
- Жаргон гомосексуальный 13
- Женская однополая любовь в художественной литературе — Англия, Франция, Германия, США, Россия 345—350
- Законодательство антигомосексуальное 283
- Идентификация 381
- Идентичность сексуальная 375
- Израиль 124
- «Иконы» гомосексуальные 292, 455
- ИЛГА (ILGA) 296, 299, 308, 315
- Индия — индуизм и гомосексуальность, хиджры 122
- Инициации 400
- Иран 129
- Испания 110, 182
- Исследования лесбигеевские 101
- История гомосексуальности 55
- Италия — Средние века, эпоха Возрождения 14, 21, 110, 182
- Камасутра 123
- «Квир» 13
- Квир-теория 8, 100—103
- Китай — средневековый, новое время, современный 131
- Коекчучи 116

- Конструктивизм 97
«Королевы» 307, 460
Кросс-культурные исследования 95
Культовая проституция 200
Культура сексуальная 156
- Левшество и гомосексуальность 164
Лесбиянство — история, психосексуальные особенности, буч и фем, лесбийские пары, лесбиянки как матери, сексуальные практики 95, 162, 347
Лечение гомосексуальности 22
Либертинизм 190
- Мазохизм 33, 217, 457
Маккартизм 317
Мальчик — как социальный конструкт, как эротический объект, как субъект гомосексуальных отношений 9, 129, 151, 160, 220, 229
Маскулинность и фемининность 65, 112, 271, 379
Мастурбация 5, 39, 54, 470
Матташин (Маттачин) Обшество 294
Мачизм 458
МКБ-10 (Международная классификация болезней) 78, 90
Меланезия 113
Меньшинства сексуальные 281
Месопотамия 120
Мехинаку 109
«Молли» 197
- Мужеложство 10, 128, 171
Мужская однополая любовь в художественной литературе — Англия, Франция, Германия, США, Россия 98, 129, 134, 145, 196, 242
Мужские союзы и тайные общества 30, 82, 107, 145
Мужское тело как эротический объект 145, 445
- Нарциссизм 25, 142, 241, 300
Насилие гомосексуальное 142
«Натуралы» 384
Невротизм 30
Новая Гвинея 108, 113
Норма сексуальная 78
- Общественное мнение и гомосексуальность 85
Однополая любовь (психологические особенности) 19, 23, 301, 314, 424
Однополые браки — правовые нормы, бытовые и психологические проблемы 311—313, 422, 423
Опросы сексологические — Кинзи, американский национальный опрос, британский национальный опрос, финляндский национальный опрос, французский национальный опрос, шведский национальный опрос; методологические проблемы 31—35, 40—47, 78, 79, 96, 105, 363

- Оральный секс 10, 39, 471
Осеменение мальчиков 113, 146
Отношение к гомосексуальности — история, современные установки 40, 41, 159
- Педерастия 9
Педофилия 316, 464
Пенис 28
Пол 36, 64, 66
Половое созревание 386—388
Половой диморфизм 68
Порнография гомосексуальная 459
Порядок рождения и гомосексуальность 61
Православная церковь и гомосексуальность 173, 327
Практики гомосексуальные — мастурбация, оральный секс, анальный секс, связывание и дисциплина, виртуальный секс 39, 53, 472, 475, 481
Прегомосексуальный ребенок 377
Пренатальное развитие 88
Проституция гомосексуальная 126
Псевдогомосексуальность 117
Психоанализ 15
- Ревность гомосексуальная 268
Религия и однополая любовь: иудаизм, христианство, православие, ислам, буддизм, синтоизм 367
Российская психиатрия — отношение к гомосексуальности 88, 331
- Россия — отношение к однополой любви в традиционной народной культуре, православие и гомосексуальность, дореволюционное законодательство, однополая любовь в литературе и искусстве, Толстой, Серебряный век, Кузмин, Дягилев, Цветаева и Парнок, Советская власть и гомосексуальность, 121 статья УК РСФСР, современное положение 21, 22, 45—47, 56, 88, 320, 326, 330, 332—345
- Садомазохизм 307, 475
Самоубийства гомосексуалов 85
«Связывание и дисциплина» 409, 475
Сексология 14
Сексуальная ориентация 5, 29, 58
Сексуальное влечение 5, 41
Сексуальное воображение 389, 390, 440
Сексуальное здоровье 79, 80
Сексуальное насилие 80, 142
Сексуальное поведение 5, 40, 50
Сексуальное предпочтение 5
Сексуальность 50, 64, 70
Сексуальность и репродукция 50
Сексуальные игры 390—396
Сексуальные права 80
Сексуальный символизм 144
Сексуальный сценарий 97
Семейные факторы гомосексуальности 380—384

- Смена пола 48
Содом и Гоморра 171, 234
Содомия 9, 10, 15, 180—184, 199, 200, 320
Социобиология 55
Социология гомосексуальности 83, 84
СПИД и гомосексуальность 45, 300, 302—305
Старение 434
Статья 121 УК РСФСР 352—355
Стереотипы и предубеждения 379
Стиль жизни 6, 49
Стоунволл 498
Строение мозга 60
- Терапия: аверсивная, восстановительная, гормональная, утверждающая 83
«Тетки» 340
Трансвестизм и переодевание 20, 263
Трансексуальность 53, 59, 68
Трансгендеризм 263
«Третий пол» 95, 123
Трибадизм 11
Туалетный секс 420
- «Уранизм» 12
- Фаллический культ 260, 359, 454
Фаллос 260
Фантазии гомосексуальные 440
- Фашизм и гомосексуальность 245, 254
Фелляция 471, 473
Феминизм 483
Фемининность 488
Франция — Средние века, эпоха Возрождения, XVII—XVIII вв., просветители, кодекс Наполеона, XIX в., Пруст, Жид, Кокто, современное положение 20, 189, 203, 226, 236, 241
- Хиджры 123
- Член половой 157
- Шкала Кинзи 36, 44, 47, 77, 106
Шкала Клайна 5
Школьные романы 205, 210, 268, 324—326
- Эволюционная биология 56
Эго-дистония 77, 78
Эдипов комплекс 25
Эйджизм 434
Экзотическое становится эротическим (ЭСЭ) 384
Эндокринология гомосексуальности 58
Эпистемология чулана 100, 104
Эротика гомосексуальная 387
Эссенциализм 465
Эфебофилия 151, 464

Содержание

Предисловие ко второму изданию	3
--------------------------------------	---

Часть I

В ЛАБИРИНТАХ ПОЗНАНИЯ

1-1. От ответов к вопросам	
Слова, слова, слова... ..	9
От теологии к сексологии	14
1-2. Влечения и комплексы	
Теория Фрейда	23
Эволюция психоанализа	29
1-3. От анамнеза к анкете	
Альфред Кинзи	36
Современные массовые опросы	40
Вопросы теории и методологии. Проблема бисексуальности	47
1-4. Гены, гормоны и мозг	
Гомосексуальное поведение у животных	51
Гомосексуальность в свете эволюционной биологии	55
Эндокринология и нейрофизиология	58
В поисках гена гомосексуальности	60
Пол, гендер и сексуальность	65
1-5. Диагноз судьбы и судьба диагноза	
Лечить или не лечить?	74
Отмена диагноза	77
Гомосексуальность и психическое здоровье	84
Особое мнение российской психиатрии	88

1-6. От текста к контексту	
От биологии к наукам о человеке	93
Социальный конструктивизм	97
Квир-теория	100

Часть 2

СКВОЗЬ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

2.1. Однополая любовь как феномен культуры	
Этнография однополых отношений	105
Гомосоциальность и гомоэротизм	106
Гомосексуальность в мужских инициациях	112
Люди «третьего пола»	116
2-2. По странам и континентам	
Передний Восток	120
Индия	122
Древний Израиль	124
Исламский мир	128
Китай	131
Япония	135
Американские цивилизации	138
2-3. «Греческая любовь»	
Боги и герои	140
Происхождение древнегреческой педерастии	142
Мужская любовь в классической Греции	148
Гомоэротизм в изобразительном искусстве	155
Педагогический эрос или сексуальное использование?	158
Лесбийская любовь	161
Однополая любовь в Древнем Риме	163
Гомоэротизм в римской литературе	165
2-4. Христианская Европа	
Содомский грех	170
Однополая любовь в среде рыцарей	175
Монастыри	177
Гонения на содомитов	180
«Красивый порок»	184
Короли и фавориты	189
Гомоэротика в английской литературе. Шекспир	195
Молли и либертины	197

2-5. «Любовь, не смеющая назвать себя»

Секуляризация содомии	199
Однополая любовь и философия Просвещения	200
От феодального права к буржуазному	202
Байрон	204
Равенство прав и гомофобия	205
Любовь или дружба?	206
Эллинизация однополый любви	207
Привилегированные школы	209
Джон Аддингтон Саймондс	211
Эстетизм и проза жизни	215
Медикализация однополый любви	217
От Эмерсона до Уитмена	219
Процесс Уайльда	221
Гомосексуальные скандалы в Германии	224
Кружок Блумсбери	225
Однополая любовь во французской литературе	226
Марсель Пруст	228
Андре Жид	235
Жан Кокто	240
Гомосексуальная культура в Германии	242
Томас Манн	247
Фашистский геноцид	253

2-6. Вдвойне невидимые

2-7. Все цвета радуги

Прекращение уголовного преследования	280
Гомофобия и гетеросексизм	282
Из подполья в культуру	285
Гомосексуальная тема в кино	288
Гомофильское движение в США	292
Стоунволл и радикализация гомофильского движения	297
Сексуальная революция и контркультура	299
СПИД и его социальные последствия	302
Борьба за гражданское равноправие	306
Обособление или интеграция?	314

2-8. В родных пенатах

Церковное право и народная культура	320
Великосветская жизнь и школьные приключения	323
Гомоэротизм в русской литературе	326
Криминализация и медикализация	330
П. И. Чайковский	332

Михаил Кузмин и друзья Гафиза	334
Сергей Дягилев	341
Зинаида Гиппиус	344
Лесбийская любовь	345
Цветаева и Парнок	347
Под сенью УК РСФСР	350
Отмена статьи 121	359
Состояние общественного сознания	362
Общественно-политическая активность геев и лесбиянок	367

Часть 3

Я И ДРУГИЕ

3-1. В поисках себя

Как я стал таким?	374
Чувство непохожести	376
Родители и сверстники	380
«Экзотическое становится эротическим»	384
Половое созревание и образ Я	386
Сексуальные игры	390
Гомоэротические дружбы и влюбленности	396
Первый сексуальный опыт — соращение или осуществленная мечта?	398
Стать самим собой	400
Мужские и женские траектории развития	404
Кому мне открыться сегодня?	405
Подростковые самоубийства	408

3-2. Групповой портрет без интерьера

Социально-демографический профиль	412
Психологический профиль	413
Геевская чувствительность	416
Сексуальный профиль	418
Однополые пары	422
Разновозрастные пары	426
«Голубые» родители	431
Старение	433
Геи и женщины	436

3-3. «Голубая» эротика

Гомоэротическое воображение	439
Психологические особенности мужской однополый любви ...	440

Гомосексуальный взгляд и поэтика мужского тела	444
Художник и его произведение	445
Критерии сексуальной привлекательности	452
Култ пениса	454
«Иконы» гомосексуального воображения	455
Андрогины и имперсонаторы	459
Андрофилы и бойлаверы	462
Гомосексуальные практики	468
Мастурбация и партнерский секс	470
Оральный секс — фелляция	471
Анальный секс	472
Связывание и дисциплина	475
Виртуальный секс	481
3-4. Наследницы Сафо	482
Будущее однополрой любви	500
Библиография	506
Именной указатель	555
Предметный указатель	566

Научно-популярное издание

Игорь Семенович Кон

ЛИКИ И МАСКИ ОДНОПОЛОЙ ЛЮБВИ. ЛУННЫЙ СВЕТ НА ЗАРЕ

Редактор *И. А. Савинова*

Технический редактор *Н. В. Сидорова*

Корректор *И. И. Попова*

ООО «Издательство «Олимп»

129085, Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

E-mail: olimpus@dol.ru

ООО «Издательство АСТ»

368085, Республика Дагестан, Каякентский р-н,

с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах – интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Синди Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Беатрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандара Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- ♦ м. Перово, ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- ♦ м. Алексеевская, Звездный б-р, 21 стр. 1, тел. 232-19-05
- ♦ м. Павелецкая, ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ♦ м. Маяковская, ул. Каретный ряд, 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- ♦ м. Паризино, ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ♦ м. Таганская, м. Марксистская, Б. Факельный пер. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- ♦ м. Кузьминки, Волгоградский пр-д. 132, тел. 172-18-97
- ♦ ТК Крокус-Сити, 65-66 км МКАД, тел. 754-94-25
- ♦ м. Сокольники, м. Преображенская площадь, ул. Стромыжка, д. 14/1, тел. 268-1455
- ♦ м. Варшавская, Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-9089
- ♦ Зеленоград, кор. 360 3 мкрн, тел. 536-16-46
- ♦ ТК «Твой дом», 24 км. Каширского шоссе «Книги на Каширке»

Регионы

- ♦ г. Архангельск, 103 квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182)-65-44-26
- ♦ г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, д. 132а, (0722) 31-48-39
- ♦ г. Калининград, пл. Калининград. 17-21, тел. (0112)-44-10-95
- ♦ г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- ♦ Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1, Волжская наб. 107
- ♦ г. Оренбург, ул. Туркестанская, 23, тел. (3532)-41-18-05
- ♦ г. Череповец, Советский пр-т, д. 88А, тел. (8202) 53-61-22
- ♦ г. Н. Новгород, пл. Горького д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- ♦ г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38А, тел. (0732)-13-02-44
- ♦ г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462)-56-49-92
- ♦ г. Ростов-на-Дону, проспект Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- ♦ г. Новороссийск, сквер Чайковского
- ♦ г. Орел, Московское ш., д. 17
- ♦ г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1, 7 этаж. Тел. (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Можно ли гомосексуальность считать болезнью?

История и этнография однополых отношений у народов мира, психологические особенности однополый любви и эротики, проблемы однополых браков. История и положение инаколюбящих в современной России.

Эти и многие другие темы, касающиеся нетрадиционных сексуальных отношений, затрагивает в своей новой книге «Лики и маски однополый любви. Лунный свет на заре»

Игорь Кон, психолог и социолог, известный во всем мире автор многочисленных трудов в области наук о человеке и обществе.

ISBN 5-17-015194-2

9 785170 151943